

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ + БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

ДАНТЕ
АЛИГЬЕРИ
+
БОЖЕСТВЕННАЯ
КОМЕДИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

DANTE
ALIGHIERI

LA DIVINA
COMMEDIA

ДАНТЕ
АЛИГЬЕРИ
✦
БОЖЕСТВЕННАЯ
КОМЕДИЯ

ПЕРЕВОД
М. ЛОЗИНСКОГО

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
И. Н. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1967

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академики: *Н. И. Конрад* (председатель),
М. П. Алексеев, *В. В. Виноградов*, *В. М. Жирмунский*, *С. Д. Сказкин*;
члены-корреспонденты АН СССР: *Д. Д. Благой*, *Д. С. Лихачев*, *А. М. Самсонов*;
член-корреспондент АН Таджикской ССР *И. С. Брагинский*;
доктора филологических наук: *А. А. Елистратова*, *Ю. Г. Оксман*;
доктор исторических наук *С. Л. Утченко*;
кандидат филологических наук *Н. И. Балашов*;
кандидат исторических наук *Д. В. Ознобишин* (ученый секретарь)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

М. П. АЛЕКСЕЕВ, *И. Н. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ*

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящем издании мы помещаем поэму Данте в лучшем из всех существующих русских переводов — переводе Михаила Лозинского.

Полные переводы «Божественной Комедии» на русский язык начали появляться в России с середины прошлого века. Первое переложение «Ада» было сделано в прозе Е. В. Кологривовой, писавшей под псевдонимом Ф. Фан-Дим, в 1842 г. Также прозой (ритмической) перевел всю поэму Горбов (1898). Терцинами и пятистопным ямбом, соответствующим итальянскому *endecasillabo*, были сделаны переводы Д. Мина (1855, 1902—1906) и Н. Голованова (1899—1902). Мин и Голованов знали итальянский язык; мы отмечаем это потому, что в начале XX в. появились переводы не с оригинала, а с французского, например, получивший большое распространение довольно «гладкий» перевод О. Чюминой.

Наиболее долголетним из всех упомянутых переводов оказался перевод профессора Медицинской академии Д. Мина, в полном виде изданный посмертно. В нем встречаются, хотя и не слишком часто, удачно переведенные терцины. Перевод Мина бесчисленное количество раз перепечатавали в разных учебных пособиях и хрестоматиях, и до конца 30-х годов он оставался главным источником для ознакомления русского читателя с произведением великого итальянского поэта.

Между тем разительное несоответствие уровня переводов Данте уровню русской поэтической культуры ощущалось уже в начале XX в. В конце 1904 г. В. Я. Брюсов получил от издательства Брокгауза и Эфрона предложение принять участие в новом издании «Божественной Комедии». Брюсов с радостью согласился сначала на перевод «Ада», а затем всей поэмы. К сожалению, начатые им труды не завершились; в бумагах Брюсова сохранился лишь перевод первой песни «Ада», опубликованный впервые в 1955 г.

В 1932 г. А. М. Горький, принимавший участие в работе издательства «Academia», счел необходимым заказать новый перевод «Божественной Комедии». Однако до М. Л. Лозинского никто не решался принять это сложное и трудное задание. Более десяти лет продолжалась напряженная работа Лозинского над текстом Данте — работа, которую поистине следует назвать подвигом. Одаренный поэт, человек высокой культуры, искушенный мастер поэтического перевода, он тем не менее осознавал всю трудность воссоздания «русского Данте». Лозинский писал: «По грандиозности замысла, по архитектурной стройности его воплощений, по многообразию и разительности образов, по страстной силе своего реализма поэма Данте не знает себе равных среди европейских литератур»¹. В архиве Лозин-

¹ «Литературный современник». Л., 1938, № 3, стр. 96—98.

ского² сохранилось множество выписок, свидетельствующих о тщательнейшей подготовке переводчика. Он изучил разные случаи enjambements, рифмы итальянского оригинала, фонетику дантова стиха. В русских стихах он стремился сохранить максимальное разнообразие рифм в пределах одной и той же песни и определенную закономерность в чередовании звуков, свойственные оригиналу. Уясняя объем значения слов в поэме, Лозинский пытался находить их соотношения с русской лексикой. Весьма интересны его этюды о том, как следует переводить такие многосмысленные итальянские слова, как *virtuoso* и *animo*. Лозинский, по его собственным словам, «научился мыслить терцинами». Само завершение его огромного труда объясняется непоколебимым убеждением переводчика в том, «что для русской речи и для русского стиха препятствий не существует»³. Если у лучшего переводчика XIX в. Д. Мина поэтический язык был как бы на одном уровне, стиль Лозинского многообразен, отражает лексическое разнообразие самого Данте. Просторечие, высокий торжественный стиль, повседневная фразеология, — все богатство русского языка Лозинский использовал для того, чтобы найти выразительность, соответствующую силе дантова стиха. Он понял высокую риторику автора «Комедии», чьи ритмы и рифмы то резки и жестки, то сладостны и нежны. Лозинский не упрощает синтаксиса Данте, не боится сложности его построений и в той степени, в какой возможно, передает ее в структуре другого языка. Как единодушно отмечала критика, труд Лозинского явился как бы вторым рождением оригинала, воссозданного средствами русского языка. Конечно, в переводе поэмы, насчитывающей 14 233 стиха (99 542 слова), не могут не быть менее удачные места (особенно во второй и третьей частях), однако они редки и следует удивляться замечательной точности передачи итальянского текста.

«Ад» в переводе Лозинского появился в 1939 г. Война застала переводчика в самом разгаре его трудов. Несмотря на блокаду Ленинграда, в непомерно тяжелых условиях осажденного города, Михаил Леонидович продолжал свою работу. Ему удалось сохранить рукопись незавершенных переводов и все подготовительные материалы. В 1944 г. в Москве вышло «Чистилище», а в 1945 г., в год победы, — «Рай». Нельзя не отметить того удивительного обстоятельства, что во время войны, когда страна испытывала нужду в бумаге и не было достаточно типографских рабочих, все же нашлись силы и средства, чтобы издать бессмертное творение великого итальянского поэта. Это — неоспоримое свидетельство большого значения поэмы Данте для советской культуры. В 1946 г. перевод Лозинского был удостоен Государственной премии первой степени. Мы уверены в том, что ему суждена еще долгая жизнь.

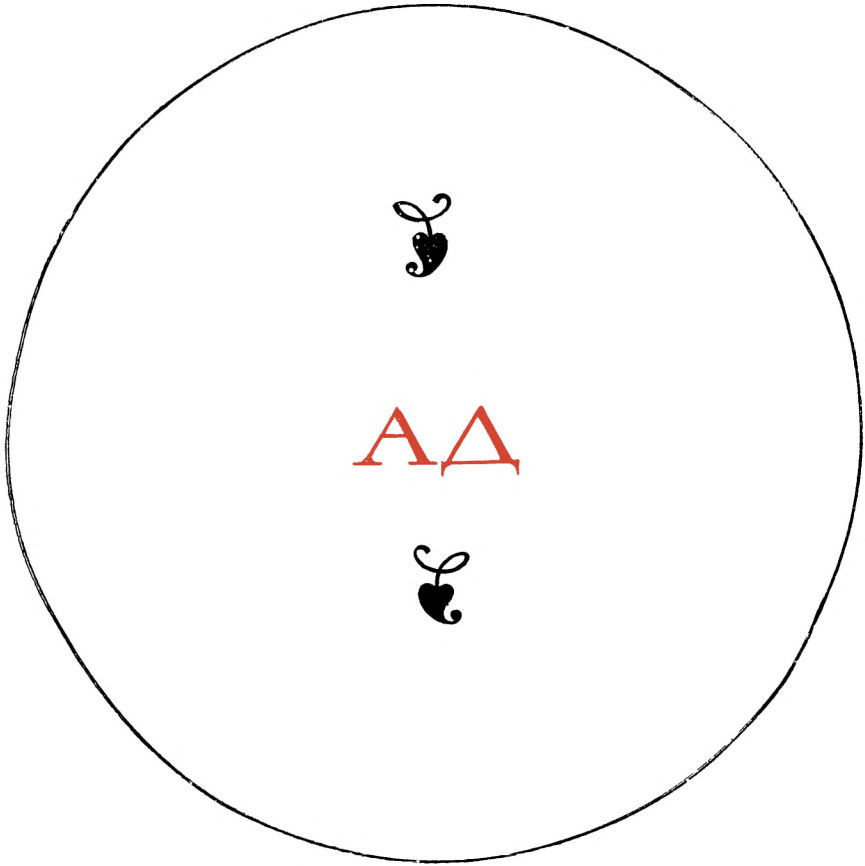
² См. Эткннд Е. Архив переводчика. (Из творческой лаборатории М. Л. Лозинского). — Сб. «Мастерство перевода», М., 1959, стр. 394—403.

³ Выступление в Союзе советских писателей 12 февраля 1946 г.

Данте

Фрагмент фрески работы Джотто

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

З

емную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу, 4
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!
Так горек он, что смерть едва ль не слаще. 7
Но, благо в нем обретши навсегда,
Скажу про всё, что видел в этой чаще.
Не помню сам, как я вошел туда, 10
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.
Но, к холмному приблизившись подножью, 13
Которым замыкался этот дол,
Мне сжавший сердце ужасом и дрожью,

16 Я увидел, едва глаза возвел,
Что свет планеты, всюду путеводной,
Уже на плечи горные сошел.

19 Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа,
Измученная ночью безысходной.

22 И словно тот, кто, тяжело дыша,
На берег выйдя из пучины пенной,
Глядит назад, где волны бьют, страша,

25 Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.

28 Когда я телу дал передохнуть,
Я вверх пошел, и мне была опора
В стопе, давившей на земную грудь.

31 И вот, внизу крутого косогора,—
Проворная и вьющаяся рысь,
Вся в ярких пятнах пестрого узора.

34 Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на кругизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись.

37 Был ранний час, и солнце в тверди ясной
Сопровождали те же звезды вновь,
Что в первый раз, когда их сонм прекрасный

40 Божественная двинула Любовь.
Доверясь часу и поре счастливой,
Уже не так сжималась в сердце кровь

43 При виде зверя с шерстью прихотливой;
Но, ужасом опять его стесня,
Навстречу вышел лев с подъятой гривой.

46 Он наступал как будто на меня,
От голода рыча освирепело
И самый воздух страхом цепеня.

49 И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
Немало душ из-за нее скорбело.

- Меня сковал такой тяжелый гнет 52
 Перед ее стремящим ужас взглядом,
 Что я утратил чаянье высот.
- И как скупец, копивший клад за кладом, 55
 Когда приблизится пора утрат,
 Скорбит и плачет по былым отрадам,
 Так был и я смятением объят, 58
 За шагом шаг волчицей неумной
 Туда теснимый, где лучи молчат.
- Пока к долине я свергался темной, 61
 Какой-то муж явился предо мной,
 От долгого безмолвья словно томный.
- Его узрев среди пустыни той, 64
 «Спаси,— воззвал я голосом унылым,—
 Будь призрак ты, будь человек живой!»
- Он отвечал: «Не человек; я был им; 67
 Я от ломбардцев низвожу мой род,
 И Мантуя была их краем милым.
- Рожден sub Julio *, хоть в поздний год, 70
 Я в Риме жил под Августовой сенью,
 Когда еще кумиры чтил народ.
- Я был поэт и вверил песнопенью, 73
 Как сын Анхиза отплыл на закат
 От гордой Трои, преданной сожженью.
- Но что же к муке ты спешишь назад? 76
 Что не восходишь к выси озаренной,
 Началу и причине всех отрад?»
- «Так ты Вергилий, ты родник бездонный, 79
 Откуда песни миру потекли? —
 Ответил я, склоняя лик смущенный.—
- О честь и светоч всех певцов земли, 82
 Уважь любовь и труд неутомимый,
 Что в свиток твой мне вникнуть помогли!

* При Юлии [Цезаре] (лат.).

85 Ты, мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде перевозносимый.

88 Смотри, как этот зверь меня стеснил!
О вещей муж, приди мне на подмогу,
Я трепещу до сокровенных жил!»

91 «Ты должен выбрать новую дорогу,—
Он отвечал мне, увидав мой страх,—
И к дикому не возвращаться логу;

94 Волчица, от которой ты в слезах,
Всех восходящих гонит, утесняя,
И убивает на своих путях;

97 Она такая лютая и злая,
Что ненасытно будет голодна,
Вслед за едой еще сильнее алкая.

100 Со всяческою тварью случена,
Она премногих соблазнит, но славный
Нагрянет Пес, и кончится она.

103 Не прах земной и не металл двусплавный,
А честь, любовь и мудрость он вкусит,
Меж войлоком и войлоком державный.

106 Италии он будет верный щит,
Той, для которой умерла Камилла,
И Эвриал, и Турн, и Нис убит.

109 Свой бег волчица где бы ни стремилась,
Ее, нагнав, он заточит в Аду,
Откуда зависть хищницу взманила.

112 И я тебе скажу в свою череду:
Иди за мной, и в вечные селенья
Из этих мест тебя я приведу,

115 И ты услышишь вопли исступленья
И древних духов, бедствующих там,
О новой смерти тщетные моленья;

118 Потом увидишь тех, кто чужд скорбям
Среди огня, в надежде приобщиться
Когда-нибудь к блаженным племенам.

-
- Но если выше ты захочешь взвиться,
Тебя душа достойнейшая ждет: 121
С ней ты пойдешь, а мы должны проститься;
Царь горних высей, возбраня вход 124
В свой город мне, врагу его устава,
Тех не впускает, кто со мной идет.
Он всюду царь, но там его держава; 127
Там град его, и там его престол;
Блажен, кому открыта эта слава!»
«О мой поэт,— ему я речь повел,— 130
Молю Творцом, чьей правды ты не ведал:
Чтоб я от зла и гибели ушел,
Яви мне путь, о коем ты поведал, 133
Дай врат Петровых мне увидеть свет
И тех, кто душу вечной муке предал». 136
Он двинулся, и я ему вослед.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

4 ень уходил, и неба воздух темный
 Земные твари уводил ко сну
 От их трудов; лишь я один, бездомный,
 Приготовлялся выдержать войну
 И с тягостным путем, и с состраданьем,
 Которую неложно вспомяну.
7 О Музы, к вам я обращаюсь с воззваньем!
 О благородный разум, гений свой
 Запечатлей моим повествованьем!
10 Я начал так: «Поэт, вожатый мой,
 Достаточно ли мощный я свершитель,
 Чтобы меня на подвиг звать такой?
13 Ты говоришь, что Сильвиев родитель,
 Еще плотских не отрешась оков,
 Сходил живым в бессмертную обитель.
16 Но если поборатель всех грехов
 К нему был благ, то, рассудив о славе
 Его судеб, и кто он, и каков,
19 Его почеть достойным всякий вправе:
 Он, избран в небе света и добра,
 Стал предком Риму и его державе,
22 А тот и та, когда пришла пора,
 Святой престол воздвигли в мире этом
 Преемнику верховного Петра.
25 Он на своем пути, тобой воспетом,
 Был вдохновен свершить победный труд,
 И папский посох ныне правит светом.
28 Там, вслед за ним, Избранный был Сосуд,
 Дабы другие укрепились в вере,
 Которую к спасению идут.
31 А я? На чем я оснуюсь примере?
 Я не апостол Павел, не Эней,
 Я не достоин ни в малейшей мере.

- И если я сойду в страну теней, 34
Боюсь, безумен буду я, не боле.
Ты мудр; ты видишь это всё ясней».
- И словно тот, кто чужд недавней воле 37
И, передумав в тайной глубине,
Бросает то, что замышлял дотоле,
Таков был я на темной крутизне, 40
И мысль, меня прельстившую сначала,
Я, поразмыслив, истребил во мне.
- «Когда правдиво речь твоя звучала, 43
Ты дал смутиться духу своему,—
Возвышенная тень мне отвечала.—
Нельзя, чтоб страх повелевал уму; 46
Иначе мы отходим от свершений,
Как зверь, когда мерещится ему.
Чтоб разрешить тебя от опасений, 49
Скажу тебе, как я узнал о том,
Что ты моих достоин сожалений.
- Из сонма тех, кто меж добром и злом, 52
Я женщиной был призван столь прекрасной,
Что обязался ей служить во всем.
- Был взор ее звезде подобен ясной; 55
Ее рассказ струился, не спеша,
Как ангельские речи сладкогласный:
- „О мантуанца чистая душа, 58
Чья слава целый мир объемлет кругом
И не исчезнет, вечно в нем дыша,
Мой друг, который счастьем не был другом, 61
В пустыне горной верный путь обрести
Отчаялся и оттеснен испугом.
- Такую в небе слышала я весть; 64
Боюсь, не поздно ль я помочь готова,
И бедствия он мог не перенести.
- Иди к нему и, красотою слова 67
И всем, чем только можно, пособя,
Спаси его, и я утешусь снова.

- 70 Я Беатриче, та, кто шлет тебя;
Меня сюда из милого мне края
Свела любовь; я говорю любя.
- 73 Тебя не раз, хваля и величая,
Пред господом мой голос назовет“.
Я начал так, умолкшей отвечая:
- 76 „Единственная ты, кем смертный род
Возвышенной, чем всякое творенье,
Вмещаемое в малый небосвод,
- 79 Тебе служить — такое утешенье,
Что я, свершив, заслуги не приму;
Мне нужно лишь узнать твое веленье.
- 82 Но как без страха сходишь ты во тьму
Земного недр, алча вновь подняться
К высокому простору твоему?“
- 85 „Когда ты хочешь в точности дознаться,
Тебе скажу я, — был ее ответ, —
Зачем сюда не страшно мне спускаться.
- 88 Бояться должно лишь того, в чем вред
Для ближнего таится сокровенный;
Иного, что страшило бы, и нет.
- 91 Меня такую создал царь вселенной,
Что вашей мукой я не смущена
И в это пламя нисхожу нетленной.
- 94 Есть в небе благодатная жена;
Скорбя о том, кто страждет так сурово,
Судью склонила к милости она.
- 97 Потом к Лючии обратила слово
И молвила: — Твой верный — в путях зла,
Пошли ему пособника благого. —
- 100 Лючия, враг жестоких, подошла
Ко мне, сидевшей с древнею Рахилью,
Сказать: — Господня чистая хвала,
- 103 О Беатриче, помоги усилью
Того, который из любви к тебе
Возвысился над повседневной былью.

- Или не внемлешь ты его мольбе? 106
 Не видишь, как поток, грознее моря,
 Уносит изнемогшего в борьбе? —
- Никто поспешней не бежал от горя 109
 И не стремился к радости быстрее,
 Чем я, такому слову сердцем вторя,
 Сошла сюда с блаженных ступеней, 112
 Твоей вверяясь речи достохвальной,
 Дарящей честь тебе и внявшим ей“.
- Так молвила, и взор ее печальный, 115
 Вверх обратясь, сквозь слезы мне светил
 И торопил меня к дороге дальней.
- Покорный ей, к тебе я поспешил; 118
 От зверя спас тебя, когда к вершине
 Короткий путь тебе он преградил.
- Так что ж? Зачем, зачем ты медлишь ныне? 121
 Зачем постыдной робостью смущен?
 Зачем не светел смелою гордыней,
- Когда у трех благословенных жен 124
 Ты в небесах обрел слова защиты
 И дивный путь тебе предвозвещен?»
- Как дольный цвет, сомкнутый и побитый 127
 Ночным морозом,— чуть блеснет заря,
 Возносится на стебле, весь раскрытый,
- Так я воспрянул, мужеством горя; 130
 Решимостью был в сердце страх раздавлен,
 И я ответил, смело говоря:
- «О, милостива та, кем я избавлен! 133
 И ты сколь благ, не пожелавший ждать,
 Ее правдивой повестью наставлен!
- Я так был рад словам твоим внимать 136
 И так стремлюсь продолжить путь начатый,
 Что прежней воли полон я опять.
- Иди, одним желаньем мы объаты: 139
 Ты мой учитель, вождь и господин!»
 Так молвил я; и двинулся вожатый,
 И я за ним среди глухих стремнин. 142

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Я

увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.
4 Был правдою мой зодчий вдохновен:
Я высшей силой, полнотою всезнанья
И первою любовью сотворен.
7 Древней меня лишь вечные созданья,
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упования.
10 Я, прочитав над входом, в вышине,
Такие знаки сумрачного цвета,
Сказал: «Учитель, смысл их страшен мне».
13 Он, прозорливый, отвечал на это:
«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета.
16 Я обещал, что мы придем туда,
Где ты увидишь, как томятся тени,
Свет разума утратив навсегда».
19 Дав руку мне, чтоб я не знал сомнений,
И обернув ко мне спокойный лик,
Он ввел меня в таинственные сени.
22 Там вздохи, плач и иступленный крик
Во тьме беззвездной были так велики,
Что поначалу я в слезах поник.
25 Обрывки всех наречий, ропот дикий,
Слова, в которых боль, и гнев, и страх,
Плесканье рук, и жалобы, и вскрики
28 Сливались в гул, без времени, в веках,
Кружащийся во мгле неозаренной,
Как бурным вихрем возмущенный прах.
31 И я, с главою, ужасом стесненной,
«Чей это крик? — едва спросить посмел.—
Какой толпы, страданьем побежденной?»

- И вождь в ответ: «То горестный удел 34
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.
- И с ними ангелов дурная стая, 37
Что, не восстав, была и не верна
Всевышнему, средину соблюдая.
- Их свергло небо, не терпя пятна; 40
И пропасть Ада их не принимает,
Иначе возгордилась бы вина».
- И я: «Учитель, что их так терзает 43
И понуждает к жалобам таким?»
А он: «Ответ недолгий подобает.
- И смертный час для них недостижим, 46
И эта жизнь настолько нестерпима,
Что всё другое было б легче им.
- Их память на земле невоскресима; 49
От них и суд, и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни — и мимо!»
- И я, взглянув, увидел стяг вдали, 52
Бежавший кругом, словно злая сила
Гнала его в крутящейся пыли;
- А вслед за ним столь длинная спешила 55
Чреда людей, что верилось с трудом,
Ужели смерть столь многих поглотила.
- Признав иных, я вслед за тем в одном 58
Узнал того, кто от великой доли
Отрекся в малодушии своем.
- И понял я, что здесь вопят от боли 61
Ничтожные, которых не возьмут
Ни бог, ни супостаты божьей воли.
- Вовек не живший, этот жалкий люд 64
Бежал нагим, кусаемый слепнями
И осами, роившимися тут.
- Кровь, между слез, с их лиц текла струями, 67
И мерзостные скопища червей
Ее глотали тут же под ногами.

- 70 Взглянув подальше, я толпу людей
 Увидел у широкого потока.
 «Учитель,— я сказал,— тебе ясней,
73 Кто эти там, и власть какого рока
 Их словно гонит и теснит к волнам,
 Как может показаться издалека».
- 76 И он ответил: «Ты увидишь сам,
 Когда мы шаг приблизим к Ахерону
 И подойдем к печальным берегам».
- 79 Смущенный взор склонив к земному лону,
 Боясь докучным быть, я шел вперед,
 Безмолвствуя, к береговому склону.
- 82 И вот в ладье навстречу нам плывет
 Старик, поросший древней сединою,
 Крича: «О, горе вам, проклятый род!
- 85 Забудьте небо, встретившись со мною!
 В моей ладье готовьтесь переплыть
 К извечной тьме, и холоду, и зною.
- 88 А ты уйди, тебе нельзя тут быть,
 Живой душе, среди мертвых!» И добавил,
 Чтобы меня от прочих отстранить:
- 91 «Ты не туда свои шаги направил:
 Челнок полегче должен ты найти,
 Чтобы тебя он к пристани доставил».
- 94 А вождь ему: «Харон, гнев укроти.
 Того хотят — там, где исполнить властны
 То, что хотят. И речи прекрати».
- 97 Недвижен стал шерстистый лик ужасный
 У лодочника сумрачной реки,
 Но вдруг очей змеился пламень красный.
- 100 Нагие души, слабы и легки,
 Вняв приговор, не знающий изъятья,
 Стуча зубами, бледны от тоски,
- 103 Выкрикивали господу проклятья,
 Хулили род людской, и день, и час,
 И край, и семя своего зачатья.

- Потом, рыдая, двинулись зараз 106
К реке, чьи волны, в муках безутешных,
Увидят все, в ком божий страх угас.
- А бес Харон сзывает стаю грешных, 109
Вращая взор, как уголья в золе,
И гонит их, и бьет веслом неспешных.
- Как листья сыплются в осенней мгле, 112
За строем строй, и ясень оголенный
Свои одежды видит на земле,—
- Так сев Адама, на беду рожденный, 115
Кидался вниз, один, за ним другой,
Подобно птице, в сети приманенной.
- И вот плывут над темной глубиной; 118
Но не успели кончить переправы,
Как новый сонм собрался над рекой.
- «Мой сын,— сказал учитель величавый,— 121
Все те, кто умер, бога прогневав,
Спешат сюда, все страны и державы;
- И минуту реку всякий тороплив, 124
Так утесненный правосудьем бога,
Что самый страх преображен в призыв.
- Для добрых душ другая есть дорога; 127
И ты поймешь, что разумел Харон,
Когда с тобою говорил так строго».
- Чуть он умолк, простор со всех сторон 130
Сотрясся так, что, в страхе вспоминая,
Я и поныне по́том орошен.
- Дохнула ветром глубина земная, 133
Пустыня скорби вспыхнула кругом,
Багровым блеском чувства ослепляя;
- И я упал, как тот, кто схвачен сном. 136

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ворвался в глубь моей дремоты сонной
Тяжелый гул, и я очнулся вдруг,
Как человек, насильно пробужденный.
4 Я отдохнувший взгляд обвел вокруг,
Встав на ноги и пристально взирая,
Чтоб осмотреться в этом царстве мук.
7 Мы были возле пропасти, у края,
И страшный срыв гудел у наших ног,
Бесчисленные крики извергая.
10 Он был так темен, смутен и глубокий,
Что я над ним склонялся попустому
И ничего в нем различить не мог.
13 «Теперь мы к миру спустимся слепому,—
Так начал, смертно побледнев, поэт.—
Мне первому идти, тебе — второму».
16 И я сказал, заметив этот цвет:
«Как я пойду, когда вождем и другом
Владеет страх, и мне опоры нет?»
19 «Печаль о тех, кто скован ближним кругом,—
Он отвечал,— мне на лицо легла,
И состраданье ты почел испугом.
22 Пора идти, дорога не мала».
Так он сошел, и я за ним спустился,
Вниз, в первый круг, идущий вокруг жерла.
25 Сквозь тьму не плач до слуха доносился,
А только вздох взлетал со всех сторон
И в вековечном воздухе струился.
28 Он был безбольной скорбью порожден,
Которую казались объять
Толпы младенцев, и мужей, и жен.
31 «Что ж ты не спросишь,— молвил мой вожатый,—
Какие духи здесь нашли приют?
Знай, прежде чем продолжить путь начатый,

- Что эти не грешили; не спасут 34
Одни заслуги, если нет крещенья,
Которым к вере истинной идут;
- Кто жил до христианского ученья, 37
Тот бога чтил не так, как мы должны.
Таков и я. За эти упущенья,
Не за иное, мы осуждены, 40
И здесь, по приговору высшей воли,
Мы жаждем и надежды лишены».
- Стеснилась грудь моя от тяжкой боли 43
При вести, сколь достойные мужи
Вкушают в Лимбе горечь этой доли.
- «Учитель мой, мой господин, скажи,— 46
Спросил я, алча веры несомненной,
Которая превыше всякой лжи,—
Взошел ли кто отсюда в свет блаженный, 49
Своей иль чьей-то правдой искуплен?»
Поняв значенье речи сокровенной:
- «Я был здесь внове,— мне ответил он,— 52
Когда, при мне, сюда сошел Властитель,
Хоруговью победы осенен.
- Им изведен был первый прародитель, 55
И Авель, чистый сын его, и Ной,
И Моисей, уставщик и служитель;
- И царь Давид, и Авраам седой; 58
Израиль, и отец его, и дети;
Рахиль, великой взятая ценой;
- И много тех, кто ныне в горнем свете. 61
Других спасенных не было до них,
И первыми блаженны стали эти».
- Он говорил, но шаг наш не зatih, 64
И мы всё время шли великой чащей,
Я разумею — чащей душ людских.
- И в области, невдале отстоящей 67
От места сна, предстал моим глазам
Огонь, под полушарьем тьмы горящий.

- 70 Хоть этот свет и не был близок к нам,
 Я видеть мог, что некий многочестный
 И высший сонм уединился там.
- 73 «Искусств и знаний образец всеместный,
 Скажи, кто эти, не в пример другим
 Почтённые среди толпы окрестной?»
- 76 И он ответил: «Именем своим
 Они гремят земле, и слава эта
 Угодна небу, благодному к ним».
- 79 «Почтите высочайшего поэта! —
 Раздался в это время чей-то зов. —
 Вот тень его подходит к месту света».
- 82 И я увидел после этих слов,
 Что четверо к нам держат шаг державный;
 Их облик был ни весел, ни суров.
- 85 «Взгляни, — промолвил мой учитель славный. —
 С мечом в руке, величьем осиян,
 Трем остальным предшествует, как главный,
- 88 Гомер, превысший из певцов всех стран;
 Второй — Гораций, бичевавший нравы;
 Овидий — третий, и за ним — Лукан.
- 91 Нас связывает титул величавый,
 Здесь прозвучавший, чуть я подошел;
 Почтив его, они, конечно, правы».
- 94 Так я узрел славнейшую из школ,
 Чьи песнопенья вознеслись над светом
 И реют над другими, как орел.
- 97 Мой вождь их встретил, и ко мне с приветом
 Семья певцов приблизилась сама;
 Учитель улыбнулся мне при этом.
- 100 И эта честь умножилась весьма,
 Когда я приобщен был к их собору
 И стал шестым среди столького ума.
- 103 Мы шли к лучам, предавшись разговору,
 Который лишний здесь и в этот миг,
 Насколько там он к месту был и в пору.

- Высокий замок предо мной возник, 106
 Семь раз обвитый стройными стенами;
 Кругом бежал приветливый родник.
- Мы, как земель, прошли его волнами; 109
 Сквозь семь ворот тропа вовнутрь вела;
 Зеленый луг открылся перед нами.
- Там были люди с важностью чела, 112
 С неторопливым и спокойным взглядом;
 Их речь звучна и медленна была.
- Мы поднялись на холм, который рядом, 115
 В открытом месте, светел, величав,
 Господствовал над этим свежим садом.
- На зеленеющей финифти трав 118
 Предстали взорам доблестные тени,
 И я ликую сердцем, их видав.
- Я зрел Электру в сонме поколений, 121
 Меж коих были Гектор, и Эней,
 И хищноокий Цезарь, друг сражений.
- Пентесилея и Камилла с ней 124
 Сидели возле, и с отцом — Лавина;
 Брут, первый консул, был в кругу теней;
- Дочь Цезаря, супруга Коллатина, 127
 И Гракхов мать, и та, чей муж Катон;
 Поодаль я заметил Саладина.
- Потом, взглянув на невысокий склон, 130
 Я увидал: учитель тех, кто знает,
 Семей мудролюбивой окружен.
- К нему Сократ всех ближе восседает 133
 И с ним Платон; весь сонм всеведца чтит;
 Здесь тот, кто мир случайным полагает,
- Философ знаменитый Демокрит; 136
 Здесь Диоген, Фалес с Анаксагором,
 Зенон, и Эмпедокл, и Гераклит;
- Диоскорид, прославленный разбором 139
 Целебных качеств; Сенека, Орфей,
 Лин, Туллий; дальше представали взорам

142 Там — геометр Эвклид, там — Птолемей,
Там — Гиппократ, Гален и Авиценна,
Аверроис, толковник новых дней.

145 Я всех назвать не в силах поименно;
Мне нужно быстро молвить обо всем,
И часто речь моя несовершенна.

148 Синклит шести распался, мы вдвоем;
Из тихой сени в воздух потрясенный
Уже иным мы движемся путем,

151 И я — во тьме, ничем не озаренной.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Т

ак я сошел, покинув круг начальный,
Вниз во второй; он менее, чем тот,
Но бóльших мук в нем слышен стон печальный.
Здесь ждет Минос, оскалив страшный рот; 4
Допрос и суд свершает у порога
И взмахами хвоста на муку шлет.
Едва душа, отпавшая от бога, 7
Пред ним предстанет с повестью своей,
Он, согрешенья различая строго,
Обитель Ада назначает ей, 10
Хвост обвивая столько раз вокруг тела,
На сколько ей спуститься ступеней.
Всегда толпа у грозного предела; 13
Подходят души чередой на суд:
Промолвила, вняла и вглубь слетела.
«О ты, пришедший в бедственный приют,— 16
Вскричал Минос, меня окинув взглядом
И прерывая свой жестокий труд,—
Зачем ты здесь, и кто с тобою рядом? 19
Не обольщайся, что легко войти!»
И вождь в ответ: «Тому, кто сходит Адом,
Не преграждай сужденного пути. 22
Того хотят — там, где исполнить властны
То, что хотят. И речи прекрати».
И вот я начал различать неясный 25
И дальний стон; вот я пришел туда,
Где плач в меня ударил многогласный.
Я там, где свет немотствует всегда 28
И словно воет глубина морская,
Когда двух вихрей злобствует вражда.
То адский ветер, отдыха не зная, 31
Мчит сонмы душ среди окрестной мглы
И мучит их, крутя и истязая.

34 Когда они стремятся вдоль скалы,
Взлетают крики, жалобы и пени,
На господ ужасные хулы.

37 И я узнал, что это круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.

40 И как скворцов уносят их крыла,
В дни холода, густым и длинным строем,
Так эта буря кружит духов зла

43 Туда, сюда, вниз, вверх, огромным роем;
Им нет надежды на смягченье мук
Или на миг, овеванный покоем.

46 Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной,
Так предо мной, стеная, неся круг

49 Теней, гонимых вьюгой неборной;
И я сказал: «Учитель, кто они,
Которых так терзает воздух черный?»

52 Он отвечал: «Вот первая, взгляни:
Ее державе многие языки
В минувшие покорствовали дни.

55 Она вдалась в такой разврат великий,
Что вольность всем была разрешена,
Дабы народ не осуждал владыки.

58 То Нинова венчанная жена,
Семирамида, древняя царица;
Ее земля Султану отдана.

61 Вот нежной страсти горестная жрица,
Которой прах Сихея оскорблен;
Вот Клеопатра, грешная блудница.

64 А там Елена, тягостных времен
Виновница; Ахилл, гроза сражений,
Который был любовью побежден;

67 Парис, Тристан». Бесчисленные тени
Он назвал мне и указал рукой,
Погубленные жаждой наслаждений.

- Вняв имена прославленных молвой 70
Воителей и жен из уст поэта,
Я смутен стал, и дух затмился мой.
- Я начал так: «Я бы хотел ответа 73
От этих двух, которых вместе вьет
И так легко уносит буря эта».
- И мне мой вождь: «Пусть ветер их пригнет 76
Поближе к нам; и пусть любовью молит
Их оклик твой; они прервут полет».
- Увидев, что их ветер к нам неволит, 79
«О души скорби! — я воззвал.— Сюда!
И отзовитесь, если Тот позволит!»
- Как голуби на сладкий зов гнезда, 82
Поддержанные волею несущей,
Раскинув крылья, мчатся без труда,
- Так и они, паря во мгле гнетущей, 85
Покинули Дидоны скорбный рой
На возглас мой, приветливо зовущий.
- «О ласковый и благостный живой, 88
Ты, посетивший в тьме неизреченной
Нас, обогривших кровью мир земной;
- Когда бы нам был другом царь вселенной, 91
Мы бы молились, чтоб тебя он спас,
Сочувственного к муке сокровенной.
- И если к нам беседа есть у вас, 94
Мы рады говорить и слушать сами,
Пока безмолвен вихрь, как здесь сейчас.
- Я родилась над теми берегами, 97
Где волны, как усталого гонца,
Встречают По с попутными реками.
- Любовь сжигает нежные сердца, 100
И он пленился телом несравнимым,
Погубленным так страшно в час конца.
- Любовь, любить велящая любимым, 103
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.

- 106 Любовь вдвоем на гибель нас вела;
 В Кайне будет наших дней гаситель».
 Такая речь из уст у них текла.
- 109 Скорбящих теней сокрушенный зритель,
 Я голову в тоске склонил на грудь.
 «О чем ты думаешь?» — спросил учитель.
- 112 Я начал так: «О, знал ли кто-нибудь,
 Какая нега и мечта какая
 Их привела на этот горький путь!»
- 115 Потом, к умолкшим слово обращая,
 Сказал: «Франческа, жалобе твоей
 Я со слезами внемлю, сострадая.
- 118 Но расскажи: меж вздохов нежных дней,
 Что было вам любовною наукой,
 Раскрывшей слуху тайный зов страстей?»
- 121 И мне она: «Тот страждет высшей мукой,
 Кто радостные помнит времена
 В несчастьи; твой вождь тому порукой.
- 124 Но если знать до первого зерна
 Злосчастную любовь ты полон жажды,
 Слова и слезы расточу сполна.
- 127 В досужий час читали мы однажды
 О Ланчелоте сладостный рассказ;
 Одни мы были, был беспечен каждый.
- 130 Над книгой взоры встретились не раз,
 И мы бледнели с тайным содроганьем;
 Но дальше повесть победила нас.
- 133 Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
 Прильнул к улыбке дорогого рта,
 Тот, с кем навек я скована терзаньем,
- 136 Поцеловал, дрожа, мои уста.
 И книга стала нашим Галеотом!
 Никто из нас не дочитал листа».
- 139 Дух говорил, томимый страшным гнетом,
 Другой рыдал, и мука их сердец
 Мое чело покрыла смертным потом;
- 142 И я упал, как падает мертвец.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Едва ко мне вернулся ясный разум,
Который был не в силах устоять
Пред горестным виденьем и рассказом,—
Уже средь новых пыток я опять, 4
Средь новых жертв, куда ни обратиться,
Куда ни посмотреть, куда ни стать.
Я в третьем круге, там, где дождь струится, 7
Проклятый, вечный, грузный, ледяной;
Всегда такой же, он всё так же длится.
Тяжелый град, и снег, и мокрый гной 10
Пронизывают воздух непроглядный;
Земля смердит под жидкой пеленой.
Трехзевый Цербер, хищный и громадный, 13
Собачьим лаем лает на народ,
Который вязнет в этой топи смрадной.
Его глаза багровы, вздут живот, 16
Жир в черной бороде, когтисты руки;
Он мучит души, кожу с мясом рвет.
А те под ливнем воют, словно суки; 19
Прикрыть стараясь верхним нижний бок,
Ворочаются в исступленье муки.
Завидя нас, разинул рты, как мог, 22
Червь гнусный, Цербер, и спокойной части
В нем не было от головы до ног.
Мой вождь нагнулся, простирая пясти, 25
И, взяв земли два полных кулака,
Метнул ее в прожорливые пасти.
Как пес, который с лаем ждал куска, 28
Смолкает, в кость вгрызаясь с жадной силой,
И занят только тем, что жрет пока,—
Так смолк и демон Цербер грязнорылый, 31
Чей лай настолько душам омерзел,
Что глухота казалась бы им милой.

34 Меж призраков, которыми владел
Тяжелый дождь, мы шли вперед, ступая
По пустоте, имевшей облик тел.

37 Лежала плоско их гряда густая,
И лишь один, чуть нас заметил он,
Привстал и сел, глаза на нас вздымая.

40 «О ты, который в этот Ад сведен,—
Сказал он,— ты меня, наверно, знаешь;
Ты был уже, когда я выбыл вон».

43 И я: «Ты вид столь жалостный являешь,
Что кажешься чужим в глазах моих
И вряд ли мне кого напоминаешь.

46 Скажи мне, кто ты, жертва этих злых
И скорбных мест и казни ежечасной,
Не горше, но противней всех других».

49 И он: «Твой город, зависти ужасной
Столь полный, что уже трещит квашня,
Был и моим когда-то в жизни ясной.

52 Прозвали Чакко граждане меня.
За то, что я обжорству предавался,
Я истлеваю, под дождем стена.

55 И, бедная душа, я оказался
Не одинок: их всех карают тут
За тот же грех». Его рассказ прервался.

58 Я молвил: «Чакко, слезы грудь мне жмут
Тоской о бедствии твоём загробном.
Но я прошу: скажи, к чему придут

61 Враждующие в городе усобном;
И кто в нем праведен; и чем раздор
Зажжен в народе этом многозломном?»

64 И он ответил: «После долгих ссор
Прольется кровь и власть лесным доставит,
А их врагам — изгнанье и позор.

67 Когда же солнце трижды лик свой явит,
Они падут, а тем поможет встать
Рука того, кто в наши дни лукавит.

- Они придавят их и будут знать, 70
 Что вновь чело на долгий срок подъемлют,
 Судив сраженным плакать и роптать.
- Есть двое праведных, но им не внемлют. 73
 Гордыня, зависть, алчность — вот в сердцах
 Три жгучих искры, что вовек не дремлют».
- Он смолк на этих горестных словах. 76
 И я ему: «Из бездны злополучий
 Вручи мне дар и будь щедрей в речах.
- Теггьяйо, Фарината, дух могучий, 79
 Все те, чей разум правдой был богат,
 Арриго, Моска или Рустикуччи,—
- Где все они, я их увидеть рад; 82
 Мне сердце жжет узнать судьбу славнейших:
 Их нежит небо или травит Ад?»
- И он: «Они среди душ еще чернейших: 85
 Их тянет книзу бремя грешных лет;
 Ты можешь встретить их в кругах дальнейших.
- Но я прошу: вернувшись в милый свет, 88
 Напомни людям, что я жил меж ними.
 Вот мой последний сказ и мой ответ».
- Взглянув глазами, от тоски косыми, 91
 Он наклонился и, лицо тая,
 Повергся ниц меж прочими слепыми.
- И мне сказал вожатый: «Здесь гния, 94
 Он до трубы архангела не встанет.
 Когда придет враждебный судия,
- К своей могиле скорбной каждый примет 97
 И, в прежний образ снова воплотясь;
 Услышит то, что вечным громом грянет».
- Мы тихо шли сквозь смешанную грязь 100
 Теней и ливня, в разные сужденья
 О вековечной жизни углубясь.
- Я так спросил: «Учитель, их мученья, 103
 По грозном приговоре, как — сильней
 Иль меньше будут, иль без измененья?»

106 И он: «Наукой сказано твоей,
Что, чем природа совершенней в сущем,
Тем слаще нега в нем, и боль больней.
109 Хотя проклятым людям, здесь живущим,
К прямому совершенству не прийти,
Их ждет полное бытие в грядущем».
112 Мы шли кругом по этому пути;
Я всей беседы нашей не отмечу;
И там, где к бездне начал спуск вести,
115 Нам Плутос, враг великий, встал навстречу.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Рарè Satàn, парè Satàn aleppe!» —
Хриплоголосый Плутос закричал.
«Хотя бы он и вдвое был свирепей,—
Меня мудрец, всё знавший, ободрял,— 4
Не поддавайся страху: что могло бы
Нам помешать спуститься с этих скал?»
И этой роже, вздувшейся от злобы, 7
Он молвил так: «Молчи, проклятый волк!
Сгинь в клокотанье собственной утробы!
Мы сходим в тьму, и надо, чтоб ты смолк; 10
Так хочет тот, кто мщенье Михаила
Обрушил в небе на мятежный полк.»
Как падают надутые ветрила, 13
Свиваясь, если щегла рухнет вдруг,
Так рухнул зверь, и в нем исчезла сила.
И мы, спускаясь побережьем мук, 16
Объемлющим всю скверну мирозданья,
Из третьего сошли в четвертый круг.
О правосудье божье! Кто страданья, 19
Все те, что я увидел, перечтет?
Почто такие за вину терзанья?
Как над Харибдой вал бежит вперед 22
И всяпать отхлынет, прегражденный встречным,
Так люди здесь водили хоровод.
Их множество казалось бесконечным; 25
Два сонмища шагали, рать на рать,
Толкая грудью грузы, с воплем вечным;
Потом они сшибались, и опять 28
С трудом брели назад, крича друг другу:
«Чего копить?» или «Чего швырять?» —
И, двигаясь по сумрачному кругу, 31
Шли к супротивной точке с двух сторон,
По-прежнему ругаясь сквозь натугу;

- 34 И вновь назад, едва был завершен
Их полукруг такой же дракой хмурой.
И я промолвил, сердцем сокрушен:
- 37 «Мой вождь, что это за народ понурый?
Ужель все это клирики, весь ряд
От нас налево, эти там, с тонзурой?»
- 40 И он: «Все те, кого здесь видит взгляд,
Умом настолько в жизни были кривы,
Что в меру не умели делать трат.
- 43 Об этом лает голос их сварливый,
Когда они стоят к лицу лицом,
Наперекор друг другу нечестивы.
- 46 Те — клирики, с пробритым гуменцом;
Здесь встретишь папу, встретишь кардинала,
Не превзойденных ни одним скупцом.
- 49 И я: «Учитель, я бы здесь немало
Узнал из тех, кого не так давно
Подобное нечестие пятнало».
- 52 И он: «Тебе узнать их не дано:
На них такая грязь от жизни гадкой,
Что разуму обличье их темно.
- 55 Им вечно так шагать, кончая схваткой;
Они восстанут из своих могил,
Те — сжав кулак, а эти — с плешью гладкой.
- 58 Кто недостойно тратил и копил,
Лишен блаженств и занят этой бучей;
Ее и без меня ты оценил.
- 61 Ты видишь, сын, какой обман летучий
Даяния Фортуны, род земной
Исполнившие ненависти жгучей:
- 64 Все золото, что блещет под луной
Иль было встарь, из этих теней бедных
Не успокоило бы ни одной».
- 67 И я: «Учитель таин заповедных!
Что есть Фортуна, счастье всех племен
Держащая в когтях своих победных?»

- «О глупые созданья,— молвил он,— 70
Какая тьма ваш разум обуяла!
Так будь же наставленьем утолен.
- Тот, чья премудрость правит изначала, 73
Воздвигнув тверди, создал им вождей,
Чтоб каждой части часть своя сияла,
Распространяя ровный свет лучей; 76
Мирской же блеск он предал в полновластье
Правительнице судеб, чтобы ей
Перемещать, в свой час, пустое счастье 79
Из рода в род и из краев в края,
В том смертной воле возбранив участие.
- Народу над народом власть дая, 82
Она свершает промысел свой строгий,
И он невидим, как в траве змея.
- С ней не поспорит разум ваш убогий: 85
Она провидит, судит и царит,
Как в прочих царствах остальные боги.
Без устали свой суд она творит: 88
Нужда ее торопит ежечасно,
И всем она недолгий миг дарит.
- Ее-то и поносят громогласно, 91
Хотя бы подобала ей хвала,
И распинают, и клянут напрасно.
- Но ей, блаженной, не слышна хула: 94
Она, смеясь меж первенцев творенья,
Крутит свой шар, блаженна и светла.
- Но спустимся в тягчайшие мученья: 97
Склонились звезды, те, что плыли ввысь,
Когда мы шли; запретны промедленья».
- Мы пересекли круг и добрались 100
До струй ручья, которые просторной,
Изрытой ими, впадиной неслись.
- Окраска их была багрово-черной; 103
И мы, в соседстве этих мрачных вод,
Сошли по диким тропам с кручи горной.

- 106 Утрюмый ключ стихает и растет
В Стигийское болото, ниспадая
К подножью серокаменных высот.
- 109 И я увидел, долгий взгляд вперяя,
Людей, погрязших в омуте реки;
Была свирепа их толпа нагая.
- 112 Они дрались, не только в две руки,
Но головой, и грудью, и ногами,
Друг друга норовя изгрызть в клочки.
- 115 Учитель молвил: «Сын мой, перед нами
Ты видишь тех, кого осилил гнев;
Еще ты должен знать, что под волнами
- 118 Есть также люди; вздохи их, взлетев,
Пузырят воду на пространстве зримом,
Как подтверждает око, посмотрев.
- 121 Увязнув, шепчут: „В воздухе родимом,
Который блещет, солнцу веселясь,
Мы были скучны, полны вялым дымом;
- 124 И вот скучаем, втиснутые в грязь“.
Такую песнь у них курлычет горло,
Напрасно слово вымолвить трудясь».
- 127 Так, огибая илистые жерла,
Мы, гранью топи и сухой земли,
Смотря на тех, чьи глотки тиной сперло,
- 130 К подножью башни наконец пришли.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Скажу, продолжив, что до башни этой
Мы не дошли изрядного куска,
Когда наш взгляд, к ее зубцам воздетый,
Приметил два зажженных огонька 4
И где-то третий, глазу чуть заметный,
Как бы ответивший издалека.
Взывая к морю мудрости всесветной, 7
Я так спросил: «Что это за огни?
Кто и зачем дает им знак ответный?»
«Когда ты видишь сквозь туман, взгляни,— 10
Так молвил он.— Над илистым простором
Ты различишь, кого зовут они».
Ни перед чьим не пролетала взором 13
Стрела так быстро, в воздухе спеша,
Как малый челн, который, в беге скором,
Стремился к нам, по заводи шурша, 16
С одним гребцом, кричавшим громогласно:
«Ага, попалась, грешная душа!»
«Нет, Флегий, Флегий, ты кричишь напрасно,— 19
Сказал мой вождь.— Твои мы лишь на миг,
И в этот челн ступаем безопасно».
Как тот, кто слышит, что его постиг 22
Большой обман, и злится, распаленный,
Так всыхнул Флегий, искажая лик.
Сошел в челнок учитель благосклонный, 25
Я вслед за ним, и лишь тогда ладья
Впервые показалась отягченной.
Чуть в лодке поместились вождь и я, 28
Помчался древний струг, и так глубоко
Не рассекалась ни под кем струя.
Посередине мертвого потока 31
Мне встретился один; весь в грязь одет,
Он молвил: «Кто ты, что пришел до срока?»

- 34 И я: «Пришел, но мой исчезнет след.
А сам ты кто, так гнусно безобразный?»
«Я тот, кто плачет»,— был его ответ.
- 37 И я: «Плачь, сетуй в топи невылазной,
Проклятый дух, пей вечную волну!
Ты мне знаком, такой вот даже грязный».
- 40 Тогда он руки протянул к челну;
Но вождь толкнул впевившегося в злобе,
Сказав: «Иди к таким же псам, ко дну!»
- 43 И мне вокруг шеи, с поцелуем, обе
Обвив руки, сказал: «Суровый дух,
Блаженна неспая тебя в утробе!
- 46 Он в мире был гордец и сердцем сух;
Его деяний люди не прославят;
И вот он здесь от злости слеп и глух.
- 49 Сколь многие, которые там правят,
Как свиньи влезут в этот мутный сток
И по себе ужасный срам оставят!»
- 52 И я: «Учитель, если бы я мог
Увидеть въявь, как он в болото канет,
Пока еще на озере челнок!»
- 55 И он ответил: «Раньше, чем проглянет
Тот берег, утолишься до конца,
И эта радость для тебя настанет».
- 58 Тут так накиннулся на мертвеца
Весь грязный люд в неистовстве великом,
Что я поднесь благодарю Творца.
- 61 «Хватай Ардженти!»— было общим криком;
И флорентийский дух, кругом тесним,
Рвал сам себя зубами в гневе диком.
- 64 Так сгинул он, и я покончу с ним;
Но тут мне в уши стон вонзился дальный,
И взгляд мой распахнулся, недвижим.
- 67 «Мой сын,— сказал учитель достохвальный,—
Вот город Дит, и в нем заключены
Безрадостные люди, сонм печальный».

- И я: «Учитель, вот из-за стены 70
Встают его мечети, багровея,
Как будто на огне раскалены».
- «То вечный пламень, за оградой вея,— 73
Сказал он,— башни красит багрецом;
Так нижний Ад тебе открылся, рдея».
- Челнок вошел в крутые рвы, кругом 76
Объемлющие мрачный гребень вала;
И стены мне казались чугуном.
- Немалый круг мы сделали сначала 79
И стали там, где кормчий мгlistых вод
«Сходите! — крикнул нам.— Мы у причала».
- Я видел на воротах много сот, 82
Дождем ниспавших с неба, стражу входа,
Твердивших: «Кто он, что сюда идет,
Не мертвый, в царство мертвого народа?» 85
И мой учитель, руку к ним воздев,
Открыл им тайну моего прихода.
- Они сказали, приглушая гнев: 88
«Входи один и отошли второго,
Раз он сюда дошел, не оробев.
- Безумный путь пускай свершает снова, 91
Но без тебя; а ты у нас побудь,
Его вожак средь сумрака ночного».
- Помысли, чтец, в какую впал я жуть, 94
Услышав этой речи звук проклятый;
Я знал, что не найду обратный путь.
- И я сказал: «О милый мой вожатый, 97
Меня спасавший семь и больше раз,
Когда мой дух робел, тоской объятый,
Не покидай меня в столь грозный час! 100
Когда запрещен город, нам представший,
Вернемся вспять стезей, приведшей нас».
- И властный муж, меня сопровождавший, 103
Сказал: «Не бойся; нашего пути
Отнять нельзя; таков его нам давший».

- 106 Здесь жди меня; и дух обогати
 Надеждой доброй; в этой тьме глубокой
 Тебя и дальше буду я блюсти».
- 109 Ушел благой отец, и одинокий
 Остался я, и в голове моей
 И «да», и «нет» творили спор жестокий.
- 112 Расслышать я не мог его речей;
 Но с ним враги беседовали мало,
 И каждый внутрь укрылся поскорей.
- 115 Железо их ворот загрохотало
 Пред самой грудью мудреца, и он,
 Оставшись вне, назад побрел устало.
- 118 Потупя взор и бодрости лишен,
 Он шел вздыхая, и уста шептали:
 «Кем в скорбный город путь мне возбранен!»
- 121 И мне он молвил: «Ты, хоть я в печали,
 Не бойся; я превозмогу и здесь,
 Какой бы тут отпор ни замышляли.
- 124 Не новость их воинственная спесь;
 Так было и пред внешними вратами,
 Которые распахнуты поднесь.
- 127 Ты видел надпись с мертвыми словами;
 Уже оттуда, нисходя с высот,
 Без спутников, идет сюда кругами
- 130 Тот, чья рука нам город отомкнет».

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

вет, робостью на мне запечатленный,
Когда мой спутник повернул назад,—
Согнал с его лица налет мгновенный.
Он слушал, тщето напрягая взгляд, 4
Затем что вдаль глаза не уводили
Сквозь черный воздух и болотный чад.
«И всё ж мы победим,— сказал он,— или... 7
Такая нам защитница дана!
О, где же тот, кто выше их усилий!»
Я видел, речь его рассечена, 10
Начатую спешит покрыть иная,
И с первою несходственна она.
Но я внимал ей, мужество теряя, 13
Мрачней, быть может, чем она была,
Оборванную мысль воспринимая.
«Туда, на дно печального жерла, 16
Спускаются ли с первой той ступени,
Где лишь надежда в душах умерла?»
Так я спросил; и он: «Из нашей сени 19
По этим, мною пройденным, тропам
Лишь редкие досель сходили тени.
Но некогда я здесь прошел и сам, 22
Злой Эрихто заклятый, что умела
Обратно души призывать к телам.
Едва лишь плоть по мне осиротела, 25
Сквозь эти стены был я снаряжен
За пленником Иудина предела.
Всех ниже, всех темней, всех дальше он 28
От горней сферы, связь миров кружащей;
Я знаю путь; напрасно ты смущен.
Низина эта заводью смердящей 31
Повсюду облегает скорбный вал,
Разгневанным отпором нам грозящий».

- 34 Не помню я, что он еще сказал:
Всего меня мой глаз, в тоске раскрытый,
К вершине рдяной башни приковал,
37 Где вдруг взвились, для бешеной защиты,
Три Фурии, кровавы и бледны
И гидрами зелеными обвиты;
40 Они как жены были сложены;
Но, вместо кос, клубами змей пустыни
Свирепые виски оплетены.
- 43 И тот, кто ведал, каковы рабыни
Властительницы вечных слез ночных,
Сказал: «Взгляни на яростных Эриний.
46 Вот Тисифона, средняя из них;
Левей — Мегера; справа олютело
Рыдает Алектó». И он затих.
- 49 А те себе терзали грудь, и тело
Руками били; крик их так звенел,
Что я к учителю приник несмело.
52 «Медуза где? Чтоб он окаменел! —
Они вопили, глядя вниз.— Напрасно
Тезеевых мы не отмстили дел».
- 55 «Закрой глаза и отвернись; ужасно
Увидеть лик Горгоны; к свету дня
Тебя ничто вернуть не будет властно».
- 58 Так молвил мой учитель и меня
Поворотил, своими же руками,
Поверх моих, глаза мне заслоня.
- 61 О вы, разумные, взгляните сами,
И всякий наставленья да поймет,
Сокрытое под странными стихами!
- 64 И вот уже по глади мутных вод
Ужасным звуком грохот шел ревуций,
Колебля оба берега, наш и тот,—
67 Такой, как если ветер всемогущий,
Враждующими воздухами взвит,
Преград не зная, сокрушает пущи,

- Ломает ветви, рушит их и мчит; 70
Вздымая прах, идет неустойчиво,
И зверь, и пастырь от него бежит.
- Открыв мне очи: «Улови, что зримо 73
Там,— он промолвил,— где всего черней
Над этой древней пеной горечь дыма».
- Как от змеи, противницы своей, 76
Спешат лягушки, расплываясь кругом,
Чтоб на земле упрятаться верней,
- Так, видел я, гонимые испугом, 79
Станицы душ бежали пред одним,
Который Стиксом шел, как твердым лугом.
- Он отстранял от взоров липкий дым, 82
Перед собою левой помавая,
И, видимо, лишь этим был томим.
- Посла небес в идущем признавая, 85
Я на вождя взглянул; и понял знак
Пред ним склониться, уст не размыкая.
- О, как он гневно шел сквозь этот мрак! 88
Он стал у врат и тростию подъятой
Их отворил,— и не боролся враг.
- «О свергнутые с неба, род проклятый,— 91
Возвысил он с порога грозный глас,—
Что ты замыслил, слепотой объятый?»
- К чему бороться с волей выше вас, 94
Которая идет стопою твердой
И ваши беды множила не раз?
- Что на судьбу кидаться в злобе гордой? 97
Ваш Цербер, если помните о том,
И до сих пор с потертой ходит мордой».
- И вспять нечистым двинулся путем, 100
Нам не сказав ни слова, точно кто-то,
Кого теснит и гложет об ином,
- Но не о том, кто перед ним, забота; 103
И мы, ободрясь от священных слов,
Свои шаги направили в ворота.

- 106 Мы внутрь вошли, не повстречав врагов,
И я, чтоб ведать образ муки грешной,
Замкнутой между крепостных зубцов,
109 Ступив вовнутрь, кидаю взгляд поспешный
И вижу лишь пустынные места,
Исполненные скорби безутешной.
- 112 Как в Арле, там, где Рона разлита,
Как в Поле, где Карнаро многоводный
Смыкает Италийские врата,
115 Гробницами исхолмлен дол бесплодный,—
Так здесь повсюду высились они,
Но горечь этих мест была несходной;
- 118 Затем что здесь меж ям ползли огни,
Так их каля, как в пламени горнила
Железо не калилось искони.
- 121 Была раскрыта каждая могила,
И горестный свидетельствовал стон,
Каких она отверженцев таила.
- 124 И я: «Учитель, кто похоронен
В гробницах этих скорбных, что такими
Стенаниями воздух оглашен?»
- 127 «Ересиархи,— молвил он,— и с ними
Их присные, всех толков; глубь земли
Они устлали толпами густыми.
- 130 Подобные с подобными легли,
И зной в гробах где злей, где меньше страшен».
Потом он вправо взял, и мы пошли
- 133 Меж полем мук и выступами башен.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

И вот идет, тропинкою, по краю,
Между стеной кремля и местом мук,
Учитель мой, и я вослед ступаю.

«О высший ум, из круга в горший круг, — 4
Так начал я, — послушного стремящий,
Ответь и к просьбе снизойди как друг.
Тех, кто положен здесь в земле горячей, 7
Нельзя ль увидеть? Плиты у могил
Откинута, и стражи нет хранящей».

«Все будут замкнуты, — ответ мне был, — 10
Когда вернутся из Иосафата
В той плоти вновь, какую кто носил.
Здесь кладбище для веривших когда-то, 13
Как Эпикур и все, кто вместе с ним,
Что души с плотью гибнут без возврата.

Здесь ты найдешь ответ речам твоим 16
И утоление помысла другого,
Который в сердце у тебя таим».

И я: «Мой добрый вождь, иное слово 19
Я берегу, в душе его храня,
Чтоб заповедь твою блюсти сурово».

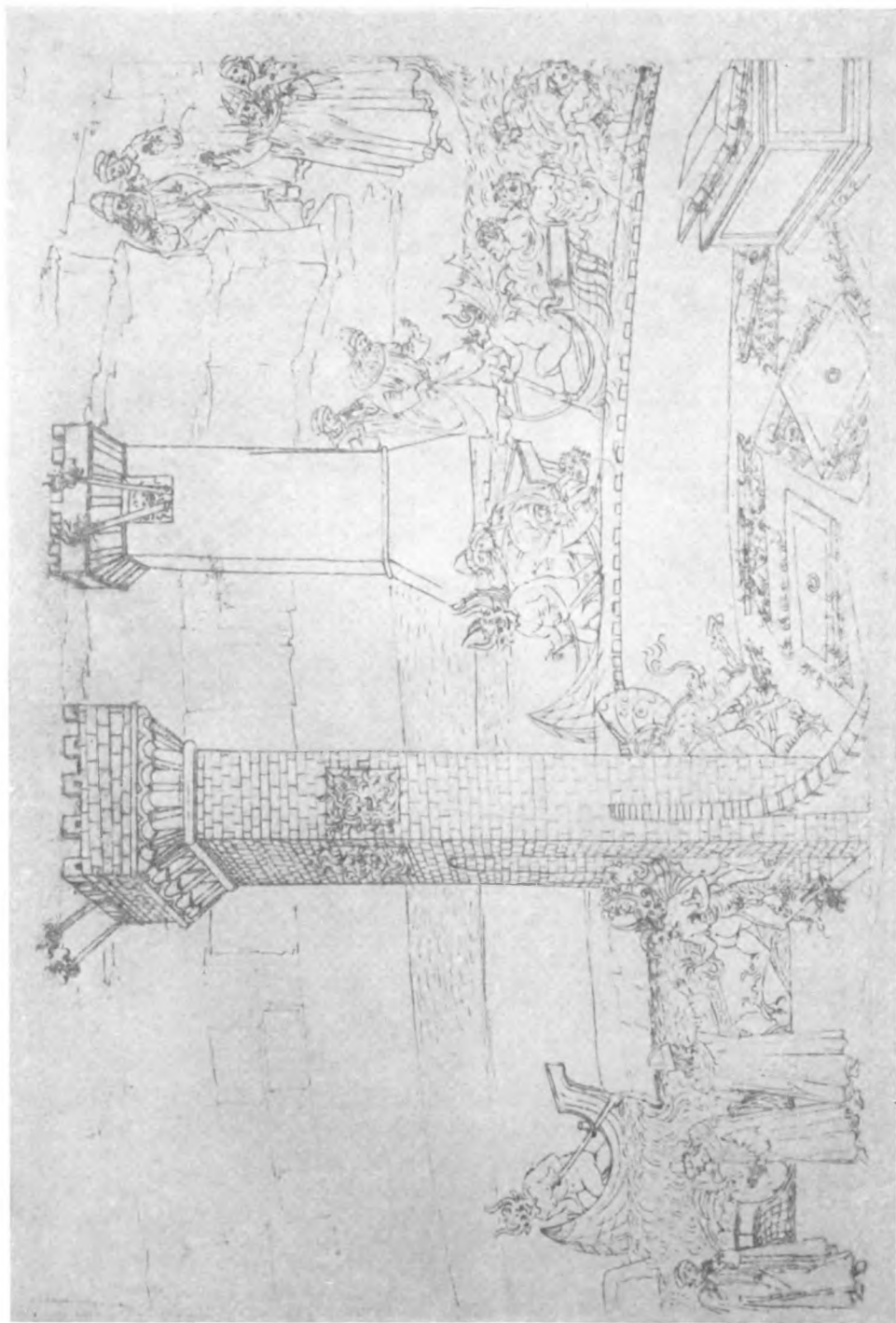
«Тосканец, ты, что городом огня 22
Идешь, живой, и скромненько столь примерно,
Прошу тебя, побудь вблизи меня.

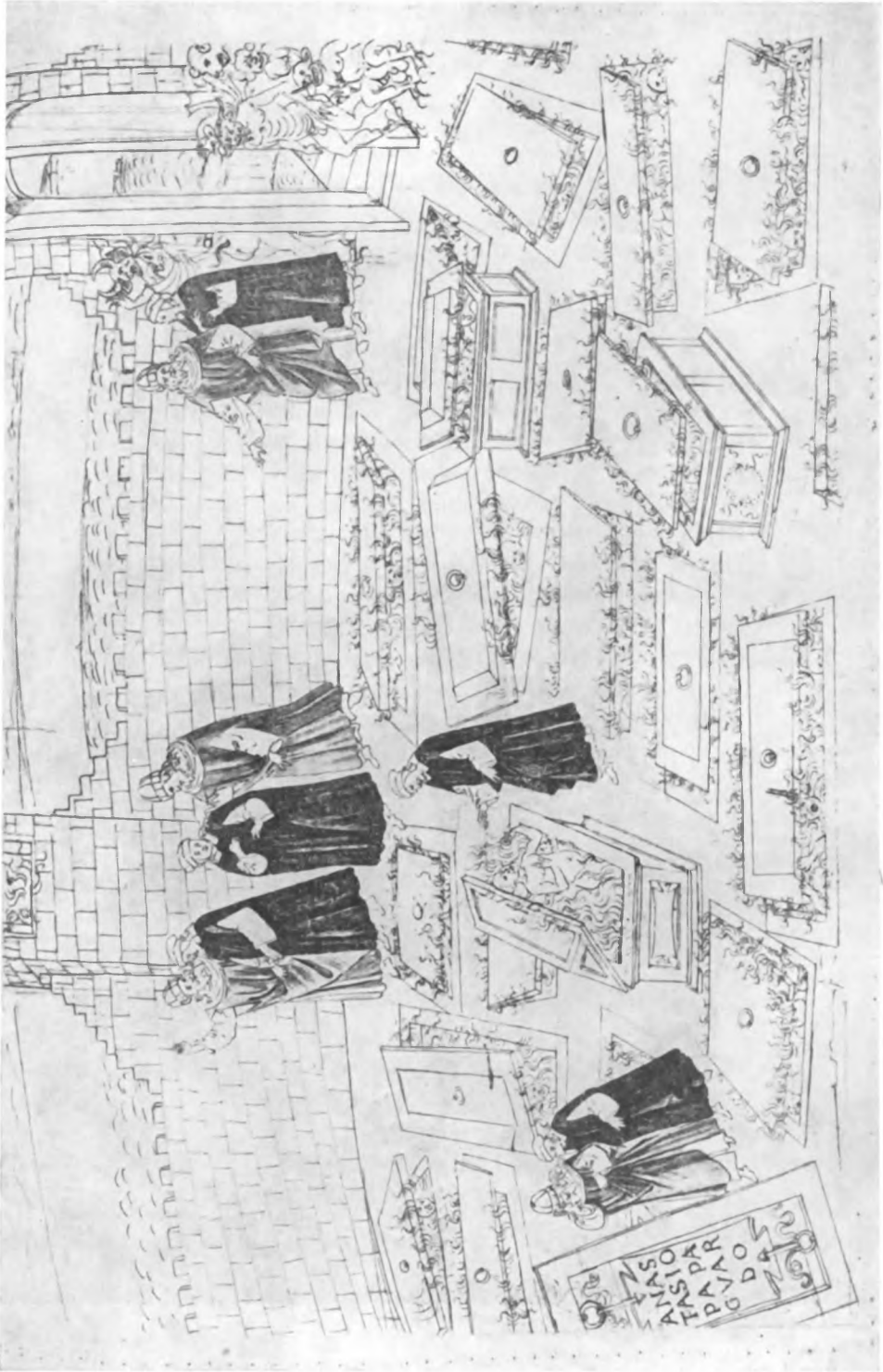
Ты, судя по наречию, наверно 25
Сын благородной родины моей,
Быть может, мной измученной чрезмерно».

Нежданно грянул звук таких речей 28
Из некоей могилы; оробело
Я к моему вождю прильнул тесней.

И он мне: «Что ты смотришь так несмело? 31
Взгляни, ты видишь: Фарината встал.
Вот: всё от чресл и выше видно тело».

- 34 Уже я взгляд в лицо ему вперял;
А он, чело и грудь вздымая властно,
Казалось, Ад с презреньем озирал.
- 37 Меня мой вождь продвинул безопасно
Среди огней, лизавших нам пяты,
И так промолвил: «Говори с ним ясно».
- 40 Когда я стал у поднятой плиты,
В ногах могилы, мертвый, глянув строго,
Спросил надменно: «Чей потомок ты?»
- 43 Я, повинуюсь, не укрыл ни слога,
Но в точности поведал обо всем;
Тогда он брови изогнул немного,
- 46 Потом сказал: «То был враждебный дом
Мне, всем моим сокровным и клеветам;
Он от меня два раза нес разгром».
- 49 «Хоть изгнаны,— не медлил я ответом,—
Они вернулись вновь со всех сторон;
А вашим счастья нет в искусстве этом».
- 52 Тут новый призрак, в яме, где и он,
Приподнял подбородок выше края;
Казалось, он коленопреклонен.
- 55 Он посмотрел окрест, как бы желая
Увидеть, нет ли спутника со мной;
Но умерла надежда, и, рыдая,
- 58 Он молвил: «Если в этот склеп слепой
Тебя привел твой величавый гений,
Где сын мой? Почему он не с тобой?»
- 61 Я не своею волей в царстве теней,—
Ответил я,— и здесь мой вождь стоит;
А Гвидо ваш не чтит его творений».
- 64 Его слова и казни самый вид
Мне явственно прочли, кого я встретил;
И отзыв мой был ясен и открыт.
- 67 Вдруг он вскочил, крича: «Как ты ответил?
Он их не чтит? Его уж нет средь вас?
Отрадный свет его очам не светел?»

- И так как мой ответ на этот раз 70
 Недолгое молчанье предваряло,
 Он рухнул навзничь и исчез из глаз.
- А тот гордец, чья речь меня призвала 73
 Стать около, недвижим был и тих
 И облик свой не изменил нимало.
- «То, — продолжал он снова, — что для них 76
 Искусство это трудным остается,
 Больше мне, чем ложе мук моих.
- Но раньше, чем в полсотый раз зажжется 79
 Лик госпожи, чью волю здесь творят,
 Ты сам поймешь, легко ль оно дается.
- Но — в милый мир да обретешь возврат! — 82
 Поведай мне: зачем без снисхожденья
 Законы ваши всех моих клеймят?»
- И я на это: «В память истребленья, 85
 Окрасившего Арбию в багрец,
 У нас во храме так творят моления.
- Вздыхнув всердцах, он молвил наконец: 88
 «Там был не только я, и в бой едва ли
 Шел беспричинно хоть один боец.
- Зато я был один, когда решали 91
 Флоренцию стереть с лица земли;
 Я спас ее, при поднятом забрале».
- «О, если б ваши внуки мир нашли! — 94
 Ответил я. — Но разрешите пути,
 Которые мой ум обволокли.
- Как я сужу, пред вами разомкнуты 97
 Сокрытые в грядущем времена,
 А в настоящем взор ваш полон смуты».
- «Нам только даль отчетливо видна, — 100
 Он отвечал, — как дальнотормим людям;
 Лишь эта ясность нам Вождем дана.
- Что́ близится, что́ есть, мы этим трудим 103
 Наш ум напрасно; по чужим вестям
 О вашем смертном бытии мы судим.

- 106 Поэтому,— как ты поймешь и сам,—
 Едва замкнется дверь времен грядущих,
 Умрет всё знание, свойственное нам».
- 109 И я, в скорбях, меня укором жгущих:
 «Поведайте упавшему тому,
 Что сын его еще среди живущих;
- 112 Я лишь затем не отвечал ему,
 Что размышлял, сомнением объятый,
 Над тем, что ныне явственно уму».
- 115 Уже меня окликнул мой вожатый;
 Я молвил духу, что я речь прерву,
 Но знать хочу, кто с ним в земле проклятой.
- 118 И он: «Здесь больше тысячи во рву;
 И Федерик второй лег в яму эту,
 И кардинал; лишь этих назову».
- 121 Тут он исчез; и к древнему поэту
 Я двинул шаг, в тревоге от угроз,
 Ища разгадку темному ответу.
- 124 Мы вдаль пошли; учитель произнес:
 «Чем ты смущен? Я это сердцем чую».
 И я ему ответил на вопрос.
- 127 «Храни, как слышал, правду роковую
 Твоей судьбы»,— мне повелел поэт.
 Потом он поднял перст: «Но знай другую:
- 130 Когда ты вступишь в благодатный свет
 Прекрасных глаз, всё видящих правдиво,
 Постигнешь путь твоих грядущих лет».
- 133 Затем левой он взял неторопливо,
 И нас от стен повел пологий скат
 К середине круга, в сторону обрыва,
- 136 Откуда тяжкий доносился смрад.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

М

мы подошли к окраине обвала,
Где гряда скал под нашею пятой
Еще страшной пучину открывала.
И тут от вони едкой и густой, 4
Навстречу нам из пропасти валившей,
Мой вождь и я укрылись за плитой
Большой гробницы, с надписью, гласившей: 7
«Здесь папа Анастасий заточен,
Вослед Фотину правый путь забывший».
«Не торопись ступать на этот склон, 10
Чтоб к запаху привыкло обонянье;
Потом мешать уже не будет он».
Так спутник мой. «Заполни ожиданье, 13
Чтоб не пропало время», — я сказал.
И он в ответ: «То и мое желанье».
«Мой сын, посередине этих скал, — 16
Так начал он, — лежат, как три ступени,
Три круга, меньше тех, что ты видал.
Во всех толпятся проклятые тени; 19
Чтобы потом лишь посмотреть на них,
Узнай их грех и образ их мучений.
В неправде, вредоносной для других,
Цель всякой злобы, небу неудобной;
Обман и сила — вот орудья злых.
Обман, порок, лишь человеку сродный, 2
Гнусней Творцу; он заполняет дно
И пытку казнится безысходной.
Насилье в первый круг заключено, 28
Который на три пояса дробится,
Затем что видом тройственно оно.
Творцу, себе и ближнему чинится 31.
Насилье, им самим и их вещам,
Как ты, внимая, можешь убедиться».

- 34 Насилье ближний терпит или сам,
 Чрез смерть и раны, или подвергаясь
 Пожарам, притеснениям, грабежам.
- 37 Убийцы, те, кто ранит, озлобляясь,
 Громилы и разбойники идут
 Во внешний пояс, в нем распределяясь.
- 40 Иные сами смерть себе несут
 И своему добру; зато так больно
 Себя же в среднем поясе клянут
- 43 Те, кто ваш мир отринул своевольно,
 Кто возлюбил игру и мотовство
 И плакал там, где мог бы жить привольно.
- 46 Насильем оскорбляют божество,
 Хуля его и сердцем отрицая,
 Презрев любовь Творца и естество.
- 49 За это пояс, выющийся вдоль края,
 Клеймит огнем Каорсу и Содом
 И тех, кто ропщет, бога отвергая.
- 52 Обман, который всем сердцам знаком,
 Приносит вред и тем, кто доверяет,
 И тем, кто не доверился ни в чем.
- 55 Последний способ связь любви ломает,
 Но только лишь естественную связь;
 И казнь второго круга тех терзает,
- 58 Кто лицемерит, льстит, берет таясь,
 Волшбу, подлог, торг должностью церковной,
 Мздоимцев, своден и другую грязь.
- 61 А первый способ, разрушая кровный
 Союз любви, вдобавок не щадит
 Союз доверья, высший и духовный.
- 64 И самый малый круг, в котором Дит
 Воздвиг престол и где ядро вселенной,
 Предавшего навеки поглотит»
- 67 И я: «Учитель, в речи совершенной
 Ты образ бездны предо мной явил
 И рассказал, кто в ней томится пленный.

- Но молви: те, кого объемлет ил, 70
И хлещет дождь, и мечет вихрь ненастный,
И те, что спорят из последних сил,
Зачем они не в этот город красный 73
Заклочены, когда их проклял бог?
А если нет, зачем они несчастны?»
И он сказал на это: «Как ты мог 76
Так отступить от здравого сужденья?
И где твой ум блуждает без дорог?
Ужели ты не помнишь изреченья 79
Из Этики, что пагубней всего
Три ненавистных небесам влеченья:
Несдержанность, злоба, буйное скотство? 82
И что несдержанность — меньший грех пред богом
И он не так карает за него?
Обдумав это в размышленье строгом 85
И вспомнив тех, чье место вне стены
И кто наказан за ее порогом,
Поймешь, зачем они отделены 88
От этих злых и почему их муки
Божественным судом облегчены».
«О свет, которым зорок близорукий, 91
Ты учишь так, что я готов любить
Неведение не менее науки.
Вернись,— сказал я,— чтобы разъяснить, 94
В чем ростовщик чернит своим пороком
Любовь Творца; распутай эту нить».
И он: «Для тех, кто дорожит уроком, 97
Не раз философ повторил слова,
Что естеству являются истоком
Премудрость и искусство божества. 100
И в Физике прочтешь, и не в исходе,
А только лишь перелистав едва:
Искусство смертных следует природе, 103
Как ученик ее, за пядью пядь;
Оно есть божий внук, в известном роде.

- 106 Им и природой, как ты должен знать
 Из книги Бытия, господне слово
 Велело людям жить и процветать.
- 109 А ростовщик, сойдя с пути благого,
 И самую природой пренебрег,
 И спутником ее, ища другого.
- 112 Но нам пора; прошел немалый срок;
 Блеснули Рыбы над чертой востока,
 И Воз уже совсем над Кавром лег,
- 115 А к спуску нам идти еще далеко».

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Был грозен срыв, откуда надо было
Спускаться вниз, и зрелище являл,
Которое любого бы смутило.
Как ниже Тренто видится обвал, 4
Обрушенный на Адиче когда-то
Землетрясеньем иль паденьем скал,
И каменная круча так щербата, 7
Что для идущих сверху поселян
Как бы тропинкой служат глыбы ската,
Таков был облик этих мрачных стран; 10
А на краю, над сходом к бездне новой,
Раскинувшись, лежал позор критян,
Зачатый древле мнимою коровой. 13
Завидев нас, он сам себя терзать
Зубами начал в злобе бестолковой.
Мудрец ему: «Ты бесишься опять? 16
Ты думаешь, я здесь с Афинским дуком,
Который приходил тебя заклать?
Посторонись, скот! Хитростным наукам 19
Твоей сестрой мой спутник не учен;
Он только соглядатай вашим мукам».
Как бык, секирой насмерть поражен, 22
Рвет свой аркан, но к бегу неспособен
И только скачет, болью оглушен,
Так Минотавр метался, дик и злобен; 25
И зоркий вождь мне крикнул: «Вниз беги!
Пока он в гневе, миг как раз удобен».
Мы под уклон направили шаги, 28
И часто камень угрожая обвалом
Под новой тяжестью моей ноги.
Я шел в раздумье. «Ты дивишься скалам, 31
Где этот лютый зверь не тронул нас? —
Промолвил вождь по размышленью малом.—

- 34 Так знай же, что, когда я прошлый раз
Шел нижним Адом в сумрак сокровенный,
Здесь не лежали глыбы, как сейчас.
- 37 Но перед тем, как в первый круг геенны
Явился тот, кто стольких в небо взял,
Которые у Дита были пленны,
- 40 Так мощно дрогнул пасмурный провал,
Что я подумал — мир любовь объяла,
Которая, как некто полагал,
- 43 Его и прежде в хаос обращала;
Тогда и этот рушился утес,
И не одна кой-где скала упала.
- 46 Но посмотри: вот, окаймив откос,
Течет поток кровавый, сожигая
Тех, кто насилье ближнему нанес».
- 49 О гнев безумный, о корысть слепая,
Вы мучите наш краткий век земной
И в вечности томите, истязая!
- 52 Я видел ров, изогнутый дугой
И всю равнину обходящий кругом,
Как это мне поведал спутник мой;
- 55 Меж ним и кручей мчались друг за другом
Кентавры, как, бывало, на земле,
Гоняя зверя, мчались вольным лугом.
- 58 Все стали, нас приметив на скале,
А трое подскакали ближе к краю,
Готовя лук и выбрав по стреле.
- 61 Один из них, опередивший стаю,
Кричал: «Кто вас послал на этот след?
Скажите с места, или я стреляю».
- 64 Учитель мой промолвил: «Мы ответ
Дадим Хирону, под его защитой.
Ты был всегда горяч, себе во вред».
- 67 И, тронув плащ мой: «Это Несс, убитый
За Деяниру, гнев предсмертный свой
Залечатлевший мстью знаменитой.

- Тот, средний, со склоненной головой,— 70
Хирон, Ахиллов пестун величавый;
А третий — Фол, с душою грозовой.
- Их толпы вдоль реки снуют облавой, 73
Стреляя в тех, кто, по своим грехам,
Всплывет не в меру из волны кровавой».
- Мы подошли к проворным скакунам; 76
Хирон, браздой стрелы раздвинув клубы
Густых усов, пригладил их к щекам
- И, опростав свои большие губы, 79
Сказал другим: «Вон тот, второй, пришлец,
Когда идет, шевелит камень грубый;
- Так не ступает ни один мертвец». 82
Мой добрый вождь, к его приблизясь груди,
Где две природы сочетал стрелец,
- Сказал: «Он жив, как все живые люди; 85
Я — вождь его сквозь сумрачный простор;
Он следует нужде, а не причуде.
- И та, чей я свершаю приговор, 88
Сходя ко мне, прервала «Аллилуйя»;
Я сам не грешный дух, и он не вор.
- Верховной волей в страшный путь иду я. 91
Так пусть же с нами двинется в поход
Один из вас, дорогу указуя,
- И этого на круп к себе возьмет 94
И переправит в месте неглубоком;
Ведь он не тень, что в воздухе плывет».
- Хирон направо обратился боком 97
И молвил Нессу: «Будь проводником;
Других гони, коль встретишь ненароком».
- Вдоль берега, над алым кипятком, 100
Вожатый нас повел без прекословий.
Был страшен крик варившихся живьем.
- Я видел погрузившихся по брови. 103
Кентавр сказал: «Здесь не один тиран,
Который жаждал золота и крови:

- 106 Все, кто насильем осквернил свой сан.
Здесь Александр и Дионисий лютый,
Сицилии нанесший много ран;
- 109 Вот этот, с черной шерстью,— пресловутый
Граф Адзолино; светлый, рядом с ним,—
Обиццо д'Эсте, тот, что в мире смуты
- 112 Родимым сыном истреблен своим».
Поняв мой взгляд, вождь молвил, благосклонный:
«Здесь он да будет первым, я — вторым».
- 115 Потом мы подошли к неотдаленной
Толпе людей, где каждый был покрыт
По горло этой влагой раскаленной.
- 118 Мы видели — один вдали стоит.
Несс молвил: «Он пронзил под божьей сенью
То сердце, что над Темзой кровь точит».
- 121 Потом я видел, ниже по теченью,
Других, являвших плечи, грудь, живот;
Иной из них мне был знакомой тенью.
- 124 За пядью пядь, спадал волноворот,
И под конец он обжигал лишь ноги;
И здесь мы реку пересекли вброд.
- 127 «Как до сих пор, всю эту часть дороги,—
Сказал кентавр,— мелеет кипяток,
Так, дальше, снова под уклон отлогий
- 130 Уходит дно, и пучится поток,
И, полный круг смыкая там, где стонет
Толпа тиранов, он опять глубок.
- 133 Там под небесным гневом выю клонит
И Аттила, когда-то бич земли,
И Пирр, и Секст; там мука слезы гонит,
- 136 И вечным плачем лица обожгли
Риньер де'Пацци и Рипьер Корнето,
Которые такой разбой вели».
- 139 Тут он помчался вспять и скрылся где-то.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Еще кентавр не пересек потока,
Как мы вступили в одичалый лес,
Где ни тропы не находило око.
Там бурых листьев сумрачен навес, 4
Там вьется в узел каждый сук ползущий,
Там нет плодов, и яд в шипах древес.
Такой унылой и дремучей пущи 7
От Чéчины и до Корнето нет,
Приют зверью пустынному дающей.
Там гнезда гарний, их поганый след, 10
Тех, что троян, закинутых кочевьем,
Прогнали со Строфад предвестьем бед.
С широкими крылами, с ликом девьим, 13
Когтистые, с пернатым животом,
Они тоскливо кличут по деревьям.
«Пред тем, как дальше мы с тобой пойдем,— 16
Так начал мой учитель, наставляя,—
Знай, что сейчас мы в поясе втором,
А там, за ним, пустыня огневая. 19
Здесь ты увидишь то,— добавил он,—
Чему бы не поверил, мне внимая».
Я отовсюду слышал громкий стон, 22
Но никого окрест не появлялось;
И я остановился, изумлен.
Учителю, мне кажется, казалось, 25
Что мне казалось, будто это крик
Толпы какой-то, что в кустах скрывалась.
И мне сказал мой мудрый проводник: 28
«Тебе любую ветвь сломать довольно,
Чтоб домысел твой рухнул в тот же миг».
Тогда я руку протянул невольно 31
К терновнику и отломил сучок;
И ствол воскликнул: «Не ломай, мне больно!»

34 В надломе кровью потемнел росток
И снова крикнул: «Прекрати мученья!
Ужели дух твой до того жесток?

37 Мы были люди, а теперь растенья.
И к душам гадов было бы грешно
Выказывать так мало сожаленья.

40 И как с конца палимое бревно
От тока ветра и его накала
В другом конце трещит и слез полно,

43 Так раненое древо источало
Слова и кровь; я в ужасе затих,
И наземь ветвь из рук моих упала.

46 «Когда б он знал, что на путях своих,—
Ответил вождь мой жалобному звуку,—
Он встретит то, о чем вещал мой стих,

49 О бедный дух, он не простер бы руку.
Но чтоб он мог чудесное познать,
Тебя со скорбью я обрек на муку.

52 Скажи ему, кто ты: дабы воздать
Тебе добром, он о тебе вспомянет
В земном краю, куда взойдет опять».

55 И древо: «Твой призыв меня так манит,
Что не могу внимать ему, молча;
И пусть не в тягость вам рассказ мой станет.

58 Я тот, кто оба сберегал ключа
От сердца Федерика и вращал их
К затвору и к отвору, не звуча,

61 Хранитель тайн его, больших и малых.
Неся мой долг, который мне был свят,
Я не щадил ни сна, ни сил усталых.

64 Развратница, от кесарских палат
Не отводящая очей тлетворных,
Чума народов и дворцовый яд,

67 Так воспалила на меня придворных,
Что Август, их пыланьем воспылав,
Низверг мой блеск в пучину бедствий черных.

- Смятенный дух мой, вознегодовав, 70
Замыслил смертью помешать злословью,
И правый стал перед собой неправ.
- Моих корней клянусь ужасной кровью, 73
Я жил и умер, свой обет храня,
И господину я служил любовью!
- И тот из вас, кто выйдет к свету дня, 76
Пусть честь мою излечит от извета,
Которым зависть ранила меня!»
- «Он смолк,— услышал я из уст поэта.— 79
Заговори с ним,— время не ушло,—
Когда ты ждешь на что-нибудь ответа».
- «Спроси его что хочешь, что б могло 82
Быть мне полезным,— молвил я, смущенный.—
Я не решусь; мне слишком тяжело».
- «Вот этот,— начал спутник благосклонный,— 85
Готов свершить тобой просимый труд.
А ты, о дух, в темницу заточенный,
Поведай нам, как душу в плен берут 88
Узлы ветвей; поведай, если можно,
Выходят ли когда из этих пут».
- Тут ствол дохнул огромно и тревожно, 91
И в этом вздохе слову был исход:
«Ответ вам будет дан немногосложно.
- Когда душа, ожесточась, порвет 94
Самоуправно оболочку тела,
Минос ее в седьмую бездну шлет.
- Ей не дается точного предела; 97
Упав в лесу, как малое зерно,
Она растет, где ей судьба велела.
- Зерно в побег и в ствол превращено; 100
И гарпии, кормясь его листьями,
Боль создают и боли той окно.
- Пойдем и мы за нашими телами, 103
Но их мы не наденем в судный день:
Не наше то, что сбросили мы сами.

- 106 Мы их притащим в сумрачную сень,
И плоть повиснет на кусте колючем,
Где спит ее безжалостная тень».
- 109 Мы думали, что ствол, тоскою мучим,
Еще и дальше говорить готов,
Но услышали шум в лесу дремучем,
- 112 Как на облаве внемлет зверолов,
Что мчится вебрь и вслед за ним борзые,
И слышит хруст растоптанных кустов.
- 115 И вот бегут, левее нас, нагие,
Истерзанные двое, меж ветвей,
Ломая грудью заросли тугие.
- 118 Передний: «Смерть, ко мне, ко мне скорей!»
Другой, который не отстать старался,
Кричал: «Сегодня, Лано, ты быстреей,
121 Чем был, когда у Топпо подвизался!»
Он, задыхаясь, посмотрел вокруг,
Свалился в куст и в грудь с ним смешался.
- 124 А сзади лес был полон черных сук,
Голодных и бегущих без оглядки,
Как гончие, когда их спустят вдруг.
- 127 В упавшего, всей силой жадной хватки,
Они впились зубами налету
И растащили бедные остатки.
- 130 Мой проводник повел меня к кусту;
А тот, в крови, оплакивал, стеная,
Своих поломов горькую тщету:
- 133 «О Джакомо да Сант-Андреа! Злая
Была затея защищаться мной!
Я ль виноват, что жизнь твоя дурная?»
- 136 Остановясь над ним, наставник мой
Промолвил: «Кем ты был, сквозь эти раны
Струящий с кровью скорбный голос свой?»
- 139 И он в ответ: «О души, в эти страны
Пришедшие сквозь вековую тьму,
Чтоб видеть в прахе мой покров раздраный,

Сгребите листья к терну моему!	142
Мой город — тот, где ради Иоанна Забит былой заступник; потому	
Его искусство мстит нам неустанно;	145
И если бы поднесь у Арнских вод Его частица не была сохранна,	
То строившие сызнова оплот	148
На Аттиловом грозном пепелище — Напрасно утруждали бы народ.	
Я сам себя казнил в моем жилище».	151

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Объят печалью о местах, мне милых,
Я подобрал опавшие листы
И обессиленному возвратил их.

4 Пройдя сквозь лес, мы вышли у черты,
Где третий пояс лег внутри второго
И гневный суд вершится с высоты.

7 Дабы явить, что взору было ново,
Скажу, что нам, огромной пеленой,
Открылась степь, где нет ростка живого.

10 Злосчастный лес ее обвил каймой,
Как он и сам обвит рекой горячей;
Мы стали с краю, я и спутник мой.

13 Вся даль была сплошной песок сыпучий,
Как тот, который попирал Катон,
Из края в край пройдя равниной жгучей.

16 О божья месть, как тяжко уstraшен
Быть должен тот, кто прочитает ныне,
На что мой взгляд был въяве устремлен!

19 Я видел толпы голых душ в пустыне:
Все плакали, в терзанье вековом,
Но разной обреченные судьбине.

22 Кто был повержен навзничь, вверх лицом,
Кто, съжившись, сидел на почве пыльной,
А кто сновал без устали кругом.

25 Разряд шагавших самый был обильный;
Лежавших я всех меньше насчитал,
Но вопль их скорбных уст был самый сильный.

28 А над пустыней медленно спадал
Дождь пламени, широкими платками,
Как снег в безветрии нагорных скал.

31 Как Александр, под знойными лучами
Сквозь Индию ведя свои полки,
Настигнут был падучими огнями

- И приказал, чтобы его стрелки 34
 Усерднее топтали землю, зная,
 Что порознь легче гаснут языки, —
- Так опускалась вьюга огневая; 37
 И прах пылал, как под огнивом трут,
 Мучения казнимых удвоя.
- И я смотрел, как вечный пляс ведут 40
 Худые руки, стряхивая с тела
 То здесь, то там огнепалящий зуд.
- Я начал: «Ты, чья сила одолела 43
 Все, кроме бесов, коими закрыт
 Нам доступ был у грозного предела,
 Кто это, рослый, хмуρο так лежит, 46
 Презрев пожар, палящий отовсюду?
 Его и дождь, я вижу, не смягчит».
- А тот, поняв, что я дивлюсь, как чуду, 49
 Его гордыне, отвечал, крича:
 «Каким я жил, таким и в смерти буду!
- Пускай Зевес замучит ковача, 52
 Из чьей руки он взял перун железный,
 Чтоб в смертный день меня сразить сплеча,
 Или пускай работой бесполезной 55
 Всех в Монджибельской кузне надорвет,
 Вопя: „Спасай, спасай, Вулкан любезный!“,
 Как он над Флегрой возглашал с высот, 58
 И пусть меня громит грозой всечасной,—
 Веселой мести он не обретет!»
- Тогда мой вождь воскликнул с силой страстной, 61
 Какой я в нем не слышал никогда:
 «О Капаней, в гордыне неугасной —
 Твоя наитягчайшая беда: 64
 Ты сам себя, в неистовстве великом,
 Казнишь жесточе всякого суда».
- И молвил мне, с уже спокойным ликом: 67
 «Он был один из тех семи царей,
 Что осаждали Фивы; в буйстве диком,

- 70 Гнушался богом — и не стал смиренней;
Как я ему сказал, он по заслугам
Украшен славой дерзостных речей.
- 73 Теперь идем, как прежде, друг за другом;
Но не касайся жгучего песка,
А обходи, держась опушки, кругом.
- 76 В безмолвье мы дошли до ручейка,
Спешащего из леса быстрым током,
Чья алость мне и до сих пор жутка.
- 79 Как Буликаме убегает стоком,
В котором воду грешницы берут,
Так нистекал и он в песке глубоко.
- 82 Закраины, что по бокам идут,
И дно его, и склоны — камнем стали;
Я понял, что дорога наша — тут.
- 85 «Среди всего, что мы с тобой видали
С тех самых пор, как перешли порог,
Открытый всем входящим, ты едва ли
- 88 Чудеснее что-либо встретить мог,
Чем эта речка, силой испаренья
Смиряющая всякий огонек».
- 91 Так молвил вождь; взыскуя поученья,
Я попросил, чтоб, голоду вослед,
Он мне и пищу дал для утоленья.
- 94 «В середине моря,— молвил он в ответ,—
Есть ветхий край, носящий имя Крита,
Под чьим владыкой был безгрешен свет.
- 97 Меж прочих гор там Ида знаменита;
Когда-то влагой и листвою блестя,
Теперь она пустынна и забыта.
- 100 Ей Рея вверила свое дитя,
Ища ему приюта и опеки
И плачущего шумом защитя.
- 103 В горе стоит великий старец некий;
Он к Дамиате обращен спиной
И к Риму, как к зеркалу, поднял веки.

Он золотой сияет головой,	106
А грудь и руки — серебро литое, И дальше — медь, дотуда, где раздвой;	
Затем — железо донизу простое,	109
Но глиняная правая плюсна, И он на ней почил, как на устое.	
Вся плоть, от шеи вниз, рассечена,	112
И капли слез сквозь трещины струятся, И дно пещеры гложет их волна.	
В подземной глубине из них родятся	115
И Ахерон, и Стикс, и Флегетон; Потом они сквозь этот сток стремятся,	
Чтоб там, внизу, последний минов склон,	118
Создать Коцит; но умолчу про это; Ты вскоре сам увидишь тот затон».	
Я молвил: «Если из земного света	121
Досюда эта речка дотекла, Зачем она от нас таилась где-то?»	
И он: «Вся эта впадина кругла;	124
Хотя и шел ты многими тропами Всё влево, опускаясь в глубь жерла,	
Но полный круг еще не пройден нами;	127
И если случай новое принес, То не дивись смущенными очами».	
«А Лета где? — вновь задал я вопрос.—	130
Где Флегетон? Ее ты не отметил, А тот, ты говоришь, возник из слез».	
«Ты правильно спросил,— мой вождь ответил.—	133
Но в клокотанье этих алых вод Одну разгадку ты воочью встретил.	
Придешь и к Лете, но она течет	136
Там, где душа восходит к омовенью, Когда вина избытая спадет».	
Потом сказал: «Теперь мы с этой сенью	139
Простимся; следуй мне и след храни: Тропа идет вдоль русла, по теченью, Где влажный воздух гасит все огни».	142

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Вот мы идем вдоль каменного края;
А над ручьем обильный пар встает,
От пламени плотину избавляя.

4 Как у фламандцев выстроен оплот
Меж Бруджей и Гвидзантом, чтоб заране
Предотвратить напор могучих вод,

7 И как вдоль Brentы строят падуане,
Чтоб замок и посад был защищен,
Пока не дышет зной на Кьярентане,

10 Так сделаны и эти, с двух сторон,
Хоть и не столь высоко и широко
Их создал мастер, кто бы ни был он.

13 Уже от рощи были мы далеко,
И сколько б я ни обращался раз,
Я к ней напрасно устремлял бы око.

16 Навстречу нам шли тени и на нас
Смотрели снизу, глаз сощуря в щелку,
Как в новолунье люди, в поздний час,

19 Друг друга озирают втихомолку;
И каждый бровью пристально повел,
Как старый швец, вдевая нить в иголку.

22 Одним из тех, кто, так взирая, шел,
Я был опознан. Вскрикнув: «Что за диво!» —
Он ухватил меня за мой подол.

25 Я в опаленный лик взглянул пытливо,
Когда рукой он взялся за кайму,
И темный образ явственно и живо

28 Себя открыл рассудку моему;
Склонясь к лицу, где пламень выжег пятна:
«Вы, сэр Брунетто?» — молвил я ему.

31 И он: «Мой сын, тебе не неприятно,
Чтобы, покинув остальных, с тобой
Латиню чуточку прошел обратно?»

- Я отвечал: «Прошу вас всей душой; 34
А то, хотите, я присяду с вами,
Когда на то согласен спутник мой».
- И он: «Мой сын, кто из казнимых с нами 37
Помедлит миг, потом лежит сто лет,
Не шевелясь, бичуемый огнями.
- Ступай вперед; я — низом, вам вослед; 40
Потом вернусь к дружине, вопиющей
О вечности своих великих бед».
- Я не посмел идти равниной жгущей 43
Бок о бок с ним; но головой поник,
Как человек, почтительно идущий.
- Он начал: «Что за рок тебя подвиг 46
Спуститься раньше смерти в царство это?
И кто, скажи мне, этот проводник?»
- «Там, наверху, — я молвил, — в мире света, 49
В долине заблудился я одной,
Не завершив мои земные лета.
- Вчера лишь утром к ней я стал спиной, 52
Но отступил; тогда его я встретил,
И вот он здесь ведет меня домой».
- «Звезде твоей доверься, — он ответил, — 55
И в пристань славы вступит твой челнок,
Коль в милой жизни верно я приметил.
- И если б я не умер в ранний срок, 58
То, видя путь твой, небесам угодный,
В твоих делах тебе бы я помог.
- Но этот злой народ неблагородный, 61
Пришедший древле с Фьезольских высот
И до сих пор горе и камню сродный,
- За все добро врагом тебя сочтет: 64
Среди худой рябины не пристало
Смоковнице растить свой нежный плод.
- Слепыми их прозвали изначала; 67
Завистливый, надменный, жадный люд;
Общенье с ним тебя бы запятнало.

- 70 В обоих станах, увидав твой труд,
Тебя взалкают; только попустому,
И клювы их травы не зацепнут.
- 73 Пусть фъезольские твари, как солому,
Пожрут себя, не трогая росток,
Коль в их навозе место есть такому,
- 76 Который семя чистое сберег
Тех римлян, что когда-то основались
В гнездилище неправды и тревог.
- 79 «Когда бы все мои мольбы свершались,—
Ответил я,— ваш день бы не угас,
И вы с людьми еще бы не расстались.
- 82 Во мне живет, и горек мне сейчас,
Ваш отчий образ, милый и сердечный,
Того, кто наставлял меня не раз,
- 85 Как человек восходит к жизни вечной;
И долг пред вами я, в свою чреду,
Отмечу словом в жизни быстротечной.
- 88 Я вашу речь запечатлел и жду,
Чтоб с ней другие записи сличила
Та, кто умеет, если к ней взойду.
- 91 Но только знайте: лишь бы не корила
Мне душу совесть, я в сужденный миг
Готов на все, что предрекли светила.
- 94 К таким посулам я уже привык;
Так пусть Фортуна колесом вращает,
Как ей угодно, и киркой — мужик!»
- 97 Тут мой учитель на меня взирает
Чрез правое плечо и говорит:
«Разумно слышит тот, кто примечает».
- 100 Меж тем и сэр Брунетто не молчит
На мой вопрос, кто из его собратий
Особенно высок и знаменит.
- 103 Он молвил так: «Иных отметить кстати;
Об остальных похвально умолчать,
Да и не счесть такой обильной рати.

-
- То люди церкви, лучшая их знать, 106
Ученые, известные всем странам;
Единая пятнает их печать.
- В том скорбном сонме — вместе с Присцианом 109
Аккурсиев Франциск; и я готов
Сказать, коль хочешь, и о том поганом,
Который послан был рабом рабов 112
От Арно к Баккильоне, где и скинул
Плотской, к дурному влекшийся, покров.
- Еще других я назвал бы; но минул 115
Недолгий срок беседы и пути:
Песок, я вижу, новой пылью хлынул;
- От этих встречных должен я уйти. 118
Храни мой Клад, я в нем живым остался;
Прошу тебя лишь это соблюсти».
- Он обернулся и бегом помчался, 121
Как те, кто под Вероною бежит
К зеленому сукну, причем казался
Тем, чья победа, а не тем, чей стыд. 124

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Уже вблизи я слышал гул тяжелый
Воды, спадавшей в следующий круг,
Как если бы гудели в ульях пчелы,—
4 Когда три тени отделились вдруг,
Метнувшись к нам, от шедшей вдоль потока
Толпы, гонимой ливнем жгучих мук.
7 Спеша, они зывали издалека:
«Постой! Мы по одежде признаем,
Что ты пришел из города порока!»
10 О, сколько язв, изглоданных огнем,
Являл очам их облик несчастливый!
Мне больно даже вспоминать о нем.
13 Мой вождь сказал, услышав их призывы
И обратясь ко мне: «Повремени.
Нам нужно показать, что мы учтивы.
16 Я бы сказал, когда бы не огни,
Разящие, как стрелы, в этом зное,
Что должен ты спешить, а не они».
19 Чуть мы остановились, те былое
Возобновили пенье; к нам домчась,
Они кольцом забегали все трое.
22 Как голые атлеты, умястясь,
Друг против друга кружат по арене,
Чтобы потом схватиться, изловчась,
25 Так возле нас кружили эти тени,
Лицом ко мне, вращая шею вспять,
Когда вперед стремились их колени.
28 «Увидев эту взрыхленную гладь,—
Воззвал один,— и облик наш кровавый,
Ты нас, просящих, должен презирать;
31 Но преклонись, во имя нашей славы,
Сказать нам, кто ты, адскою тропой
Идущий мимо нас, живой и здравый!

- Вот этот, чьи следы я мну стопой,— 34
 Хоть голый он и струпьями изрытый,
 Был выше, чем ты думаешь, судьбой.
- Он внуком был Гвальдрады именитой 37
 И звался Гвидо Гверра, в мире том
 Мечом и разуменьем знаменитый.
- Тот, пыль толкущий за моим плечом,— 40
 Теггьяйо Альдобранди, чьи заслуги
 Великим должно поминать добром.
- И я, страдалец этой жгучей вьюги, 43
 Я, Рустикуччи, распят здесь, вина
 В моих злосчастьях нрав моей супруги».
- Будь у меня защита от огня, 46
 Я бросился бы к ним с тропы прибрежной,
 И мой мудрец одобрил бы меня;
- Но, уstraшенный болью неизбежной, 49
 Я побоялся кинуться к теням
 И к сердцу их прижать с приязнью нежной.
- Потом я начал: «Не презренье к вам, 52
 А скорбь о вашем горестном уделе
 Вошла мне в душу, чтоб остаться там,
- Когда мой вождь, завидев вас отселе, 55
 Сказал слова, явившие сполна,
 Что вы такие, как и есть на деле.
- Отчизна с вами у меня одна; 58
 И я любил и почитал измлада
 Ваш громкий труд и ваши имена.
- Отвергнув желчь, взыскую яблोक сада, 61
 Обещанного мне вождем моим;
 Но прежде к средоточью пасть мне надо».
- «Да будешь долго ты руководим,— 64
 Ответил он,— душою в теле здоровом;
 Да светит слава по следам твоим!
- Скажи: любовь к добру и к честным нравам 67
 Еще живет ли в городе у нас,
 Иль разбрелась давно по всем заставам?

- 70 Гульельмо Борсиере, здесь как раз
 Теперь казнимый,— вон он там, в пустыне,—
 Принес с собой нерадостный рассказ.
- 73 «Ты предалась беспутству и гордыне,
 Пришельцев и наживу обласкав,
 Флоренция, тоскующая ныне!» —
- 76 Так я вскричал, лицо мое подняв;
 Они переглянулись, вняв ответу,
 Подобно тем, кто слышит, что был прав.
- 79 «Когда все просьбы так легко, как эту,
 Ты утоляешь,— отклик их гласил,—
 Счастливец ты, дарящий правду свету!
- 82 Да узришь снова красоту светил,
 Простясь с неозаренными местами!
 Тогда, с отрадой вспомянув: „Я был“,
- 85 Скажи другим, что ты видался с нами!»
 И тут они помчались вдоль пути,
 И ноги их казались мне крылами.
- 88 Нельзя «аминь» быстрее произнести,
 Чем их сокрыли дали кругозора;
 И мой учитель порешил идти.
- 91 Я двинулся вослед за ним; и скоро
 Послышался так близко грохот вод,
 Что заглушил бы звуки разговора.
- 94 Как та река, которая свой ход
 От Монте-Везо в сторону рассвета
 По Апеннинам первая ведет,
- 97 Зовясь в своем верховье Аквакета,
 Чтоб устремиться к низменной стране
 И у Форли утратить имя это,
- 100 И громыхает вниз по крутизне,
 К Сан-Бенедетто Горному стекая,
 Где тысяча вместилась бы вполне,—
- 103 Так, рушась вглубь с обрывистого края,
 Мы слышали, багровый вал гремит,
 Мгновенной болью ухо поражая.

- Стан у меня веревкой был обвит; 106
Я думал ею рысь поймать когда-то,
Которой мех так весело блестит.
- Я снял ее и, повинуюсь свято, 109
Вручил ее поэту моему,
Смотав плотней для лучшего обхвата.
- Он, боком став и так, чтобы ему 112
Не зацепить за выступы обрыва,
Швырнул ее в зияющую тьму.
- «На странный знак не странное ли диво,— 115
Сказал я втайне,— явит глубина,
Раз и учитель смотрит так пытливо?»
- Увы, какая сдержанность нужна 118
Близ тех, кто судит не одни деянья,
Но видит самый разум наш до дна!
- «Сейчас всплывет,— сказал наставник знанья,— 121
То, что я жду и сам ты смутно ждешь;
Сейчас твой взор достигнет созерцанья».
- Мы истину, похожую на ложь, 124
Должны хранить сомкнутыми устами,
Иначе срам безвинно наживешь;
- Но здесь молчать я не могу; стихами 127
Моей Комедии клянусь, о чтец,—
И милость к ней да не пройдет с годами,—
- Я видел — к нам из бездны, как пловец, 130
Взмывал какой-то образ возраставший,
Чудесный и для дерзостных сердец;
- Так снизу возвращается нырявший, 133
Который якорь выпростать помог,
В камнях иль в чем-нибудь другом застрявший,
- И правит станом и толчками ног. 136

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Вот острохвостый зверь, сверлящий горы,
Пред кем ничтожны и стена, и меч;
Вот, кто земные отравил просторы.

4 Таковую мой вожатый начал речь,
 Рукою подзывая великана
 Близ пройденного мрамора возлечь.

7 И образ омерзительный обмана,
 Подплыв, но хвост к себе не подобрав,
 Припал на берег всей громадой стана.

10 Он ясен был лицом и величав
 Спокойством черт приветливых и чистых,
 Но остальной змеиным был состав.

13 Две лапы, волосатых и когтистых;
 Спина его, и брюхо, и бока —
 В узоре пятен и узлов цветистых.

16 Пестрей основы и пестрей утка
 Ни турок, ни татарин не сплетает;
 Хитрей Арахна не ткала платка.

19 Как лодка на причале отдыхает,
 Наполовину погрузясь в волну;
 Как там, где алчный немец обитает,

22 Садится бобр вести свою войну, —
 Так лег и гад на камень оголенный,
 Сжимающий песчаную страну.

25 Хвост шевелился в пустоте бездонной,
 Крутя торчком отравленный развил,
 Как жало скорпиона заостренный.

28 «Теперь нам нужно, — вождь проговорил, —
 Свернуть с дороги, поступь отклоняя
 Туда, где гнусный зверь на камни всплыл».

31 Так мы спустились вправо и, вдоль края,
 Пространство десяти шагов прошли,
 Песка и жгучих хлопьев избегая.

- Приблизясь, я увидел невдали 34
Толпу людей, которая сидела
Близ пропасти в сжигающей пыли.
- И мне мой вождь: «Чтоб этот круг всецело 37
Исследовать во всех его частях,
Ступай, взгляни, в чем разность их удела.
- Но будь короче там в твоих речах; 40
А я поговорю с поганым дивом,
Чтоб нам спуститься на его плечах».
- И я пошел еще раз над обрывом, 43
Каймой седьмого круга, одиноком,
К толпе, сидевшей в горе молчаливом.
- Из глаз у них стремился скорбный ток; 46
Они все время то огонь летучий
Руками отстраняли, то песок.
- Так чешутся собаки в полдень жгучий, 49
Обороняясь лапой или ртом
От блох, слепней и мух, насевших кучей.
- Я всматривался в лица их кругом, 52
В которые огонь вонзает жала;
Но вид их мне казался незнаком.
- У каждого на грудь мощна свисала, 55
Имевшая особый знак и цвет,
И очи им как будто услаждала.
- Так, на одном я увидал кисет, 58
Где в желтом поле был рисунок синий,
Подобный льву, вздыбившему хребет.
- А на другом из мучимых пустыней 61
Мешочек был подобно крови ал
И с белою, как молоко, гусыней.
- Один, чей белый кошелек являл 64
Свинью, чреватую и голубую,
Сказал мне: «Ты зачем сюда попал?»
- Ступай себе, раз носишь плоть живую, 67
И знай, что Витальяно, мой земляк,
Придет и сядет от меня ошую.

- 70 Меж этих флорентинцев я чужак,
Я падуанец; мне их голос грубый
Все уши протрубил: „Где наш вожак,
73 С тремя козлами, наш герой сугубый?“»
Он высунул язык и скорчил рот,
Как бык, когда облизывает губы.
76 И я, боясь, не сердится ли тот,
Кто мне велел недолго оставаться,
Покинул истомившийся народ.
79 Тем временем мой вождь успел взобраться
Дурному зверю на спину — и мне
Промолвил так: «Теперь пора мужаться!
82 Вот, как отсюда сходят к глубине.
Сядь спереди, я буду сзади, рядом,
Чтоб хвост его безвреден был вполне».
85 Как человек, уже объятый хладом
Пред лихорадкой, с синевой в ногтях,
Дрожит, чуть только тень завидит взглядом,—
88 Так я смутился при его словах;
Но как слуга пред смелым господином,
Стыдом язвимый, я откинул страх.
91 Я поместился на хребте зверином;
Хотел промолвить: «Обними меня»,—
Но голоса я не был властелином.
94 Тот, кто и прежде был моя броня,
И без того поняв мою тревогу,
Меня руками обхватил, храня,
97 И молвил: «Герион, теперь в дорогу!
Смотри, о новой ноше не забудь:
Ровней кружи и падай понемногу».
100 Как лодка с места трогается в путь
Вперед кормой, так он оттуда снялся
И, ощутив простор, направил грудь
103 Туда, где хвост дотоле извивался;
Потом как угорь выпрямился он
И, загребая лапами, помчался.

- Не больше был испуган Фаетон, 106
Бросая вожжи, коими задетый
Небесный свод доньше опален,
Или Икар, почуя воск согретый, 109
От перьев обнажавший рамена,
И слыша зов отца: «О сын мой, где ты?» —
Чем я, увидев, что кругом одна 112
Пустая бездна воздуха чернеет
И только зверя высится спина.
А он все вглубь и вглубь неспешно реет, 115
Но это мне лишь потому вдогад,
Что ветер мне в лицо и снизу веет.
Уже я справа слышал водопад, 118
Грохочущий под нами, и пугливо
Склонил над бездной голову и взгляд;
Но пуще оробел, внизу обрыва 121
Увидев свет огней и слыша крик,
И отшатнулся, ежась боязливо.
И только тут я в первый раз постиг 124
Спуск и круженье, видя муку злую
Со всех сторон все ближе каждый миг.
Как сокол, мощь утратив боевую, 127
И птицу, и вабило тщетно ждав,—
Так что сокольник скажет: «Эх, впустию!» —
На место взлета клонится, устав, 130
И, опоясав сто кругов сначала,
Вдали от всех садится, осерчав,—
Так Герийон осел на дно провала, 133
Там, где крутая кверху шла скала,
И, чуть с него обуза наша спала,
Взмыл и исчез, как с тетивы стрела. 136

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Есть место в преисподней, Злые Щели,
Сплошь каменное, цвета чугуна,
Как кручи, что вокруг отяготели.
-4 Посереди зияет глубина
Широкого и темного колодца,
О коем дальше расскажу сполна.
7 А тот уступ, который остается,
Кольцом меж бездной и скалой лежит,
И десять впадин в нем распознается.
10 Каков у местности бывает вид,
Где замок, для осады укрепленный,
Снаружи стен рядами рвов обвит,
-13 Таков и здесь был дол изборожденный;
И как от самых крепостных ворот
Ведут мосты на берег отдаленный,
16 Так от подножья каменных высот
Шли гребни скал чрез рвы и перекаты,
Чтоб у колодца оборвать свой ход.
19 Здесь опустился Герион хвостатый
И сбросил нас обоих со спины;
И влево путь направил мой вожатый.
22 Я шел, и справа были мне видны
Уже другая скорбь и казнь другая,
Какие в первом рву заключены.
25 Там в два ряда текла толпа нагая;
Ближайший ряд к нам направлял стопы,
А дальний — с нами, но крупней шагая.
28 Так римляне, чтобы наплыв толпы,
В год юбилея, не привел к затору,
Разгородили мост на две тропы,
31 И по одной народ идет к собору,
Взгляд обращая к замковой стене,
А по другой идут навстречу, в гору.

- То здесь, то там в кремнистой глубине 34
 Виднелся бес рогатый, взмахом плети
 Жестоко бивший грешных по спине.
- О, как проворно им удары эти 37
 Вздымали пятки! Ни один не ждал,
 Пока второй обрушится иль третий.
- Пока я шел вперед, мой взор упал 40
 На одного; и я воскликнул: «Где-то
 Его лицом я взгляд уже питал».
- Я стал, стараясь распознать, кто это, 43
 И добрый вождь, остановясь со мной,
 Нагнать его мне не чинил запрета.
- Бичуемый, скрывая облик свой, 46
 Склонил чело; но труд пропал впустую;
 Я молвил: «Ты, с поникшей головой.
- Когда наружность носишь не чужую,— 49
 Венедико Каччанемико. Чем
 Ты заслужил приправу столь крутую?»
- И он: «Я не ответил бы совсем, 52
 Но мне твоя прямая речь велела
 Припомнить мир старинный. Я был тем,
- Кто постарался, чтоб Гизолабелла 55
 Послушалась маркиза, хоть и врут
 Различное насчет срамного дела.
- Не первый я болонец плачу тут; 58
 Их понабилась здесь такая кипа,
 Что столько языков не наберут
- Меж Савеной и Рено молвить *sira*; 61
 Немудрено: мы с алчностью своей
 До смертного не расстаемся хрипа».
- Тут некий бес, среди его речей, 64
 Стегнул его хлыстом и огрызнулся:
 «Ну, сводник! Здесь не бабы, поживей!»
- Я к моему вожатому вернулся; 67
 Пройдя немного, мы пришли туда,
 Где длинный гребень от скалы тянулся.

- 70 Мы на него взобрались без труда
И с этим истязуемым народом,
Направо взяв, расстались навсегда.
- 73 И там, где гребень нависает сводом,
Чтоб дать толпе бичуемой пройти,—
Мой вождь сказал: «Постой — и мимоходом
- 76 Свои глаза на этих обрати,
Которых ты еще не видел лица,
Пока им было с нами по пути».
- 79 Под древний мост спешила вереница
Второго ряда, двигаясь на нас,
Стегаемая, как и та станица.
- 82 И вождь, не ждав вопроса этот раз,
Сказал: «Взгляни вот на того, большого:
Ему и боль не увлажняет глаз.
- 85 Как полон он величества былого!
То мудрый и отважный властелин,
Ясон, руна стяжатель золотого.
- 88 Приплыв на Лемнос среди морских пучин,
Где женщины, отринув всё, что свято,
Предали смерти всех своих мужчин,
- 91 Он обманул, украсив речь богато,
Младую Гипсипилу, в свой черед
Товарок обманувшую когда-то.
- 94 Ее он бросил там понесшей плод;
За это он так и бичуем злобно,
И также за Медею казнь несет.
- 97 С ним те, кто обманул ему подобно;
Про первый ров и тех, кто стиснут в нем,
Нет нужды ведать более подробно».
- 100 Достигнув места, где тропа крестом
Пересекает грань второго вала,
Чтоб дальше снова выгнуться мостом,
- 103 Мы слышали, как в ближнем рву визжала
И рылом хрюкала толпа людей
И там себя ладонями хлестала.

- Откосы покрывал тягучий клей 106
От снизу подымавшегося чада,
Несносного для глаз и для ноздрей.
- Дно скрыто глубоко внизу, и надо, 109
Дабы увидеть, что такое там,
Взойти на мост, где есть простор для взгляда.
- Туда взошли мы, и моим глазам 112
Предстали толпы влипших в кал зловонный,
Как будто взятый из отхожих ям.
- Там был один, так густо отягченный 115
Дерьмом, что вряд ли кто бы отгадал,
Мирянин это или постриженный.
- Он крикнул мне: «Ты что облюбовал 118
Меня из всех, кто вязнет в этой прели?»
И я в ответ: «Ведь я тебя встречал,
- И кудри у тебя тогда блестели; 121
Я и смотрю, что тут недалеко
Погряз Алессіо Интерминелли».
- И он, себя темяша по башке: 124
«Сюда попал я из-за льстивой речи,
Которую носил на языке».
- Потом мой вождь: «Нагни немного плечи,— 127
Промолвил мне,— и наклонись вперед,
И ты увидишь: тут вот, недалече,
- Себя ногтями грязными скребет 130
Косматая и гнусная паскуда
И то присядет, то опять вскочнет.
- Файда эта, жившая средь блуда, 133
Сказала как-то на вопрос дружка:
„Ты мной довольна?“ — „Нет, ты просто чудо!“
Но мы наш взгляд насытили пока». 136

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

- О** Симон волхв, о присных сонм злосчастный,
Вы, что святыню божию, добра
Невесту чистую, в алчбе ужасной
- 4 Растлили ради злата и сребра,
Теперь о вас, казнимых в третьей щели,
Звенеть трубе назначена пора!
- 7 Уже над новым рвом мы одолели
Горбатый мост и прямо с высоты
На середину впадины смотрели.
- 10 О Высший Разум, как искусен ты
Горé, и долу, и в жерле проклятом,
И сколько покажешь правоты!
- 13 Повсюду, и вдоль русла, и по скатам,
Я увидел неисчислимый ряд
Округлых скважин в камне сероватом.
- 16 Они совсем такие же на взгляд,
Как те, в моем прекрасном Сан-Джованни,
Где таинство крещения творят.
- 19 Я, отрока спасая от страданий,
В недавний год одну из них разбил:
И вот печать, в защиту от шептаний!
- 22 Из каждой ямы грешник шевелил
Торчащими по голени ногами,
А туловищем в камень уходил.
- 25 У всех огонь змеился над ступнями;
Все так брыкались, что крепчайший жгут
Порвался бы, не совладав с толчками.
- 28 Как если нечто маслястое жгут
И лишь поверхность пламенем задета,—
Так он от пят к ногтям скользил и тут.
- 31 «Учитель,— молвил я,— скажи, кто это,
Что корчится всех больше и оброс
Огнем такого пурпурного цвета?»

- И он мне: «Хочешь, чтоб тебя я снес 34
Вниз, той грядой, которая положе?
Он сам тебе ответит на вопрос».
- И я: «Что хочешь ты, мне мило тоже; 37
Ты знаешь все, хотя бы я молчал;
Ты — господин, чья власть мне всех дороже».
- Тогда мы вышли на четвертый вал 40
И, влево взяв, спустились в крутоскатый
И дырами зияющий провал.
- Меня не раньше отстранил вожатый 43
От ребр своих, чем подойдя к тому,
Кто так ногами плакал, в яме сжатый.
- «Кто б ни был ты, поверженный во тьму 46
Вниз головой и вкопанный, как свая,
Ответь, коль можешь», — молвил я ему.
- Так духовник стоит, исповедая 49
Казнимого, который вновь зовет
Из-под земли, кончину отдаляя.
- «Как, Бонифаций, — отозвался тот, — 52
Ты здесь уже, ты здесь уже так рано?
На много лет, однако, список врет.
- Иль ты устал от роскоши и сана, 55
Из-за которых лучшую среди жен,
На муку ей, добыл стезей обмана?»
- Я был как тот, кто словно пристыжен, 58
Когда ему немедля возразили,
А он не понял и стоит, смущен.
- «Скажи ему, — промолвил мне Вергилий: — 61
„Нет, я не тот, не тот, кого ты ждешь“».
- И я ответил так, как мне внушили. 64
- Тут грешника заколотила дрожь,
И вздох его и скорбный стон раздался:
«Тогда зачем же ты меня зовешь?»
- Когда, чтобы услышать, как я звался, 67
Ты одолеть решился этот скат,
Знай: я великой ризой облакался.

- 70 Воистину медведицей зачат,
Радея медвежатам, я так жадно
Копил добро, что сам в кошель зажат.
- 73 Там, подо мной, набилось их изрядно,
Церковных торгашей, моих предтеч,
Расселинами стиснутых нещадно.
- 76 И мне придется в глубине залечь,
Сменившись тем, кого я по догадке
Сейчас назвал, ведя с тобою речь.
- 79 Но я здесь дольше обжигаю пятки,
И срок ему торчать вот так стремглав,
Сравнительно со мной, назначен краткий;
- 82 Затем что вслед, всех в скверне обогнав,
Придет с заката пастырь без закона,
И, нас покрыв, он будет только прав.
- 85 Как, в Маккавейских книгах, Иасона
Лелеял царь, так и к нему щедро
Французская окажется корона.
- 88 Хоть речь моя едва ль была мудра,
Но я слова привел к такому строю:
«Скажи: каких сокровищ от Петра
- 91 Ждал наш господь, прельщен ли был казною,
Когда ключи во власть ему вверял?
Он молвил лишь одно: „Иди за мною“.
- 94 Петру и прочим платы не вручал
Матвей, когда то место опустело,
Которое отпавший потерял.
- 97 Торчи же здесь; ты пострадал за дело;
И крепче деньги грешные храни,
С которыми на Карла шел так смело.
- 100 И если бы я сердцем искони,
И даже здесь, не чтил ключей верховных,
Тебе врученных в радостные дни,
- 103 Я бы в речах излился громословных;
Вы алчностью растлили христиан,
Топча благих и вознося греховных.

- Вас, пастырей, провидел Иоанн 106
В той, что воссела на водах со славой
И деет блуд с царями многих стран;
В той, что на свет родилась семиглавой, 109
Десятирогой и хранила нас,
Пока ее супруг был жизни правой.
Сребро и золото — ныне бог для вас; 112
И даже те, кто молится кумиру,
Чтят одного, вы чтите сто зараз.
О Константин, каким злосчастьем миру 115
Не к истине приход твой был чреват,
А этот дар твой пастырю и клиру!»
Пока я цел ему на этот лад, 118
Он, совестью иль гневом уязвленный,
Не унимал лежающихся пят.
А вождь глядел с улыбкой благосклонной, 121
Как бы довольный тем, что так правдив
Звук этой речи, мной произнесенной.
Обеими руками подхватив, 124
Меня к груди прижал он и початым
Уже путем вернулся на обрыв;
Не утомленный бременем подъятым, 127
На самую дугу меня он взнес,
Четвертый вал смыкающую с пятым,
И бережно поставил на утес, 130
Тем бережней, что дикая стремнина
Была бы трудной тропкой и для коз;
Здесь новая открылась мне ложбина. 133

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

новой муке повествую ныне
В двадцатой песни первой из канцон,
Которая о гибнущих в цучине.
4 Уже смотреть я был расположен
В провал, раскрытый предо мной впервые,
Который скорбным плачем орошен;
7 И видел в круглом рву толпы немые,
Свершавшие в слезах неспешный путь,
Как в этом мире водят литании.
10 Когда я взору дал по ним скользнуть,
То каждый оказался странно скручен
В том месте, где к лицу подходит грудь;
13 Челом к спине повернут и беззвучен,
Он, пятясь задом, направлял свой шаг
И видеть прямо был навек отучен.
16 Возможно, что кому-нибудь столбняк,
Как этим, и сводил все тело разом,—
Не знаю, но навряд ли это так.
19 Читатель,— и господь моим рассказом
Тебе урок да преподаст благой,—
Помысли, мог ли я невлажным глазом
22 Взирать вблизи на образ наш земной,
Так свернутый, что плач очей печальный
Меж ягодиц струился бороздой.
25 Я плакал, опершись на выступ скальный.
«Ужель твое безумье таково? —
Промолвил мне мой спутник достохвальный.—
28 Здесь жив к добру тот, в ком оно мертво.
Не те ли всех тяжеле виноваты,
Кто ропщет, если судит божество?
31 Взгляни, взгляни, вот он, землю взятый,
Пожранный ею на глазах фивян,
Когда они воскликнули: „Куда ты,

- Амфиарай? Чтó бросил ратный стан?“, 34
А он всё вглубь свергался без оглядки,
Пока Миносом не был обуздан.
- Ты видишь — в грудь он превратил лопатки: 37
За то, что взором слишком вдаль проник,
Он смотрит взад, стремясь туда, где пятки.
- А вот Тиресий, изменивший лик, 40
Когда, в жену из мужа превращенный,
Всем естеством преобразился вмиг;
- И лишь потом, змеиный клуб сплетенный 43
Ударив вновь, он стал таким, как был,
В мужские перья снова облаченный.
- А следом Арунс надвигает тыл; 46
Там, где над Луни громоздятся горы
И где каррарец пажити взрыхлил,
- Он жил в пещере мраморной и взоры 49
Свободно и в ночные небеса,
И на морские устремлял просторы.
- А та, чья гривой падает коса, 52
Покров грудям незримым образуя,
Как прочие незримы волоса,
- Была Мантó; из края в край кочуя, 55
Она пришла в родные мне места;
И вот об этом рассказать хочу я.
- Когда она осталась сирота 58
И принял рабство Вакхов град злосчастный,
Она скиталась долгие лета.
- Там, наверху, в Италии прекрасной, 61
У гор, замкнувших Манью рубежом
Вблизи Тиралли, спит Бенако ясный.
- Ключи, которых сотни мы начтем 64
Меж Валькамóникой и Гардой, склоны
Пеннинских Альп омыв, стихают в нем.
- Там место есть, где пастыри Вероны, 67
И Брешиа, и Тридента, путь свершив,
Благословить могли бы люд крещеный.

- 70 Оплот Пескъеры, мощен и красив,
Стоит, грозя бергамцам и брешьянам,
Там, где низиной окружен залив.
- 73 Всё то, что в лоне уместить песчаном
Не мог Бенако,— устремясь сюда,
Течет рекой по травяным полянам.
- 76 Начав бежать из озера, вода
Зовется Минчо, чтобы у Говерно
В потоке По исчезнуть навсегда.
- 79 Встречая падь, на полпути примерно,
Она стоит, разлившись в топкий пруд,
А летом чахнет, но и губит верно.
- 82 Безжалостная дева, идя тут,
Среди болота сушу присмотрела,
Нагой и невозделанный приют.
- 85 И здесь она, чуждаясь всех, осела
Со слугами, гаданьям предана,
И здесь рассталась с оболочкой тела.
- 88 Рассеянные кругом племена
Потом сюда стянулись, ибо знали,
Что эта суша заводью сильна.
- 91 Над мертвой костью город основали
И, по избравшей древле этот дол,
Без волхвований Мантуей назвали.
- 94 Он многолюдней прежде был и цвел,
Пока недалёковидных Касалоди
Лукавый Пинамонте не провел.
- 97 И если ты услышал бы в народе
Не эту быль о родине моей,
Знай — это ложь и с истиной в разброде».
- 100 И я: «Учитель, повестью твоей
Я убежден и верю нерушимо.
Мне хладный уголь — речь других людей.
- 103 Но молви мне: среди идущих мимо
Есть кто-нибудь, кто взор бы твой привлек?
Во мне лишь этим сердце одержимо».

- И он: «Вот тот, чья борода от щек 106
Вниз по спине легла на смуглом теле,—
В те дни, когда у греков ты бы мог
Найти мужчину только в колыбели, 109
Был вещуном; в Авлиде сечь канат
Он и Калхант совместно повелели.
То Эврипил; и про него звучат 112
Стихи моей трагедии высокой.
Тебе ль не знать? Ты помнишь всю подряд.
А следующий, этот худобокой, 115
Звался Микеле Скотто и большим
В волшебных плутнях почитался докой.
А вот Бонатти; вот Азденте с ним; 118
Жалеет он о коже и о шиле,
Да опоздал с раскаяньем своим.
Вот грешницы, которые забыли 121
Иглу, челнок и прялку, ворожа;
Варили травы, куколок лепили.
Но нам пора; коснулся рубежа 124
Двух полусфер и за Севильей в волны
Нисходит Каин, хворост свой держа,
А месяц был уж прошлой ночью полный: 127
Ты помнишь сам, как в глубине лесной
Был благодворен свет его безмолвный».
Так, на ходу, он говорил со мной. 130

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Так с моста на мост, говоря немало
Стороннего Комедии моей,
Мы перешли, чтоб с кручи перевала
4 Увидеть новый расщеп Злых Щелей
И новые напрасные печали;
Он вскрылся, чуден чернотой своей.
7 И как в венецианском арсенале
Кипит зимой тягучая смола,
Чтоб мазать струги, те, что обветшали,
10 И все справляют зимние дела:
Тот ладит весла, этот забивает
Щель в кузове, которая текла;
13 Кто чинит нос, а кто корму клепают;
Кто трудится, чтоб сделать новый струг:
Кто снасти вьет, кто паруса латает,—
16 Так, силой не огня, но божьих рук,
Кипела подо мной смола густая,
На скосы налипавшая вокруг.
19 Я видел лишь ее, что в ней — не зная,
Когда она вздымала пузыри,
То пучась вся, то плотно оседая.
22 Я силился увидеть, что внутри,
Как вдруг мой вождь меня рукой хранящей
Привлек к себе, сказав: «Смотри, смотри!»
25 Оборотясь, как тот, кто от грозящей
Ему беды отвести не может глаз
И, обессилен робостью томящей,
28 И убегает, и глядит зараз,—
Я увидал, как некий дьявол черный
Вверх по крутой тропе бежит на нас.
31 О, что за облик он имел злоторный!
И до чего казался мне жесток,
Раскинув крылья и в ступнях проворный!

- Он грешника накинул, как мешок, 34
На острое плечо и мчал на скалы,
Держа его за сухожилья ног.
- Взбежав на мост, сказал: «Эй, Загребалы, 37
Святая Дзита шлет вам старшину!
Кунайте! Выбор в городе немалый,
Я к ним еще разочек загляну. 40
Там лишь Бонгуро не живет на взятки,
Там „нет“ на „да“ меняют за казну».
- Швырнув его, помчался без оглядки 43
Вниз со скалы; и пес таким рывком
Не кинется вцепиться вору в пятки.
- Тот канул, всплыл с измазанным лицом, 46
Но бесы закричали из-под моста:
«Святого Лика мы не признаем!
- И тут не Серкьо, плавают не просто! 49
Когда не хочешь нашего крюка,
Ныряй назад в смолу». И зубьев до ста
- Вонзились тут же грешнику в бока. 52
«Пляши, но не показывай макушки;
А можешь, так плутуй исподтишка».
- Так повара следят, чтобы их службы 55
Тошили мясо вилками в котле
И не давали плавать по верхушке.
- Учитель молвил: «Чтобы на скале 58
Остаться незамеченным, укройся
За выступом и припади к земле.
- А для меня опасности не бойся: 61
Я здесь не первый раз, и я привык
К подобным стычкам, ты не беспокойся».
- Покинул мост мой добрый проводник; 64
Когда он шел шестой надбрежной кручей,
Он должен был являть спокойный лик.
- С такой же точно яростью кипучей, 67
Как псы бросаются на бедняка,
Который просит всюду, где есть случай,

- 70 Они рванулись прочь из-под мостка
 И стали наступать, грозя крюками;
 Но он вскричал: «Не будьте злы пока
- 73 И подождите рвать меня зубцами!
 С одним из вас я речь вести хочу,
 А там, как быть со мной, решайте сами».
- 76 Все закричали: «Выйти Хвостачу!»
 Один пошел, а прочие глядели;
 Он шел, ворча: «Чего я хлопочу?»
- 79 Мой вождь сказал: «Скажи, Хвостач, ужели,
 Нетронут вашей злобой, я бы мог
 Прийти сюда, когда б не так хотели
- 82 Господня воля и содружный рок?
 Посторонись; мне небо указало
 Пройти с другим сквозь этот дикий лог».
- 85 Тогда гордыня в бесе так упала,
 Что свой багор он уронил к ногам
 И молвил к тем: «С ним драться не пристало».
- 88 И вождь ко мне: «О ты, который там,
 Среди камней, укрылся боязливо,
 Сойди без страха по моим следам».
- 91 К нему я шаг направил торопливо,
 А дьяволы подвинулись вперед,
 И я боялся, что их слово лживо.
- 94 Так, видел я, боялся ратный взвод,
 По уговору выйдя из Капроны
 И недругов увидев грозный счет.
- 97 И я всем телом, ждущим обороны,
 Прильнул к вождю и пристально следил,
 Как злобен облик их и взгляд каленый.
- 100 Нагнув багор, бес бесу говорил:
 «Что, если бы его пощупать с тыла?»
 Тот отвечал: «Вот, вот, да так, чтоб взвыл!»
- 103 Но демон, тот, который вышел было,
 Чтоб разговор с вождем моим вести,
 Его окликнул: «Тише, Тормошило!»

- Потом сказал нам: «Дальше не пройти 106
Вам этим гребнем; и пытаться бесплодно:
Шестой обрушен мост, и нет пути.
Чтоб выйти все же, если вам угодно, 109
Ступайте этим валом, там, где след,
И ближним гребнем выйдете свободно.
Двенадцать сот и шестьдесят шесть лет 112
Вчера, на пять часов поздней, успело
Протечь с тех пор, как здесь дороги нет.
У наших в тех местах как раз есть дело — 115
Взглянуть, не прохлаждается ль народ;
Не бойтесь их, идите с ними смело».
«Эй, Косокрыл, и ты, Старик, в поход! — 118
Он начал говорить.— И ты, Собака;
А Борода десятником пойдет.
В придачу к ним Дракон и Забияка, 121
Клыкастый Боров и Собачий Зуд,
Да Рыжик лютый, да еще Кривляка.
Вы осмотрите весь кипящий пруд; 124
А эти до ближайшего отрога,
Который цел, пусть здоровыми дойдут».
«Что вижу я, учитель? Ради бога, 127
Не нужно спутников, пойдем одни,—
Сказал я.— Ты же знаешь, где дорога.
Когда ты зорек, как всегда, взгляни: 130
Не видишь разве их кивков ужасных
И как зубами лязгают они?»
«Не надо страхов и тревог напрасных; 133
Пусть лязгают себе,— мой вождь сказал,—
Чтоб напугать варимых там несчастных».
Тут бесы двинулись на левый вал, 136
Но каждый, в тайный знак, главе отряда
Сперва язык сквозь зубы показал;
А тот трубу изобразил из зада. 139

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Я конных ратей видывал движенья,
В час грозных сеч, в походах, на смотрях,
А то и в бегстве, в поисках спасенья;
4 Я видывал наезды, вам на страх,
О аретинцы, видел натиск бранный,
Турнирный бой на копьях и мечах,—
7 Под грубный звук, набатный, барабанный,
Или по знаку с башен, как когда,
На итальянский лад и чужестранный;
10 Но не видал, чтобы чудней дуда
Звучала конным, пешим иль ветрилам,
Когда маячит берег иль звезда.
13 Мы шли с десятком бесов; вот уж в милом
Сообществе! Но в церкви, говорят,
Почет святым, а в кабачке — кутилам.
16 Лишь на смолу я обращал мой взгляд,
Чтоб видеть свойства этой котловины
И что за люди там внутри горят.
19 Как мореходам знак дают дельфины,
Чтоб те успели уберечь свой струг,
И над волнами изгибают спины,—
22 Так иногда, для облегченья мук,
Иной всплывал, лопатки выставляя,
И, молнии быстрей, скрывался вдруг.
25 И как во рву, расположась вдоль края,
Торчат лягушки рыльцем из воды,
Брюшко и лапки ниже укрывая,—
28 Так грешники торчали в две гряды,
Но, увидав, что Борода крадется,
Ныряли в кипь, спасаясь от беды.
31 Один — как вспомню, сердце ужаснется —
Заждался; так одна лягушка, всплыв,
Нырнет назад, другая отстается.

- Собачий Зуд, всех ближе, зацепив 34
Багром за космы, слипшиеся туго,
Втащил его, как выдру, на обрыв.
- Я помнил прозвища всего их круга: 37
С тех пор, как их избрали, я в пути
Следил, как бесы кликали друг друга.
- «Эй, Рыжик, забирай его, когти,— 40
Наперебой проклятые кричали,—
Так, чтоб ему и шкуры не найти!»
- И я сказал: «Учитель мой, нельзя ли 43
Узнать, кто этот жалкий лиходей,
Которого враги к рукам прибрали?»
- Мой вождь к нему подвинулся плотней, 46
И тот сказал, в ответ на обращение:
«Я был наваррец. Матерью моей
- Я отдан был вельможе в услуженье, 49
Затем что мой отец был дрянь и голь,
Себя сгубивший и свое именье.
- Меня приблизил добрый мой король, 52
Тебальд; я взятки брал, достигнув власти,
И вот плачусь, окунут в эту смоль».
- Тут Боров, у которого из пасти 55
Торчали бивни, как у кабана,
Одним из них стал рвать его на части.
- Увидели коты, чтомышь вкусна; 58
Но Борода, обвив его руками,
Сказал: «Оставьте, помощь не нужна».
- Потом, к вождю оборотясь глазами: 61
«Ты, если хочешь побеседуй с ним,
Пока его не разнесли баграми».
- И вождь: «Скажи, из тех, кто здесь казним, 64
Не знаешь ли каких-нибудь латинян,
В смоле?» И тот: «Сейчас я был с одним
- Из мест, откуда путь до них недлинен. 67
Мне крюк и коготь был бы нипочем,
Будь я, как он, опять в смолу заклинен».

- 70 Тут Забияка: «Больно долго ждем!» —
Сказал, рванул ему багром предплечье
И выхватил клок мяса целиком.
- 73 Тогда Дракон решил нанести увечье
Пониже в ноги; но грозою глаз
Десятник их пресек противоречье.
- 76 Они смирились и на этот раз,
А тот смотрел, как плоть его разрыта;
И спутник мой спросил его тотчас:
- 79 «Кто это был, кому нашлась защита,
Когда, на горе, ты остался тут?»
И он ответил: «Это брат Гомита,
- 82 Что из Галлуры, всякой лжи-сосуд;
Схватив злодеев своего владыки,
Он сделал так, что те хвалу поют.
- 85 Всех отпустил за деньги, скрыв улики,
Как говорит; корысти не тая,
Мздоимец был не малый, но великий.
- 88 Он и Микеле Цанке здесь друзья;
Тот — логодорец; вечно каждый хвалит
Былые дни сардинского житья.
- 91 Ой, посмотрите, как он зубы скалит!
Я продолжал бы, да того гляди —
Он мне крюком всю спину измочалит».
- 94 Начальник, увидав, что впереди
Стал Забияка, изготовясь к бою,
Сказал: «Ты, злая птица, отойди!»
- 97 «Угодно вам увидеть пред собою,—
Так оробевший речь повел опять,—
Тосканцев и ломбардцев,— я устрою.
- 100 Но Загребалам дальше нужно стать,
Чтоб нашим знать, что их никто не ранит;
А я, один тут сидя, вам достать
- 103 Хоть семерых берусь; их сразу взманит,
Чуть свистну,— как у нас заведено,
Лишь только кто-нибудь наружу глянеть».

- Собака вскинул морду и, чудно 106
Мотая головой, сказал: «Вот штуку
Ловкач затеял, чтоб нырнуть на дно!»
- А тот, набивший на коварствах руку, 109
Ему ответил: «Подлинно ловкач,
Когда своим же отягчаю муку!»
- Тут Косокрыл, который был горяч, 112
Сказал, не в лад другим: «Скакнешь в пучину,—
Тебе вдогонку я пушусь не вскачь,
А просто крылья над смолой раскину. 115
Мы спустимся с бугра и станем там;
Посмотрим, нашу ль проведешь дружини!»
- Внемли, читатель, новым чудесам: 118
В ту сторону все повернули шеи,
И первым тот, кто больше был упрям.
- Наваррец выбрал время, половчее 121
Уперся в землю пятками и вмиг
Сигнул и ускользнул от их затей.
- И тотчас в каждом горький стыд возник; 124
Всех больше злился главный заправило;
Он прыгнул, крикнув: «Я тебя настиг!»
- Но понапрасну: крыльям трудно было 127
Поспеть за страхом; тот ко дну пошел,
И, вскинув грудь, бес кверху взмыл уныло.
- Так селезень ныряет наукол, 130
Чтобы в воде от сокола укрыться,
А тот летит обратно, хмур и зол.
- Старик, все так же продолжая злиться, 133
Летел вослед, желая всей душой,
Чтоб плут исчез и повод был схватиться.
- Едва мздоимец скрылся с головой, 136
Он на собрата тотчас двинул ногти,
И дьяволы сцепились над смолой.
- Но тот не хуже, чтоб нацелить когти, 139
Был ястреб-перемыт, и их тела
Вмиг очутились в раскаленном дегте.

142 Их сразу жгучесть пекла разняла;
Но вызволиться было невозможно,
Настолько прочно влипли их крыла.
145 Тут Борода, как все, томясь тревожно,
Велел, чтоб четверо, забрав багры,
Перелетели ров; все безотложно
148 И там, и тут спустились на бугры;
Они к увязшим протянули крючья,
А те уже спеклись внутри коры;
151 И мы ушли в разгар их злополучья.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Безмолвны, одиноки и без свиты,
Мы шли путем, неведомым для нас,
Друг другу вслед, как братья минориты.
Недавний бой припомянув не раз, 4
Я баснь Эзопа вспомнил поневоле,
Про мышь и про лягушку старый сказ.
«Сейчас» и «тотчас» сходятся не боле, 7
Чем тот и этот случай, если им
Уделено вниманье в равной доле.
И так как мысль дает исток другим, 10
Одно другим сменилось размышление,
И страх мой стал вдвойне неодолим.
Я думал так: «Им это посрамление 13
Пришло от нас; столь тяжкий претерпев
Ущерб и срам, они затеют мщенье.
Когда на злобный нрав накручен гнев, 16
Они на нас жесточе ополчатся,
Чем пес на зайца разверзает зев».
Я чуял — волосы на мне дыбятся 19
От жути, и, остановясь, затих;
Потом сказал: «Они за нами мчатся;
Учитель, спрячь скорее нас двоих; 22
Мне страшно Загребал; они предстали
Во мне так ясно, что я слышу их».
«Будь я стеклом свинцовым, я б едва ли,— 25
Сказал он,— отразил твой внешний лик
Быстрей, чем воспринял твои печали.
Твой помысел в мой помысел проник, 28
Ему лицом и поступью подобный,
И я их свел к решенью в тот же миг.
И если справа склон горы удобный, 31
Чтоб нам спуститься в следующий ров,
То нас они настигнуть неспособны».

- 34 Он не успел домолвить этих слов,
Как я увидел: быстры и крылаты,
Они уж близко и спешат на лов.
- 37 В единый миг меня схватил вожатый,
Как мать, на шум проснувшись вдруг и дом
Увидя буйным пламенем объятый,
- 40 Хватает сына и бежит бегом,
Рубашки не накинув, помышляя
Не о себе, а лишь о нем одном,—
- 43 И тотчас вниз с обрывистого края
Скользнул спиной на каменистый скат,
Которым цель окаймлена шестая.
- 46 Так быстро воды стоком не спешат
Вращать у дольной мельницы колеса,
Когда струя уже вблизи лопат,
- 49 Как мой учитель, с высоты утеса,
Как сына, не как друга, на руках
Меня держа, стремился вдоль откоса.
- 52 Чуть он коснулся дна, те влопыхах
Уже достигли выступа стремнины
Как раз над нами; но прошел и страх,—
- 55 Затем что стражу пятой котловины
Им промысел высокий отдает,
Но прочь ступить не властен ни единый.
- 58 Внизу скалы поващенный народ
Кружил неспешным шагом, без надежды,
В слезах, устало двигаясь вперед.
- 61 Все — в мантиях, и затеняет вежды
Глубокий куколь, низок и давящ;
Так шьют клунийским инокам одежды.
- 64 Снаружи позолочен и слепящ,
Внутри так грузен их убор свинцовый,
Что был соломой Федериков плащ.
- 67 О вековечно тяжкие покровы!
Мы вновь свернули влево, как они,
В их плач печальный вслушаться готовы.

- Но те, устав под бременем брони, 70
Брели так тихо, что с другим соседом
Ровнял нас каждый новый сдвиг ступни.
- И я вождю: «Найди, быть может ведом 73
Делами или именем иной;
Взгляни, шагая, на идущих следом».
- Один, признав тосканский говор мой, 76
За нами крикнул: «Придержите ноги,
Вы, что спешите так под этой тьмой!
- Ты можешь у меня спросить подмоги». 79
Вождь, обернувшись, молвил: «Здесь побудь;
Потом с ним в ногу двинься вдоль дороги».
- По лицам двух я видел, что их грудь 82
Исполнена стремления живого;
Но им мешали груз и тесный путь.
- Приблизясь и не говоря ни слова, 85
Они смотрели долго, взгляд скосив;
Потом спросили так один другого:
- «Он, судя по работе горла, жив; 88
А если оба мертвы, как же это
Они блуждают, столу совлачив?»
- И мне: «Тосканец, здесь, среди совета 91
Унылых лицемеров, на вопрос,
Кто ты такой, не презирай ответа».
- Я молвил: «Я родился и возрос 94
В великом городе на ясном Арно,
И это тело я и прежде нес.
- А кто же вы, чью муку столь коварно 97
Изобличает этот слезный град?
И чем вы так казнимы лучезарно?»
- Один ответил: «Желтый наш наряд 100
Навис на нас таким свинцовым сводом,
Что под напором гирь весы скрипят.
- Мы гауденты, из Болоньи родом, 103
Я — Каталано, Лодеринго — он;
Мы были призваны твоим народом,

- 106 Как одиноких брали испокон,
Чтоб мир хранить; как он хранился нами,
Вокруг Гардинго видно с тех времен.
- 109 Я начал: «Братья, вашими делами...» —
Но смолк; мой глаз внезапно увидал
Распятого в пыли тремя колами.
- 112 Он, увидав меня, затрепетал,
Сквозь бороду бросая вздох стесненный.
Брат Каталан на это мне сказал:
- 115 «Тот, на кого ты смотришь, здесь пронзенный,
Когда-то речи фарисеям вел,
Что может всех спасти один казненный.
- 118 Он брошен поперек тропы и гол,
Как видишь сам, и чувствует всё время,
Насколько каждый, кто идет, тяжел.
- 121 И тесть его здесь терпит то же бремя,
И весь собор, оставивший в удел
Еврейскому народу злое семя».
- 124 И видел я, как чудно поглядел
Вергилий на того, кто так ничтожно,
В изгнанье вечном, распятый, коснел.
- 127 Потом он молвил брату: «Если можно,
То не укажете ли нам пути
Отсюда вправо, чтобы бестревожно
- 130 Из здешних мест мы с ним могли уйти
. И черных ангелов не понуждая
Нас из ложбины этой унести».
- 133 И брат: «Тут есть вблизи гряда большая;
Она идет от круговой стены,
Все яростные рвы пересекая,
- 136 Но рухнула над этим; вы должны
Подняться по обвалу; склон обрыва
И дно лощины сплошь завалены».
- 139 Вождь голову понурил молчаливо.
«Тот, кто крюком,— сказал он наконец,—
Хватает грешных, говорил нам лживо».

«Я не один в Болонье образец	142
Слышал того, как бес ко злу привержен,— Промолвил брат.— Он всякой лжи отец».	
Затем мой вождь пошел, слегка рассержен,	145
Широкой поступью и хмурия лоб; И я от тех, кто бременем удержан,	
Направился по следу милых стоп.	148

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Покуда год не вышел из малюток
И солнцу кудри греет Водoley,
А ночь все ближе к половине суток,
4 И чертит иней посреди полей
Подобье своего седого брата,
Хоть каждый раз его перо хилей,—
7 Крестьянин, чья кормушка небогата,
Встает и видит — побелел весь луг,
И бьет себя пониже перехвата;
10 Уходит в дом, ворчит, сует вокруг,
Не зная, бедный, что тут делать надо;
А выйдет вновь — и ободрится вдруг,
13 Увидев мир сменившим цвет наряда
В короткий миг; берет свой посошок
И гонит вон пастись овечье стадо.
16 Так вождь причиной был моих тревог,
Когда казался смутен и несветел,
И так же сразу боль мою отвлек:
19 Как только он упавший мост приметил,
Он бросил мне всё тот же ясный взгляд,
Что у подножья горного я встретил.
22 Он оглядел загроможденный скат,
Подумал и, кладя конец заботам,
Раскрыв объяття, взял меня в обхват.
25 И словно тот, кто трудится с расчетом,
Как бы всё время глядя пред собой,
Так он, подняв меня единым взметом
28 На камень, намечал уже другой
И говорил: «Теперь вот тот потрогай,
Таков ли он, чтоб твердо стать ногой».
31 В плаще бы не пройти такой дорогой;
Едва и мы, с утеса на утес,
Ползли наверх, он — легкий, я — с подмогой.

- И если бы не то, что наш откос 34
 Был ниже прежнего,— как мой вожатый,
 Не знаю, я бы вряд ли перенес.
- Но так как область Злых Щелей покатый 37
 К срединному жерлу дает наклон,
 То стены, меж которых рвы зажаты,
По высоте не равны с двух сторон. 40
 Мы наконец взойшли на верх обвала,
 Где самый крайний камень прислонен.
- Мне так дыханья в легких не хватало, 43
 Что дальше я не в силах был идти;
 Едва взойдя, я тут же сел устало.
- «Теперь ты леность должен отместить,— 46
 Сказал учитель.— Лежа под периной
 Да сидя в мягком, славы не найти.
- Кто без нее готов быть взят кончиной, 49
 Такой же в мире оставляет след,
 Как в ветре дым и пена над пучиной.
- Встань! Победи томленье, нет побед, 52
 Запретных духу, если он не вянет,
 Как эта плоть, которой он одет!
- Еще длиннее лестница предстанет; 55
 Уйти от них — не в этом твой удел;
 И если слышишь, пусть душа воспрянет».
- Тогда я встал; я показать хотел, 58
 Что я дышу свободней, чем на деле,
 И молвил так: «Идем, я бодр и смел!»
- Мы гребнем взяли путь; еще тяжеле, 61
 Обрывистый, крутой, в обломках скал,
 Он был, чем тот, каким мы шли доселе.
- Чтоб скрыть усталость, я не умолкал; 64
 Вдруг голос из расщелины раздался,
 Который даже не как речь звучал.
- Слов я понять не мог, хотя взобрался 67
 На горб моста, изогнутого там;
 Но говоривший как бы удалялся.

- 70 Я наклонился, но живым глазам
Достигнуть дна мешала тьма густая;
И я: «Учитель, сделай так, чтоб нам
- 73 Сойти на вал, и станем возле края;
Я слушаю, но смысла не пойму,
И ничего не вижу, взор склоняя».
- 76 И он: «Мой отклик слову твоему —
Свершить; когда желанье справедливо,
То надо молча следовать ему».
- 79 Мы с моста вниз сошли неторопливо,
Где он с восьмым смыкается кольцом,
И тут весь ров открылся мне с обрыва.
- 82 И я внутри увидел страшный ком
Змей, и так много разных было видно,
Что стынет кровь, чуть вспомяну о нем.
- 85 Ливийской степи было бы завидно:
Пусть кенхр, и амфисбена, и фарея
Плодятся в ней, и якул, и ехидна,—
- 88 Там нет ни стольких гадов, ни лютей,
Хотя бы все владенья эфиопа
И берег Чермных вод прибавить к ней.
- 91 Средь этого чудовищного скопа
Нагой народ, мечась, ни уголка
Не ждал, чтоб скрыться, ни гелиотропа.
- 94 Скрутив им руки за спиной, бока
Хвостом и головой пронзали змеи,
Чтоб спереди связать концы клубка.
- 97 Вдруг к одному,— он был нам всех виднее,—
Метнулся змей и впился, как копьё,
В то место, где сращенье плеч и шеи.
- 100 Быстрей, чем I начертишь или O,
Он вспыхнул, и сгорел, и в пепел свился,
И тело, рухнув, утерял свое.
- 103 Когда он так упал и развалился,
Прах вновь сомкнулся воедино сам
И в прежнее обличье возвратился.

- Так ведомо великим мудрецам, 106
 Что гибнет Феникс, чтоб восстать, как новый,
 Когда подходит к пятистам годам.
- Не травы — корм его, не сок плодовый, 109
 Но ладанные слезы и амом,
 А нард и мирра — смертные покровы.
- Как тот, кто падает, к земле влеком, 112
 Он сам не знает — демонскою силой
 Иль запруженьем, властным над умом,
- И, встав, кругом обводит взгляд застылый, 115
 Еще в себя от муки не придя,
 И вздох, взирая, издаст унылый,—
- Таков был грешник, вставший погодя. 118
 О божья мощь, сколь праведный ты мститель,
 Когда вот так сражаешь, не щадя!
- Кто он такой,— его спросил учитель. 121
 И тот: «Я из Тосканы в этот лог
 Недавно сверзился. Я был любитель
- Жить по-скотски, а по-людски не мог, 124
 Да мулом был и впрямь: я — Ванни Фуччи,
 Зверь, из Пистойи, лучшей из берлог».
- И я вождю: «Пусть подождет у кручи; 127
 Спроси, за что он спихнут в этот ров;
 Ведь он же был кровавый и кипучий».
- Тот, услышав и отвечать готов, 130
 Свое лицо и дух ко мне направил
 И от дурного срама стал багров.
- «Гораздо мне больнее,— он добавил,— 133
 Что ты меня в такой беде застал,
 Чем было в миг, когда я жизнь оставил.
- Я исполняю то, что ты желал: 136
 Я так глубоко брошен в яму эту
 За то, что утварь в ризнице украл.
- Тогда другой был привлечен к ответу. 139
 Но чтобы ты свиданию со мной
 Не радовался, если выйдешь к свету,

142 То слушай весть и шире слух открой:
 Сперва в Пистойе сила Черных сгинет,
 Потом Фьоренца обновит свой строй.
145 Март от долины Магры пар надвинет,
 Повитый мглою облачных пелен,
 И на поля Пиценские низринет,
148 И будет бой жесток и разъярен;
 Но он туман разметет своевольно,
 И каждый Белый будет сокрушен.
151 Я так сказал, чтоб ты терзался больно!»

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

о окончанье речи, вскинув руки
И выпятив два кукиша, злодей
Воскликнул так: «На, боже, обе штуки!»
С тех самых пор и стал я другом змей: 4
Одна из них ему гортань обвила,
Как будто говоря: «Молчи. не смей!»,
Другая — руки, и кругом скрутила, 7
Так туго затянув клубок узла,
Что всякая из них исчезла сила.
Сгори, Пистойя, истребись дотла! 10
Такой, как ты, существовать не надо!
Ты свой же корень в скверне превзошла!
Мне ни в одном из темных кругов Ада 13
Строптивей богу дух не представал,
Ни тот, кто в Фивах пал с вершины града.
Он, не сказав ни слова, побежал; 16
И видел я, как следом осерчалось
Скакал кентавр, крича: «Где, где бахвал?»
Так много змей в Маремме не бывало, 19
Сколькими круп его был оплетен
Дотуда, где наш облик брал начало.
А над затылком нависал дракон, 22
Ему налегший на плечи, крылатый,
Которым каждый встречный опален.
«Ты видишь Кака,— мне сказал вожатый.— 25
Немало крови от него лилось,
Где Авентин вознес крутые скаты.
Он с братьями теперь шагает врозь 28
За то, что обобрал не без оглядки
Большое стадо, что вблизи паслось.
Но не дал Геркулес ему повадки 31
И палицей отстукал до ста раз,
Хоть тот был мертв на первом же десятке».

34 Пока о проскакавшем шел рассказ,
Три духа собрались внизу; едва ли
Заметил бы их кто-нибудь из нас,
37 Вождь или я, но снизу закричали:
«Вы кто?» Тогда наш разговор затих,
И мы пришедших молча озирали.
40 Я их не знал; но тут один из них
Спросил, и я по этому вопросу
Догадываться мог об остальных:
43 «А что же Чанфа не пришел к утесу?»
И я, чтоб вождь прислушался к нему,
От подбородка палец поднял к носу.
46 Не диво, если слову моему,
Читатель, ты согласишься неохотно:
Мне, видевшему, чудно самому.
49 Едва я оглянул их мимолетно,
Взметнулся шестиногий змей, внаскок
Облапил одного и стиснул плотно.
52 Жажав ему бока меж средних ног,
Передними он в плечи уцепился
И вгрызся духу в каждую из щек;
55 А задними за ляжки ухватился
И между них ему просунул хвост,
Который кверху вдоль спины извился.
58 Плющ, дереву опутав мощный рост,
Не так его глушит, как зверь висячий
Чужое тело обмотал захлест.
61 И оба слиплись, точно воск горячий,
И смешиваться начал цвет их тел,
Окрашенных теперь уже иначе,
64 Как если бы бумажный лист горел
И бурый цвет распространялся в зное,
Еще не черен и уже не бел.
67 «Увы, Аньель, да что с тобой такое? —
Кричали, глядя, остальные два.—
Смотри, уже ты ни один, ни двое».

- Меж тем единой стала голова, 70
 И смесь двух лиц явилась перед нами,
 Где прежние мерещились едва.
- Четыре отрасли — двумя руками, 73
 А бедра, ноги, и живот, и грудь
 Невиданными сделались частями.
- Все бывшее в одну смешилось муть; 76
 И жуткий образ медленной походкой,
 Ничто и двое, продолжал свой путь.
- Как ящерица под широкой плеткой 79
 Палящих дней, меняя тын, мелькнет
 Через дорогу молнией короткой,
- Так, двум другим кидаясь на живот, 82
 Мелькнул змееныш лютый, желто-черный,
 Как шарик перца; и туда, где плод
- Еще в утробе влагой жизнетворной 85
 Питается, ужалил одного;
 Потом скользнул к его ногам, проворный.
- Пронзенный не промолвил ничего 88
 И лишь зевнул, как бы от сна содея
 Иль словно лихорадило его.
- Змей смотрит на него, а он — на змея; 91
 Тот — язвой, этот — ртом пускают дым,
 И дым смыкает гада и злодея.
- Лукан да смолкнет там, где назван им 94
 Злосчастливый Сабелл или Насидий,
 И да внимает замыслам моим.
- Пусть Кадма с Аретузой пел Овидий 97
 И этого — змеей, а ту — ручьем
 Измыслил обратить,— я не в обиде:
- Два естества, вот так, к лицу лицом, 100
 Друг в друга он не претворял телесно,
 Заставив их меняться веществом.
- У этих превращенье шло совместно: 103
 Змееныш хвост, как вилку, расколол,
 А раненый стопы содвинул тесно.

- 106 Он голени и бедра плотно свел,
И, самый след сращенья уничтожа,
Они сомкнулись в нераздельный ствол.
- 109 У змея вилка делалась похожа
На гибнущее там, и здесь мягка,
А там корява становилась кожа.
- 112 Суставы рук вошли до кулака
Под мышкИ, между тем как удлинялись
Коротенькие лапки у зверька.
- 115 Две задние конечности смотались
В тот член, который человек таит,
А у бедняги два образовались.
- 118 Покамест дымом каждый был повит
И новым цветом начал облекаться,
Тут — облысев, там — волосом покрыт, —
- 121 Один успел упасть, другой — подняться,
Но луч бесчестных глаз был так же прям.
И в нем их морды начали меняться.
- 124 Стоявший растянул лицо к вискам,
И то, что лишнего туда наплыло,
Пошло от щек на вещество ушам.
- 127 А то, что не сползло назад, застыло
Комком, откуда ноздри отросли
И вздулись губы, сколько надо было.
- 130 Лежавший рыло вытянул в пыли,
А уши, убывая еле зримо,
Как рожки у улитки, внутрь ушли.
- 133 Язык, когда-то росший неделимо
И бойкий, треснул надвое, а тот,
Двойной, стянулся, — и не стало дыма.
- 136 Душа в обличье гадины ползет
И с шипом удаляется в лощину,
А тот вдогонку, говоря, плюет.
- 139 Он, повернув к ней новенькую спину,
Сказал другому: «Пусть теперь ничком,
Как я, Буово оползет долпну».

Так, видел я, менялась естеством	142
Седьмая свалка; и притом так странно, Что я, быть может, прегрешил пером.	
Хотя уж видеть начали туманно	145
Мои глаза и самый дух блуждал, Те не могли укрыться столь нежданно,	
Чтоб я хромого Пуччо не узнал;	148
Из всех троих он был один нетронут С тех пор, как подошел к подножью скал;	
Другой был тот, по ком в Гавилле стонут.	151

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Гордись, Фьоренца, долей величавой!
Ты над землей и морем бьешь крылом,
И самый Ад твоей наполнен славой!

4 Я пять таких в собрание воровском
Нашел сограждан, что могу стыдиться,
Да и тебе немного чести в том.

7 Но если нам под утро правда снится,
Ты ощутишь в один из близких дней,
К чему и Прато, как и все, стремится;

10 Поэтому — тем лучше, чем скорей;
Раз быть должно, так пусть бы миновало!
С течением лет мне будет тяжелей.

13 По выступам, которые сначала
Вели нас вниз, поднялся спутник мой,
И я, влекомый им, вздохнул устало;

16 И дальше, одинокою тропой
Меж трещин и камней хребта крутого,
Нога не шла, не подсобясь рукой.

19 Тогда страдал я и страдаю снова,
Когда припомню то, что я видал;
И взнуздываю ум сильнее бывшего,

22 Чтоб он без добрых правил не блуждал,
И то, что мне дала звезда благая
Иль кто-то лучший, сам я не пограл.

25 Как селянин, на холме отдыхая,—
Когда сокроет ненадолго взгляд
Тот, кем страна озарена земная,

28 И комары, сменяя мух, кружат,—
Долину видит полной светляками
Там, где он жнет, где режет виноград,

31 Так, видел я, вся искрилась огнями
Восьмая глубь, как только с двух сторон
Расщелина открылась перед нами.

- И как, конями поднят в небосклон, 34
На колеснице Илия вздымался,
А тот, кто был медведями отмщен,
Ему вослед глазами устремлялся 37
И только пламень различал едва,
Который вверх, как облачко, взвивался,—
Так движутся огни в гортани рва, 40
И в каждом замкнут грешник утаенный,
Хоть взор не замечает воровства.
- С вершины моста я смотрел, склоненный, 43
И, не держись я за одну из плит,
Я бы упал, никем не понужденный;
И вождь, приметив мой усердный вид, 46
Сказал мне так: «Здесь каждый дух затерян
Внутри огня, которым он горит».
- «Теперь, учитель, я вполне уверен,— 49
Ответил я.— Уж я и сам постиг,
И даже так спросить я был намерен:
Кто в том огне, что там вдали возник, 52
Двойной вверху, как бы с костра подъятый,
Где с братом был положен Полинник?»
- «В нем мучатся,— ответил мой вожатый,— 55
Улисс и Диомед, и так вдвоем,
Как шли на гнев, идут путем расплаты;
Казнятся этим стонущим огнем 58
И ввод коня, разверзший стены града,
Откуда римлян вышел славный дом,
И то, что Дейдамия в сених Ада 61
Зовет Ахилла, мертвая, стена,
И за Палладий в нем дана награда».
- «Когда есть речь у этого огня, 64
Учитель,— я сказал,— тебя молю я,
Сто раз тебя молю, утешь меня,
Дождись, покуда, меж других кочуя, 67
Рогатый пламень к нам не подойдет:
Смотри, как я склонен к нему, тоскуя».

- 70 «Такая просьба,— мне он в свой черед,—
Всегда к свершенью сердце расположит;
Но твой язык на время пусть замрет.
- 73 Спрошу их я; то, что тебя тревожит,
И сам я понял; а на твой вопрос
Они, как греки, промолчат, быть может».
- 76 Когда огонь пришел под наш утес
И место и мгновенье подобало,
Учитель мой, я слышал, произнес:
- 79 «О вы, чей пламень раздвояет жало!
Когда почтил вас я в мой краткий час,
Когда почтил вас много или мало,
- 82 Слагая в мире мой высокий сказ,
Постойте; вы поведать мне повинны,
Где, заблудясь, погиб один из вас».
- 85 С протяжным ропотом огонь старинный
Качнул свой большой рог; так иногда
Томится на ветру костер пустынный.
- 88 Туда клоня вершину и сюда,
Как если б это был язык вещавший,
Он издал голос и сказал: «Когда
- 91 Расстался я с Цирцеей, год скрывавшей
Меня вблизи Гаэты, где потом
Пристал Эней, так этот край назвавший,—
- 94 Ни нежность к сыну, ни перед отцом
Священный страх, ни долг любви спокойный
Близ Пенелопы с радостным челом
- 97 Не возмogli смирить мой голод знойный
Изведать мира дальний кругозор
И всё, чем дурны люди и достойны.
- 100 И я в морской отважился простор,
На малом судне выйдя одиноко
С моей дружиной, верной с давних пор.
- 103 Я видел оба берега, Моррокко,
Испанию, край сардов, рубежи
Всех островов, раскиданных широко.

- Уже мы были древние мужи, 106
 Войдя в пролив, в том дальнем месте света,
 Где Геркулес воздвиг свои межи,
 Чтобы пловец не преступал запрета; 109
 Севиля справа отошла назад,
 Осталась слева, перед этим, Сетта.
 «О братья,— так сказал я,— на закат 112
 Пришедшие дорогой многотрудной!
 Тот малый срок, пока еще не спят
 Земные чувства, их остаток скудный 115
 Отдайте постиженью новизны,
 Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!
 Подумайте о том, чьи вы сыны: 118
 Вы созданы не для животной доли,
 Но к доблести и к знанью рождены».
- Товарищей так живо укололи 121
 Мои слова и ринули вперед,
 Что я и сам бы не сдержал их воли.
 Кормой к рассвету, свой шальной полет 124
 На крыльях весел судно устремило,
 Всё время влево уклоняя ход.
 Уже в ночи я видел все светила 127
 Другого остья, и морская грудь
 Склонившееся наше заслонила.
- Пять раз успел внизу луны блеснуть 130
 И столько ж раз погаснуть свет заемный,
 С тех пор как мы пустились в дерзкий путь,
 Когда гора, далекой грудой темной, 133
 Открылась нам; от века своего
 Я не видал еще такой огромной.
- Сменилось плачем наше торжество: 136
 От новых стран поднялся вихрь, с налета
 Ударил в судно, повернул его
 Три раза в быстрине водоворота; 139
 Корма взметнулась на четвертый раз,
 Нос канул книзу, как назначил Кто-то,
 И море, хлынув, поглотило нас».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Уже горел прямым и ровным светом
Умолкший пламень, уходя во тьму,
Отпущенный приветливым поэтом,—
4 Когда другой, возникший вслед ему,
Невнятным гулом, рвущимся из жала,
Привлек наш взор к верховью своему.
7 Как сицилийский бык, взревев сначала
От возгласов того,— и поделом,—
Чье мастерство его образовало,
10 Ревел от голоса казнимых в нем
И, хоть он был всего лишь медь литая,
Страдающим казался существом,
13 Так, в пламени пути не обретая,
В его наречье, в нераздельный рык,
Слова преображались, вылетая.
16 Когда же звук их наконец проник
Сквозь острие, придав ему дрожанье,
Которое им сообщал язык,
19 К нам донеслось: «К тебе мое воззванье,
О ты, что, по-ломбардски говоря,
Сказал: „Иди, я утолил желанье“!
22 Мольбу, быть может, поздною твоя,
Молю, помедли здесь, где мы страдаем:
Смотри, я медлю пред тобой, горя!
25 Когда, простясь с латинским милым краем,
Ты только что достиг слепого дна,
Где я за грех содеянный терзаем,
28 Скажи: в Романье — мир или война?
От стен Урбино и до горной сени,
Вскормившей Тибр, лежит моя страна.
31 Я вслушивался, полон размышлений,
Когда вожатый, тронув локоть мне,
Промолвил так: «Ответь латинской тени».

Уже ответ мой был готов вполне, 34
И я сказал, мгновенно речь построя:
«О дух, сокрытый в этой глубине,
Твоя Романья даже в дни покоя 37
Без войн в сердцах тиранов не жила;
Но явного сейчас не видно боя.
Равенна — всё такая, как была: 40
Орел Поленты в ней обосновался,
До самой Червы распластав крыла.
Оплот, который долго защищался 43
И где французов алый холм poleg,
В зеленых лапах ныне оказался.
Барбос Верруккьо и его щенок, 46
С Монтаньей обошедшиеся скверно,
Сверлят зубами тот же все кусок.
В твердых над Ламоне и Сантерно 49
Владычит львенок белого герба,
Друзей меня дважды в год примерно;
А та, где льется Савьо, той судьба 52
Между горой и долем находится,
Живя меж волей и ярмом раба.
Но кто же ты, прошу тебя открыться; 55
Ведь я тебе охотно отвечал,—
Пусть в мире память о тебе продлится!»
Сперва огонь немного помычал 58
По-своему, потом, качнув не сразу
Колючую вершину, прозвучал:
«Когда б я знал, что моему рассказу 61
Внимает тот, кто вновь увидит свет,
То мой огонь не дрогнул бы ни разу.
Но так как в мир от нас возврата нет 64
И я такого не слыхал примера,
Я, не страшась позора, дам ответ.
Я меч сменил на пояс кордильера 67
И верил, что приемлю благодать;
И так моя исполнилась бы вера,

- 70 Когда бы в грех не ввел меня опять
Верховный пастырь (злой ему судьбины!);
Как это было,— я хочу сказать.
- 73 Пока я нес, в минувшие години,
Дар материнский мяса и костей,
Обычай мой был лисий, а не львиный.
- 76 Я знал все виды потайных путей
И ведал ухищренья всякой масти;
Край света слышал звук моих затей.
- 79 Когда я понял, что достиг той части
Моей стези, где мудрый человек,
Убрав свой парус, сматывает снасти,
- 82 Все, что меня пленяло, я отсекаю;
И, сокрушенно исповедь содеяв,—
О горе мне! — я спасся бы навек.
- 85 Первоначальник новых фари́сеев,
Воюя в тех местах, где Латеран,
Не против сарацин иль иудеев,
- 88 Затем что в битву шел на христиан,
Не виноватых в том, что Акра взята,
Не торговавших в землях басурман,
- 91 Свой величавый сан и все, что свято,
Презрел в себе, во мне — смиренный чин
И вервь, тела сушившую когда-то,
- 94 И, словно прокаженный Константин,
Сильвестра из Сираттских недр призвавший,
Призвал меня, решив, что я один
- 97 Уйму надменный жар, его снедавший;
Я слушал и не знал, что возразить:
Как во хмелю казался вопрошавший.
- 100 „Не бойся,— продолжал он говорить,—
Ты согрешенью будешь непричастен,
Подав совет, как Пенестрино срыть.
- 103 Рай заперать и отперать я властен;
Я два ключа недаром получил,
К которым мой предместник был бесстрастен“.

- Меня столь важный довод оттеснил 106
Туда, где я молчать не смел бы доле,
И я: „Отец, когда с меня ты смыл
Мой грех, творимый по твоей же воле,— 109
Да будет твой посул длиннее дел,
И возликуешь на святом престоле“.
- В мой смертный час Франциск за мной слетел, 112
Но некий черный херувим вступился,
Сказав: „Не тронь; я им давно владел.
Пора, чтоб он к моим рабам спустился; 115
С тех пор как он коварный дал урок,
Ему я крепко в волосы вцепился;
Не каюсь, он прощенным быть не мог, 118
А каяться, грешить желая все же,
Нельзя: в таком сужденье есть порок“.
- Как содрогнулся я, великий боже, 121
Когда меня он ухватил, спросив:
„А ты не думал, что я логик тоже?“
- Он снес меня к Миносу; тот, обвинив 124
Хвост восемь раз вокруг спины могучей,
Его от злобы даже укусив,
Сказал: „Ввергается в огонь крадучий!“ 127
И вот я гибну, где ты зрел меня,
И скорбно движусь в этой ризе жгучей».
- Свою dokonчив повесть, столб огня 130
Покинул нас, терзанием объятый,
Колючий рог свивая и клоня.
И дальше, гребнем, я и мой вожатый 133
Прошли туда, где нависает свод
Над рвом, в котором требуют расплаты
От тех, кто, разделяя, копит гнет. 136

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Кто мог бы, даже вольными словами,
Поведать, сколько б он ни повторял,
Всю кровь и раны, виденные нами?
4 Любой язык наверно бы сплюшал:
Объем рассудка нашего и речи,
Чтобы вместить так много, слишком мал.
7 Когда бы вновь сошлись, в крови увечий,
Все, кто в Пулийской роковой стране,
Страдая, изнемог на поле сечи
10 От рук троян и в длительной войне,
Перстнями заплатившей дань гордыне,
Как пищет Ливий, истинный вполне;
13 И те, кто тщился дать отпор дружине,
Которую привел Руберт Гвискар,
И те, чьи кости отрывают ныне
16 Близ Чеперано, где нанес удар
Обман пулийцев, и кого лукавый
У Тальякоццо одолел Алар;
19 И кто култыгу, кто разруб кровавый
Казать бы стал,— их превзойдет в стократ
Девятый ров чудовищной расправой.
22 Не так дыряв, утратив дно, ушат,
Как здесь нутро у одного зияло
От самых губ дотуда, где смердят:
25 Копна кишок между колен свисала,
Виднелось сердце с мерзостной мошной,
Где съеденное переходит в кало.
28 Несчастный, взглядом встретившись со мной,
Разверз руками грудь, от крови влажен,
И молвил так: «Смотри на образ мой!
31 Смотри, как Магомет обезображен!
Передо мной, стена, идет Али,
Ему весь череп надвое рассажен.

- И все, кто здесь, и рядом, и вдали, — 34
Виновны были в расприх и раздорах
Среди живых, и вот их рассекли.
- Там сзади дьявол, с яростью во взорах, 37
Калечит нас и не дает пройти,
Кладя под лезвее все тот же ворох
- На повороте скорбного пути; 40
Затем что раны, прежде чем мы снова
К нему дойдем, успеют зарости.
- А ты, что с гребня смотришь так сурово, 43
Ты кто? Иль медлишь и страшишься дна,
Где мука для повинного готова?»
- Вождь молвил: «Он не мертв, и не вина 46
Ведет его подземною тропою;
Но чтоб он мог изведать всё сполна,
- Мне, мертвому, назначено судьбою 49
Вести его сквозь Ад из круга в круг;
И это — так, как я — перед тобою».
- Их больше ста остановилось вдруг, 52
Услышав это, и с недвижным взглядом
Дивилось мне, своих не помня мук.
- «Скажи Дольчино, если вслед за Адом 55
Увидишь солнце: пусть снабдится он,
Когда не жаждет быть со мною рядом,
- Припасами, чтоб снеговой заслон 58
Не подоспел новарцам на подмогу;
Тогда нескоро будет побежден».
- Так молвил Магомет, когда он ногу 61
Уже приподнял, чтоб идти; потом
Ее простер и двинулся в дорогу.
- Другой, с насквозь пронзенным кадыком, 64
Без носа, отсеченного по брови,
И одноухий, на пути своем
- Остановясь при небывалом слове, 67
Всех прежде растворил гортань, извне
Багровую от выступавшей крови,

70 И молвил: «Ты, безвинный, если мне
Не лжет подобьем внешняя личина,
Тебя я знал в латинской стороне;
73 И ты припомни Пьер да Медичина,
Там, где от стен Верчелли вьет межи
До Маркабó отрадная равнина,
76 И так мессеру Гвидо расскажи
И Анджолелло, лучшим людям Фано,
Что, если здесь в провиденьи нет лжи,
79 Их с корабля наемники обмана
Столкнут вблизи Каттолики в бурун,
По вероломству злобного тирана.
82 От Кипра до Майорки, сколько лун
Ни буйствуют пираты или греки,
Черней злодейства не видал Нептун.
85 Обоих кривоглазый изверг некий,
Владелец мест, которых мой сосед
Хотел бы лучше не видеть вовеки,
88 К себе заманит как бы для бесед;
Но у Фокары им уже ненужны
Окажутся молитва и обет».
91 И я на это: «Чтобы в мир наружный
Весть о тебе я подал тем, кто жив,
Скажи: чьи это очи так недужны?»
94 Тогда, на челюсть руку положив
Товарищу, он рот ему раздвинул,
Вскричав: «Вот он; теперь он молчалив.
97 Он, изгнанный, от Цезаря отринул
Сомнения, сказав: „Кто снаряжен,
Не должен ждать, чтоб час удобный минул“».
100 О, до чего казался мне смущен,
С обрубком языка, торчащим праздно,
Столь дерзостный на речи Курион!
103 И тут другой, увечный безобразно,
Подняв остатки рук в окрестной мгле,
Так что лицо от крови стало грязно,

- Вскричал: «И Москву вспомни в том числе, 106
 Сказавшего: „Кто кончил,— дело справил“.
 Он злой посев принес родной земле.
 «И смерть твоим сокровным!» — я добавил. 109.
 Боль болью множа, он в тоске побрел
 И словно здравый ум его оставил.
- А я смотрел на многолюдный дол 112
 И видел столь немыслимое дело,
 Что речь о нем я вряд ли бы повел,
 Когда бы так не совесть мне велела, 115
 Подруга, ободряющая нас
 В кольчугу правды облекаться смело.
- Я видел, вижу словно и сейчас, 118.
 Как тело безголовое шагало
 В толпе, кружащей неисчетный раз,
 И срезанную голову держало 121.
 За космы, как фонарь, и голова
 Взирала к нам и скорбно восклицала.
- Он сам себе светил, и было два 124.
 В одном, единый в образе двойного,
 Как — знает Тот, чья власть во всем права.
 Остановясь у свода мостового, 127.
 Он кверху руку с головой простер,
 Чтобы ко мне свое приблизить слово,
- Такое вот: «Склони к мученьям взор, 130.
 Ты, что меж мертвых дышишь невозбранно!
 Ты горших мук не видел до сих пор.
- И если весть и обо мне желанна, 133
 Знай: я Бертрам де Борн, тот, что в былом
 Учил дурному короля Иоанна.
- Я брань воздвиг меж сыном и отцом: 136
 Не так Ахитофеловым советом
 Давид был ранен и Авессалом.
- Я связь родства расторг пред целым светом; 139
 За это мозг мой отсечен навек
 От корня своего в обрубке этом:
- И я, как все, возмездья не избег». 142.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Вид этих толп и этого терзанья
Так упоил мои глаза, что мне
Хотелось плакать, не тая страданья.
4 «Зачем твой взор прикован к глубине?
Чего ты ищешь,— мне сказал Вергилий,—
Среди калек на этом скорбном дне?
7 Другие рвы тебя не так манили;
Знай, если душам ты подводишь счет,
Что путь их — в двадцать две окружных мили.
10 Уже луна у наших ног плывет;
Недолгий срок осталось нам скитаться,
И впереди тебя другое ждет.
13 Я отвечал: «Когда б ты мог дознаться,
Что́ я хотел увидеть, ты и сам
Велел бы мне, быть может, задержаться».
16 Так говоря в ответ его словам,
Уже я шел, а впереди вожатый,
И я добавил: «В этой яме, там,
19 Куда я взор стремил, тоской объятый,
Один мой родич должен искупать
Свою вину, платя столь тяжелой платой».
22 И вождь: «Раздумий на него не трать;
Что ты его не встретил,— нет потери,
И не о нем ты должен помышлять.
25 Я видел с моста: гневен в высшей мере,
Он на тебя указывал перстом;
Его, я слышал, кто-то назвал Джери.
28 Ты в это время думал о другом,
Готфторского приметив властелина,
И не видал; а он ушел потом».
31 И я: «Мой вождь, насильная кончина,
Которой не отместили за него
Те, кто понес бесчестье,— вот причина

Его негодованья; оттого	34
Он и ушел, со мною нелюдимый; И мне тем больше стало жаль его».	
Так говоря, на новый свод взошли мы,	37
Над следующим рвом, и, будь светлей, Нам были бы до самой глуби зримы	
Последняя обитель Злых Щелей	40
И вся ее бесчисленная братья; Когда мы стали, в вышине, над ней,	
В меня вонзились вопли и проклятья,	43
Как стрелы, заостренные тоской; От боли уши должен был зажать я.	
Какой бы стон был, если б в летний зной	46
Собрать гуртом больницы Вальдикьяны, Мареммы и Сардиньи и в одной	
Сгрудить дыре,— так этот ров поганый	49
Вопил внизу, и смрад над ним стоял, Каким смердят гноящиеся раны.	
Мой вождь и я сошли на крайний вал,	52
Свернув, как прежде, влево от отрога, И здесь мой взгляд живее проникал	
До глуби, где, служительница бога,	55
Суровая карает Правота Поддельщиков, которых числит строго.	
Едва ли горше мука разлита	58
Была над вымирающей Эгиной, Когда зараза стала так люта,	
Что все живые твари до единой	61
Побило мором, и былой народ Воссоздан был породой муравьиной,	
Как из певцов иной передает,—	64
Чем здесь, где духи вдоль по дну слепому То кучами томились, то вразброд.	
Кто на живот, кто на плечи другому	67
Упав, лежал, а кто ползком, в пыли, По скорбному передвигался дому.	

- 70 За шагом шаг, мы молчаливо шли,
 Склоняя взор и слух к толпе болевших,
 Бессильных приподняться от земли.
- 73 Я видел двух, спина к спине сидевших,
 Как две сковороды поверх огня,
 И от ступней по темя острупевших.
- 76 Поспешней конюх не скребет коня,
 Когда он знает — господин заждался,
 Иль утомившись на исходе дня,
- 79 Чем тот и этот сам в себя вгрызался
 Ногтями, чтоб на миг унять свербеж,
 Который только этим облегчался.
- 82 Их ногти кожу обдирали сплошь,
 Как чешую с крупночешуйной рыбы
 Или с леща соскабливает нож.
- 85 «О ты, чьи все растерзаны изгибы,
 А пальцы, словно клещи, мясо рвут,—
 Вождь одному промолвил,— не могли бы
- 88 Мы от тебя услышать, нет ли тут
 Каких латинян? Да не обломаешь
 Вовек ногтей, несущих этот труд!»
- 91 Он всхлипнул так: «Ты и сейчас зрираешь
 На двух латинян и на их беду.
 Но кто ты сам, который вопрошаешь?»
- 94 И вождь сказал: «Я с ним, живым, иду
 Из круга в круг по темному простору,
 Чтоб он увидел всё, что есть в Аду».
- 97 Тогда, сломав взаимную опору,
 Они, дрожа, взглянули на меня,
 И все, кто был свидетель разговору.
- 100 Учитель, ясный взор ко мне склоня,
 Сказал: «Скажи им, что тебе угодно».
- И я, охотно волю подчиня:
- 103 «Пусть память ваша не прейдет бесплодно
 В том первом мире, где вы рождены,
 Но много солнц продлится всенародно!

- Скажите, кто вы, из какой страны; 106
 Вы ваших омерзительных мучений
 Передо мной стыдиться не должны».
- «Я из Ареццо; и Альберо в Сьене,— 109
 Ответил дух,— спалил меня, хотя
 И не за то, за что я в царстве теней.
- Я, правда, раз ему сказал, шутя: 112
 „Я и полет по воздуху изведал“;
 А он, живой и глупый, как дитя,
 Просил его наставить; так как Дедал 115
 Не вышел из него, то тот, кому
 Он был как сын, меня сожженью предал.
- Но я алхимик был, и потому 118
 Минос, который ввек не ошибётся,
 Меня послал в десятую тюрьму».
- И я поэту: «Где еще найдется 121
 Народ беспутней сьенцев? И самим
 Французам с ними нелегко бороться!»
- Тогда другой лишавый, рядом с ним, 124
 Откликнулся: «За исключением Стрикки,
 Умевшего в расходах быть скупым;
- И Никколó, любителя гвоздики, 127
 Которую он первый насадил
 В саду, принесшем урожай великий;
- И дружества, в котором прокутил 130
 Ашанский Качча и сады, и чащи,
 А Аббальято разум истощил.
- И чтоб ты знал, кто я, с тобой трунящий 133
 Над сьенцами, всмотрись в мои черты
 И убедись, что этот дух скорбящий —
- Капоккьо, тот, что в мире суеты 136
 Алхимией подделывал металлы;
 Я, как ты помнишь, если это ты,
 Искусник в обезьянстве был немалый». 139

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

В те дни, когда Юнона воспылала
Из-за Семелы гневом на фивян,
Как многократно это показала,—
4 На разум Афаманта пал туман,
И, на руках увидев у парицы
Своих сынов, безумством обуян,
7 Царь закричал: «Поставим сеть для львицы
Со львятами и путь им преградим!» —
И, простирая когти хищной птицы,
10 Схватил Леарха, размахнулся им
И раздробил младенца о камень;
Мать утопилась вместе со вторым.
13 И в дни, когда с вершины дерзновенья
Фортуна Трою свергла в глубину
И сгинули владетель и владенья,
16 Гекуба, в горе, в бедствиях, в плену,
Увидев Поликсену умерщвленной,
А там, где море в берег бьет волну,
19 Труп Полидора, страшно искаженный,
Залаяла, как пес, от боли взыв:
Не устоял рассудок потрясенный.
22 Но ни троянский гнев, ни ярость Фив
Свирепей не являли иступлений,
Зверям иль людям тело изъязвив,
25 Чем предо мной две бледных голых тени,
Которые, кусая всех кругом,
Неслись, как боров, поломавший сени.
28 Одна Капоккьо в шею вгрызлась ртом
И с ним помчалась; испуская крики,
Он скреб о жесткий камень животом.
31 Дрожь всем телом: «Это Джанни Скикки,—
Промолвил аретинец.— Всем постыл,
Он донимает всех, такой вот дикий».

- «О, чтоб другой тебя не укусил! 34
Пока он здесь, дай мне ответ нетрудный,
Скажи, кто он»,— его я попросил.
- Он молвил: «Это Мирры безрассудной 37
Старинный дух, той, что плотских утех
С родным отцом искала в страсти блудной.
- Она такой же с ним свершила грех, 40
Себя подделав и обману рада,
Как тот, кто там бежит, терзая всех,
Который, пожелав хозяйку стада, 43
Подделал старого Буозо, лег
И завещанье совершил, каџ надо».
- Когда и тот, и этот стал далек 46
Свирепый дух, мой взор, опять спокоен,
К другим несчастным обратиться мог.
- Один совсем как лютя был устроен; 49
Ему бы лишь в паху отсечь долой
Весь низ, который у людей раздвоен.
- Водянка порождала в нем застой 52
Телесных соков, всю его середку
Раздув несоразмерно с головой.
- И он, от жажды разевая глотку, 55
Распялил губы, как больной в огне,
Одну наверх, другую к подбородку.
- «Вы, почему-то здоровыми вполне 58
Сошедшие в печальные овраги,—
Сказал он нам,— склоните взор ко мне!
- Вот казнь Адамо, мастера-бедняги! 61
Я утолял все прихоти свои,
А здесь я жажду хоть бы кашлю влаги.
- Всё время казентинские ручьи, 64
С зеленых гор свергающие в Арно
По мягким руслам свежие струи,
Передо мною блещут лучезарно. 67
И я в лице от этого иссох;
Моя болезнь, и та не так коварна.

- 70 Там я грешил, там схвачен был врасплох,
И вот теперь — к местам, где я лукавил,
Я осужден стремить за вздохом вздох.
- 73 Я там, в Ромене, примесью бесславил
Крестителем запечатленный сплав,
За что и тело на костре оставил.
- 76 Чтоб здесь увидеть, за их гнусный нрав,
Тень Гвидо, Алессандро иль их братца,
Всю Бранду я отдам, возликовав.
- 79 Один уж прибыл, если полагаться
На этих буйных, бегающих тут.
Да что мне в этом, раз нет сил подняться?
- 82 Когда б я был чуть-чуть поменьше вздут,
Чтоб дюйм пройти за сотню лет усилий,
Я бы давно предпринял этот труд,
- 85 Ища его среди всей этой гнили,
Хотя дорожных миль по кругу здесь
Одиннадцать да поперек полмили.
- 88 Я из-за них обезображен весь;
Для них я подбавлял неутомимо
К флоринам трехкратную подмесь».
- 91 И я: «Кто эти двое, в клубе дыма,
Как на морозе мокрая рука,
Что справа распростерты недвижимо?»
- 94 Он отвечал: «Я их, к щеке щека,
Так и застал, когда был втянут Адам;
Лежать им, видно, вечные века.
- 97 Вот лгавшая на Иосифа; а рядом
Троянский грек и лжец Синон; их жжет
Горячка, потому и преют чадом».
- 100 Сосед, решив, что не такой почет
Заслуживает знатная особа,
Ткнул кулаком в его тугой живот.
- 103 Как барабан, откликнулась утроба;
Но мастер по лицу его огрел
Рукой, насколько позволяла злоба,

- Сказав ему: «Хоть я отяжелел 106
И мне в движенье тело непокорно,
Рука еще годна для этих дел».
- «Шагая в пламя,— молвил тот задорно,— 109
Ты был не так-то на руку ретив.
А деньги бить она была проворна».
- И толстопузый: «В этом ты правдив, 112
Куда правдивей, чем когда троянам
Давал ответ, душою покривив».
- И грек: «Я словом лгал, а ты — чеканом! 115
Всего один проступок у меня,
А ты всех бесов превзошел обманом!»
- «Клятвопреступник, вспомни про коня,— 118
Ответил вздутый,— и казись позором,
Всем памятным до нынешнего дня!»
- «А ты казись,— сказал Синоп,— напором 121
Гнилой водицы, жаждой иссушен
И животом заставься, как забором!»
- Тогда монетчик: «Искони времен 124
Твою гортань от скверны раздирало;
Я жажду, да, и соком наводнен,
А ты горишь, мозг болью изглодало, 127
И ты бы кинулся на первый зов
Лизнуть разок Нарциссово зеркало».
- Я вслушивался в звуки этих слов, 130
Но вождь сказал: «Что ты нашел за диво?
Я рассердиться на тебя готов».
- Когда он так проговорил гневливо, 133
Я на него взглянул с таким стыдом,
Что до сих пор воспоминаье живо.
- Как тот, кто, удрученный скорбным сном, 136
Во сне хотел бы, чтобы это снилось,
О сущем грезя, как о небылом,
- Таков был я: мольба к устам теснилась; 139
Я ждал, что, вняв ей, он меня простит,
И я не знал, что мне уже простилось.

- 142 «Крупней вину смывает меньший стыд,—
Сказал мой вождь,— и то, о чем мы судим,
Тебя уныньем пусть не тяготит.
- 145 Но знай, что я с тобой, когда мы будем
Идти, быть может, так же взор склонив
К таким вот премирающимся людям:
- 148 Позыв их слушать — низменный позыв».

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Я

зык, который так меня ужалил,
Что даже изменился цвет лица,
Мне сам же и лекарством язву залил;
Копье Ахилла и его отца 4
Бывало так же, слышал я, причиной
Начальных мук и доброго конца.
Спиной к больному рву, мы шли равниной, 7
Которую он поясом облегал,
И слова не промолвил ни единый.
Ни ночь была, ни день, и я не мог 10
Проникнуть взором в дали окоема,
Но вскоре я услышал зычный рог,
Который громче был любого грома, 13
И я глаза навел на этот рев,
Как будто зренье было им влекомо.
В плачевной сече, где святых бойцов 16
Великий Карл утратил в оны лета,
Не так ужасен был Орландов зов.
И вот возник из сумрачного света 19
Каких-то башен вознесенный строй;
И я: «Учитель, что за город это?»
«Ты мечешь взгляд,— сказал вожатый мой,— 22
Сквозь этот сумрак слишком издалека,
А это может обмануть порой.
Ты убедишься, приближая око, 25
Как, издали судя, ты был неправ;
Так подбодрись же и шагай широко».
И, ласково меня за руку взяв: 28
«Чтобы тебе их облик не был страшен,
Узнай сейчас, еще не увидав,
Что это — строй гигантов, а не башен; 31
Они стоят в колодце, вокруг жерла,
И низ их, от пула, оградой скрашен».

34 Как, если тает облачная мгла,
Взгляд начинает различать немного
37 Всё то, что муть туманная крала,
Так, с каждым шагом, ведшим нас полого
Сквозь этот плотный воздух под уклон,
Обман мой таял, и росла тревога:
40 Как башнями по кругу обнесен
Монтереджоне на своей вершине,
Так здесь, венчая круговой заслон,
43 Маячили, подобные твердыне,
Ужасные гиганты, те, кого
Дий, в небе грохоча, страшит поныне.
46 Уже я различал у одного
Лицо и грудь, живот до бедер тучных
И руки книзу вдоль боков его.
49 Спасла Природа многих злополучных,
Подобные пресекши племена,
Чтоб Марс не мог иметь таких подручных;
52 И если нераскаянна она
В слонах или китах, тут есть раскрытый
Для взора смысл, и мера здесь видна;
55 Затем что там, где властен разум, слитый
Со злобной волей и громадой сил,
Там для людей нет никакой защиты.
38 Лицом он так широк и длинен был,
Как шишка в Риме близ Петрова храма:
И весь костяк размером подходил;
61 От кромки — ноги прикрывала яма —
До лба не дотянулись бы вовек
Три фриза, стоя друг на друге прямо;
64 От места, где обычно человек
Скрепляет плащ, до бедер — тридцать клалось
Больших пятей. «Rafel mai amesch
67 Izabi almi», — яростно раздалось
Из диких уст, которым искони
Нежнее петь псалмы не полагалось.

- И вождь ему: «Ты лучше в рог звени, 70
Безумный дух! В него — избыток злобы
И всякой страсти из себя гони!
- О смутный дух, ощурай шею, чтобы 73
Найти ремень; тогда бы ты постиг,
Что рог подвешен у твоей утробы».
- И мне: «Он сам явил свой истый лик; 76
То царь Немврод, чей замысел ужасный
Виной, что в мире не один язык.
- Довольно с нас; беседы с ним напрасны: 79
Как он ничьих не понял бы речей,
Так никому слова его не ясны».
- Мы продолжали путь, свернув левой, 82
И, отойдя на выстрел самострела,
Нашли другого, больше и дичей.
- Чья сила великана одолела, 85
Не знаю; сзади — правая рука,
А левая вдоль переда висела
- Прикрученной, и, оплеть бока, 88
Цель завивалась, по открытой части,
От шеи вниз, до пятого витка.
- «Гордец, насильем домогаясь власти, 91
С верховным Дием в бой вступил, и вот,—
Сказал мой вождь,— возмездье буйной страсти.
- То Эфиальт; он был их верховод, 94
Когда богов гиганты устрашали;
Теперь он рук вовек не шевельнет».
- И я сказал учителю: «Нельзя ли, 97
Чтобы, каков безмерный Бриарей,
Мои глаза на опыте узнали?»
- И он ответил: «Здесь вблизи Антей; 100
Он говорит, он в пропасти порока
Опустит нас, свободный от цепей.
- А тот, тобою названный,— далеко; 103
Как этот — скован, и такой, как он;
Лицо лишь разве более жестоко».

- 106 Так мощно башня искони времен
Не содрогалась от землетрясения,
Как Эфиальт сотрясся, разъярен.
- 109 Я ждал, в испуге, смертного мгновенья,
И впрямь меня убил бы страх один,
Когда бы я не видел эти звенья.
- 112 Мы вновь пошли, и новый исполин,
Антей, возник из темной котловины,
От чресл до шеи ростом в пять аршин.
- 115 «О ты, что в дебрях роковой долины,—
Где Сципион был вознесен судьбой,
Рассеяв Ганнибаловы дружины,—
- 118 Не счел бы львов, растерзанных тобой,
Ты, о котором говорят: таков он,
Что, если б он вел братьев в горный бой,
- 121 Сынам Земли венец был уготован,
Спусти нас — и не хмурь надменный взгляд —
В глубины, где Коцит морозом скован.
- 124 Тифей и Титий далеко стоят;
Мой спутник дар тебе вручит бесценный;
Не корчи рот, нагнись; он будет рад
- 127 Тебя опять прославить во вселенной;
Он жив и долгий век себе сулит,
Когда не будет призван в свет блаженный».
- 130 Так молвил вождь; и вот гигант спешит
Принять его в простертые ладони,
Которых крепость испытал Алкид.
- 133 Вергилий, ощутив себя в их лоне,
Сказал: «Стань тут»,— и, чтоб мой страх исчез,
Обвил меня рукой, надежней брони.
- 136 Как Гаризенда, если стать под свес,
Вершину словно клонит понемногу
Навстречу туче в высоте небес,
- 139 Так надо мной, взиравшим сквозь тревогу,
Навис Антей, и в этот миг я знал,
Что сам не эту выбрал бы дорогу.

Но он легко нас опустил в провал, 142
Где поглощен Иуда тьмой предельной
И Люцифер. И, разогнувшись, встал,
Взнесясь подобно мачте корабельной. 145

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Когда б мой стих был хриплый и скрипучий,
Как требует зловещее жерло,
Куда спадают все другие кручи,
4 Мне б это крепче выжать помогло
Сок замысла; но здесь мой слог нестатк,
И речь вести мне будет тяжело;
7 Ведь вовсе не из легких предприятий —
Представить образ мирового дна;
Тут не отделаешься «мамой-тятей».
10 Но помощь Муз да будет мне дана,
Как Амфиону, строившему Фивы,
Чтоб в слове сущность выразить сполна.
13 Жалчайший род, чей жребий несчастливый
И молвить трудно, лучше б на земле
Ты был овечьим стадом, нечестивый!
16 Мы оказались в преисподней мгле,
У ног гиганта, на равнине гладкой,
И я дивился шедшей вверх скале,
19 Как вдруг услышал крик: «Шагай с оглядкой!
Ведь ты почти что на головы нам,
Злосчастливым братьям, наступаешь пяткой!»
22 Я увидал, взглянув по сторонам,
Что подо мною озеро, от стужи
Подобное стеклу, а не волнам.
25 В разгар зимы не облечен снаружи
Таким покровом в Австрии Дунай,
И дальний Танаис твердеет хуже;
28 Когда бы Тамбернику невзначай
Иль Пьетрапане дать сюда свалиться,
У озера не хрустнул бы и край.
31 И как лягушка выставить ловчится,
Чтобы поквакать, рыльце из пруда,
Когда жнее страда и ночью снится,

- Так, вмерзши до таилища стыда 34
И аисту под звук стуча зубами,
Синели души грешных изо льда.
- Свое лицо они склоняли сами, 37
Свидетельствуя в облике таком
О стуже — ртом, о горести — глазами.
- Взглянув окрест, я вновь поник челом 40
И увидел двоих, так сжатых рядом,
Что волосы их сбились в цельный ком.
- «Вы, грудь о грудь окованные хладом, — 43
Сказал я, — кто вы?» Каждый шею взнес
И на меня оборотился взглядом.
- И их глаза, набухшие от слез, 46
Излились влагой, и она застыла,
И веки им обледенил мороз.
- Бревно с бревном скоба бы не скрепила 49
Столь прочно; и они, как два козла,
Боднулись лбами, — так их злость душила.
- И кто-то молвил, не подняв чела, 52
От холода безухий: «Что такое?
Зачем ты в нас глядишь, как в зеркала?»
- Когда ты хочешь знать, кто эти двое: 55
Им завещал Альберто, их отец,
Бизенцкий дол, наследье родовое.
- Родные братья; из конца в конец 58
Обшарь хотя бы всю Кайну, — гаже
Не вязнет в студне ни один мертвец:
- Ни тот, которому, на зоркой страже, 61
Артур пронзил копьем и грудь, и тень,
Ни сам Фокачча, ни вот этот даже,
- Что головой мне застит скудный день 34
И прозывался Сассоль Маскерони;
В Тоскане слышали про эту тень.
- А я, — чтоб все явить, как на ладони, — 67
Был Камичон де'Пацци, и я жду
Карляно, для затменья беззаконий».

- 70 Потом я видел сотни лиц во льду,
 Подобных песьим мордам; и доньне
 Страх у меня к замерзшему пруду.
- 73 И вот, пока мы шли к той середине,
 Где сходится всех тяжестей поток,
 И я дрожал в темнеющей пустыне,—
- 76 Была то воля, случай или рок,
 Не знаю,— только, меж голов ступая,
 Я одному ногой ушиб висок.
- 79 «Ты что дерешься? — вскрикнул дух, стеная.—
 Ведь не пришел же ты меня толкнуть,
 За Монтаперти лишний раз отмщая?»
- 82 И я: «Учитель, подожди чуть-чуть;
 Пусть он меня избавит от сомнений;
 Потом ускорим, сколько хочешь, путь».
- 85 Вожатый стал; и я промолвил тени,
 Которая ругалась всем дурным:
 «Кто ты, к другим столь злобный средь мучений?»
- 88 «А сам ты кто, ступающий другим
 На лица в Антеноре,— он ответил,—
 Больней, чем если бы ты был живым?»
- 91 «Я жив, и ты бы утешенье встретил,—
 Был мой ответ,— когда б из рода в род
 В моих созвучьях я тебя отметил».
- 94 И он сказал: «Хочу наоборот.
 Отстань, уйди; хитрец ты плоховатый:
 Нашел, чем льстить средь ледяных болот!»
- 97 Вцепясь ему в затылок волосатый,
 Я так сказал: «Себя ты назовешь
 Иль без волос останешься, проклятый!»
- 100 И он в ответ: «Раз ты мне космы рвешь,
 Я не скажу, не обнаружу, кто я,
 Хотя б меня ты изувечил сплошь».
- 103 Уже, рукой в его загривке роя,
 Я не одну ему повыдрал прядь,
 А он глядел все кпизу, громко воя.

- Вдруг кто-то крикнул: «Бокка, брось орать! 106
И без того уж челюстью грохочешь.
Разлалялся! Кой черт с тобой опять?»
- «Теперь молчи,— сказал я,— если хочешь, 109
Предатель гнусный! В мире свой позор
Через меня навеки ты упрочишь».
- «Ступай,— сказал он,— врать тебе простор. 112
Но твой рассказ пусть в точности означает
И этого, что на язык так скор.
- Он по французским денежкам здесь плачет. 115
„Дуэра,— ты расскажешь,— водворен
Там, где в прохладце грешный люд маячит“.
- А если спросят, кто еще, то вон — 118
Здесь Беккерия, ближе братья прочей,
Которому нашейник рассечен;
- Там Джанни Сольданьер потушил очи, 121
И Генеллон, и Тебальделло с ним,
Тот, что Фаэнцу отомкнул средь ночи».
- Мы отошли, и тут глазам моим 124
Предстали двое, в яме леденя;
Один, как шапкой, был накрыт другим.
- Как хлеб грызет голодный, стервенея, 127
Так верхний зубы нижнему вонзал
Туда, где мозг смыкаются и шея.
- И сам Тидей не яростней глодал 130
Лоб Меналиппа, в час перед кончиной,
Чем этот призрак череп пожирал.
- «Ты, одержимый злобою звериной 133
К тому, кого ты истерзал, жуя,
Скажи,— промолвил я,— что ей причиной.
- И если праведна вражда твоя,— 136
Узнав, кто вы и чем ты так обижен,
Тебе на свете послужи и я,
Пока не станет мой язык недвижим». 139

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Подняв уста от мерзостного брашна,
Он вытер свой окровавленный рот
О волосы, в которых грыз так страшно,
4 Потом сказал: «Отчаянных невзгод
Ты в скорбном сердце обновляешь бремя;
Не только речь, и мысль о них гнетет.
7 Но если слово прорастет, как семя,
Хулой врагу, которого гложу,
Я рад вещать и плакать в то же время.
10 Не знаю, кто ты, как прошел между
Печальных стран, откуда нет возврата,
Но ты тосканец, как на слух сужу.
13 Я графом Уголино был когда-то,
Архиепископом Руджери — он;
Недаром здесь мы ближе, чем два брата.
16 Что я злодейски был им обойден,
Ему доверяюсь, заточен как пленник,
Потом убит, — известно испокон;
19 Но ни один не ведал современник
Про то, как смерть моя была страшна.
Внемли и знай, что сделал мой изменник.
22 В отверстье клетки — с той поры она
Голодной Башней называться стала,
И многим в ней неволя суждена —
25 Я новых лун перевидал немало,
Когда зловещий сон меня потряс,
Грядущего разверзши покрывало.
28 Он, с ловчими, — так снилось мне в тот час, —
Гнал волка и волчат от их стоянки
К холму, что Лукку заслонил от нас;
31 Усердных псиц задорил дух приманки,
А головными впереди неслись
Гваланди, и Сисмонди, и Ланфранки.

- Отцу и детям было не спастись: 34
Охотникам досталась их потреба,
И в ребра зубы острые впились.
- Очнувшись раньше, чем зарделось небо, 37
Я услышал, как, мучимые сном,
Мои четыре сына просят хлеба.
- Когда без слез ты слушаешь о том, 40
Что этим стоном сердцу возвещалось,—
Ты плакал ли когда-нибудь о чем?
- Они проснулись; время приближалось, 43
Когда тюремщик пищу подает,
И мысль у всех недавним сном терзалась.
- И вдруг я слышу — забивают вход 46
Ужасной башни; я глядел, застылый,
На сыновей; я чувствовал, что вот —
- Я каменею, и стонать нет силы; 49
Стонали дети; Ансельмуччо мой
Спросил: „Отец, что ты так смотришь, милый?“
- Но я не плакал; молча, как немой, 52
Провел весь день и ночь, пока денница
Не вышла с новым солнцем в мир земной.
- Когда луча ничтожная частица 55
Проникла в скорбный склеп и я открыл,
Каков я сам, взглянув на эти лица,—
- Себе я пальцы в муке укусил. 58
Им думалось, что это голод нудит
Меня кусать; и каждый, встав, просил:
- „Отец, ешь нас, нам это легче будет; 61
Ты дал нам эти жалкие тела,—
Возьми их сам; так справедливость судит“.
- Но я утих, чтоб им не делать зла. 64
В безмолвье день, за ним другой промчался.
Зачем, земля, ты нас не пожрала!
- Настал четвертый. Гаддо зашатался 67
И бросился к моим ногам, стена:
„Отец, да помоги же!“ — и скончался.

- 70 И я, как ты здесь смотришь на меня,
Смотрел, как трое пали друг за другом,
От пятого и до шестого дня.
- 73 Уже слепой, я щупал их с испугом,
Два дня звал мертвых с воплями тоски;
Но злей, чем горе, голод был недугом.
- 76 Тут он умолк и вновь, скосив зрачки,
Вцепился в жалкий череп, в кость вонзая
Как у собаки крепкие клыки.
- 79 О Пиза, стыд пленительного края,
Где раздается si! Коль медлит суд
Твоих соседей,— пусть, тебя карая,
- 82 Капрара и Горгона с мест сойдут
И устье Арно заградят заставой,
Чтоб утонул весь твой бесчестный люд!
- 85 Как ни был бы ославлен темной славой
Граф Уголино, замки уступив,—
За что детей вести на крест неправый!
- 88 Невинны были, о исчадь Фив,
И Угуччоне с молодым Бригатой,
И те, кого я назвал, в песнь вложив.
- 91 Мы шли вперед равниною покатою
Туда, где, лежа навзничь, грешный род
Терзается, жестоким льдом зажатый.
- 94 Там самый плач им плакать не дает,
И боль, прорвать не в силах покрывала,
К сугубой муке снова внутрь идет;
- 97 Затем что слезы с самого начала,
В подбровной накопляясь глубине,
Твердеют, как хрустальные забрала.
- 100 И в этот час, хоть и казалось мне,
Что все мое лицо, и лоб, и веки
От холода бесчувственны вполне,
- 103 Я ощутил как будто ветер некий.
«Учитель,— я спросил,— чем он рожден?
Ведь всякий пар угашен здесь навеки».

- И вождь: «Ты вскоре будешь приведен
В то место, где, узрев ответ воочью,
Постигнешь сам, чем воздух возмущен». 106
- Один из тех, кто скован льдом и ночью, 109
Вскричал: «О души, злые до того,
Что вас послали прямо к средоточью,
Снимите гнет со взгляда моего, 112
Чтоб скорбь излилась хоть на миг слезою,
Пока мороз не затянул его».
- И я в ответ: «Тебе я взор открою, 115
Но назовись; и если я солгал,
Пусть окажусь под ледяной корою!»
- «Я — инок Альбериго, — он сказал, — 118
Тот, что плоды растил на злое дело
И здесь на финик смокву променял».
- «Ты разве умер?» — с уст моих слетело. 121
И он в ответ: «Мне ведать не дано,
Как здравствует мое земное тело.
- Здесь, в Толомее, так заведено, 124
Что часто души, раньше, чем сразила
Их Атропос, уже летят на дно.
- И чтоб тебе еще приятней было 127
Снять у меня стеклянный полог с глаз,
Знай, что, едва предательство свершила,
Как я, душа, вселяется тотчас 130
Ей в тело бес, и в нем он остается,
Доколе срок для плоти не угас.
- Душа катится вниз, на дно колодца. 133
Еще, быть может, к мертвым не причли
И ту, что там за мной от стужи жметя.
- Ты это должен знать, раз ты с земли: 136
Он звался Бранка д'Орья; наша братья
С ним свыклась, годы вместе провели».
- «Что это правда, мало вероятья, — 139
Сказал я. — Бранка д'Орья жив, здоров,
Он ест, и пьет, и спит, и носит платье».

142 И дух в ответ: «В смолой кипящий ров
Еще Микеле Цанке не направил,
С землю разлучась, своих шагов,
145 Как этот беса во плоти оставил
Взамен себя, с сородичем одним,
С которым вместе он себя прославил.
148 Но руку протяни к глазам моим,
Открой мне их!» И я рукой не двинул,
И было доблестью быть подлым с ним.
151 О гонуэзцы, вы, в чьем сердце минул
Последний стыд и всё осквернено,
Зачем ваш род еще с земли не сгинул?
154 С гнуснейшим из романцев заодно
Я встретил одного из вас, который
Душой в Коците погружен давно,
157 А телом здесь обманывает взоры.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

V	exilla regis prodeunt inferni *	
	Навстречу нам,— сказал учитель.— Вот, Смотри, уже он виден в этой черни.	
	Когда на нашем небе ночь встает	4
	Или в тумане меркнет ясность взгляда, Так мельница вдали крылами бьет, Как здесь во мгле встававшая громада.	7
	Я хоронился за вождем, как мог, Чтобы от ветра мне была пощада.	
	Мы были там,— мне страшно этих строк,—	10
	Где тени в недрах ледяного слоя Сквозят глубоко, как в стекле сучок.	
	Одни лежат; другие вмерзли стоя,	13
	Кто вверх, кто книзу головой застыв; А кто — дугой, лицо ступнями края.	
	В безмолвии дальнейший путь свершив	16
	И пожелав, чтобы мой взгляд окинул Того, кто был когда-то так красив,	
	Учитель мой вперед меня подвинул,	19
	Сказав: «Вот Дит, вот мы пришли туда, Где надлежит, чтоб ты боязнь отринул».	
	Как холоден и слаб я стал тогда,	22
	Не спрашивай, читатель; речь — убоже; Писать о том не стоит и труда.	
	Я не был мертв, и жив я не был тоже;	25
	А рассудить ты можешь и один: Ни тем, ни этим быть — с чем это схоже.	
	Мучительной державы властелин	28
	Грудь изо льда вздымал наполовину; И мне по росту ближе исполин,	

* Близятся знамена царя Ада (лат.).

- 31 Чем руки Люцифера исполину;
По этой части ты бы сам расчел,
Каков он весь, ушедший телом в льдину.
- 34 О, если вежды он к Творцу возвел
И был так дивен, как теперь ужасен,
Он, истинно, первопричина зол!
- 37 И я от изумленья стал безгласен,
Когда увидел три лица на нем;
Одно — над грудью; цвет его был красен;
- 40 А над одним и над другим плечом
Два смежных с этим в стороны грозило,
Смыкаясь на затылке под хохлом.
- 43 Лицо направо — бело-желтым было;
Окраска же у левого была,
Как у пришедших с водопадов Нила.
- 46 Росло под каждым два больших крыла,
Как должно птице, столь великой в мире;
Таких ветрил и мачта не несла.
- 49 Без перьев, вид у них был нетопырий;
Он ими веял, движа рамена,
И гнал три ветра вдоль по темной шири,
- 52 Струи Коцита леденя до дна.
Шесть глаз точило слезы, и стекала
Из трех пастей кровавая слюна.
- 55 Они все три терзали, как трепала,
По грешнику; так, с каждой стороны
По одному, в них трое изнывало.
- 58 Переднему не зубы так страшны,
Как ногти были, всё одну и ту же
Сдирающие кожу со спины.
- 61 «Тот, наверху, страдающий всех хуже,—
Промолвил вождь,— Иуда Искарьот;
Внутри головой и пятками наруже.
- 64 А эти — видишь — головой вперед:
Вот Брут, свисающий из черной пасти;
Он корчится — и губ не разомкнет!

- Напротив — Кассий, телом коренастей. 67
 Но наступает ночь; пора и в путь;
 Ты видел всё, что было в нашей власти».
- Велев себя вокруг шеи обомкнуть 70
 И выбрав миг и место, мой вожатый,
 Как только крылья обнажили грудь,
 Приблизился, вцепился в стан косматый 73
 И стал спускаться вниз, с клона на клон,
 Меж корок льда и грудью волосатой.
- Когда мы пробирались там, где бок, 76
 Загнув к бедру, дает уклон пологий,
 Вождь, тяжело дыша, с усиьем лег
 Челом туда, где прежде были ноги, 79
 И стал по шерсти подыматься ввысь,
 Я думал — вспять, по той же вновь дороге.
- Учитель молвил: «Крепче ухватись,— 82
 И он дышал, как человек усталый.—
 Вот путь, чтоб нам из бездны зла спастись».
- Он в толще скал проник сквозь отступ малый, 85
 Помог мне сесть на край, потом ко мне
 Уверенно перешагнул на скалы.
- Я ждал, глаза подьемля к Сатане, 88
 Что он такой, как я его покинул,
 А он торчал ногами к вышине.
- И что за трепет на меня нахлынул, 91
 Пусть судят те, кто, слыша мой рассказ,
 Не угадал, какой рубеж я минул.
- «Встань,— вождь промолвил.— Ожидает нас 94
 Немалый путь, и нелегка дорога,
 А солнце входит во второй свой час».
- Мы были с ним не посреди чертога; 97
 То был, верней, естественный подвал,
 С неровным дном, и свет мерцал убого.
- «Учитель,— молвил я, как только встал,— 100
 Пока мы здесь, на глубине безвестной,
 Скажи, чтоб я в сомненьях не блуждал:

- 103 Где лед? Зачем вот этот в яме тесной
Торчит стремглав? И как уже пройден
От ночи к утру солнцем путь небесный?»
- 106 «Ты думал — мы, как прежде, — молвил он, —
За средоточьем, там, где я вцепился
В руно червя, которым мир пронзен?
- 109 Спускаясь вниз, ты там и находился;
Но я в той точке сделал поворот,
Где гнет всех грузов отовсюду слился;
- 112 И над тобой теперь небесный свод,
Обратный своду, что взнесен навеки
Над сушей и под сенью чьих высот
- 115 Угасла жизнь в безгрешном Человеке;
Тебя держащий каменный настил
Есть малый круг, обратный лик Джудекки.
- 118 Тут — день встает, там — вечер наступил;
А этот вот, чья лестница мохната,
Всё так же воткнут, как и прежде был.
- 121 Сюда с небес вонзился он когда-то;
Земля, что раньше наверху цвела,
Застлалась морем, ужасом объята,
- 124 И в наше полушарье перешла;
И здесь, быть может, вверх горой скакнула,
И он остался в пустоте дупла».
- 127 Там место есть, вдали от Вельзевула,
Насколько стены склепа вдаль ведут;
Оно приметно только из-за гула
- 130 Ручья, который вытекает тут,
Пробившись через камень, им точимый;
Он вьется сверху, и наклон не круг.
- 133 Мой вождь и я на этот путь незримый
Ступили, чтоб вернуться в ясный свет,
И двигались всё вверх, неутомимы,
- 136 Он — впереди, а я ему вослед,
Пока моих очей не озарила
Краса небес в зияющий просвет;
- 139 И здесь мы вышли вновь узреть светила.

ЧИСТИЛИЩЕ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

ля лучших вод подъемля парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине,
И я второе царство воспою, 4
Где души обретают очищенье
И к вечному восходят бытию.
Пусть мертвое воскреснет песнопенье, 7
Святые Музы,— я взываю к вам;
Пусть Каллиопа, мне в сопровожденье,
Поднявшись вновь, ударит по струнам, 10
Как встарь, когда Сорок сразила лира
И нанесла им беспощадный срам.
Отрадный цвет восточного сапфира, 13
Накопленный в воздушной вышине,
Прозрачной вплоть до первой тверди мира,

16 Опять мне очи упоил вполне,
 Чуть я расстался с тьмью без рассвета,
 Глаза и грудь отяготившей мне.

19 Маяк любви, прекрасная планета,
 Зажгла восток улыбкою лучей,
 И ближних Рыб затмила ясность эта.

22 Я вправо, к остью, поднял взгляд очей,
 И он пленился четырьмя звездами,
 Чей отсвет первых озарял людей.

25 Казалось, твердь ликует их огнями;
 О северная сирая страна,
 Где их сверканье не горит над нами!

28 Покинув оком эти племена,
 Я обратился к остью полуночи,
 Где Колесница не была видна;

31 И некий старец мне предстал пред очи,
 Исполненный почтенности такой,
 Какой для сына полон облик отчий.

34 Цвет бороды был исчерна седой,
 И ей волна волос уподоблялась,
 Ложась на грудь раздвоенной грядой.

37 Его лицо так ярко украшалось
 Священным светом четырех светил,
 Что это блещет солнце — мне казалось.

40 «Кто вы, и кто темницу вам открыл,
 Чтобы к слепому выйти водопаду? —
 Колебля оперенье, он спросил. —

43 Кто вывел вас? Где взяли вы лампаду,
 Чтоб выбраться из глубины земли
 Сквозь черноту, разлитую по Аду?

46 Вы ль над законом бездны возмogli,
 Иль новое решилось в горней сени,
 Что падшие к скале моей пришли?»

49 Мой вождь, внимая величавой тени,
 И голосом, и взглядом, и рукой
 Мне преклонил и веки, и колени.

- Потом сказал: «Я здесь не сам собой. 52
Жена сошла с небес, ко мне взывая,
Чтоб я помог идущему со мной.
- Но раз ты хочешь точно знать, какая 55
У нас судьба, то это мне закон,
Который я уважу, исполняя.
- Последний вечер не изведал он; 58
Но был к нему так близок, безрассудный,
Что срок ему недолгий был сужден.
- Как я сказал, к нему я в этот трудный 61
Был послан час; и только через тьму
Мог вывести его стезею чудной.
- Весь грешный люд я показал ему; 64
И души показать ему желаю,
Врученные надзору твоему.
- Как мы блуждали, я не излагаю; 67
Мне сила свыше помогла, и вот
Тебя я вижу и тебе внимаю.
- Ты благосклонно встреть его приход: 70
Он восхотел свободы, столь бесценной,
Как знают все, кто жизнь ей отдает.
- Ты это знал, приняв, как дар блаженный, 73
Смерть в Утике, где ризу бытия
Совлек, чтоб в грозный день ей стать нетленной.
- Запретов не ломал ни он, ни я: 76
Он — жив, меня Минос нигде не тронет,
И круг мой — тот, где Марция твоя
- На дне очей мольбу к тебе хоронит, 79
О чистый дух, считать ее своей.
Пусть мысль о ней и к нам тебя преклонит!
- Дай нам войти в твои семь царств, чтоб ей 82
Тебя я славил, ежели пристала
Речь о тебе средь горестных теней».
- «Мне Марция настолько взор пленяла, 85
Пока я был в том мире, — он сказал, —
Что для нее я делал все, бывало.

88 Теперь меж нас бежит зловещий вал;
 Я, изведенный силою чудесной,
 Блюдя устав, к ней безучастен стал.
91 Но если ты посол жены небесной,
 Достаточно и слова твоего,
 Без всякой лстивой речи, здесь неместной.
94 Ступай и тростьем опояшь его
 И сам ему омой лицо, стирая
 Всю грязь, чтоб не осталось ничего.
97 Нельзя, глазами мглистыми взирая,
 Идти навстречу первому из слуг,
 Принадлежащих к светлым сонмам Рая.
100 Весь этот островок обвив вокруг,
 Внизу, где море бьет в него волною,
 Растет тростник вдоль илистых излук.
103 Растения, обильные листвою
 Иль жесткие, не могут там расти,
 Затем что неуступчивы прибою.
106 Вернитесь не по этому пути;
 Восходит солнце и покажет ясно,
 Как вам удобней на гору взойти».
109 Так он исчез; я встал с колен и, страстно
 Прильнув к тому, кто был моим вождем,
 Его глаза я вопрошал безгласно.
112 Он начал: «Сын, ступай за мной; идем
 В ту сторону; мы здесь на косогоре
 И по уклону книзу повернем».
115 Уже заря одолевала в споре
 Нестойкий мрак, и, устремляя взгляд,
 Я различал трепещущее море.
118 Мы шли, куда нас вел безлюдный скат,
 Как тот, кто вновь дорогу обретает
 И, лишь по ней шагая, будет рад.
121 Дойдя дотуда, где роса вступает
 В боренье с солнцем, потому что там,
 На ветерке, нескоро исчезает,—

Раскрыв ладони, к влажным муравам	124
Нагнулся мой учитель знаменитый,	
И я, поняв, к нему приблизил сам	
Слезами орошевные ланиты;	127
И он вернул мне цвет,— уже навек,	
Могло казаться, темным Адом скрытый.	
Затем мы вышли на пустынный брег,	130
Не видевший, чтобы отсюда начал	
Обратный путь по волнам человек.	
Здесь пояс он мне свил, как тот назначил.	133
О удивленье! Чуть он выбирал	
Смиренный стебель, как уже маячил	
Сейчас же новый там, где он сорвал.	136

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

- же сближалось солнце, нам незримо,
С тем горизонтом, чей полдневный круг
Вершиной лег поверх Ерусалима;
- 4 А ночь, напротив двигаясь вокруг,
Взошла из Ганга и весы держала,
Чтоб, одолев, их выронить из рук;
- 7 И на щеках Авроры, что сияла
Там, где я был, мерк бело-алый цвет,
От времени желтея обветшало.
- 10 Мы ждали там, где нас застал рассвет,
Как те, что у распутья, им чужого,
Душою движутся, а телом нет.
- 13 И вот, как в слое воздуха густого,
На западе, над самым лоном вод,
В час перед утром Марс горит багрово,
- 16 Так мне сверкнул — и снова да сверкнет! —
Свет, по волнам стремившийся так скоро,
Что не сравнится никакой полет.
- 19 Пока глаза от водного простора
Я отстранял, чтобы спросить вождя,
Свет ярче стал и явственней для взора.
- 22 По сторонам, немного пргодя,
Какой-то белый блеск разросся чудно,
Другой — под ним, отвесно нисходя.
- 25 Мой вождь молчал, но было уж нетрудно
Узнать крыла в той первой белизне,
И он, поняв, кто направляет судно,
- 28 «Склони, склони колена! — крикнул мне. —
Молись, вот ангел божий! Ты отныне
Их много встретишь в горней вышине.
- 31 Смотри, как этот, в праведной гордыне,
Ни вёсел не желает, ни ветрил,
И правит крыльями в морской пустыне!

- Смотри, как он их к небу устремил, 34
Взвевая воздух вечным опереньем,
Не переменным, как у смертных крыл.
- А тот, светлея с каждым мановеньем, 37
Господней птицей путь на нас держал;
Я, дольше не выдерживая зреньем,
Потушил взгляд; а он к земле пристал, 40
И челн его такой был маловесный,
Что даже и волну не рассекал.
- Там на корме стоял пловец небесный, 43
Такой, что счастье — даже речь о нем;
Вмещал сто душ и больше струг чудесный.
- «In exitu Israël» * — так, в одном 46
Сливаясь хоре, их звучало пенье,
И всё, что дальше говорит псалом.
- Он дал им крестное благословенье, 49
И все на берег кинулись гурьбой,
А он ушлыл, опять в одно мгновенье.
- Толпа дичилась, видя пред собой 52
Безвестный край, смущенная немного,
Как тот, кто повстречался с новизбой.
- Уже лучи во все концы отлого 55
Метало солнце, их стрелами сбив
С небесной середины Козерога,
- Когда отряд прибывших, устремив 58
На нас глаза, сказал нам: «Мы не знаем,
Каким путем подняться на обрыв».
- Вергилий им ответил: «С этим краем 61
Знакомимся мы сами в первый раз;
Мы тоже здесь как странники ступаем.
- Мы прибыли немного раньше вас, 64
Другим путем, где круча так сурова,
Что вверх идти — теперь игра для нас».

* Когда вышел Израиль [из Египта] (лат.).

- 67 Внимавшие, которым было ново,
 Что у меня дыханье на устах,
 Дивясь, бледнели, увидав живого.
- 70 Как на гонца с оливою в руках
 Бежит народ, чтобы узнать, в чем дело,
 И все друг друга давят второших,
- 73 Так и толпа счастливых душ глядела
 В мое лицо, забыв стезю высот
 И чаянье прекрасного удела.
- 76 Одна ко мне продвинулась вперед,
 Объятия раскрыв так благодатно,
 Что я ответил тем же в свой черед.
- 79 О призрачные тени! Троекратно
 Сплетал я руки, чтоб ее обнять,
 И трижды приводил к груди обратно.
- 82 Смущенья ли была на мне печать,
 Но тень с улыбкой стала отдаляться,
 И ей вослед я двинулся опять.
- 85 Она сказала мне не приближаться;
 И тут ее узнал я без труда
 И попросил на миг со мной остаться.
- 88 «Как в смертном теле,— молвил дух тогда,—
 Тебя любил я, так люблю вне тленья.
 Я подожду; а ты идешь куда?»
- 91 «Каселла мой, я ради возвращенья
 Сюда же,— я сказал,— предпринял путь.
 Но где ты был, чтоб так терять мгновенья?»
- 94 И он: «Обидой не было отнюдь,
 Что он, беря, кого ему угодно,
 Мне долго к прочим не давал примкнуть;
- 97 Его желанье с высшей правдой сходно.
 Теперь уже три месяца подряд
 Всех, кто ни просит, он берет свободно.
- 100 И вот, на взморье устремляя взгляд,
 Где Тибр горчает, растворясь в соленом,
 Я был им тоже в этом устье взят,

- Куда сейчас он реет водным лоном 103
И где всегда в ладью сажает он
Того, кто не притянут Ахероном.
- И я: «О, если ты не отлучен 106
От дара нежных песен, что, бывало,
Мою тревогу погружали в сон,
Не уходи, не спев одну сначала 109
Моей душе, которая, в земной
Идущая личине, так устала!»
- «Любовь, в душе беседа со мной»,— 112
Запел он так отрадно, что отрада
И до сих пор звенит во мне струной.
- Мой вождь, и я, и душ блаженных стадо 115
Так радостно ловили каждый звук,
Что лучшего, казалось, нам не надо.
- Мы напряженно слушали, но вдруг 118
Величественный старец крикнул строго:
«Как, мешкотные души? Вам досуг
Вот так стоять, когда вас ждет дорога? 121
Спешите в гору, чтоб очистить взор
От шелухи, для лицезренья бога».
- Как голуби, клюя зерно иль сор, 124
Толпятся, молчаливые, без счета,
Прервав свой горделивый разговор,
- Но, если вдруг их испугает что-то, 127
Тотчас бросают корм и прочь спешат,
Затем что поважней у них забота,—
- Так, видел я, неопытный отряд, 130
Бросая песнь, спешил к пяте обрыва,
Как человек, идущий наугад;
Была и наша поступь тороплива. 133

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

В то время как внезапная тревога
Гнала их россыпью к подножью скал,
Где правда нас испытывает строго,
4 Я верного вождя не покидал:
Куда б я устремился, одинокий?
Кто путь бы мне к вершине указал?
7 Я чувствовал его самоупреки.
О совесть тех, кто праведен и благ,
Тебе и малый грех — укол жестокий!
10 Когда от спешки он избавил шаг,
Которая в движеньях неприглядна,
Мой ум, который всё не мог никак
13 Расшириться, опять раскрылся жадно,
И я глаза возвел перед стеной,
От моря к небу взнесшейся громадно.
16 Свет солнца, багровевшего за мной,
Ломался впереди меня, покорный
Преграде тела, для него сплошной.
19 Я оглянулся с дрожью непритворной,
Боясь, что брошен,— у моих лишь ног
Перед собою видя землю черной.
22 И пестун мой: «Ты ль это думать мог? —
Сказал, ко мне всей грудью обращенный.—
Ведь я с тобой, и ты не одинок.
25 Теперь уж вечер там, где, погребенный,
Почиет прах, мою кидавший тень,
Неаполю Брундузием врученный.
28 И если я не затмеваю день,
Дивись не больше, чем кругам небесным:
Луч, не затмясь, проходит сквозь их сень.
31 Но стуже, зною и скорбям телесным
Подвержены и наши существа
Могуществом, в путях своих безвестным.

- Поистине безумные слова — 34
 Что постижима разумом стихия
 Единого в трех лицах естества!
- О род людской, с тебя довольно quia; 37
 Будь всё открыто для очей твоих,
 То не должна бы и рождать Мария.
- Ты видел жажду тщетную таких, 40
 Которые бы жажду утолили,
 Навеки мукой ставшую для них.
- Средь них Платон и Аристотель были 43
 И многие». И взор потупил он
 И смолк, и горечь губы затаили.
- Уже пред нами вырос горный склон, 46
 Стеной такой обрывистой и строгой,
 Что самый ловкий был бы уstraшен.
- Какой бы дикой ни идти дорогой 49
 От Лериче к Турбии, худший путь
 В сравненье был бы лестницей пологой.
- «Как знать, не ниже ль круча где-нибудь,— 52
 Сказал, остановившись, мой вожатый,—
 Чтоб мог бескрылый на нее шагнуть?»
- Пока он медлил, думою объятый, 55
 Не отрывая взоров от земли,
 А я оглядывал крутые скаты,—
- Я увидел левой меня, вдали, 58
 Чреду теней, к нам подвигавших ноги,
 И словно тщетно,— так все тихо шли.
- «Взгляни, учитель, и рассея тревоги,— 61
 Сказал я.— Вот кто нам подаст совет,
 Когда ты сам не ведаешь дороги».
- Взглянув, он молвил радостно в ответ: 64
 «Пойдем туда, они идут так вяло.
 Мой милый сын, вот путеводный свет».
- Толпа от нас настолько отстояла 67
 И после нашей тысячи шагов,
 Что бросить камень — только бы достало,

- 70 Как вдруг они, всем множеством рядов
Теснясь к скале, свой ход остановили,
Как тот, кто шел и стал, дивясь без слов.
- 73 «Почивший в правде, — молвил им Вергилий, —
Сонм избранных, и мир да примет вас,
Который, верю, все вы заслужили,
- 76 Скажите, есть ли тут тропа для нас,
Чтоб мы могли подняться кручей склона;
Для умудренных ценен каждый час».
- 79 Как выступают овцы из загона,
Одна, две, три, и головы, и взгляд
Склоняя робко до земного лона,
- 82 И все гурьбой за первую спешат,
А стоит стать ей, — смирно, ряд за рядом,
Стоят, не зная, почему стоят;
- 85 Так шедшие перед блаженным стадом
К нам приближались, с думой на челе,
С достойным видом и смиренным взглядом.
- 88 Но видя, что пред ними на земле
Свет разорвался и что тень сплошная
Ложится вправо от меня к скале,
- 91 Ближайшие смутились, отступая;
И весь шагавший позади народ
Отхлынул тоже, почему — не зная.
- 94 «Не спрошенный, отвечу наперед,
Что это — человеческое тело;
Поэтому и свет к земле нейдет.
- 97 Не удивляйтесь, но поверьте смело:
Иная воля, свыше нисходя,
Ему осилить этот склон велела».
- 100 На эти речи моего вождя:
«Идите с нами», — было их ответом;
И показали, руку отводя.
- 103 «Кто б ни был ты, — сказал один при этом, —
Вглядись в меня, пока мы так идем!
Тебе знаком я по земным приметам?»

- И я свой взгляд остановил на нем; 106
Он русский был, красивый, взором светел,
Но бровь была рассечена рубцом.
- Я искренно неведением ответил. 109
«Смотри!» — сказал он, и смертельный след
Я против сердца у него заметил.
- И он сказал с улыбкой: «Я Манфред, 112
Родимый внук Костанцы величавой;
Вернувшись в мир, прошу, снеси привет
- Моей прекрасной дочери, чьей славой 115
Сицилия горда и Арагон,
И ей скажи не верить лжи лукавой.
- Когда я дважды насмерть был пронзен, 118
Себя я предал, с плачем сокрушенья,
Тому, которым и злодей прощен.
- Мои ужасны были прегрешенья; 121
Но милость божья рада всех обнять,
Кто обратится к ней, ища спасенья.
- Умей страницу эту прочитать 124
Козенцкий пастырь, Климентом избранный
На то, чтобы меня, как зверя, гнать,—
- Мои останки были бы сохранны 127
У моста Беневенто, как в те дни,
Когда над ними холм воздвигся бранный.
- Теперь в изгнанье брошены они, 130
Под дождь и ветер, там, где Верде льется,
Куда он снес их, погасив огни.
- Предвечная любовь не отвернется 133
И с тех, кто ими проклят, снимет гнет,
Пока хоть листик у надежды бьется.
- И всё ж, кто в распре с церковью умрет, 136
Хотя в грехах успел бы повиниться,
Тот у подножья этой кручи ждет,
- Доколе тридцать раз не завершится 139
Срок отщепенства, если этот срок
Молитвами благих не сократится.

142 Ты видишь сам, как ты бы мне помог,
Моей Костанце возвестив, какая
Моя судьба, какой на мне зарок:
145 От тех, кто там, вспомога здесь большая».

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

К

Когда одну из наших сил душевных
Боль или радость поглотит сполна,
То, отрешась от прочих чувств вседневных,
Душа лишь этой силе отдана; 4
И тем опровержимо заблужденье,
Что в нас душа пылает не одна.
Поэтому, как только слух иль зренье 7
К чему-либо всю душу обратит,
Забудется и времени течение;
За ним одна из наших сил следит, 10
А душу привлекла к себе другая;
И эта связана, а та парит.
Дивясь Манфреду и ему внимая, 13
Я в этом убедился без труда,
Затем что солнце было выше края
На добрых пятьдесят долей, когда 16
Все эти души, там, где было надо,
Вскричали дружно: «Вам теперь сюда».
Подчас крестьянин в изгороди сада 19
Пошире щель заложит шишняком,
Когда темнеют гроздья винограда,
Чем оказался ход, куда вдвоем 22
Мой вождь и я за ним проникли с воли,
Оставив тех идти своим путем.
К Сан-Лео всходят и нисходят к Ноли, 25
И пеший след к Бисмантове ведет;
А эту кручу крылья побороли,—
Я разумею окрыленный взлет 28
Великой жажды, вслед вождю, который
Дарил мне свет и чаянье высот.
Путь шел в утесе, тяжкий и нескорый; 31
Мы подымались между сжатых скал,
Для ног и рук ища себе опоры.

- 34 Когда мы вышли, как на плоский вал,
На верхний край стремнины оголенной,
«Куда идти, учитель?» — я сказал.
- 37 И он: «Иди стезею неуклонной
Всё в гору вслед за мной, покуда нам
Не встретится водитель умудренный».
- 40 К вершине было не взнестись очам,
А склон был много круче полуоси,
Секущей четверть круга пополам.
- 43 Устав, я начал, медля на откосе:
«О мой отец, постой и оглянись,
Ведь я один останусь на утесе!»
- 46 А он: «Мой сын, дотуда дотянись!»
И указал мне на уступ над нами,
Который кругом опоясал высь.
- 49 И я, подстегнутый его словами,
Напрягся, чтобы взлезть хоть как-нибудь,
Пока на кромку не ступил ногами.
- 52 И здесь мы оба сели отдохнуть,
Лицом к востоку; путник ослабелый
С отрадой смотрит на пройденный путь.
- 55 Я глянул вниз, на берег опустелый,
Затем на небо, и не верил глаз,
Что солнце слева посылает стрелы.
- 58 Поэт заметил, как меня потряс
Нежданный вид, что колесница света
Загородила Аквилон от нас.
- 61 «Будь Диоскуры,— молвил он на это,—
В соседстве с зеркалом, светящим так,
Что всё кругом в его лучи одето,
- 64 Ты видел бы, что рдяный Зодиак
Еще тесней вблизи Медведиц кружит,
Пока он держит свой старинный шаг.
- 67 Причину же твой разум обнаружит,
Когда себе представит, что Сион
Горе, где мы, противоточьем служит;

- И там, и здесь — отдельный небосклон, 70
Но горизонт один; и та дорога,
Где несчастливый правил Фаэтон,
Должна лежать вдоль звездного чертога 73
Здесь — с этой стороны, а там — с другой,
Когда ты в этом разберешься строго.
«Впервые, — я сказал, — учитель мой, 76
Я вижу с ясностью столь совершенной
Казавшееся мне покрытым тьмой, —
Что средний круг вращателя вселенной, 79
Или экватор, как его зовут,
Между зимой и солнцем неизменный,
По сказанной причине виден тут 82
К полночи, а еврейскому народу
Был виден к югу. Но, когда не в труд,
Поведай, сколько нам осталось ходу; 85
Так высока скалистая стена,
Что выше зренья всходит к небосводу».
И он: «Гора так мудро сложена, 88
Что поначалу подыматься трудно;
Чем дальше вверх, тем мягче крутизна.
Поэтому, когда легко и чудно 91
Твои шаги начнут тебя нести,
Как по теченью нас уносит судно,
Тогда ты будешь у конца пути. 94
Там схлынут и усталость, и забота.
Вот всё, о чем я властен речь вести».
Чуть он умолк, вблизи промолвил кто-то: 97
«Пока дойдешь, не раз, да и не два,
Почувствуешь, что и присесть охота».
Мы, обернувшись на его слова, 100
Увидели левой валун огромный,
Который не заметили сперва.
Мы подошли; за ним в тени укромной 103
Расположились люди; вид их был,
Как у людей, объятых ленью томной.

- 106 Один сидел как бы совсем без сил:
 Руками он обвил свои колени
 И голову меж ними уронил.
- 109 И я сказал при виде этой тени:
 «Мой милый господин, он так ленив,
 Как могут быть родные братья лени».
- 112 Он обернулся и, глаза скосив,
 Поверх бедра взглянул на нас устало;
 Потом сказал: «Лезь, если так ретив!»
- 115 Тут я узнал его; хотя дышала
 Еще с трудом взволнованная грудь,
 Мне это подойти не помешало.
- 118 Тогда он поднял голову чуть-чуть,
 Сказав: «Ты разобрал, как мир устроен,
 Что солнце влево может повернуть?»
- 121 Поистине улыбки был достоин
 Его ленивый вид и вялый слог.
 Я начал так: «Белаква, я спокоен
- 124 За твой удел; но что тебе за прок
 Сидеть вот тут? Ты ждешь еще народа
 Иль просто впал в обычный свой порок?»
- 127 И он мне: «Брат, что толку от похода?
 Меня не пустит к мытарствам сейчас
 Господня птица, что сидит у входа,
- 130 Пока вокруг меня не меньше раз,
 Чем в жизни, эта твердь свой круг опишет,
 Затем что поздний вздох мне душу спас;
- 133 И лишь сердца, где милость божья дышит,
 Могли бы мне молитвами помочь.
 В других — что пользы? Небо их не слышит».
- 136 А между тем мой спутник, идя прочь,
 Звал сверху: «Где ты? Солнце уж высоко
 И тронуло меридиан, а ночь
- 139 У берега ступила на Моррокко».

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Вослед вождю, послушливым скитальцем,
Я шел от этих теней всё вперед,
Когда одна, указывая пальцем,
Вскричала: «Гляньте, слева луч нейдет» 4
От нижнего, да и по всем приметам
Он словно как живой себя ведет!»
Я обратил глаза при слове этом 7
И увидел, как изумлен их взгляд
Мной, только мной и рассеченным светом.
«Ужель настолько, чтоб смотреть назад,— 10
Сказал мой вождь,— они твой дух волнуют?
Не всё ль равно, что люди говорят?
Иди за мной, и пусть себе толкуют! 13
Как башня стой, которая вовек
Не дрогнет, сколько ветры ни бушуют!
Цель от себя отводит человек, 16
Сменяя мысли каждое мгновенье:
Дав ход одной, другую он пресек».
Что мог бы я промолвить в извиненье? 19
«Иду»,— сказал я, краску чужа сам,
Дарующую иногда прощенье.
Меж тем повыше, идя накрест нам, 22
Толпа людей на склоне появилась
И пела «Miserere»*, по стихам.
Когда их зренье точно убедилось, 25
Что сила света сквозь меня не шла,
Их песнь глухим и долгим «О!» сменилась.
И тотчас двое, как бы два посла, 28
Сбежали к нам спросить: «Скажите, кто вы,
И участь вас какая привела?»

* Помилуй [меня] (лат.).

- 31 И мой учитель: «Мы сказать готовы,
Чтоб вы могли поведать остальным,
Что этот носит смертные покровы.
- 34 И если их смутила тень за ним,
То всё объяснено таким ответом:
Почтённый ими, он поможет им».
- 37 Я не видал, чтоб в сумраке нагретом
Горящий пар быстрее прорезал высь
Иль облака заката поздним летом,
- 40 Чем те наверх обратно поднялись;
И тут на нас помчалась вся их стая,
Как взвод несется, ускоряя рысь.
- 43 «Сюда их к нам валит толпа густая,
Чтобы тебя просить,— сказал поэт.—
Иди всё дальше, на ходу внимая».
- 46 «Душа, идущая в блаженный свет
В том образе, в котором в жизнь вступала,
Умерь свой шаг! — они кричали вслед.—
- 49 Взгляни на нас: быть может, нас ты знала
И весть прихватишь для земной страны?
О, не спеши так! Выслушай сначала!
- 52 Мы были все в свой час умерщвлены
И грешники до смертного мгновенья,
Когда, лучом небес озарены,
- 55 Покаялись, простили оскорбленья
И смерть прияли в мире с божеством,
Здесь нас томящим жаждой лицемерья».
- 58 И я: «Из вас никто мне не знаком;
Чему, скажите, были бы вы рады,
И я, по мере сил моих, во всем
- 61 Готов служить вам, ради той отрады,
К которой я, по следу этих ног,
Из мира в мир иду сквозь все преграды».
- 64 Один сказал: «К чему такой зарок?
В тебе мы верим доброму желанью,
И лишь бы выполнить его ты мог!

3 августа 1904 года

«Чистилище», IV

- Я, первый здесь взывая к состраданию, 67
 Прошу тебя: когда придешь к стране,
 Разъявшей землю Карла и Романью,
 И будешь в Фано, вспомни обо мне, 70
 Чтоб за меня воздели к небу взоры,
 Дабы я мог очиститься вполне.
 Я сам оттуда; но удар, который 73
 Дал выход крови, где душа жила,
 Я встретил там, где властны Антеноры
 И где вовеки я не чаял зла; 76
 То сделал Эсте, чья враждебность шире
 Пределов справедливости была.
 Когда бы я бежать пустился к Мире, 79
 В засаде под Орьяко очутясь,
 Я до сих пор дышал бы в вашем мире.
 Но я подался в камыши и грязь; 82
 Там я упал; и видел, как в трясине
 Кровь жил моих затоном разлилась.
 Затем другой: «О, да взойдешь к вершине, 85
 Надежду утоленную познав,
 И да не презришь и мою отныне!
 Я был Бонконте, Монтефельтрский граф. 88
 Забытый всеми, даже и Джованной,
 Я здесь иду среди склоненных глав».
 И я: «Что значил этот случай странный, 91
 Что с Кампальдино ты исчез тогда
 И где-то спишь в могиле безымянной?»
 «О! — молвил он. — Есть горная вода, 94
 Аркьяно; ею, вниз от Камальдоли,
 Изрыта Казентинская гряда.
 Туда, где имя ей не нужно боле, 97
 Я, ранен в горло, идя напрямик,
 Пришел один, окровавляя поле.
 Мой взор погас, и замер мой язык 100
 На имени Марии; плоть земная
 Осталась там, где я к земле поник.

103 Знай и поведай людям: ангел Рая
 Унес меня, и ангел адских врат
 Кричал: „Небесный! Жадность-то какая!
106 Ты вечное себе присвоить рад
 И, пользуясь слезинкой, поживиться;
 Но прочего меня уж не лишат!“
109 Ты знаешь сам, как в воздухе клубится
 Пар, снова истекающий водой,
 Как только он, поднявшись, охладится.
112 Ум сочетая с волей вечно злой
 И свой природный дар пуская в дело,
 Бес двинул дым и ветер над землей.
115 Долину он, как только солнце село,
 От Пратоманьо до большой гряды
 Покрывл туманом; небо почернело,
118 И воздух стал тяжелым от воды;
 Пролился дождь, стремя по косогорам
 Всё то, в чем почве не было нужды,
121 Потоками свергаясь в беге скором
 К большой реке, переполняя дол
 И всё сметая бешеным напором.
124 Мой хладный труп на берегу нашел
 Аркьяно буйный; как обломок некий,
 Закинул в Арно; крест из рук расплел,
127 Который я сложил, смыкая веки;
 И, мутною обвив меня волной,
 Своей добычей придавил навеки.
130 «Когда ты возвратишься в мир земной
 И тягости забудешь путевые,—
 Сказала третья тень вослед второй,—
133 То вспомни также обо мне, о Пии!
 Я в Съене жизнь, в Маремме смерть нашла,
 Как знает тот, кому во дни былые
136 Я, обручаясь, руку отдала».

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Когда кончается игра в три кости,
То проигравший снова их берет
И мечет их один, в унылой злости;
Другого провожает весь народ; 4
Кто спереди зайдет, кто сзади тронет,
Кто сбоку за себя словцо ввернет.
А тот идет и только ухо клонит; 7
Подаст кому, — идти уже вольней,
И так он понемногу всех разгонит.
Таков был я в густой толпе теней, 10
Чье множество казалось превелико,
И, обещая, управлялся с ней.
Там аретинец был, чью жизнь так дико 13
Похитил Гин ди Такко; рядом был
В погоне утонувший; Федерико
Новелло, руки протянув, молил; 16
И с ним пизанец, некогда явивший
В незлобивом Марцукко столько сил;
Граф Орсо был среди них; был дух, твердивший, 19
Что он враждой и завистью убит,
Его безвинно с телом разлучившей, —
Пьер де ла Бросс; брабантка пусть спешит, 22
Пока жива, с молитвами своими,
Не то похуже стадо ей грозит.
Когда я, наконец, расстался с ними, 25
Просившими, чтобы просил другой,
Дабы скорей им сделаться святыми,
Я начал так: «Я помню, светоч мой, 28
Ты отрицал в стихе, тобою спетом,
Что суд небес смягчается мольбой;
А эти люди просят лишь об этом. 31
Иль их надежда тщетна, или мне
Твои слова не озарились светом?»

- 34 Он отвечал: «Они ясны вполне,
И этих душ надежда не напрасна,
Когда мы трезво поглядим извне.
- 37 Вершина правосудия согласна,
Чтоб огонь любви мог уничтожить вмиг
Долг, ими здесь платимый повсечасно.
- 40 А там, где стих мой у меня возник,
Молитва не служила искупленьем,
И звук ее небес бы не достиг.
- 43 Но не смущайся тягостным сомненьем:
Спроси у той, которая пролет
Свет между истиной и разуменьем.
- 46 Ты понял ли, не знаю: речь идет
О Беатриче. Там, на выси горной,
Она с улыбкой, радостная, ждет».
- 49 И я: «Идем же постушь проворной;
Уже и сам я меньше утомлен,
А видишь — склон оделся тенью черной».
- 52 «Сегодня мы пройдем, — ответил он, —
Как можно больше; много — не придется,
И этим ты напрасно обольщен.
- 55 Пока взойдешь, не раз еще вернется
Тот, кто сейчас уже горой закрыт,
Так что и луч вокруг тебя не рвется.
- 58 Но видишь — там какой-то дух сидит,
Совсем один, взирая к нам безгласно;
Он скажет нам, где краткий путь лежит».
- 61 Мы шли к нему. Как гордо и бесстрастно
Ты ждал, ломбардский дух, и лишь едва
Водил очами, медленно и властно!
- 64 Он про себя таил свои слова,
Нас, на него идущих, озирая
С осанкой отдыхающего льва.
- 67 Вождь подошел к нему узнать, какая
Удобнее дорога к вышине;
Но он, на эту речь не отвечая,

- Спросил о нашей жизни и стране. 70
Чуть «Мантуя...» успел сказать Вергилий,
Как дух, в своей замкнутый глубине,
Встал, и уста его проговорили: 73
«О мантуанец, я же твой земляк,
Сорделло!» И они объята слили.
- Италия, раба, скорбей очаг, 76
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!
- Здесь доблестной душе довольно было 79
Лишь звук услышать милой стороны,
Чтобы она сородича почтила;
- А у тебя не могут без войны 82
Твои живые, и они грызутся,
Одной стеной и рвом окружены.
- Тебе, несчастной, стоит оглянуться 85
На берега твои и города:
Где мирные обитатели найдутся?
- К чему тебе подправил повода 88
Юстиниан, когда седло пусто?
Безуздой меньше было бы стыда.
- О вы, кому молиться долженствует, 91
Так чтобы Кесарь не слезал с седла,
Как вам господне слово указывает,—
- Вы видите, как эта лошадь зла, 94
Уже не укрощаемая шпорой
С тех пор, как вы взяли за удила?
- И ты, Альберт немецкий, ты, который 97
Был должен утвердиться в стремени,
А дал ей одичать,— да грянут скорой
- И правой карой звезды в небесах 100
На кровь твою, как ни на чью доселе,
Чтоб твой преемник ведал вечный страх!
- Затем что ты и твой отец терпели, 103
Чтобы пустыней стал имперский сад,
А сами, сидя дома, богатели.

- 106 Приди, беспечный, кинуть только взгляд:
Мональди, Филиппески, Каппеллетти,
Монтекки,— те в слезах, а те дрожат!
- 109 Приди, взгляни на знать свою, на эти
Насилия, которые мы зрим,
На Сантафьор во мраке лихолетий!
- 112 Приди, взгляни, как сетует твой Рим,
Вдова, в слезах зовущая супруга:
«Я Кесарем покинута моим!»
- 115 Приди, взгляни, как любят все друг друга!
И, если нас тебе не жаль, приди
Хоть устыдиться нашего недуга!
- 118 И, если смею, о верховный Дий,
За род людской, казненный казнию крестной,
Свой правый взор от нас не отводи!
- 121 Или, быть может, в глубине чудесной
Твоих судеб ты нам готовишь клад
Великой радости, для нас безвестной?
- 124 Ведь города Италии кишат
Тиранами, и в образе клеветы
Любой мужик пролезть в Марцеллы рад.
- 127 Флоренция моя, тебя всё это
Касаться не должно, ты — вдалеке,
В твоём народе каждый — муж совета!
- 130 У многих правда — в сердце, в тайнике,
Но необдуманно стрелкнуть — бояться;
А у твоих она на языке.
- 133 Иные общим делом тяготятся;
А твой народ, участливый к нему,
Кричит незванный: «Я согласен взяться!»
- 136 Ликуй же ныне, ибо есть чему:
Ты мирна, ты разумна, ты богата!
А что я прав, то видно по всему.
- 139 И Спарта, и Афины, где когда-то
Гражданской правды занялась заря,
Перед тобою — малые ребята:

-
- Тончайшие уставы мастера, 142
Ты в октябре примеришь их, бывало,
И сносишь к середине ноября.
- За краткий срок ты сколько раз меняла 145
Законы, деньги, весь уклад и чин
И собственное тело обновляла!
- Опомнившись хотя б на миг один, 148
Поймешь сама, что ты — как та больная,
Которая не спит среди перин,
Ворочаясь и отдыха не зная. 151

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

трижды, и четырежды успело
Приветствие возникнуть на устах,
Пока не молвил, отступив, Сорделло:
4 «Вы кто?» — «Когда на этих высотах
Достойные спастись еще не жили,
Октавиан похоронил мой прах.
7 Без правой веры был и я, Вергилий,
И лишь за то утратил вечный свет».
Так на вопрос слова вождя гласили.
10 Как тот, кто сам не знает — явь иль бред
То дивное, что перед ним предстало,
И, сомневаясь, говорит: «Есть... Нет...» —
13 Таков был этот; изумясь сначала,
Он взор потушил и ступил вперед
Обнять его, как низшему пристало.
16 «О свет латинян,— молвил он,— о тот,
Кто нашу речь вознес до полной власти,
Кто город мой почтил из рода в род,
19 Награда мне иль милость в этом счастье?
И если просьбы мне разрешены,
Скажи: ты был в Аду? в которой части?»
22 «Сквозь все круги отверженной страны,—
Ответил вождь мой,— я сюда явился;
От неба силы были мне даны.
25 Не делом, а неделаньем лишился
Я Солнца, к чьим лучам стремишься ты:
Его я поздно ведать научился.
28 Есть край внизу, где скорбь — от темноты,
А не от мук, и в сумраках бездонных
Не возгласы, а вздохи разлиты.
31 Там я,— среди младенцев, уязвленных
Зубами смерти в свете их зари,
Но от людской вины не отрешенных;

- Там я,— средь тех, кто не облекся в три 34
Святые добродетели и строго
Блюл остальные, их нося внутри.
- Но как дойти скорее до порога 37
Чистилища? Не можешь ли ты нам
Дать указанье, где лежит дорога?»
- И он: «Скитаться здесь по всем местам, 40
Вверх и вокруг, я не стеснен нимало.
Насколько в силах, буду спутник вам.
- Но видишь — время позднее настало, 43
А ночью вверх уже нельзя идти;
Пора наметить место для привала.
- Здесь души есть направо по пути, 46
Которые тебе утешат очи,
И я готов тебя туда свести».
- «Как так? — ответ был.— Если кто средь ночи 49
Пойдет наверх, ему не даст другой?
Иль просто самому не станет мочи?»
- Сорделло по земле черкнул рукой, 52
Сказав: «Ты видишь? Стоит солнцу скрыться,
И ты замрешь пред этою чертой;
- Причем тебе не даст наверх стремиться 55
Не что другое, как ночная тень;
Во тьме бессильем воля истребится.
- Но книзу, со ступени на ступень, 58
И вокруг горы идти легко повсюду,
Пока укрыт за горизонтом день».
- Мой вождь внимал его словам, как чуду, 61
И отвечал: «Веди же нас туда,
Где ты сказал, что я утешен буду».
- Мы двинулись в дорогу, и тогда 64
В горе открылась выемка, такая,
Как здесь в горах бывает иногда.
- «Войдем туда,— сказала тень благая,— 67
Где горный склон как бы раскрыл врата,
И там пробудем, утра ожидая».

- 70 Тропинка, не ровна и не крута,
Виясь, на край долины приводила,
Где меньше половины высота.
- 73 Сребро и золото, червленъ и белила,
Отколотый недавно изумруд,
Лазурь и дуб-светляк превосходило
- 76 Сияние произраставших тут
Трав и цветов и верх над ними брало,
Как большые над меньшими берут.
- 79 Природа здесь не только расцвечала,
Но как бы некий непостижный сплав
Из сотен ароматов создавала.
- 82 «Salve, Regina» * — меж цветов и трав
Толпа теней, внизу сидевших, пела,
Незримое убежище избрав.
- 85 «Покуда солнце всё еще не село,—
Наш мантуанский спутник нам сказал,—
Здесь обождать мы с вами можем смело.
- 88 Вы разглядите, став на этот вал,
Отчетливей их лица и движенья,
Чем если бы их сонм вас окружал.
- 91 Сидящий выше, с видом сокрушенья
О том, что он призваньем пренебрег,
И губ не раскрывающий для пеня,—
- 94 Был кесарем Рудольфом, и он мог
Помочь Италии воскреснуть вскоре,
А ныне этот час опять далек.
- 97 Тот, кто его ободрить хочет в горе,
Царил в земле, где воды вдоль дубрав
Молдава в Лабу льет, а Лаба в море.
- 100 То Оттокар; он, из пелен не встав,
Был доблестней, чем бороду наживший
Его сынок, беспутный Венцеслав.

* Славься, царица (лат.).

- А тот курносый, в разговор вступивший 103
С таким вот благодушным добряком,
Пал, как беглец, честь лилий омрачивший.
- И как он в грудь колотит кулаком! 106
А этот, щеку на руке лелея
Как на постели, вздохи шлет тайком.
- Отец и тесть французского злодея, 109
Они о мерзости его скорбят,
И боль язвит их, в сердце пламенея.
- А этот крижистый, поющий в лад 112
С тем носачом, смотрящим величаво,
Был опоясан всем, что люди чтят.
- И если бы в руках была держава 115
У юноши, сидящего за ним,
Из чаши в чашу перешла бы слава,
- Которой не хватило остальным: 118
Хоть воцарились Яков с Федериком,
Всё то, что лучше, не досталось им.
- Не часто доблесть, данная владыкам, 121
Восходит в ветви; тот ее дарит,
Кто может всё в могуществе великом.
- Носач изведал так же этот стыд, 124
Как с ним поющий Педро знаменитый:
Прованс и Пулья стонут от обид.
- Он выше был, чем отпрыск, им отвитый, 127
Как и Костанца мужем посланней,
Чем были Беатриче с Маргеритой.
- А вот смиреннейший из королей, 130
Английский Генрих, севший одиноко;
Счастливее был рост его ветвей.
- Там, ниже всех, где дол лежит глубоко, 133
Маркиз Гульельмо подымает взгляд;
Александрия за него жестоко
- Казнила Канавез и Монферрат». 136

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

В

тот самый час, когда томят печали
Отплывших вдаль и нежит мысль о том,
Как милые их утром провожали,
4 А новый странник на пути своем
Пронзен любовью, дальний звон внимаю,
Подобный плачу над умершим днем,—
7 Я начал, слух невольно отрешая,
Следить, как средь теней встает одна,
К вниманью мановеньем приглашая.
10 Сложив и вскинув кисти рук, она
Стремилась взор к востоку и, казалось,
Шептала богу: «Я одним полна».
13 «Te lucis ante» * — с уст ее раздалось
Так набожно, и так был нежен звук,
Что о себе самом позабывалось.
16 И, набожно и нежно, весь их круг
С ней до конца исполнил песнопенье,
Взор воздымая до верховных дуг.
19 Здесь в истину вонзи, читатель, зренья;
Покровы так прозрачны, что сквозь них
Уже совсем легко проникновенье.
22 Я видел: сонм властителей земных,
С покорно вознесенными очами,
Как в ожиданье, побледнев, затих.
25 И видел я: два ангела, над нами
Спускаясь вниз, держали два клинка,
Пылающих, с неострыми концами.
28 И, зеленее свежего листка,
Одежда их, в ветру зеленых крылий,
Вилась вослед, волниста и легка.

* Тебя, у предела света... [просим] (лат.).

- Один слетел чуть выше, чем мы были, 31
Другой — на обращенный к нам откос,
И так они сидевших окаймили.
- Я различал их русский цвет волос, 34
Но взгляд темнел, на лицах их почия,
И яркости чрезмерной я не снес.
- «Они сошли из лона, где Мария,— 37
Сказал Сорделло,— чтобы дол стеречь,
Затем что близко появленье змия».
- И я, не зная, как себя беречь, 40
Взглянул вокруг и поспешил укрыться,
Оледенелый, возле верных плеч.
- И вновь Сорделло: «Нам пора спуститься 43
И славным теням о себе сказать;
Им будет радость с вами очутиться».
- Я, в три шага, ступил уже на гладь; 46
И видел, как одна из душ взирала
Всё на меня, как будто чтоб узнать.
- Уже и воздух почернел немало, 49
Но для моих и для ее очей
Он всё же вскрыл то, что таил сначала.
- Она ко мне подвинулась, я — к ней. 52
Как я был счастлив, Нино благородный,
Тебя узреть не между злых теней!
- Приветствий дань была поочередной; 55
И он затем: «К прибрежью под горой
Давно ли ты приплыл пустыней водной?»
- «О,— я сказал,— я вышел пред зарей 58
Из скорбных мест и жизнь влачу земную,
Хоть, идя так, забочусь о другой».
- Из уст моих услышав речь такую, 61
Он и Сорделло подались назад,
Дивясь тому, о чем я повествую.
- Один к Вергилию направил взгляд, 64
Другой — к сидевшим, крикнув: «Встань, Куррадо!
Взгляни, как бог щедротами богат!»

- 67 Затем ко мне: «Ты, избранное чадо,
 К которому так милостив был тот,
 О чьих путях и мудрствовать не надо,—
- 70 Скажи в том мире, за простором вод,
 Чтоб мне моя Джованна пособила
 Там, где невинных верный отклик ждет.
- 73 Должно быть, мать ее меня забыла,
 Свой белый плат носив недолгий час,
 А в нем бы ей, несчастной, лучше было.
- 76 Ее пример являет напоказ,
 Что пламень в женском сердце вечно хочет
 Глаз и касанья, чтобы он не гас.
- 79 И не такое ей надгробье прочит
 Ехидна, в бой ведущая Милан,
 Какое создал бы галлурский кочет».
- 82 Так вел он речь, и взор его и стан
 Несли печать горячего порыва,
 Которым дух пристойно обуян.
- 85 Мои глаза стремились в твердь пытливо,
 Туда, где звезды обращают ход,
 Как сердце колеса, неторопливо.
- 88 И вождь: «О сын мой, что твой взор влечет?»
 И я ему: «Три этих ярких света,
 Зажегшие вокруг остья небосвод».
- 91 И он: «Те, что ты видел до рассвета,
 Склонились, все четыре, в должный срок;
 На смену им взошло трехзвездье это».
- 94 Сорделло вдруг его к себе привлек,
 Сказав: «Вот он! Взгляни на супостата!»,
 И указал, чтоб тот увидеть мог.
- 97 Там, где стена расселины разъята,
 Была змея, похожая на ту,
 Что Еве горький плод дала когда-то.
- 100 В цветах и травах бороздя черту,
 Она порой свивалась, чтобы спину
 Лизнуть, как зверь наводит красоту.

- Не видеv сам, я речь о том откину, 103.
Как тот и этот горный ястреб взмыл;
Я их полет застал наполовину.
Едва слыша взмах зеленых крыл, 106
Змей ускользнул, и каждый ангел снова
Взлетел туда же, где он прежде был.
А тот, кто подошел к нам после зова 109
Судьи, всё это время напролет
Следил за мной и не промолвил слова.
«Твой путеводный светоч да найдет,— 112.
Он начал,— нужный воск в твоей же воле,
Пока не ступишь на финифть высот!
Когда ты ведаешь хоть в малой доле 115.
Про Вальдимагру и про те края,
Подай мне весть о дедовском престоле.
Куррадо Маласпина звался я; 118.
Но Старый — тот другой, он был мне дедом;
Любовь к родным светлеет здесь моя».
«О,— я сказал,— мне только по беседам 121
Знаком ваш край; но разве угол есть
Во всей Европе, где б он не был ведом?
Ваш дом стяжал заслуженную честь, 124.
Почет владыкам и почет державе,
И даже кто там не был, слышал весть.
И, как стремлюсь к вершине, так я вправе 127
Сказать: ваш род, за что ему хвала,
Кошель и меч в старинной держит славе.
В нем доблесть от привычки возросла, 130.
И, хоть с пути дурным главой всё сбито,
Он знает цель и сторонится зла».
И тот: «Иди; поведаю открыто, 133.
Что солнце не успеет лечь семь раз
Там, где Овен расположил копыта,
Как это мненье лестное о нас 136
Тебе в средину головы вклинится
Гвоздями, крепче, чем чужой рассказ,
Раз приговор не может не свершиться». 139.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Наложница старинного Тифона
Взошла белеть на утренний помост,
Забыв объятья друга, и корона
4 На ней сияла из лучистых звезд,
С холодным зверем сходная чертами,
Который бьет нас, изгибая хвост;
7 И ночь означила двумя шагами
В том месте, где мы были, свой подъем,
И даже третий поникал крылами,
10 Когда, с Адамом в существе своем,
Я на траву склонился, засыпая,
Там, где мы все сидели впятером.
13 В тот час, когда поет, зарю встречая,
Касатка, и напев ее тосклив,
Как будто скорбь ей памятна бывшая,
16 И разум наш, себя освободив
От дум и сбросив тленные покровы,
Бывает как бы вещь прозорлив,
19 Мне снилось — надо мной орел суровый
Навис, одетый в золотистый цвет,
Распластанный и ринуться готовый,
22 И будто бы я там, где Ганимед,
Своих покинув, дивно возвеличен,
Восхищен был в заоблачный совет.
25 Мне думалось: «Быть может, он привычен
Разить лишь тут, где он настиг меня,
А иначе к добыче безразличен».
28 Меж тем, кругами землю осеня,
Он грозovým перуном опустился
И взмыл со мной до самого огня.
31 И тут я вместе с ним воспламенился;
И призрачный пожар меня палил
С такую силой, что мой сон разбился.

«Чистилище», V

- Не меньше вздрогнул некогда Ахилл, 34
Вода окрест очнувшиеся веки
И сам не зная, где он их раскрыл,
Когда он от Хироновой опеки 37
Был матерью на Скир перенесен,
Хотя и там его настигли греки,—
Чем вздрогнул я, когда покинул сон 40
Мое лицо; я побледнел и хладом
Пронизан был, как тот, кто уstraшен.
Один Вергилий был со мною рядом, 43
И третий час сияла солнцем высь,
И море расстилалось перед взглядом.
Мой господин промолвил: «Не страшись! 46
Оставь сомненья, мы уже у цели;
Не робостью, но силой облекись!
Мы, наконец, Чистилище узрели: 49
Вот и кругом идущая скала,
А вот и самый вход, подобный щели.
Когда заря была уже светла, 52
А ты дремал душой, в цветах почия
Среди долины, женщина пришла,
И так она сказала: „Я Лючия; 55
Чтобы тому, кто спит, помочь верней,
Его сама хочу перенести я“.
И от Сорделло и других теней 58
Тебя взяла и, так как солнце встало,
Пошла наверх и я вослед за ней.
И, здесь тебя оставив, указала 61
Прекрасными очами этот вход;
И тотчас ни ее, ни сна не стало».
Как тот, кто от сомненья перейдет 64
К познанию правды и, ее оплотом
Оборонясь, решимость обретет,
Так ожил я; и, видя, что заботам 67
Моим конец, вождь на крутой откос
Пошел вперед, и я за ним — к высотам.

- 70 Ты усмотрел, читатель, как вознес
Я свой предмет; и поневоле надо,
Чтоб вместе с ним и я в искусстве рос.
- 73 Мы подошли, и, где сперва для взгляда
В скале чернела только пустота,
Как если трещину дает ограда,
- 76 Я увидал перед собой врата,
И три больших ступени, разных цветом,
И вратника, сомкнувшего уста.
- 79 Сидел он, как я различил при этом,
Над самой верхней, чтобы вход стеречь,
Таков лицом, что я был ранен светом.
- 82 В его руке был обнаженный меч,
Где отраженья солнца так дробились,
Что я глаза старался оберечь.
- 85 «Скажите с места: вы зачем явились? —
Так начал он. — Кто вам дойти помог?
Смотрите, как бы вы не поплатились!»
- 88 «Жена с небес, а ей знаком зарок, —
Сказал мой вождь, — явив нам эти сени,
Промолвила: „Идите, вот порог“».
- 91 «Не презрите благих ее велений! —
Нас благосклонный вратарь пригласил. —
Придите же подняться на ступени».
- 94 Из этих трех уступов первый был
Столь гладкий и блестящий мрамор белый,
Что он мое подобье отразил;
- 97 Второй — шершавый камень обгорелый,
Растресканный и вдоль, и поперек,
И цветом словно пурпур почернелый;
- 100 А третий, тот, который сверху лег, —
Кусок порфира, ограненный строго,
Огнисто-алый, как кровавый ток.
- 103 На нем стопы покоил вестник бога;
Сидел он, обращенный к ступеням,
На выступе алмазного порога.

- Ведя меня, как я хотел и сам, 106
 По плитам вверх, мне молвил мой вожатый:
 «Проси смиренно, чтоб он отпер нам».
- И я, благоговением объятый, 109
 К святым стопам, моля открыть, упал,
 Себя рукой удара в грудь трикраты.
- Семь Р на лбу моем он начертал 112
 Концом меча и: «Смой, чтобы он сгинул,
 Когда войдешь, след этих ран»,— сказал.
- Как если б кто сухою землю вскинул 115
 Иль разбросал золу, совсем такой
 Был цвет его одежд. Из них он вынул
- Ключи — серебряный и золотой; 118
 И, белый с желтым взяв поочередно,
 Он сделал с дверью чаемое мной.
- «Как только тот иль этот ключ свободно 121
 Не ходит в скважине и слаб нажим,—
 Сказал он нам,— то и пытаться бесплодно.
- Один ценней; но чтоб владеть другим, 124
 Умом и знаньем нужно изощриться,
 И узел без него неразрешим.
- Мне дал их Петр, веля мне ошибиться 127
 Скорей впустив, чем отослав назад,
 Тех, кто пришел у ног моих склониться».
- Потом, толкая створ священных врат: 130
 «Войдите, но запомните сначала,
 Что изгнан тот, кто обращает взгляд».
- В тот миг, когда святая дверь вращала 133
 В своих глубоких гнездах стержни стрел
 Из мощного и звонкого металла,
- Не так боролся и не так гудел 136
 Тарпей, лишаясь доброго Метелла,
 Которого утратив,— оскудел.
- Я поднял взор, когда она взгремела, 139
 И услышал, как сквозь отрядный гуд
 Далекое «Те Деум» * долетело.

* Тебе бога [хвалим] (лат.).

142 И точно то же получалось тут,
 Что слышали мы все неоднократно,
 Когда стоят и под орган поют,
145 И пение то внятно, то невнятно.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Когда мы очутились за порогом,
Заброшенным из-за любви дурной,
Ведущей души по кривым дорогам,
Дверь, загремев, захлопнулась за мной; 4
И, оглянись я на дверные своды,
Что б я сказал, подавленный виной?
Мы подымались в трещине породы, 7
Где та и эта двигалась стена,
Как набегают, чтоб отхлынуть, воды.
Мой вождь сказал: «Здесь выучка нужна, 10
Чтоб угадать, какая в самом деле
Окажется надежней сторона».
Вперед мы подвигались еле-еле, 13
И скудный месяц, канув глубоко,
Улегся раньше на своей постеле,
Чем мы прошли игольное ушко. 16
Мы вышли там, где горный склон от края
Повсюду отступил недалеко,
Я — утомясь, и вождь, и я — не зная, 19
Куда идти; тропа над бездной шла,
Безлюднее, чем колея степная.
От кромки, где срывается скала, 22
И до стены, вздымавшейся высоко,
Она в три роста шириной была.
Докуда крылья простирало око, 25
Налево и направо, — весь извив
Дороги этой шел равно широко.
Еще вперед и шагу не ступив, 28
Я, озираясь, убедился ясно,
Что весь белевший надо мной обрыв
Был мрамор, изваянный так прекрасно, 31
Что подражать не только Поликлет,
Но и природа стала бы напрасно.

- 34 Тот ангел, что земле принес обет
Столь слезно чаемого примиренья
И с неба вековечный снял завет,
37 Являлся нам в правдивости движенья
Так живо, что ни в чем не походил
На молчаливые изображенья.
40 Он, я бы клялся, «Ave!» *, говорил
Склонившейся жене благословенной,
Чей ключ любовь в высотах отворил.
43 В ее чертах ответ ее смиренный,
«Ессе ancilla Dei» **, был ясней,
Чем в мягком воске образ впечатленный.
46 «В такой неподвижности не цепеней!» —
Сказал учитель мой, ко мне стоявший
Той стороной, где сердце у людей.
49 Я, отрывая взгляд мой созерцавший,
Увидел за Марией, в стороне,
Где находился мне повелевавший,
52 Другой рассказ, иссеченный в стене;
Я стал напротив, обойдя поэта,
Чтобы глазам он был открыт вполне.
55 Изображало изваянье это,
Как на волах святой ковчег везут,
Ужасный тем, кто не блюдет запрета.
58 И на семь хоров разделенный люд
Мои два чувства вовлекал в раздоры;
Слух скажет: «Нет», а зренье: «Да, поют».
61 Как и о дыме ладанном, который
Там был изображен, глаз и ноздря
О «да» и «нет» вели друг с другом споры.
64 А впереди священного ларя
Смиренный Псалмопевец, пляс творящий,
И больше был, и меньше был царя.

* Радуйся! (лат.)

** Вот раба господня (лат.).

- Мелхола, изваянная смотрящей 67
Напротив из окна больших палат,
Имела облик гневной и скорбящей.
- Я двинулся, чтобы насытить взгляд 70
Другою повестью, которой вправо,
Вслед за Мелхолой, продолжался ряд.
- Там возвещалась истинная слава 73
Того владыки римлян, чьи дела
Григорий обессмертил величаво.
- Вдовица, ухватясь за удила, 76
Молила императора Траяна
И слезы, сокрушенная, лила.
- От всадников тесна была поляна, 79
И в золоте колеблемых знамен
Орлы парили, кесарю охрана.
- Окружена людьми со всех сторон, 82
Несчастливая звала с тоской во взоре:
«Мой сын убит, он должен быть отмщен!»
- И кесарь ей: «Повремени, я вскоре 85
Вернусь». — «А вдруг, — вдовица говорит,
Как всякий тот, кого торопит горе, —
Ты не вернешься?» Он же ей: «Отмстит 88
Преемник мой». А та: «Не оправданье —
Когда другой добро за нас творит».
- И он: «Утешься! Чтя мое призванье, 91
Я не уйду, не сотворив суда.
Так требуют мой долг и состраданье».
- Кто нового не видел никогда, 94
Тот создал чудо этой речи зримой,
Немыслимой для смертного труда.
- Пока мой взор вшивал, неутомимый, 97
Смирение всех этих душ людских,
Всё, что изваял мастер несравнимый,
- «Оттуда к нам, но шаг их очень тих, — 100
Шепнул поэт, — идет толпа густая;
Путь к высоте узнаем мы у них».

103 Мои глаза, которые, взирая,
Пленялись созерцаньем новизны,
К нему метнулись, мига не теряя.

106 Читатель, да не будут смущены
Твоей души благие помышленья
Тем, как господь взывает долг с вины.

109 Подумай не о тяжести мученья,
А о конце, о том, что крайний час
Для худших мук — час грозного решенья.

112 Я начал так: «То, что идет на нас,
И на людей по виду не похоже,
А что́ идет — не различает глаз».

115 И он в ответ: «Едва ль есть кара строже,
И ею так придавлены они,
Что я и сам сперва не понял тоже.

118 Но присмотришь и зреньем расчлени,
Что́ движется под этими камнями:
Как бьют они самих себя, взгляни!»

121 О христиане, гордые сердцами,
Несчастные, чьи тусклые умы
Уводят вас попятными путями!

124 Вам невдомек, что только черви мы,
В которых зреет мотылек нетленный,
На божий суд взлетающий из тьмы!

127 Чего возносится ваш дух надменный,
Коль сами вы не разнитесь ничуть
От плоти червяка несовершенной?

130 Как если истукан какой-нибудь,
Чтоб крыше иль навесу дать опору,
Колени, скрючась, упирает в грудь

133 И мнимой болью причиняет взору
Прямую боль; так, наклонясь вперед,
И эти люди обходили гору.

136 Кто легче нес, а кто тяжелее гнет,
И так, согбенный, двигался по краю;
Но с виду терпеливейший, и тот

913 Как бы взывал в слезах: «Изнемогаю!»

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

наш отец, на небесах царящий,
Не замкнутый, но первенцам своим
Благоволенье прежде всех дарящий,
Пред мощью и пред именем твоим 4
Да склонится вся тварь, как песнью славы
Мы твой сладчайший дух благодарим!
Да снидет к нам покой твоей державы, 7
Затем что сам найти дорогу к ней
Бессилен разум самый величавый!
Как, волею пожертвовав своей, 10
К тебе взывают ангелы „Осанна“,
Так на земле да будет у людей!
Да ниспошлется нам дневная манна, 13
Без коей по суровому пути
Отходит вспять идущий неустанно!
Как то, что нам далось перенести, 16
Прощаем мы, так наши прегрешенья
И ты, не по заслугам, нам прости!
И нашей силы, слабой для боренья, 19
В борьбу с врагом исконным не вводи,
Но охрани от козней искушенья!
От них, великий боже, огради 22
Не нас, укрытых сенью безопасной,
А тех, кто там остался позади».
Так, о себе и нас в мольбе всечасной, 25
Шли тени эти и несли свой гнет,
Как сонное удушье ужасный,
Неравно бедствуя и всё вперед 28
По первой кромке медленно шагая,
Пока с них тьма мирская не спадет.
И если там о нас печаль такая, 31
Что здесь должны сказать и сделать те,
В ком с добрым корнем воля есть благая,

- 34 Чтоб эти души, в легкой чистоте,
 Смыв принесенные отсюда пятна,
 Могли подняться к звездной высоте?
- 37 «Скажите,— и да снидут благодатно
 К вам суд и милость, чтоб, раскрыв крыла,
 Вы вознеслись отсюда безвозвратно,—
- 40 Где здесь тропа, которая бы шла
 К вершине? Если же их две иль боле,
 То где не так обрывиста скала?
- 43 Идущего со мной в немалой доле
 Адамово наследие гнетет,
 И он, при восходе медлен поневоле».
- 46 Ответ на эту речь, с которой тот,
 Кто был мой спутник, обратился к теням,
 Неясно было, от кого идет,
- 49 Но он гласил: «Есть путь к отградным сениям;
 Идите с нами вправо: там, в скале,
 И человек взберется по ступеням.
- 52 Когда бы камень не давил к земле
 Моей строптивой шеи так сурово,
 Что я лицом склонился к пыльной мгле,
- 55 На этого безвестного живого
 Я бы взглянул — узнать, кто он такой,
 И вот об этой ноше молвить слово.
- 58 Я был латинянин; родитель мой —
 Тосканский граф Гульельм Альдобрандески;
 Могло к вам имя и дойти молвой.
- 61 Рожден от мощных предков, в древнем блеске
 Их славных дел, и позабыв, что мать
 У всех одна, заносчивый и резжий,
- 64 Я стал людей так дерзко презирать,
 Что сам погиб, как это Съена знает
 И знает в Кампаньятико вся чадь.
- 67 Меня, Омберто, гордость удручает
 Не одного; она моих родных
 Сгубила всех, и каждый так страдает.

- И я несу мой груз, согбен и тих, 70
 Пока угодно богу, исполняя
 Среди мертвых то, что презрел средь живых».
- Я опустил лицо мое, внимая; 73
 Один из них,— не тот, кто речь держал,—
 Извившись из-под каменного края,
 Меня увидел и, узнав, позвал, 76
 С натугою стремясь взглядеться ближе
 В меня, который, лоб склонив, шагал.
- И я: «Да ты же Одеризи, ты же 79
 Честь Губбьо, тот, кем горды мастера
 „Иллюминур“, как говорят в Париже!»
- «Нет, братец, в красках веселей игра 82
 У Франко из Болоньи,— он ответил.—
 Ему и честь, моя прошла пора.
- А будь я жив, во мне бы он не встретил 85
 Хвалителя, наверно, и поднесь;
 Быть первым я всегда усердно метил.
- Здесь платят пеню за такую спесь; 88
 Не воззови я к милости Владыки,
 Пока грешил,— я не был бы и здесь.
- О тщетных сил людских обман великий, 91
 Сколь малый срок вершина зелена,
 Когда на смену век идет не дикий!
- Кисть Чимабуэ славилась одна, 94
 А ныне Джотто чествуют без лести,
 И живопись того затемнена.
- За Гвидо новый Гвидо высшей чести 97
 Достигнул в слове; может быть, рожден
 И тот, кто из гнезда спугнет их вместе.
- Мирской молвы многоголосый звон — 100
 Как вихрь, то слева мчащийся, то справа;
 Меняя путь, меняет имя он.
- В тысячелетье так же сгинет слава 103
 И тех, кто тело ветхое совлек,
 И тех, кто смолк, сказав „ням-ням“ и „вава“;

106 А перед вечным — это меньший срок,
Чем если ты сравнишь мгновенье ока
И то, как звездный кружится чертог.

109 По всей Тоскане прогремел широко
Тот, кто вот там бредет, не торопясь;
Теперь о нем и в Сьене нет намека,

112 Где он был вождь, когда надорвалась
Злость флорентинцев, гордая в те лета,
Потом, как шляха,— втоптанная в грязь.

115 Цвет славы — цвет травы: лучом согрета,
Она линяет от того как раз,
Что извлекло ее к сиянью света».

118 И я ему: «Правдивый твой рассказ
Смирил мне сердце, сбив нарост желаний;
Но ты о ком упомянул сейчас?»

121 И он в ответ: «То Провенцан Сальвани;
И здесь он потому, что захотел
Держать один всю Сьену в крепкой длани.

124 Так он идет и свой несет удел,
С тех пор как умер; вот оброк смиренный,
Платимый каждым, кто был слишком смел».

127 И я: «Но если дух, в одежде тленной
Не кающийся до исхода лет,
Обязан ждать внизу горы блаженной,—

130 Когда о нем молитвы доброй нет,—
Пока срок жизни вновь не повторился,
То как же этот — миновал запрет?»

133 «Когда он в полной славе находился,—
Ответил дух,— то он, без лишних слов,
На сьенском Кампо сесть не постыдился,

136 И там, чтоб друга вырвать из оков,
В которых тот томился, Карлом взятый,
Он каждой жилой был дрожать готов.

139 Мои слова, я знаю, темноваты;
И в том, что скоро ты поймешь их сам,
Твои соседи будут виноваты.

142 За это он и не остался там».

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

К

ак вол с волом идет под игом плужным,
Я шел близ этой сгорбленной души,
Пока считал мой добрый пестун нужным;
Но чуть он мне: «Оставь сго, спеши; 4
Здесь, чтобы легче подвигалась лодка,
Все паруса и весла хороши»,—
Я, как велит свободная походка, 7
Расправил стан и стройность вновь обрел,
Хоть мысль, смиряясь, поникала кротко.
Я двинулся и радостно пошел 10
Вослед учителю, и путь пологий
Обоим нам был явно не тяжел;
И он сказал мне: «Посмотри под ноги! 13
Тебе увидеть ложе стоп твоих
Полезно, чтоб не чувствовать дороги». 16
Как для того, чтоб не забыли их,
Над мертвыми в пол вделанные плиты
Являют, кто чем был среди живых,
Так что бывают и слезой политы, 19
Когда воспоминание кольнет,
Хоть от него лишь добрым нет защиты,
Так точно здесь, но лучше тех работ 22
И по искусству много превосходней,
Украшен путь, который вокруг идет.
Я видел — тот, кто создан благородней, 25
Чем все творенья, молнии быстрей
Свергался с неба в бездны преисподней.
Я видел, как перуном Бриарей 28
Пронзен с небес, и хладная громада
Прижала землю тяжестью своей.
Я видел, как Тимбрей, Марс и Паллада, 31
В доспехах, вокруг отца, от страшных тел
Гигантов падших не отводят взгляда.

- 34 Я видел, как Немврод уныло сел
И посреди трудов своих напрасных
На сennaарских гордецов глядел.
- 37 О Ниобея, сколько мук ужасных
Таил твой облик, изваяньем став,
Меж семерых и семерых безгласных!
- 40 О царь Саул, на свой же меч упав,
Как ты, казалось, обаграл Гелвую,
Где больше нет росы, дождя и трав!
- 43 О дерзкая Арахна, как живую
Тебя я видел, полупауком,
И ткань раздранной видел роковую!
- 46 О Ровоам, ты в облике таком
Уже не грозен, страхом обуянный
И в бегстве колесницею влеком!
- 49 Являл и дальше камень изваянный,
Как мать свою принудил Алкмеон
Проклясть убор, ей на погибель данный.
- 52 Являл, как меч во храме занесен
Двумя сынами на Сennaхирима
И как, сраженный, там остался он.
- 55 Являл, как мщенье грозное творимо
И Тамириса Киру говорит:
«Ты жаждал крови, пей ненасытимо!»
- 58 Являл, как ассирийский стан бежит,
Узнав, что Олоферн простерт, безглавый,
А также и останков жалкий вид.
- 61 Я видел Трою пепелищем славы;
О Илион, как страшно здесь творец
Являл разгром и смерть твоей державы!
- 64 Чья кисть повторит или чей свинец,
Чаруя разум самый прихотливый,
Тех черт и теней дивный образец?
- 67 Казался мертвый мертв, живые живы;
Увидеть явь отчетливей нельзя,
Чем то, что попираю я, молчаливый.

- Кличись же, шествуй, веждами грозя, 70
Потомство Евы, не давая взору,
Склонясь, увидеть, как дурна стезя!
- Уже мы дальше обогнули гору, 73
И солнце дальше унеслось в пути,
Чем мой плененный дух считал в ту пору,
Как вдруг привыкший надо мной блюсти 76
Сказал: «Вскинь голову! — ко мне зывая.—
Так отрешась, уже нельзя идти.
- Вгляни: подходит ангел, нас встречая; 79
А из прислужниц дня идет назад,
Свой отслужив черед, уже шестая.
- Укрась почтеньем действия и взгляд, 82
Чтоб с нами речь была ему приятна.
Такого дня тебе не возвратят!»
- Меня учил он столь неоднократно 85
Не тратить времени, что без труда
И это слово я воспринял внятно.
- Прекрасный дух, представший нам тогда, 88
Шел в белых ризах, и глаза светили,
Как трепетная на заре звезда.
- С широким взмахом рук и взмахом крылий, 91
«Идите, — он сказал, — ступени тут,
И вы теперь взойдете без усилий.
- На этот зов немногие идут: 94
О род людской, чтобы взлетать рожденный,
Тебя к земле и ветерки гнетут!»
- Он обмахнул у кручи иссеченной 97
Мое чело тем и другим крылом
И обещал мне путь незатрудненный.
- Как если вправо мы на холм идем, 100
Где церковь смотрит на юдоль порядка
Над самым Рубаконтовым мостом,
- И в склоне над площадкою площадка 103
Устроены еще с тех давних лет,
Когда блюлась тетрадь и читалась кадка,—

106 Так здесь к другому кругу тесный след
Бедет наверх в почти отвесном скате;
Но восходящий стенами задет.

109 Едва туда свернули мы, «Beati
Pauperes spiritu» * — раздался вдруг
Напев неизреченной благодати.

112 О, как несходен доступ в новый круг
Здесь и в Аду! Под звуки песнопений
Вступают тут, а там — под вопли мук.

115 Я попирал священные ступени,
И мне казался легче этот восход,
Чем ровный путь, которым идут тени.

118 И я: «Скажи, учитель, что за гнет
С меня ниспал? И силы вновь берутся,
И тело от ходьбы не устает».

121 И он: «Когда все Р, что остаются
На лбу твоём, хотя тусклей и те,
Совсем, как это первое, сотрутся,

124 Твои стопы, в стремленье к высоте,
Не только поспешат неутомимо,
Но будут радоваться быстроте».

127 Тогда, как тот, кому неощутимо
Что-либо прицепилось к волосам,
Заметь взгляды проходящих мимо,

130 На ощупь проверяет это сам,
И шарит, и находит, и руками
Свершает недоступное глазам,—

133 Так я, широко поводя перстами,
Из врезанных рукою ключаря
Всего шесть букв нащупал над бровями;

136 Вождь улыбнулся, на меня смотря.

* Блаженны нищие духом (лат.).

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Мы были на последней из ступеней,
Там, где вторично срезан горный склон,
Ведущий ввысь стезею очищений;
Здесь точно так же кромкой обведен 4
Обрыв горы, и с первой сходна эта,
Но только выгиб круче закруглен.
Дорога здесь резьбою не одета; 7
Стена откоса и уступ под ней —
Сплошного серокаменного цвета.
«Ждать для того, чтоб расспросить людей,— 10
Сказал Вергилий,— это путь нескорый,
А выбор надо совершить быстрее».
Затем, на солнце устремляя взоры, 13
Недвижным стержнем сделал правый бок,
А левый повернул вокруг опоры.
«О милый свет, средь новых мне дорог 16
К тебе зову,— сказал он.— Помоги нам,
Как должно, чтобы здесь ты нам помог.
Тепло и день ты льешь земным долинам; 19
И, если нас не иначе ведут,
Вождя мы видим лишь в тебе едином».
То, что как мило исчисляют тут, 22
Мы там прошли, не ощущая дали,
Настолько воля ускоряла труд.
А нам навстречу духи пролетали, 25
Хоть слышно, но невидимо для глаз,
И всех на вечерю любви сзывали.
Так первый голос, где-то возле нас, 28
«Vinum non habent!» * -- молвил, пролетая,
И вновь за нами повторил не раз.

* Вина у них нет! (лат.)

31 И, прежде чем он скрылся, замирая
За далью, новый голос: «Я Орест!» —
Опять воскликнул, мимо проплывая.

34 Я знал, что мы среди безлюдных мест,
Но чуть спросил: «Чья это речь?», как третий:
«Врагов любите!» — возгласил окрест.

37 И добрый мой наставник: «Выси эти
Бичуют грех завистливых; и вот,
Сама любовь свивает вервья плети.

40 Узда должна звучать наоборот;
Быть может, на пути к стезе прощенья
Тебе до слуха этот звук дойдет.

43 Но устреми сквозь воздух силу зренья,
И ты увидишь — люди там сидят,
Спиною опираясь о каменья».

46 И я увидел, расширяя взгляд,
Людей, одетых в мантии простые;
Был цвета камня этот их наряд.

49 Приблизясь, я услышал зов к Марии:
«Моли о нас!» Так призван был с мольбой
И Михаил, и Петр, и все святые.

52 Навряд ли ходит по земле такой
Жестокосердый, кто бы не смутился
Тем, что предстало вскоре предо мной;

55 Когда я с ними рядом очутился
И видеть мог подробно их дела,
Я тяжкой скорбью сквозь глаза излился.

58 Их тело власяница облекла,
Они плечом друг друга подпирают,
А вместе подпирает всех скала.

61 Так нищие слепцы на хлеб собирают
У церкви, в дни прощенья грехов.
И друг на друга голову склоняют,

64 Чтоб всякий пожалеть их был готов,
Подвигнутый не только звуком слова,
Но видом, вопиющим громче слов.

- И как незримо солнце для слепого, 67
Так и от этих душ, сидящих там,
Небесный свет себя замкнул сурово:
- У всех железной нитью по краям 70
Защиты веки, как для прирученья
Их зашивают диким ястребам.
- Я не хотел чинить им огорченья, 73
Пройдя невидимым и видя их,
И оглянулся, алча наставленья.
- Вождь понял смысл немых речей моих 76
И так сказал, не требуя вопроса:
«Спроси, в словах коротких и живых!»
- Вергилий шел по выступу откоса 79
Тем краем, где нетрудно, оступясь,
Упасть с неогражденного утеса.
- С другого края, к скалам прислонясь, 82
Сидели тени, и по лицам влага
Сквозь страшный шов у них волной лилась.
- Я начал так, не продолжая шага: 85
«О вы, чей взор увидит свет высот
И кто другого не желает блага,
- Да растворится пенистый налет, 88
Мрачащий вашу совесть, и, сияя,
Над нею память вновь да потечет!
- И если есть меж вами мне родная 91
Латинская душа, я был бы рад
И мог бы ей быть в помощь, это зная».
- «У нас одна отчизна — вечный град. 94
Ты разумел — душа, что обитала
Пришелицей в Италии, мой брат».
- Немного дальше эта речь звучала, 97
Чем стали я и мудрый мой певец;
В ту сторону подвинувшись сначала,
- Я меж других увидел, наконец, 100
Того, кто ждал. Как я его заметил?
Он поднял подбородок, как слепец.

- 103 «Дух,— я сказал,— чей жребий станет светел!
Откуда ты иль как зовут тебя,
Когда ты тот, кто мне сейчас ответил?»
- 106 И тень: «Из Съены я, и здесь, скорбя,
Как эти все, что жизнь свою пятнали,
Зову, чтоб Вечный нам явил себя.
- 109 Не мудрая, хотя меня и звали
Сапия, меньше радовалась я
Своим удачам, чем чужой печали.
- 112 Сам посуди, правдива ль речь моя
И был ли кто безумен в большей доле,
Уже склоняясь к закату бытия.
- 115 Моих сограждан враг теснил у Колле,
А я молила нашего Творца
О том, что случилось по его же воле.
- 118 Их одолели, не было бойца,
Что б не бежал; я на разгром глядела
И радости не ведала конца;
- 121 Настолько, что, лицо подъявля смело,
Вскричала: „Бог теперь не страшен мне!“ —
Как черный дрозд, чуть только потеплело.
- 124 У края дней я, в скорбной тишине,
Прибегла к богу; но мой долг ужасный
Еще на мне бы тяготел вполне,
- 127 Когда б не вышло так, что сердцем ясный
Пьер Петтинайо мне помог, творя,
По доброте, молитвы о несчастной.
- 130 Но кто же ты, который, нам даря
Свое вниманье, ходишь, словно зрячий,
Как я сужу, и дышишь, говоря?»
- 133 И я: «Мой взор замкнется не иначе,
Чем ваш, но ненадолго, ибо он
Кривился редко при чужой удаче.
- 136 Гораздо большим ужасом смущен
Мой дух пред мукой нижнего обрыва;
Той ношей я заране пригнетен».

-
- «Раз ты там не был,— словно слыша диво, 139
Сказала тень,— кто дал тебе взойти?»
И я: «Он здесь и внемлет молчаливо.
Еще я жив; лишь волю возвести, 142
Избранная душа, и я земные,
Тебе служа, готов топтать пути».
«О,— тень в ответ,— слова твои такие, 145
Что, несомненно, богом ты любим;
Так помолись иной раз о Сапии.
Прошу тебя всем, сердцу дорогим: 148
Быть может, ты пройдешь землей Тосканы,
Так обо мне скажи моим родным.
В том городе все люди обуяны 151
Любовью к Таламонэ, но успех
Обманет их, как поиски Дианы,
И адмиралам будет хуже всех». 154

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Кто это кружит здесь, как странник некий,
Хоть смертью он еще не окрылен,
И подымает и смыкает веки?»
4 «Не знаю, кто; он кем-то приведен;
Спроси, ты ближе; только не сурово,
А ласково, чтобы ответил он».
7 Так, наклонясь один к плечу другого,
Шептались двое, от меня правей;
Потом, подняв лицо, чтоб молвить слово,
10 Один сказал: «Дух, во плоти своей
Идущий к небу из земного края,
Скажи нам и смущение развей:
13 Откуда ты и кто ты, что такая
Тебе награда дивная дана,
Редчайшая, чем всякая иная?»
16 И я: «В Тоскане речка есть одна;
Сбегая с Фальтероны, вьется смело
И сотой милей не утолена.
19 С тех берегов принес я это тело;
Сказать мое вам имя — смысла нет,
Оно еще не много прозвенело».
22 И вопрошавший: «Если в твой ответ
Суждение мое проникнуть властно,
Ты говоришь об Арно». А сосед
25 Ему сказал: «Должно быть, не напрасно
Названья этой речки он избег,
Как будто до того оно ужасно».
28 И тот: «Что думал этот человек,
Не ведаю; но по заслугам надо,
Чтоб это имя сгинуло навек!
31 Вдоль всей реки, оттуда, где громада
Хребта, с которым разлучен Пелор,
Едва ль не толще остального ряда,

- Дотуда, где опять в морской простор 34
Спешит вернуться то, что небо сушит,
А реки снова устремляют с гор,
Всё доброе, как змея, каждый душит; 37
Места ли эти под наитьем зла,
Или дурной обычай правду рушит,
Но жалкая долина привела 40
Людей к такой утрате их природы,
Как если бы Цирцея их пасла.
Сперва среди дрянной свиной породы, 43
Что только желудей не жрет пока,
Она струит свои скупые воды;
Затем к дворняжкам держит путь река, 46
Задорным без какого-либо права,
И нос от них воротит свысока.
Спадая вниз и ширясь величаво, 49
Уже не псов находит, а волков
Проклятая несчастная канава.
И, наконец, меж темных омутов, 52
Она к таким лисицам попадает,
Что и хитрец пред ними бестолков.
К чему молчать? Пусть всякий мне внимает! 55
И этому полезно знать вперед
О том, что мне правдивый дух внушает.
Я вижу, как племянник твой идет 58
Охотой на волков и как их травит
На побережьях этих злобных вод.
Живое мясо на продажу ставит; 61
Как старый скот, ведет их на зарез;
Безглавит многих и себя бесславит.
Сыт кровью, покидает скорбный лес, 64
Таким, чтоб он в былой красе и силе
Еще тысячелетье не воскрес».
Как тот, кому несчастье возвестили, 67
В смятении меняется с лица,
Откуда бы невзгоды ни грозили,

- 70 Так, выслушав пророчество слепца,
Второй, я увидал, поник в печали,
Когда слова воспринял до конца.
- 73 Речь этого и вид того рождали
Во мне желанье знать, как их зовут;
Мои слова как просьба прозвучали.
- 76 И тот же дух ответил мне и тут:
«Ты о себе мне не сказал ни звука,
А сам меня зовешь на этот труд!
- 79 Но раз ты взыскан богом, в чем порука
То, что ты здесь, отвечу, не тая.
Узнай: я Гвидо, прозванный Дель Дука.
- 82 Так завистью пылала кровь моя,
Что, если было хорошо другому,
Ты видел бы, как зеленею я.
- 85 И вот своих семян я жну солому.
О род людской, зачем тебя манит
Лишь то, куда нет доступа второму?
- 88 А вот Риньер, которым знаменит
Дом Кальболи, где в нисходящем ряде
Никто его достоинств не хранит.
- 91 И не его лишь кровь теперь в разладе,—
Меж По и Рено, морем и горой,—
С тем, что служило правде и отраде;
- 94 В пределах этих порослью густой
Теснятся ядовитые растенья,
И вырвать их нет силы никакой.
- 97 Где Лицио, где Гвидо ди Карпенья?
Пьер Траверсаро и Манарди где?
Увы, романцы, мерзость вырожденья!
- 100 Болонью Фабро не спасет в беде,
И не сыскать Фаэнце Бернардина,
Могучий ствол на скромной борозде!
- 103 Тосканец, слезы льет моя кручина,
Когда я Гвидо Прата вспомяну
И доблестного д'Адво, Уголина;

- Тиньозо, шумной братьи старшину, 106
И Траверсари, живших в блеске славы,
И Анастаджи, громких в старину;
Дам, рыцарей, и войны, и забавы, 109
Во имя благородства и любви,
Там, где теперь такие злые нравы!
О Бреттиноро, больше не живи! 112
Ушел твой славный род, и с ним в опале
Все, у кого пылала честь в крови.
Нет, к счастью, сыновей в Баньякавале; 115
А Коньо — стыд, и Кастрокаро — стыд,
Плодящим графов, хуже, чем вначале.
Когда их демон будет в прах зарыт, 118
Не станет сыновей и у Пагани,
Но это славы их не обелит.
О Уголин де'Фантолин, заране 121
Твой дом себя от поношенья спас:
Никто не омрачит его преданий!
Но ты иди, тосканец; мне сейчас 124
Милей беседы — дать слезам излиться;
Так душу мне измучил мой рассказ!
Мы звали — шаг наш должен доноситься 127
До этих душ; и, раз молчат они,
Мы на дорогу можем положиться.
И вдруг на нас, когда мы шли одни, 130
Нагрянул голос, мчавшийся вдоль кручи
Быстрой перуна в грозовые дни:
«Меня убьет, кто встретит!» — и, летучий, 133
Затих вдали, как затихает гром,
Прорвавшийся сквозь оболочку тучи.
Едва наш слух успел забыть о нем, 136
Раздался новый, словно повторенный
Удар грозы, бушующей кругом:
«Я тень Аглавры, в камень превращенной!» 139
И я, правой, а не вперед ступив,
К наставнику прижался, уstraшенный.

142 Уже был воздух снова молчалив.
 «Вот жесткая узда,— сказал Вергилий,—
 Чтобы греховный сдерживать порыв.
145 Но вас влечет наживка, без усилий
 На удочку вас ловит супостат,
 И проку нет в поводьях и вабиле.
148 Вкруг вас, взывая, небеса кружат,
 Где всё, что зримо,— вечно и прекрасно,
 А вы на землю устремили взгляд;
151 И вас карает тот, кому всё ясно».

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

К	акую долю, дневный путь свершая, Когда к исходу близок третий час, Являет сфера, как дитя, живая, Такую долю и теперь как раз	4
	Осталось солнцу опуститься косо; Там вечер был, и полночь здесь у нас. Лучи нам били в середину носа,	7
	Затем что мы к закатной стороне Держали путь по выступу утеса, Как вдруг я ощутил, что в очи мне	10
	Ударил новый блеск, струясь продольно, И удивился этой новизне. Тогда ладони я поднес невольно	13
	К моим бровям, держа их козырьком, Чтобы от света не было так больно. Как от воды иль зеркала углом	16
	Отходит луч в противоположном направлении, Причем с паденьем сходствует подъем, И от отвеса, в равном отдаленье,	19
	Уклон такой же точно он дает, Что подтверждается при наблюденье, Так мне казалось, что в лицо мне бьет	22
	Сиянье отражаемого света, И взор мой сделал быстрый поворот. «Скажи, отец возлюбленный, что это	25
	Так неотступно мне в глаза разит, Всё надвигаясь?» — я спросил поэта. «Не диво, что тебя еще слепит	28
	Семья небес, — сказал он. — К нам, в сиянье, Идет посол — сказать, что путь открыт. Но скоро в тяжком для тебя сверканье	31
	Твои глаза отраду обретут, Насколько услаждаться в состоянье».	

34 Когда мы подошли: «Ступени тут,—
Сказал, ликуя, вестник благодати,—
И здесь подъем гораздо меньше круг».

37 Уже мы подымались, и «Beati
Misericordes!» * пелось нам вослед
И «Радуйся, громящий вражьи рати!»

40 Мы шли всё выше, я и мой поэт,
Совсем одни; и я хотел, шагая,
Услышать наставительный ответ;

43 И так ему промолвил, вопрошая:
«Что тот слепой романец разумел,
О „доступе другим“ упоминая?»

46 И вождь: «Познав, какой грозит удел
Позарившимся на чужие крохи,
Он вас от слез предостеречь хотел.

49 Богатства, вас влекущие, тем плохи,
Что, чем вас больше, тем скуднее часть,
И зависть мехом раздувает вздохи.

52 А если бы вы устремляли страсть
К верховной сфере, беспокойство ваше
Должно бы неминуемо отпасть.

55 Ведь там — чем больше говорящих „наше“,
Тем большей долей каждый наделен,
И тем любовь горит светлей и краше».

58 «Теперь я даже меньше утолен,—
Ответил я ему,— чем был сначала,
И бóльшими сомненьями смущен.

61 Ведь если достоянье общим стало
И совладельцев много, почему
Они богаче, чем когда их мало?»

64 И он в ответ: «Ты снова дал уму
Отвлечься в сторону земного дела
И вместо света почерпнешь тьму.

* Блаженны милостивые! (лат.)

- Как луч бежит на световое тело, 67
Так нескончаемая благодать
Спешит к любви из горнего предела,
Даря ей то, что та способна взять; 70
И чем сильнее пыл, в душе зажженный,
Тем большей славой ей дано сиять.
Чем больше сонм, любовью озаренный, 73
Тем больше в нем благой любви горит,
Как в зеркалах взаимно отраженной.
Когда моим ответом ты не сыт, 76
То Беатриче все твои томленья,
И это, и другие, утолит.
Стремись быстрее достигнуть исцеленья 79
Пяти рубцов, как истребились два,
Изглаженные силой сокрушенья».
«Ты мне даруешь...» — начал я едва, 82
Как следующий круг возник пред нами,
И жадный взор мой оттеснил слова.
И вдруг я словно был восхищен снами, 85
Как если бы восторг меня увлек,
И я увидел сборище во храме;
И женщина, переступив порог, 88
С заботой материнской говорила:
«Зачем ты это сделал нам, сынок?
Отцу и мне так беспокойно было 91
Тебя искать!» Так молвила она,
И первое видение уплыло.
И вот другая, болью пронзена, 94
Которую родит негодование,
Льет токи слез, и речь ее слышна:
«Раз ты властитель града, чье названье 97
Среди богов посеяло разлад
И где блистает всяческое знанье,
Отмсти рукам бесстыдным, Писистрат, 100
Обнявшим нашу дочь!» Но был спокоен
К ней обращенный властелином взгляд,

- 103 И он сказал, нимало не расстроен:
«Чего ж тогда достоин наш злодей,
Раз тот, кто любит нас, суда достоин?»
- 106 Потом я видел яростных людей,
Которые, столпившись, побивали
Камнями юношу, крича: «Бей! Бей!»
- 109 А тот, давимый гибелью, чем дале,
Тем всё бессильней поникал к земле,
Но очи к небу двери отверзали,
- 112 И он молил, чтоб грешных в этом зле
Господь всевышний гневом не коснулся,
И зрелась кротость на его челе.
- 115 Как только дух мой изнутри вернулся
Ко внешней правде в должную чреду,
Я от неложных грез моих очнулся.
- 118 Вождь, увидав, что я себя веду,
Как тот, кого внезапно разбудили,
Сказал мне: «Что с тобой? Ты как в чаду
- 121 Прошел со мною больше полумили,
Прикрыв глаза и шатко семеня,
Как будто хмель иль сон тебя клонили».
- 124 И я: «Отец мой, выслушай меня,
И я тебе скажу, что мне предстало,
Суставы ног моих окостеня».
- 127 И он: «Хотя бы сто личин скрывало
Твои черты, я бы до дна проник
В рассудок твой сквозь это покрывало.
- 130 Тебе был сон, чтоб сердце ни на миг
Не отвращало влагу примиренья,
Которую предвечный льёт родник.
- 133 Я „Что с тобой?“ спросил не от смятенья,
Как тот, чьи взоры застигает мрак,
Сказал бы рухнувшему без движенья;
- 136 А я спросил, чтоб укрепить твой шаг:
Ленивых надобно будить, а сами
Они не распеваются никак».

Мы шли сквозь вечер, меря даль глазами,	139
Насколько солнце позволяло им,	
Сиявшее закатными лучами;	
А нам навстречу — нараставший дым	142
Скоплялся, темный и подобный ночи,	
И негде было скрыться перед ним;	
Он чистый воздух нам затмил и очи.	145

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Во мраке Ада и в ночи, лишенной
Своих планет и слоем облаков
Под небом скудным плотно затемненной,
4 Мне взоров не давил такой покров,
Как этот дым, который всё сгущался,
Причем и ворс нещадно был суров.
7 Глаз, не стерпев, невольно закрывался;
И спутник мой придвинулся слегка,
Чтоб я рукой его плеча касался.
10 И как слепец, держась за жоака,
Идет, боясь отстать и опасаясь
Ушиба иль смертельного толчка,
13 Так, мглой густой и горькой пробираясь,
Я шел и новых не встречал помех,
А вождь твердил: «Держись, не отрываясь!»
16 И голоса я слышал, и во всех
Была мольба о мире и прощенье
Пред агнцем божьим, снявшим с мира грех.
19 Сам «Agnus Dei» * пелось во вступленье;
И речи соблюдались, и напев
Одни и те же, в полном единенье.
22 «Учитель, это духи?» — осмелев,
Спросил я. Он в ответ: «Мы рядом с ними.
Здесь, расторгая, сбрасывают гнев».
25 «А кто же ты, идущий в нашем дыме
И вопрошающий про нас, как те,
Кто мерит год календами земными?»
28 Так чей-то голос молвил в темноте.
«Ответь,— сказал учитель,— и при этом
Дознайся, здесь ли выход к высоте».

* Агнец божий (лат.).

- И я: «О ты, что, осиянный светом, 31
Взойдешь к Творцу, ты будешь удивлен,
Когда пройдешь со мной, моим ответом».
- «Пройду, насколько я иди волён; 34
И если дым преградой стал меж нами,
Нам связью будет слух», — ответил он.
- Я начал так: «Повитый пеленами, 37
Срываемыми смертью, вверх иду,
Подземными измучен глубинами;
- И раз угодно божьему суду, 40
Чтоб я увидел горние палаты,
Чему давно примера не найду,
- Скажи мне, кем ты был до дня расплаты 43
И верно ли ведет стезя моя,
И твой язык да будет наш вожатый».
- «Я был ломбардец, Марко звался я; 46
Изведал свет и к доблести стремился,
Куда стрела не метит уж ничья.
- А с правильной дороги ты не сбился». 49
Так он сказал, добавив: «Я прошу,
Чтоб обо мне, взоидя, ты помолился».
- И я: «Твое желанье я свершу; 52
Но у меня сомнение родилось,
И я никак его не разрешу.
- Возникшее, оно усугубилось 55
От слов твоих, мне подтвердивших то,
С чем здесь и там оно соединилось.
- Как ты сказал, теперь уже никто 58
Добра не носит даже и личину:
Зло и внутри, и сверху разлито.
- Но укажи мне, где искать причину: 61
Внизу иль в небесах? Когда пойму,
Я и другим поведать не премину».
- Он издал вздох, замерший в скорбном «У!», 64
И начал так, в своей о нас заботе:
«Брат, мир — слепец, и ты сродни ему.

- 67 Вы для всего причиной признаете
Одно лишь небо, словно все дела
Оно вершит в своем круговороте.
- 70 Будь это так, то в вас бы не была
Свободной воля, правды бы не стало
В награде за добро, в отмщенье зла.
- 73 Влечения от небес берут начало,—
Не все; но скажем даже — все сполна,—
Вам дан же свет, чтоб воля различала
- 76 Добро и зло, и ежели она
Осилит с небом первый бой опасный,
То, с доброй пищей, победить должна.
- 79 Вы лучшей власти, вольные, подвластны
И высшей силе, влившей разум в вас;
А небеса к нему и непричастны.
- 82 И если мир шатается сейчас,
Причиной — вы, для тех, кто понимает;
Что это так, покажет мой рассказ.
- 85 Из рук того, кто искони лелеет
Ее в себе, рождаясь, как дитя,
Душа еще и мыслить не умеет,
- 88 Резвится, то смеясь, а то грустя,
И, радостного мастера созданье,
К тому, что манит, тотчас же летя.
- 91 Ничтожных благ вкусив очарованье,
Она бежит к ним, если ей препон
Не создают ни вождь, ни обузданье.
- 94 На то и нужен, как узда, закон;
На то и нужен царь, чей взор открыто
Хоть к башне Града был бы устремлен.
- 97 Законы есть, но кто же им защита?
Никто; ваш пастырь жвачку хоть жует,
Но не раздвоены его копыта;
- 100 И паства, видя, что вожатый льнет
К благам, будящим в ней самой влечение,
Ест, что и он, и лучшего не ждет.

- Ты видишь, что дурное управленье 103
Виной тому, что мир такой плохой,
А не природы вашей извращенье.
- Рим, давший миру наилучший строй, 106
Имел два солнца, так что видно было,
Где божий путь лежит и где мирской.
- Потом одно другое погасило; 109
Меч слился с посохом, и вышло так,
Что это их, конечно, развратило
- И что взаимный страх у них иссяк. 112
Взгляни на колос, чтоб не сомневаться;
По семени распознается злак.
- В стране, где По и Адиче струятся, 115
Привыкли честь и мужество цвести;
В дни Федерика стал уклад ломаться;
- И там теперь открыты все пути 118
Для тех, кто раньше к людям честной жизни
Стыдился бы и близко подойти.
- Есть, правда, новым летам к укоризне, 121
Три старика, которые досель
Томятся жаждой по иной отчизне:
- Герардо славный; Гвидо да Кастель, 124
„Простой ломбардец“, милый и французу;
Куррадо да Палаццо. Неужель
- Не видишь ты, что церковь, взяв обузу 127
Мирских забот, под бременем двух дел
Упала в грязь, на срам себе и грузу?»
- «О Марко мой, я всё уразумел,— 130
Сказал я.— Вижу, почему левиты
Не получили ничего в удел.
- Но кто такой Герардо знаменитый, 133
Который в диком веке, ты сказал,
Остался миру как пример забытый?»
- «Ты странно говоришь,— он отвечал.— 136
Ужели ты, в Тоскане обитая,
Про доброго Герардо не слышал?

- 139 Так прозвище ему. Вот разве Гайя,
 Родная дочь, снабдит его другим.
 Храни вас бог! А я дошел до края.
- 142 Уже заря белеется сквозь дым,—
 Там ангел ждет,— и надо, чтоб от света
 Я отошел, покуда я незрим».
- 145 И повернул, не слушая ответа.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Ч

читатель, если ты в горах, бывало,
Бродил в тумане, глядя, словно крот,
Которому плева глаза застлала,
Припомни миг, когда опять начнет 4
Редеть густой и влажный пар,— как хило
Шар солнца сквозь него сиянье льет;
И ты поймешь, каким вначале было, 7
Когда я вновь его увидел там,
К закату нисходившее светило.
Так, примеряясь к дружеским шагам 10
Учителя, я шел редевшей тучей
К уже умершим под горой лучам.
Воображенье, чей порыв могучий 13
Подчас таков, что, кто им увлечен,
Не слышит рядом сотни труб гремучей,
В чем твой источник, раз не в чувстве он 16
Тебя рождает некий свет небесный,
Сам или высшей волей источен.
Жестокость той, которая телесный 19
Сменила облик, певчей птицей став,
В моем уме вдавила след чудесный;
И тут мой дух, всего себя собрав 22
В самом себе, всё прочее отринул,
С тем, что вовне, общение прервав.
Затем в мое воображенье хлынул 25
Распятый, гордый обликом, злодей,
Чью душу гнев и в смерти не покинул.
Там был с Эсфирью верною своей 28
Великий Артаксеркс и благородный
Речами и делами Мардохей.
Когда же этот образ, с явью сходный, 31
Распался наподобье пузыря,
Лишившегося оболочки водной,—

- 34 В слезах предстала дева, говоря:
«Зачем, царица, горестной кончины
Ты захотела, гневом возгоря?
- 37 Ты умерла, чтоб не терять Лавины,—
И потеряла! Я подьемлю гнет
Твоей, о мать, не чьей иной судьбины».
- 40 Как греза сна, когда ее прервет
Волна в глаза ударившего света,
Трепещет миг, потом совсем умрет,—
- 43 Так было сметено виденье это
В лицо мое ударившим лучом,
Намного ярче, чем сиянье лета.
- 46 Пока, очнувшись, я глядел кругом,
Я услышал слова: «Здесь восхождение»,
И я уже не думал о другом,
- 49 И волю охватило то стремленье
Скорей взглянуть, кто это говорил,
Которому предел — лишь утоленье.
- 52 Но как на солнце посмотреть нет сил,
И лик его в чрезмерном блеске тает,
Так точно здесь мой взгляд бессилен был.
- 55 «То божий дух, и нас он наставляет
Без нашей просьбы и от наших глаз
Своим же светом сам себя скрывает.
- 58 Как мы себя, так он лелеет нас;
Мы, чюя просьбу и нужду другого,
Уже готовим, злобствуя, отказ.
- 61 Направим шаг на звук такого зова;
Идем наверх, пока не умер день;
Нельзя всходить средь сумрака ночного».
- 64 Так молвил вождь, и мы вступили в тень
Высокой лестницы, свернув налево;
И я, взойдя на первую ступень,
- 67 Лицом почуял как бы взмах обвева;
«Beati,— чей-то голос возгласил,—
Pacifici *, в ком нет дурного гнева!»

* Блаженны миротворцы (*лат.*).

- Уже к таким высотам уходил 70
Пред наступавшей ночью луч заката,
Что кое-где зажглись огни светил.
- «О мощь моя, ты вся ушла куда-то!» — 73
Сказал я про себя, заметя вдруг,
Что сила ног томлением объята.
- Мы были там, где, выйдя в новый круг, 76
Кончалась лестница, и здесь, у края,
Остановились, как доплывший струг.
- Я начал вслушиваться, ожидая, 79
Не огласится ль звуком тишина;
Потом, лицо к поэту обращая:
- «Скажи, какая, — я сказал, — вина 82
Здесь очищается, отец мой милый?
Твой скован шаг, но речь твоя вольна».
- «Любви к добру, неполной и унылой, 85
Здесь придается мощность, — молвил тот. —
Здесь вялое весло бьет с новой силой.
- Пусть разум твой к словам моим прильнет, 88
И будет мой урок немногословный
Тебе на отдыхе как добрый плод.
- Мой сын, вся тварь, как и творец верховный, — 91
Так начал он, — ты это должен знать,
Полна любви, природной иль духовной.
- Природная не может погрешать; 94
Вторая может целью ошибиться,
Не в меру скудной иль чрезмерной стать.
- Пока она к высокому стремится, 97
А в низком за предел не перешла,
Дурным усладам нет причин родиться;
- Но где она идет стезею зла 100
Иль блага жаждет слишком или мало,
Там тварь завет творца не соблюла.
- Отсюда ясно, что любовь — начало 103
Как всякого похвального плода,
Так и всего, за что карать пристало.

- 106 А так как взор любви склонён всегда
К тому всех прежде, кем она носима,
То неприязнь к себе вещам чужда.
- 109 И так как сущее неотделимо
От Первой сущности, она никак
Не может оказаться нелюбима.
- 112 Раз это верно, остается так:
Зло, как предмет любви, есть зло чужое,
И в вашем иле вид ее трояк.
- 115 Иной надеется подняться вдвое,
Поправ соседа,— этот должен пасть,
И лишь тогда он будет жить в покое;
- 118 Иной боится славу, милость, власть
Утратить, если ближний вознесется,
И неприязнь томит его, как страсть;
- 121 Иной же от обиды так зажжется,
Что голоден, пока не отомстит,
И мыслями к чужой невзгоде рвется.
- 124 И этой вот любви троякий вид
Оплакан там внизу; но есть другая,
Чей путь к добру — иной, чем надлежит.
- 127 Все смутно жаждут блага, сознавая,
Что мир души лишь в нем осуществим,
И все к нему стремятся, уповая.
- 130 Но если вас влечет к общению с ним
Лишь вялая любовь, то покаянных
Казнит вот этот круг, где мы стоим.
- 133 Еще есть благо, полное обманных,
Пустых отрад, в котором нет того,
В чем плод и корень благ, для счастья данных.
- 136 Любовь, чресчур алкавшая его,
В трех верхних кругах предается плачу;
Но в чем ее тройное естество,
- 139 Я умолчу, чтоб ты решил задачу».

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

кончил речь наставник мой высокий
И мне глядел в глаза, чтобы узнать,
Вполне ли я постиг его уроки.
Я, новой жаждой мучимый опять, 4
Вовне молчал, внутри твердил: «Не дело
Ему, быть может, слишком докучать».
Он, как отец, поняв, какое тлело 7
Во мне желанье, начал разговор,
Чтоб я решился высказаться смело.
И я: «Твой свет так оживил мне взор, 10
Учитель, что ему наглядным стало
Всё то, что перед ним ты распростер;
Но, мой отец, еще я знаю мало, 13
Что есть любовь, в которой всех благих
И грешных дел ты полагал начало».
«Направь ко мне,— сказал он,— взгляд своих 16
Духовных глаз, и вскрыешь заблужденье
Слепцов, которые ведут других.
В душе к любви заложено стремленье, 19
И всё, что нравится, ее влечет,
Едва ее поманит наслажденье.
У вас внутри воспринятым живет 22
Наружный образ, к вам запав — таится
И душу на себя взглянуть зовет;
И если им, взглянув, она пленится, 25
То этот плен — любовь; природный он,
И наслажденьем может лишь скрепиться.
И вот, как пламень кверху устремлен, 28
И первое из свойств его — взлетанье
К среде, где он прочнее сохранен,—
Так душу пленную стремится желанье, 31
Духовный взлет, стихая лишь тогда,
Когда она вступает в обладанье.

- 34 Ты видишь сам, как истина чужда
Приверженцам той мысли сумасбродной,
Что, мол, любовь оправдана всегда.
- 37 Пусть даже чист состав ее природный;
Но если я и чистый воск возьму,
То отпечаток может быть негодный».
- 40 «Твои слова послушному уму
Раскрыли суть любви; но остается
Недоуменье, — молвил я ему. —
- 43 Ведь если нам любовь извне дается
И для души другой дороги нет,
Ей отвечать за выбор не придется».
- 46 «Скажу, что видим разум, — он в ответ. —
А дальше — дело веры; уповая,
Жди Беатриче, и обряцешь свет.
- 49 Творящее начало, пребывая
Врозь с веществом в пределах вещества,
Полно особой силы, каковая
- 52 В бездействии незрима, хоть жива,
А зрима лишь посредством проявленья;
Так жизнь растенья выдает листва.
- 55 Откуда в вас зачатки постиженья,
Сокрыто от людей завесой мглы,
Как и откуда первые влеченья,
- 58 Подобные потребности пчелы
Брать мед; и нет хвалы, коль взвесить строго,
Для этой первой воли, ни хулы.
- 61 Но вслед за ней других теснится много,
И вам дана способность править суд
И делать выбор, стоя у порога.
- 64 Вот почему у вас ответ несут,
Когда любви благой или презренной
Дадут или отпор, или приют.
- 67 И те, чья мысль была проникновенной,
Познав, что вам свобода врождена,
Правоученье вынесли вселенной.

- Итак, пусть даже вам извне дана 70
Любовь, которая внутри пылает,—
Душа всегда изгнать ее вольна.
- Вот то, что Беатриче называет 73
Свободной волей; если б речь зашла
О том у вас, пойми, как подобает».
- Луна в полночный поздний час плыла 76
И, понуждая звезды разредиться,
Скользила, в виде яркого котла,
Навстречу небу, там, где солнце мчится, 79
Когда оно за Римом для очей
Меж сардами и корсами садится.
- И тень, чьей славой Пьетола славней 82
Всей мантуанской области пространной,
Сложила бремя тяготы моей.
- А я, приняв столь ясный и желанный 85
Ответ на каждый заданный вопрос,
Стоял, как бы дремотой обуянный.
- Но эту дрему тотчас же унес 88
Внезапный крик, и показались тени,
За нами обегавшие утес.
- Как некогда Асоп или Исмений 91
Видали по ночам толпу и гон
Фивян во время Вакховых радений,
- Так здесь несутся, огибая склон,— 94
Я смутно видел,— в вечном непокое
Те, кто благой любовью уязвлен.
- Мгновенно это скопище большое, 97
Спеша бегом, настигло нас, и так,
Всех впереди, в слезах кричали двое:
- «Мария в горы устремила шаг, 100
И Цезарь поспешил, кольнув Марсилью,
В Испанию, где ждал в Илерде враг».
- «Скорей, скорей, нельзя любвеобилью 103
Быть вялым! — сзади общий крик летел.—
Нисходит милость к доброму усилью».

- 106 «О вы, в которых острый пыл вскипел
Взамен того, как хладно и лениво
Вы медлили в свершенье добрых дел!
- 109 Вот он, живой,— я говорю нелживо,—
Идет наверх и только солнца ждет;
Скажите нам, где щель в стене обрыва».
- 112 Так встретил вождь стремившийся народ;
Одна душа сказала, пробегая:
«Иди за нами и увидишь вход.
- 115 Потребность двигаться у нас такая,
Что ноги нас неудержимо мчат;
Прости, наш долг за грубость не считая.
- 118 Я жил в стенах Сан-Дзено как аббат,
И нами добрый Барбаросса правил,
О ком в Милане скорбно говорят.
- 121 Одну стопу уже во гроб поставил
Тот, кто оплачет этот божий дом,
Который он, имея власть, ославил,
- 124 Назначив сына, зачатого злом,
С душой еще уродливей, чем тело,
Не по уставу пастырствовать в нем».
- 127 Толпа настолько пробежать успела,
Что я не знаю, смолк он или нет;
Но эту речь душа запечатлела.
- 130 И тот, кто был мне помощь и совет,
Сказал: «Смотри, как двое там, зубами
Вцепясь в унынье, мчатся им вослед».
- 133 «Не раньше,— крик их слышался за нами,—
Чем истребились те, что по дну шли,
Открылся Иордан пред их сынами.
- 136 А те, что утомленья не снесли,
Когда Эней на подвиг ополчился,
Себя бесславной жизни обрекли».
- 139 Когда их сонм настолько удалился,
Что видеть я его уже не мог,
Во мне какой-то помысел родился,

Который много всяких новых влек,	142
И я, клонясь от одного к другому,	
Закрыв глаза, вливался в их поток,	
И размысленье претворилось в дрему.	145

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Когда разлитый в воздухе безбурном
Зной дня слабей, чем хладная луна,
Осиленный землей или Сатурном,
4 А геомантам, пред зарей, видна
Fortuna major там, где торопливо
Восточная светлеет сторона,
7 В мой сон вступила женщина: гугнива,
С культями вместо рук, лицом желта,
Она хромала и глядела криво.
10 Я на нее смотрел; как теплота
Живит издрогнувшее за ночь тело,
Так и мой взгляд ей развязал уста,
13 Помог ей тотчас выпрямиться смело
И гиблое лицо свое облечь
В такие краски, как любовь велела.
16 Как только у нее явилась речь,
Она запела так, что я от плена
С трудом бы мог вниманье уберечь.
19 «Я,— призрак пел,— я нежная сирена,
Мутящая рассудок моряков,
И голос мой для них всему замена.
22 Улисса совратил мой сладкий зов
С его пути; и тот, кто мной пленится,
Уходит редко из моих оков».
25 Скорей, чем рот ее успел закрыться,
Святая и усердная жена
Возникла возле, чтобы той смутиться.
28 «Вергилий, о Вергилий, кто она?» —
Ее был возглас; он же, стоя рядом,
Взирал, как эта чистая гневна.
31 Она ее схватила с грозным взглядом
И, ткань порвав, открыла ей живот;
Меня он разбудил несносным смрадом.

- «Я трижды звал, потом оставил счет,— 34
Сказал мой вождь, чуть я повел очами.—
Вставай, пора идти! Отыщем вход».
- Я встал; уже наполнились лучами 37
По всей горе священные круги;
Мы шли с недавним солнцем за плечами.
- Я следом направлял мои шаги, 40
Изогнутый под грузом размышлений,
Как половина мостовой дуги.
- Вдруг раздалось: «Придите, здесь ступени»,— 43
И ласка в этом голосе была,
Какой не слышно в нашей смертной сени.
- Раскрыв, подобно лебедю, крыла, 46
Так говоривший нас наверх направил,
Туда, где в камне лестница вела.
- Он, обмахнув нас перьями, прибавил, 49
Что те, «qui lugent» *, счастье обрели,
И утешенье, ждущее их, славил.
- «Ты что́ склонился чуть не до земли?» — 52
Так начал говорить мне мой вожатый,
Когда мы выше ангела взошли.
- И я: «Иду, сомненьями объятый; 55
Я видел сон и жаждал бы ясней
Понять язык его замысловатый».
- И он: «Ты видел ведьму древних дней, 58
Ту самую, о ком скорбят над нами;
Ты видел, как разделяться с ней.
- С тебя довольно; землю бей стопами! 61
Взор обрати к вабилу, что кружит
Предвечный царь огромными кругами!»
- Как сокол долго под ноги глядит, 64
Потом, услышав оклик, встрепенется
И тянется туда, где будет сыт,

* Плачущие (лат.).

- 67 Так сделал я; и так, пока сечется
 Ведущей вверх тропой громада скал,
 Всклмдил к уступу, где дорога вьется.
- 70 Вступая в пятый круг, я увидал
 Народ, который, двинуться не смея,
 Лицом к земле поверженный, рыдал.
- 73 «Adhaesit pavimento anima mea!» * —
 Услышал я повсюду скорбный звук,
 Едва слова сквозь вздохи разумея.
- 76 «Избранники, чье облегченье мук —
 И в правде, и в надежде, укажите,
 Как нам подняться в следующий круг!»
- 79 «Когда вы здесь меж нами не лежите,
 То, чтобы путь туда найти верней,
 Кнаруже правое плечо держите».
- 82 Так молвил вождь, и так среди теней
 Ему ответили; а кто ответил,
 Мой слух мне указал всего точней.
- 85 Я взор наставника глазами встретил;
 И он позволил, сделав бодрый знак,
 То, что в просящем облике заметил.
- 88 Тогда, во всем свободный, я мой шаг
 Направил ближе к месту, где скорбело
 Созданье это, и промолвил так:
- 91 «Дух, льющий слезы, чтобы в них созрело
 То, без чего возврата к богу нет,
 Скажи, прервав твое святое дело:
- 94 Кем был ты; почему у вас хребет
 Вверх обращен; и чем могу хоть мало
 Тебе помочь, живым покинув свет?»
- 97 «Зачем нас небо так ничком прижало,
 Ты будешь знать; но раньше scias quod
 Fui successor Petri **, — тень сказала.—

* Прилипла к праху душа моя! (лат.)

** Знай, что я был преемником Петра (лат.)

- Меж Къявери и Съестри воды льет 100
 Большой поток, и с ним одноименный
 Высокий титул отличил мой род.
- Я свыше месяца влачил, согбенный, 103
 Блюдя от грязи, мантию Петра;
 Пред ней — как пух все тяжести вселенной.
- Увы, я поздно стал на путь добра! 106
 Но я познал, уже как пастырь Рима,
 Что жизнь земная — лживая мара.
- Душа, я видел, как и встарь томима, 109
 А выше стать в той жизни я не мог,—
 И этой восхотел неудержимо.
- До той поры я жалок и далек 112
 От бога был, неизмеримо жадный,
 И казнь, как видишь, на себя навлек.
- Здесь явлен образ жадности наглядный 115
 Вот в этих душах, что окрест лежат;
 На всей горе нет муки столь нещадной.
- Как там подняться не хотел наш взгляд 118
 К высотам, устремляемый к земному,
 Так здесь возмездьем он к земле прижат.
- Как жадность там порыв любви к благому 121
 Гасила в нас и не влекла к делам,
 Так здесь возмездье, хоть и по-иному,
- Стопы и руки связывает нам, 124
 И мы простерты будем без движенья,
 Пока угодно правым небесам».
- Став на колени из благоговенья, 127
 Я начал речь, но и по слуху он
 Заметил этот признак уваженья
- И молвил: «Почему ты так склонен?» 130
 И я в ответ: «Таков ваш сан великий,
 Что совестью я, стоя, уязвлен».
- «Брат, встань! — ответил этот дух безликий.— 133
 Ошибся ты: со всеми и с тобой
 Я сослужитель одного владыки.

- 136 Тому, кто звук Евангеля святой,
 Гласящий „Neque pubent“ *, разумеет,
 Понятно будет сказанное мной.
- 139 Теперь иди; мне скорбь моя довлеет;
 Ты мне мешаешь слезы лить, стена,
 В которых то, что говорил ты, зреет.
- 142 Есть добрая Аладжа у меня,
 Племянница,— и только бы дурного
 В ней не посеяла моя родня!
- 145 Там у меня нет никого другого».

* И не женятся (*лат.*).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Пред лучшей волей силы воли хрупки;
Ему в угоду, в неугоду мне,
Я погруженной не насытил губки. 4
Я двинулся; и вождь мой, в тишине,
Свободными местами шел под кручей,
Как вдоль бойниц проходят по стене;
Те, у кого из глаз слезой горячей 7
Сочится зло, заполнившее свет,
Лежат кнаруже слишком плотной кучей.
Будь проклята, волчица древних лет, 10
В чьем ненасытном голоде всё тонет
И яростней которой зверя нет!
О небеса, чей ход иными понят, 13
Как полновластный над судьбой земли,
Идет ли тот, кто эту тварь изгонит?
Мы скудным шагом медленно брели, 16
Внимая теням, скорбно и устало
Рыдавшим и томившимся в пыли;
Как вдруг вблизи «Мария!» прозвучало, 19
И так тоска казалась тяжела,
Как если бы то женщина рожала;
И далее: «Как ты бедна была, 22
Являет тот приют, где пеленицей
Ты свой священный отпрыск повила».
Потом я слышал: «Праведный Фабриций, 25
Ты бедностью безгрешной посрамил
Порок, обогащенный сторицей».
Смысл этой речи так был сердцу мил, 28
Что я пошел вперед, узнать желая,
Кто из лежавших это говорил.
Еще он славил щедрость Николая, 31
Который спас невест от нищеты,
Младые годы к чести направляя.

- 34 «Дух, вспомянувший столько доброты! —
Сказал я.— Кем ты был? И неужели
Хваленья здесь возносишь только ты?
- 37 Я буду помнить о твоём уделе,
Когда вернусь короткий путь кончать,
Которым жизнь летит к последней цели».
- 40 И он: «Скажу про всё, хотя мне ждять
Оттуда нечего; но без сравненья
В тебе, живом, сияет благодать.
- 43 Я корнем был зловредного растенья,
Наведшего на божью землю мрак,
Такой, что в ней неплодье запустенья.
- 46 Когда бы Гвант, Лиль, Бруджа и Дуак
Могли, то месть была б уже свершенной;
И я молюсь, чтобы случилось так.
- 49 Я был Гугон, Капетом нареченный,
И не один Филипп и Людовик
Над Францией владычил, мной рожденный.
- 52 Родитель мой в Париже был мясник;
Когда старинных королей не стало,
Последний же из племени владык
- 55 Облекся в серое, уже сжимала
Моя рука бразды державных сил,
И мне земель, да и друзей достало,
- 58 Чтоб диадемой вдóвой осенил
Мой сын свою главу и длинной смене
Помазанных начало положил.
- 61 Пока мой род в прованском пышном вене
Не схоронил стыда, он мог сойти
Ничтожным, но безвредным тем не мене.
- 64 А тут он начал хитрости плести
И грабить; и забрал, во искупленье,
Нормандию, Гасконью и Понти.
- 67 Карл сел в Италии; во искупленье,
Зарезал Куррадина; а Фому
Вернул на небеса, во искупленье.

- Я вижу время, близок срок ему,— 70
И новый Карл его поход повторит,
Для вящей славы роду своему.
- Один, без войска, многих он поборет 73
Копьем Иуды; им он так разит,
Что брюхо у Флоренции распорет.
- Не землю он, а только грех и стыд 76
Приобретет, тем горший в час расплаты,
Что этот груз его не тяготит.
- Другой, я вижу, пленник, в море взятый, 79
Дочь продает, гонясь за барышом,
Как делают с рабынями пираты.
- О жадность, до чего же мы дойдем, 82
Раз кровь мою так привлекло стяжанье,
Что собственная плоть ей нипочем?
- Но я страшнее вижу злодеянье: 85
Христос в своем наместнике пленен,
И торжествуют лилии в Аланье.
- Я вижу — вновь людьми поруган он, 88
И желчь и уксус пьет, как древле было,
И средь живых разбойников казнен.
- Я вижу — это всё не утолило 91
Новейшего Пилата; осмелев,
Он в храм вторгает хищные ветрила.
- Когда ж, господь, возвеселюсь, узрев 94
Твой суд, которым, в глубине безвестной,
Ты умягчаешь твой сокрытый гнев?
- А возглас мой к невесте невестной 97
Святого духа, вызвавший в тебе
Твои вопросы, это наш совместный
- Припев к любой творимой здесь мольбе, 100
Покамест длится день; поздней заката
Мы об обратной говорим судьбе.
- Тогда мы повторяем, как когда-то 103
Братоубийцей стал Пигмалион,
Предателем и вором, в жажде злата;

106 И как Мидас в беду был вовлечен,
В своем желанье жадном уголяем,
Которым сделался для всех смешон.
109 Безумного Ахана вспоминаем,
Добычу скрывшего, и словно зрим,
Как гневом Иисуса он терзаем.
112 Потом Сапфиру с мужем мы виним,
Мы рады синякам Гелиодора,
И вся гора позором круговым
115 Напутствует убийцу Полидора;
Последний клич: „Как ты находишь, Красс,
Вкус золота? Что ты знаток, нет спора!“
118 Кто громко говорит, а кто, подчас,
Чуть внятно, по тому, насколько сурово
Потребность речи уязвляет нас.
121 Не я один о добрых молвил слово,
Как здесь бывает днем; но невдали
Не слышно было никого другого».
124 Мы от него немало отошли
И, напрягая силы до предела,
Спешили по дороге, как могли.
127 И вдруг гора, как будто пасть хотела,
Затрепетала; стужа обдала
Мне, словно перед казнию, всё тело.
130 Не так тряслась Делосская скала,
Пока гнезда там не свила Латона
И небу двух очей не родила.
133 Раздался крик по всем уступам склона,
Такой, что, обратясь, мой проводник
Сказал: «Тебе твой спутник оборона».
136 «Gloria in excelsis» * — был тот крик,
Один у всех, как я его значенье
По возгласам ближайших к нам постиг.

* Слава в вышних (лат.)

Мы замерли, внимая восхваленье, Как слушали те пастухи в былом; Но прекратился трус, и смолкло пенье.	139
Мы вновь пошли своим святым путем, Среди теней, по-прежнему безгласно Поверженных в рыдании своем.	142
Еще вовек неведение так страстно Рассудок мой к познанию не влекло, Насколько я способен вспомнить ясно,	145
Как здесь я им терзался тяжело; Я, торопясь, не смел задать вопроса, Раздумье же помочь мне не могло;	148
Так, в робких мыслях, шел я вдоль утеса.	151

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Терзаемый огнем природной жажды,
Который утоляет лишь вода,
Самаритянке данная однажды,
4 Я, следуя вождю, не без труда
Загроможденным кругом торопился,
Скорбя при виде правого суда.
7 И вдруг, как, по словам Луки, явился
Христос в дороге двум ученикам,
Когда его могильный склеп раскрылся,—
10 Так здесь явился дух, вдогонку нам,
Шагавшим над простертыми толпами;
Его мы не заметили; он сам
13 Воззвал к нам: «Братья, мир господень с вами!»
Мы тотчас обернулись, и поэт
Ему ответил знаком и словами:
16 «Да примет с миром в праведный совет
Тебя неложный суд, от горней сени
Меня отторгший до скончанья лет!»
19 «Как! Если вы не призванные тени,—
Сказал он, с нами торопясь вперед,—
Кто вас возвел на божии ступени?»
22 И мой наставник: «Кто, как этот вот,
Отмечен ангелом, несущим стражу,
Тот воцаренья с праведными ждет.
25 Но так как та, что вечно тянет пряжу,
Его кудель ссучила не вполне,
Рукой Клотó намотанную клажу,
28 Его душа, сестра тебе и мне,
Не обладая нашей мощью взгляда,
Идти одна не может к вышине.
31 И вот я призван был из бездны Ада
Его вести, и буду близ него,
Пока могу руководить, как надо.

- Но, может быть, ты знаешь: отчего 34
Встряслась гора и возглас ликованья
Объял весь склон до влажных стоп его?»
- Спросив, он мне попал в ушко желанья 37
Так метко, что и жажда смягчена
Была одной отрадой ожиданья.
- Тот начал так: «Гора отрешена 40
Ото всего, в чем нарушение чина
И в чем бы оказалась новизна.
- Здесь перемен нет даже и помина: 43
Небесного в небесное возврат
И только — их возможная причина.
- Ни дождь, ни иней, ни роса, ни град, 46
Ни снег не выпадают выше грани
Трех ступеней у загражденных врат.
- Нет туч, густых иль редких, нет блистаний, 49
И дочь Фавманта в небе не пестра,
Та, что внизу живет среди скитаний.
- Сухих паров не ведает гора 52
Над сказанными мною ступенями,
Подножием наместника Петра.
- Внизу трясет, быть может, временами, 55
Но здесь ни разу эта вышина
Не сотряслась подземными ветрами.
- Дрожит она, когда из душ одна 58
Себя познает чистой, так что встанет
Иль вверх пойдет; тогда и песнь слышна.
- Знак очищенья — если воля взманит 61
Переменить обитель, и счастлив,
Кто, этой волей схваченный, воспрянет.
- Душа и раньше хочет; но строптив 64
Внушенный божьей правдой, против воли,
Позыв страдать, как был грешить позыв.
- И я, простертый в этой скорбной боли 67
Пятьсот и больше лет, изведал вдруг
Свободное желанье лучшей доли.

- 70 Вот отчего всё дрогнуло вокруг,
 И духи песнью славили гремящей
 Того, кто да избавит их от мук».
- 73 Так он сказал; и так как пить тем слаще,
 Чем жгучей жажду нам пришлось терпеть,
 Скажу ль, как мне был в помощь говорящий?
- 76 И мудрый вождь: «Теперь я вижу сеть,
 Вас взявшую, и как разъять тенета,
 Что зыблет гору и велит вам петь.
- 79 Но кем ты был — узнать моя забота,
 И почему века, за годом год,
 Ты здесь лежал — не дашь ли мне отчета?»
- 82 «В те дни, когда всеильный царь высот
 Помог, чтоб добрый Тит отмстил за раны,
 Кровь из которых продал Искарьот,—
- 85 Ответил дух,— я оглашал те страны
 Прочнейшим и славнейшим из имен,
 К спасению тогда еще незванный.
- 88 Мои дыханий был так сладок звон,
 Что мною, толосатом, Рим пленился,
 И в Риме я был миртом осенен.
- 91 В земных народах Стаций не забылся.
 Воспеты мной и Фивы, и Ахилл,
 Но под второю ношей я свалился.
- 94 В меня, как семя, искру заронил
 Божественный огонь, меня жививший,
 Который тысячи воспламенил;
- 97 Я говорю об Энеиде, бывшей
 И матерью, и мамкою моей,
 И всё, что труд мой весит, мне внушившей.
- 100 За то, чтоб жить, когда среди людей
 Был жив Вергилий, я бы рад в изгнанье
 Провести хоть солнце свыше должных дней».
- 103 Вергилий на меня взглянул в молчанье,
 И вид его сказал: «Будь молчалив!»
 Но ведь не всё возможно при желанье.

- Улыбку и слезу родит порыв 106
Душевной страсти, трудно одолимый
Усильем воли, если кто правдив.
- Я не сдержал улыбки еле зримой; 109
Дух замолчал, чтоб мне в глаза взглянуть,
Где ярче виден помысел таинмый.
- «Да завершишь добром свой тяжкий путь! — 112
Сказал он мне. — Но что в себе хоронит
Твой смех, успевший только что мелькнуть?»
- И вот меня две силы розно клонят: 115
Здесь я к молчанью, там я понужден
К ответу; я вздыхаю, и я понят
- Учителем. «Я вижу — ты смущен. 118
Ответь ему, а то его тревожит
Неведенье», — так мне промолвил он.
- И я: «Моей улыбке ты, быть может, 121
Дивисься, древний дух. Так будь готов,
Что удивленье речь моя умножит.
- Тот, кто ведет мой взор чредой кругов, 124
И есть Вергилий, мощи той основа,
С какой ты пел про смертных и богов.
- К моей улыбке не было иного, 127
Поверь мне, повода, чем миг назад
О нем тобою сказанное слово».
- Уже упав к его ногам, он рад 130
Их был обнять; но вождь мой, отстраняя:
«Оставь! Ты тень и видишь тень, мой брат».
- «Смотри, как знойно, — молвил тот, вставая, — 133
Моя любовь меня к тебе влекла,
Когда, ничтожность нашу забывая,
- Я тени принимаю за тела». 136

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

У

же был ангел далеко за нами,
Тот ангел, что послал нас в круг шестой,
Еще рубец смахнув с меня крылами;
4 И тех, кто правды восхотел святой,
Назвал блаженными, и прозвучало
Лишь «sitiunt» * — и только — в речи той;
7 И я, чье тело снова легче стало,
Спешил наверх без всякого труда
Вослед теням, не медлившим нимало,—
10 Когда Вергилий начал так: «Всегда
Огонь благой любви зажжет другую,
Блеснув хоть в виде робкого следа.
13 С тех пор, как в адский Лимб, где я тоскую,
К нам некогда спустился Ювенал,
Открывший мне твою любовь живую,
16 К тебе я сердцем благосклонней стал,
Чем можно быть, кого-либо не зная,
И короток мне путь средь этих скал.
19 Но объясни, как другу мне прощая,
Что смелость послабляет удила,
И впредь со мной, как с другом, рассуждая:
22 Как это у тебя в груди могла
Жить скупость рядом с мудростью, чья сила
Усердием умножена была?»
25 Такая речь улыбку пробудила
У Стация; потом он начал так:
«В твоих словах мне всё их лаской мило.
28 Поистине, нередко внешний знак
Приводит ложным видом в заблужденье,
Тогда как суть погружена во мрак.

* Жаждут (лат.).

- В твоём вопросе выразилось мнение, 31
Что я был скуп; подумать так ты мог,
Узнав о том, где я терпел мученье.
- Так знай, что я от скупости далек 34
Был даже слишком — и недаром бремя
Нес много тысяч лун за мой порок.
- И не исторгни я дурное семя, 37
Внимая восклицанью твоему,
Как бы клеймящему земное племя:
„Заветный голод к золоту, к чему 40
Не направляешь ты сердца людские?“
Я с дракой грузы двигал бы во тьму.
- Поняв, что крылья чересчур большие 43
У слишком щедрых рук, и этот грех
В себе я осудил, и остальные.
- Как много стриженных воскреснет, тех, 46
Кто, и живя, и в смертный миг, не чаёт,
Что их вина не легче прочих всех!
- И знай, что грех, который отражает 49
Наоборот какой-либо иной,
Свою с ним зелень вместе иссушает.
- И если здесь я заодно с толпой, 52
Клянущей скупость, жаждал очищенья,
То как виновный встречною виной».
- «Но ведь когда ты грозные сраженья 55
Двойной печали Иокасты пел,—
Сказал воспевший мирные селенья,—
- То, как я там Клио уразумел, 58
Тобой как будто вера не водила,
Та, без которой мало добрых дел.
- Раз так, огонь какого же светила 61
Иль светоча тебя разомрачил,
Чтоб устремить за рыбарем ветрила?»
- И тот: «Меня ты первый устремил 64
К Парнассу, пить пещерных струй прохладу.
И первый, после бога, озарил.

67 Ты был, как тот, кто за собой лампаду
Несет в ночи и не себе дает,
Но вслед идущим помощь и отраду,
70 Когда сказал: „Век обновленья ждет:
Мир первых дней и правда — у порога,
И новый отрок близится с высот“.
73 Ты дал мне петь, ты дал мне верить в бога!
Но, чтоб все части сделались ясны,
Я свой набросок распвечу немного.
76 Уже был мир до самой глубины
Проникнут правой верой, насажденной
Посланниками неземной страны;
79 И так твой возглас, выше приведенный,
Созвучен был словам учителей,
Что к ним я стал ходить, как друг исконный.
82 Я видел в них таких святых людей,
Что в дни Домициановых гонений
Их слезы не бывали без моей.
85 Пока я жил под кровом смертной сени,
Я помогал им, и их строгий чин
Меня отторг от всех других учений.
88 И, не доведши греческих дружин,
В стихах, к фиванским рекам, я крестился,
Но утаил, что я христианин,
91 И показным язычеством прикрылся.
За этот грех там, где четвертый круг,
Четыре с лишним века я кружился.
94 Но ты, моим глазам раскрывший вдруг
Всё доброе, о чем мы говорили,
Скажи, пока нам вверх идти досуг,
97 Где старый наш Теренций, где Цецилий,
Где Варий Плавт? Что знаешь ты про них:
Где обитают и осуждены ли?»
100 «Они, как Персий, я и ряд других,—
Ответил вождь мой,— там, где грек, вспоенный
Каменами щедрее остальных:

- То — первый круг тюрьмы неозаренной, 103
Где речь нередко о горе звучит,
Семьей кормилиц наших населенной.
- Там с нами Антифонт и Еврипид, 106
Там встретишь Симонида, Агафона
И многих, кто меж греков знаменит.
- Там из тобой воспетых — Антигона, 109
Аргея, Деифила, и скорбям
Верна Исмена, как во время оно;
- Там дочь Тиресия, Фетида там, 112
И Дейдамия с сестрами своими,
И Лангию открывшая царям».
- Уже беседа смолкла между ними, 115
И кругозор их был опять широк,
Не сжатый больше стенами крутыми,
- И четверо служанок дня свой срок 118
Исполнило, и пятая вздымала,
Над дышлом стоя, кверху жгучий рог,
Когда мой вождь: «По мне бы надлежало 121
Кнаруже правым двигаться плечом,
Как мы всходили с самого начала.
- Здесь нам обычай стал поводырем; 124
И так как был согласен дух высокий,
Мы этим и направились путем.
- Они пошли вперед; я, одинокий, 127
Вослед; и слушал разговор певцов,
Дававший мне поэзии уроки.
- Но вскоре сладостные звуки слов 130
Прервало древо, заградив дорогу,
Пленительное запахом плодов.
- Как ель всё уже кверху понемногу, 133
Так это — книзу, так что взлезть нельзя
Хотя бы даже к нижнему отрогу.
- С той стороны, где замкнута стезя, 136
Со скал спадала блестящая влага
И растекалась, по листьям скользя.

- 139 Поэты стали в расстоянье шага;
И некий голос, средь листвы незрим,
Воскликнул: «Вам запретно это благо!»
- 142 И вновь: «Мария не устам своим,
За вас просящим, послужить желала,
А лишь тому, чтоб вышел пир честным.
- 145 У римлянок напитка не бывало
Иного, чем вода; и Даниил
Презрел еду, и мудрость в нем мужала.
- 148 Начальный век, как золото, светил,
И голод желудями услаждался,
И нектар жажде каждый ключ струил.
- 151 Акридами и медом насыщался
Среди пустынь креститель Иоанн;
А как велик и славен он остался,
- 154 Тому залог в Евангелии дан».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Я

устремлял глаза в густые чащи
Зеленых листьев, как иной ловец,
Из-за пичужек жизнь свою губящий,
Но тот, кто был мне больше, чем отец, 4
Промолвил: «Сын, пора идти; нам надо
Полезней тратить время под конец.
Мой взгляд — и шаг ничуть не позже взгляда — 7
Вслед мудрецам я обратил тотчас,
И мне в пути их речь была отрада.
Вдруг плач и пенье донеслись до нас, — 10
«Labia mea, Domine» *, — рождая
И наслажденье, и печаль зараз.
«Отец, что это?» — молвил я, внимая. 13
И он: «Быть может, тени там идут,
Земного долга узел разрешая». 16
Как странники задумчиво бредут
И, на пути настигнув проходящих,
Оглянут незнакомцев и не ждут,
Так, обгоняя нас, не столь спешащих, 19
Оглядывала нас со стороны
Толпа теней, смиренных и молчащих.
Глаза их были впалы и темны, 22
Бескровны лица, и так скудно тело,
Что кости были с кожей сращены.
Не думаю, чтоб ссохся так всецело 25
Сам Эрисихтон, даже досягнув,
Голодный, до страшнейшего предела.
«Вот те, — подумал я, на них взглянув, — 28
Которые в Ерусалиме жили
В дни Мариам, вонзившей в сына клюв».

* Уста мои, господи (лат.).

- 31 Как перстни без камней, глазницы были;
 Кто ищет «омо» на лице людском,
 Здесь букву М прочел бы без усилий.
- 34 Кто, если он с причиной незнаком,
 Поверил бы, что тени чахнут тоже,
 Прельщаемые влагой и плодом?
- 37 Я удивлялся, как, ни с чем не схоже,
 Их страждущая плоть изморена,
 Их худобе и шелудивой коже;
- 40 И вот из глуби черепа одна
 В меня впилась глазами и вскричала:
 «Откуда эта милость мне дана?»
- 43 Ее лица я не узнал сначала,
 Но в голосе я сразу угадал
 То, что в обличье навсегда пропало.
- 46 От этой искры ярко засиял
 Знакомый образ, встав из тьмы бесследной,
 И я черты Форезе увидал.
- 49 «О, не гнушайся этой кожей бледной,—
 Так он просил,— и струною корой,
 И этой плотью, мясом слишком бедной!
- 52 Скажи мне правду о себе, открой,
 Кто эти души, два твоих собрата;
 Не откажись поговорить со мной!»
- 55 «Твой мертвый лик оплакал я когда-то,—
 Сказал я,— но сейчас он так изрыт,
 Что сердце вновь не меньшей болью сжато.
- 58 Молю, скажи мне, что вас так мертвит;
 Я так дивлюсь, что мне не до ответа;
 Кто полн другим, тот плохо говорит».
- 61 И он: «По воле вечного совета
 То древо, позади нас, в брызгах вод,
 Томительную силу одето.
- 64 Поющий здесь и плачущий народ,
 За то, что угождал чрезмерно чреву,
 В алчбе и в жажде к святости идет.

- Охоту есть и пить внушают зеву 67
Пахучие плоды и водопад,
Который растекается по дереву.
- И так не раз, пока они кружат, 70
Свое терзанье обновляют тени,
Или верней — отраду из отрад:
- Ведь та же воля шлет их к древней сени, 73
Что слала и Христа воззвать „Или!“,
Когда спасла нас кровь его мучений».
- И я ему: «С тех пор, как плен земли 76
Твоя душа на лучший мир сменила,
Еще пять лет, Форезе, не прошли.
- И если раньше исчерпалась сила 79
В тебе грешить, чем тяжкий твой порок
Благая боль пред богом облегчила,
- То как же ты сюда подняться мог? 82
Я ждал тебя застать на нижней грани,
Там, где выплачивают срок за срок».
- И он мне: «Сладкую полынь страданий 85
Испить так рано был я приведен
Моею Неллой. Скорбь ее рыданий,
Ее мольбы и сокрушенный стон 88
Меня оттуда извлекли до срока,
Минуя все круги, на этот склон.
- Тем драгоценней для господня ока 91
Моя вдовица, милая жена,
Что в доблести всё больше одинока;
- Сардинская Барбаджа — та скромна 94
И женской честью может похвалиться
Пред той Барбаджей, где живет она.
- О милый брат, к чему распространяться? 97
Уже я вижу тот грядущий час,
Которого недолго дожидаться,
- Когда с амвона огласят указ, 100
Чтоб воспретить бесстыжим флорентинкам
Разгуливать с соседями напоказ.

- 103 Каким дикаркам или сарацинкам
 Духовный или светский нужен бич,
 Чтоб с голой грудью не ходить по рынкам?
- 106 Когда б могли беспутницы постичь,
 Что быстрый бег небес припас их краю,
 Уже им рты раскрыл бы скорбный ключ;
- 109 Беда, — когда я верно предрекаю, —
 Их ждет скорей, чем станет бородач
 Иной, кто спит сейчас под „баю-баю“.
- 112 Но не таись передо мною, брат!
 Не только я, но все, кто с нами рядом,
 Глядят туда, где свет тобой разъят».
- 115 Я молвил: «Если ты окинешь взглядом,
 Как ты со мной и я с тобой живал,
 Воспоминанье будет горьким ядом.
- 118 От жизни той меня мой вождь воззвал,
 На днях, когда над нами округленной
 Была (и я на солнце указал)
- 121 Сестра того. Меня он в тьме бездонной
 Провел средь истых мертвых, и за ним
 Я движусь, истой плотью облеченный.
- 124 Так я поднялся, им руководим,
 Всю эту гору огибая кружно,
 Где правят тех, кто в мире был кривым.
- 127 Он говорит, что мы дойдем содружно
 До высоты, где Беатриче ждет;
 А там ему меня покинуть нужно.
- 130 Так говорит Вергилий, этот вот
 (Я указал); другой — та тень святая,
 Которой ради дрогнул ваш оплот,
- 133 Из этих царств ее освобождая».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

од не мешал речам, и речи — ходу;
И мы вперед спешили, как спешит
Корабль под ветром в добрую погоду.
А тени, дважды мертвые на вид, 4
Провалы глаз уставив на живого,
Являли ясно, как он их дивит.
Я, продолжая начатое слово, 7
Сказал: «Она, быть может, к вышине
Идет медлительней из-за другого.
Но где Пиккарда, — скажешь ли ты мне? 10
А здесь — кого бы вспомнить полагалось
Из тех, кто мне дивится в тишине?»
«Моя сестра, чьей красоте равнялась 13
Ее лишь благодать, радостным венцом
На высотах Олимпа увенчалась». —
Так он сказал сначала; и потом: 16
«Ничье прозвание здесь не под запретом;
Ведь каждый облик выдобен постом.
Вот Бонаджунта Луккский, — и при этом 19
Он пальцем указал; — а тот, щедрей,
Чем прочие, распитый темным цветом,
Святую церковь звал женой своей; 22
Он был из Тура; искупает гладом
Большенских, сваренных в вине, угрей». —
Еще он назвал многих, шедших рядом; 25
И не был недоволен ни один:
Я никого не видел с мрачным взглядом.
Там грыз впустую пильский Убальдин 28
И Бонифаций, посохом Равенны
Премногих пасший длинный ряд годин.
Там был мессер Маркезе; в век свой бранный 31
Он мог в Форли, не иссыхая, пить,
Но жаждой мучился ежемгновенной.

- 34 Как тот, кто смотрит, чтобы оценить,
Я, посмотрев, избрал поэта Лукки,
Который явно жаждал говорить
- 37 Сквозь шёпст, имя словно бы Джентукки
Я чуял там, где сам он чуял зной
Ниспосланной ему язвящей муки.
- 40 «Дух, если хочешь говорить со мной,—
Сказал я,— сделай так, чтоб речь звучала
И нам обоим принесла покой».
- 43 «Есть женщина, еще без покрывала,—
Сказал он.— С ней отрадным ты найдешь
Мой город, хоть его бранят немало.
- 46 Ты это предсказанье унесешь
И, если понял шёпот мой превратно,
Потом увидишь, что оно не ложь.
- 49 Но ты ли тот, кто миру спел так внятно
Песнь, чье начало я произношу:
„Вы, жены, те, кому любовь понятна“?»
- 52 И я: «Когда любовью я дышу,
То я внимателен; ей только надо
Мне подсказать слова, и я пишу».
- 55 И он: «Я вижу, в чем для нас преграда,
Чем я, Гвиттон, Нотарий далеки
От нового пленительного лада.
- 58 Я вижу, как послушно на листки
Наносят ваши перья смысл внушенный,
Что нам, конечно, было не с руки.
- 61 Вот всё, на взгляд хоть самый изоциренный,
Чем разнятся и тот, и этот лад».
И он умолк, казалось — утоленный.
- 64 Как в воздухе сгрудившийся отряд
Проворных птиц, зимующих вдоль Нила,
Порой спешит, вытягиваясь в ряд,
- 67 Так вся толпа вдруг лица отвратила
И быстрым шагом дальше понеслась,
От худобы и воли легкокрыла.

- И словно тот, кто, бегом утомясь, 70
Из спутников рад пропустить любого,
Чтоб отдышаться, медленно пройдясь,
Так здесь, отстав от сонмища святого, 73
Форезе шел со мной, нетороплив,
И молвил: «Скоро ль встретимся мы снова?»
И я: «Не знаю, сколько буду жив; 76
Пусть даже близок берег, но желанье
К нему летит, меня опередив;
Затем что край, мне данный в обитанье, 79
Что день — скудное доблестью одет
И скорбное предвидит увяданье».
И он: «Иди. Зачинщика всех бед 82
Звериный хвост,— мне это въяве зримо,—
Влачит к ущелью, где пощады нет.
Зверь мчится всё быстрее, неудержимо, 85
И тот уже растерзан, и на срам
Оставлен труп, простертый недвижимо.
Не много раз возвращаться тем кругам 88
(Он вверх взглянул), чтобы ты понял ясно
То, что ясней не вымолвлю я сам.
Теперь простимся; время здесь всевластно, 91
А, идя равной поступью с тобой,
Я принужден терять его напрасно».
Как, отделясь от едущих гурьбой, 94
Наездник мчит коня насколько можно,
Чтоб, ради славы, первым встретить бой,
Так, торопясь, он зашагал тревожно; 97
И вновь со мной остались эти два,
Чье имя в мире было столь вельможно.
Уже его я различал едва, 100
И он не больше был доступен взгляду,
Чем были разуму его слова,
Когда живую, всю в плодах, громаду 103
Другого древа я увидел вдруг,
Крутого склона обогнув преграду.

- 106 Я видел — люди, вскинув кисти рук,
Взывали к листьям, веющим широко,
Как просит детвора, теснясь вокруг,
- 109 А окруженный не дает до срока,
Но, чтобы зуд желания возрос,
Приманку держит на виду высоко.
- 112 Потом ушли, как пробудясь от грез.
Мы подступили, приближаясь слева,
К стволу, не внемлющему просьб и слез.
- 115 «Идите мимо! Это отрпыск древа,
Которое растет на высотах
И от которого вкусила Ева».
- 118 Так чей-то голос говорил в листах;
И мы, теснясь, запретные пределы
Вдоль кручи обогнули второях.
- 121 «Припомните, — он говорил, — Нефелы
Проклятый род, когда он, сыт и пьян,
На бой с Тезеем ринулся, двутельный;
- 124 И как вольготно пил еврейский стан,
За что и был отвергнут Гедеоном,
Когда с холмов он шел на Мадриан».
- 127 Так, стороною, под нависшим склоном,
Мы шли и слушали про грех обжор,
Сопровожденный горестным уроном.
- 130 Потом, все трое, вышли на простор
И так прошли в раздумье, молчаливы,
За тысячу шагов, потушая взор.
- 133 «О чем бы так задуматься могли вы?» —
Нежданный голос громко прозвучал,
Так что я вздрогнул, словно зверь пугливый.
- 136 Я поднял взгляд; вовеки не блистал
Настолько ослепительно и ало
В горниле сплав стекла или металл,
- 139 Как тот блистал, чье слово нас встречало:
«Чтобы подняться на гору, здесь вход;
Идущим к миру — здесь идти пристало».

Мой взор затмился, встретив облик тот;	142
И я пошел вослед за мудрецами, Как человек, когда на слух идет.	
И как перед рассветными лучами	145
Благоухает майский ветерок, Травой напоенный и цветами,	
Так легкий ветер мне чело облек,	148
И я почувал перьев мановенье, Распространявших амвросийный ток,	
И услышал: «Блажен, чье озаренье	151
Столь благодатно, что ему чужда Услада уст и вкуса вождельенье,	
Чтоб не алкать сверх меры никогда».	154

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Час понуждал быстрее идти по всклону,
Затем что солнцем полуденный круг
4 Был сдан Тельцу, а ночью — Скорпиону;
И словно тот, кто не глядит вокруг,
Но направляет к цели шаг упорный,
7 Когда ему помедлить недосуг,
Мы, друг за другом, шли тесниной горной,
Где ступеней стесненная гряда
10 Была как раз для одного просторной.
Как юный аист крылья иногда
Поднимет к взлету и опустит снова,
13 Не смея оторваться от гнезда,
Так и во мне, уже всплывать готова,
Тотчас же угасала речь моя,
16 И мой вопрос не претворялся в слово.
Отец мой, видя, как колеблюсь я,
Сказал мне на ходу: «Стреляй же смело,
19 Раз ты свой лук напруг до острия!»
Раскрыв уста уже не оробело:
«Как можно изнуряться, — я сказал, —
22 Там, где питать не требуется тело?»
«Припомни то, как Мелеагр сторал,
Когда подверглась головня сожженью,
25 И минет горечь, — он мне отвечал. —
И, рассудив, как всякому движенью
Движеньем вторят ваши зеркала,
28 Ты жесткое принудишь к размягченью.
Но, чтобы мысль твоя покой нашла,
Вот Стаций здесь; и я к нему взываю,
Чтобы твоя болячка зажила».
31 «Прости, что вечный строй я излагаю
В своем присутствии, — сказал поэт. —
Но отказать тебе я не дерзаю».

- Потом он начал: «Если мой ответ 34
Ты примешь в разуменье, сын мой милый,
То сказанному „как“ прольется свет.
- Беспримесная кровь, которой жилы 37
Вобрать не могут в жаждущую пасть,
Как лишнее, чего доест нет силы,
Приемлет в сердце творческую власть 40
Образовать собой всё тело ваше,
Как в жилах кровь творит любую часть.
- Очистись вновь и в то сойдя, что краше 43
Не называть, впоследствии она
Сливается с чужой в природной чаше.
- Здесь та и эта соединена, 46
Та — покоряясь, эта — созидая,
Затем что в высшем месте рождена.
- Смешавшись с той и к делу приступаая, 49
Она ее сгущает, сгусток свой,
Раз созданный, помалу оживляя.
- Зиждательная сила, став душой, 52
Лишь тем отличной от души растенья,
Что та дошла, а этой — путь большой,
- Усваивает чувства и движенья, 55
Как гриб морской, и нужные дает
Зачатым свойствам средства выраженья.
- Так ширится, мой сын, и так растет 58
То, что в родящем сердце пребывало,
Где естество всю плоть предсоздает.
- Но уловить, как тварь младенцем стала, 61
Не так легко, и здесь ты видишь тьму;
Мудрейшего, чем ты, она сбивала,
- И он учил, что, судя по всему, 64
Душа с возможным разумом не слита,
Затем что нет вместилища ему.
- Но если правде грудь твоя открыта, 67
Знай, что, едва зародыш завершен
И мозговая ткань вполне развита,

- 70 Прадвижитель, в веселии склонен,
 Прекрасный труд природы созерцает,
 И новый дух в него вдыхает он,
73 Который всё, что там росло, вбирает;
 И вот душа, слиянная в одно,
 Живет, и чувствует, и постигает.
76 И если то, что я сказал, темно,
 Взгляни, как в соке, что из лоз сочится,
 Жар солнца превращается в вино.
79 Когда ж у Лахезис весь лен ссучится,
 Душа спешит из тела прочь, но в ней
 И бренное, и вечное таится.
82 Безмолвствуют все свойства прежних дней;
 Но память, разум, воля — те намного
 В деянии становятся острей.
85 Она летит, не медля у порога,
 Чудесно к одному из берегов;
 Ей только здесь ясна ее дорога.
88 Чуть дух очерчен местом, вновь готов
 Поток творящей силы излучаться,
 Как прежде он питал плотской покров.
91 Как воздух, если в нем пары клубятся
 И чуждый луч их мгла в себе дробит,
 Различно начинает расцветаться,
94 Так ближний воздух принимает вид,
 В какой его, воздействуя, приводит
 Душа, которая внутри стоит.
97 И как сиянье повсеместно ходит
 За пламенем и неразрывно с ним,
 Так новый облик вслед за духом бродит
100 И, так как тот через него стал зрим,
 Зовется тенью; ею создаются
 Орудья чувствам — зренью и другим.
103 У нас владеют речью и смеются,
 Нам свойственны и плач, и вздох, и стон,
 Как здесь они, ты слышал, раздаются.

- И всё, чем дух взволнован и смущен, 106
 Сквозит в обличье тени; оттого-то
 И был ты нашим видом удивлен».
- Последнего достигнув поворота, 109
 Мы обратились к правой стороне,
 И нас другая заняла забота.
- Здесь горный склон — в бушующем огне, 112
 А из обрыва ветер бьет, взлетая,
 И пригибает пламя вновь к стене;
- Нам приходилось двигаться вдоль края, 115
 По одному; так шел я, здесь — огня,
 А там — паденья робко избегая.
- «Тут надо, — вождь остерегал меня, — 118
 Глаза держать в поводьях неустанно,
 Себя все время от беды храня».
- «Summae Deus clementiae» * — нежданно 121
 Из пламени напев донесся к нам;
 Мне было всё же и взглянуть желанно,
- И я увидел духов, шедших там; 124
 И то их путь, то вновь каймы полоска
 Мой взор распределяли пополам.
- Чуть гимн умолк, как «Virum non cognosco!» ** — 127
 Раздался крик. И снова песнь текла,
 Подобием глухого отголоска.
- И снова крик: «Диана не могла 130
 В своем лесу терпеть позор Гелики,
 Вкусившей яд Венеры». И была
- Вновь песнь; и вновь превозносили клики 133
 Жен и мужей, чей брак для многих впредь
 Явил пример, безгрешностью великий.
- Так, вероятно, восклицать и петь 136
 Им в том огне всё время полагалось:
 Таков бальзам их, такова их снедь,
- Чтоб язва, наконец, зарубцевалась. 139

* Бог высшей милости (лат.).

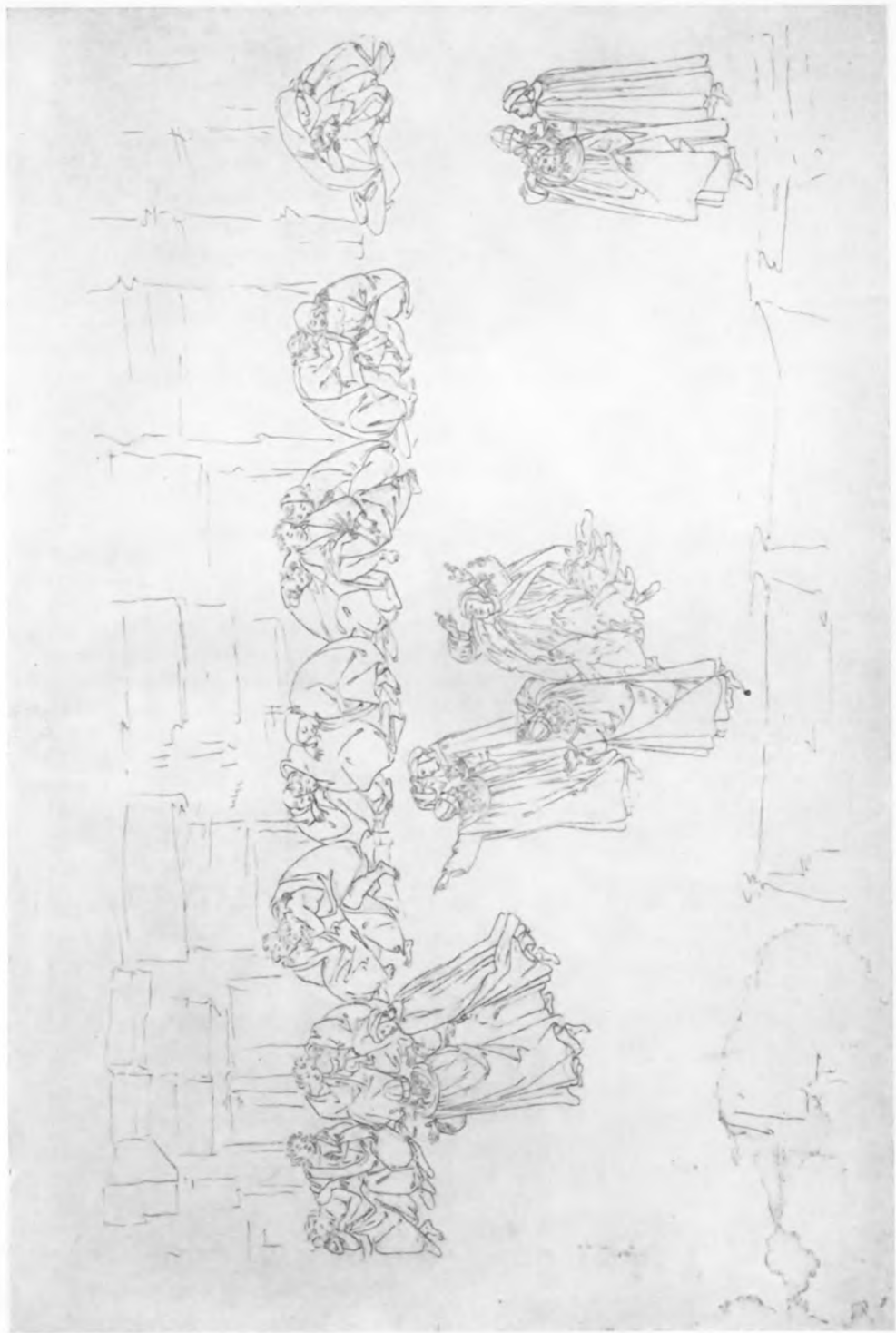
** Мужа не знаю! (лат.)

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Пока мы шли, друг другу вслед, по краю
И добрый вождь твердил не раз еще:
«Будь осторожен, я предупреждаю!» —
4 Мне солнце било в правое плечо
И целый запад в белый превращало
Из синего, сияя горячо;
7 И где ложилась тень моя, там ало
Казалось пламя; и толпа была,
В нем проходя, удивлена немало.
10 Речь между ними обо мне зашла,
И тень, я слышал, тени говорила:
«Не таковы бесплотные тела».
13 Иные подались, сколь можно было,
Ко мне, стараясь, как являл их вид,
Ступать не там, где их бы не палило.
16 «О ты, кому почтительность велит,
Должно быть, сдерживать поспешность шага,
Ответь тому, кто жаждет и горит!
19 Не только мне ответ твой будет благо:
Он этим всем нужнее, чем нужна
Индийцу или эфиопу влага.
22 Скажи нам, почему ты — как стена
Для солнца, словно ты еще не встретил
Сетей кончины». Так из душ одна
25 Мне говорила; я бы ей ответил
Без промедленья, но как раз тогда
Мой взгляд иное зрелище приметил.
28 Навстречу этой новая чреда
Шла по пути, объятому пыланьем,
И я помедлил, чтоб взглянуть туда.
31 Вдруг вижу — тени, здесь и там. лобзаньем
Спешат друг к другу на ходу прильнуть
И кратким утешаются свиданьем.

- Так муравьи, столкнувшись где-нибудь, 34
Потрутся рыльцами, чтобы дознаться,
Быть может, про добычу и про путь.
Но только миг объятья дружбы длятся, 37
И с первым шагом на пути своем
Одни других перекричать стремятся,—
Те, новые: «Гоморра и Содом!», 40
А эти: «В телку лезет Пасифая,
Желая похоть утолить с бычком!»
Как если б журавлей летела стая — 43
Одна к пескам, другая на Рифей,
Та — стужи, эта — солнца избегая,
Так растаются две чреды теней, 46
Чтоб снова петь в слезах обычным ладом
И восклицать про то, что им сродней.
И двинулись опять со мною рядом 49
Те, что меня просили дать ответ,
Готовность слушать выражая взглядом.
Я, видя вновь, что им покоя нет, 52
Сказал: «О души, к свету мирной славы
Обретшие ведущий верно след,
Мой прах, незрелый или величавый, 55
Не там остался: здесь я во плоти,
Со мной и кровь ее, и все суставы.
Я вверх иду, чтоб зренье обрести: 58
Там есть жена, чья милость мне дарует
Сквозь ваши страны смертное нести.
Но,— и скорее да восторжествует 61
Желанье ваше, чтоб вас принял храм
Той высшей тверди, где любовь ликует,—
Скажите мне, а я письму предам, 64
Кто вы и эти люди кто такие,
Которые от вас уходят там».
Так смотрит, губы растворив, немые 67
От изумленья, дикий житель гор,
Когда он в город попадет впервые,

- 70 Как эти на меня стремили взор.
Едва с них спало бремя удивленья,—
Высокий дух дает ему отпор,—
- 73 «Блажен, кто, наши посетив селенья,—
Вновь начал тот, кто прежде говорил,—
Для лучшей смерти черплет наставленья!
- 76 Народ, идущий с нами врозь, грешил
Тем самым, чем когда-то Цезарь клики
„Царица“ в день триумфа заслужил.
- 79 Поэтому „Содом“ гласят их крики,
Как ты слыхал, и совесть их язвит,
И в помощь пламени их стыд великий.
- 82 Наш грех, напротив, был гермафродит;
Но мы забыли о людском законе,
Спеша насытить страсть, как скот спешит,
- 85 И потому, сходясь на этом склоне,
Себе в позор, мы поминаем ту,
Что скотенела, лежа в скотском лоне.
- 88 Ты нашей казни видишь правоту;
Назвать всех порознь мы бы не успели,
Да я на память и не перечту.
- 91 Что до меня, я — Гвидо Гвиницелли;
Уже свой грех я начал искупать,
Как те, что рано сердцем восскорбели».
- 94 Как сыновья, увидевшие мать
Во времена Лигурговой печали,
Таков был я,— не смея показать,—
- 97 При имени того, кого считали
Отцом и я, и лучшие меня,
Когда любовь так сладко воспевали.
- 100 И глух, и нем, и мысль в тиши храня,
Я долго шел, в лицо его взирая,
Но подступить не мог из-за огня.
- 103 Насытя взгляд, я молвил, что любая
Пред ним заслуга мне милей всего,
Словами клятвы в этом заверяя.

- И он мне: «От признанья твоего 106
 Я сохранил столь светлый след, что Лета
 Бессильна смыть иль омрачить его.
- Но если прямодушна клятва эта, 109
 Скажи мне: чем я для тебя так мил,
 Что речь твоя и взор полны привета?»
- «Стихами вашими,— ответ мой был.— 112
 Пока продлится то, что ныне ново,
 Нетленна будет прелесть их чернил.
- «Брат,— молвил он,— вот тот (и на другого 115
 Он пальцем указал среди огней)
 Получше был ковач родного слова.
- В стихах любви и в сказах он сильней 118
 Всех прочих; для одних глупцов погудка,
 Что Лимузинец перед ним славней.
- У них к молве, не к правде ухо чутко, 121
 И мненьем прочих каждый убежден,
 Не слушая искусства и рассудка.
- Таков для многих старых был Гвиттон, 124
 Из уст в уста единственно прославлен,
 Покуда не был многими сражен.
- Но раз тебе простор столь дивный явлен, 127
 Что ты волён к обители взойти,
 К той, где Христос игуменом поставлен,
- Там за меня из „Отче наш“ прочти 130
 Всё то, что нужно здешнему народу,
 Который в грех уже нельзя ввести».
- Затем,— быть может, чтобы дать свободу 133
 Другим идущим,— он исчез в огне,
 Подобно рыбе, уходящей в воду.
- Я подошел к указанному мне, 136
 Сказав, что вряд ли я чье имя в мире
 Так приютил бы в тайной глубине.
- Он начал так, шагая в знойном вире: 139
 «Tan m'abellis vostre cortes deman,
 Qu'ieu no me puesc ni voill a vos cobrire.

- 142 Ieu sui Arnaut, que plor e vau cantan;
Consiros vei la passada folor,
E vei jausen lo joi qu'esper, denan.
- 145 Ara vos prec, per aquella valor
Que vos guida al som de l'escalina,
Sovenha vos a temps de ma dolor!» *
- 148 И скрылся там, где скверну жжет пучина.

- * Столь дорог мне учтивый ваш привет,
Что сердце вам я рад открыть всех шире.
- 142 Здесь плачет и поет, огнем одет,
Арнальд, который видит в прошлом тьму,
Но впереди, ликуя, видит свет.
- 145 Он просит вас, затем что одному
Вам невозбранна горная вершина,
Не забывать, как тягостно ему! (*прованс.*)

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Так, чтоб ударить первыми лучами
В те страны, где его творец угас,
Меж тем как Эбро льется под Весами,
А волны в Ганге жжет полдневный час, 4
Стояло солнце; меркнул день, стораю,
Когда господень ангел встретил нас.
«Beati mundo corde!» * воспевая 7
Звучней, чем песни на земле звучны,
Он высылся вне пламени, у края.
«Святые души, вы пройти должны 10
Укус огня; идите в жгучем зное
И слушайте напев с той стороны!»
Он подал нам напутствие такое, 13
И, слыша эту речь, я стал как тот,
Кто будет в недро погружен земное.
Я, руки сжав и наклонясь вперед, 16
Смотрел в огонь, и в памяти ожили
Тела людей, которых пламя жжет.
Тогда ко мне поэты обратили 19
Свой взгляд. «Мой сын, переступи порог:
Здесь мука, но не смерть,— сказал Вергилий.—
Ты вспомни, вспомни!.. Если я помог 22
Тебе спуститься вглубь на Герионе,
Мне ль не помочь, когда к нам ближе бог?
И знай, что если б в этом жгучем лоне 25
Ты хоть тысячелетие провел,
Ты не был бы и на волос в уроне.
И если б ты проверить предпочел, 28
Что я не обманул тебя нимало,
Стань у огня и поднеси подол.

* Блаженны чистые сердцем! (лат.)

31 Отбрось, отбрось все, что твой дух сковало!
Взгляни — и шествуй смелою стопой!
А я не шел, как совесть ни взывала.

34 При виде черствой костности такой
Он, чуть смущенный, молвил: «Сын, ведь это
Стена меж Беатриче и тобой».

37 Как очи, угасавшие для света,
На имя Фисбы приоткрыл Пирам
Под тутом, ставшим кровавого цвета,

40 Так, умягчен и больше не упрям,
Я взор к нему направил молчаливый,
Услышав имя, милое мечтам.

43 А он, кивнув, сказал: «Ну как, ленивый?
Чего мы ждем?» И улыбнулся мне,
Как мальчику, прельстившемуся сливой.

46 И он передо мной исчез в огне,
Прося, чтоб Стаций третьим шел, доныне
Деливший нас в пути по крутизне.

49 Вступив, я был бы рад остыть в пучине
Кипящего стекла, настолько злей
Был непомерный зной посередине.

52 Мой добрый вождь, чтобы я шел смелей,
Вел речь о Беатриче, повторяя:
«Я словно вижу взор ее очей».

55 Нас голос вел, сквозь пламя призывая;
И, двигаясь туда, где он звенел,
Мы вышли там, где есть тропа крутая.

58 Он посреди такого света пел
«Venite, benedicti Patris mei!» *,
Что яркости мой взгляд не одолел.

61 «Уходит солнце, скоро ночь. Быстрее
Идите в гору, — он потом сказал, —
Пока закатный край не стал чернее».

* Придите, благословенные отца моего! (лат.)

- Тропа шла прямо вверх среди двух скал 64
И так, что свет последних излучений
Я пред собой у солнца отнимал;
- Преодолев немногие ступени, 67
Мы ощутили солнечный заход
Там, сзади нас, по угасанью тени.
- И прежде чем огромный небосвод 70
Так потемнел, что всё в нем стало схоже
И щедрой ночи наступил черед,
- Для нас ступени превратились в ложе, 73
Затем что горный мрак от нас унес
И мощь к подъему, и желанье тоже.
- Как, мямля жвачку, тихнет стадо коз, 76
Которое, пока не стало сыто,
Спешило вскачь с утеса на утес,
- И ждет в тени, пока жара разлита, 79
А пастырь, опершись на посошок,
Стоит вблизи, чтоб им была защита,
- И как овчар, от хижины далек, 82
С гуртом своим проводит ночь в покое,
Следя, чтоб зверь добычу не увлек;
- Так в эту пору были мы все трое, 85
Я — за козу, они — за сторожей,
Замкнутые в ущелие крутое.
- Простор был скрыт громадами камней, 88
Но над тесниной звезды мне сияли,
Светлее, чем обычно, и крупней.
- Так, полон дум и глядя в эти дали, 91
Я был охвачен сном; а часто сон
Вещает то, о чем и не гадали.
- Должно быть, в час, когда на горный склон 94
С востока Цитерея засияла,
Чей свет как бы любовью напоен,
- Мне снилось — на лугу цветы сбирала 97
Прекрасная и юная жена,
И так она, собирая, напевала:

- 100 «Чтоб всякий ведал, как я названа,
 Я — Лия, и, прекрасными руками
 Плетя венок, я здесь брожу одна.
- 103 Для зеркала я уберусь цветами;
 Сестра моя Рахиль с его стекла
 Не сводит глаз и недвижима днями.
- 106 Ей красота ее очей мила,
 Как мне — сплетенный мной убор цветочный;
 Ей любо созерцанье, мне — дела».
- 109 Но вот уже перед зарей восточной,
 Которая скитальцам тем милей,
 Чем ближе к дому их привал полночный,
- 112 Везде бежала тьма, и сон мой с ней;
 Тогда я встал с одра отдохновенья,
 Увидя вставшими учителей.
- 115 «Тот сладкий плод, который поколенья
 Тревожно ищут по стольким ветвям,
 Сегодня утолит твои томленья».
- 118 Со мною говоря, к таким словам
 Прибег Вергилий; вряд ли чья щедрота
 Была безмерней по своим дарам.
- 121 За мигом миг во мне росла охота
 Быть наверху, и словно перья крыл
 Я с каждым шагом ширил для полета.
- 124 Когда под нами весь уклон проплыл
 И мы достигли высоты конечной,
 Ко мне глаза Вергилий устремил,
- 127 Сказав: «И временный огонь, и вечный
 Ты видел, сын, и ты достиг земли,
 Где смутен взгляд мой, прежде безупречный.
- 130 Тебя мой ум и знания вели;
 Теперь своим руководись советом:
 Все кручи, все теснины мы прошли.
- 133 Вот солнце лоб твой озаряет светом;
 Вот лес, цветы и травяной ковер,
 Самовозросшие в пространстве этом.

Пока не снизошел счастливый взор	136
Той, что в слезах тогда пришла за мною, Сиди, броди — тебе во всем простор.	
Отныне уст я больше не открою;	139
Свободен, прям и здрав твой дух; во всем Судья ты сам; я над самим тобою	
Тебя венчаю митрой и венцом».	142

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

В

великой жажде обойти дозором
Господень лес, тепистый и живой,
Где новый день смягчался перед взором,
4 Я медленно от кручи круговой
Пошел нагорьем, и земля дышала
Со всех сторон цветами и травой.
7 Ласкающее веянье, нимало
Не изменяясь, мне мое чело
Как будто нежным ветром обдавало
10 И трепетную сень вершин гнело
В ту сторону, куда гора святая
Бросает тень, как только рассвело,—
13 Но всё же не настолько их сгибая,
Чтобы умолкли птички, оробев
И все свои искусства прерывая:
16 Они, ликуя посреди дерев,
Встречали песнью веянье востока
В листве, гудевшей их стихам припев,
19 Тот самый, что в ветвях растет широко,
Над взморьем Кьясси наполняя бор,
Когда Эол освободит Сирокко.
22 Я между тем так далеко простер
Мой путь сквозь древний лес, что понемногу
Со всех сторон замкнулся кругозор.
25 И вдруг поток мне преградил дорогу,
Который мелким трепетом волны
Клонил налево травы по отлогу.
28 Чистейшие из вод земной страны
Наполнены как будто мутью сорной
Пред этою, сквозной до глубины,
31 Хотя она струится черной-черной
Под вековечной тенью, для лучей
И солнечных, и лунных необорной.

- Остановясь, я перешел ручей 34
Глазами, чтобы видеть, как растенья
Разнообразны в свежести своей.
- И вот передо мной, как те явленья, 37
Когда нежданно в нас устранена
Любая дума силой удивленья,
Явилась женщина, и шла одна, 40
И пела, отбирая цвет от цвета,
Которых там пестрела пелена.
- «О женщина, чья красота согрета 43
Лучом любви, коль внешний вид не ложь,
Но сердца достоверная примета,—
Быть может, ты поближе подойдешь,— 46
Сказал я ей,— и станешь над стремниной,
Чтоб я расслышать мог, что ты поешь?
- Ты кажешься мне юной Прозерпиной, 49
Когда расстаться близился черед
Церере — с ней, ей — с вешнею долиной».
- Как чтобы в пляске сделать поворот, 52
Она, скользя сомкнутыми стопами
И мелким шагом двигаясь вперед,
Меж алыми и желтыми цветами 55
К моей оборотилась стороне
С девически склоненными глазами;
- И мой призыв был утолен вполне, 58
Когда она так близко подступила,
Что смысл напева долетал ко мне.
- Придя туда, где побережье было 61
Уже омыто дивною рекой,
Открытый взор она мне подарила.
- Едва ли мог струиться блеск такой 64
Из-под ресниц Венеры, уязвленной
Негаданно сыновнею рукой.
- Среди травы, волнами орошенной, 67
Она, смеясь, готовила венок,
Без семени на высоте рожденный.

- 70 На три шага нас разделял поток;
Но Геллеспонт, где Ксеркс познал невзгоду,
Людской гордыне навсегда урок,
73 Леандру был милее в непогоду,
Когда он плыл из Абидоса в Сест,
Чем мне — вот этот, не разъявший воду.
76 «Вы внове здесь; мой смех среди этих мест,
Где людям был приют от всех несчастий,—
Так начала она, взглянув окрест,—
79 Мог удивить вас и смутить отчасти;
Но ум ваш озарится светом дня,
Вникая в псалмопенье „Delectasti“*.
82 Ты, впереди, который звал меня,
Спроси, что хочешь; я на всё готова
Подать ответ, всё точно изъясня». —
85 «Вода и шум лесной, — сказал я снова, —
Колеблют то, что моему уму
Внушило слышанное прежде слово». —
88 На что она: «Сомненью твоему
Я их причину до конца раскрою
И сжавшую тебя рассею тьму.
91 Творец всех благ, довольный лишь собою,
Ввел человека добрым, для добра,
Сюда, в преддверье к вечному покою.
94 Виною людей пресекалась та пора,
И превратились в боль и в плач по старом
Безгрешный смех и сладкая игра.
97 Чтоб смуты, порождаемые паром,
Который от воды и от земли
Идет, по мере силы, вслед за жаром,
100 Тревожить человека не могли,
Гора вздыбилась так, что их не знает
Над уровнем ворот, где вы вошли.

* Ты возвеселил (лат.).

- Но так как с первой твердью круг свершает 103
Весь воздух, если воздуху вразрез
Какой-либо заслон не возникает,
То здесь, в чистейшей высоте небес, 106
Его круговорот дерева клонит
И наполняет шумом частый лес.
Растение, которое он тронет, 109
Ему вверяет долю сил своих,
И он, кружа, ее вдали уронит;
Так в дальних землях, если свойства их 112
Иль их небес пригодны, возникая,
Восходит много отпрысков живых.
И там бы не дивились, это зная, 115
Тому, что иногда ростки растут,
Без видимого семени вставая.
И знай про этот дивный лес, что тут 118
Земля богата всяческою силой
И есть плоды, которых там не рвут.
И этот вот поток рожден не жилой, 121
В которой охладелый пар скоплен
И вдаль течет, то буйный, то унылый;
Его источник прочен и силен 124
И черплет от господних изволений
Всё, что он льет, открытый с двух сторон.
Струясь сюда — он память согрешений 127
Снимает у людей; струясь туда —
Дарует память всех благих свершений.
Здесь — Лета; там — Эвноя; но всегда 130
И здесь, и там сперва отведать надо,
Чтоб оказалась действенной вода.
В ее вкушенье — высшая услада. 133
Хоть, может быть, ты жажду утолил
Услышанным, но я была бы рада,
Чтоб ты в подарок вывод получил; 136
Тебе он не обещан, но едва ли
От этого он станет меньше мил.

- 139 Те, что в стихах когда-то воспевали
 Былых людей и золотой их век,
 Быть может, здесь в парнасских снах витали:
- 142 Здесь был невинен первый человек,
 Здесь вечный май, в плодах, как поздним летом,
 И нектар — это воды здешних рек».
- 145 Я обратил лицо к моим поэтам
 И здесь улыбку их упомяну,
 Мелькнувшую при утверждении этом;
- 148 Потом взглянул на дивную жену.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

К

ак бы любовной негою объята,
Окончив речь, она запела так:
«Beati, quorum tecta sunt peccata!» *
Как нимфы направляли легкий шаг, 4
Совсем одни, сквозь тень лесов, желая:
Та — видеть солнце, та — уйти во мрак,—
Она пошла вверх по реке, ступая 7
Вдоль берега; я — также, к ней плечом
И поступь с мелкой постушью ровняя.
Мы, ста шагов не насчитав вдвоем, 10
Дошли туда, где русло загибалось,
И я к востоку повернул лицом.
Здесь мы пройти успели столь же мало, 13
Когда она, всем телом обратясь:
«Мой брат, смотри и слушай!» — мне сказала.
И вдруг лесная глубина зажглась 16
Блистаньем неожиданного света,
Как молнией внезапно озарясь;
Но молния, сверкнув, исчезнет где-то, 19
А этот свет, возникнув, возрастал,
Так что я в мыслях говорил: «Что это?»
Каким-то нежным звуком зазвучал 22
Лучистый воздух; скорбно и сурово
Я дерзновенье Евы осуждал:
Земля и твердь блюли господне слово, 25
А женщина, одна, чуть создана,
Не захотела потерпеть покровы;
Пребудь под ним покорною она, 28
Была бы радость несказанных сеней
И раньше мной, и дольше вкушена.

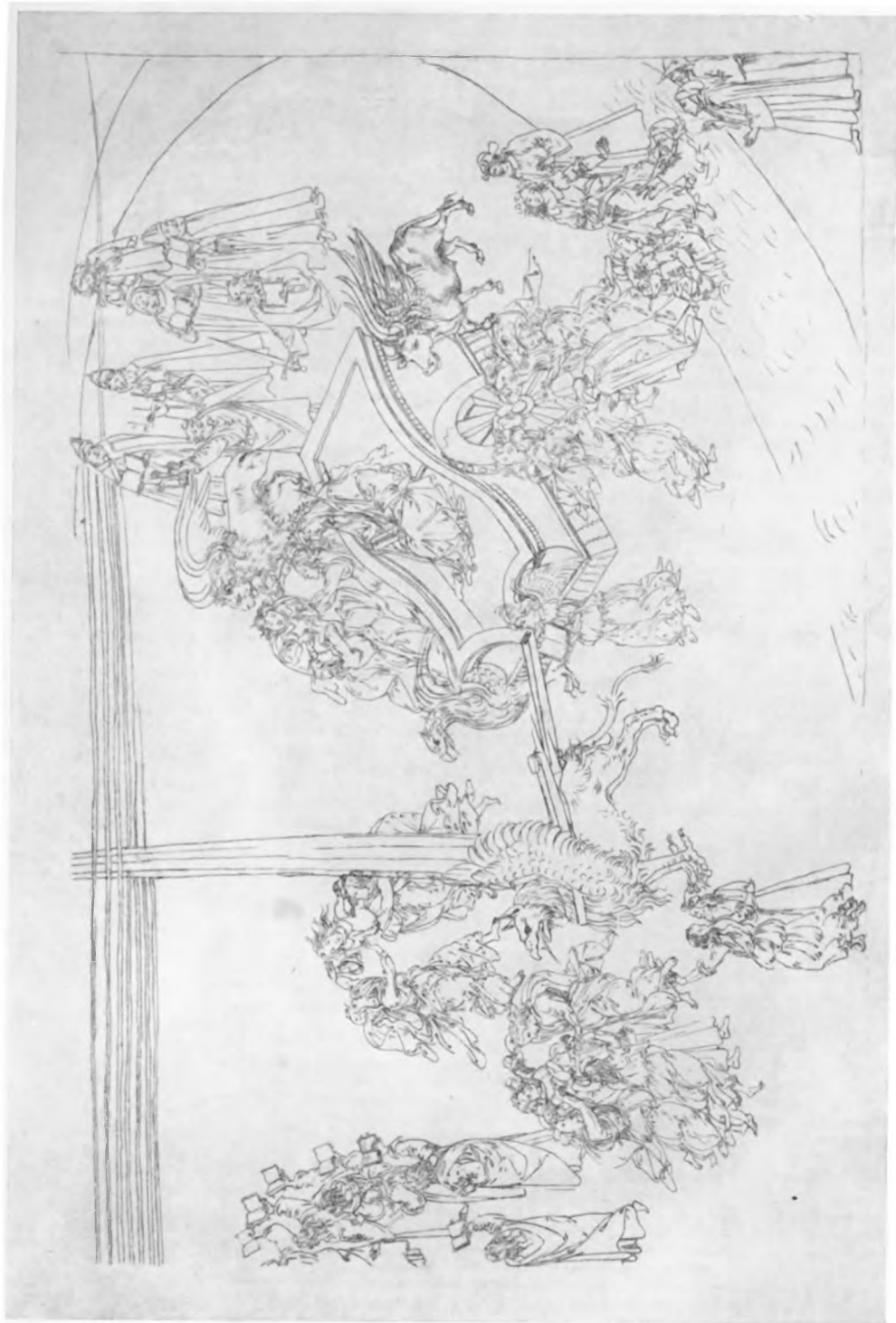
* Блаженны, чьи грехи покрыты! (лат.)

- 31 Пока я шел средь стольких предварений
Всевечной неги, мыслью оробев
И жаждающая всё больших упоений,
34 Пред нами воздух под листвою дерев
Стал словно пламень, осяяв дубраву,
И сладкий звук переходил в напев.
37 Сонм дев священных, если вам во славу
Я ведал голод, стужу, скудный сон,
Себе награды я прошу по праву.
40 Пусть для меня прольется Геликон,
И да внушат мне Урания с хором
Стихи о том, чем самый ум смущен.
43 Вдали, за искажающим простором,
Который от меня их отделял,
Семь золотых дерев являлись взорам;
46 Когда ж я к ним настолько близок стал,
Что мнящийся предмет, для чувств обманней,
Отдельных свойств за далью не терял,
49 То дар, уму для различенья данный,
Светильники признал в седмице той,
А пенье голосов признал «Осанной».
52 Светлей пылал верхами чудный строй,
Чем полночью в просторах тверди ясной
Пылает полный месяц над землей.
55 Я в изумленье бросил взгляд напрасный
Вергилию, и мне ответил он
Таким же взглядом, как и я — безгласней.
58 Мой взор был снова к дивам обращен,
Всё надвигавшимся в строю широком
Медлительнее новобрачных жен.
61 «Ты что ж, — сказала женщина с упреком, —
Горящий взгляд стремишь к живым огням,
А что за пими — не окинешь оком?»
64 И я увидел: вслед, как вслед вождям,
Чреда людей, вся в белом, выступала,
И белизны такой не ведать нам.

- Вода налево от меня сверкала 67
И возвращала мне мой левый бок,
Едва я озирался,— как зеркало.
- Когда я был настолько недалек, 70
Что мы всего лишь речкой разделялись,
Я шаг прервал и лучше видеть мог.
- А огоньки всё ближе надвигались, 73
И, словно кистию проведены,
За ними волны, крася воздух, стлались;
- Все семь полос, отчетливо видны, 76
Напоминали яркими цветами
Лук солнца или перевязь луны.
- Длину всех этих стягов я глазами 79
Не озирал; меж крайними просвет
Измерился бы десятью шагами.
- Под чудной сенью шло двенадцать чет 82
Маститых старцев, двигаясь степенно,
И каждого венчал лилейный цвет.
- Все воспевали песнь: «Благословенна 85
Ты в дочерях Адама, и светла
Краса твоя и навсегда нетленна!»
- Когда череда избранная прошла 88
И свежую траву освободила,
Которою та сторона цвела,—
- Как вслед светилам вставшие светила, 91
Четыре зверя взор мой различил.
Их лбы листва зеленая обвила;
- У каждого — шесть оперенных крыл; 94
Крыла — полны очей; я лишь означу,
Что так смотрел бы Аргус, если б жил.
- Чтоб начертать их облик, я не трачу 97
Стихов, читатель; непосильно мне
При щедрости исполнить всю задачу.
- Прочти Езекииля; он вполне 100
Их описал, от северного края
Идущих в ветре, в туче и в огне.

- 103 Как на его листах, совсем такая
Наружность их; в одной лишь из статей
Я с Иоанном — крылья исчисляя.
- 106 Двуклоая, меж четырех зверей
Победная повозка возвышалась,
И впряженный Грифон шел перед ней.
- 109 Он крылья так держал, что отделялась
Срединная от трех и трех полос,
И ни одна разъятьем не ломалась.
- 112 К вершинам крыл я тщетно взгляд вознес;
Он был золототел, где он был птицей,
А в остальном — как смесь лилей и роз.
- 115 Не то, чтоб Август равной колесницей
Не тешил Рима, или Сципион, —
Сам выезд Солнца был бедней сторипей,
- 118 Тот выезд Солнца, что упал, спален,
Когда Земля взмолилася в печали
И Дий творил свой праведный закон.
- 121 У правой ступицы, кружа, плясали
Три женщины; одна — совсем ала;
Ее в огне с трудом бы распознали;
- 124 Другая словно создана была
Из плоти, даже кости, изумрудной;
И третья — как недавний снег бела.
- 127 То белая вела их в пляске чудной,
То алая, чья песнь у всех зараз
То легкой поступь делала, то трудной.
- 130 А слева — четверо вели свой пляс,
Одеты в пурпур, повинуюсь ладу
Одной из них, имевшей третий глаз.
- 133 За этим сонмищем предстали взгляду
Два старца, сходных обликом благим
И твердым, но несходных по наряду;
- 136 Так, одного питомцем бы своим
Счел Гипшократ, природой сотворенный
На благо самым милым ей живым;

Обратною заботой поглощенный,	139
Второй сверкал столь режущим мечом, Что я глядел чрез реку, уstraшенный.	
Прошли смиренных четверо потом;	142
И одинокий старец, вслед за ними, Ступал во сне, с провидящим челом.	
Все семь от первых ризами своими	145
Не отличались; но взамен лилей Венчали розы наравне с другими	
Багряными цветами снег кудрей;	148
Далекий взор клялся бы, что их лица Огнем пылают кверху от бровей.	
Когда со мной ровнялась колесница,	151
Раздался гром; и, словно возбранен Был дальше ход, святая вереница	
Остановилась позади знамен.	154

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

Когда небес верховных семизвездье,
Чьей славе чужд закат или восход
И мгла иная, чем вины возмездье,
4 Всем указуя должных дел черед,
 Как указывает нижнее деснице
 Того, кто судно к пристани ведет,
7 Остановилось,— шедший в веренице,
 Перед Грифоном, праведный собор
 С отрадой обратился к колеснице;
10 Один, подъявля вдохновенный взор,
 Спел: «Veni, sponsa, de Libano, veni!» * —
 Воззвав трикраты, и за ним весь хор.
13 Как сонм блаженных из могильной сени,
 Спеша, восстанет на призывный звук,
 В земной плоти, воскресшей для хвалений,
16 Так над небесной колесницей вдруг
 Возникло сто, ad vocem tanti senis,
 Всевечной жизни вестников и слуг.
19 И каждый пел: «Benedictus qui venis!» ** —
 И, рассыпая вверх и вокруг цветы,
 Звал: «Manibus o date lilia plenis!» ***
22 Как иногда багрянцем залиты
 В начале утра области востока,
 А небеса прекрасны и чисты,
25 И солнца лик, поднявшись невысоко,
 Настолько застлан мягкостью паров,
 Что на него спокойно смотрит око,—
28 Так в легкой туче ангельских цветов,
 Взлетавших и свергавшихся обвалом
 На дивный воз и вне его краев,

* Гряди, невеста, с Ливана, гряди! (лат.)

** Благословен грядущий! (лат.)

*** Дайте лилий полными горстями! (лат.)

- В венке олив, под белым покрывалом, 31
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огнеалом.
- И дух мой,— хоть умчались времена, 34
Когда его ввергала в содроганье
Одним своим присутствием она,
А здесь неполным было созерцанье,— 37
Пред тайной силой, шедшей от нее,
Былой любви изведал обаянье.
- Едва в лицо ударила мое 40
Та сила, чье, став отроком, я вскоре
Разящее почувял острие,
- Я глянул влево,— с той мольбой во взоре, 43
С какой ребенок ищет мать свою
И к ней бежит в испуге или в горе,—
- Сказать Вергилию: «Всю кровь мою 46
Пронизывает трепет несказанный:
Следы огня былого узнаю!»
- Но мой Вергилий в этот миг неожиданный 49
Исчез, Вергилий, мой отец и вождь,
Вергилий, мне для избавленья данный.
- Все чудеса запретных Еве роц 52
Омытого росой не оградили
От слез, пролившихся как черный дождь.
- «Дант, оттого что отошел Вергилий, 55
Не плачь, не плачь еще; не этот меч
Тебе для плача жребии судили».
- Как адмирал, чтобы людей увлечь 58
На кораблях воинственной станицы,
То с носа, то с кормы к ним держит речь,
- Такой, над левым краем колесницы, 61
Чуть я взглянул при имени своем,
Здесь поневоле вписанном в страницы,
- Возникшая с завешенным челом 64
Средь ангельского праздника — стояла,
Ко мне чрез реку обратясь лицом.

17 Хотя опущенное покрывало,
Окружено Минервиной листвою,
Ее открыто видеть не давало,
70 Но, с царственно взнесенной головой,
Она промолвила, храня обличье
Того, кто гнев удерживает свой:
73 «Взгляни смелей! Да, да, я — Беатриче.
Как соизволил ты взойти сюда,
Где обитают счастье и величье?»
76 Глаза к ручью склонил я, но когда
Себя увидел, то, не молвив слова,
К траве отвел их, не стерпев стыда.
79 Так мать грозна для сына молодого,
Как мне она казалась в гневе том:
Горька любовь, когда она сурова.
82 Она умолкла; ангелы кругом
Запели: «In te, Domine, speravi» *,
На «pedes meos» ** завершив псалом.
85 Как леденеет снег в живой дубраве,
Когда, славонским ветром остужен,
Хребет Италии сжат в мерзлом сплаве,
88 И как он сам собою поглощен,
Едва дохнет земля, где гибнут тени,
И кажется — то воск огнем спален, —
91 Таков был я, без слез и сокрушений,
До песни тех, которые поют
Вослед созвучьям вековечных сеней;
94 Но чуть я понял, что они зовут
Простить меня, усердней, чем словами:
«О госпожа, зачем так строг твой суд!», —
97 Лед, сердце мне сжимавший как тисками,
Стал влагой и дыханьем и, томясь,
Покинул грудь глазами и устами.

* На тебя, господь, уповаю (лат.).

** Мои ноги (лат.).

- Она, всё той же стороны держась 100
На колеснице, вняв моленья эти,
Так, речь начав, на них отозвалась:
«Вы бодрствуете в вековечном свете; 103
Ни ночь, ни сон не затмевают вам
Неутомимой поступи столетий;
И мой ответ скорей тому, кто там 106
Сейчас стоит и слезы льет безгласно,
И скорбь да соразмерится делам.
Не только силой горних кругов, властно 109
Велящих семени дать должный плод,
Чему расположенье звезд причастно,
Но милостью божественных щедрот, 112
Чья дождевая туча так поднята,
Что до нее наш взор не досягнет,
Он в новой жизни был таков когда-то, 115
Что мог свои дары, с теченьем дней,
Осуществить невиданно богато.
Но тем дичей земля и тем вредней, 118
Когда в ней плевел сеять понемногу,
Чем больше силы почвенной у ней.
Была пора, он находил подмогу 121
В моем лице; я взором молодым
Вела его на верную дорогу.
Но чуть я, между первым и вторым 124
Из возрастов, от жизни отлетела,—
Меня покинув, он ушел к другим.
Когда я к духу вознеслась от тела 127
И силой возросла и красотой,
Его душа к любимой охладела.
Он устремил шаги дурной стезей, 130
К обманным благам, ложным изначала,
Чьи обещанья — лишь посул пустой.
Напрасно я во снах к нему взывала 133
И наяву, чтоб с ложного следа
Вернуть его: он не скорбел нимало.

136 **Так глубока была его беда,**
 Что дать ему спасенье можно было
 Лишь зрелищем погибших навсегда.
139 **И я ворота мертвых посетила,**
 Проя, в тоске, чтобы ему помог
 Тот, чья рука его сюда взводила.
142 **То было бы нарушить божий рок —**
 Пройти сквозь Лету и вкусить губами
 Такую снесь, не заплатив оброк
145 **Раскаянья, обильного слезами».**

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Т

ы, ставший у священного потока,—
Так, речь ко мне направив острием,
Хоть было уж и лезвие жестоко,
Она тотчас же начала потом,— 4
Скажи, скажи, права ли я! Признаний
Мои улики требуют во всем». 7
Я был так слаб от внутренних терзаний,
Что голос мой, поднявшийся со дна,
Угас, еще не выйдя из гортани.
Пождав: «Ты что же? — молвила она.— 10
Ответь мне! Память о годах печали
В тебе волной еще не сметена». 13
Страх и смущенье, горше, чем вначале,
Исторгли из меня такое «да»,
Что лишь глаза его бы распознали.
Как самострел ломается, когда 16
Натянут слишком, и полет пологий
Его стрелы не причинит вреда,
Так я не вынес бремени тревоги, 19
И ослабевший голос мой затих,
В слезах и вздохах, посреди дороги.
Она сказала: «На путях моих, 22
Руководимый помыслом о благе,
Взыскуемом превыше всех других,
Скажи, какие цепи иль овраги 25
Ты повстречал, что мужеством иссяк
И к одолению не нашел отваги?
Какие на челе у прочих благ 28
Увидел чары и слова обета,
Что им навстречу устремил свой шаг?»
Я горьким вздохом встретил слово это 31
И, голос мой усилием подчиня,
С трудом раздвинул губы для ответа.

- 34 Потом, в слезах: «Обманчиво маня,
 Мои шаги влекла тщета земная,
 Когда ваш облик скрылся от меня».
- 37 И мне она: «Таясь иль отрицая,
 Ты обмануть не мог бы Судию,
 Который судит, все деянья зная.
- 40 Но если кто признал вину свою
 Своим же ртом, то на суде точило
 Вращается навстречу лезвею.
- 43 И всё же, чтоб тебе стыднее было,
 Заблудшему, и чтоб тебя опять,
 Как прежде, песнь сирен не обольстила,
- 46 Не сея слез, внимай мне, чтоб узнать,
 Куда мой образ, ставший горстью пыли,
 Твои шаги был должен направлять.
- 49 Природа и искусство не дарили
 Тебе вовек прекраснее услад,
 Чем облик мой, распавшийся в могиле.
- 52 Раз ты лишился высшей из отрад
 С моею смертью, что же в смертной доле
 Еще могло к себе привлечь твой взгляд?
- 55 Ты должен был при первом же уколе
 Того, что бrenно, устремить полет
 Вослед за мной, не бrenной, как дотолле.
- 58 Не надо было брать на крылья гнет,
 Чтоб снова пострадать,— будь то девочка
 Иль прочий вздор, который миг живет.
- 61 Раз, два страдает молодая птичка;
 А оперившихся и зорких птиц
 От стрел и сети бережет привычка».
- 64 Как малыши, глаза потупив ниц,
 Стоят и слушают, и, сознавая
 Свою вину, не поднимают лиц,
- 67 Так я стоял. «Хоть ты скорбишь, внимая,
 Вскинь бороду,— она сказала мне.—
 Ты больше скорби вынесешь, взирая».

- Крушится легче дуб на кругизне 70
 Под ветром, налетевшим с полуночи
 Или рожденным в Ярбиной стране,
 Чем поднял я на зов чело и очи; 73
 И, бороду взамен лица назвав,
 Она отраву сделала жесточе.
 Когда я каждый распрямил сустав, 76
 Глаз различил, что первенцы творенья
 Дождем цветов не окропляют трав;
 И я увидел, полн еще смятенья, 79
 Что Беатриче взоры навела
 На Зверя, слившего два воплощенья.
 Хоть за рекой и не открыв чела, — 82
 Она себя былую побеждала
 Мощнее, чем других, когда жила.
 Крапива скорби так меня сжигала, 85
 Что, чем сильнее я что-либо любил,
 Тем ненавистней это мне предстало.
 Такой укор мне сердце укусил, 88
 Что я упал; что делалось со мною,
 То знает та, кем я повержен был.
 Обретши силы в сердце, над собою 91
 Я увидал сплетавшую венки
 И услышал: «Держись, держись рукою!»
 Меня, по горло погрузя в поток, 94
 Она влекла и легкими стопами
 Поверх воды скользила, как челнок.
 Когда блаженный берег был над нами, 97
 «Asperges me» * — так нежно раздалось,
 Что мне не вспомнить, не сказать словами.
 Меж тем она, взметнув ладони врозь, 100
 Склонилась надо мной ■ погрузила
 Мне голову, так что глотнуть пришлось.

* Окропи меня (лат.).

- 103 Потом, омытым влагой, поместила
 Меж четверых красавиц в хоровод,
 И каждая меня рукой укрыла.
- 106 «Мы нимфы — здесь, мы — звезды в тьме высот;
 Лик Беатриче не был миру явлен,
 Когда служить ей мы пришли вперед.
- 109 Ты будешь нами перед ней поставлен;
 Но вникнешь в свет ее отрадных глаз
 Среди тех трех, чей взор острее направлен».
- 112 Так мне они пропели; и тотчас
 Мы перед грудью у Грифона стали,
 Имея Беатриче против нас.
- 115 «Не береги очей, — они сказали. —
 Вот изумруды, те, что с давних пор
 Оружием любви тебя сражали».
- 118 Сто сот желаний, жарче, чем костер,
 Вонзили взгляд мой в очи Беатриче,
 Всё на Грифона устремлявшей взор.
- 121 Как солнце в зеркале, в таком величье
 Двусущный Зверь в их глубине сиял,
 То вдруг в одном, то вдруг в другом обличье.
- 124 Суди, читатель, как мой ум блуждал,
 Когда предмет стоял неизменный,
 А в отраженье облик изменял.
- 127 Пока, ликующий и изумленный,
 Мой дух не мог насытиться едой,
 Которой алчет голод утоленный, —
- 130 Отмеченные высшей красотой,
 Три остальные, распевая хором,
 Ко мне свой пляс приблизили святой.
- 133 «Взгляни, о Беатриче, дивным взором
 На верного, — звучала песня та, —
 Пришедшего по кручам и просторам!
- 136 Даруй нам милость и твой уста
 Разоблачи, чтобы твоя вторая
 Ему была открыта красота!»

О света вечного краса живая,	139
Кто так исчах и побледнел без сна	
В тени Парнасса, струй его вкушая,	
Чтоб мысль его и речь была властна	142
Изобразить, какую ты явилась,	
Гармонией небес осенена,	
Когда в свободном воздухе открылась?	145

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Мои глаза так алчно утоляли
Десятилетней жажды жгучий зной,
Что все другие чувства мертвы стали;
4 Взор здесь и там был огражден стеной
Невнятия, влекомый неуклонно
В былую сеть улыбкой неземной;
7 Но влево отклонился принужденно,
Когда из уст богинь, стоявших там,
Раздалось слово: «Слишком напряженно!»
10 Упадок зренья, свойственный глазам,
В которых солнце свежее отразилось,
Меня на время приобщил к слепцам;
13 Когда же с малым зреньем вновь сроднилось
(Я молвлю «с малым», мысля о большом,
С которым ощущение разлучилось),
16 Я видел — вправо повернув плечом,
Святое войско шло стезей возвратной,
С седмицей свеч и с солнцем пред челом.
19 Как, оградив себя щитами, ратный
Заходит строй, за стягом идя вспять,
Пока порядок не создаст обратный,—
22 Так стран небесных головная рать
Вся перед нами прежде растянулась,
Чем колесница стала загигать.
25 Из женщины каждая к оси вернулась.
И благодатный груз повлек Грифон,
Но ни перо на нем не шелохнулось.
28 Та, кем я был сквозь воду проведен,
И я, и Стаций шли с руки, где круче
Колесный след в загиге закруглен.
31 Так, через лес, пустынный и дремучий
С тех пор, как змею женщина вняла,
Мы шли под голос ангельских созвучий.

- Насколько трижды пролетит стрела, 34
Настолько удалясь, мы шаг прервали,
И Беатриче на землю сошла.
- Тогда «Адам!» все тихо пророптали 37
И обступили древо, чьих ветвей
Ни листья, ни цветы не украшали.
- Его намет, чем выше, тем мощней 40
И вправо расширявшийся, и влево,
Дивил бы индов высотой своей.
- «Хвала тебе, Грифон, за то, что древа 43
Не ранишь клювом; вкус отраден в нем,
Но горькие терзанья терпит чрево»,—
- Вскричали прочие, обстав кругом 46
Могучий ствол; и Зверь двоерожденный:
«Так семя всякой правды соблюдаем».
- И, к дышлу колесницы обращенный, 49
Он к сирой ветви сам его привлек,
Связав их вязью, из нее сплетенной.
- Как наши поросли, когда поток 52
Большого света смешан с тем, который
Вслед за ельцом небесным ждет свой срок,
- Пестро рядятся в свежие уборы, 55
Пока еще не под другой звездой
Коней для Солнца запрягают Оры,—
- Так в цвет, светлей фиалки полевой 58
И гуще розы, облеклось растение,
Где прежде каждый сук был неживой.
- Я не постиг нездешнее хваленье, 61
Которое весь сонм их возгласил,
И не дослушал до конца их пенье.
- Умей я начертать, как усыпил 64
Сказ о Сиринге очи стражу злomu,
Который бденье дорого купил,
- Я, подражая образцу такому, 67
Живописал бы, как ввергался в сон;
Но пусть искуснейший опишет дрему.

- 70 А я скажу, как я был пробужден
И полог сна раздрали блеск мгновенный
И возглас: «Встань же! Чем ты усыплен?»
- 73 Как, цвет увидев яблони священной,
Чьим брачным пиром небеса полны
И чьи плоды бесплотным вожделенны,
- 76 Петр, Иоанн и Яков, сражены
Бесчувствием, очнулись от глагола,
Который разрушал и глубже сны,
- 79 И видели, что лишена их школа
Уже и Моисея, и Ильи,
И на учителе другая стола,—
- 82 Так я очнулся, в смутном забытии
Увидев над собой при этом кличе
Ту, что вдоль струй вела шаги мои.
- 85 В смятенье, я сказал: «Где Беатриче?»
И та: «Она воссела у корней
Листвы, обретшей новое величье.
- 88 Взгляни на круг приблизившихся к ней;
Другие ввысь восходят за Грифоном,
И песня их и глубже, и звучней».
- 91 Звенела ль эта речь дальнейшим звоном,
Не знаю, ибо мне была видна
Та, что мой слух заставила заслоном.
- 94 Она сидела на земле, одна,
Как если б воз, который Зверь двучастный
Связал с растением, стерегла она.
- 97 Окрест нее смыкали круг прекрасный
Семь нимф, держа огней священный строй,
Над коим Австр и Аквилон не властны.
- 100 «Ты здесь на краткий срок в сени лесной,
Дабы затем навек, среди граждан Рима,
Где римлянин — Христос, пребыть со мной.
- 103 Для пользы мира, где добро гонимо,
Смотри на колесницу и потом
Всё опиши, что взору было зримо».

- Так Беатриче; я же, весь во всем 106.
К стопам ее велений преклоненный,
Возрел послушно взором и умом.
- Не падает столь быстро устремленный 109
Огонь из тучи плотной, чьи пласты
Скопились в сфере самой отдаленной,
Как птица Дия пала с высоты 112
Вдоль дерева, кору его терзая,
А не одну лишь зелень и цветы,
И, в колесницу мощно ударяя, 115
Ее качнула; так, с боков хлеща,
Раскачивает судно зыбь морская.
- Потом я видел, как, вскочить ища, 118.
Кралась лиса к повозке величавой,
Без доброй снеди до костей тоща.
- Но, услышав, какой постыдной славой 121
Ее моя корила госпожа,
Она умчала остов худощавый.
- Потом, я видел, прежний путь держа, 124.
Орел спустился к колеснице снова
И оперил ее, над ней кружа.
- Как бы из сердца, горестью больного, 127.
С небес ниспешший голос произнес:
«О челн мой, полный бремени дурного!»
- Потом земля разверзлась меж колес, 130.
И видел я, как вышел из провала
Дракон, хвостом пронзая снизу воз;
- Он, как оса, вбирающая жало, 133
Согнул зловредный хвост и за собой
Увлек часть днища, утоленный мало.
- Остаток, словно тучный луг — травой, 136
Оделся перьями, во имя цели,
Быть может, даже здоровой и благой
- Подаренными, и они одели 139.
И дышло, и колеса по бокам,
Так, что уста вздохнуть бы не успели.

- 142 Преображенный так, священный храм
Явил семь глав над опереньем птичьим:
Вдоль дышла — три, четыре — по углам.
- 145 Три первые уподоблялись бычьим,
У прочих был единый рог в челе;
В мир не являлся зверь, странней обличьем.
- 148 Уверенно, как башня на скале,
На нем блудница наглая сидела,
Кругом глазами рыща по земле;
- 151 С ней рядом стал гигант, чтобы не смела
Ничья рука похитить этот клад;
И оба целовались то и дело.
- 154 Едва она живой и жадный взгляд
Ко мне метнула, друг ее сердитый
Ее стегнул от головы до пят.
- 157 Потом, исполнен злобы ядовитой,
Он отвязал чудовище и в лес
Его повлек, где, как щитом укрытый,
- 160 С блудницей зверь невиданный исчез.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Deus, venerunt gentes» *,— то четыре,
То три жены, та череда и та,
Сквозь слезы стали петь стихи Псалтири.
И Беатриче, скорбью повита, 4
Внимала им, подобная в печали,
Быть может, лишь Марии у креста.
Когда же те простор для речи дали, 7
Сказала, вспыхнув, как огонь во тьме,
И встав, и так слова ее звучали:
«Modicum, et non videbitis me; 10
Et iterum, любимые сестрицы,
Modicum, et vos videbitis me» **. 13
И, двинувшись в предшествии седмицы,
Мне, женщине и мудрецу — за ней
Идти велела манием десницы. 16
И ранее, чем на стезе своей
Она десятый шаг свой опустила,
Мне хлынул в очи свет ее очей.
«Иди быстрее,— она проговорила, 19
Спокойное обличие храня,—
Чтобы тебе удобней слушать было». 22
Я подошел, по ней мой шаг равня;
Она сказала: «Брат мой, почему бы
Тебе сейчас не расспросить меня?» 25
Как те, кому мешаает страх сугубый
Со старшими свободно речь вести,
И голос их едва идет сквозь зубы,
Так, полный звук не в силах обрести, 28
«О госпожа,— ответил я, смущенный,—
То, что мне нужно, легче вам найти».

* Боже, пришли язычники (лат.).

** Вскоре вы не увидите меня, и опять вскоре увидите меня (лат.).

- 31 Она на это: «Пусть твой дух стесненный
Боязнь и стыд освободят от пут,
Так чтобы ты не говорил, как сонный.
- 34 Знай, что порушенный змеей сосуд
Был и не стал; но от судьи вселенной
Вино и хлеб злодея не спасут.
- 37 Еще придет преемник предреченный
Орла, чьи перья, в колесницу пав,
Ее уродом сделали и пленной.
- 40 Я говорю, провиденьем познав,
Что вот уже и звезды у порога,
Не знающие никаких застав,
- 43 Когда Пятьсот Пятнадцать, вестник бога,
Воровку и гиганта истребит
За то, что оба согрешали много.
- 46 И если эта речь моя гласит,
Как Сфинга и Фемида, темным складом,
И смысл ее от разума сокрыт,—
- 49 Событья уподобятся Наядам
И трудную загадку разрешат,
Но будет мир над нивой и над стадом.
- 52 Следи; и точно, как они звучат,
Мои слова запомни для наказа
Живым, чья жизнь — лишь путь до смертных врат.
- 55 И при писанье своего рассказа
Не скрой, каким растение ты нашел,
Ограбленное здесь уже два раза.
- 58 Кто грабит ветви иль терзает ствол,
Повинен в богохульственной крамоле:
Бог для себя святыню их возвел.
- 61 Грызнув его, пять тысяч лет и доле
Ждала в мученьях первая душа,
Чтоб грех избыл другой, по доброй воле.
- 64 Спит разум твой, размыслить не спеша,
Что неспроста оно внеслось так круто,
Таким наметом стебель заверша.

- Не будь твое сознание замкнуто, 67
Как в струи Эльсы, в помыслы сует,
Не будь их прелесть — как Пирам для тута,
Ты, по наличью этих лишь примет, 70
Постиг бы нравственно, сколь правосудно
Господь на древо наложил запрет.
Но так как ты,— мне угадать нетрудно,— 73
Окаменел и потускнел умом
И свет моих речей приемлешь скудно,
Хочу, чтоб ты в себе их нес потом, 76
Подобно хоть не книге, а картине,
Как жезл приносят с пальмовым листом».
И я: «Как отгиск в воске или глине, 79
Который принял неизменный вид,
Мой разум вашу речь хранит отныне.
Но для чего в такой дали парит 82
Ваш долгожданный голос, и чем боле
К нему я рвусь, тем дальше он звучит?»
«Чтоб ты постиг,— сказала,— что за школе 85
Ты следовал, и видел, можно ль ей
Познать сокрытое в моем глаголе;
И видел, что до божеских путей 88
Вам так далеко, как земному краю
До неба, мчащегося всех быстрей».
На что я молвил: «Я не вспоминаю, 91
Чтоб я когда-либо чуждался вас,
И в этом я себя не упрекаю».
Она же: «Если ты на этот раз 94
Забыл,— и улыбнулась еле зримо,—
То вспомни, как ты Лету пил сейчас;
Как судят об огне по клубам дыма, 97
Само твое забвенье — приговор
Виновной воле, устремленной мимо.
Но говорить с тобою с этих пор 100
Я буду обнаженными словами,
Чтобы их видеть мог твой грубый взор».

- 103 Всё ярче, замедленными шагами,
 Вступало солнце в полудённый круг,
 Который создан нашими глазами,
106 Когда в пути остановились вдруг,—
 Как проводник, который полн сомнений,
 Увидев незнакомое вокруг,—
109 Семь жен у выхода из бледной тени,
 Какую в Альпах стелет вдоль ручья
 Вязь черных веток и зеленой сени.
112 Там растекались,— мог бы думать я,—
 Тигр и Евфрат из одного истока,
 Лениво разлучаясь, как друзья.
115 «О светоч смертных, блещущий высоко,
 Что это за раздвоенный поток,
 Сам от себя стремящийся далеко?»
118 На что сказали так: «Тебе урок
 Подаст Мательда». И, путем ответа
 Как бы желая отвести упрек,
121 Прекрасная сказала: «И про это,
 И про иное с ним я речь вела,
 И не могла ее похитить Лета».
124 И Беатриче: «Больших мыслей мгла,
 Ложась на память пеленою,
 Ему, быть может, ум заволокла.
127 Но видишь льющуюся там Эвною:
 Сведи его и сделай, как всегда,
 Угаснувшую силу вновь живою».
130 Как избранные души без труда
 Желанное другим желают сами,
 Лишь только есть малейшая нужда,
133 Так, до меня дотронувшись перстами,
 Она пошла и на учтивый лад
 Сказала Стацию: «Ты следуй с нами».
136 Не будь, читатель, у меня преград
 Писать еще, я бы воспел хоть мало
 Питье, чью сладость вечно пить бы рад;

Но так как счет положен изначала	139
Страницам этой кáнтики второй, Узда искусства здесь меня сдержала.	
Я шел назад, священной волной	142
Воссоздан так, как жизненная сила Живит растенья зеленью живой, Чист и достоин посетить светила.	145

РАИ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

учи того, кто движет мирозданье,
Всё проникают славой и струят
Где — большее, где — меньшее сиянье.
Я в тверди был, где свет их восприял 4
Всего полней; но вел бы речь напрасно
О виденном вернувшийся назад;
Затем что, близясь к чаемому страстно, 7
Наш ум к такой нисходит глубине,
Что память вслед за ним идти не властна.
Однако то, что о святой стране 10
Я мог скопить, в душе оберегая,
Предметом песни воспослужит мне.
О Аполлон, последний труд свершая, 13
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя.

16 Мне из зубцов Парнасса нужен был
Пока один; но есть обоим дело,
Раз я к концу ристанья приступил.

19 Войди мне в грудь и вей, чтоб песнь звенела,
Как в день, когда ты Марсия извлек
И выбросил из оболочки тела.

22 О вышний дух, когда б ты мне помог
Так, чтобы тень державы осиянной
Явить в мозгу я впечатленной мог,

25 Я стал бы в сень листвы, тебе желанной,
Чтоб на меня возложен был венец,
Моим предметом и тобой мне данный.

28 Ее настолько редко рвут, отец,
Чтоб кесаря почтить или поэта,
К стыду и по вине людских сердец,

31 Что богу Дельф должно быть в радость это,
Когда к пенейским листьям взор воздет
И чье-то сердце жаждой их согрето.

34 За искрой пламя ширится вослед:
За мной, быть может, лучшими устами
Внесут мольбу, чтоб с Кирры был ответ.

37 Встает для смертных разными вратами
Лампада мира; но из тех, где слит
Бег четырех кругов с тремя крестами,

40 По лучшему пути она спешит
И с лучшею звездой, и чище сила
Мирскому воску оттиск свой дарит.

43 Почти из этих врат там утро всплыло,
Здесь вечер пал, и в полушарье том
Всё стало белым, здесь всё черным было,

46 Когда, налево обратясь лицом,
Вонзилась в солнце Беатриче взором;
Так не почиет орлий взгляд на нем.

49 Как луч выходит из луча, в котором
Берет начало, чтоб отпрянуть ввысь,—
Скиталец в думах о возврате скором,—

- Так из ее движений родились, 52
Глазами в дух войдя, мои; к светилу
Не по-людски глаза мои взнеслись.
- Там можно многое, что не под силу 55
Нам здесь, затем что создан тот приют
Для человека по его мерилу.
- Я выдержал недолго, но и тут 58
Успел заметить, что оно искрилось,
Как взятый из огня железный прут.
- И вдруг сиянье дня усугубилось, 61
Как если бы второе солнце нам
Велением Могущего явилось.
- А Беатриче к вечным высотам 64
Стремилась взор; мой взгляд низведши вскоре,
Я устремил глаза к ее глазам.
- Я стал таким, в ее теряясь взоре, 67
Как Главк, когда вкушенная трава
Его к бессмертным приобщила в море.
- Пречеловеченье вместить в слова 70
Нельзя; пример мой близок по приметам,
Но самый опыт — милость божества.
- Был ли я только тем, что в теле этом 73
Всего новей, Любовь, господь высот,
То знаешь ты, чьим я вознесся светом.
- Когда круги, которых вечный ход 76
Стремись, желанный, ты, мой дух призвали
Гармонией, чей строй тобой живет,
- Я видел — солнцем загорелись дали 79
Так мощно, что ни ливень, ни поток
Таких озер вовек не расстилали.
- Звук был так нов, и свет был так широк, 82
Что я горел постигнуть их начало;
Столь острый пыл вовек меня не жег.
- Та, что во мне, как я в себе, читала, — 85
Чтоб мне в моем смятении помочь,
Скорей, чем я спросил, уста разъяла

- 88 И начала: «Ты должен превозмочь
Неверный домысел; то, что непонятно,
Ты понял бы, его отбросив прочь.
- 91 Не на земле ты, как считал превратно,
Но молния, покинув свой предел,
Не мчится так, как ты, к нему обратно».
- 94 Покров сомненья с дум моих слетел,
Снят сквозь улыбку речью небольшою,
Но тут другой на них отяготел,
- 97 И я сказал: «Я вновь пришел к покою
От удивленья; но дивлюсь опять,
Как я всхожу столь легкою средою».
- 100 Она, умея вздохом сострадать,
Ко мне склонила взор неизреченный,
Как на дитя в бреде — взирает мать,
- 103 И начала: «Всё в мире неизменный
Связует строй; своим обличем он
Подобье бога придает вселенной.
- 106 Для высших тварей в нем отображен
След вечной Силы, крайней той вершины,
Которой служит сказанный закон.
- 109 И этот строй объемлет, всеединый,
Все естества, что по своим судьбам —
Вблизи или вдали от их причины.
- 112 Они плывут к различным берегам
Великим морем бытия, стремимы
Своим позывом, что ведет их сам.
- 115 Он пламя мчит к луне, неудержимый;
Он в смертном сердце возбуждает кровь;
Он землю вяжет в ком неразделимый.
- 118 Лук этот вечно мечет, вновь и вновь,
Не только неразумные творенья,
Но те, в ком есть и разум, и любовь.
- 121 Свет устроительного провиденья
Покоит твердь, объемлющую ту,
Что всех поспешней быстротой вращения.

-
- Туда, в завещанную высоту, 124
Нас эта сила тетивы помчала,
Лишь радостную ведая мету.
- И всё ж, как образ отвечает мало 127
Подчас тому, что мастер ждал найти,
Затем что вещество на отклик вяло,—
- Так точно тварь от этого пути 130
Порой отходит, властью обладая,
Хоть дан толчок, стремленье отвести;
- И как огонь, из тучи упадая, 133
Стремится вниз, так может первый взлет
Пригнуть обратно суета земная.
- Дивись не больше,— это взяв в расчет,— 136
Тому, что всходишь, чем стремнине водной,
Когда она с вершины вниз течет.
- То было б диво, если бы, свободный 139
От всех помех, ты оставался там,
Как сникший к почве пламень благородный».
- И вновь лицо подъяла к небесам. 142

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

4 вы, которые в челне зыбучем,
Желая слушать,плыли по волнам
Вослед за кораблем моим певучим,
4 Поворотите к вашим берегам!
Не доверяйтесь водному простору!
Как бы,отстав, не потеряться вам!
7 Здесь не бывал никто по эту пору:
Минерва веет, правит Аполлон,
Медведиц — Музы указуют взору.
10 А вы, немногие, что испокон
Мысль к ангельскому хлебу обращали,
Хоть кто им здесь живет — не утолен,
13 Вам можно смело сквозь морские дали
Свой струг вести там, где мой след вскипел,
Доколе воды ровными не стали.
16 Тех, кто в Колхиду путь преодолел,
Не столь большое ждало удивленье,
Когда Ясон предстал как земледел.
19 Врожденное и вечное томленье
По божьем царстве мчало наш полет,
Почти столь быстрый, как небес вращенье.
22 Взор Беатриче не сходил с высот,
Мой взор — с нее. Скорей, чем с самострела
Вонзится, мчится и сорвется дрот,
25 Я долетел до чудного предела,
Привлекшего глаза и разум мой;
И та, что прямо в мысль мою глядела,—
28 Сияя радостью и красотой:
«Прославь душой того,— проговорила,—
Кто дал нам слиться с первою звездой».
31 Казалось мне — нас облаком накрыло,
Прозрачным, гладким, крепким и густым,
Как адамант, что солнце поразило.

- И этот жемчуг, вечно нерушим, 34
Нас внутрь воспринял, как вода — луч света,
Не поступаясь веществом своим.
- Коль я был телом, и тогда,— хоть это 37
Постичь нельзя,— объем вошел в объем,
Что должно быть, раз тело в тело вдето,
- То жажда в нас должна вспылать огнем 40
Увидеть Сущность, где непостижимо
Природа наша слита с божеством.
- Там то, во что мы верим, станет зримо, 43
Самопонятно без иных мерил;
Так — первоистина неоспорима.
- Я молвил: «Госпожа, всей мерой сил 46
Благодарю того, кто благодатно
Меня от смертных стран отъединил.
- Но что, скажите, означают пятна 49
На этом теле, вид которых нам
О Каине дает твердить превратно?»
- Тогда она с улыбкой: «Если там 52
Сужденья смертных ложны,— мне сказала,—
Где не прибегнуть к чувственным ключам,
- Взирайте на это, отстраняя жало 55
Стрел удивленья, раз и чувствам вслед,
Как видишь, разум воспаряет вяло.
- А сам ты мыслишь как?» И я в ответ: 58
«Я вижу этой разности причину
В том, скважен ли, иль плотен сам предмет».
- Она же мне: «Как мысль твоя в пучину 61
Неистинного канет, сам взгляни,
Когда мой довод я навстречу двину.
- Восьмая твердь являет вам огни, 64
И многолики, при числе несчетном,
Количеством и качеством они.
- Будь здесь причина в скважном или плотном, 67
То свойство было бы у всех одно,
Делясь неравно в сонме быстролетном.

- 70 Различие свойств различьем рождено
 Существенных начал, а по ответу,
 Что ты даешь, начало всех равно.
- 73 И сверх того, будь сумрачному цвету
 Причиной скважность, то или насквозь
 Неплотное пронзало бы планету,
- 76 Или, как в теле рядом ужилося
 Худое с толстым, так и тут, примерно,
 Листы бы ей перемежать пришлось.
- 79 О первом бы гласили достоверно
 Затмения солнца: свет сквозил бы здесь,
 Как через всё, что скважно и пещерно.
- 82 Так не бывает. Вслед за этим взвесь
 Со мной второе; и его сметая,
 Я домысл твой опровергаю весь.
- 85 Коль скоро эта скважность — не сквозная,
 То есть предел, откуда вглубь лежит
 Ее противность, дальше не пуская.
- 88 Отсюда чуждый луч назад бежит,
 Как цвет, отосланный обратно в око
 Стеклом, когда за ним свинец укрыт.
- 91 Ты скажешь мне, что луч, войдя глубоко,
 Здесь кажется темнее, чем вокруг,
 Затем что отразился издалека.
- 94 Чтоб этот довод рухнул так же вдруг,
 Тебе бы опыт сделать не мешало;
 Ведь он для вас — источник всех наук.
- 97 Возьми три зеркала, и два сначала
 Равно отставь, а третье вдаль попять,
 Чтобы твой взгляд оно меж них встречало.
- 100 К ним обратясь, свет за спиной приладь,
 Чтоб он все три зажег, как строй светилен,
 И ото всех шел на тебя опять.
- 103 Хоть по количеству не столь обилен
 Далекий блеск, он яркостью своей
 Другим, как ты увидишь, равносилен.

- Теперь, как под ударами лучей 106
Основа снега зрится обнаженной
От холода и цвета прежних дней,
Таков и ты, и мысли обновленной 109
Я свет хочу пролить такой живой,
Что он в глазах дрожит, воспламененный.
Под небом, где божественный покой, 112
Кружится тело некое, чья сила
Всё то, что в нем, наполнила собой.
Твердь вслед за ним, где столькие светила, 115
Ее распределяет естествам,
Которые, не слив с собой, вместила.
Так поступает к остальным кругам 118
Премного свойств, которые они же
Приспособляют к целям и корням.
Строй членов мира, как, всмотревшись ближе, 121
Увидел ты, уступами идет
И, сверху взяв, потом вручает ниже.
Следи за тем, как здесь мой шаг ведет 124
К познанию истин, для тебя бесценных,
Чтоб знать потом, где пролегает брод.
Исходят бег и мощь кругов священных, 127
Какковка от умеющих ковать,
От движителей неких блаженных.
И небо, где светил не сосчитать, 130
Глубокой мудрости, его кружащей,
Есть повторенный образ и печать.
И как душа, под перстью преходящей, 133
В разнообразных членах растворясь,
Их направляет к цели надлежащей,
Так этот разум, дробно расточась 136
По многим звездам, благодать изливает,
Вокруг единства своего кружась.
И каждая из разных сил вступает 139
В связь с драгоценным телом, где она,
Как в людях жизнь, по-разному мерцает.

142 Ликующей природой рождена,
 Влитая сила светится сквозь тело,
 Как радость сквозь зрачок излучена.
145 В ней — ключ к тому, чтоб разное блестело
 По-разному, не в плотности отнюдь:
 В ней — то начало, что творит всецело,
148 По мере благи, и блеск, и муть».

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

То солнце, что зажгло мне грудь любовью,
Открыло мне прекрасной правды лик,
Прибегнув к доводам и прекословью;
И, торопясь признать, что я постиг 4
И убежден, я, сколько подобало,
Лицо для речи поднял в тот же миг.
Но предо мной видение предстало 7
И к созерцанью так меня влекло,
Что речь забылась и не прозвучала.
Как чистое, прозрачное стекло 10
Иль ясных вод спокойное течение,
Где дно от глаз неглубоко ушло,
Нам возвращают наше отраженье 13
Столь бледным, что жемчужину скорей
На белизне чела отыщет зренье,—
Такой увидел я чреду теней, 16
Беседы ждавших; тут я обманулся
Иначе, чем влюбившийся в ручей.
Как только взором я до них коснулся, 19
Я счел их отраженьем лиц людских
И, чтоб взглянуть, кто это, обернулся;
Вперив глаза в ничто, я вверил их 22
Вновь свету милой спутницы; с улыбкой,
Она пылала глубию глаз святых.
«Что я смеюсь над детскою ошибкой,— 25
Она сказала,— странного в том нет:
Не доверяясь правде мыслью зыбкой,
Ты вновь пустому обращен вослед. 28
Твой взор живые сущности встречает:
Здесь место тех, кто преступил обет.
Спроси их, слушай, верь; их утоляет 31
Свет вечной правды, и ни шагу он
Им от себя ступить не позволяет».

- 34 И я, к одной из теней обращен,
Чья жажда говорить была мне зрима,
Сказал, как тот, кто хочет и смущен:
- 37 «Блаженная душа, ты, что, хранима
Все вечным светом, знаешь благодать,
Чья сладость лишь вкусившим постижима,
- 40 Я был бы счастлив от тебя узнать,
Как ты зовешься и о вашей доле».
Та, с ясным взором, рада отвечать:
- 43 «У нас любовь ничьей правдивой воле
Дверь не замкнет, уподобляясь той,
Что ждет подобных при своем престоле.
- 46 Была я в мире девственной сестрой;
И, в память заглянув проникновенно,
Под большею моею красотой
- 49 Пиккарду ты узнаешь несомненно.
Среди блаженных этих вокруг меня
Я в самой медленной из сфер блаженна.
- 52 Желанья наши, нас воспламеня
Служеньем воле духа пресвятого,
Ликуют здесь, его завет храня.
- 55 И наш удел, столь низменной иного,
Нам дан за то, что нами был забыт
Земной обет и не блюлся сурово».
- 58 И я на то: «Ваш небывалый вид
Блестает так божественно и чудно,
Что он с начальным обликом не слит.
- 61 Здесь память мне могла служить лишь скудно;
Но помощь мне твои слова несут,
И мне узнать тебя теперь нетрудно.
- 64 Но расскажи: вы все, кто счастлив тут,
Взыскуете ли высшего предела,
Где больший кругозор и дружба ждут?»
- 67 С другими улыбаясь, тень глядела
И, радостно откликнувшись потом,
Как бы любовью первой пламенела:

- «Брат, нашу волю утолил во всем 70
 Закон любви, лишь то желать велящей,
 Что есть у нас, не мысля об ином.
- Когда б мы славы восхотели вящей, 73
 Пришлось бы нашу волю разлучить
 С верховной волей, нас внизу держащей,—
- Чего не может в этих сферах быть, 76
 Раз пребывать в любви для нас necesse *
 И если смысл ее установить.
- Ведь тем-то и блаженно наше esse **, 79
 Что божья воля руководит им
 И наша с нею не в противовесе.
- И так как в этом царстве мы стоим 82
 По ступеням, то счастливы народы
 И царь, чью волю вольно мы вершим;
- Она — наш мир; она — морские воды, 85
 Куда течет все, что творит она,
 И всё, что создано трудом природы».
- Тут я постиг, что всякая страна 88
 На небе — Рай, хоть в разной мере, ибо
 Неравно мидостью орошена.
- Но как, из блюд вкусив какого-либо, 91
 Мы следующих просим иногда,
 За съеденное говоря спасибо,
- Так поступил и молвил я тогда, 94
 Дабы услышать, на какой же ткани
 Ее челнок не довершил труда.
- «Жену высокой жизни и деяний,— 97
 Она в ответ,— покоит выпивший град.
 Те, кто ее не бросил одеяний,
- До самой смерти бодрствуют и спят 100
 Близ жениха, который всем обетам,
 Ему с любовью принесенным, рад.

* Необходимо (лат.).

** Бытие (лат.).

- 103 Я, вслед за ней, наскучив рано светом,
В ее одежды тело облекла,
Быть верной обещав ее заветам.
- 106 Но люди, в жажде не добра, а зла,
Меня лишили тихой сени веры,
И знает бог, чем жизнь моя была.
- 109 А этот блеск, как бы превыше меры,
Что вправо от меня тебе предстал,
Пылая всем сияньем нашей сферы,
- 112 Внимая мне, и о себе внимал:
С ее чела, как и со мной то было,
Сорвали тень священных покрывал.
- 115 Когда ее вернула миру сила,
В обиду ей и оскорбив алтарь,—
Она покровов сердца не сложила.
- 118 То свет Костанцы, столь великой встарь,
Кем от второго вихря, к шведской славе,
Рожден был третий вихрь, последний царь».
- 121 Так молвила, потом запела «Ave,
Maria» *, исчезая под напев,
Как тонет груз и словно тает въяве.
- 124 Мой взор, вослед ей пристально смотрев,
Насколько можно было, с ней простился,
И, к цели бóльших дум его воздев,
- 127 Я к Беатриче снова обратился;
Но мне она в глаза сверкнула так,
Что взгляд сперва, не выдержав, смутился;
- 130 И новый мой вопрос замедлил шаг.

* Радуйся, Мария (лат).

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Меж двух равно манящих яств, свободный
В их выборе к зубам бы не поднес
Ни одного и умер бы голодный;
Так агнец медлил бы меж двух угроз 4
Прожорливых волков, равно страшимый;
Так медлил бы меж двух оленей нес.
И то, что я молчал, равно томимый 7
Сомненьями, счесть ни добром, ни злом
Нельзя, раз это путь необходимый.
Так я молчал; но на лице моем 10
Желанье, как и сам вопрос, сквозило
Жарчей, чем сказанное языком.
Но Беатриче, вроде Даниила, 13
Кем был смирен Навуходonosор,
Когда его свирепость ослепила,
Сказала: «Вижу, что возник раздор 16
В твоих желаньях, и, теснясь в неволе,
Раздумья тщетно рвутся на простор.
Ты мыслишь: „Раз я стоек в доброй воле, 19
То как насилье нанесет урон
Моей заслуге хоть в малейшей доле?“
Еще и тем сомненьем ты смущен, 22
Не взносятся ли души в самом деле
Обратно к звездам, как учил Платон:
По-равному твое стесняют velle* 25
Вопросы эти; обращаясь к ним,
Сперва коснись того, чей яд тяжеле.
Всех глубже вбожествленный серафим 28
И Моисей и Самуил пророки
Иль Иоанн,— он может быть любим,—

* Воля (лат.).

- 31 Мария — твердью все равновысоки
Тем духам, что тебе являлись тут,
И бытия их не иные сроки;
- 34 Все красят первый круг и там живут
В неравной неге, ибо в разной мере
Предвечных уст они дыханье пьют.
- 37 И здесь они предстали не как в сфере,
Для них назначенной, а чтоб явить
Разностепенность высшей на примере.
- 40 Так с вашей мыслью должно говорить,
Лишь в осязатимом черплющей познать,
Чтоб разуму затем его вручить.
- 43 К природе вашей снисходя, Писанье
О божией деснице говорит
И о стопах, вводя иносказанье;
- 46 И Гавриила в человеческий вид,
И Михаила церковь облакает,
Как и того, кем исцелен Товит.
- 49 То, что Тимей о душах утверждает,
Несходно с тем, что здесь дано узнать,
Затем что он как будто впрямь считает,
- 52 Что всякая душа взойдет опять
К своей звезде, с которой связь порвала,
Ниспосланная тело оживлять.
- 55 Но может быть — здесь мысль походит мало
На то, что выразил словесный звук;
Тогда над ней смеяться не пристало.
- 58 Так, возвращая светам этих дуг
Честь и позор влияний, может статься,
Он в долю правды направлял бы лук.
- 61 Поняв его превратно, заблуждаться
Пошел почти весь мир, и так тогда
Юпитер, Марс, Меркурий стали зваться.
- 64 В другом твоём сомнении вреда
Гораздо меньше; с ним пребудешь здравым
И не собьешься с моего следа.

- Что наше правосудие неправым 67
Казаться может взору смертных, в том
Путь к вере, а не к ересям лукавым.
- Но так как человеческим умом 70
Глубины этой правды постижимы,
Твое желанье утолю во всем.
- Раз только там насилье, где теснымй 73
Насильнику не помогал ничуть,
То эти души им не извинимы;
- Затем что волю силой не задуть; 76
Она, как пламя, борется упорно,
Хотя б его сто раз насильно гнуть.
- А если в чем-либо она покорна, 79
То вторит силе; так и эти вот,
Хоть в божий дом могли уйти повторно.
- Будь воля их тот целостный оплот, 82
Когда Лаврентий не встает с решетки
Или суровый Муций руку жжет,—
- Освободясь, они тот путь короткий, 85
Где их влекли, прошли бы сами вспять;
Но те примеры — редкие находки.
- Так, если точно речь мою понять, 88
Исчез вопрос, который, возникая,
Тебе и дальше мог бы докучать.
- Но вот теснина предстает другая, 91
И здесь тебе вовеки одному
Не выбраться; падешь, изнемогая.
- Как я внушала твоему уму, 94
Слова святого никогда не лживы:
От Первой Правды не уйти ему.
- Слова Пиккарды, стало быть, правдивы, 97
Что дух Костанцы жаждал покрывал,
Моим же как бы противоречивы.
- Ты знаешь, брат, сколь часто мир видал, 100
Что человек, пред чем-нибудь робея,
Свершает то, чего бы не желал;

- 103 Так Алкмеон, послушаться не смея
Родителя, родную мать убил
И превратился, зла страшась, в злодея.
- 106 Здесь, как ты сам, надеюсь, рассудил,
Насилье слито с волей, и такого
Не извинить, кто этим прегрешил.
- 109 По сути воля не желает злого,
Но с ним мирится, ибо ей страшней
Стать жертвою чего-либо иного.
- 112 Пиккарда мыслит в повести своей
О чистой воле, той, что вне упрека;
Я — о другой; мы обе правы с ней».
- 115 Таков был плеск священного потока,
Который от верховий правды шел;
Он обе жажды утолил глубоко.
- 118 «Небесная,— тогда я речь повел,—
Любимая Вселюбящего, светит,
Живит теплом и влагой ваш глагол.
- 121 Таких глубин мой дух в себе не встретит,
Чтоб дар за дар воздать решился он;
Пусть тот, кто зрящ и властен, вам ответит.
- 124 Я вижу, что вовек не утолен
Наш разум, если Правдой непреложной,
Вне коей правды нет, не озарен.
- 127 В ней он покоится, как зверь берложный,
Едва дойдя; и он всегда дойдет,—
Иначе все стремления ничтожны.
- 130 От них у корня истины встает
Росток сомненья; так природа властно
С холма на холм ведет нас до высот.
- 133 Вот что дает мне смелость, манит страстно
Вас, госпожа, почтительно спросить
О том, что для меня еще неясно.
- 136 Я знать хочу, возможно ль возместить
Разрыв обета новыми делами
И груз их на весы к вам положить».

Она такими дивными глазами	139
Огонь любви метнула на меня,	
Что веки у меня поникли сами,	
И я себя утратил, взор склоня.	142

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Когда мой облик пред тобою блещет
И свет любви не по-земному льет,
Так, что твой взор, не выдержав, трепещет,
4 Не удивляйся; это лишь растет
Могущественность зренья и, вскрывая,
Во скрытом благе движется вперед.
7 Уже я вижу ясно, как, сияя,
В уме твоём зажегся вечный свет,
Который любят, на него взирая.
10 И если вас влечет другой предмет,
То он всего лишь — воспринятый ложно
Того же света отраженный след.
13 Ты хочешь знать, чем равноценным можно
Обещанные заменить дела,
Чтобы душа почилa бестревожно».
16 Так Беатриче в эту песнь вошла
И продолжала слова ход священный,
Чтоб речь ее непрерыванной текла:
19 «Превысший дар создателя вселенной,
Его щедроте больше всех сродни
И для него же самый драгоценный,—
22 Свобода воли, коей искони
Разумные создания причастны,
Без исключенья все и лишь они.
25 Отсюда ты получишь вывод ясный,
Что́ значит дать обет,— конечно, там,
Где бог согласен, если мы согласны.
28 Бог обязать дозволяет нам,
И этот клад, такой, как я сказала,
Себя ему приносит в жертву сам.
31 Где ценность, что его бы заменяла?
А в отданном ты больше не волен,
И жертвовать чужое — не пристало.

- Ты в основном отныне утвержден; 34
Но так как церковь знает разрешенья,
С чем как бы спорит сказанный закон,
Не покидай стола без замедленья: 37
Кусок, который съел ты, был тугим
И требует подмоги для сваренья.
Открой же разум свой словам моим 40
И в нем замкни их; исчезает вскоре
То, что, услышав, мы не затвердим.
Две стороны мы видим при разборе 43
Подобных жертв: одну мы видим в том,
Чем жертвуют; другую — в договоре.
Последний обязателен во всем, 46
Пока не выполнен, как изъяснялось
Уже и выше точным языком.
Вот почему евреям полагалось,— 49
Ты помнишь,— жертвовать из своего,
Хоть жертва иногда и заменялась.
Зато второе, то есть существо, 52
Бывает и таким, что есть пределы,
В которых можно изменить его.
Но бремя плеч своих и самый смелый 55
Менять не смеет и обязан несть,
Пока недвижны желтый ключ и белый.
Да и обмен нелепым надо счесть, 58
Когда предмет, имевшийся доселе,
Не входит в новый, как четыре в шесть.
А если ценность — всех других тяжеле 61
И всякой чаши книзу тянет край,
Ее ничем не возместить на деле.
Своим обетом, смертный, не играй! 64
Будь стоек, но не обещайся слепо,
Как первый дар принесший Иеффай;
Он не сказал: „Я поступил нелепо!“; 67
А согрешил, свершая. В тот же ряд
Вождь греков стал, безумный столь свирепо,

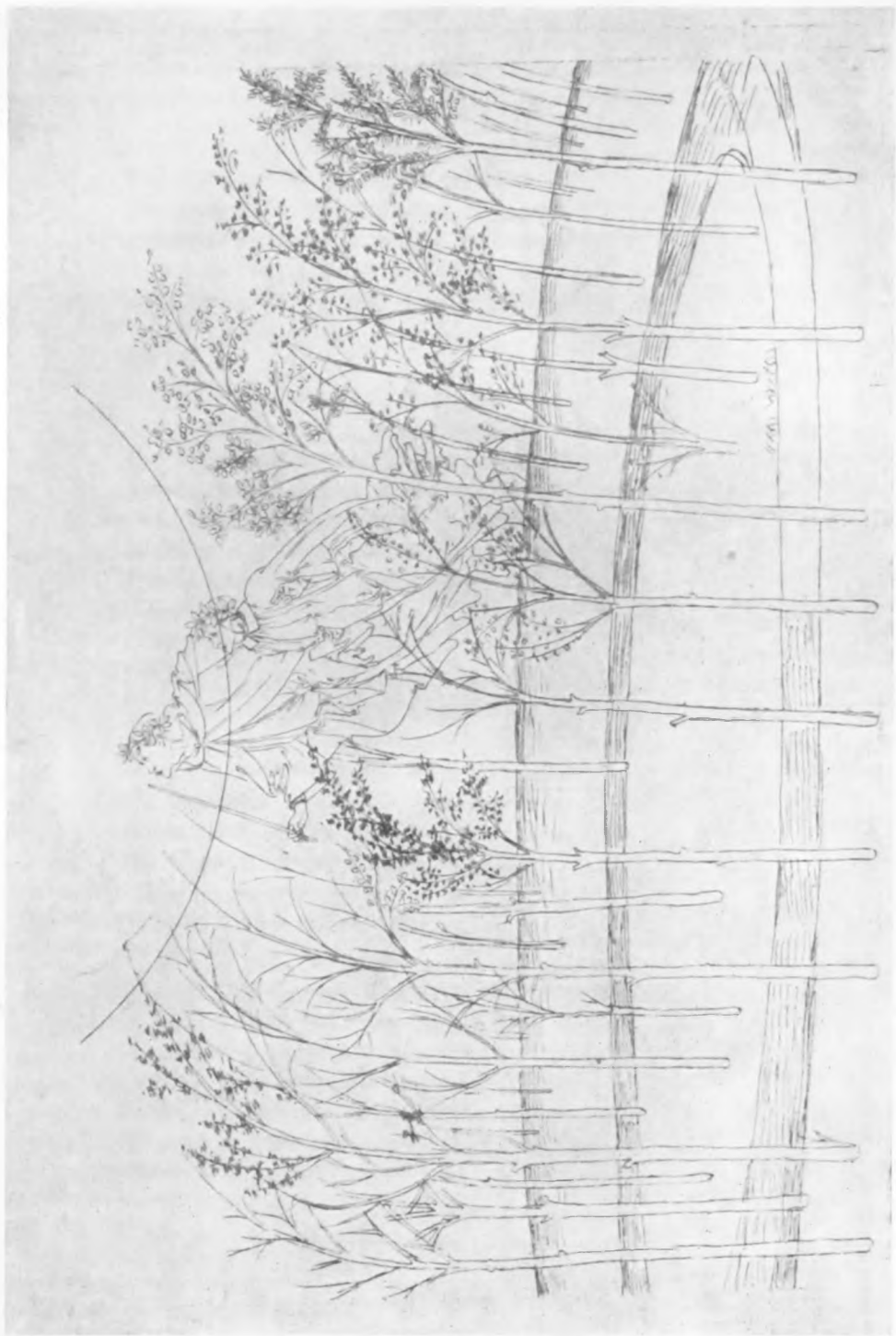
- 70 Что вместе с Ифигенией скорбят
 Глупец и мудрый, все, кому случится
 Услышать про чудовищный обряд.
- 73 О христиане, полно торопиться,
 Лететь, как перья, всем ветрам вослед!
 Не думайте любой водой омыться!
- 76 У вас есть ветхий, новый есть завет,
 И пастырь церкви вас всегда наставит;
 Вот путь спасенья, и другого нет.
- 79 А если вами злая алчность правит,
 Так вы же люди, а не скот тупой,
 И вас меж вас еврей да не бесславит!
- 82 Не будьте, как ягненок молодой,
 Который, бросив мать, беды не чуя,
 По простоте играет сам с собой!»
- 85 Так Беатриче мне, как здесь пишу я;
 Потом туда, где мир всего живей,
 Вновь обратила взоры, вся взыскуя.
- 88 Ее безмолвье, чудный блеск очей
 Лишили слов мой жадный ум, где зрели
 Опять вопросы к госпоже моей.
- 91 И как стрела спешит коснуться цели
 Скорее, чем затихнет тетива,
 Так ко второму царству мы летели.
- 94 Такая радость в ней зажглась, едва
 Тот светоч нас объял, что озарилась
 Сама планета светом торжества.
- 97 И раз звезда, смеясь, преобразилась,
 То как же — я, чье естество всегда
 Легко переменяющимся мнилось?
- 100 Как из глубин прозрачного пруда
 К тому, что тонет, стая рыб стремится,
 Когда им в этом чудится еда,
- 103 Так видел я — несчетность блесков мчится
 Навстречу нам, и в каждом клич звучал:
 «Вот, кем любовь для нас обогатится!»

- И чуть один к нам ближе подступал, 106
То виделось, как всё в нем ликovalo,
По зареву, которым он сиял.
- Суди, читатель: оборвись начало 109
На этом, как бы тягостно тебе
Дальнейшей повести недоставало;
- И ты поймешь, как мне об их судьбе 112
Хотелось внять правдивые глаголы,
Едва мой взгляд воспринял их в себе.
- «Благорожденный, ты, кому престолы 115
Все вечной славы видеть предстоит,
Пока не кончен труд войны тяжелый,—
- Тот свет, который в небесах разлит, 118
Пылает в нас; поэтому, желая
Про нас узнать, ты будешь вволю сыт».
- Так молвила одна мне тень благая, 121
А Беатриче: «Смело говори
И слушай с верой, как богам внимая!»
- «Я вижу, как гнездишься ты внутри 124
Своих лучей и как их льешь глазами,
Ликующими пламенной зари.
- Но кто ты, дух достойный, и пред нами 127
Зачем предстал в той сфере, чье чело
От смертных скрыто чуждыми лучами?»
- Так я сказал сиявшему светло, 130
Тому, кто речь держал мне; и сиянье
Его еще лучистой облекло.
- Как солнце, чье чрезмерное сверканье 133
Его же застит, если жар пробил
Смягчающих паров напластованье,
- Так он, ликуя, от меня укрыл 136
Священный лик среди его же света
И, замкнут в нем, со мной заговорил,
Как будет в следующей песни снето. 139

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

С

тех пор как взмыл, послушный Константину,
Орел противу звезд, которым вслед
Он встарь парил за тем, кто взял Лавину,
4 Господня птица двести с лишним лет
На рубеже Европы пребывала,
Близ гор, с которых облетела свет;
7 И тень священных крыл распростирала
На мир, который был во власть ей дан,
И там, из длани в длань, к моей ниспала.
10 Был кесарь я, теперь — Юстиниан;
Я, Первою Любовью вдохновленный,
В законах всякий устранил изъян.
13 Я верил, в труд еще не погруженный,
Что естество в Христе одно, не два,
Такою верой удовлетворенный.
16 Но Агапит, всех пастырей глава,
Мне свой урок преподал благодатный
В той вере, что единственно права.
19 Я внял ему; теперь мне так понятны
Его слова, как твоему уму
В противоречье ложь и правда внятны.
22 Я стал ступать, как церковь; потому
И бог меня отметил, мне внушая
Высокий труд; я предался ему,
25 Оружье Велисария вверяя,
Которого господь в боях вознес,
От ратных дел меня освобождая.
28 Таков ответ на первый твой вопрос;
Но надо, чтоб, об этом повествуя,
Еще немного слов я произнес.
31 Всю правоту тебе живописуя
Тех, кто подвигся на священный стяг,
Его присвоив или с ним враждуя.

- Взгляни, каким величьем всякий шаг 34
Его сиял; чтоб он владел державой,
Паллант всех прежде кровию иссяк.
- Ты знаешь, как он в Альбе величавой 37
Три века ждал, чтоб на ее полях
Три против трех вступили в бой кровавый;
- И что он сделал при семи царях, 40
От скорби жен сабинских до печали
Лукреции, в соседях сея страх;
- Что сделал он, когда его вздымали 43
На Бренна и на Пирра и подряд
Властителей и веча покоряли,—
- За что косматый Квинций, и Торкват, 46
И Деции, и Фабии доньне
Прославлены, и я почтить их рад.
- Он ниспроверг арабов в их гордыне, 49
Вслед Ганнибалу миновавших склон,
Откуда, По, ты держишь путь к равнине.
- Он видел, как Помпей и Сципион 52
Повиты юной славой и крушима
Вершина, под которой ты рожден.
- Пока то время близилось незримо, 55
Когда свой облик твердь земле дала,
Им Цезарь овладел, по воле Рима.
- От Вара к Рейну про его дела 58
Спроси волну Изары, Эры, Сенны
И всех долин, что Рона приняла.
- А что он сделал, выйдя из Равенны 61
И минув Рубикон,— то был полет,
Ни словом, ни пером неизреченный.
- Он двинул на Испанию поход; 64
Затем к Дураццо; и в Фарсал вонзился,
Исторгнув стон у жарких Нильских вод;
- Антандр и Симоэнт, где встарь гнезвился, 67
Увидел вновь, и Гекторов курган,
И вновь, на горе Птолемею, взвился.

- 70 На Юбу пал, как грозовой таран,
И вновь пошел на запад ваш, где к брани
Опять зывали трубы помпеян.
- 73 О том, чем был он в следующей длани,
Брут лает с Кассием в Аду, скорбят
Перузий с Мутиной, полны стенаний.
- 76 И до сих пор отчаяньем объят
Дух Клеопатры, спасшейся напрасно,
Чтоб смерть ей дал змеинный черный яд.
- 79 Он долетел туда, где море красно;
Он подарил земле такой покой,
Что Янов храм был заперт повсечасно.
- 82 Но всё, что стяг, превозносимый мной,
Свершил дстоле и свершил в грядущем
Для подданной ему страны земной,—
- 85 Мрак и ничто, когда умом нелгушим
И ясным оком взглянем на него
При третьем кесаре, его несущем.
- 88 Живая Правда, в длани у того,
Ему внушила славный долг — сурово
Исполнить мщенье гнева своего.
- 91 Теперь дивись, мое услышав слово:
Он с Титом вновь пошел и отомстил
За отомщение греха былого.
- 94 Когда же лангобардский зуб язвил
Святую церковь, под его крылами
Великий Карл, разя, ее укрыл.
- 97 Суди же сам о тех, кто с их грехами
Помянут мной, суди об их делах,
Первопричине всех несчастий с вами.
- 100 Тот — всенародный стяг втоптал во прах
Для желтых лилий, тот — себе присвоил;
Чей хуже грех — не взвесишь на весах.
- 103 Уж пусть бы гибеллин себе устроил
Особый стяг! А этот — не для тех,
Кто справедливость и его — раздвоил!

- И гвельфам нет надежды на успех 106
 С их новым Карлом; львы крушей ходили,
 А эти когти с них сдирали мех!
- Уже нередко дети слезы лили 109
 За грех отца; и люди пусть не ждут,
 Что бог покинет герб свой ради лилий!
- А эта малая звезда — приют 112
 Тех душ, которые, стяжать желая
 Хвалу и честь, несли усердный труд.
- И если цель желаний — лишь такая 115
 И верная дорога им чужда,
 То к небу луч любви восходит, тая.
- Но в том — часть нашей радости, что мзда 118
 Нам по заслугам нашим воздается,
 Не меньше и не больше никогда.
- И в этом так отраднo познается 121
 Живая Правда, что вовеки взор
 К какому-либо злу не обернется.
- Различьем звуков гармоничен хор; 124
 Различье высей в нашей жизни ясной —
 Гармонией наполнило простор.
- И здесь внутри жемчужины прекрасной 127
 Сияет свет Ромео, чьи труды
 Награждены неправдой столь ужасной.
- Но провансальцам горестны плоды 130
 Их происков; и тот вкусит мытарства,
 Кому чужая доблесть злей беды.
- Рамондо Берингьер четыре царства 133
 Дал дочерям; а ведал этим всем
 Ромео, скромный странник, враг коварства.
- И всё же, наущенный кое-кем, 136
 О нем, безвинном, он повел дознание;
 Тот на десять представил пять и семь.
- И, ниц и древен, сам ушел в изгнание; 139
 Знай только мир, что в сердце он таил,
 За кусом кус прося на пропитанье,—
 Его хваля, он громче бы хвалил!» 142

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

sanna, sanctus Deus sabaoth,
Superillustrans claritate tua
Felices ignes horum malacoth!» *

- 4 Так видел я поющей сущность ту
И как она под свой напев поплыла,
Двойного света движа красоту.
- 7 Она себя с другими в пляске слила,
И, словно стаю мчащихся огней,
Внезапное пространство их укрыло.
- 10 Колеблясь, я: «Скажи, скажи же ей,—
Твердил себе.— Ты, жаждой опаленный,
Скажи об этом госпоже твоей!»
- 13 Но даже в *БЕ* и в *ИЧЕ* приученный
Святыню чтить, я, голову клоня,
Поник, как человек в истоме сонной.
- 16 Она, таким не потерпев меня,
Сказала, улыбнувшись мне так чудно,
Что счастлив будешь посреди огня:
- 19 «Как я сужу,— а мне понять нетрудно,—
Ты тем смущен, что праведная месть
Быть может отомщенной правосудно.
- 22 Твои сомненья мне легко расплесть;
А ты внимай, и то, чего не ведал,
В моих словах ты будешь рад обресть.
- 25 За то, что тот, кто не рождался, не дал
Связать свой произвол, себе на зло,—
Прокляв себя, он всех проклятью предал;
- 28 И человечество большим слегло
На долгие века во тьме растленной,
Пока господне Слово не сошло

* Славься, святой бог воинств, сверхозаряющий ясностью
твою счастливые огни этих царств! (*лат. и еврейск.*)

- В мир, где природу, от творца вселенной 31
Отпавшую, оно слило с собой
Могуществом Любви неизреченной.
- На то, что я скажу, глаза открой! 34
Была природа эта, с ним слитая,
Как в миг создания, чистой и благой;
- Но всё же — тою, что обитель Рая 37
Утратила, в преступной слепоте
Путь истины и жизни презирая.
- Поэтому и кара на кресте, 40
Свершаясь над природой восприятою,
Была превыше всех по правоте;
- Но также и несправеднейшей платой, 43
Когда мы взглянем, с чьим лицом слилась
Природа эта и кто был распятый.
- Так эта смерть, в последствиях делясь, 46
И бога, и евреев утолила:
Раскрылось небо, и земля встряслась.
- И я тебе отныне разъяснила, 49
Как справедливость праведным судом
За праведное мщенье отомстила.
- Но только вновь твой ум таким узлом, 52
За мыслью мысль, обвинялся многократно,
Что ждет свободы и томится в нем.
- Ты говоришь: „Мне это все понятно; 55
Но почему господь для нас избрал
Лишь этот путь спасенья, мне невнятно“.
- Никто из тех, мой брат, не проникал 58
Очами в тайну этого решения,
Чей дух в огне любви не возмужал.
- Здесь многие пытаются силу зренья, 61
Но различают мало; потому
Скажу, чем вызван этот путь спасенья.
- Господня благодать, отменяя тьму, 64
Горит в самой себе и так искрится,
Что вечные красоты льет всему.

- 67 Всё то, что прямо от нее струится,
 Пребудет вечно, ибо не пройдет
 Ее печать, когда она ложится.
- 70 Всё то, что прямо от нее течет,
 Всецело вольно, ибо то свободно,
 Что новых сил не ощущает гнет.
- 73 Что ей сродней, то больше ей угодно;
 Священный жар, повсюду излучен,
 Живее в том, что более с ним сходно.
- 76 И человек всем этим наделен;
 Но при утрате хоть единой доли
 Он благородства своего лишен.
- 79 Один лишь грех его лишает воли,
 Лишая сходства с Истинным Добром,
 Которым он не озаряем боле.
- 82 Низверженный в достоинстве своем,
 Он встать не может, не восполнив счета
 Возмездием за наслажденье злом.
- 85 Природа ваша, согрешая tota *
 В своем зерне, утратила, упав,
 Свои дары и райские ворота;
- 88 И не могла вернуть старинных прав,
 Как строгое покажет рассужденье,
 Тот или этот брод не миновал:
- 91 Иль чтоб господь ей даровал прощенье
 Из милости; иль чтобы смертный сам
 Мог искупить свое грехопаденье.
- 94 Теперь направь глаза ко глубинам
 Предвечного совета и вниманьем
 Усиленно прильни к моим словам!
- 97 Сам человек достойным воздаяньем
 Спасти себя не мог, лишенный сил
 Принизиться настолько послушаньем,

* Вся (лат.).

- Насколько вознестись, ослушный, мнил; 100
Вот почему своими он делами
Себя бы никогда не искупил.
- Был должен бог, раз не могли вы сами, 103
К всецелой жизни возвратить людей,
Будь то одним, будь то двумя путями.
- Но делателю дело тем милей, 106
Чем более, из сердца источая,
В него вложил он благи своей;
- И благодать божья, в мире разлитая, 109
Тем и другим направилась путем,
Вас к прежним высям вознести желая.
- Между последней тьмой и первым днем 112
Величественней не было дня
И не свершится впредь ни на одном.
- Бог, снизошедший до самоотданья, 115
Щедрее вам помог себя спасти,
Чем милостью простого оправданья;
- И были бы закрыты все пути 118
Для правосудья, если б сын господень
Не принял униженья во плоти.
- Чтоб ты от всех сомнений был свободен, 121
Добавлю поясненье, и тогда
Ты зоркостью со мною станешь сходен.
- Ты говоришь: „И пламя, и вода, 124
И воздух, и земля, и их смешенья,
Придя в истленье, гибнут без следа.
- А это ведь, однако же, творенья! 127
И если речь твоя была верна,
Им надо быть избавленным от тленья“.
- Брат! Ангелы и чистая страна, 130
Где ты сейчас, — я так бы изложила, —
В их совершенстве созданы сполна.
- А те стихи, что ты назвал было, 133
И сложенное ими естество
Образовала созданная сила.

- 136 Сотворены само их вещество
 И сила тех творящих излучений,
 Что льют светила, движась вокруг него.
- 139 Душа животных и душа растений
 Из свойственной среды извлечены
 Лучами и движеньем звездной сени.
- 142 А ваши жизни в вас вдохновлены
 Всевышней благодатью и к ней всецело,
 В нее влюбленные, устремлены.
- 145 На этом основать ты можешь смело
 И ваше воскресенье, если ты
 Припомнишь, как творилось ваше тело
- 148 В творенье прародительской четы».

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

В

погибшем мире веровать привыкли,
Что излученья буйной страсти льет
Киприда, движась в третьем эпицикле;
И воздавал не только ей почет 4
Обетов, жертв и песенного звона
В былом неведение былой народ,
Но чтились вместе с ней, как мать — Диона, 7
И Купидон — как сын; и басня шла,
Что на руки его брала Дидона.
Той, кем я начал, названа была 10
Звезда, которая взирает страстно
На солнце то вдогонку, то с чела.
Как мы туда взлетели, мне неясно; 13
Но что мы — в ней, уверило меня
Лицо вожатой, став вдвойне прекрасно.
Как различимы искры среди огня 16
Иль голос в голосе, когда в движенье
Придет второй, а первый ждет, звеня,
Так в этом свете видел я круженье 19
Других светил, и разный бег их мчал,
Как, верно, разное вечное их зренье.
От мерзлой тучи ветер не слетал 22
Настолько быстрый, зримый иль незримый,
Чтоб он не показался тих и вял
В сравненье с тем, как были к нам стремимы 25
Святые светы, покидая пляс,
Возникший там, где реют серафимы.
Из глуби тех, кто был вблизи от нас, 28
«Осанна» так звучала, что томился
По этим звукам я с тех пор не раз.
Потом один от прочих отделился 31
И начал так: «Мы все служить тебе
Спешим, чтоб ты о нас возвеселился.

- 34 В одном кругу, круженье и алчбе
Наш сонм с чредой Начал небесных мчится,
Которым ты сказал, в земной судьбе:
- 37 „Вы, чьей заботой третья твердь кружится“:
Мы так полны любви, что для тебя
Нам будет сладко и остановиться».
- 40 Мои глаза доверили себя
Глазам владычицы и, их ответом
Сомнение и робость истребя,
- 43 Вновь уголились этим щедрым светом,
И я: «Скажи мне, кто вы»,— произнес,
Замкнув большое чувство в слове этом.
- 46 Как в мощи и в объеме он возрос
От радости,— чья сила умножала
Былую радость,— слыша мой вопрос!
- 49 И, став таким, он мне сказал: «Я мало
Жил в дольном мире; будь мой век продлен,
То многих бы грядущих зол не стало.
- 52 Я от тебя весельем утаен,
В лучах его сиянья незаметный,
Как червячок среди шелковых пелен.
- 55 Меня любил ты, с нежностью не тщетной:
Будь я в том мире, ты бы увидал
Не только лишь листву любви ответной.
- 58 Тот левый берег, где свой быстрый вал
Проносит, смешанная с Соргой, Рона,
Господства моего в грядущем ждал;
- 61 Ждал рог авзонский, где стоят Катона,
Гаэта, Бари, замкнуты в предел
От Верде к Тронто до морского лона.
- 64 И на челе моем уже блестел
Венец земли, где льется ток Дуная,
Когда в немецких долах отшумел;
- 67 Прекрасная Тринакрия,— вдоль края,
Где от Пахина уперся в Пелор
Залив, под Эвром стонущий, мглистая

- Не от Тифея, а от серных гор,— 70
 Ждала бы государей, мной рожденных
 От Карла и Рудольфа, до сих пор,
 Когда бы произвол, для угнетенных 73
 Мучительный, Палермо не увлек
 Вскричать: „Бей, бей!“, восстав на беззаконных.
 И если бы мой брат предвидеть мог, 76
 Он с каталонской жадной ницетою
 Расстался бы, чтоб избежать тревог;
 Ему пора бы, к своему покою, 79
 Иль хоть другим, его груженный струт
 Не загружать поклажею двойною:
 Раз он, сын щедрого, на щедрость туг, 82
 Ему хоть слуг иметь бы надлежало,
 Которые не жадны класть в сундук».
- «То ликованье, что во мне выиграло 85
 От слов твоих, о господин мой, там,
 Где всяких благ скончанье и начало,
 Ты видишь, верю, как я вижу сам; 88
 Оно мне тем милей и тем дороже,
 Что зримо вникшим в божество глазам.
 Ты дал мне радость, дай мне ясность тоже; 91
 Я тем смущен, услышав отзыв твой,
 Что сладкое зерно столь горьким всхоже».
- Так я; и он: «Вняв истине одной, 94
 К тому, чем вызвано твое сомненье,
 Ты станешь грудью, как стоишь спиной.
 Тот, кто приводит в счастье и возвращенье 97
 Мир, где ты всходишь, в недрах этих тел
 Преображает в силу провиденье.
 Не только бытие предусмотрел 100
 Для всех природ всесовершенный Разум,
 Но вместе с ним и лучший их удел.
 И этот лук, стреляя раз за разом, 103
 Бьет точно, как предвидено стрельцом,
 И как бы направляем метким глазом.

- 106 Будь иначе, твердь на пути твоём
 Такие действия произвела бы,
 Что был бы вместо творчества — разгром;
- 109 А это означало бы, что слабы
 Умы, вращающие сонм светил,
 И тот, чья мудрость их питать должна бы.
- 112 Ты хочешь, чтоб я ближе разъяснил?»
 И я: «Не надо. Мыслить безрассудно,
 Чтоб нужный труд природу утомил».
- 115 И он опять: «Скажи, мир жил бы скучно,
 Не будь согражданином человек?»
 «Да, — молвил я, — что доказать не трудно».
- 118 «А им он был бы, если б не прибег
 Для разных дел к многообразью званий?
 Нет, если правду ваш мудрец изрек».
- 121 И, в выводах дойдя до этой грани,
 Он заключил: «Отсюда — испокон
 Различны корни ваших содеяний:
- 124 В одном родится Ксеркс, в другом — Солон,
 В ином — Мельхиседек, в ином — родитель
 Того, кто пал, на крыльях вознесен.
- 127 Круговорот природы, впечатлитель
 Мирского воска, свой блюдет устав,
 Но он не поглядит, где чья обитель.
- 130 Вот почему еще в зерне Исав
 Несходен с Яковом, отец Квирина
 Так низок, что у Марса больше прав.
- 133 Рожденная природа заедино
 С рождающими шла бы их путем,
 Когда б не сила божьего почина.
- 136 Теперь ты к истине стоишь лицом.
 Но чтоб ты знал, как мне с тобой отратно,
 Хочу, чтоб вывод был тебе плащом.
- 139 Природа, если к ней судьба нещадна,
 Всегда, как и любой другой посев
 На чуждой почве, смотрит неприглядно;

-
- И если б мир, основы обзрев, 142
Внедренные природой, шел за нею,
Он стал бы лучше, в людях преуспев.
Вы тащите к церковному елею 145
Такого, кто родился меч нести,
А царство отдаете казнодею;
И так ваш след сбивается с пути». 148

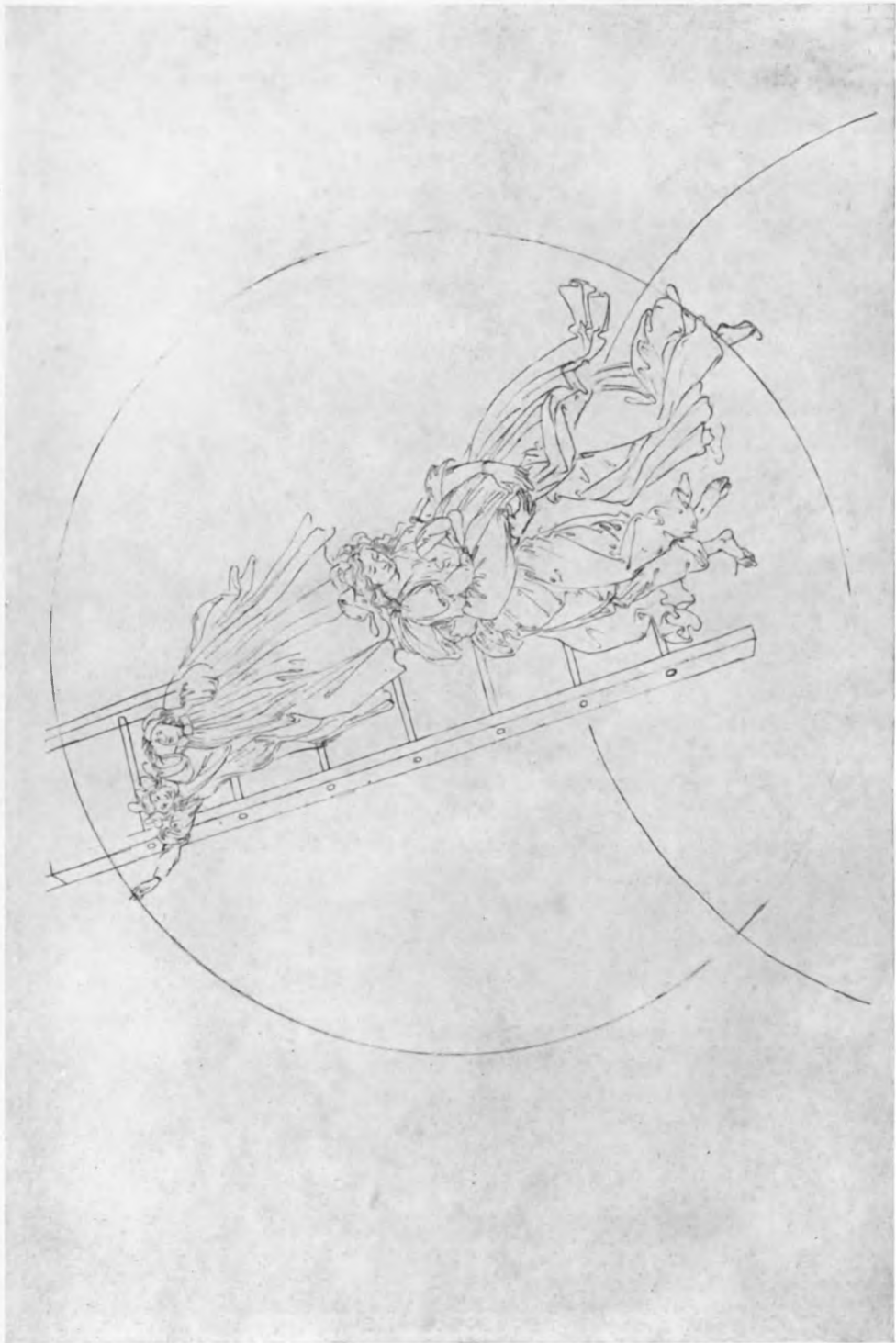
ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Когда твой Карл, прекрасная Клеменца,
Мне пролил свет, он, вскрыв мне, как вражда
Обманет некогда его младенца,
4 Сказал: «Молчи, и пусть кружат года!»
 И я могу сказать лишь, что рыдания
 Ждут тех, кто пожелает вам вреда.
7 И жизнь святого этого сиянья
 Опять вернулась к Солнцу, им полна,
 Как, в мере, им доступной, все создання.
10 Вы, чья душа греховна и темна,
 Как от него вас сердце отвратило,
 И голова к тщете обращена?
13 И вот ко мне еще одно светило
 Приблизилось и, озарясь вовне,
 Являло волю сделать, что мне мило.
16 Взор Беатриче, устремлен ко мне,
 В том, что она с просимым согласилась,
 Меня, как прежде, убедил вполне.
19 «Дай, чтобы то, чего хочу, свершилось,
 Блаженный дух,— сказал я,— мне явив,
 Что мысль моя в тебе отобразилась».
22 Свет, новый для меня, на мой призыв,
 Из недр своих, пред тем звучавших славой,
 Сказал, как тот, кто щедрым быть счастлив:
25 «В Италии, растленной и лукавой,
 Есть область от Риальто до вершин,
 Нистекших Brentой и нистекших Пьявой;
28 И там есть невысокий холм один,
 Откуда факел снизошел, грозюю
 Кругом бушуя по лицу равнин.
31 Единогo он корня был со мною;
 Куницей я звалась и здесь горю
 Как этой побежденная звездою.

- Но, в радости, себя я не корю 34
Такой моей судьбой, хоть речи эти
Я не для вашей черни говорю.
- Об этом драгоценном самоцвете, 37
Всех ближе к нам, везде молва идет;
И прежде чем умолкнуть ей на свете,
Упятерится этот сотый год: 40
Тех, чьи дела величьем пресловуты,
Вторая жизнь вослед за первой ждет.
- В наш век о ней не думает замкнутый 43
Меж Адиче и Тальяменто люд
И, хоть избит, не тужит ни минуты.
- Но падуанцы вскорости нальют 46
Другой воды в Виченцское болото,
Затем что долг народы не блюдут.
- А там, где в Силе впал Каньян, есть кто-то, 49
Владычащий с поднятой головой,
Кому уже готовятся тенета.
- И Фельтро оросит еще слезой 52
Грех мерзостного пастыря, столь черный,
Что в Мальту не вступали за такой.
- Под кровь феррарцев нужен чан просторный, 55
И взвешивая, сколько унций в ней,
Устал бы, верно, весовщик упорный,
- Когда свой дар любезный перей 58
Преподнесет как честный враг крамолы;
Но этим там не удивишь людей.
- Вверху есть зеркала (для вас — Престолы), 61
Откуда блещет нам судящий бог;
И эти наши истинны глаголы».
- Она умолкла; и я видеть мог, 64
Что мысль она к другому обратила,
Затем что прежний круг ее увлек.
- Другая радость, чье величье было 67
Мне ведомо, всплыла, озарена,
Как лал, в который солнце луч вонзило.

70 Вверху весельем яркость рождена,
Как здесь — улыбка; а внизу мрачнеет
73 Тем больше тень, чем больше мысль грустна.
«Бог видит всё, твое в нем зренье реет,—
Я молвил,— дух блаженный, и ничья
Мысль у тебя себя украсть не смеет.
76 Так что ж твой голос, небо напоя
Среди святых огней, чей хор кружится,
В шести крылах обличия тая,
79 Не даст моим желаньям утолиться?
Я упредить вопрос твой был бы рад,
Когда б, как ты в меня, в тебя мог влиться».
82 «Крупнейший дол, где волны бег свой мчат,—
Так отвечал он,— устремясь широко
Из моря, землю взявшего в обхват,
85 Меж розных берегов настоль глубоко
Уходит к солнцу, что, где прежде был
Край неба, там круг полдня видит око.
88 Я на побережье между Эбро жил
И Магрюю, чей ток, уже у ската,
От Генуи Тоскану отделил.
91 Близки часы восхода и заката
В Буджее и в отечестве моем,
Согревшем кровью свой залив когда-то.
94 Среди людей, кому я был знаком,
Я звался Фолько; и как мной владело
Вот это небо, так я властен в нем;
97 Затем что не страстней была дочь Бела,
Сихея и Креусу оскорбив,
Чем я, пока пора не отлетела,
100 Ни Родопеянка, с которой лжив
Был Демофонт, ни сам неодолимый
Алкид, Иолу в сердце заключив.
103 Но здесь не скорбь, а радость обрели мы —
Не о грехе, который позабыт,
А об Уме, чьей мыслью мы хранимы.

Здесь видят то искусство, что творит	106
С такой любовью, и глядят в Начало, Чья благодать к высям дольний мир стремится.	
Но чтоб на все, что мысль твоя желала	109
Знать в этой сфере, ты унес ответ, Последовать и дальше мне пристало.	
Ты хочешь знать, кто в этот блеск одет,	112
Которого близ нас сверкает слава, Как солнечный в прозрачных водах свет.	
Так знай, что в нем покоится Раава	115
И, с нашим сонмом соединена, Его увенчивает величаво.	
И в это небо, где заострена	118
Тень мира вашего, из душ всех ране В Христовой славе принята она.	
Достоин, чтоб она среди сияний	121
Одной из твердей знаменьем была Победы, добытой поднятьем дланей,	
Затем что Иисусу помогла	124
Прославиться в Земле Обетованной, Мысль о которой папе не мила.	
Твоя отчизна, стебель окаянный	127
Того, кто первый богом пренебрег И завистью наполнил мир пространный,	
Растит и множит проклятый цветок,	130
Чьей прелестью с дороги овцы сбиты, А пастырь волком стал в короткий срок.	
С ним слово божье и отцы забыты,	133
И отдан Декреталиям весь пыл, Заметный в том, чем их поля покрыты.	
Он папе мил и кардиналам мил;	136
Их ум не озабочен Назаретом, Куда раскинул крылья Гавриил.	
Но Ватикан и чтимые всем светом	139
Святыни Рима, где кладбище тех, Кто пал, Петровым следуя заветам, Избудут вскоре любодейный грех».	142

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Взирая на божественного Сына,
Дыша Любовью вечной, как и тот,
Невыразимая Первопричина
4 Все, что в пространстве и в уме течет,
Так стройно создала, что наслажденье
Невольно каждый, созерцая, пьет.
7 Так устреми со мной, читатель, зренье
К высоким дугам до узла того,
Где то и это встретилось движенье;
10 И полюбуйся там на мастерство
Художника, который, им плененный,
Очей не отрывает от него.
13 Взгляни, как там отходит круг наклонный,
Где движутся планеты и струят
Свой дар земле на зов ее исконный:
16 Когда бы не был этот путь покат,
Погибло бы небесных сил немало
И чуть не всё, чем дольный мир богат;
19 А если б их стезя положе стала
Иль круче, то премногого опять
Внизу бы и вверху недоставало.
22 Итак, читатель, не спеши вставать,
Продумай то, чего я здесь касался,
И восхитишься, не успев устать.
25 Тебе я подал, чтоб ты сам питался,
Затем что полностью владеет мной
Предмет, который описать я взялся.
28 Первослуга природы, мир земной
Запечатлевший силою небесной
И мерящий лучами час дневной,—
31 С узлом вышепомянутым совместный,
По тем извиам совершал свой ход,
Где он всё раньше льет нам свет чудесный.

- И я был с ним, но самый этот взлет 34
Заметил лишь, как всякий замечает,
Что мысль пришла, когда она придет.
- Так быстро Беатриче восхищает 37
От блага к лучшему, что ей вослед
Стремленье времени не поспевает.
- Каким сияньем каждый был одет 40
Там, в недрах солнца, посещенных нами,
Раз отличает их не цвет, а свет!
- Умом, искусством, нужными словами 43
Я беден, чтоб наглядный дать рассказ.
Пусть верят мне и жаждут видеть сами.
- А что воображенье низко в нас 46
Для тех высот, дивиться вряд ли надо,
Затем что солнце есть предел для глаз.
- Таков был блеск четвертого отряда 49
Семьи Отца, являющего ей
То, как он дышит и рождает чадо.
- И Беатриче мне: «Благоговей 52
Пред Солнцем ангелов, до недр плотского
Тебя вознесшим милостью своей!»
- Ничья душа не ведала такого 55
Святого рвенья и отдать свой пыл
Создателю так не была готова,
- Как я, внимая, это ощутил; 58
И так моя любовь им поглощалась,
Что я о Беатриче позабыл.
- Она, без гнева, только улыбалась, 61
Но так сверкала радость глаз святых,
Что целостная мысль моя распалась.
- Я был среди блесков мощных и живых, 64
Обвивших нас венцом, и песнь их слаще
Еще была, чем светел облик их;
- Так дочь Латоны иногда блестящий 67
Наденет пояс, и, огнем сквозя,
Он светится во мгле, его держащей.

- 72 В дворце небес, где шла моя стезя,
Есть много столь прекрасных самоцветов,
Что их из царства унести нельзя:
- 73 Таким вот было пенье этих светов;
И кто туда подняться не крылат,
Тот от немого должен ждать ответов.
- 76 Когда певучих солнц горящий ряд,
Нас, неподвижных, обогнув трикраты,
Как звезды, к остьям близкие, кружат,
- 79 Остановился, как среди баллаты,
Умолкнув, станет женщин череда
И ждет, чтоб отзвучал запев начатый,
- 82 В одном из них послышалось: «Когда
Луч милости, который возжигает
Неложную любовь, чтоб ей всегда
- 85 Расти с ним вместе, так в тебе сверкает,
Что вверх тебя ведет по ступеням,
С которых спешный — вновь на них ступает,
- 88 Тот, кто твоим бы отказал устам
В своем вине, не больше бы свободен
Был, чем поток, не льющийся к морям.
- 91 Ты хочешь знать, какими благороден
Цветами наш венок, сплетенный тут
Вкруг той, кем ты введен в чертог господень.
- 94 Я был одним из агнцев, что идут
За Домиником на пути богатым,
Где все, кто не собьется, тук найдут.
- 97 Тот, справа, был мне пестуном и братом;
Альбертом из Колоньи он звался,
А я звался Фомою Аквинатом.
- 100 Чтоб наша вязь тебе предстала вся,
Внимай, венец блаженный озирая
И взор вослед моим словам неся.
- 103 Вот этот пламень льет, не угасая,
Улыбка Грациана, кем стоят
И тот, и этот суд, к отраде Рая.

- Другой, чьи рядом с ним лучи горят, 106
 Был тем Петром, который, как однажды
 Вдовица, храму подарил свой клад.
- Тот, пятый блеск, прекраснее, чем каждый 109
 Из нас, любовью вдохновен такой,
 Что мир о нем услышать полон жажды.
- В нем — мощный ум, столь дивный глубиной, 112
 Что, если истина — не заблуждение,
 Такой мудрец не восставал второй.
- За ним ты видишь светоча горенье, 115
 Который, во плоти, провидеть мог
 Природу ангелов и их служенье.
- Соседний с ним счастливый огонек — 118
 Заступник христианских лет, который
 И Августину некогда помог.
- Теперь, вращая мысленные взоры 121
 От света к свету вслед моим хвалам,
 Ты, чтоб узнать восьмого, ждешь опоры.
- Узрев всё благо, радуется там 124
 Безгрешный дух, который лживость мира
 Являет вявшему его словам.
- Плоть, из которой он был изгнан, сирю 127
 Лежит в Чельдоро; сам же он из мук
 И заточенья принят в царство мира.
- За ним пылают, продолжая круг, 130
 Исидор, Беда и Рикард с ним рядом,
 Нечеловек в превысшей из наук.
- Тот, вслед за кем ко мне вернешься взглядом, 133
 Был ясный дух, который смерти ждал,
 Отравленный раздумий горьким ядом:
- То вечный свет Сигера, что читал 136
 В Соломенном проулке в оны лета
 И неугодным правдам поучал».
- И как часы зовут нас в час рассвета, 139
 Когда невеста божья, встав, поет
 Песнь утра жениху и ждет привета,

142 И зубчик гонит зубчик и ведет,
И нежный звон «тинь-тинь» — такой блаженный,
Что дух наш полн любви, как спелый плод,—
145 Так предо мною хоровод священный
Вновь двинулся, и каждый голос в лад
Звучал другим, такой неизреченный,
148 Как может быть лишь в вечности услад.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

О смертных безрассудные усилья!
Как скудоумен всякий силлогизм,
Который пригнетает ваши крылья!
Кто разбирал закон, кто — афоризм, 4
Кто к степеням священства шел ревниво,
Кто к власти чрез насилье иль софизм,
Кого манил разбой, кого — нажива, 7
Кто, в наслажденья тела погружен,
Изнемогал, а кто дремал лениво,
В то время как, от смуты отрешен, 10
Я с Беатриче в небесах далече
Такой великой славой был почтён.
Как только каждый прокружил до встречи 13
С той точкой круга, где он прежде был,
Все утвердились, как в светильнях свечи.
И светоч, что со мною говорил, 16
Вновь подал голос из своей средины
И, улыбаясь, ярче засветил:
«Как мне сияет луч его единый, 19
Так, вечным Светом очи напоя,
Твоих раздумий вижу я причины.
Ты ждешь, недоуменный, чтобы я 22
Тебе раскрыл пространней, чем вначале,
Дабы могла постичь их мысль твоя,
Мои слова, что „Тук найдут“, и дале, 25
Где я сказал: „Не восставал второй“;
Здесь надо, чтоб мы строго различали.
Небесный промысл, правящий землей 28
С премудростью, в которой всякий бренный
Мутится взор, сраженный глубиной,
Дабы на зов любимого священный 31
Невеста жениха, который с ней
В стенаньях кровью обручен блаженной,

34 Уверенней спешила и верней,
Как в этом, так и в том руководима,
Определил ей в помощь двух вождей.

37 Один пылал пыланьем серафима;
В другом казалась мудрость так светла,
Что он блистал сияньем херувима.

40 Лишь одного прославлю я дела,
Но чтит двоих речь об одном ведущий,
Затем что цель их общею была.

43 Промеж Тушино и водой, текущей
С Убальдом облюбованных высот,
Горы высокой сходит склон цветущий

46 И на Перуджу зной и холод шлет
В Ворота Солнца; а за ним, стеная,
Ночера с Гвальдо терпят тяжкий гнет.

49 На этом склоне, там, где он, ломая,
Смягчает кручу, солнце в мир возшло,
Как всходит это, в Ганге возникая;

52 Чтоб это место имя обрело,
„Апези“ — слишком мало бы сказало;
Скажи „Восток“, чтоб точно подошло.

55 Оно, хотя еще недавно встало,
Своей великой силой кое в чем
Уже земле заметно помогало.

58 Он юношей вступил в войну с отцом
За женщину, непризванную к счастью:
Ее, как смерть, впускать не любят в дом;

61 И, перед должною духовной властью
Et cogam patre с нею обручась,
Любил ее, что день, то с большей страстью.

64 Она, супруга первого лишась,
Тысячелетье с лишним, в доле темной,
Вплоть до него любви не дождалась;

67 Хоть ведали, что в хижине укромной,
Где жил Амикл, не дрогнула она
Пред тем, кого страшился мир огромный,

- И так была отважна и верна, 70
Что, где Мария ждять внизу осталась,
К Христу на крест взошла рыдать одна.
- Но, чтоб не скрытной речь моя казалась, 73
Знай, что Франциском этот был жених
И Нищетою невеста называлась.
- При виде счастья и согласия их, 76
Любовь, умильный взгляд и удивленье
Рождали много помыслов святых.
- Бернарда первым обуяло рвенье, 79
И он, разутый, вслед спеша, был рад
Столь дивное настичь упокоенье.
- О дар обильный, о безвестный клад! 82
Эгидий бос, и бос Сильвестр, ступая
Вслед жениху; так дева манит взгляд!
- Отец и пестун из родного края 85
Уходит с нею, теми окружен,
Чей стан уже стянула вервь простая;
- Вежд не потушив оттого, что он — 88
Сын Пьетро Бернардоне и по платью
И по лицу к презреннейшим причтен,
- Он царственно всё то, что движет братью, 91
Раскрыл пред Иннокентием, и тот
Устав скрепил им первую печатью.
- Когда разросся бедненький народ 94
Вокруг того, чья жизнь столь знаменита,
Что славу ей лишь небо воспоет,
- Дух повелел, чтоб вновь была повита 97
Короной, из Гонориевых рук,
Святая воля их архимандрита.
- Когда же он, томимый жаждой мук, 100
Перед лицом надменного султана
Христа восславил и Христовых слуг,
- Но увидал, что учит слишком рано 103
Незрелых, и вернулся, чтоб во зле
Не чахла италийская поляна,—

106 На Тибр и Арно рознящей скале
Приняв Христа последние печати,
Он их носил два года на земле.
109 Когда даритель столькой благодати
Взнес того, кто захотел таким
Смирренным быть, к им заслуженной плате,
112 Он братьям, как наследникам своим,
Возлюбленную поручил всецело,
Хранить ей верность завещая им;
115 Единственно из рук ее хотела
Его душа в чертог свой отойти,
Иного гроба не избрав для тела.
118 Суди ж, каков был тот, кто с ним вести
Достоин был вдвоем ладью Петрову
Средь волн морских по верному пути!
121 Он нашей братьи положил основу;
И тот, как видишь, грузит добрый груз,
Кто с ним идет, его послушный слову.
124 Но у овец его явился вкус
К другому корму, и для них надёжней
Отыскивать вразброд запретный кус.
127 И чем ослушней и неосторожней
Их стадо разбредется, кто куда,
Тем у вернувшихся сосцы порожней.
130 Есть и такие, что, боясь вреда,
Теснятся к пастуху; но их так мало,
Что холст для ряс в запасе есть всегда.
133 И если внятно речь моя звучала
И ты вослед ей со вниманьем шел
И помнишь то, что я сказал сначала,
136 Ты часть искомого теперь обрел;
Ты видишь, как на щепки ствол сечется
И почему я оговорку ввел:
139 „Где тук найдут все те, кто не собьется“».

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Едва последнее промолвил слово
Благословенный пламенный, как вдруг
Священный жернов закружился снова;
И, прежде чем он сделал полный круг, 4
Другой его замкнул, вовне сплетенный,
Сливая с шагом шаг, со звуком звук,
Звук столь певучих труб, что, с ним сравненный, 7
Земных сирен и муз не ярче звон,
Чем рядом с первым блеском — отраженный.
Как средь прозрачных облачных пелен 10
Над луком лук соцветный и сокружный
Посланицей Юноны вознесен,
И образован внутренним наружный, 1
Похож на голос той, чье тело страсть,
Как солнце — мглу, сожгла тоской недужной,
И предрекать дается людям власть, — 16
Согласно с божьим обещаньем Ною, —
Что вновь на мир потоцу не ниспасть,
Так вечных роз гирляндю двойною 19
Я окружен был с госпожей моей,
И внешняя скликалась с основною.
Когда же пляску и, совместно с ней, 22
Торжественное пенье и пыланье
Приветливых и радостных огней
Остановило слитное желанье, 25
Как у очей совместное всегда
Бывает размыканье и смыканье, —
В одном из новых пламеней тогда 28
Раздался голос, взор мой понуждая
Оборотиться, как иглу звезда,
И начал так: «Любовь, во мне сияя, 31
Мне речь внушает о другом вожде,
Как о моем была здесь речь благая.

- 34 Им подобает вместе быть везде,
Чтоб нераздельно слава озаряла
Объединенных в боевом труде.
- 37 Христова рать, хотя мечи достала
Такой ценой, медлива и робка
За стягом шла, и ратных было мало,
- 40 Когда царящий вечные века,
По милости, не в воздаянье чести,
Смутившиеся выручил войска,
- 43 Послав, как сказано, своей невесте
Двух воинов, чье дело, чьи слова
Рассеянный народ собрали вместе.
- 46 В той стороне, откуда дерева
Живит Зефир, отрадней для природы,
Чтоб вновь Европу облекла листва,
- 49 Близ берега, в который бьются воды,
Где солнце, долго идя на закат,
Порою покидает все народы,
- 52 Есть Каларога, благодатный град,
Хранительным щитом обороненный,
В котором лев принижен и подъят.
- 55 И в нем родился этот друг влюбленный
Христовой веры, поборатель зла,
Благой к своим, с врагами непреклонный.
- 58 Чуть создана, душа его была
Полна столь мощных сил, что, им чревата,
Пророчествовать мать его могла.
- 61 Когда у струй, чье омовенье свято,
Брак между ним и верой был свершен,
Взаимным благом их даря богато,
- 64 То восприемнице приснился сон,
Какое чудное исполнить дело
Он с верными своими вдохновен.
- 67 И, чтобы имя суть запечатлело,
Отсюда мысль сошла его наречь
Тому подвластным, чьим он был всецело.

- Он назван был Господним; строя речь, 70
 Сравню его с садовником Христовым,
 Который призван сад его беречь.
- Он был посланцем и слугой Христовым, 73
 И первый взор любви, что он возвел,
 Был к первым наставлениям Христовым.
- В младенчестве своем на жесткий пол 76
 Он, бодрствуя, ложился, молчаливый,
 Как бы твердя: „Я для того пришел“.
- Вот чей отец воистину Счастливый! 79
 Вот чья воистину Иоанна мать,
 Когда истолкования правдивы!
- Не ради благ, манящих продолжать 82
 Нелегкий путь Остийца и Фаддея,
 Успел он много в малый срок познать,
- Но лишь о манне истинной радея; 85
 И обходил дозором вертоград,
 Чтоб он, в забросе, не зачах, седея;
- И у престола, что во много крат 88
 Когда-то к истым бедным был добрее,
 В чем выродок воссевший виноват,
- Не назначенья в должность поскорее, 91
 Не льготы — два иль три считать за шесть,
 Не *decimas, quae sunt pauperum Dei**,
- Он испросил; но право бой повесть 94
 С заблудшими за то зерно, чьих кринов
 Двенадцать чет пришли тебя ошлеть.
- Потом, познанья вместе с волей двинув, 97
 Он выступил апостольским послом,
 Себя как мощный водопад низринув
- И потрясая на пути своем 100
 Дебрь лжеученья, там сильней бурливый,
 Где был сильней отпор, чинимый злом.

* Десятины, которые принадлежат нищим божьим (*лат.*).

- 103 И от него пошли ручьев разливы,
Чьей влагою вселенский сад возрос,
Где деревья поэтому так живы.
- 106 Раз таково одно из двух колес
Той колесницы, на которой билась
Святая церковь средь усобных гроз,—
- 109 Тебе, наверно, полностью открылась
Вся мощь второго, чья святая цель
Здесь до меня Фомой превозносилась.
- 112 Но след, который резала досель
Его окружность, брошен в дни упадка,
И винный камень заменила цвель.
- 115 Державшиеся прежде отпечатка
Его шагов свернули до того,
Что ставится на место пальцев пятка.
- 118 И явит в скором времени жнитво,
Как плох был труд, когда сорняк взрыдает,
Что житница закрыта для него.
- 121 Конечно, кто подряд перелистает
Всю нашу книгу, встретит и листок,
Гласящий: „Я таков, как подобает“.
- 124 Не в Акваспарте он возникнуть мог
И не в Касале, где твердят открыто,
Что слишком слаб устав иль слишком строг.
- 127 Я жизнь Бонавентуры, минорита
Из Баньореджо; мне мой труд был свят,
И все, что слева, было мной забыто.
- 130 Здесь Августин, и здесь Иллюминат,
Из первых меж босыми бедняками,
Которым бог, с их вервием, был рад.
- 133 Гугон святого Виктора меж нами,
И Петр Едок, и Петр Испанский тут,
Что сквозь двенадцать книг горит лучами;
- 136 Нафан пророк, и тот, кого зовут
Золотоустым, и Ансельм с Донатом,
К началку знаний приложившим труд;

А там — Рабан; а здесь, в двенадесятом	139
Огне сияет вещей Иоахим,	
Который был в Калабрии аббатом.	
То брат Фома, любовью палим;	142
Завидовать такому паладину	
Подвиг меня хвалением своим;	
И эту вслед за мной подвиг дружину».	145

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Пусть тот, кто хочет знать, что мне предстало,
Вообразит (и образ, внемля мне,
Пусть держит так, как бы скала держала)
4 Пятнадцать звезд, горящих в вышине
Таким огнем, что он нам блещет в очи,
Любую мглу преодолев извне;
7 Вообразит тот Воз, что дни и ночи
На нашем небе вольно колесит
И от круженья дышла — не короче;
10 И устье рога пусть вообразит,
Направленного от иглы устоя,
Вокруг которой первый круг скользит;
13 И что они, два знака в небе строя,
Как тот, который, чуя смертный хлад,
Сплела в былые годы дочь Миноя,
16 Свои лучи друг в друге единят,
И эти знаки, преданы вращенью,
Идут — один вперед, другой назад, —
19 И перед ним возникнет смутной тенью
Созвездие, чей светлый хоровод
Меня обвил своей двойною сенью,
22 С которой всё, что опыт нам несет,
Так несравнимо, как течение Къяны
С той сферою, что всех быстрее течет.
25 Не Вах там воспевался, не пеаны,
Но в божеской природе три лица
И как она и смертная слияны.
28 Умолкнув, оба замерли венца
И устремили к нам свое сиянье,
И вновь их счастьем не было конца.
31 В содружестве божеств прервал молчанье
Тот свет, из чьих я слышал тайников
О божьем нищем чудное сказанье,

- И молвил: «Раз один из двух снопов
Смолочен, и зерно лежать осталось,
Я и второй обмолотить готов. 34
- Ты думаешь, что в грудь, откуда бралось 37
Ребро, чтоб вышла нежная щека,
Чье нёбо миру дорого досталось,
- И в ту, которая на все века, 40
Пронзенная, так много искупила,
Что стала всякая вина легка,
- Весь свет, вместить который можно было 43
Природе человеческой, влила
Создавшая и ту, и эту сила;
- И странной речь моя тебе была, 46
Что равного не ведала второго
Душа, чья благодать в пятый блеск вошла.
- Вняв мой ответ, поймешь, что это слово 49
С тем, что ты думал, точно совпадет,
И средоточья в круге нет другого.
- Всё, что умрет, и всё, что не умрет,— 52
Лишь отблеск Мысли, коей Всемогущий
Своей Любовью бытие дает;
- Затем что животворный Свет, идущий 55
От Светодавца и единый с ним,
Как и с Любовью, третьей с ними сущей,
- Струит лучи, волнением своим, 58
На девять сущностей, как на зеркала,
И вечно остается неделим;
- Оттуда сходит в низшие начала, 61
Из круга в круг, и под конец творит
Случайное и дящееся мало;
- Я под случайным мыслю всякий вид 64
Созданий, всё, что небосвод кружащий
Чрез семя и без семени плодит.
- Их воск изменчив, наравне с творящей 67
Его средой, и потому чекан
Дает то смутный оттиск, то блестящий.

- 70 Вот почему, при схожести семян,
 Бывает качество плодов неравно,
 И разный ум вам от рожденья дан.
- 73 Когда бы воск был вытоплен исправно
 И натиск силы неба был прямой,
 То блеск печати выступал бы явно.
- 76 Но естество его туманит мглой,
 Как если б мастер проявлял уменье,
 Но действовал дрожащею рукой.
- 79 Когда ж Любовь, расположив Прозренье,
 Его печатью Силы нагнела,
 То возникает высшее свершенье.
- 82 Так некогда земная персть могла
 Стать совершеннее, чем всё живое;
 Так приснодева в чреве понесла.
- 85 И в том ты прав, что естество земное
 Не ведало носителей таких
 И не изведает, как эти двое.
- 88 И если бы на этом я затих,
 „Так чем его премудрость несравненна?“ —
 Гласило бы начало слов твоих.
- 91 Но чтоб открылось то, что сокровенно,
 Помысли, кем он был и чем влеком
 Он, услыхав: „Проси!“ — молил смиренно.
- 94 Я выразил не темным языком,
 Что он был царь, о разуме неложном
 Просивший, чтобы истым быть царем;
- 97 Не чтобы знать, в числе их непреложном,
 Всех движителей; можно ль заключить
 К *necesse* при *necesse* * и возможном;
- 100 И можно ль *primum motum* ** допустить;
 Иль треугольник в поле полукружья,
 Но не прямоугольный, начертить.

* Необходимое (*лат.*).

** Первоначальный толчок (*лат.*).

- Так вот и прежде речь клонил к тому ж я: 103
Я в царственную мудрость направлял,
Сказав про мудрость, острое оружья.
И ты, взглянув ясней на „восставал“, 106
Поймешь, что это значит — меж царями;
Их — множество, а круг хороших мал.
Вот, что моими сказано словами; 109
Их смысл с твоим суждением совместим
О праотце и о любимом нами.
Да будет то свинцом к стопам твоим, 112
Чтобы ты шел неспешно, как усталый,
И к „да“, и к „нет“, когда к ним путь незрим;
Затем что между шалых — самый шалый, 115
Кто утверждать берется наобум
Иль отрицать с оглядкой слишком малой.
Ведь очень часто торопливость дум 118
На ложный путь заводит безрассудно;
А там пристрастья связывают ум.
И хуже, чем напрасно, ладит судно 121
И не таким, как был, свершит возврат
Тот рыбарь правды, чье уменье скудно.
Примерами перед людьми стоят 124
Брис, Парменид, Мелисс и остальные,
Которые блуждали наугад,
Савелий, Арий и глупцы иные, 127
Что были как мечи для божьих книг
И искривляли лица их прямые.
Никто не думай, что он столь велик, 130
Чтобы судить; никто не числи жита,
Покуда колос в поле не поник.
Я видел, как угрюмо и сердито 133
Смотрел терновник, за зиму застыв,
Но миг — и роза на ветвях раскрыта;
Я видел, как, легок и горделив, 136
Бежал корабль далекою путиной
И погибал, уже входя в залив.

139 Пусть донна Берга или сэр Мартино,
Раз кто-то щедр, а кто-то любит красть,
О них не судят с богом заедино;
142 Тот может встать, а этот может пасть».

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В округлой чаше от каймы к середине
Спешит вода иль изнутри к кайме,
Смущенная извне иль в сердцевине.
Мне этот образ вдруг мелькнул в уме, 4
Когда умолкло славное светило
И Беатриче тотчас вслед Фоме
В таких словах начать благоволила, — 7
Настолько совершенно к их речам
Уподобленье это подходило:
«Он хочет, хоть и не открылся вам 10
Ни голосом, ни даже помышленьем,
В одной из истин снизойти к корням.
Скажите: свет, который стал цветеньем 13
Природы вашей, будет ли всегда
Вас окружать таким же излученьем?
И если вечно будет, то, когда 16
Вы станете опять очам зримы,
Как зренью он не причинит вреда?»
Как, налетевшей радостью стремимы, 19
Те, кто крутится в пляске круговой,
Поют звончей и вновь неутомимы,
Так, при словах усердной просьбы той, 22
Живей сказалась душ святых отрада
Кружением и звуков красотой.
Кто сетует, что смерть изведать надо, 25
Чтоб в горних жить, — не знает, не вкусив,
Как вечного дождя сладка прохлада.
Единый, двое, трое, тот, кто жив 28
И правит вечно, в трех и в двух единый,
Всё, беспредельный, в свой предел вместив,
Трижды был воспет святой дружиной 31
Тех духов, и напев так нежен был,
Что всем наградам мог бы стать вершиной.

- 34 И вскоре, в самом дивном из светил
Меньшого круга, голос благочестный,
Как, верно, ангел деве говорил,
37 Ответил так: «Доколе Рай небесный
Длит праздник свой, любовь, что в нас живет,
Лучится этой ризою чудесной.
40 Ее свеченье пылу вслед идет,
Пыл — зренью вслед, а зренью — до предела,
Который милость сверх заслуг дает.
43 Когда святое в новой славе тело
Нас облечет, то наше существо
Прекрасней станет, завершась всецело:
46 Окрепнет свет, которым божество
По благодати своей нас одарило,
Свет, нам дающий созерцать его;
49 И зрения тогда окрепнет сила,
Окрепнет пыл, берущий мощность в нем,
Окрепнет луч, рождаемый от пыла.
52 Но словно уголь, пышущий огнем,
Господствует над ним своим накалом,
Неодолим в сиянии своем,
55 Так пламень, нас обвивший покрывалом,
Слабее будет в зримости, чем плоть,
Укрытая сейчас могильным валом.
58 И этот свет не будет глаз колоть:
Орудья тела будут в меру сильны
Для всех услад, что нам пошлет господь».
61 Казались оба хора так умильны,
Стремясь «Аминь!» проговорить скорей,
Что им был явно дорог прах могильный,—
64 Быть может, и не свой, а матерей,
Отцов и всех, любимых в мире этом
И ставших вечной чередой огней.
67 И вот кругом, сияя ровным светом,
Забрезжил блеск над окаймлявшим нас,
Подобный горизонту пред рассветом.

- И как на небе в предвечерний час 70
 Рождаются мерцанья, чуть блистая,
 Которым верит и не верит глаз,
 Я видел — новых бестелесных стая 73
 Окрест меня сквозит со всех сторон,
 Два прежних круга третьим окружая.
 О Духа пламень истинный! Как он 76
 Разросся вдруг, столь огнезарно ясно,
 Что взгляд мой не стерпел и был сражен!
 Но Беатриче так была прекрасна 79
 И радостна, что это воссоздать
 Мое воспоминание не властно.
 В ней силу я нашел глаза поднять 82
 И увидал, что вместе с ней мгновенно
 Я в высшую вознесся благодать.
 Что я поднялся, было несомненно, 85
 Затем что глубь звезды, раскалена,
 Смеялась рдяней, чем обыкновенно.
 Всем сердцем, речью, что во всех одна, 88
 Создателю свершил я всеожженье
 За то, что эта милость мне дана;
 Еще в груди не кончилось горенье 91
 Творимой жертвы, как уже я знал,
 Что господу угодно приношенье;
 Затем что сонм огней так ярко ал 94
 Предстал мне в двух лучах, что, созерцая,
 «О Гелиос, как дивно!» — я сказал.
 Как, меньшими и бóльшими мерцая 97
 Огнями, Млечный Путь светло горит
 Меж остий мира, мудрецов смущая,
 Так в недрах Марса, звездами увит, 100
 Из двух лучей слагался знак священный,
 Который в рубежах квадрантов скрыт.
 Здесь память победила разум бранный; 103
 Затем что этот крест сверкал Христом
 В красе, ни с чем на свете несравненной.

106 Но взявший крест свой, чтоб идти с Христом,
Легко простит мне упущенья речи,
Узрев тот блеск, пылающий Христом.
109 Сияньем озарив и ствол, и плечи,
Стремилась пламена, искрясь сильней
При прохожденье мимо и при встрече.
112 Так, впрямь и вкривь, то тише, то быстрее,
Подобные изменчивому рою,
Крупинки тел, короче и длинней,
115 Плывут в луче, секущем полосую
Иной раз мрак, который, хоронясь,
Мы создаем искусною рукою.
118 Как струны арф и скрипок, единясь,
Звенят отрадным гудом неразымно
Для тех, кому невнятна в звуках связь,
121 Так в этих светах, блестящих взаимно,
Песнь вдоль креста столь дивная текла,
Что я пленился, хоть не понял гимна.
124 Что в нем звучит высокая хвала,
Я понял, слыша: «Для побед воскресни»,
Но речь невнятной разуму была.
127 Я так влюбился в голос этой песни,
И так он мной всецело овладел,
Что я вовек не ведал уз чудесней.
130 Мне скажут, что язык мой слишком смел
И я принизил очи заревые,
В которых всем мечтам моим предел;
133 Но взвесивший, что в высоте живые
Печати всех красот мощней царят,
А там я к ним поздней воззрел впервые,
136 Простит мне то, в чем я виниться рад,
Чтоб быть прощенным, и воздаст мне верой;
Святой восторг отсюда не изъят,
139 Затем что он всё чище с каждой сферой.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

С	очувственная воля, истекая	
	Из праведной любви, как из дурной	
	И ненасытной истекает злая,	
	Прервала пенье лиры неземной,	4
	Святые струны замирая властно,	
	Настроенные вышнею рукой.	
	Возможно ль о благом просить напрасно	7
	Те сущности, которые, чтоб дать	
	Мне попросить, умолкли так согласно?	
	По праву должен без конца страдать	10
	Тот, кто, прельщен любовью недостойной,	
	Такой любви отринул благодать.	
	Как в воздухе прозрачном ночи знойной	13
	Скользнет внезапный пламень иногда	
	И заставляет дрогнуть взор спокойный,	
	Как будто передвинулась звезда,	16
	Хоть там, где вспыхнул он, светил держава	
	Цела, а сам он гаснет без следа,—	
	Так от плеча, простершегося вправо,	19
	Скользнула вниз, вдоль по кресту нисшед,	
	Одна из звезд, чья там блистает слава.	
	И с ленты не сорвался самоцвет,	22
	А в полосе луча промчался, светел,	
	Как блещущий за алебастром свет;	
	Так дух Анхиза страстно сына встретил,	25
	В чем высшая нас уверяет муза,	
	Когда его в Элисии заметил.	
	«O sanguis meus, o superinfusa	28
	Gratia Dei, sicut tibi cui	
	Bis unquam coeli ianua reclusa?» *	

* О кровь моя, о сверх меры дарованная милость божия тому, пред кем, как не пред тобою, дважды надлежит открыться вратам небесным? (лат.)

31 Так этот свет; внимательно к нему я
Возвел глаза; потом возвел к моей
Владычице, и здесь, и там ликуя:
34 Столь радостен был блеск ее очей,
Что мне казалось — благодати Рая
Моим очам нельзя познать полней.
37 А дух, мой слух и зренье услаждая,
Продолжил речь, но смысл был так глубок,
Что я ему внимал, не понимая.
40 Он не нарочно мглой себя облек,
А поневоле: взлет его суждений
Для цели смертных слишком был высок.
43 Когда же лук столь жарких изъявлений
Был вновь ослаблен, так что речь во всем
Сошла до нашей умственной мишени,
46 То сразу же я различил потом:
«Благословен в трех лицах совершенный,
Столь милостивый в семени моем!»
49 И дальше: «Голод давний и блаженный,
Той книгою великой данный мне,
Где белое и черное нетленны,
52 Ты в этом, сын мой, утолил огне,
Где говорю я, и да восхвалится
Та, что тебя возносит к вышине!
55 Ты веруешь, что мысль твоя стремится
Ко мне из Первой так, как пять иль шесть
Из единицы ведомой лучится;
58 И ты вопрос не хочешь произнести,
Кто я, который больше, чем вся стая
Счастливых духов, рад тебя обрести.
61 Ты в этой вере прав: здесь обитая,
Большой и малый в Зеркало глядят,
Где видима заране мысль любая.
64 Но чтоб любви, которой я объят,
Бессонно зрящий, и всегда взволнован,
Как сладкой жаждой, не было преград,

- Пусть голос твой, уверен, смел, нескован, 67
Мне явит волю, явит мне вопрос,
Которому ответ предуготован!»
- Тогда я к Беатриче взор вознес; 70
Та, слыша мысль, улыбкой отвечала,
И, окрыленный, мой порыв возрос.
- Я начал так: «Вы — те, кому предстало 73
Всеравенство; меж чувством и умом
Для вас неравновесия не стало;
- Затем что в Солнце, светом и теплом 76
Вас озарившем и согрешем, оба
Вне всех подобий в равенстве своем.
- Но мысль и воля в смертных жертвах гроба, 79
Чему ясна причина вам одним,
В своих крылах оперены особо;
- И я, как смертный, свыкшийся с таким 82
Неравенством, творю благодаренье
За отчий праздник сердцем лишь своим.
- Тебя молю я, в это украшение 85
Столь дивно вправленный топаз живой,
По имени твоём уйми томленье».
- «Листва моя, возлюбленная мной 88
Сквозь ожиданье,— так он, мне в угоду,
Ответ свой начал, — я был корень твой».
- Потом сказал мне: «Тот, кто имя роду 91
Дал твоему и кто сто с лишним лет
Идет горой по первому обводу,
- Мне сыном был, а им рожден твой дед; 94
И надо, чтоб делами доременно
Ты снял с него томительный запрет.
- Флоренция, меж древних стен, бессменно 97
Ей подающих время терц и нон,
Жила спокойно, скромно и смиренно.
- Не знала ни цепочек, ни корон, 100
Ни юбок с вышивкой, и пояпочки
Не затмевали тех, кто обряжен.

- 103 Отцов, рождаясь, не страшили дочки,
Затем что и приданое, и срок
Не расходились дальше должной точки.
- 106 Пустых домов назвать никто не мог;
И не было еще Сарданапала,
Дабы явить, чем может стать чертог.
- 109 Еще не взнесся выше Монтемало
Ваш Птичий Холм, который победил
В подъеме и обгонит в час развала.
- 112 На Беллинчоне Берти пояс был
Ременный с костью; с зеркалом прощалась
Его жена, не наведя белил.
- 115 На Нерли и на Веккьо красовалась
Простая кожа, без затей гола;
Рука их жен кудели не гнушалась.
- 118 Счастливицы! Всех верная ждала
Гробница, ни единая на ложе
Для Франции забыта не была.
- 121 Одна над люлькой вторила всё то же
На языке, который молодым
Отцам и матерям всего дороже.
- 124 Другая, пряжу прядучи, родным
И домочадцам речь вела часами
Про славу Трои, Фьезоле и Рим.
- 127 Казались бы Чангелла между нами
Иль Сальтерелло чудом дивных стран,
Как Квинций иль Корнелия — меж вами.
- 130 Такой прекрасный, мирный быт граждан,
В гражданственном живущих единенье,
Такой приют отрадный был мне дан
- 133 Марией, громко призванной в мученье;
И, в древнем вашем храме восприят,
Я Каччагвидой стал в святом крещенье.
- 136 Моронто — брат мне, Элизео — брат;
Супругу взял я из долины Падо;
Отсюда прозвище ее ввучат.

-
- Я следовал за кесарем Куррадо, 139
И мне он пояс рыцарский надел,
Затем что я служил ему, как надо.
- С ним вышел я, как мститель злобных дел, 142
На тех, кто вашей вотчиной законной,
В чем пастыри повинны, завладел.
- Там, племенем нечистым отрешенный, 145
Покинул я навеки лживый мир,
Где дух столь многих гибнет, загрязненный,
- И после мук вкушаю этот мир». 148

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

скудная вельможность нашей крови!
Тому, что гордость ты внушаешь нам
Здесь, где упадок истинной любви,
4 Вовек не удивлюсь; затем что там,
Где суетою дух не озабочен,
Я мыслю — в небе, горд был этим сам.
7 Однако плащ твой быстро укорочен;
И если, день за днем, не добавлять,
Он ножницами времени подточен.
10 На «вы», как в Риме стали величать,
Хоть их привычка остается зыбкой,
Повел я речь, заговорив опять;
13 Чтó Беатриче, в стороне, улыбкой
Отметила, как кашель у другой
Был порожден Джиневриной ошибкой.
16 Я начал так: «Вы — прародитель мой;
Вы мне даете говорить вам смело;
Вы дали мне стать больше, чем собой.
19 Чрез столько устий радость овладела
Моим умом, что он едва несет
Ее в себе, счастливый до предела.
22 Скажите мне, мой корень и оплот,
Кто были ваши предки, и который
В рожденье ваше помечался год;
25 Скажите, велика ль была в те поры
Овчарня Иоаннова, и в ней
Какие семьи привлекали взоры».
28 Как уголь на ветру горит сильней,
Так этот светоч вспыхнул блеском ясным,
Внимая речи ласковой моей;
31 И как для глаз он стал вдвойне прекрасным,
Так он еще нежней заговорил,
Но не наречьем нашим повсечасным:

- «С тех пор, как „Ave“ * ангел возвестил, 34
 По день, как матерью, теперь святою,
 Я, плод ее, подарен свету был,
 Вот этот пламень, должной чередою, 37
 Пятьсот и пятьдесят и тридцать крат
 Зажегся вновь под Львиною пятою.
 Дома, где род наш жил спокон, стоят 40
 В том месте, где у вас из лета в лето
 В последний округ всадники спешат.
 О прадедах моих скажу лишь это; 43
 Откуда вышли и как звали их,
 Не подобает мне давать ответа.
 От Марса к Иоанну, счет таких, 46
 Которые могли служить в дружине,
 Был пятой долей нынешних живых.
 Но кровь, чей цвет от примеси Фегтине, 49
 И Кампи, и Чертальдо помутнел,
 Была чиста в любом простолоюдине.
 О, лучше бы ваш город их имел 52
 Соседями и приходился рядом
 С Галлуццо и Треспяно ваш предел,
 Чем чтобы с вами жил пропахший смрадом 55
 Мужик из Агульоне иль иной
 Синьезец, взятку стерегущий взглядом!
 Будь кесарю не мачехой дурной 58
 Народ, забывший всё, что в мире свято,
 А доброй к сыну матерью родной,
 Из флорентинцев, что живут богато, 61
 Иной бы в Симифонти поспешил,
 Где дед его ходил с сумой когда-то.
 Досель бы графским Монтемурло слыл, 64
 Дом Черки оставался бы в Аконе,
 Род Буондельмонти бы на Грее жил.

* Радуйся (лат.).

- 67 Смешение людей в едином лоне
Бывало городам всего вредней,
Как от излишней пищи плоть в уроне.
- 70 Ослепший бык повалится скорей
Слепого агнца; режет острой сталью
Единый меч верней, чем пять мечей.
- 73 Взглянув на Луни и на Урбисалью,
Судьба которых также в свой черед
И Кьюзи поразит, и Синигалью,
- 76 Ты, слыша, как иной пресекался род,
Мудреной в этом не найдешь загадки,
Раз города, и те кончина ждет.
- 79 Всё ваше носит смертные зачатки,
Как вы,— хотя они и не видны
В ином, что длится, ибо жизни кратки.
- 82 Как берега, вращаясь, твердь луны
Скрывает и вскрывает неустанно,
Так судьбы над Флоренцией властны.
- 85 Поэтому звучать не может странно
О знатных флорентинцах речь моя,
Хоть память их во времени туманна.
- 88 Филиппи, Уги, Гречи видел я,
Орманни, Кателлини, Альберики —
В их славе у порога забытья.
- 91 И видел я, как древни и велики
Дель Арка и Саннелла рядом с ним,
Ардинги, Сольданьери и Бостики.
- 94 Вблизи ворот, которые таким
Нагружены предательством, что дале
Корабль не может плавать невредим,
- 97 В то время Равиньяни обитали,
Чтоб жизнь потом и графу Гвидо дать,
И тем, что имя Беллинчоне взяли.
- 100 Умели Делла Пресса управлять;
И уж не раз из Галигаев лучший
Украсил позолотой рукоять.

- Уже высок был белый столб, могучи 103
 Фифанти, те, кто кадкой устыжен,
 Саккетти, Галли, Джуоки и Баруччи.
 Ствол, давший ветвь Кальфуччи, был силен; 106
 Род Арригуччи был среди привлеченных
 К правлению, род Сиции почтён.
 В каком величье видел я сраженных 109
 Своей гордыней! Как сиял для всех
 Блеск золотых шаров непосрамленных!
 Такими были праотцы и тех, 112
 Что всякий раз, как церковь опустеет,
 В капитуле жиреют всем на смех.
 Нахальный род, который свирепеет 115
 Вслед беглецу, а чуть ему поднести
 Кулак или кошель,— ягненком блеет,
 Уже тогда всё выше начал лезть; 118
 И огорчался Убертин Донато,
 Что с ними вздумал породниться тесть.
 Уже и Капонсакко на Меркато 121
 Сошел из Фьезоле; и процвели
 И Джуда меж граждан, и Инфангато.
 Невероятной истине внемли: 124
 Ворота в малый круг во время оно
 От Делла Пера имя повели.
 Кто носит герб великого барона, 127
 Чью честь и память, празднуя Фому,
 Народ оберегает от урона,
 Те рыцарством обязаны ему; 130
 Хоть ищет плотью от народной плоти
 Стать тот, кто этот щит замкнул в кайму.
 Я Импортунни знал и Гвальтеротти; 133
 И не прибавься к ним иной сосед,
 То Борго жил бы не в такой заботе.
 Дом, ставший корнем ваших горьких бед, 136
 Принесший вам погибель, в злобе правой,
 И разрушенье бестревожных лет,

- 139 Со всеми сродными почтён был славой.
О Буондельмонте, ты в недобрый час
Брак с ним отверг, приняв совет лукавый!
- 142 Тот был бы весел, кто скорбит сейчас,
Низринь тебя в глубь Эмы всемогущий,
Когда ты в город ехал в первый раз.
- 145 Но уцербленный камень, мост блюдущий,
Кровавой жертвы от Фьоренцы ждал,
Когда кончался мир ее цветущий.
- 148 При них и им подобных я видал
Фьоренцу жившей столь благоуоставно,
Что всякий повод к плачу отпадал;
- 151 При них народ господствовал так славно
И мудро, что ни разу не была
Лилея опрокинута стремглавно
- 154 И от вражды не делалась ала».

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Как спросить Климену, слыша новость,
Его встревожившую, поспешил
Тот, кто в отцах родил к сынам суровость,
Таков был я, и так я понят был 4
И госпожей, и светочем священным,
Который место для меня сменил.
И Беатриче: «Пусть не будет пленным 7
Огонь желанья; дай ему пылать,
Отбив его чеканом сокровенным;
Не потому, чтобы ты мог сказать 10
Нам новое, а чтобы приучиться,
Томясь по влаге, жажды не скрывать».
«Мой ствол, чей взлет в такие выси мчится, 13
Что, как для смертных истина ясна,
Что в треугольник двум тупым не влиться,
Так ты провидишь всё, чему дана 16
Возможность быть, взирая к Средоточью,
В котором все совместны времена,—
Когда Вергилий мне являл воочью 19
Утес, где дух становится здоров,
И мертвый мир, объятый вечной ночью,
Немало я услышал тяжких слов 22
О том, что в жизни для меня настанет,
Хотя к ударам рока я готов;
Поэтому мои желанья манит 25
Узнать судьбу моих грядущих лет;
Стрела, которой ждешь, ленивей ранит».
Так я промолвил, вопрошая свет, 28
Вещавший мне; так, повинуюсь строго,
Я Беатриче выполнил завет.
Не притчами, в которых вязло много 31
Глушцов, когда еще не пал, заклан,
Грехи людей принявший агнец бога,

- 34 Но ясной речью был ответ мне дан,
Когда отец, пекущийся о чаде,
Сказал, улыбкой скрыт и осиян:
- 37 «Возможное, вмещаясь в той тетради,
Где ваше начерталось вещество,
Отражено сполна в предвечном взгляде,
- 40 Не став необходимым оттого,
Как и ладьи вниз по реке движенье —
От взгляда, отразившего его.
- 43 Оттуда так, как в уши входит пеньё
Органых труб, всё то, что предстоит
Тебе во времени, мне входит в зреньё.
- 46 Как покидал Афины Ипполит,
Злой мачехой гонимый в гневе яром,
Так и тебе Флоренция велит.
- 49 Того хотят, о том хлопочут с жаром
И нужного достигнут без труда
Там, где Христос вседневным стал товаром.
- 52 Вину молва возложит, как всегда,
На тех, кто пострадал; но злодеянья
Изобличатся правдой в час суда.
- 55 Ты бросишь всё, к чему твои желанья
Стремилась нежно; эту язву нам
Всего быстрее наносит лук изгнанья.
- 58 Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.
- 61 Но худшим гнетом для тебя отныне
Общенье будет глупых и дурных,
Поверженных с тобою в той долине.
- 64 Безумство, злость, неблагодарность их
Ты сам познаешь; но виски при этом
Не у тебя зардеют, а у них.
- 67 Об их скотстве объявят перед светом
Поступки их; и будет честь тебе,
Что ты остался сам себе клеветом.

- Твой первый дом в скитальческой судьбе 70
 Тебе создаст Ломбардец знаменитый,
 С орлом святым над лестницей в гербе.
- Тебя укроет сень такой защиты, 73
 Что будут просьба и ответ у вас
 В порядке необычном перевиты.
- С ним будет тот, кто принял в первый час 76
 Таковую мощь от этого светила,
 Что блеском дел прославится не раз.
- Его толпа еще не отличила 79
 По юности, и небо вечный свод
 Вокруг него лишь девять лет кружило;
- Но раньше, чем Гасконец проведет 82
 Высокого Арриго, безразличье
 К богатствам и к невзгодам в нем сверкнет.
- Так громко щедрое его величье 85
 Прославится, что даже у врагов
 Оно развяжет их косноязычье.
- Отдайся смело под его покров; 88
 Через него судьба преобразится
 Для многих богачей и бедняков.
- В твоём уме о нем да впечатлится, 91
 Но ты молчи...» — и тут он мне открыл
 Невероятное для очевидца.
- Затем добавил: «Сын, я пояснил 94
 То, что тебе сказали; козни эти
 Круговорот недалёкий затаил.
- Но не завидуй тем, кто ставил сети: 97
 Давно отмщенной будет их вина,
 А ты, как прежде, будешь жить на свете».
- Когда я понял, что завершена 100
 Речь праведной души и что основа,
 Которую я подал, заткана,
- Я произнес, как тот, кто от другого 103
 Совета ждет, наставника ценя,
 В желаньях, в мыслях и в любви прямого:

- 106 «Я вижу, мой отец, как на меня
Несется время, чтоб я в прах свалился,
Раз я пойду, себя не охраня.
- 109 Пора, чтоб я вперед вооружился,
Дабы, расставшись с краем, всех милей,
Я и других чрез песни не лишился.
- 112 В безмерно горьком мире, и, поздней,
Вдоль круч, с которых я, из роц услады,
Взнесен очами госпожи моей,
- 115 И в небе, от лампы до лампы,
Я многое узнал, чего вкусить
Не все, меня услышав, будут рады;
- 118 А если с правдой побоюсь дружить,
То средь людей, которые бы звали
Наш век старинным, вряд ли буду жить».
- 121 Свет, чьи лучи улыбку облекали
Мной найденного клада, засверкал,
Как отблеск солнца в золотом зеркале,
- 124 И молвил так: «Кто совесть запятнал
Своей или чужой постыдной славой,
Тот слов твоих почувствует ужал.
- 127 И всё-таки, без всякой лжи лукавой,
Всё, что ты видел, объяви сполна,
И пусть скребется, если кто лишавый!
- 130 Пусть речь твоя покажется дурна
На первый вкус и ляжет горьким гнетом,—
Усвоюсь, жизнь оздоровит она.
- 133 Твой крик пройдет, как ветер по высотам,
Клоня сильнее большие дерева;
И это будет для тебя почетом.
- 136 Тебе явили в царстве торжества,
И на горе, и в пропасти томленья
Лишь души тех, о ком живет молва,—
- 139 Затем что ум не чует утоленья
И плохо верит, если перед ним
Пример, чей корень скрыт во тьме забвенья,
Иль если довод не воочью зрим».

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

- З**амкнулось вновь блаженное зеркало
В безмолвной думе, а моя жила
Во мне и горечь сладостью смягчала;
И женщина, что ввысь меня вела, 4
Сказала: «Думай о другом; не я ли
Вблизи того, кто оградит от зла?»
Я взгляд возвел к той, чьи уста звучали 7
Так ласково; как нежен был в тот миг
Священный взор, — молчат мои скрижали.
Бессилен здесь не только мой язык: 10
Чтоб память совершила возвращенье
В тот мир, ей высший нужен проводник.
Одно могу сказать про то мгновенье, — 13
Что я, взирая на нее, вкушал
От всех иных страстей освобожденье,
Пока на Беатриче упал 16
Луч Вечной Радости и, в ней сияя,
Меня вторичным светом утолял.
«Оборотись и слушай, — побеждая 19
Меня улыбкой, молвила она. —
В моих глазах — не вся отрада Рая». —
Как здесь в обличьях иногда видна 22
Бывает сила чувства, столь большого,
Что вся душа ему подчинена,
Так я в пыланье светоча святого 25
Познал, к нему глазами обращен,
Что он еще сказать мне хочет слово.
«На пятом из порогов, — начал он, — 28
Ствола, который, черпля жизнь в вершине,
Всегда — в плодах и листьем осенен,
Ликуют духи, чьи в земной долине
Столь громкой славой прогремели дни, 31
Что муз обогащали бы донныне.

- 34 И ты на плечи крестные взгляни:
Кого я назову — в их мгле чудесной
Мелькнут, как в туче быстрые огни».
- 37 И видел я: зарница глубию крестной,
Едва был назван Иисус, прошла;
И с действием казалась речь совместной.
- 40 На имя Маккавея проплыла
Другая, как бы коло огневое,—
Бичом восторга взвитая юла.
- 43 Великий Карл с Орландом, эти двое
Мой взгляд умчали за собой вослед,
Как сокола паренье боевое.
- 46 Потом Гульельм и Реноард свой свет
Перед моими пронесли глазами,
Руберт Гвискар и герцог Готофред.
- 49 Затем, смешавшись с прочими огнями,
Дух, мне вещавший, дал постигнуть мне,
Как в небе он искусен меж певцами.
- 52 Я обернулся к правой стороне,
Чтобы мой долг увидеть в Беатриче,
В словах иль знаках явленный вовне;
- 55 Столь чисто было глаз ее величье,
Столь радостно, что блеском превзошло
И прежние, и новое обличье.
- 58 Как в том, что дух всё более светло
Ликует, совершив благое дело,
Мы видим знак, что рвенье возросло,
- 61 Так я постиг, что большего предела
Совместно с небом огибаю круг,—
Столь дивно Беатриче просветлела.
- 64 И как меняют цвет почти что вдруг
У белолицой женщины ланиты,
Когда стыдливый с них сбежит испуг,
- 67 Так хлынула во взор мой, к ней раскрытый,
Шестой звезды благая белизна,
Куда я погрузился, с нею слитый.

- Была планета Диева полна 70
Искрящейся любовью, чьи частицы
Являли взору наши письма.
- И как, поднявшись над побережьем, птицы, 73
Обрадованы корму, создают
И круглые, и всякие станицы,
Так стаи душ, что в тех огнях живут, 76
Летая, пели и в своем движеньи
То D, то I, то L сплетали тут.
- Сперва они кружили в песнопеньи; 79
Затем, явив одну из букв очам,
Молчали миг-другой в оцепененьи.
- Ты, Пегасея, что даришь умам 82
Величие во времени далеком,
А те — тобой — краям и городам,
Пролей мне свет, чтоб, виденные оком, 85
Я мог их начертанья воссоздать!
Дай мощь твою коротким этим строкам!
- И гласных, и согласных семью пять 88
Предстало мне; и зренье отмечало
За частью часть, чтоб в целом сочетать.
«Diligite iustitiam»,— сначала 91
Глагол и имя шли в скрижали той;
«Qui iudicatis terram» * — речь кончало.
- И в М последнего из слов их строй 94
Пребыл недвижимым, и Юпитер мнился
Серебряным с насечкой золотой.
- И видел я, как новый сонм спустился 97
К вершине М, на ней почить готов,
И пел того, к чьей истине стремился.
Вдруг, как удар промеж горящих дров 100
Рождает вихрь искрящегося пыла.—
Предмет гаданья для иных глупцов,—

* Любите справедливость, судящие землю (лат.).

- 103 Так и оттуда стая светов взмыла
И вверх к различным высотам всплыла,
Как Солнце, их возжегшее, судило.
- 106 Когда она недвижно замерла,—
В той огненной насечке, ясно зримо,
Возникли шея и глава орла.
- 109 Так чертит мастер неруководимый;
Он руководит, он дает простор
Той силе, коей гнезда сотворимы.
- 112 Блаженный сонм, который до сих пор
В лилее М не ведал превращений,
Слегка содвигшись, завершил узор.
- 115 О чистый светоч! Свет каких камней,
И скольких, мне явил, что правый суд
Нисходит с неба, в чьей ты блещешь сени!
- 118 Молю тот Разум, где исток берут
Твой бег и мощь, взглянуть на клубы дыма,
Которые твой ясный луч крадут,
- 121 И вновь разгневаться неукротимо
На то, что местом торга сделан храм,
Из крови мук возникший нерушимо.
- 124 О рать небес, представшая мне там,
Молись за тех, кто бродит, обаянный
Дурным примером, по кривым путям!
- 127 В былом сражались, меч подъемля бранный;
Теперь — отнять стараясь где-нибудь
Хлеб, любящим Отцом всем людям данный.
- 130 Но ты, строчащий, чтобы зачеркнуть,
Знай: Петр и Павел, вертоград спасая,
Тобой губимый, умерли, но суть.
- 133 Ты, впрочем, скажешь: «У меня такая
Любовь к тому, кто одиноко жил
И пострадал, от плясок умирая,
136 Что и Ловца, и Павла я забыл».

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Парил на крыльях, широко раскрытых,
Прекрасный образ и в себе вмещал
Веселье душ, в отрадном fruit* слитых.
И каждая была как мелкий лал, 4
В котором словно солнце отражалось,
И жгучий луч в глаза мне ударял.
И то, что мне изобразить осталось, 7
Ни в звуках речи, ни в чертах чернил,
Ни в снах мечты вовек не воплощалось.
Я видел и внимал, как говорил 10
Орлиный клюв, и «я» и «мой» звучало,
Где смысл реченья «мы» и «наш» сулил.
«За правосудье, — молвил он сначала, — 13
И праведность я к славе вознесен,
Для коей одного желанья мало.
Я памятен среди земных племен, 16
Но мой пример в народах извращенных,
Хоть и хвалим, не ставится в закон».
Так пышет в груди углей раскаленных 19
Единый жар, как были здесь слиты
В единый голос сонмы просветленных.
И я тогда: «О вечные цветы 22
Нетленной неги, чьи благоуханья
Слились в одно, отрадны и чисты,
Повейте мне, чтоб я не знал алканья, 25
Которым я терзаюсь так давно,
Не обретая на земле питанья!
Хоть в небесах другой стране дано 28
Служить зеркалом правосудью бога,
Оно от вашей не заслонено.

* Вкушение (лат.).

- 31 Вы знаете, как я вам внемлю строго,
И знаете сомненье, тайных мук
Моей душе принесшее столь много».
- 34 Как сокол, если снять с него кlobук,
Вращает голову, и бьет крылами,
И горд собой, готовый взвиться вдруг,
- 37 Так этот образ, сотканный хвалами
Щедротам божьим, мне себя явил
И песни пел, неведомые нами.
- 40 Потом он начал: «Тот, кто очертил
Окружность мира, где и сокровенный,
И явный строй вещей распределил,
- 43 Не мог запечатлеть во всей вселенной
Свой разум так, чтобы ее предел
Он не превысил в мере несравненной.
- 46 Тот первый горделивец, кто владел
Всем, что доступно созданному было,
Не выждав озаренья, пал, незрел.
- 49 И всякому, чья маломощней сила,
То Благо охватить возбранено,
Что, без границ, само себе — мерило.
- 52 Зато и наше зренье,— а оно
Лишь как единый из лучей причастно
Уму, которым всё озарено,—
- 55 Не может быть само настолько властно,
Чтобы его Исток во много раз
Не видел дальше, чем рассудку ясно.
- 58 И разум, данный каждому из вас,
В смысл вечной справедливости вникая,
Есть как бы в море устремленный глаз:
- 61 Он видит дно, с побережия взирая,
А над пучиной тщетно мечет взгляд;
Меж тем дно есть, но застит глубь морская.
- 64 Свет — только тот, который восприят
От вечной Ясности; а всё иное —
Мрак, мгла телесная, телесный яд.

- Отныне правосудие живое 67
Тебе раскрыл я и вопрос пресек,
Не оставлявший мысль твою в покое.
- Ты говорил: „Родится человек 70
Над берегом Инда; о Христе ни слова
Он не слышал и не читал вовек;
Он был всегда, как ни судить сурово, 73
В делах и в мыслях к правде обращен,
Ни в жизни, ни в речах не делал злого.
- И умер он без веры, не крещен. 76
И вот, он проклят; но чего же ради?
Чем он виновен, что не верил он?“
- Кто ты, чтобы, в судейском сев наряде, 79
За много сотен миль решать дела,
Когда твой глаз не видит дальше пяди?
- Все те, чья мысль со мной бы вглубь пошла, 82
Когда бы вас Писанье не смиряло,
Сомненьям бы не ведали числа.
- О стадо смертных, мыслящее вяло! 85
Благая Воля изначала дней
От благости своей не отступала.
- То — справедливо, что созвучно с ней; 88
Не привлекаясь бренными благами,
Она творит их из своих лучей».
- Как аист, накормив птенцов, кругами, 91
Витая над гнездом, чертит простор,
А выкормок следит за ним глазами,
- Так воспарял,— и так вздымал я взор,— 94
Передо мною образ благодатный,
Чьи крылья подвигал такой собор.
- Он пел, кружа, и молвил: «Как невнятен 97
Тебе мои слова, так искони
Пути господни смертным непонятны».
- Когда недвижны сделались огни 100
Святого духа, все как знак чудесный,
Принесший Риму честь в былые дни,

- 103 Он начал вновь: «Сюда, в чертог небесный,
Не восходил не веривший в Христа
Ни ранее, ни позже казни крестной.
- 106 Но много и таких зовет Христа,
Кто в день возмездья будет меньше проге *
К нему, чем те, кто не знавал Христа.
- 109 Они родят презренье в эфиопе,
Когда кто здесь окажется, кто — там,
Навек в богатом или в нищем скопе.
- 112 Что скажут персы вашим королям,
Когда листы раскроются для взора,
Где полностью записан весь их срам?
- 115 Там узрят, средь Альбертова позора,
Как пражская земля разорена,
О чем перо уже помянет скоро;
- 118 Там узрят, как над Сеной жизнь скудна,
С тех пор как стал поддельщиком металла
Тот, кто умрет от шкуры кабана;
- 121 Там узрят, как гордыня обуяла
Шотландца с англичанином, как им
В своих границах слишком тесно стало.
- 124 Увидят, как верны грехам земным
Испанец и богемец, без печали
Мирящийся с бесславием своим;
- 127 Увидят, что заслуги засчитали
Хромцу ерусалимскому чрез I,
А через M — обратное вписали;
- 130 Увидят, как живет в скупой грязи
Тот, кто над жгучим островом вельможен,
Где для Анхиза был конец стези;
- 133 И, чтобы показать, как он ничтожен,
О нем напишут с сокращеньем слов,
Где многий смысл в немного строчек вложен.

* Близок (лат.).

И обличатся в мерзости грехов	136
И брат, и дядя, топчущие рьяно Честь прадедов и славу двух венцов.	
И не украсят царственного сана	139
Норвежец, португалец или серб, Завистник венецейского чекана.	
Блаженна Венгрия, когда ущерб	142
Свой возместит! И счастлива Наварра, Когда горами оградит свой герб!	
Ее остерегают от удара	145
Стон Никосии, Фамагосты крик, Которых лютей зверь терзает яро, С другими неразлучный ни на миг».	148

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Как только тот, чьим блеском мир сияет,
Покинет нами зримый небосклон,
И ясный день повсюду угасает,
4 Твердь, чьи высоты озарял лишь он,
Вновь проступает в яркости мгновенной
Несчетных светов, где один зажжен.
7 Я вспомнил этот стройный чин вселенной,
Чуть символ мира и его вождей
Сомкнул, смолкая, клюв благословенный;
10 Затем что весь собор живых огней,
Лучистой вспыхнув, начал песнопенья,
Утраченные памятью моей.
13 О жар любви в улыбке озаренья,
Как ты пылал в свирельном звоне их,
Где лишь святые дышат помышленья!
16 Когда в лучах камней дорогих,
В шестое пламя вправленных глубоко,
Звук ангельского пения затих,
19 Я вдруг услышал словно шум потока,
Который, светлый, падает с высот,
Являя мощность своего истока.
22 Как звук свое обличие берет
У шейки цитры или как дыханью
Отверстье дудки звонкость придает,
25 Так, срока не давая ожиданью,
Тот шум, вздымаясь вверх, пророкотал,
Как полостью, орлиною гортанью.
28 Там в голос превратясь, он зазвучал
Из клюва, как слова, которых знойно
Желало сердце, где я их вписал.
31 «Та часть моя, что видит и спокойно
Выносит солнце у орлов земли,—
Сказал он,— взоров пристальных достойна.

- Среди огней, что образ мой сплели, 34
Те, чьим сверканьем глаз мой благороден,
Всех остальных во славе превзошли.
- Тот, посредине, что с зеницей сходен, 37
Святого духа некогда воспел
И нес, из веси в весь, ковчег господень.
- Теперь он знает, сколь благой удел 40
Он выбрал, дух обрекши славословью,
Затем что награжден по мере дел.
- Из тех пяти, что изогнулись бровью, 43
Тот, что над клювом ближе помещен,
По мертвом сыне скорбь утешил вдовью.
- Теперь он знает, сколь велик урон — 46
Нейти с Христом, и негой несказанной,
И участью обратной искушен.
- А тот, кто в этой дужке, мной названной, 49
Вверх по изгибу продолжает ряд,
Отсрочил смерть молитвой покаянной.
- Теперь он знает, что навеки свят 52
Предвечный суд, хотя мольбы порою
Сегодняшнее завтрашним творят.
- А тот, за ним, с законами и мною, 55
Стремясь к добру, хоть это к злу вело,
Стал греком, пастыря даря землю.
- Теперь он знает, как родивший зло 58
Похвальным делом — принят в сонм счастливый,
Хоть дело это гибель в мир внесло.
- Тот, дальше книзу, свет благочестивый 61
Гульельмом был, чей край по нем скорбит,
Скорбя, что Карл и Федерико живы.
- Теперь он знает то, как небо чтит 64
Благих царей, и блеск его богатый
Об этом ярко взору говорит.
- Кто бы поверил, дольной тьмой объятый, 67
Что здесь священных светов торжество
Рифей троянец разделил как пятый?

70 Теперь он знает многое, чего
 Вам не постигнуть в милости бездонной,
 Неисследимой даже для него».

73 Как жаворонок, в воздух вознесенный,
 Песнь пропоет и замолчит опять,
 Последнею отрадой утоленный,

76 Такою мне представилась печать
 Той изначальной воли, чьи веленья
 Всеми, что стало, повелели стать.

79 И хоть я был для моего сомненья
 Лишь как стекло, прикрывшее цвета,
 Оно не потерпело промедленья,

82 Но: «Как же это?» — сквозь мои уста
 Толкнуло грузно всем своим напором;
 И вспыхнула сверканий красота.

85 Тогда, еще светлей пылая взором,
 Ответил мне благословенный стяг,
 Чтоб разум мой не мучился раздором:

88 «Хоть ты уверовал, что это так,
 Как я сказал, — твой ум не постигает;
 И ты, поверив, не рассеял мрак.

91 Ты — словно тот, кто имя вещи знает,
 Но сущности ее не разберет,
 Пока другой помочь не пожелает.

94 Regnum coelorum * принужденья ждет
 Живой надежды и любви возженной,
 Чтобы господней воли пал оплот.

97 Она, — не как боец, бойцом сраженный, —
 Сама желает быть побеждена,
 И побеждает благодать побежденной.

100 Тебе в брови и первая странна,
 И пятая душа, и то, что в стане
 Бесплотных сил горят их пламена.

* Царство небесное (лат.).

- Из тел они взошли как христиане, 103
Не как язычники, в пронзенье ног
Тот как в былое веря, тот — заране.
- Одна из Ада, где замкнут порог 106
Раскаянью, в свой прах опять вступила;
И тем воздал живой надежде бог,
Живой надежде, где черпалась сила 109
Мольбы к творцу — воззвать ее в свой час,
Чтоб волю в ней подвигнуть можно было.
- Тот славный дух, о ком идет рассказ, 112
На краткий срок в свое вернувшись тело,
Уверовал в того, кто многих спас;
- И, веруя, зажегся столь всецело 115
Огнем любви, что в новый смертный миг
Был удостоен этого предела.
- Другой, по благодати, чей родник 118
Бьет из таких глубин, что взор творенья
До первых струй ни разу не проник,
Направил к правде все свои стремленья; 121
И бог, за светом свет, ему открыл
Грядущую годину искупленья;
- И с той поры он в этой вере жил, 124
И не терпел языческого смрада,
И племя развращенное корил.
- Он крестник был трех жен господня сада, 127
Идущих рядом с правым колесом,—
Сверх десяти столетий до обряда.
- О предопределение, в каком 130
Скрыт недре корень твой от глаз туманных,
Не видящих причину целиком!
- Ваш суд есть слово судей самозванных, 133
О смертные! И мы, хоть бога зрим,
Еще не знаем сами всех избранных.
- Мы счастливы неведеньем своим; 136
Всех наших благ превыше это благо —
Что то, что хочет бог, и мы хотим».

139 Так милостью божественного стяга,
 Чтоб озарить мой близорукий взгляд,
 Мне подалась целительная влага.
142 И как певцу искусный лирник в лад
 Бряцает на струнах, и то, что спето,
 Звучит приятнее во много крат,
145 Так, речи вторя,— ясно помню это,—
 Подобно двум мигающим очам,—
 Я видел,— оба благодатных света
148 Мерцали огоньками в лад словам.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Уже моя властительница снова
Мои глаза и дух мой призвала,
И я отторгся от всего иного.
Она, не улыбаясь, начала: 4
 «Ты от моей улыбки, как Семела,
 Распался бы, распавшись как зола.
Моя краса, которая светлела 7
 На ступенях чертогов божества,
 Как видел ты, к пределу от предела,
Когда б не умерялась, такова, 1 с
 Что, смертный, испытал ее сверканье,
 Ты рухнул бы, как под грозой листва.
Мы на седьмое вознеслись сиянье, 13
 Которое сейчас под жгучим Львом
 С ним излучает слитное влиянье.
Вослед глазам последовав умом, 16
 Преобрази их в зеркала видений,
 Встающих в этом зеркале большом».
Кто ведал бы, как много упоений 19
 В лице блаженном почерпал мой взгляд
 Когда был призван к смене впечатлений,
Тот понял бы, как я свершить был рад 22
 Всё то, что госпожа повелевала,
 Когда б он взвесил чаши двух услад.
В глубинах микрокружного кристалла, 25
 Который как властитель наречен,
 Под чьей державой мертвым зло лежало,
Всю словно золото, где луч зажжен, 28
 Я лестницу увидел восходящей
 Так высоко, что взор мой был сражен.
И рать огней увидел нисходящей 31
 По ступеням, и мнилось — так светла
 Вся яркость славы, в небесах горящей.

- 34 И как грачи, едва заря взошла,
Обычай свой блюдя, гурьбой толкуются,
Чтоб отогреть застывшие крыла,
- 37 Потом летят, одни — чтоб не вернуться,
Другие — чтоб вернуться поскорей,
А третьи всё над тем же местом выются,
- 40 Так поступал и этот блеск огней,
К нам с высоты стремившийся согласно, —
Столкнувшись на одной из ступеней.
- 43 И к нам ближайший просиял так ясно,
Что в мыслях я промолвил: «Этот знак
Твоей любви понятен мне безгласно».
- 46 Но мне внушавшая, когда и как
Сказать и промолчать, тиха; желанье
Я подавляю, и мой выбор благ.
- 49 Она увидела мое молчанье,
Его провидя в видящем с высот,
И мне сказала: «Утоли алканье!»
- 52 Я начал: «По заслугам я не тот,
Чья речь достойна твоего ответа.
Но, ради той, кто мне просить дает,
- 55 О жизнь блаженная, ты, что одета
Своею радостью, скажи, зачем
Ты стала близ меня в сиянье света;
- 58 И почему здесь в этой тверди нем
Напев, который в нижних кругах Рая
Звучит так сладко, несравним ни с чем».
- 61 «Твой слух, как зренье, смертен, — отвечая,
Он молвил. — Потому здесь не поют,
Не улыбнулась путница святая.
- 64 Я, снизошед, остановился тут,
Чтоб радостным почтить тебя приветом
Слов и лучей, в которых я замкнул.
- 67 Не большая любовь сказалась в этом:
Такой и большей пламенеют там,
Вверху, как зримо по горящим светам;

- Но высшая любовь, внушая нам 70
Служить тому, кто правит всей вселенной,
Здесь назначает, как ты видишь сам».
- «Мне ясно, — я сказал, — о свет священный, 73
Что вольною любовью побужден
Ваш сонм идти за Волей сокровенной;
Но есть одно, чем разум мой смущен: 76
Зачем лишь ты среди стольких оказался
К беседе этой предопределен».
- Еще последний слог мой не сказался, 79
Когда, средину претворяя в ось,
Огонь, как быстрый жернов, завращался,
- И из любви, в нем скрытой, раздалось: 82
«Свет благодати на меня стремится,
Меня облекший пронизав насквозь,
- И, с ним соединясь, мой взор острится, 85
И сам я так взнесен, что мне видна
Прасущность, из которой он струится.
- Так пламенная радость мне дана, 88
И этой зоркости моей чудесной
Воспламененность риз моих равна.
- Но ни светлейший дух в стране небесной, 91
Ни самый вникший в бога серафим
Не скажут тайны, и для них безвестной.
- Так глубоко ответ словам твоим 94
Скрыт в пропасти предвечного решенья,
Что взору сотворенному незрим.
- И ты, вернувшись в смертные селенья, 97
Скажи об этом, ибо там спешат
К ее краям тропю дерзновенья.
- Ум, здесь светящий, там укутан в чад; 100
Суди, как на земле в нем сила брэнна,
Раз он бессилен, даже небом взят».
- Свои вопросы я пресек мгновенно, 103
Стесняемый преградой этих слов,
И лишь — кто он, спросил его смиренно.

- 106 «Есть кряж меж италийских берегов,
К твоей отчизне близкий и намного
Взнесенный выше грохота громов;
- 109 Он Катрию отводит в виде рога,
Сходящего к стенам монастыря,
Который служит почитанью бога».
- 112 Так в третий раз он начал, говоря.
«Там,— продолжал он мне, благоречивый,—
Я так окреп, господень труд творя,
115 Что, добавляя к пище сок оливы,
Легко сносил жары и холода,
Духовным созерцанием счастливый.
- 118 Скит этот небу приносил всегда
Обильный плод; но истоцился рано,
И ныне близок день его стыда.
- 121 В той киновии был я Пьер Дамьяно,
И Грешный Петр был у Адрийских вод,
Где инокам — Мариин дом охрана.
- 124 Когда был близок дней моих исход,
Мне дали шляпу противу желанья,
Ту, что от худа к худшему идет.
- 127 Ходили Кифа и Сосуд Избранья
Святого духа, каждый бос и худ,
Питаясь здесь и там от подаянья.
- 130 А нынешних святителей ведут
Под локотки, да спереди вожатый,—
Так тяжелы! — да сзади хвост несут.
- 133 И конь, и всадник мантией объаты,—
Под той же шкурой целых два скота.
Терпенье божье, скоро ль час расплаты!»
- 136 При этом слове блески, больше ста,
По ступеням, кружась, спускаться стали,
И, что ни круг, росла их красота.
- 139 Потом они умолкшего обстали
И столь могучий испустили крик,
Что здесь подобье сыщется едва ли.
- 142 Слов я не понял; так был гром велик.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Объят смятеньем, я направил взоры
К моей вожатой, как малыш спешит
Всегда туда, где верной ждет опоры;
Она, как мать, чей голос так звучит, 4
Что мальчик, побледневший от волнения,
Опять веселый обретает вид,
Сказала мне: «Здесь горние селенья. 7
Иль ты забыл, что свят в них каждый миг
И всё исходит от благого рвенья?
Суди, как был бы искажен твой лик 10
Моей улыбкой и поющим хором,
Когда тебя так потрясает крик,
Непонятый тобою, но в котором 13
Предвозвещалось мщенье, чей приход
Ты сам еще увидишь смертным взором.
Небесный меч ни медленно сечет, 16
Ни быстро, разве лишь в глазах иного,
Кто с нетерпеньем иль со страхом ждет.
Теперь ты должен обернуться снова; 19
Немало душ, одну другой славней,
Увидишь ты, мое исполнив слово».
Я оглянулся, повинуюсь ей; 22
И мне станица мелких сфер предстала,
Украшенных взаимностью лучей.
Я был как тот, кто притупляет жало 25
Желания и заявить о нем
Не смеет, чтоб оно не раздражало.
Но подплыла всех налитей огнем 28
И самая большая из жемчужин
Унять меня в томлении моем.
В ней я услышал: «Будь твой взор так дружен, 31
Как мой, с любовью, жгущей нашу грудь,
Вопрос твой был бы в слове обнаружен.

- 34 Но я, чтоб не замедлен был твой путь
К высокой цели, не таю ответа,
Хоть ты уста боишься разомкнуть.
- 37 Вершину над Касино в оны лета
Толпами посещал в урочный час
Обманутый народ, противник света.
- 40 Я — тот, кто там поведал в первый раз,
Как назывался миру ниспославший
Ту истину, что так возносит нас;
- 43 По милости, мне свыше воссиявшей,
Я всю округу вырвал из тенет
Нечистой веры, землю соблазнявшей.
- 46 Все эти светы были, в свой черед,
Мужи, чьи взоры созерцали бога,
А дух рождал священный цвет и плод.
- 49 Макарий здесь, здесь Ромоальд, здесь много
Моих собратий, чей в монастырях
Был замкнут шаг и сердце было строго».
- 52 И я ему: «Приязнь, в твоих словах
Мне явленная, и благоволенье,
Мной видимое в ваших пламенах,
- 55 Моей души раскрыли дерзновенье,
Как розу раскрывает солнца зной,
Когда всего сильнее ее цветенье.
- 58 И я прошу; и ты, отец, открой,
Могу ли я пребыть в отрадной вере,
Что я узрю воочью образ твой».
- 61 И он мне: «Брат, свершится в высшей сфере
Всё то, чего душа твоя ждала;
Там все, и я, блаженны в полной мере.
- 64 Там свершена, всецела и зрела
Надежда всех; там вечно пребывает
Любая часть недвижимой, как была.
- 67 То — шар вне места, остий он не знает;
И наша лестница, устремлена
В его предел, от взора улетаёт.

- Пред патриархом Яковом она 70
Дотуда от земли взнеслась когда-то,
Когда предстала, ангелов полна.
- Теперь к ее ступеням не подъята 73
Ничья стопа, и для сынов земли
Писать устав мой — лишь бумаге трата.
- Те стены, где монастыри цвели, — 76
Теперь вертепы; превратились рясы
В дурной мукой набитые кули.
- Не так враждебна лихва без прикрасы 79
Всевышнему, как в нынешние дни
Столь милые монашеству запасы.
- Всё, чем владеет церковь, — искони 82
Наследье нищих, страждущих сугубо,
А не родни иль якобы родни.
- Столь многое земному телу любо, 85
Что раньше минет чистых дум пора,
Чем первый жёлудь вырастет у дуба.
- Петр начинал без злата и серебра, 88
А я — молитвой и постом упорным;
Франциск смиреньем звал на путь добра.
- И ты, сравнив с почином благотворным 91
Тот путь, каким преемники идут,
Увидишь сам, что белый цвет стал черным.
- Хоть в том, как Иордан был разомкнут 94
И вскрылось море, промысл объявился
Чудесней, чем была бы помощь тут».
- Так он сказал и вновь соединился 97
С собором, и собор слился тесней;
Затем, как вихорь, разом кверху взвился.
- Моя владычица вдоль ступеней 100
Меня взметнула легким мановеньем,
Всесильным над природою моей;
- Ни вверх, ни вниз естественным движеньем 103
Так быстро не спешат в земном краю,
Чтобы с моим сравниться окрыленьем.

106 Читатель, верь,— как то, что я таю
Надежду вновь обрести усладу Рая,
Которой ради, каюсь, перси бью,—
109 Ты не быстрее обжег бы, вынимая,
Свой перст в огне, чем предо мной возник
Знак, первый вслед Тельцу, меня вбирая.
112 О пламенные звезды, о родник
Высоких сил, который возлелеял
Мой гений, будь он мал или велик!
115 Всходил меж вас, меж вас к закату реял
Отец всего, в чем смертна жизнь, когда
Тосканский воздух на меня повеял;
118 И мне, чудесно взятому туда,
Где ходит свод небесный, вас кружащий,
Быть в вашем царстве выпала чреда.
121 К вам устремляю ныне вздох молящий,
Дабы мой дух окреп во много крат
И трудный шаг свершил, его манящий.
124 «Так близок ты к последней из отрад,—
Сказала Беатриче мне,— что строгий
Быть должен у тебя и чистый взгляд.
127 Пока ты не вступил в ее чертоги,
Вниз посмотри,— какой обширный мир
Я под твои уже повергла ноги;
130 Чтоб уготовать в сердце светлый пир
Победным толпам, что сюда несутся
С веселием сквозь круговой эфир».
133 Тогда я дал моим глазам вернуться
Сквозь семь небес — и видел этот шар
Столь жалким, что не мог не усмехнуться;
136 И чем в душе он меньший будит жар,
Тем лучше; и к другому обращенный
Беспорнейшую мудрость принял в дар.
139 Я дочь Латоны видел озаренной
Без тех теней, чье прежде естество
Искал в среде густой и разреженной.

-
- Я вынес облик сына твоего, 142
 О Гиперион; и постиг кружение,
 О Майя и Диона, близ него.
- Я созерцал смягченное горенье 145
 Юпитера меж сыном и отцом;
 Мне уяснилось их перемещение.
- И быстроту свою, и свой объем 148
 Все семеро представили мне сами,
 И как у всех — уединенный дом.
- С нетленными вращаясь Близнецами, 151
 Клочок, родящий в нас такой раздор,
 Я видел весь, с горами и реками.
- Потом опять взглянул в прекрасный взор. 154

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Как птица, посреди листвы любимой,
Ночь проведя в гнезде птенцов родных,
Когда весь мир от нас укрыт, незримый,
4 Чтобы увидеть милый облик их
И корм найти, которым сыты детки,—
А ей отраден тяжкий труд для них,—
7 Час упреждая на открытой ветке,
Ждет, чтобы солнцем озарилась мгла,
И смотрит вдаль, чуть свет забрезжит редкий,—
10 Так Беатриче, выпрямясь, ждала
И к выси, под которой утомленный
Шаг солнца медлит, очи возвела.
13 Ее увидя страстно поглощенной,
Я уподобился тому, кто ждет,
До времени надеждой утоленный.
16 Но только был недолог переход
От ожидания до того мгновенья,
Как просветляться начал небосвод.
19 И Беатриче мне: «Вот ополченья
Христовой славы, вот где собран он,
Весь плод небесного круговращения!»
22 Казался лик ее воспламенен,
И так сиял восторг очей прекрасных,
Что я пройти в безмолвье принужден.
25 Как Тривия в час полнолуний ясных
Красуется улыбкою своей
Средь вечных нимф, на небе неугасных,
28 Так, видел я, над тысячей огней
Одно царило Солнце, в них сияя,
Как наше — в горних светочах ночей.
31 В живом свеченье Сущность световая,
Сквозя, струила огнезарный дождь
Таких лучей, что я не снес, взирая.

- О Беатриче, милый, нежный вождь! 34
Она сказала мне: «Тебя сразила
Ничем неотражаемая мощь;
Затем что здесь — та Мудрость, здесь — та Сила, 37
Которая, вослед векам тоски,
Пути меж небом и землей открыла.
Как пламень, ширясь, тучу рвет в куски, 40
Когда ему в ее пределах тесно,
И падает, природе вопреки,
Так, этим пиршеством возвращен чудесно, 43
Мой дух прорвался из своей брони,
И что с ним было, памяти безвестно.
«Открой глаза и на меня взгляни! 46
Им было столько явлено, что властны
Мою улыбку выдержать они».
Я был как тот, кто, пробудясь, неясный 49
Припоминает образ, но, забыв,
На память возлагает труд напрасный,—
Когда я услышал ее призыв, 52
Такой пленительный, что на скрижали
Минувшего он будет вечно жив.
Хотя б мне в помощь все уста звучали, 55
Которым млека сладкого родник
Полимния и сестры изливали,
Я тысячной бы доли не достиг, 58
Священную улыбку воспевая,
Которой воссиял священный лик;
И потому в изображенье Рая 61
Святая повесть скачет иногда,
Как бы разрывы на пути встречая.
Но столь велики тягости труда, 64
И так для смертных плеч тяжка натуга,
Что им подчас и дрогнуть — нет стыда.
Морской простор не для худого струга — 67
Тот, что отважным кораблем вспенен,
Не для пловца, чья мысль полна испуга.

- 70 «Зачем ты так в мое лицо влюблен,
Что красотой сада неземного,
В лучах Христа расцветшей, не прельщен?
- 73 Там — роза, где божественное Слово
Прияло плоть; там веянье лилей,
Чей запах звал искать пути благого».
- 76 Так Беатриче; повинуюсь ей,
Я обратился сызнова к сраженью,
Нелегкому для немощных очей.
- 79 Как под лучом, который явлен зренью
В разрыве туч, порой цветочный луг
Сиял моим глазам, укрытым тенью,
- 82 Так толпы светов я увидел вдруг,
Залитые лучами огневыми,
Не видя, чем так озарен их круг.
- 85 О благостная мощь, светя над ними,
Ты вознеслась, свой облик затеня,
Чтоб я очами мог владеть моими.
- 88 Весть о цветке, чье имя у меня
И днем, и ночью на устах, стремил
Мой дух к лучам крупнейшего огня.
- 91 Когда мое мне зренье отразило
И яркость, и объем звезды живой,
Вверху царящей, как внизу царила,
- 94 Спустился в небо светоч огневой
И, обвиваясь как венок текучий,
Замкнул ее в свой вихорь круговой.
- 97 Сладчайшие из всех земных созвучий,
Чья прелесть больше всех душе мила,
Казались бы как треск раздранной тучи,
- 100 В сравненье с этой лирой, чья хвала
Венчала блеск прекрасного сапфира,
Которым твердь светлейшая светла.
- 103 «Я вьюсь, любовью чистых сил эфира,
Вкруг радости, которую нам шлет
Утроба, несшая надежду мира;

- И буду виться, госпожа высот, 106
 Пока не взыдешь к сыну и святые
 Не освятит просторы твой приход».
- Такой печатью звоны кольцевые 109
 Запечатлелись; и согласный зов
 Взлетел от всех огней, воззвав к Марии.
- Всех свитков мира царственный покров, 112
 Дыханьем божьим жарче оживляем
 И к богу ближе остальных кругов,
- Нас осенял своим исподним краем 115
 Так высоко, что был еще незрим
 И там, где я стоял, неразличаем;
- Я был бессилен зрением моим 118
 Последовать за пламенем венчанным,
 Вознесшимся за семенем своим.
- Как утоленный молоком желанным 121
 Младенец руки к матери стремится,
 С горячим чувством, внешне изливающим,
- Так каждый из огней был кверху взвит 124
 Вершиной, изъясняя ту отраду,
 Которую Мария им дарит.
- Они недвижно представляли взгляду, 127
 «Regina coeli»* воспевая так,
 Что я доныне чувствую усладу.
- О, до чего прекрасный собран знак 130
 Ларями этими, и как богато,
 И как посев их на земле был благ!
- Здесь радуется сокровище, когда-то 133
 Стяжанное у Вавилонских вод
 В изгнание слезном, где отверглось злато,
- Здесь древний сонм и новый сонм цветет, 136
 И празднует свой подвиг величавый,
 Под сыном бога и Марии, тот,
- Кто наделен ключами славы. 139

* Царица небесная (лат.).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

сонм избранных к вечере великой
Святого агнца, где утолено
Алканье всех! Раз всеблагим владыкой
4 Вот этому вкусить уже дано
То, что с трапезы вашей упадает,
Хоть время жизни им не свершено,—
7 Помыслив, как безмерно он желает,
Ему росы пролейте! Вас поит
Родник, дарящий то, чего он чает».
10 Так Беатриче; радостный синклит
Стал вьющимися на осях кругами
И, как кометы, пламенем повит.
13 И как в часах колеса ходят сами,
Но в первом — ход неразличим извне,
А крайнее летит перед глазами,
16 Так эти хороводы, движась не-
однообразно, медленно и скоро,
Различность их богатств являли мне.
19 И вот из драгоценнейшего хора
Такой блаженный пламень воспарил,
Что не осталось ярче в нем для взора;
22 Вкруг Беатриче трижды он проплыл,
И вспомнить о напеве, им пропетом,
Воображенье не находит сил;
25 Скакнув пером, я не пишу об этом;
Для этих складок самые мечты,
Не только речь, чрезмерно резки цветом.
28 «Сестра моя святая, так чисты
Твои мольбы, что с чередой блаженной
Меня любовью разлучила ты».
31 Остановясь, огонь благословенный,
Направляя к госпоже моей полет
Дыханья, дал ответ выпереченный.

- И та: «О свет, в котором вечен тот, 34
Кому господь от этого чертога
Вручил ключи, принесши их с высот,
Из уст твоих, насколько хочешь строго, 37
Да будет он о вере вопрошен,
Тебя по морю ведшей, волей бога.
В любви, в надежде, в вере — прям ли он, 40
Ты видишь сам, взирая величаво
Туда, где всякий помысл отражен.
Но так как граждан горняя держава 43
Снискала верой, пусть он говорит,
Чтобы, как должно, воздалась ей слава».
Как бакалавр, вооружась, молчит 46
И ждет вопроса по тому предмету,
Где он изложит, но не заключит,
Так точно я, услыша просьбу эту, 49
Вооружал всем знаньем разум мой
Перед таким учителем к ответу.
«Скажи, христианин, свой лик открой: 52
В чем сущность веры?» Я возвел зеницы
К огню, который веял предо мной;
Потом, взглянув, увидел проводницы 55
Поспешный знак — словесному ручью
Излиться дать из мысленной криницы.
«Раз мне дано, чтоб веру я мою 58
Пред мощным первоборцем исповедал,
Пусть мысль мою я внятно разовью! —
Сказал я. — Как о вере нам поведал 61
Твой брат, который с помощью твоей
Идти путем неверным Риму не дал,
Она — основа чаемых вещей 64
И довод для того, что нам незримо;
Такую сущность полагаю в ней».
И он: «Ты мыслишь неопровержимо, 67
Коль верно понял смысл, в каком она
Им как основа и как довод мнима».

- 70 И я на это молвил: «Глубина
Вещей, мне явленных в небесной сфере,
Для низменного мира столь темна,
73 Что там их бытие — в единой вере,
Дающей упованью прочно стать;
Чрез то она — основа в полной мере.
76 Нам подобает умозаключить
Из веры там, где знание невластно;
И доводом ее нельзя не звать».
- 79 И я услышал: «Если б все так ясно
Усваивали истину, познав,—
Софисты ухищрялись бы напрасно».
- 82 Горящая любовь, так продышав,
Добавила: «Неуличим в изъяне
Испытанной монеты вес и слав;
85 Но есть ли у тебя она в кармане?»
И я: «Да, есть, блестяща и кругла,
И я не усумнюсь в ее чекане».
- 88 Опять, вещая, голос издала
Глубь света: «Этот бисер, всех дороже,
Рождающий все добрые дела,
91 Где ты обрел?» Я молвил: «Дождь погожий
Святого духа, щедро пролитой
Равно по ветхой и по новой коже,
94 Есть силлогизм, с такою остротой
Меня приведший к правильным основам,
Что мнится мне тупым любой иной».
- 97 И я услышал: «В ветхом или в новом
Суждепье — для рассудка твоего
Что ты нашел, чтоб счесть их божьим словом?»
- 100 Я молвил: «Доказательство того —
Дела; для них железа не калило
И молотом не било естество»
- 103 Ответ гласил: «А в том, что это было,
Порука где? Что доказательств ждет,
То самое свидетельством служило»

- «Вселенной к христианству переход,— 106
Сказал я,— без чудес, один, бесспорно,
Все чудеса стократно превзойдет;
Ты, нищ и худ, принес святые зерна, 109
Чтобы взошли ростки благие там,
Где вместо лоз теперь колючки терна».
Когда я смолк, по огненным кругам 112
Песнь «Бога хвалим» раздалась святая,
И горний тот напев неведом нам.
И этот князь, который, увлекая 115
От ветви к ветви, чтобы испытать,
Меня в листве довел уже до края,
Так речь свою продолжил: «Благодать, 118
Любя твой ум, доныне отверзала
Твои уста, как должно отверзать,
И я одобрил то, что вверх всплывало. 121
Но самой этой веры в чем предмет,
И в чем она берет свое начало?»
«Святой отец и дух, узревший свет, 124
В который верил так, что в гроб спустился,
Юнейших ног опережая след,—
Я начал,— ты велишь, чтоб я открылся, 127
В чем эта вера твердая моя
И почему я в вере утвердился.
Я отвечаю: в бога верю я, 130
Что движет небеса, единый, вечный,
Любовь и волю, недвижим, дая.
И в физике к той правде безупречной, 133
И в метафизике приходим мы,
И мне ее же с выси бесконечной
Льют Моисей, пророки и псалмы, 136
Евангелье и то, что вы сложили.
Когда вам дух воспламенил умы.
И верю в три лица, что вечно были, 139
Чья сущность столь едина и тройна,
Что „суть“ и „есть“ они равно вместили.

- 142 Глубь тайны божьей, как она дана
 В моих словах, в мой разум пролитая,
 Евангельской печатью скреплена.
- 145 И здесь — начало, искра здесь живая,
 Чье пламя разрослось, пыланьем став
 И, как звезда небес, во мне сверкая».
- 148 Как господин, отрадной вести вняв,
 Слугу, когда тот смолк, за извещенье
 Душой благодарит, его обняв,
- 151 Так, смолкшему воспев благословенье,
 Меня кругом до трех обвеял крат
 Апостольский огонь, чье вняв веленье,
- 154 Я говорил; так был он речи рад.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Коль в некий день поэмою священной,
Отмеченной и небом, и землей,
Так что я долго чах, в трудах согбенный,
Смирится гнев, пресекший доступ мой 4
К родной овчарне, где я спал ягненком,
Немил волкам, смутившим в ней покой,—
В ином руне, в ином величье звонком 7
Вернусь, поэт, и осенюсь венцом
Там, где крещение принимал ребенком;
Затем что в веру, души пред Творцом 10
Являющую, там я облачился
И за нее благословлен Петром.
И вот огонь, к нам движась, отделился 13
От тех огней, откуда старшина
Наместников Христовых появился;
И Беатриче, радости полна: 16
«Смотри! Смотри! Вот витязь, чьим заслугам
Такая честь в Галисьи воздана!»
Как если голубь сядет рядом с другом, 19
И, нежностью взаимною делясь,
Они воркуют и порхают кругом,
Так, видел я, один высокий князь 22
Встречал другого ласковым приветом
И брашна горние хвалил, дивясь.
Приветствия закончились на этом, 25
И каждый согам те*, недвижим, нем,
Так пламенел, что взгляд сражен был светом.
И Беатриче молвила затем 28
С улыбкой: «Славный дух и возвеститель
Того, как щедр небесный храм ко всем,

* Передо мною (лат.).

- 31 Надеждой эту огласи обитель.
Ведь ею ты бывал в людских глазах,
Когда троих из вас почтил спаситель».
- 34 «Вздыми чело, превозмоги свой страх;
Из смертного предела вознесенный
Здесь должен в наших созреть лучах».
- 37 Так говорил душе моей смущенной
Второй огонь; и я возвел к горам
Взгляд, гнетом их чрезмерным преклоненный.
- 40 «Раз наш властитель изволяет сам,
Чтоб ты среди чертога потайного,
Еще живой, предстал его князьям
- 43 И, видев правду царства неземного,
Надежду, что к благой любви ведет,
В себе и в остальных упрочил снова,
- 46 Поведай, что — она, и как цветет
В твоей душе, и как в нее вступила».
Так молвил снова тот огонь высот.
- 49 И та, что перья крыл моих стремил
В их воспаренье до таких вершин,
Меня в ответе так предупредила:
- 52 «В воинствующей церкви ни один
Надеждой не богаче, — как то зримо
В пресветлом Солнце неземных дружин;
- 55 За то увидеть свет Ерусалима
Он из Египта этот путь свершил,
Еще воинствуя неутомимо.
- 58 Другие два вопроса (ты спросил
Не чтоб узнать, а с тем, что он изложит,
Как эту добродетель ты почтил)
- 61 Ему оставлю я; на оба может
Легко и не хвалясь ответить он;
И божья милость пусть ему поможет».
- 64 Как школьник, на уроке вопрошен,
Свое желая обнаружить знанье,
Рад отвечать про то, в чем искушен:

- «Надежда,— я сказал,— есть ожиданье 67
Грядущей славы; ценность прежних дел
И благодать — его обоснованье.
- От многих звезд я этот свет узрел; 70
Но первый мне его пролил волною
Тот, кто всех выше высшего воспел.
- „Да уповают на тебя душою,— 73
Он пел,— кто имя ведает твое!“
И как не ведать, веруя со мною?
- Ты ею сердце оросил мое 76
В твоём посланье; полн росы блаженной,
Я и других кроплю дождем ее».
- Пока я говорил, в груди нетленной 79
Того пожара — колебался свет,
Как вспышки молний, частый и мгновенный.
- «Любовь, которой я досель согрет,— 82
Дохнул он,— к добродетели, до края
Борьбы за пальму шедшей мне вослед,
Велит мне вновь дохнуть тебе, взирая, 85
Как ты ей рад, дабы ты мне сказал,
Чего ты ожидаешь, уповая».
- «Я это понял,— так я отвечал,— 88
Из нового и ветхого завета,
Цель душ познав, тех, что господь избрал.
- В две ризы будет каждая одета 91
В земле своей,— Исайя возвестил.
А их земля — жизнь сладостная эта.
- Еще ясней, по мере наших сил, 94
Твой брат, сказав про белые уборы,
Нам откровенье это изложил».
- Когда я кончил,— огласив просторы, 97
«Sperent in te» * раздалось в вышине;
На что, кружа, откликнулись все хоры.

* Да уповают на тебя (лат.).

100 И так разросся свет в одном огне,
Что, будь у Рака сходный перл, зимою
Бывал бы месяц о едином дне.

103 Как девушка встает, идет и, к рою
Плясуний примыкая, воздает
Честь новобрачной, не кичась собою,

106 Так, видел я, всплывший пламень тот
Примкнул к двоим, которых, с нами рядом,
Любви горящей мчал круговорот.

109 Он слился с песнопением и ладом;
Недвижна и безмолвна, госпожа
Их, как невеста, озирала взглядом.

112 «Он, с Пеликаном нашим возлежа,
К его груди приник; и с выси крестной
Приял великий долг, ему служа».

115 Так Беатриче; взор ее чудесный
Ее словами не был отвлечен
От созерцанья красоты небесной.

118 Как тот, чей взгляд с усилием устремлен,
Чтоб видеть солнце затемненным частно,
И он, взирая, зрения лишен,

121 Таков был я пред вспыхнувшим столь ясно
И услышал: «Зачем слепишь ты взор,
Чтоб видеть то, чего искать напрасно?»

124 Я телом — прах во прахе до тех пор,
Пока число не завершится наше,
Как требует предвечный приговор.

127 В двух ризах здесь, и всех блаженных краше,
Лишь два сиянья, взнесшиеся вдруг;
И с этим ты вернешься в царство ваше».

130 При этом слове огнезарный круг
Затих, и с ним — рождавшийся в пречистом
Смешенье трех дыханий нежный звук;

133 Так, на шабаш иль в месте каменистом,
Строй вёсел, только что взрезавших вал,
Враз замирает, остановлен свистом.

О, что за трепет душу мне объял,	136
Когда я обернулся к Беатриче	
И ничего не видел, хоть стоял	
Вблизи нее и в мире всех величий!	139

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Пока я был смущен угасшим взором,
Осиливший его костер лучей
Повеял дуновением, в котором
4 Послышалось: «Доколе свет очей,
Затменный мной, к тебе не возвратится,
Да возместит утрату звук речей.
7 Итак, начни; скажи, куда стремится
Твоя душа, и отстрани испуг:
Взор у тебя не умер, а мутится.
10 В очах у той, что ввысь из круга в круг
Тебя стезею дивной возносила,
Таится мощь Ананииных рук».
13 «С терпением жду,— моим ответом было,—
Целенья глаз, куда, как в недра врат,
Она с огнем сжигающим вступила.
16 Святое Благо неземных палат
Есть альфа и омега книг, чьи строки
Уста любви мне шепчут и гласят».
19 И голос тот, которым я, безокий,
Утешился в нежданной слепоте,
Вновь налагая на меня уроки,
22 Сказал: «Тебя на частом решете
Проверю я. Какие побужденья
Твой лук направили к такой мете?»
25 И я: «Через философские ученья
И через то, что свыше внушено,
Я той любви приял напечатленья;
28 Затем что благо, чуть оценено,
Дает всплывать любви, тем боле властной,
Чем больше в нем добра заключено.
31 Поэтому к Прасути, столь прекрасной,
Что все блага, которые не в ней,—
Ее луча всего лишь свет неясный,

- Должна с любовью льнуть всего сильнее 34
 Душа того, кто правду постигает,
 Проникшую мой довод до корней.
- Ту правду предо мною расстилает 37
 Мне показавший первую Любовь
 Всего, что вековечно пребывает;
- Правдивый голос расстилает вновь, 40
 Сам о себе сказавший Моисею:
 „Узреть всю славу дух твой приготовь“;
- И расстилаешь ты, когда твоею 43
 Высокой речью миру оглашен
 Смысл вышних тайн так громко, как ничьею».
- «Земным рассудком, — вновь поваял он, — 46
 И подтверждающими голосами
 Жарчайший пыл твой к богу обращен.
- Но и другими, может быть, ремнями 49
 К нему влеком ты. Сколькими, открой,
 Твоя любовь язвит тебя зубами?»
- Не утаился умысел святой 52
 Орла Христова, так что я заметил,
 Куда ответ он направляет мой.
- «Все те укусы, — я ему ответил, — 55
 Что нас стремят к владыке бытия,
 Крепят любовь, которой дух мой светел.
- Жизнь мирозданья, как и жизнь моя, 58
 Смерть, что он принял, жить мне завещая,
 Всё, в чем надежда верящих, как я,
- И сказанная истина живая — 61
 Меня из волн дурной любви спасли,
 На берегу неложной утверждая.
- И все те листья, что в саду выросли 64
 У вечного садовника, люблю я,
 Поскольку к ним его дары сошли».
- Едва я смолк, раздался, торжествуя, 67
 Напев сладчайший в небе: «Свят, свят, свят!»
 И Беатриче вторила, ликуя.

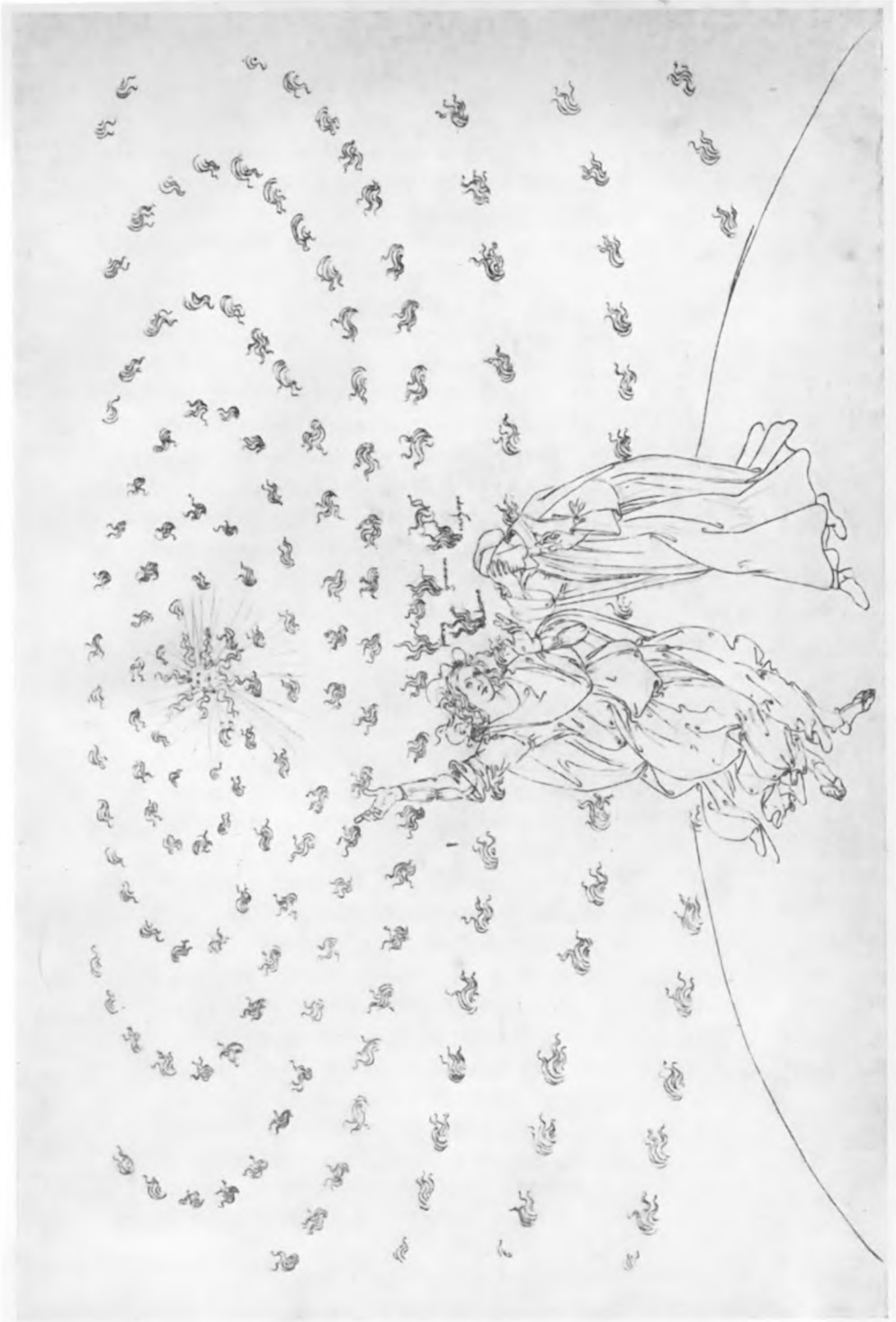
70 Как при колючем свете сон разъят
Тем, что стремится зрительная сила
На луч, пронзающий за платом плат,
73 И зренье пробужденному немило,
Настолько смутен он, вернувшись в быль,
Пока сознание ум не укрепило,—
76 Так Беатриче с глаз моих всю пыль
Прочь согнала очей своих лучами,
Сиявшими на много тысяч миль;
79 Я даже стал еще острее глазами;
И спросил, смущенный, про того,
Кто как четвертый свет возник пред нами.
82 И Беатриче мне: «В лучах его
Душа, всех прежде созданная, славит
Создателя и бога своего».
85 Как сень ветвей, когда ее придавит
Идущий ветер, никнет, тяжела,
Потом, вознесшись, вновь листву расправит,—
88 Таков был я, пока та речь текла,
Дивясь; потом, отвагу вновь обретши
В той жажде молвить, что мне душу жгла,
91 Я начал: «Плод, единый, что, не цветши,
Был создан зрелым, праотец людей,
Дочь и сноху в любой жене нашедший,
94 Внемли мольбе усерднейшей моей,
Ответь! Вопрос ты ведаешь заране,
И я молчу, чтоб внять тебе скорей».
97 Когда зверек накрыт обрывком ткани,
То, оболочку эту полоша,
Он выдает всю явь своих желаний;
100 И точно так же первая душа
Свою мне радость сквозь лучи покрова
Изобличала, благостью дыша.
103 Потомдохнула: «В нем я и без слова
Уверенней, чем ты уверен в том,
Что несомненное всего иного.

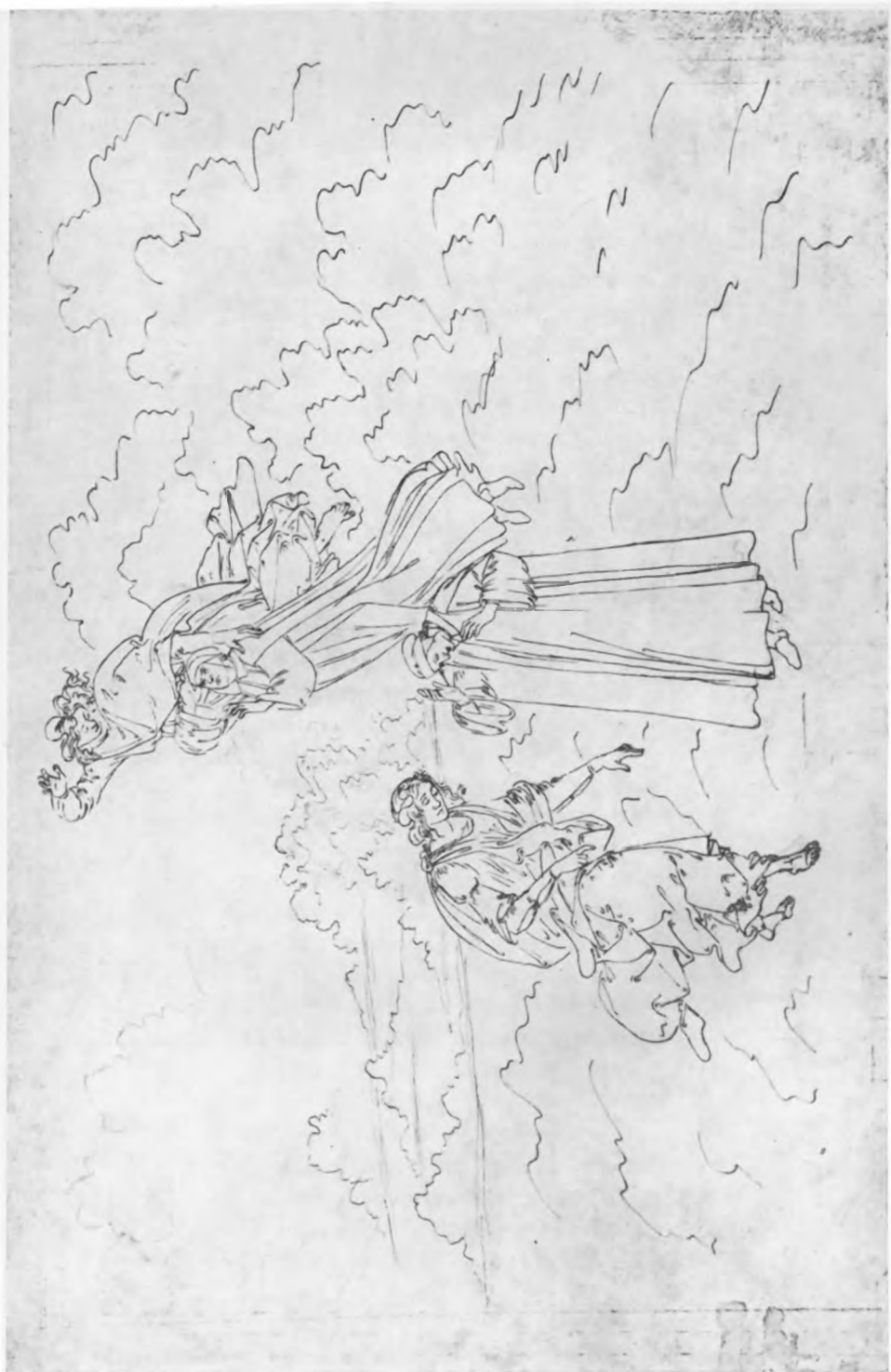
- Его я вижу в Зеркале святом, 106
Которое, всё отражая строго,
Само не отражается ни в чем.
- Ты хочешь знать, давно ль я, волей бога, 109
Вступил в высокий сад, где в должный миг
Тебе открылась горняя дорога,
- Надолго ль он в глазах моих возник, 112
И настоящую причину гнева,
И мною изобретенный язык.
- Знай, сын мой: не вкушение от древа, 115
А нарушение воли божества
Я искупал, и искупала Ева.
- Четыре тысячи и триста два 118
Возрата солнца твердь меня манила
Там, где Вергилий свыше внял слова;
- Оно же все попутные светила 121
Повторно девятьсот и тридцать раз,
Пока я жил на свете, посетило.
- Язык, который создал я, угас 124
Задолго до немыслимого дела
Тех, кто Немвродов исполнял приказ;
- Плоды ума зависимы всецело 127
От склонностей, а эти — от светил,
И потому не делятся без предела.
- Естественно, чтоб смертный говорил; 130
Но — так иль по-другому, это надо,
Чтоб не природа, а он сам решил.
- Пока я не сошел к томленью Ада, 133
„И“ в дольном мире звался Всеблагой,
В котором вечная моя отрада;
- Потом он звался „Эль“; и так любой 136
Обычай смертных сам себя сменяет,
Как и листва сменяется листвою.
- На той горе, что выше всех всплывает, 139
Я пробыл и святым, и несвятым
От утра и до часа, что вступает,
Чуть солнце сменит четверть, за шестым». 142

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

тцу, и сыну, и святому духу» —
Повсюду — «слава!» — раздалось в Раю,
И тот напев был упоением слуху.
4 Взирая, я, казалось, взором пью
Улыбку мирозданья, так что зримый
И звучный хмель вливался в грудь мою.
7 О радость! О восторг невыразимый!
О жизнь, где всё — любовь и всё — покой!
О верный клад, без алчности хранимый!
10 Четыре светоча передо мной
Пылали, и, мгновенье за мгновеньем,
Представший первым силит пламень свой;
13 И стал таким, каким пред нашим зреньем
Юпитер был бы, если б Марс и он,
Став птицами, сменились опереньем.
16 Та власть, которой там распределен
Черед и чин, благословенным светам
Велела смолкнуть, и угас их звон,
19 Когда я внял: «Что я меняюсь цветом,
Не удивляйся; внемля мой глагол,
Все переменят цвет в соборе этом.
22 Тот, кто, как вор, воссел на мой престол,
На мой престол, на мой престол, который
Пуст перед сыном божиим, возвел
25 На кладбище моем сплошные горы
Кровавой грязи; сверженный с высот,
Любуясь этим, утешает взоры».
28 Тот цвет, которым солнечный восход
Иль час заката облака объемлет,
Внезапно охватил весь небосвод.
31 И словно женщина, чья честь не дремлет
И сердце стойко, чувствует испуг,
Когда о чем-либо проступке внемлет,

- Так Беатриче изменилась вдруг; 34
 Я думаю, что небо так затмилось,
 Когда Всесильный поникал средь мук.
 Меж тем всё дальше речь его стремилась, 37
 И перемена в голосе была
 Не меньшая, чем в облике явилась.
 «Невеста божья не затем выросла 40
 Моею кровью, кровью Лина, Клета,
 Чтоб золото стяжалось без числа;
 И только чтоб стяжать блаженство это, 43
 Сикст, Пий, Каликст и праведный Урбан,
 Стеня, пролили кровь в былые лета.
 Не мы хотели, чтобы христиан 46
 Преемник наш пристрастною рукою
 Делил на правый и на левый стан;
 Ни чтоб ключи, полученные мною, 49
 Могли гербом на ратном стяге стать,
 Который на крещеных поднят к бою;
 Ни чтобы образ мой скреплял печать 52
 Для льготных грамот, покушных и лживых,
 Меня краснеть неволя и пылать!
 В одежде пастырей — волков грызливых 55
 На всех лугах мы видим средь ягнят.
 О божий суд, восстань на нечестивых!
 Гасконцы с каорсинцами хотят 58
 Пить нашу кровь; о доброе начало,
 В какой конечный впало ты разврат!
 Но промысел, чья помощь Рим спасала 61
 В великой Сципионовой борьбе,
 Спасет, я знаю,— и пора настала.
 И ты, мой сын, сойдя к земной судьбе 64
 Под смертным грузом, смелыми устами
 Скажи о том, что я сказал тебе!»
 Как дольный воздух мерзлыми парами 67
 Снежит к земле, едва лишь Козерог
 К светилу дня притронется рогами,

- 70 Так здесь эфир себя в красу облек,
Победные взвевая испаренья,
Помедлившие с нами долгий срок.
- 73 Мой взгляд следил всё выше их движенья,
Пока среда чрезмерной высоты
Ему не преградила восхожденья.
- 76 И госпожа, когда от той меты
Я взор отвел, сказала: «Опуская
Глаза, взгляни, куда пронесся ты!»
- 79 И я увидел, что с тех пор, когда я
Вниз посмотрел, над первой полосой
Я от середины сдвинулся до края.
- 82 Я видел там, за Гадесом, шальной
Улиссов путь; здесь — берег, на котором
Европа стала ношей дорогой.
- 85 Я тот клочок обвел бы шире взором,
Но солнце в бездне упреждало нас
На целый знак и больше, в беге скором.
- 88 Влюбленный дух, который всякий час
Стремился пламенно к своей богине,
Как никогда ждал взора милых глаз;
- 91 Всё, чем природа или кисть доньше
Пленяли взор, чтоб уловлять сердца,
Иль в смертном теле, или на картине,
- 94 Казалось бы ничтожным до конца
Пред дивной радостью, что мне блеснула,
Чуть я увидел свет ее лица;
- 97 И мощь, которой мне в глаза пахнуло,
Меня, рванув из Ледина гнезда,
В быстрейшее из всех небес метнула.
- 100 Так однородна вся его среда,
Что я не ведал, где я оказался,
Моей вожатой вознесен туда.
- 103 И мне, чтоб я в догадках не терялся,
Так радостно сказала госпожа,
Как будто бог в ее лице смеялся:

- «Природа мира, всё, что есть, кружа 106
Вокруг ядра, которое почило,
Идет отсюда, как от рубежа.
- И небо это божья мысль вместила, 109
Где и любовь, чья власть его влечет,
Берет свой пыл, и скрытая в нем сила.
- Свет и любовь объемлют этот свод, 112
Как всякий низший кружит, им объятый;
И те высоты их творец блюдет.
- Движенье здесь не мерят мерой взятой, 115
Но все движенья меру в нем берут,
Как десять — в половине или в пятой.
- Как время, в этот погружаясь сосуд 118
Корнями, в остальных живет вершиной,
Теперь понять тебе уже не в труд.
- О жадность! Не способен ни единый 121
Из тех, кого ты держишь, поглотив,
Поднять зеницы над твоей пучиной!
- Цвет доброй воли в смертном сердце жив; 124
Но ливней беспрестанные потоки
Родят уродцев из хороших слив.
- Одни младенцы слушают уроки 127
Добра и веры, чтоб забыть вполне
Их смысл скорей, чем опущатся щеки.
- Кто, лепеча, о постном помнил дне, 130
Вкушает языком, возросшим в силе,
Любую пищу при любой луне.
- Иной из тех, что, лепеча, любили 133
И чтили мать,— владея речью, рад
Ее увидеть поскорей в могиле.
- И так вот кожу белую чернят, 136
Вняв обольщеньям дочери прекрасной
Дарующего утро и закат.
- Размысли, и причина станет ясной: 139
Ведь над землею власть упразднена,
И род людской идет стезей опасной.

142 Но раньше, чем январь возьмет весна
 Посредством сотой, вами небреженной,
 Так хлынет светом горняя страна,
145 Что вихрь, уже давно предвозвещенный,
 Носы туда, где кормы, повернет,
 Помчав суда дорогой неуклонной;
148 И за цветком поспеет добрый плод».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Когда, скорбя о жизни современной
Несчастных смертных, правду вскрыла мне
Та, что мой дух возносит в рай блаженный,—
То как, узрев в зеркальной глубине 4
Огонь свечи, зажженный где-то рядом,
Для глаз и дум негаданный вполне,
И обратясь, чтобы проверить взглядом 7
Согласованье правды и стекла,
Мы видим слитность их, как песни с ладом,— 10
Так и моя мне память сберегла,
Что я так сделал, взоры погружая
В глаза, где пути мне любовь сплела.
И я,— невольно зренье обращая 13
К тому, что можно видеть в сфере той,
Ее от края оглянув до края,—
Увидел Точку, лившую такой 16
Острейший свет, что вынести нет мочи
Глазам, ожженным этой остротой.
Звезда, чью малость еле видят очи, 19
Казалась бы луной, соседя с ней,
Как со звездой звезда в просторах ночи.
Как невдали обвит кольцом лучей 22
Небесный свет, его изобразивший,
Когда несущий пар всего плотней,
Так Точку обнял круг огня, круживший 25
Столь быстро, что одолевался им
Быстрейший бег, вселенную обвивший.
А этот опоясан был другим, 28
Тот — третьим, третий в свой черед — четвертым,
Четвертый — пятым, пятый, вновь, — шестым.
Седьмой был вширь уже настоль простертым, 31
Что никогда б его не охватил
Гонец Юноны круговым развертом.

- 34 Восьмой кружил в девятом; каждый плыл
Тем более замедленно, чем дале
По счету он от единицы был.
- 37 Чем ближе к чистой Искре, тем пылали
Они ясней, должно быть оттого,
Что истину ее полней вбирали.
- 40 При виде колебанья моего:
«От этой Точки,— молвил мой вожатый,—
Зависят небеса и естество.
- 43 Всмотрись в тот круг, всех ближе к ней прижатый:
Он потому так быстро устремлен,
Что кружит, страстью пламенной объятый».
- 46 И я в ответ: «Будь мир расположен,
Как эти круговратные обводы,
Предложенным я был бы утолен.
- 49 Но в мире ощущаемой природы
Чем выше над серединой взор воздет,
Тем всё божественнее небосводы.
- 52 Поэтому мне надобен ответ
Об этом дивном ангельском чертоге,
Которому предел — любовь и свет:
- 55 Зачем идут не по одной дороге
Подобье и прообраз? Мысль вокруг
Витает и нуждается в подмоге.
- 58 «Что этот узел напряженью рук
Не поддается,— ты не удивляйся:
Он стал, никем не тронут, слишком туг».
- 61 Так госпожа; и дальше: «Насыщайся
Тем, что воспримешь из моих речей,
И мыслию над этим изопряйся.
- 64 Плотские своды — шире иль тесней,
Смотря по большей или меньшей силе,
Разлитой на пространстве их частей.
- 67 По мере силы — мера избытий;
Обилье больше, где большой объем
И нет частей, чтоб целому вредили.

- Наш свод, влекущий в вихре круговом 70
 Всё мирозданье, согласован дружно
 С превысшим в знанье и в любви кольцом.
- И ты увидишь,— ибо мерить нужно 73
 Лишь силу, а не видимость того,
 Что здесь перед тобой стремится кружно,—
- Как в каждом небе дивное сродство 76
 Большого — с многим, с малым — небольшого
 Его связует с Разумом его».
- Как полушарье воздуха земного 79
 Яснеет вдруг, когда Борей дохнет
 Щекой, которая не так сурова,
- И, тая, растворяется налет 82
 Окрестной мглы, чтоб небо озарилось
 Неисчислимостью своих красот,—
- Таков был я, когда со мной делилась 85
 Своим ответом ясным госпожа
 И правда, как звезда в ночи, открылась.
- Чуть речь ее дошла до рубежа, 88
 То так железо, плавясь в мощном зное,
 Искрит, как кольца брызнули, кружа.
- И все те искры мчались в общем рое, 91
 И множились несметней их огни,
 Чем шахматное поле, множась вдвое.
- Я слышал, как хвалу поют они 94
 Недвижной Точке, вокруг нее стремимы
 Из века в век, как было искони.
- И видевшая разум мой томимый 97
 Сказала: «В первых двух кругах кружат,
 Объемля Серафимов, Херувимы.
- Покорны узам, бег они стремят, 100
 Уподобляясь Точке, сколько властны;
 А властны — сколько вознесен их взгляд.
- Ближайший к ним любви венец прекрасный 103
 Сплели Престолы божьего лица;
 На них закончен первый сонм трехчастный.

- 106 Знай, что отрада каждого кольца —
 В том, сколько зренья в Истину вникает,
 Где разум утоляем до конца.
- 109 Мы видим, что блаженство возникает
 От зренья, не от любви; она
 Лишь спутницей его сопровождает;
- 112 А зренью мощь заслугами дана,
 Чьи корни — в милости и в доброй воле;
 Так лестница помалу пройдена.
- 115 Три смежных сонма, зеленея в доле
 Вовеки нескончаемой весны,
 Где и ночной Овен не властен боле,
- 118 „Осанною“ всегда оглашены
 На три напева, что в тройной святыне
 Поют троеобразные чины.
- 121 В иерархии этой — три богини:
 Сперва — Господства, дальше — Сил венец,
 А вслед за ними — Власти, в третьем чине.
- 124 В восторгах предпоследних двух колец
 Начала и Архангелы витают;
 И Ангельская радость наконец.
- 127 Все эти сонмы к высоте взирают
 И, книзу власть победную лия,
 Влекумы к богу, сами увлекают.
- 130 И Дионисий в тайну бытия
 Их степеней так страстно погружался,
 Что назвал их и различил, как я.
- 133 Григорий с ним потом не соглашался;
 Зато, чуть в небе он глаза раскрыл,
 Он сам же над собою посмеялся.
- 136 И если столько тайных правд явил
 Пред миром смертный, чуда в том не много:
 Здесь их узревший — их ему внушил
- 139 Средь прочих истин этого чертога».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Когда чету, рожденную Латоной,
Здесь — знак Овна, там — знак Весов хранит,
А горизонт связует общей зоной,
То мир, когда их выровнял зенит, 4
И миг, в который связь меж ними пала
И каждый в новый небосвод смешит,
Разлучены не дольше, чем молчала 7
С улыбкой Беатриче, всё туда
Смотря, где Точка взор мой побеждала.
Она промолвила: «Мне нет труда 10
Тебе ответить, твой вопрос читая
Там, где слились все „где“ и все „когда“.
Не чтобы стать блаженной,— цель такая 13
Немыслима,— но чтобы блеск лучей,
Струимых ею, молвил „Есмь“, блистая,—
Вне времени, в предвечности своей, 16
Предвечная любовь сама раскрылась,
Безгранная, несчетностью любвей.
Она и перед этим находилась 19
Не в косном сне, затем что божество
Ни „до“, ни „после“ над водой носилось.
Врозь и совместно, суть и вещество 22
В мир совершенства свой полет помчали,—
С тройного лука три стрелы его.
Как в янтаре, стекле или кристалле 25
Сияет луч, причем его приход
И заполнение целого совпали,
Так и Творца троеобразный плод 28
Излился, как внезапное сиянье,
Где никакой неразличим черед.
Одновременны были и созданье, 31
И строй существ; над миром быть дано
Вершиной тем, в ком — чистое деянье,

- 34 А чистую возможность держит дно;
В середине — связью навсегда нетленной
С возможностью деянье сплетено.
- 37 Хоть вам писал Иероним блаженный,
Что ангелы за долгий ряд веков
Сотворены до остальной вселенной,
- 40 Но истину на множестве листов
Писцы святого духа возвестили,
Как ты поймешь, вникая в смысл их слов,
- 43 И разум видит сам, поскольку в силе,
Что движители вряд ли долго так
Без подлинного совершенства были.
- 46 Теперь ты знаешь, где, когда и как
Сотворены любви их собора,
И трех желаний жар в тебе иссяк.
- 49 До двадцати не сосчитать так скоро,
Как часть бесплотных духов привела
В смятенье то, в чем для стихий опора.
- 52 Другая часть, оставшись, начала
Так страстно здесь кружиться, что начатый
Круговорот прервать бы не могла.
- 55 Причиною паденья был в проклятой
Гордыне тот, кто пред тобой предстал,
Всем гнетом мира отовсюду сжатый.
- 58 Сонм, зримый здесь, смиренно признавал
Себя возникшим в Благости бездонной,
Чей свет ему познание даровал.
- 61 За это, по заслугам вознесенный
Чрез озаряющую благодать,
Он преисполнен воли непреклонной.
- 64 И ты, не сомневаясь, должен знать,
Что благодать нисходит по заслуге
К любви, раскрытой, чтоб ее принять.
- 67 Теперь ты сам об этом мудром круге,
Раз мой урок тобою восприят,
Немалое домыслишь на досуге.

- Но так как вам ученые твердят, 70
Природу ангелов изображая,
Что те, мол, мыслят, помнят и хотят,
Скажу еще, чтобы тебе прямая 73
Открылась правда, на земле у вас
Двусмысленным ученьем повитая.
Бесплотные, возрадовавшись раз 76
Лицу Творца, пред кем без утаенья
Раскрыто всё, с него не сводят глаз;
И так как им не пресекает зренья 79
Ничто извне, они и не должны
Припоминать отъятые виденья.
У вас же и не спят, а видят сны, 82
Кто веря, а кто нет — своим рассказам;
В одном — и срама больше, и вины.
Там, на земле, не направляют разум 85
Одной тропой: настолько вас влекут
Страсть к внешности и жажда жить показом.
Всё ж, это с меньшим гневом терпят тут, 88
Чем если слово божье суесловью
Приносят в жертву или вкривь берут.
Не думают, какую куплен кровью 91
Его посев и как тому, кто чтит
Его смиренно, воздают любовью.
Для славы каждый что-то норовит 94
Измыслить, чтобы выдумка блеснула
С амвона, а Евангелье молчит.
Иной гласит, что вспять луна шагнула 97
В час мук Христовых и сплошную сень
Меж солнцем и землею протянула,—
И лжет, затем что сам затмился день: 100
Как лег на иудеев сумрак чудный,
Так индов и испанцев скрыла тень.
Нет стольких Лало во Фьоренце людной 103
И стольких Биндо, сколько басен в год
Иной наскажет пастырь безрассудный;

- 106 А стадо глухих с пастбища бредет,
Насытись ветром; ни один не ведал,
Какой тут вред, но это не спасет.
- 109 Христос наказа первым верным не дал:
„Идите, суесловьте!“, но свое
Ученье правды им он заповедал,
- 112 И те, провозглашая лишь ее,
Во имя веры подымали в схватке
Евангелъе, как щит и как копье.
- 115 Теперь в церквах лишь на остроты падки
Да на ужимки; если громок смех,
То куколь пыжится, и всё в порядке.
- 118 А в нем сидит птенец, тайком от всех,
Такой, что чернь, увидев, поняла бы,
Какая власть ей отпускает грех;
- 121 Все до того рассудком стали слабы,
Что люди верят всякому вранью,
И на любой посул толпа пришла бы.
- 124 Так кормит плут Антоњеву свинью
И разных прочих, кто грязней намного,
Платя деньгу поддельную свою.
- 127 Но это всё — окольная дорога,
И нам пора на прежний путь опять,
Со временем сообразуясь строго.
- 130 Так далеко восходит эта рать
Своим числом, что смертной речи сила
И смертный ум не могут не отстать.
- 133 И в самом откровенье Даниила
Число не обозначено точней:
В его тьмах тем оно себя укрыло.
- 136 Первоначальный Свет, разлитый в ней,
Воспринят ею столь же разнородно,
Сколь много сочетанных с ним огней.
- 139 А так как от познанья производно
Влечение, то искони времен
Любовь горит и тлеет в ней несходно.

Суди же, сколь пространно вознесен	142
Предвечный, если столькие зеркала	
Себе он создал, где дробится он,	
Единый сам в себе, как изначала».	145

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

Примерно за шесть тысяч миль пылает
От нас далекий час шестой, и тень
Почти что к плоскости земля склоняет,
4 Когда небес, для нас глубинных, сень
Становится такой, что луч напрасный
Часть горних звезд на эту льет ступень;
7 По мере приближения прекрасной
Служанки солнца, меркнет глубина
От славы к славе, вплоть до самой ясной.
10 Так празднество, чьи вьются пламена,
Объемля Точку, что меня сразила,
Вмещаемым как будто вмещена,
13 За мигом миг свой яркий свет гасило;
Тогда любовь, как только он погас,
Вновь к Беатриче взор мой обратила.
16 Когда б весь прежний мой о ней рассказ
Одна хвала, включив, запечатлела,
Ее бы мало было в этот раз.
19 Я красоту увидел, вне предела
Не только смертных; лишь ее творец,
Я думаю, постиг ее всецело.
22 Здесь признаю, что я сражен вконец,
Как не бывал сражен своей задачей,
Трагед иль комик, ни один певец;
25 Как слабый глаз от солнца, не иначе,
Мысль, вспоминая, что за свет сиял
В улыбке той, становится незрячей.
28 С тех пор как я впервые увидал
Ее лицо здесь на земле, всечасно
За ней я в песнях следом попевал;
31 Но ныне я старался бы напрасно
Достигнуть пеньем до ее красот,
Как тот, чье мастерство уже не властно.

- Такая, что о ней да воспоеет 34
Труба звучней моей, не столь чудесной,
Которая свой труд к концу ведет:
- «Из наибольшей области телесной,— 37
Как бодрый вождь, она сказала вновь,—
Мы вознеслись в чистейший свет небесный,
Умопостижный свет, где всё — любовь, 40
Любовь к добру, дарящая отраду,
Отраду слаще всех, пьянящих кровь.
Здесь райских войск увидишь ты громаду, 43
И ту, и эту рать; из них одна
Такой, как в день суда, предстанет взгляду».
- Как вспышкой молнии поражена 46
Способность зренья, так что и к предметам,
Чей блеск сильней, бесчувственна она,—
- Так я был осиян ярчайшим светом, 49
И он столь плотно обволок меня,
Что всё исчезло в озаренье этом.
- «Любовь, от века эту твердь храня, 52
Вот так приветствует, в себя приемля,
И так свечу готовит для огня».
- Еще словам коротким этим внемля, 55
Я понял, что прилив каких-то сил
Меня возносит, надо мной подьемля;
- Он новым зреньем взор мой озарил, 58
Таким, что выдержать могло бы око,
Какой бы яркий пламень не светил.
- И свет предстал мне в образе потока, 61
Струистый блеск, волшебною весной
Вдоль берегов расцветенный широко.
- Живые искры, взвившись над рекой, 64
Садилась на цветы, кругом порхая,
Как яхонты в оправе золотой;
- И, словно хмель в их запахе впивая, 67
Вновь погружались в глубь чудесных вод;
И чуть одна нырнет, взлетит другая.

- 70 «Порыв, который мысль твою влечет
Постигнуть то, что пред тобой предстало,
Мне тем милей, чем больше он растет.
- 73 Но надо этих струй испить сначала,
Чтоб столь великой жажды зной утих.
Так солнце глаз моих, начав, сказало;
- 76 И вновь: «Река, топазов огневых
Взлет и паденье, смех травы блаженный —
Лишь смутные предвестья правды их.
- 79 Они не по себе несовершенны,
А это твой же собственный порок,
Затем что слабосилен взор твой бранный».
- 82 Так к молоку не рвется сосунок
Лицом, когда ему порой случится
Проспать намного свой обычный срок,
- 85 Как устремился я, спеша склониться,
Чтоб глаз моих улучшить зеркала,
К воде, дающей в лучшем утвердиться.
- 88 Как только влаги этой испила
Каемка век, река, — мне показалось, —
Из протяженной сделалась кругла;
- 91 И как лицо, которое скрывалось
Личиною, — чуть ложный вид исчез,
Становится иным, чем представлялось,
- 94 Так превратились в большой пир чудес
Цветы и огоньки, и я увидел
Воочью оба воинства небес.
- 97 О божий блеск, в чьей славе я увидел
Всеистинной державы торжество, —
Дай мне сказать, как я его увидел!
- 100 Есть горний свет, в котором божество
Является очам того творенья,
Чей мир единый — созерцать его;
- 103 Он образует круг, чьи измерения
Настоль огромны, что его обвод
Обвода солнца шире без сравненья.

- Его обличье луч ему дает, 106
 Верх озаряя тверди первобежной,
 Чья жизнь и мощь начало в нем берет.
- И как глядится в воду холм прибрежный, 109
 Как будто чтоб увидеть свой наряд,
 Цветами убран и травую нежной,
 Так, окружая свет, над рядом ряд,— 112
 А их сверх тысячи,— в нем отразилось
 Всё, к высотам обретшее возврат.
- Раз в нижний круг такое бы вместилось 115
 Светило, какова же ширина
 Всей этой розы, как она раскрылась?
 Взор не смущали глубь и вышина, 118
 И он вбирал весь этот праздник ясный
 В количестве и в качестве сполна.
- Там близь и даль давать и брать не властны: 121
 К тому, где бог сам и один царит,
 Природные законы непричастны.
- В желть вечной розы, чей цветок раскрыт 124
 И вширь, и ввысь и негой благовонной
 Песнь Солнцу вечно вешнему творит,
 Я был введен,— как тот, кто смолк, смущенный,— 127
 Моей владычицей, сказавшей: «Вот
 Сонм, в белые одежды облеченный!
- Взгляни, как мощно град наш вкруг идет! 130
 Взгляни, как переполнены ступени
 И сколь немногих он отныне ждет!
- А где, в отличие от других сидений, 133
 Лежит венец, твой привлекая глаз,
 Там, раньше, чем ты вступишь в эти сени,
 Воссядет дух державного среди вас 136
 Арриго, что, Италию спасая,
 Придет на помощь в слишком ранний час.
- Так одуряет вас корысть слепая, 139
 Что вы — как новорожденный в беде,
 Который чахнет, мамку прочь толкая.

142 В те дни увидят в божием суде
 Того, кто явный путь и сокровенный
 С ним поведет по-разному везде.
145 Но не потерпит бог, чтоб сан священный
 Носил он долго; так что канет он
 Туда, где Симон волхв казнится, пленный;
148 И будет вглубь Аланец оттеснен».

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Т	ак белой розой, чей венец раскрылся, Являлась мне святая рать высот, С которой агнец кровью обручился;	
	А та, что, рея, видит и поет Лучи того, кто дух ее влюбляет И ей такую мощной быть дает, Как войско пчел, которое слетает К цветам и возвращается потом Туда, где труд их сладость обретает, Витала низко над большим цветком, Столь многолистным, и взлетала снова Туда, где их Любви всевечный дом.	4 7 10
	Их лица были из огня живого, Их крылья — золотые, а наряд Так бел, что снега не найти такого. Внутри цветка они за рядом ряд Дарили миром и отрадой пыла, Которые они на крыльях мчат. То, что меж высью и цветком парила Посереди такая густота, Ни зрению, ни блеску не вредило; Господня слава всюду разлита По степени достоинства вселенной, И от нее не может быть цита. Весь этот град, спокойный и блаженный, Полн древнею и новою толпой, Взирал, любя, к одной мете священной.	13 16 19 22 25
	Трехликий свет, ты, что одной звездой Им в очи блещешь, умиротворяя, Склони свой взор над нашею грозой! Раз варвары, пришедшие из края, Где с милым сыном в высях горних стран Кружит Гелика, день за днем сверкая,	28 31

- 34 Увидев Рим и как он в блеск убран,
Дивились, созерцая величавый
Над миром вознесенный Латеран,—
37 То я, из тлена в свет небесной славы,
В мир вечности из времени вступив,
Из стен Фьоренцы в мудрый град и здравый,
40 Какой смущенья испытал прилив!
Душой меж ним и радостью раздвоен,
Я был охотно глух и молчалив.
43 И как паломник, сердцем успокоен,
Осматривает свой обетный храм,
Надеясь рассказать, как он устроен,—
46 Так, в ярком свете дав блуждать очам,
Я озирал ряды ступеней стройных,
То в высоту, то вниз, то по кругам.
49 Я видел много лиц, любви достойных,
Украшенных улыбкой и лучом,
И обликов почтенных и спокойных.
52 Когда мой взор, всё обошед кругом,
Воспринял общее строенье Рая,
Внимательней не медля ни на чем,
55 Я обернулся, волей вновь пылая,
И госпожу мою спросить желал
О том, чего не постигал, взирая.
58 Мне встретилось не то, что я искал;
И некий старец в ризе белоснежной
На месте Беатриче мне предстал.
61 Дышали добротою безмятежной
Взор и лицо, и он так ласков был,
Как только может быть родитель нежный.
64 Я тотчас: «Где она?» — его спросил;
И он: «К тебе твоим я послан другом,
Чтоб ты свое желанье завершил.
67 Взглянув на третий ряд под верхним кругом,
Ее увидишь ты, еще светлей,
На троне, ей сужденном по заслугам».

- Я, не ответив, поднял взоры к ней, 70
И мне она явилась осененной
Венцом из отражаемых лучей.
- От области, громами оглашенной, 73
Так отдален не будет смертный глаз,
На дно морской пучины погруженный,
Как я от Беатриче был в тот час; 76
Но это мне не затмевало взгляда,
И лик ее в сквозной среде не гас.
- «О госпожа, надежд моих ограда, 79
Ты, чтобы помощь свыше мне подать,
Оставившая след свой в глубях Ада,
Во всем, что я был призван созерцать, 82
Твоих щедрот и воли благородной
Я признаю и мощь, и благодать.
- Меня из рабства на простор свободный 85
Они по всем дорогам провели,
Где власть твоя могла быть путеводной.
- Хранить меня и впредь благоволи, 88
Дабы мой дух, отныне без порока,
Тебе угодным сбросил тлен земли!»
- Так я воззвал; с улыбкой, издалека, 91
Она ко мне свой обратила взгляд;
И вновь — к сиянью Вечного Истока.
- И старец: «Чтоб свершился без преград 94
Твой путь,— на то и стал с тобой я рядом,
Как мне и просьба, и любовь велят,—
- Паря глазами, свыкнись с этим садом; 97
Тогда и луч божественный смелей
Воспримешь ты, к нему взлетая взглядом.
- Владычица небес, по ком я всей 100
Горю душой, нам всячески поможет,
Вняв мне, Бернарду, преданному ей».
- Как тот, кто из Кроации, быть может, 103
Придя узреть нерукотворный лик,
Старинной жаждой умиление множит

- 106 И думает, чуть он пред ним возник:
«Так вот твое подобие какое,
Христе Иисусе, господи владык!» —
- 109 Так я взирал на рвение святое
Того, кто, окруженный миром зла,
Жил, созерцая, в неземном покое.
- 112 «Сын милости, как эта жизнь светла,
Ты не постигнешь, если к горней сени,—
Так начал он,— не вознесешь чела.
- 115 Но если взор твой минет все ступени,
Он в высоте, на троне, обретет
Царицу этих верных ей владений».
- 118 Я поднял взгляд; как утром небосвод
В восточной части, озаренной ало,
Светлей, чем в той, где солнце западет,
- 121 Так, словно в гору движа из провала
Глаза, я увидел, что часть каймы
Всё остальное светом побеждала.
- 124 И как сильнее пламень там, где мы
Ждем дышло, Фаэтону роковое,
А в обе стороны — всё больше тьмы,
- 127 Так посредине пламя заревое
Та орифламма мирная лила,
А по краям уже не столь живое.
- 130 И в той середине, распластав крыла,—
Я видел,— сонмы ангелов сияли,
И слава их различною была.
- 133 Пока они так ели и играли,
Им улыбалась Красота, дая
Отраду всем, чьи очи к ней взирали.
- 136 Будь даже равномоцна речь моя
Воображенью,— как она прекрасна,
И смутно молвить не дерзнул бы я.
- 139 Бернард, когда он увидел, как властно
Сковал мне взор его палящий пыл.
Свои глаза к ней устремил так страстно,
- 142 Что и мои сильней воспламенил.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

В

свою отраду вникший созерцатель
Повел святую речь, чтоб всё сполна
Мне пояснить, как мудрый толкователь: 4
«Ту рану, что Марией сращена,
И нанесла, и растрвила ядом
Прекрасная у ног ее жена.
Под ней Рахиль ты обнаружишь взглядом, 7
Глаза ступенью ниже опустив,
И с ней, как видишь, Беатриче рядом.
Вот Сарра, вот Ревекка, вот Юдифь, 10
Вот та, чей правнук, обращаясь к богу,
Пел „Misereere“ *, скорбь греха вкусив.
Так, от порога нисходя к порогу, 13
Они идут, как я по лепесткам
Цветок перебираю понемногу.
И ниже, от седьмого круга к нам, 16
Еврейки занимают цепь сидений,
Расчесывая розу пополам.
Согласно с тем, как вера поколений 19
Взирала ко Христу, они — как вал,
Разъемлющий священные ступени.
Там, где цветок созрел и распластал 22
Все листья, восседает сонм, который
Пришествия Христова ожидал.
Там, где пустые врублены просторы 25
В строй полукружий, восседают те,
Чьи на Христе пришедшем были взоры.
Престол царицы в дивной высоте 28
И все под ним престолы, как преграда,
Их разделяют по прямой черте.

* Помилуй [меня] (лат.).

- 31 Напротив — Иоанн, вершина ряда,
Всегда святой, пустынный. после мук
Два года пребывавший в недрах Ада;
- 34 Раздел здесь вверен цепи божьих слуг,
Франциску, Бенедикту, Августину
И прочим, донизу, из круга в круг.
- 37 Измерь же провидения пучину:
Два взора веры обнимает сад,
И каждый в нем заполнит половину.
- 40 И знай, что ниже, чем проходит ряд,
Весь склон по высоте делящий ровню,
Не ради собственных заслуг сидят,
- 43 А по чужим, хотя не безусловно;
Здесь — души тех, кто взнесся к небесам,
Не зная, что — похвально, что — греховно.
- 46 Ты в этом убедиться можешь сам,
К ним обратив прилежней слух и зренья,
По лицам их и детским голосам.
- 49 Но ты молчишь, тая недоуменья;
Однако я расторгну узел пут,
Которыми тебя теснит сомненье.
- 52 Простор державы этой — не приют
Случайному, как ни скорбей, ни жажды,
Ни голода ты не увидишь тут;
- 55 Затем что всё, здесь зримое, однажды
Установил незыблемый закон,
И точно пригнан к пальцу перстень каждый.
- 58 И всякий в этом множестве племен,
Так рано поспешивших в мир нетленный,
Не sine causa * разню наделен.
- 61 Царь, чья страна полна такой блаженной
И сладостной любви, какой никак
Не мог желать и самый дерзновенный,—

* Без причины (лат.).

- Творя сознанья, радостен и благ, 64
Распределяет милость самовластно;
Мы можем только знать, что это так.
- И вам из книг священных это ясно, 67
Где как пример даны два близнеца,
Еще в утробе живших несогласно.
- Раз цвет волос у милости Творца 70
Многообразен, с ним в соотношенье
Должно быть и сияние венца.
- Поэтому на разном возвышенье 73
Не за дела награда им дана:
Всё их различье — в первом озаренье.
- В первоначальнейшие времена 76
Душа, еще невинная, бывала
Родительскою верой спасена.
- Когда времен исполнилось начало, 79
То мальчиков невинные крыла
Обрезание силой наделяло.
- Когда же милость миру снизошла, 82
То, не крестясь крещением Христовым,
Невинность вверх подняться не могла.
- Теперь взгляни на ту, чей лик с Христовым 85
Всего сходней; в ее заре твой взгляд
Мощь обретет воззреть к лучам Христовым».
- И я увидел: дождь таких отрад 88
Над нею изливала рать святая,
Чьи сонмы в этой высоте парят,
- Что ни одно из откровений Рая 91
Так дивно мне не восхищало взор,
Подобье бога так полно являя.
- И дух любви, низведший этот хор, 94
Воспев: «Ave, Maria, gratia plena!»*,—
Свои крыла пред нею распростер.

* Радуйся, Мария, благодатная! (лат.)

97 Всё, что гласит святая кантилена,
 За ним воспев, еще светлей процвел
 Блаженный град, не ведающий тлена.
100 «Святой отец, о ты, что снизошел
 Побыть со мной, покинув присужденный
 Тебе от века сладостный престол,
103 Кто этот ангел, взором погруженный
 В глаза царицы, что слетел сюда,
 Любовью, как огнем, воспламененный?»
106 Так, чтоб узнать, я спросил тогда
 Того, чей лик Марией украшаем,
 Как солнцем предрасветная звезда.
109 «Насколько дух иль ангел наделяем
 Красой и смелостью, он их вместил,—
 Мне был ответ.— Того и мы желаем;
112 Ведь он был тот, кто с пальмой поспешил
 К владычице, когда наш груз телесный
 Господень сын понести благоволил.
115 Но предприми глазами путь, совместный
 С моею речью, обходя со мной
 Патрициев империи небесной.
118 Те два, счастливей, чем любой иной,
 К Августе приближенные соседи,—
 Как бы два корня розы неземной.
121 Левей — источник всех земных наследий,
 Тот праотец, чей дерзновенный вкус
 Оставил людям привкус горькой снеди;
124 Правее — тот, кем утверждён союз
 Христовой церкви, старец, чьей охране
 Ключи от розы вверил Иисус.
127 Тот, кто при жизни созерцал заране
 Дни тяжкие невесты, чей приход
 Гвоздями куплен и копьём страданий,—
130 Сел рядом с ним; а рядом с первым — тот,
 Под чьим вожденьем жил, вкушая манну,
 Строптивый, черствый и пустой народ.

-
- Насупротив Петра ты видишь Анну, 133
 Которая глядит в дочерний лик,
 Глаз не сводя, хоть и поет „Осанну“,
- А против старшины домовладык 136
 Сидит Лючия, что тебя спасала,
 Когда, свергаясь, ты челом поник.
- Но мчится время сна, и здесь пристало 139
 Поставить точку, как хороший швей,
 Кроящий скупю, если ткани мало;
- И к Пралюбви возденем взор очей, 142
 Дабы, взирая к ней, ты мог вонзиться,
 Насколько можно, в блеск ее лучей.
- Но чтобы ты, в надежде углубиться, 145
 Стремя крыла, не отдалился вспять,
 Нам надлежит о милости молиться,
- Взывая к той, кто милость может дать; 148
 А ты сопутствуй мне своей любовью,
 Чтоб от глагола сердцем не отстать».
- И, молвив, приступил к молитвословью. 151

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

дева мать, дочь своего же сына,
Смиренней и возвышенной всего,
Предъизбранная промыслом вершина,
4 В тебе явилось наше естество
Столь благородным, что его творящий
Не пренебрег твореньем стать его.
7 В твоей утробе стала вновь горящей
Любовь, чьим жаром райский цвет возник,
Раскрывшийся в тиши непреходящей.
10 Здесь ты для нас — любви полдневный миг;
А в дольном мире, смертных напоая,
Ты — упования живой родник.
13 Ты так властна, и мощь твоя такая,
Что было бы стремить без крыл полет —
Ждать милости, к тебе не прибегая.
16 Не только тем, кто просит, подает
Твоя забота помощь и спасенье,
Но просьбы исполняет наперед.
19 Ты — состраданье, ты — благоволенье,
Ты — всяческая щедрость, ты одна —
Всех совершенств душевных совмещенье!
22 Он, человек, который ото дна
Вселенной вплоть досюда, часть за частью,
Селенья духов обозрел сполна,
25 К тебе зовет о наделенье властью
Столь мощною очей его земных,
Чтоб их вознесть к Верховнейшему Счастью.
28 И я, который ради глаз моих
Так не молил о вспоможенье взгляду,
Взношу мольбы, моля услышать их:
31 Развей пред ним последнюю преграду
Телесной мглы своей мольбой о нем
И высшую раскрой ему Отраду.

- Еще, царица, властная во всем, 34
Молю, чтоб он с пути благих исканий,
Узрев столь много, не сошел потом.
- Смири в нем силу смертных порываний! 37
Взгляни: вслед Беатриче весь собор,
Со мной прося, сложил в молитве длани!»
- Возлюбленный и чтимый богом взор 40
Нам показал, к молящему склоненный,
Что милостивым будет приговор;
- Затем возбесся в Свет Неомраченный, 43
Куда нельзя и думать, чтоб летел
Вовеки взор чей-либо сотворенный.
- И я, уже предчувствуя предел 46
Всех вожделений, поневоле, страстно
Предельным ожиданьем пламенел.
- Бернард с улыбкой показал безгласно, 49
Что он меня взглянуть наверх зовет;
Но я уже так сделал самовластно.
- Мои глаза, с которых спал налет, 52
Всё глубже и всё глубже уходили
В высокий свет, который правда льет.
- И здесь мои прозренья упредили 55
Глагол людей; здесь отступает он,
А памяти не снести таких обилий.
- Как человек, который видит сон 58
И после сна хранит его волнение,
А остального самый след сметен,
- Таков и я: во мне мое виденье 61
Чуть теплится, но нега всё жива
И сердцу источает наслажденье;
- Так топит снег лучами синева; 64
Так легкий ветер, листья взвив гурьбою,
Рассеивал Сибиллины слова.
- О Вышний Свет, над мыслию земною 67
Столь вознесенный, памяти моей
Верни хоть малость виденного мною

- 70 И даруй мне такую мощь речей,
Чтобы хоть искру славы заповедной
Я сохранил для будущих людей!
- 73 В моем уме ожив, как ответ бледный,
И сколько-то в стихах моих звуча,
Понятней будет им твой блеск победный.
- 76 Свет был так резок, зренья не мрача,
Что, думаю, меня бы ослепило,
Когда я взор отвел бы от луча.
- 79 Меня, я помню, это окрылило,
И я глядел, доколе в вышине
Не вскрылась Нескончаемая Сила.
- 82 О щедрый дар, подавший смелость мне
Вонзиться взором в Свет Неизреченный
И созерцанье утолить вполне!
- 85 Я видел — в этой глуби сокровенной
Любовь как в книгу некую сплела
То, что разлистано по всей вселенной:
- 88 Суть и случайность, связь их и дела,
Всё — слитое столь дивно для сознанья,
Что речь моя как сумерки тускла.
- 91 Я самое начало их слиянья,
Должно быть, видел, ибо вновь познал,
Так говоря, огромность ликованья.
- 94 Единый миг мне большей бездной стал,
Чем двадцать пять веков — затее смелой,
Когда Нептун тень Арго увидал.
- 97 Так разум мой взирал, оцепенелый,
Восхищен, пристален и недвижим
И созерцанием опламенелый.
- 100 В том Свете дух становится таким,
Что лишь к нему стремится неизменно,
Не отвращаясь к зрелищам иным;
- 103 Затем что всё, что сердцу вожделенно,
Всё благо — в нем, и вне его лучей
Порочно то, что в нем всесовершенно.

- Отныне будет речь моя скудней,— 106
 Хоть и немного помню я,— чем слово
 Младенца, льнущего к сосцам груди.
- Не то, чтоб свыше одного простого 109.
 Обличия тот Свет живой вмещал:
 Он всё такой, как в каждый миг былого;
- Но потому, что взор во мне крепчал, 112
 Единый облик, так как я при этом
 Менялся сам, себя во мне менял.
- Я увидел, объят Высоким Светом 115
 И в ясную глубинность погружен,
 Три равноемких круга, разных цветом.
- Один другим, казалось, отражен, 118.
 Как бы Ирида от Ириды встала;
 А третий — пламень, и от них рожден.
- О, если б слово мысль мою вмещало,— 121.
 Хоть перед тем, что взор увидел мой,
 Мысль такова, что мало молвить: «мало»!
- О Вечный Свет, который лишь собой 124.
 Излит и постижим и, постигая,
 Постигнутый, лелеет образ свой!
- Круговорот, который, возникая, 127
 В тебе сиял, как отраженный свет,—
 Когда его я обозрел вдоль края,
- Внутри, окрашенные в тот же цвет, 130.
 Явил мне как бы наши очертанья;
 И взор мой жадно был к нему воздет.
- Как геометр, напяривший все старанья, 133.
 Чтобы измерить круг, схватить умом
 Искомого не может основанья,
- Таков был я при новом диве том: 136
 Хотел постичь, как сочетаны были
 Лицо и круг в слиянии своем;
- Но собственных мне было мало крылий; 139.
 И тут в мой разум грянул блеск с высот,
 Неся свершенье всех его усилий.

142 Здесь изнемог' высокий духа взлет;
 Но страсть и волю мне уже стремилa,
 Как если колесу дан ровный ход,
145 Любовь, что движет солнце и светила.

ПРИЛОЖЕНИЯ

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ»

На знаменитой фреске Доменико ди Микелино во флорентийском соборе Санта Мария Новелла Данте, увенчанный лаврами, в алой тоге, стоит перед городскими воротами Флоренции. В левой руке — сияющая лучами раскрытая книга. В книге записана история его странствований по трем царствам потустороннего мира. Правой рукой он указывает флорентийцам на широко открытые ворота Ада. На фоне, вдали — гора Чистилища; над нею небесные сферы, исполненные музыкой светил.

Чтобы создать эти миры, которые были едва намечены в немощных произведениях средневековой литературы — хождениях, легендах, миры, неясные даже для теологов, ронявших немногие скупые слова о том, что будет с душами, покинувшими земные пределы, необходима была фантазия, равной которой не знала Европа со времен Гомера. Воображение Данте поистине превзошло и восточный вымысел автора «Книги лестницы», где рассказывается о запредельных путешествиях Магомета, и «Видения апостола Павла».

Вернее всего было бы сравнить «Божественную Комедию» с «Одиссеей», которая повествует о похождениях героя в царствах людей, чудовищ и богов. Данте должен был преодолеть «нищету фантазии» своих предшественников — не только поэтов, но и пророков. Но фантазия его была неотделима от расчета.

Поэма делится на три части: «Ад», «Чистилище» и «Рай». Данте назвал свое произведение «Комедия». Потом поэму стали называть «Песнопением Данте» или «Терцинами Данте». Начиная от Боккаччо, к заглавию «Комедия» стал прибавляться эпитет «божественная». Под этим названием она и появилась в Венеции в 1555 г. В каждой части 33 песни, не считая вступительной песни «Ада». Таким образом в «Божественной Комедии» сто песен, т. е. квадрат 10 — совершенного числа в поэзии Данте. В поэме 14 233 стиха: в «Аде» — 4720, в «Чистилище» — 4755, в «Рае» — 4758, т. е. в каждой части почти одинаковое число стихов. Число стихов в каждой песне колеблется от 115 до 160. Каждая часть (кантика) кончается словом *stella* (светило, звезда). Данте стремился к гармонии пропорций, у него все предвидено. Великий поэт назвал самого себя *геометром*. Созерцая совершенный круговорот мироздания, он говорит:

Как геометр, напрягший все старанья,
Чтобы измерить круг, схватить умом
Искомого не может основанья,
Таков был я при новом диве том...

(«Рай», XXXIII, 133—136)

В мировой поэзии Данте — самый совершенный архитектор. Пушкин писал: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслью — такова смелость Шекспира, Данте, Мильтона, Гете в «Фаусте»...»¹ В другом месте Пушкин заметил: «Единый план «Ада» есть уже плод высокого гения»². Де Санктис настаивал на том, что «Божественная Комедия» представляет наибольшее *единство*, которое человеческий разум мог когда-либо постигнуть, что автор «Божественной Комедии» создал поэтический мир, управляемый своими законами.

Рассматривать поэму Данте как некий «теологически-социально-моральный роман» вслед за Кроче и его учениками, означало бы обуздить великое произведение, идеалистически ограничить его. Было бы также неправильно создавать из отдельных наиболее удачных эпизодов в «Божественной Комедии» некую кунсткамеру эстетических фрагментов. Де Санктис и Бенедетто Кроче написали замечательные страницы о Франческе да Римини, Уголино, Манфреде и других известнейших персонажах бессмертного творения Данте, однако не пожелали заметить целеустремленности великого поэта — от преддверия Ада к Эмпирею. Данте писал не для эстетов, а для жаждущих правды не только на небе, но и на земле, для пораженных беззаконием и насилием.

В одном из его сонетов, возникшем в годы изгнания, читаем:

Залит проклятым ядом целый свет;
Молчит, объятый страхом, люд смиренный,
Но ты, любви огонь, небесный свет,

Вели восстать безвинно убиенным,
Подъеми Правду, без которой нет
И быть не может мира во вселенной.

(Сонет 49. Пер. Е. Солоновича)

Никогда ни один человек не отчаивался так глубоко, как Данте. И ни один поэт в мире с такой силой не стремился преодолеть это отчаяние. Дело шло о неблагополучии всей мировой системы. Он должен был оправдать и гармонизировать вселенную, придать смысл историческим событиям, которые могли бы показаться чудовищными.

Данте назвал свое произведение «Комедией» сообразно с риторикой своего времени. Трагедией являлось бы произведение высокого стиля, написанное по-латыни. «Комедия» соответствует «среднему стилю». В сущности Данте не остановился в своей поэме перед смешением *всех стилей*. Это смешение вызывало ужас и негодование у классицистов XVII и

¹ А. С. Пушкин. Собр. соч., т. 11. М., Изд-во АН СССР, 1949. стр. 61.

² Там же, стр. 221.

XVIII вв., отвергавших также «крайности» Шекспира. Дантовский Ад смердит. Грешники распространяют зловоние и начесывают себе коросту; все это описывается с подробностями, которые напоминают французских натуралистов XIX в. Данте можно назвать критическим реалистом в тех многочисленных местах «Божественной Комедии», где его герои, вспоминая земную жизнь, исторические события, произносят инвективы против Флоренции и Италии, против пап, королей и городских тиранов. Вспомним слова Энгельса о том, что Данте был поэтом тенденциозным³, наиболее полным выразителем своей эпохи⁴.

В аллегориях Данте — трех зверей в диком лесу у входа в Ад, в Герионе, на плечах которого Данте и Вергилий спускаются из огненных кругов в ледяное средоточие Ада, в Мательде, танцующей на вечнозеленых лугах Земного Рая, в страшных образах Гиганта и Блудницы отражены иногда психологические, иногда исторические сущности. Эти образы возбуждают фантазию, они вовсе не холодны и абстрактны, как полагал Кроче. Три зверя, преградившие путь Данте в начале поэмы, обычно толкуются как сладострастие, обман, но также как олигархия (пантера), как гордость, насилие или тирания (лев), как стяжательство или мирская власть римской церкви (волчица); однако в душе не посвященного в историю Италии читателя сразу же, еще без осознания многосмыслия образов рождается страх, смущение и растерянность перед некими враждебными силами. Так же еще до того, как мы узнаем, что гигант и блудница, появляющиеся в Земном Раю, — аллегорические образы алчного французского короля и погрязшей в стяжательстве церкви, мы воспринимаем их как грубых нарушителей гармонии Эдема, как злые силы, мешающие счастью человечества.

«Божественная Комедия» — поэма о самом Данте, «дантеида» и в то же время поэма о человеке, который, нисходя и восходя по ступеням вселенной, очищается и приобретает совершенное познание. Неумолимая справедливость должна восторжествовать, воздавая всем по заслугам, вне зависимости от высокого или низкого положения грешников на земле. Она сбрасывает короны королей и тиары первосвященников. Данте встал на защиту высшей справедливости против всех и за всех. Эта его позиция была не средневековой, а возрожденческой: индивидуально судящий человек ниспровергал ветхую феодальную иерархию и ополчался против новой купеческой олигархии. Папы низвергались в адскую бездну, короли покаянно склонялись перед судящим, городские тираны скрежетали зубами.

³ «Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами, точно так же и Данте и Сервантес...» Ф. Энгельс — Минне Каутской. 26 ноября 1855 г. Собр. соч., т. 36, М., 1964, стр. 331—334.

⁴ «Теперь, как и в 1300 г., наступает новая историческая эра. Даст ли нам Италия нового Данте, который запечатлеет час рождения этой новой пролетарской эры?» К. Маркс, Ф. Энгельс. Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1893 года. Собр. соч., т. 22, М., 1962, с. 381—382.

ми в огненных реках Ада. Такой полноты ощущения личности, такой гордой независимости еще не было в литературах новых европейских народов.

Ад в представлении Данте находится в северной части земного шара, которая, в соответствии с системой мира Аристотеля и Птолемея, рассматривается, как пребывающая «внизу», в то время как гора Чистилища, окруженная мировым океаном, возвышается в южном, «более совершенном», полушарии. С вершины Чистилища, из куц Земного Рая Данте, следуя за Беатриче, возносится к сферам девяти небес и Эмпирею.

Ад имеет форму перевернутой воронки, направленной к центру земного шара, т. е. к центру мироздания. Он разделен на девять кругов, в каждом из которых казнятся грешники, причем более тяжкие размещены ниже от поверхности земли. За адскою рекою Ахероном, через которую античный Харон перевозит души, в первом круге Ада находится Лимб, где в мерцающем полумраке-полусвете пребывают души праведников, поэтов и героев древности. Там Данте был принят в общество Гомера, Овидия, Горация, Лукана и Вергилия. Впервые поэт, пишущий на народном языке, поставил себя наряду с греко-римскими классиками. Мысль о том, что следует не бояться достигнуть и превзойти древность, — идеал Возрождения, мы впервые встречаем в «Божественной Комедии». Через Ад Данте ведет Вергилий, которого Данте любил больше всех других поэтов, от которого он воспринял «прекрасный стиль» и поэтическое искусство. По многосмыслию, свойственному Данте, Вергилий также — пророк всемирного господства, предвозвестник христианства и символ высшего просвещенного разума.

Во втором, третьем, четвертом и пятом кругах Ада находятся сладострастники, обжоры, скупцы и расточители, гневные. Их отделяет от более тяжких грешников каменная и огненная стена града Дита, которая украшена головой Медузы и защищается от всяческого вторжения фуриями и дьяволами. Перед этим препятствием колеблется Вергилий, но над адскими безднами появляется небесный вестник, и перед его волей раскрываются внутренние ворота преисподней (напомним, что в «Пире» Данте идентифицировал ангелов с *идеями* Платона).

В двух следующих кругах (шестом и седьмом) пребывают ересиархи и насильники над естеством. Когда поэты подходят к обрыву — границе седьмого круга, они видят, как на краю бездны мелькают гербы патрицианских родов, занимавшихся ростовщичеством: синий лев на желтом поле гвельфов Джанфилаццы, белая гусыня на красном поле гибеллинов Уббриаки, голубая свинья на белом поле падуанцев Скровиньи. Данте и Вергилий спускаются вниз на спине Герiona, дракона с человечьей головой, увенчанной короной, олицетворяющего величайший из грехов — обман. Восьмой круг (цесни XVIII—XXX) состоит из десяти рвов (Злых Щелей). Там подвергаются наказаниям соблазнитель, льстецы, торговцы церковными должностями, прорицатели, лицемеры, воры, мздоимцы, лукавые

советники, зачинщики раздоров. Миновав Злые Щели, Данте и Вергилий приближаются к новой бездне — колодцу гигантов, некогда взбунтовавшихся против Юпитера и осадивших небо. Дно колодца — ледяное озеро Коцит. Гигант Антей осторожно переносит поэтов на своей огромной ладони и опускает их на льдистую поверхность Коцита. Там вмерзли в вечный лед предавшие родных, отечество, единомышленников, своих гостей и своих благодетелей.

Мы были там — мне страшно этих строк,—
Где тени в недрах ледяного слоя
Сквозят глубоко, как в стекле сучок.

(«Ад», XXXIV, 10—13)

Само распределение казней указывает на то, что Данте наиболее легкими пороками считал те, которые происходили от невоздержанности, как сладострастие, обжорство, гнев, и самыми тяжкими — обман и предательство. В невоздержанных еще бушуют страсти, им свойственны человеческие чувства, они находятся в состоянии вечного движения. Гневные, погруженные в Стигийское болото, еще не совсем утратили человеческий облик. В граде Дите грешники лежат в каменных гробах, но восстают и прорекуют будущее, сохранив всю страстность живых. Античные кентавры терзают обитателей верхних кругов; они превращаются в деревья, источающие кровь, шествуют под вечным огненным дождем, но способны мыслью переноситься в прошлое, рассказывать о своей земной судьбе, произносить инвективы. В самой нижней из адских бездн нет ни огня, ни движения, все оледенело под ветром, порожденным шестью крыльями Люцифера, превратилось в безжизненную материю, где тускло брезжит сознание. Над вечной мерзлотой звучит лишь голос мести, вечный, безнадежный — голос графа Уголино, терзающего зубами голову архиепископа Руджери, уморившего голодом его детей. На дне адского конуса — Люцифер, своим падением образовавший гору Чистилища. В трех устах троеликого Демона казнятся самые гнусные, по мнению Данте, предатели: Иуда, Брут, Кассий. Центр мироздания, совпадающий с центром земли, скован льдами. Зло — в сосредоточии тяжести вселенной. Величайший грех есть вместе с тем и величайшее безобразие, окаменение, неподвижность, обморочек сознания. Этическое и эстетическое в поэме Данте неразрывно связаны. Ад в системе мироздания имеет специальную функцию: изоляции и — в последних своих глубинах — аннигиляции греха и самих грешников.

Дантов Люцифер не нравился Шатобриану и другим романтикам. Действительно, в нем нет ничего общего с гордым Сатаной Мильтона, с философствующим Мефистофелем Гете, с непокорным Демоном Лермонтова. Люцифер в «Божественной Комедии» бунтовщик, безнадежно проигравший свое дело. Он стал частью космического целого, подчинен вышним, непрекаемым законам.

Круги дантова Ада населены италийцами, особенно флорентийцами. В начале XXVI песни поэт восклицает:

Гордись, Фьоренца, долей величавой!
Ты над землей и морем бьешь крылом,
И самый Ад твоей наполнен славой!

(«Ад», XXVI, 1—3)

Если мы пойдем от верхнего круга Ада к нижнему, по стопам Вергилия и Данте, среди героев и героинь преисподней мы найдем во втором круге Франческу да Римини, которую вместе с ее возлюбленным Паоло уносит вихрь страстей; Фаринату дельи Уберти и Кавальканте деи Кавальканти (отца поэта) — в шестом круге среди ересиархов и эпикурейцев; несчастного Пьера делла Винья, канцлера императора Фридриха II, покончившего жизнь самоубийством, в седьмом круге, среди насильников над естеством, и там же — мудрого и легкомысленного учителя Данте Брунетто Латини. Поэтам приходится спуститься довольно глубоко, чтобы наткнуться на папу Николая III, торчащего из адской ямы третьего рва восьмого круга вверх ногами. Николай III Орсини, обогативший своих родственников, не видя спустившегося в Ад, принимает Данте за папу Бонифация VIII, пришедшего раньше времени его сменить. Неумолимой иронией звучат стихи: «Как Бонифаций... ты здесь уже, ты здесь уже так рано...».

Еще ниже, но в том же круге, где казнятся грешные папы, Данте вступает в пререкания с Ванни Фуччи из Пистойи. Поэт был знаком с Ванни в молодые годы, во времена гвельфских войн против гибеллинов. Ванни, «любивший жить по-скотски», ограбил церковь и попал в седьмой ров, где нашли свое место воры. В ярости он показывает кукиши самому творцу мира. Змея оплетает и душит его. Звучит немилосердный стих:

С тех самых пор и стал я другом змей.

(«Ад», XXV, 4)

Внутри двурогого движущегося пламени в восьмом рве восьмого круга Данте слышит голос уже не своего современника, а голос иной эпохи. В пламени заключен дух Улисса. Данте всматривается в темноту с вершины моста, нагнувшись так, что упал бы вниз, если бы судорожно не вцепился рукой в каменную плиту. В страстном желании узнать тайну, приподнять завесу запретного, Данте походит на самого Улисса. Этот герой древности в представлении Данте сначала «зачинщик преступлений» — так заклеил его Вергилий в «Энеиде» (II, 164). Но как только Улисс начинает говорить, он предстает как трагический борец против всемогущего рока.

Улисс одержим бесконечной жаждой знания, победившей в его душе любовь к ближним и к родной стране. «Как Улисс,— пишет Бруно Нарди,—

Данте был принужден странствовать от одних людей к другим, показывая против желания своего раны, нанесенные ему фортуной; он поистине чувствовал себя «кораблем без руля и без ветрил», которого уносит в различные гавани и устья рек и бросает на скалы сухой ветер, порожденный горькой бедностью («Пир», I, III, 4—5), так что Данте мог сказать о самом себе: «Мы, которым весь мир — родина, как воды моря — рыбам» («О народном красноречии», I, VI, 3). И он разделял страсть Улисса «изведать мира дальний кругозор и все, чем дурны люди и достойны», а также был убежден в том, «что знание является предельным совершенством нашей души и в нем заключено наибольшее блаженство» («Пир», I, I, 1). В своем роковом путешествии через загробное царство... он встречал и Полифема, и Сирену, и Цирцею, и всех чудовищ человеческого скотства, над которыми он восторжествовал с помощью Вергилия, игравшего в дантовом путешествии ту же роль, что Минерва в странствованиях Одиссея⁵.

Данте создал образ первооткрывателя не только своего века, но всех времен и всех народов, провидя будущее сквозь магический кристалл поэзии.

В мифе, созданном Данте, безумный полет в неизвестное лады Улисса продолжался пять месяцев, пока перед дерзновенным и его спутниками не предстала огромная гора, откуда налетел страшный вихрь. В водовороте погиб корабль и спутники Улисса и сам Улисс, нарушивший меру вещей (ср. провансальское «desmezura», франц. *démesure*). Героическое столкнулось с запретным. Так гибли герои древнегреческих трагедий, противясь до конца воле богов.

Данте-моралист, бросивший окруженную пламенем душу Одиссея в восьмой ров Злых Щелей, снова противоречит сам себе, борется сам с собою, и в этой борьбе дух Возрождения побеждает в нем богослова. Раздается голос Улисса, взывающего к своим спутникам.

«О братья, — так сказал я, — на закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят
Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны,
Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!

(«Ад», XXVI, 112—120)

В том же восьмом рву восьмого круга недалеко от Улисса мучится объятый пламенем лукавый советник папы Бонифация, граф Гвидо да

⁵ B. Nardi. La tragedia d'Ulisse. В кн.: «Dante e la cultura medievale». Bari, 1949, p. 153—165.

Монтефельтро, один из самых опытных полководцев Италии. Ряса францисканского монаха, которую граф Гвидо, покаявшись, надел под старость, не защитила его от адской бездны. За его злой совет, как взять обманом город Палестрину, Бонифаций VIII обещал ему отпустить все грехи, но папские слова были наущением дьявола.

В душе Данте, путешественника по адским кругам, непрестанно происходит столкновение между непримиримым моралистом, изрекающим немилосердные казни, и поэтом, удивленным высокими и редкими качествами грешников. Он плачет над скорбной повестью Франчески, не может забыть мудрых речей Брунетто Латини, втайне восхищен стоической гордостью безбожника Фаринаты, готов устремиться на поиски недозволенного и неведомого вслед за Улиссом. В этой двойственности, в этих колебаниях с большой силой проявляется человек нового времени. Но Данте беспощаден к изменникам, предателям и насильникам. Ученик Болоньи, воспитанный на римском праве, он распределяет им казни с последовательностью юриста, часто отступая от норм теологов.

Уже в Аду Данте слышит предсказание о том, что будет изгнан из родного города. Данте относит свое видение к весне 1300 г., потому о всех событиях до этого времени он говорит как о прошлом, а все, что случилось после этой даты, относится к будущему.

Отсюда возможность «пророчество», относящихся к тому, что в действительности уже случилось. Предсказание о Гончем псе, который прогонит волчицу, в V песне «Ада», вероятно, возникло в те годы, когда Генрих VII был избран императором, и Данте поверил в то, что вскоре настанет царство законности и справедливости. Начав «Божественную Комедию», Данте оставил работу над трактатами «Пир» и «О народном красноречии». В начале 1317 г. судья Тьери ди Гано дельи Узеппи из Сан-Джиминьяно уже цитировал «Ад» в регистре криминальных актов, им составленном; отсюда следует, что первая часть «Божественной Комедии» в это время была распространена в списках по Италии.

Изгнание Данте предрекает флорентийский обжора, банкир Чакко, под холодным дождем смердящей воды. В известной сцене с Фаринатой надменный гибеллин говорит поэту, что он не изучит «искусство возвращаться во Флоренцию». Брунетто Латини предсказывает Данте, что тот падет жертвой неблагодарного и лукавого флорентийского народа, который все сделанное им добро сочтет за зло, что его возненавидят обе партии, но что, к его счастью, «трава будет далеко от их клюва» (*ma lungi fia dal becco l'erba*), т. е. ни те, ни другие не смогут схватить поэта для расправы. Разбойник Ванни Фуччи предвещает победу маркиза Маласпина и гвельфской лиги Черных под Пистойей и поражение Белых, чтобы Данте «терзался больно». Из этих слов следует заключить, что даже покинув стан Белых гвельфов, Данте болезненно переживал их военные и политические неудачи.

В Аду мифологические персонажи сосуществуют с дьяволами из Библии, герои древности, как Улисс, казнятся рядом с историческими личностями, современниками поэта. Харон, Минос, Цербер, кентавры, Минотавр превращены в дьяволов, карающих грешников. Боги и полубоги античности демонизированы. Однако в этом превращении полубогов Эллады и Рима в скотов и дьяволов проявляется большая сила поэтического воображения. Так, появление кентавров у кипящих смолой и кровью адских озер представлено поэтом со стихийной страшной силой. Несомненно, что Данте воспринял топографию царства Плутона от древних поэтов (особенно Вергилия), но пылающая и кровавая река Флегетон, гарпии в лесу самоубийц, Цербер, лающий на чревоугодников, яростные фурии на стенах Дита — образы Данте, созданные его гениальной фантазией, а не заимствования из поэзии древних. Унизив полубогов в «Аде», Данте в «Чистилище» и «Рае» призвал Аполлона, муз и священных нимф божественных источников, в которых отражены звезды.

Хватаясь за шерсть Люцифера, Данте и его водитель Вергилий должны были перевернуться головою вниз посреди пещеры, окружающей тело гигантского демона:

Но я в той точке сделал поворот,
Где гнет всех грузов отовсюду слился.

(«Ад», XXXIV, 110—111)

Поэты преодолели «предельную нагнетенность материи» и перешли в южную сферу. Вместе с переключением сфер совершается переход и в иную систему времени. В глубине пещеры, в полной тьме, они слышат, как с гулом ниспадают воды Леты, текущей с вершин Земного Рая в преисподнюю, унося воспоминания. Они выходят на поверхность земли и снова видят над собою звезды.

Данте изображает Чистилище как огромную гору, возвышающуюся посреди океана в южной, «верхней и более совершенной части» земного шара; ее венчает Земной Рай, представляющий как бы остров, парящий над всей землей.

Архитектоника «Чистилища» проста: на берегу вселенского океана находится Антипургаторий (Предчистилище); там на двух уступах, возвышающихся над водной поверхностью, томятся нерадивые души. Там же расположена долина земных властителей. Они ждут, когда будут пропущены к вратам, через которые лежит путь к Эдему. Восхождение по семи кругам к вершине, где находится Земной Рай, иногда продолжается несколько столетий. В начале более трудное, в конце пути оно станет подобно движению быстро го корабля, разрезающего грудью поверхность вод. В первом круге очищаются гордецы (и в этот круг Данте надеется попасть после смерти!), во втором — завистники, в третьем — гневные, в четвертом — унылые, в пятом — скупцы и расточители, в шестом — чревоугодники,

в седьмом — сладострастники. Последние три круга Чистилища, более близкие к Земному Раю, соответствуют второму, третьему и четвертому кругам Ада, где караются менее тяжкие грехи.

Из вечной тьмы, где раздаются душераздирающие звуки — скрежет, стоны, грохот, лязг металла, завыванье ледяного ветра, Данте и Вергилий попадают в пределы гармонии, овеванной легкой меланхолией. Чистилище необычайно живописно. Зарисовки Данте — ангелы с зелеными крыльями в белых и огненных одеждах — напоминают картины мастеров раннего Возрождения, а более всего Симона Мартини:

Я различал их русский цвет волос,
Но взгляд тепел на лицах их почия,
И яркости чрезмерной я не снес.
(«Чистилище», VIII, 34—36)

Глагол *различал* повторяется в терцинах, в которых преобладают зрительные образы:

Уже заря одолевала в споре
Нестойкий мрак, и, устремляя взгляд,
Я различал трепещущее море.
(«Чистилище», I, 115—117)

Взор Данте после адской тьмы ослепляется вспышками огня, наслаждается обилием красок и тонов, трепетом звезд любви в вышине:

Отрадный цвет восточного сапфира,
Накопленный в воздушной вышине,
Прозрачной вплоть до первой тверди мира,

Опять мне очи упоил вполне,
Чуть я расстался с тьмой без рассвета,
Глаза и грудь отяготившей мне.

Маяк любви, прекрасная планета,
Зажгла восток улыбкою лучей...
(«Чистилище», I, 13—20)

Отметим еще лирическое отступление в начале «Чистилища»; в нем выражена светлая и легкая грусть человека, который не может отрешиться от земного, забыть свои привязанности:

В тот самый час, когда томят печали
Отпльвших вдаль и нежит мысль о том,
Как милые их утром провожали,

А новый странник на пути своем
Пронзен любовью, дальний звон внимая,
Подобный плачу над умершим днем.
(«Чистилище», VIII, 1—6)

На побережье Антипургатория Данте встречает душу вновь прибывшего музыканта Казеллы, своего флорентийского друга. Он поет по просьбе Данте вторую канцону «Пира»:

Амор во мне о даме говорит.
(«Чистилище», II, 112)

Данте, Вергилий и души, прибывшие вместе с певцом, радостно ловят каждый звук. Напомним, что в «Пире» Данте говорит о действии музыки на человеческую душу: «...Музыка привлекает к себе духов человеческих чувств (spiriti), которые главным образом и суть своего рода испарения сердца и которые при этом как бы вовсе прекращают всякую другую свою деятельность: настолько душа, когда она слушает, становится однородной, а сила всех чувств сосредоточивается в том, которое воспринимает звук» (II, 13, 24). Но предавшиеся музыке вдруг услышали строгий голос стража Антипургатория, величественного старца Катона Утического, который побуждает их не отвлекаться, а продолжать свой путь восхождения. Почему Данте доверил язычнику и самоубийце Катону важную должность хранителя доступа в «Чистилище»? Сопоставления I песни «Чистилища» с другими произведениями Данте, особенно с «Пиром», показывают, что Катон был для Данте одним из божественных мужей древности, основавших римское государство. Данте чтит в нем античного праведника, пожертвовавшего жизнью, чтобы не подчиниться тирании, ибо только свобода и духовная независимость, как учили стоики, дают возможность проявить добродетель. На Катоне опочила особая милость создателя, допуская в исключительных случаях спасение язычника.

Катон становился в воображении Данте прообразом и символом самого бога, и поэтому именно ему надлежало открывать путь к очищению и восхождению к звездам.

В III песне «Чистилища» Данте создает образ белокурого короля Сицилии Манфреда, погибшего в битве с Карлом Анжуйским и гвельфами под Беневентом. Отдавая должное его храбрости, неприятельские солдаты набросали камни на могилу Манфреда, отлученного от церкви и похороненного без церковных обрядов. Епископ Козенцы по распоряжению папы перевез кости короля за пределы папских владений и зарыл их с проклятиями на границе Неаполитанского королевства и Кампаньи у реки Верде. Несмотря на папское осуждение, Данте спас душу Манфреда, создав легенду о его предсмертной молитве богородице. Когда итальянские патриоты в начале XIX в. поднялись на борьбу за свободу и единство Италии, образ Манфреда стал для них символом защитника независимости против светских притязаний папы и владычества чужеземцев. О Манфреде создалась целая литература: стихи, драмы, романы, исторические очерки. Живописцы изображали убитого в бою Манфреда посреди Беневентского поля. Напомним лишь известную картину Джузеппе Беццуоли (1838),

написанную по заказу князя Анатолия Демидова (в настоящее время в музее Беневента), и роман Франческо Гверацци «Беневентская битва» (1827), переведенный почти на все европейские языки.

Нельзя не заметить, что главные герои дантовой поэмы иногда отесняют менее известных. Порою Данте в нескольких терцинах создает образы, которые нельзя забыть, если внимательно читать его поэму. Таков, например, в «Чистилище» краткий рассказ о Провенцане Сальвани. Этот правитель Сьены, человек гордый и жестокий, очутился среди спасенных душ лишь потому, что освободил из тюрьмы неаполитанского короля Карла I, своего друга, осужденного на смерть. Правитель должен был заплатить огромный выкуп — 10 тысяч золотых флоринов. Провенцан Сальвани собрал все, что у него было, но это не составило необходимой суммы. Тогда он, как нищий, сел посредине площади Сьены и стал просить проходящих граждан ему помочь. Видя добровольное унижение своего гордого синьора, граждане были тронуты его смирением, собрали недостающие деньги, и выкуп был заплачен вовремя.

Замечателен также — в ином плане — рассказ о встрече Данте в преддверии Чистилища с добродушным и ленивым флорентийским музыкальным мастером Бельаква. Нельзя забыть улыбки, которая нежданно озаряет лицо Данте, когда он видит, как Бельаква сидит на большом камне в тени, с присущей ему ленцой терпеливо ожидая того часа, когда начнется его мучительное и тяжелое восхождение на гору. Данте стремится скорее достигнуть Земного Рая, открыть путь к звездам, он полон нетерпения, готов преодолеть все трудности. Бельаква, склонив голову на колени, не спешит: он спасен и никуда не торопится, — «А ты беги наверх, если ты такой ретивый», — говорит он своему старому знакомому Данте.

В Чистилище есть и свой гордец, напоминающий Фаринату. Это знаменитый итальянский трубадур Сорделло ди Гойто (умер около 1270 г.), земляк Вергилия, — оба они происходили из окрестностей Мантуи. Сорделло прославился не только своими провансальскими стихами, но и прогремел в скандальной хронике XIII в. С помощью Эдзелино да Романо, тирана Падуи, он похитил жену одного из своих покровителей, сестру Эдзелино — Куницу. Данте встретил прекрасную грешницу в сияющем небе Венеры:

Куницей я звалась, и здесь горю
Как этой побежденная звездой...

(«Рай», IX, 32—33)

Вероятно, ей отпустились многие грехи за то, что под старость она покалась и освободила своих крестьян.

Встреча с Сорделло, автором обличительных и сатирических стихов, пробуждает в груди Данте полные горечи воспоминания. Звучат инвекти-

вы против Италии и против Флоренции. Данте негодует, бичует, проклинает:

Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!..

А у тебя не могут без войны
Твои живые, и они грызутся,
Одной стеной и рвом окружены.

(«Чистилище», VI, 76—78, 82—84)

Напрасно император Юстиниан стремился законами и правосудием обуздать бешеного итальянского коня; седло пусто, конь, не укрощаемый шпорой, несется в бездну. Сад империи одичал. Синьоры Италии или оплакивают свои потери, или дрожат от страха⁶. Стенает Рим, покинутый кесарем, но в чудесной глубине событий таится еще неведомая великая радость для Италии и всего мира. Но пока еще рано радоваться, так как повсеместно власть захватили все, кому не лень. Как некогда Клавдий Марцелл, сторонник Помпея, враг Цезаря, насильем и обманом стал консулом, так ныне всюду угнетают народ узурпаторы:

Ведь города Италии кишат
Тиранами, и в образе клеветы
Любой мужик пролезть в Марцеллы рад.

(«Чистилище», VI, 124—126)

С горькой иронией поэт замечает, что все это не касается Флоренции, ибо там мудрость свойственна гражданам. Флорентийцы согласны взяться за любую политическую реформу, недолго раздумывая. Они считают, что политики Спарты и Афин, где некогда вспыхнула заря гражданских прав, перед ними — лишь несмышленные младенцы. Флоренции следовало бы опомниться и понять, что она подобна больной, которая мечется среди перин и не может обрести покоя.

Данте говорит, что в Тоскане есть странная река, чьи истоки на уступах Апеннин. Это — Арно. Можно подумать, что обитатели берегов Арно давно утратили человеческий облик и превратились в скотов, как будто их зачаровала античная Цирцея. Немноговодная река течет сперва среди свиной породы, которой следовало бы жрать желуди, — намек на жителей Порчано (porco — свинья) в феоде графов Гвиди да Романо. Затем река,

⁶ Заметим, что среди родов, правящих Италией, упомянуты предки будущих героев Шекспира — гибеллины Монтекки и гвельфы Капулетти.

расширяясь, оставляет в стороне дворняжек-аретинцев:

Спадая вниз и ширясь величаво,
Уже не псов находит, а волков
Проклятая несчастная канава.

(«Чистилище», XIV, 49—51)

Волки — это земляки поэта — флорентийцы. И, наконец, река среди болот и омутов попадает к хитрым лисицам — пизанцам.

Гвидо дель Дука из Равенны в этой песне предсказывает одному своему земляку злодеяние его племянника Фульчери да Кальболи, подеста Флоренции в 1303 г., который подверг жестоким пыткам пленных Белых гвельфов и зверски казнил гибеллинов. Однако Данте не пощадил и своих бывших союзников, в том числе графов Гвиди да Романо, которых он вывел уже в «Аде» как покровителей фальшивомонетчиков.

В Чистилище Данте всюду встречает поэтов, художников, музыкантов, которые оплакивают свое земное несовершенство. Данте когда-то обменивался грубыми и не совсем пристойными сонетами со своим другом и свойственником Форезе Донати, братом Корсо. Он находит тень ругателя и чревоугодника Форезе в шестом круге и приветствует его словами, в которых нет и следов бывшего раздражения. Форезе произносит трогательные слова о своей вдове, называя Данте милым братом, однако и в Чистилище он сохраняет острый язык поэта школы Рустико Филиппи.

Над шестым кругом, где каются чревоугодники, возвышается последний, седьмой круг, ближе всего расположенный к Земному Раю. Там очищаются те, кто предан был земной любви. Среди этих душ Данте находит немало поэтов, служивших куртуазному Амору. В огненных пределах Данте видит Гвидо Гвиницелли, отца «сладостного нового стиля». Полный восторга и волнения, Данте обращается к болонскому поэту и говорит, что слава стихов «старшего Гвидо» не пройдет вовеки. Тогда в волнах пламени Гвидо Гвиницелли указывает на другого очищающегося, который, по его мнению, более заслуживает похвалы, чем он. Данте обращается с вопросом к этому духу. Тот отвечает изысканно и вежливо на провансальском языке:

Ieu sui Arnaut, que plor e vau cantan...
(Здесь плачет и поет, огнем одет,
Арнаут...)

(«Чистилище», XXVI, 142—143)

Это знаменитый трубадур Арнаут Даниель, которого Данте в своем трактате «О народном красноречии» ставит выше всех певцов Прованса. Его сложную форму сикстин Данте воспринял и развил в цикле «стихов о Каменной Даме».

Для того, чтобы достигнуть Земного Рая, Данте должен пройти через стену огня, который опалил жаром, превосходящим расплавленное стекло, и в то же время не сжигал. Данте вошел в очищающее пламя с большим страхом, «поблдевав, как мертвец, которого кладут в могилу». Вергилий побуждал его к решительному шагу и обещал, что за огненной стеной находится Беатриче. Автор «Энеиды» пошел впереди, Данте следовал за ним, шествие замыкал уже очистившийся латинский поэт Стаций. За стеной огня ступени вели в сады Земного Рая, охраняемые ангелом целомудрия. Переночевав на ступенях последней лестницы, ведущей к совершенству, Данте и латинские поэты вошли в Земной Рай.

Перед восходом Данте видел во сне прекрасную молодую женщину, которая на холмах Венеры собирает цветы. Слышалась ее песня. Это Лия. Ее сестра Рахиль сидела неподвижно и смотрелась в зеркало, любуясь красотой своих очей. Лия любит работу, Рахиль погружена в самолюбование. Так представлена в живых образах и в то же время аллегорически жизнь деятельная и жизнь созерцательная. Лия предвещала Мательду Земного Рая, Рахиль — Беатриче, с которой она находится рядом в Небесной Розе. Этот сон во сне способствовал постепенному раскрытию в душе Данте небесной красоты Беатриче.

Земной Рай является как бы средоточием жизни активной. Там водительницей Данте становится Мательда. Листва в лесу Земного Рая вторит легчайшему гармоническому ветру. Данте сравнивает движение воздуха в Эдеме с дыханием сирокко среди приморских сосен у Кьясси между Равенной и Адриатикой.

К золотой арфе ветров у Кьясси прислушивался много веков после Данте Байрон —

О сумерки на тихом берегу
В лесу сосновом около Равенны..
О сладкий час раздумий и желаний.
В сердцах скитальцев пробуждаешь ты
Заветную печаль воспоминаний
И образы любимых, и мечты...

(«Дон Жуан», III, 105—108. Пер. Т. Гнедич)

Поток преграждает Данте путь, и тогда появляется Мательда, — она собирает цветы и поет на берегу дивной реки. Над водами Леты слышится смех Мательды. Ее шаг переходит в пляску, она почти летит над поверхностью земли и кажется Данте юной Прозерпиной до того, как ее похитил Плутос. Взгляд ее исполнен блеска, напоминая сияние очей Венеры, уязвленной стрелой Амура. Это поэтическое видение можно назвать идиллией Земного Рая. Так оно было понято поэтами Аркадии, и от них восприятие это передалось в конце XVIII в. русским писателям из окружения

Карамзина, которые впервые у нас заинтересовались поэзией Данте⁷. Ее образ напоминает не только Прозерпину, но также Симонетту Полициана и Венеру Боттичели. Явление Мательды содержит второй смысл, обещающий восстановление на земле совершенного, праведного, радостного человечества, не знающего алчности и стяжания. Мательда говорит, что, быть может, поэты древности, которые воспевали золотой век, в своих снах витали здесь, в Земном Раю. При этих словах на лицах Данте и Стация расцветает улыбка. Вергилий продолжает хранить молчание. Последние его слова перед вступлением в Земной Рай были о том, что Данте свободен, дух его исцелен, он стал сам себе судьей; отныне он увенчан короной и митрой, посвящен во все тайны мироздания, проник в тайны жизни действительной (корона) и жизни созерцательной (митра). Поэтому он сам стал царем и первосвященником. Быть может, в этих стихах отразился обряд посвящения ордена тамплиеров. Храм тамплиеров в Иерусалиме находился (в представлении современников Данте) в точке земного шара, противоположной тому месту, где появилась Мательда. Быть может, Данте принадлежал к храмовникам, или же был близок к ним. Проклятия поэта по адресу короля Филиппа IV Красивого и папы Климента V, которые уничтожили орден тамплиеров, подтверждают это предположение.

Последние песни «Чистилища» (XXIX—XXXIII) посвящены аллегорическому видению, представляющему трудности для читателя, не обладающего специальными сведениями. Мы уже говорили о том, что аллегории Данте отличаются необычайной художественной выразительностью. Перед нами появляется процессия старцев, пляшущих нимф и колесница, влекомая таинственным Грифоном. Данте видит, как лесная глубина озаряется внезапными молниями. Свет все возрастает; воздух под листвою деревьев становится пламенным, сладостный далекий звук переходит в стройный напев. Тогда слышится взволнованный голос поэта, призывающий сонм священных дев — античных муз, которые должны ему помочь выразить все, что он видит и слышит. Сперва мы видим краски. Старцы в процессии одеты в белые одежды, над ними струятся световые волны, как бы проведенные кистью художника. Колесница Грифона переливается золотом, белизною лилий и пурпуром роз; поэт сравнивает ее с триумфальными колесницами древнего Рима и с золотой повозкою Солнца (Гелиоса). Вокруг эдемской колесницы пляшут три женщины: алая, изумрудная и белая. Старцы, следующие за колесницей, украшены лилиями и розами (багряные цветы на снегу кудрей). Грохочет гром, и шествие останавливается.

Аллегорическое действо на вершине Чистилища не трудно истолковать: колесница, влекомая Грифоном, имеющим два естества — земное и небес-

⁷ Сцена с Мательдой — первый русский перевод из «Божественной Комедии» (1798). См. И. Н. Голенцев-Кутузов. Данте в советской культуре. — «Известия АН СССР». Серия лит-ры и языка. М., 1965, т. 24, вып. 2, стр. 130.

ное — христианская церковь; алая, изумрудная и белоснежная нимфы — вера, надежда, любовь; старцы олицетворяют духовные сочинения. Из этих символов второстепенный стихотворец создал бы лишь «поучительное» повествование, которое не могло бы воспламенить фантазию. Великий поэт претворяет аллегории в поэтические образы.

Данте увидел на колеснице в венке олив под белым покрывалом, в зеленом плаще, в пылающем красном одеянье — Беатриче. В таком кроваво-алом платье она впервые предстала поэту во Флоренции, когда ему было девять лет. Он ощутил обаяние былой любви. Данте хотел что-то сказать Вергилию, оглянулся, но Вергилий исчез, и он услышал голос, ему говорящий: «Данте, не плачь, посмотри на меня, это я, это я, Беатриче». Но Данте не смеет поднять глаз, ощущая страшное раскаяние, и слышит тот же голос, говорящий ему о том, что он мог когда-то, в новой жизни, приобрести невиданное духовное богатство, но не сохранил то, что ему было даровано. Он находил на земле в дни юности помощь во взоре своей госпожи. Когда же она покинула землю, Данте вступил на неверные пути и не понял, что возросла и красота ее и сила. Он пошел дурными стезями. Напрасно она взывала к нему и наяву и во сне. Оставалось одно средство для его спасения: показать ему бездны Ада, страшное зрелище погибших навсегда. И по ее просьбе он побывал там, где не ступала еще нога живого человека. Мательда погружает Данте в реку забвения — Лету. Слышится пение необычайных созданий, которые одновременно и нимфы в Земном Раю и звезды в глубине неба. Образ звездных нимф восходит к мифам Платона («Федр»). Данте, омытый в водах Леты, казалось, готов для пути к светилам. Но он видит страшную и странную метаморфозу: Беатриче сходит с колесницы, грусть овладевает ею, днище колесницы жалит страшный дракон, появившийся из адских бездн. Слышится нисходящий с неба голос: «Мой челн полон дурного бремени». Появляется наглая блудница, которая рыщет глазами по земле, и с нею гигант, и там, в священных садах Земного Рая, Гигант обнимает Блудницу, целует ее, а затем бьет. Видение скрывается в лесу. Эта аллегория имеет и политический и богословский смысл. Большинство современных дантологов склонно толковать ее так: блудница — церковь под нечестивым папой Климентом V; гигант, ее пленивший, целующий и избивающий, — французский король Филипп IV Красивый. Римская церковь, перенесенная в Авиньон, превратилась в блудницу Апокалипсиса. Тем самым нарушилась гармония жизни деятельной на земле и порвалась ее связь с духовным началом. Поэт предсказывает, что вскоре появится «преемник орла» (т. е. император), который уничтожит Блудницу и Гиганта. Данте освобождается от этих видений, погружившись в Эвноз, вторую реку Земного Рая, воды которой восстанавливают воспоминания о добре. Тогда он чувствует себя чистым и достойным вознестись к светилам. Но и там, в царстве гармонии, света и совершенства, мысли о земном, о судьбах Италии продолжают тревожить его душу.

Казалось, он должен был бы забыть и о земной славе и лавровом венце, не должен был вспоминать о неблагодарности толпы, не оценившей его гения. Все же в самом начале «Рая» мы чувствуем, что жажда славы не иссякла в его душе. Все, что он видел в звездных мирах, для него является предметом песни («*Sarà ora materia del mio canto*». «Рай», I, 12). Поэт взывает к водителю муз:

О Аполлон, последний труд свершая,
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя.

(«Рай», I, 13—16)

Поэту уже недостаточно было той вершины Парнаса, где появляются музы, он стремился проникнуть на вторую вершину — Кирру, где обитает сам Аполлон. Вдохновенный Кифаредом, Данте входит в тень лавровых чащ, посвященных богу поэзии, достойный, чтобы его увенчали лавровым венком. Сердца земных столь очерствели, что люди редко рвут листья священного древа, «чтоб почтить кесаря или поэта». Дельфийский бог милостив к тем, чьи взоры обращены к лавровому венку, — продолжает Данте, и в словах его слышится гордое самоутверждение гуманистов. Аполлон — бог солнца, источник света. На его вершину Кирру — т. е. на вершину света, поэт должен ступить, чтобы начать свое восхождение. Но жажда лавров возвращает Данте к земному.

Дважды в «Аде» и дважды в «Чистилище» Данте призывал муз. В «Аде», перед встречей с графом Уголино, поэт взывает: «Но помощь Муз да будет мне дана, — Как Амфиону, строившему Фивы, — Чтоб в слове сущность выразить сполна» (XXXII, 37). В самом начале «Чистилища» он говорит о том, что все как бы омертвело в нем после нисхождения в Ад. Он просит, чтобы святые музы его воскресили, чтобы спутницей его стала Каллиопа, муза эпической поэзии и красноречия (в греческой мифологии она — мать Орфея, сошедшего в ад в поисках своей возлюбленной Эвридики). В самом центральном месте «Чистилища», перед появлением Беатриче, Данте обращается за помощью к Урании, музе астрономии, в предчувствии своего пути к звездам — «И да внушат мне Уралия с хором — стихи о том, чем самый ум смущен». Сонм священных дев должен его наградить за то, что он «изведал голод, стужу, скудный сон», предаваясь всецело поэзии и науке.

Бенедетто Кроче рассматривал «Рай» как «последний большой сборник лирики из периода зрелости Данте»⁸. Неаполитанский философ признавал поэтическими лишь те лирические партии «Чистилища» и «Рая», в которых образ Беатриче вспыхивает пламенем прежнего, земного огня. Он отвергал Беатриче аллегорическую, символическую, доктринальную — вслед за

⁸ В. Сросе. *La poesia di Dante*. Bari, 1922, p. 135 и сл.

Де Санктисом, — хотя и признавал, что порою метафизические идеи выражены в «Рае» с той взволнованностью, которая сообщает им известную поэтическую силу. Кроче-критик, последовательный в применении своих эстетических теорий, считает антипоэтическими инвективы Данте в сцене с Каччагвида. Известна враждебность Кроче к «тенденциозной поэзии», которую он выводит за пределы эстетического и причисляет к области практики. В «Божественной Комедии» для Кроче важнее всего было отметить лирические места, возникающие как бы произвольно в развитии действия дантова «утопического романа». Де Санктис и Кроче были несомненно правы, когда обращали особое внимание на художественную сторону «Рая» и восставали против педантических комментаторов, загромоздивших издания «Божественной Комедии» сухими толкованиями и далеко не всегда убедительными «параллельными текстами», доказывающими, что Данте был покорным толкователем схоластиков, прежде всего Фомы Аквинского. Кроче указал читателям на осиянные светом райские пейзажи в поэме Данте, на лунное облако — лучезарное, густое, как бы затвердевшее, напоминающее адамант.

Де Санктис говорил в своих лекциях о Данте о том, что в «Рае» исчезают формы, и контуры тают в озерах света. Кроче настаивал не только на гармониях звуков и красок в последней части «Божественной Комедии», он отметил также отдельные стихи, пленяющие воображение, как, например: «Я видел много лиц, любви достойных, — Украшенных улыбкой и лучом — И обликов почтенных и спокойных» (Эмпирей, Райская Роза). Таким образом, Кроче утверждает, что еще больше, чем в других частях «Божественной Комедии», в «Рае» встречаются «небольшие совершеннейшие отрывки лирики». По мнению Кроче, они остаются в памяти сами по себе, независимо от содержания, аллегорий и архитектоники.

Кроче показал лишь одну (правда, весьма важную) область поэтического мира Данте. Остается все же неоспоримым: великий поэт писал «Рай» не только для того, чтобы соединить в одно целое разрозненные страницы своего лирического дневника. Он стремился также отвоевать у схоластической философии право на объяснение вселенной. Антонио Мадзео справедливо заметил, что в этой борьбе за равноправие поэзии и философии Данте предстает перед нами как мыслитель нового времени, как гений Возрождения. Подобные мысли у нас в середине прошлого века высказал Герцен. Мы не сомневаемся в том, что равно неправы и схоластики времен Фомы Аквинского и философы идеалистической школы XVIII—XX вв. — от Гегеля до Кроче, которые снисходительно поучали поэтов, как они должны думать. Кем были поэты для Фомы Аквинского? Лжецами, или в лучшем случае милыми забавниками, не способными проникнуть в глубины рациональной мысли. Данте, опираясь на традиции античности, восстановил право поэта (*vates*) открывать тайны мира. В этом — революционное значение поэмы Данте, открывающее новые пути

для мировой поэзии. В конце XIII — начале XIV вв. происходил процесс лаицизации (обмирщения) философии, права, искусства на Западе. Данте был одним из главных деятелей этого нового направления. Обратимся к хорошо известной дантологам проблеме «лунных пятен» во II песне «Рая». Вопросом о поверхности луны Данте уже занимался в «Пире». Если подойти ко II песне «Рая» с позиций историка философии и вслед за Бруно Нарди проникнуть в мысль Данте, а не довольствоваться формальными сопоставлениями, станет ясным, что толкование «лунных пятен» не может быть объяснено текстами Фомы Аквинского. Здесь, как и во многих других местах «Божественной Комедии», в которых говорится о строении космоса, отразились идеи неоплатонизма, а также учение арабской философии. В частности, основная мысль Данте во II песне — та, что вселенная является одним телом, в котором проявляется перводвижитель (подобно тому, как в частях тела проявляется душа), восходит к Ямвлиху и Авиценне. Такое объяснение устройства вселенной было осуждено в 1277 г. как сугубо еретическое парижским архиепископом вместе с 219 тезисами, почерпнутыми из работ и речей членов парижского факультета семи свободных искусств⁹, в которых можно было установить идеи, близкие Аверроэсу. Беатриче (символ небесной мудрости) в дантовом Раю объясняет мироздание в духе, не соответствующем учению церкви.

Из слов Беатриче следует, что единая сила восходит к девятому небу и действует на все ниже расположенные небеса, пока не спускается в подлунную сферу, чтобы проникнуть в состав земли. Небесные тела — не что иное, как органы мирового Разума, силы, движущей всю вселенную.

Так же, как преисподняя «Ада», и гора «Чистилища», и космические просторы зиждятся на числе девять. Вокруг земли находятся девять небес: первое небо — Луны, второе — Меркурия, третье — Венеры, четвертое — Солнца, пятое — Марса, шестое — Юпитера, седьмое — Сатурна, восьмое — неподвижных звезд, девятое, кристальное, — Перводвигателя или ангельских иерархий. Девять духовных чинов, совершающих вращение с все возрастающей быстротой, являются по существу своему «идеями» неоплатоников, приспособленными к терминам христианской мифологии. Это ангелы, архангелы, начала, силы, крепости, власти, престолы, херувимы и серафимы. Они приводят в движение восемь небес; девятое (перводвигатель) сообщает движение всем остальным, и обладает предельной скоростью, т. е. скоростью света, стремясь достигнуть предельной неподвижности эмпирея. Неподвижность и самое стремительное движение таким образом как бы сливаются, не сливаясь.

Дантова система мироздания восходит к неоплатонику Дионисию Псевдо-Ареопагиту, греко-сирийскому мыслителю, вероятно, IV—V вв., которо-

⁹ В средневековых университетах на факультетах искусств изучался весь круг гуманитарных, а иногда и математических наук.

го средние века ошибочно считали учеником апостола Павла, проповедовавшего в Афинах. В Европе чрезвычайное распространение неоплатонические идеи Дионисия Псевдо-Ареопагита, получили в IX и X вв., когда началось под влиянием Византии обновление культуры и искусства Запада. Рукопись греческого текста «О небесной иерархии» Людовик Благочестивый получил от византийского императора Михаила Заики (826—829). Она хранилась как величайшая святыня в аббатстве Сен-Дени под Парижем. В это время, по-видимому, началась идентификация просветителя Франции, епископа Диониса, с Дионисием из Коринфа, бывшего, по преданию, учеником апостола Павла. Блестящий перевод на латынь этого произведения сделал по просьбе Карла Лысого ирландский (или шотландский) философ Иоанн Скотт Эригена (ум. 880 г.), снабдивший перевод комментарием. К этому переводу, как к первоисточнику высшей мудрости, обратился известный настоятель монастыря Сен-Дени Сугерий (1081—1151). Сугерий писал стихи, проникнутые совершеннейшим неоплатонизмом. Перестройка аббатства была произведена под руководством Сугерия также в духе аллегоризма и символизма, соответствующего основным мыслям автора сочинения «О небесной иерархии». С большой вероятностью можно предположить, что именно в аббатстве Сен-Дени под Парижем Данте познакомился с сочинениями философа-неоплатоника в переводе Скотта Эригены. Быть может также, что символика архитектуры храма, указывающая на восхождение и нисхождение идей в космосе и на значение света как источника всякого знания повлияла на воображение Данте.

Соединяя доктрину Плотина и Прокла с верованиями Библии, Дионисий Псевдо-Ареопагит разработал систему так называемой отрицательной теологии. Он определял сверхсущность всех явлений, как «вечный мрак и вечное молчание»¹⁰. Согласно Псевдо-Дионисию, вселенная творится, оживляется и получает единство непрерывным самоосуществлением, самораскрытием того, кого Плотин называл «единственным» или невидимым солнцем, или первым излучением света (*claritas*). Огромно расстояние между высшей сферой света и низшей, подлунной. Все же между крайними проявлениями света и земной субстанцией нет перерыва. Поглощаясь материей, свет снова восстает из нее, восходя к первоисточнику. Однако человек, — утверждает Псевдо-Дионисий, — может воспринимать силу звездных эманаций только в их видимых проявлениях, т. е. в материальной форме света. В средневековой философии зрение считалось наиболее совершенным свойством человека, а также принципом эстетических восприятий. В то время как для других ощущений — осязания, слуха, обоняния — нет необходимости в третьем начале, пребывающем между субъектом и объектом восприятия, зрение требует этой третьей посреднической

¹⁰ R. Roques. Structure hierarchique du monde selon le Pseudo-Denys. Paris, 1954.

силы, а именно — света. Псевдо-Дионисий считал свет основой всех предметов и существ, однако каждое явление, по его мнению, проявляет свое бытие благодаря специфической комбинации пропорций, свойств и видов, которые определяются числами. Если рассматривать камень, то размышление открывает, что камень не что иное, как свет в известной пропорции и в известной распространенности. Таким образом, можно говорить о некоем идеалистическом монизме Дионисия Ареопагита и его последователей XII и XIII вв. Цепь движений составляют отдельные светильники, восходящие к универсальному началу, к верхнему кругу небесного огня. Гармония света на всех ступенях составляет принцип прекрасного: земная красота есть не что иное, как одно из проявлений света. В зависимости от проявления силы света Данте строит свою систему многосмысленного толкования поэзии. Он осмелился применить эту многоступенчатость смысла для объяснения светской поэзии. Особенно следует подчеркнуть, что анагогический смысл для Данте — метод, ведущий к вершинам, от земного к высшим сферам небесного огня, метод не богослова, а поэта.

Его предтечей в этом был Сугерий, бывший не только теологом, но также поэтом, руководителем зодчих и теоретиком искусств. В одном из своих стихотворений Сугерий сказал: «Слабый разум подымается к истине через познание материального» (*Mens hebes ad verum materialia surgit*). Он полагал, что следует осветить умы так, чтобы они могли совершить путешествие через истинный свет (*clarificet mentes, ut eant per lumina vera*)¹¹.

В начале I песни «Рая» Данте говорит, что он был в том небе, которое более всего пронизано светом, т. е. в Эмпирее. Свет сияет в беспредельных пределах вселенной в различной степени, однако, заверяет Беатриче в IV песне, неверно учение Платона в «Тимее» о том, что души возносятся обратно к звездам и что всякая душа возвращается к своей звезде, порвав связь с телом. Отвергнув благородство, связанное с происхождением, древностью и богатством, Данте утверждает иерархию света, благородство интеллектуальное и духовное.

Свое восхождение к звездам Данте относит к весне 1300 г., когда «солнце было в наилучшем положении» — в период весеннего равноденствия; оно находилось в одном из созвездий Зодиака — Овне, благотворно влияющего на земную жизнь. Восхождение началось так: Беатриче смотрела в упор на солнце взглядом, доступным, по земным представлениям, только орлу. Из ее созерцания источника материального света возникло движение кверху по вертикальной линии. Данте устремил было свой взгляд к пылающему светилу, но выдержал недолго и затем почувствовал, как сиянье дня усилилось, и возникло как бы второе солнце. Он стал смотреть в глаза Беатриче и вместе с ней подыматься в сферу Луны со скоростью

¹¹ E. Pannofsky. *Abbat Suger on the Abbey Church of St.-Denis*. Princeton, 1946, p. 17—20.

света. Движение это незаметно, неощутимо, приближается к состоянию покоя и неподвижности, так как скорость его предельна. Данте не знает, подымался ли он телесно или во сне, или в каком-либо ином состоянии. Он говорит, что в начале полета пресуществился. Теряясь во взоре Беатриче, он был подобен рыбаку Главку, вкусившему, как повествуется в греческой мифологии, магической травы и ставшего морским богом. Подымаясь, Данте теряет все чувства, кроме слуха и зрения. Световые волны становятся бесконечными. Так в космосе начался полет Данте и Беатриче, «почти столь быстрый, как небес вращенье».

В начале II песни Данте в замечательном лирическом отступлении обращается к своим читателям, предупреждая их, чтобы они не следовали за ним, если не обладают достаточной силой воображения и разумом, способным понять то, о чем он говорит:

О вы, которые в челне зыбучем,
Желая слушать,плыли по волнам
Вослед за кораблем моим певучим,

Поворотите к вашим берегам!
Не доверяйтесь водному простору!
Как бы, отстав, не потеряться вам!

Здесь не бывал никто по эту пору:
Минерва веет, правит Аполлон,
Медведиц — Музы указуют взору.

(«Рай», II, 1—9)

Представление о пронизанном огнем бескрайнем просторе сочетается у Данте с другим поэтическим представлением — космическим океаном.

Данте и Беатриче приближаются к самой медленной из небесных сфер — сфере Луны. Там поэт встречает духов любви, которым скорее место в Чистилище; это нарушившие не по своей воле, но без достаточного сопротивления свои обеты на земле. Они довольны тем блаженством, которое им предоставлено. Среди них — Пиккарда Донати, которую похитили из монастыря и выдали замуж. На втором небе Меркурия Данте видит деятельных духов, среди них — императора Юстиниана, который перенес столицу империи на берега Босфора и кодифицировал римское право:

Я, Первою Любовью вдохновенный,
В законах всякий устранил изъян.

(«Рай», VI, 11—12)

Данте снова возвращается к темам земли. Земная деятельность продолжает существовать в памяти блаженных духов. Земные явления возникают среди небесных. Данте напрасно пил воду реки забвения.

VI песнь «Рая» посвящена истории римской империи после Константина Великого. Данте осуждает и гвельфов, предпочитающих желтые лилии французских королей священному римскому знаку, и гибеллинов, которым лучше было бы, нарушая законы справедливости, воспользоваться другой эмблемой, а не изображать на своих стягах императорского орла. В дальнейших песнях на небе Марса и Юпитера символы креста и орла, как двух начал человечества, появляются в небесных просторах. Они образуются сонмом блаженных духов.

В конце своей речи о судьбах империи Юстиниан рассказывает легенду о Ромео ди Вилланова (VI, 126—135), чья душа находится на небе Меркурия. Возвращаясь из паломничества к св. Иакову Компостельскому, Ромео ди Вилланова очутился в Провансе и поступил на службу к графу Прованса Раймонду Беренгарию IV. Верный домоправитель, он приумножил достатки своего синьора и выдал четырех его дочерей за четырех государей. Ромео оклеветали придворные графа; тогда он ушел, как бедный пилигрим, не взяв ничего с собой и под старость просил милостыню. Такова была судьба справедливого и мудрого советника при дворе неблагодарного земного владыки. В «Пире» Данте писал, что необходимо, чтобы правитель пользовался советами мудреца, без которых нельзя справедливо управлять государством. Но мало кто из князей и королей внял наставлению поэта. В печальной повести о Ромео ди Вилланова между строк можно прочесть какой-то нам неведомый отрывок из биографии самого Данте.

Блаженный покой «Рая» часто нарушается инвективами против дурных пастырей римской церкви, которые ведут людей не к спасению, а к гибели. Св. Пьер Дамьяни ополчается на «святителей» времен Данте, которых ведут под локти одни служки, а другие несут хвосты от их мантий. Когда же эти пастыри появляются верхом,

И конь и всадник мантией объаты,—
Под той же шкурой целых два скота.
Терпенье божье, скоро ль час расплаты!

(«Рай», XXI, 133—135)

Роскошь парит во дворцах епископов, забывших те времена, когда апостолы Петр и Павел ходили босые, питаясь подаяннем. Безрассудные священники рассказывают басни и небылицы в церквях, они стремятся вызвать смех прихожан плоскими остротами и шутовскими ужимками:

Для славы каждый что-то норовит
Измыслить, чтобы выдумка блеснула
С амвона, а евангелъе молчит...

(«Рай», XXIX, 94—96)

Их паства стала слаба рассудком. Простодушные верят всякому вранью и платят деньги за отпущение грехов. Монахи-плуты ордена св. Антония откармливают свиней подавниями прихожан и сами грязнее этих животных. И все эти сатирические выпады, в которых Данте не слишком отбрасывает слова, звучат в девятой чистейшей кристалльной тверди!

На небе Солнца Данте говорит о том, что после смерти Христа более чем 1100 лет Бедность была вдовой — до появления Франциска Ассизского. Церковь — во власти стяжателей. Инвективы Данте против развращенных пап, прелатов и монахов, против отпущения грехов за деньги имели в XVI в. необычайный успех у протестантов. Тем не менее было бы ошибочно рассматривать Данте как последовательного реформатора католической церкви. Данте не мог бы согласиться с учением протестантов о предопределении, пессимистическим по существу, которое лишало человека свободы воли и ответственности за свои поступки. Для кальвиниста же, верующего в предопределение, независимое от дел человека, не была приемлемой система наказаний и наград в «Божественной Комедии».

Данте заставляет самого апостола Петра произнести на восьмом звездном небе страстную тираду против порочных пап, унаследовавших его престол (песнь XXVII). Пылая святым негодованием, апостол Петр говорит, что не следует удивляться, что облик его принимает алый цвет Марса, так как его престол занял недостойный (папа Бонифаций VIII). Падению церкви радуется в преисподней Люцифер. Звучат обличающие слова апостола:

Тот, кто как вор, *воссел на мой престол,*
На мой престол, на мой престол, который
Пуст перед сыном божим, возвел
На кладбище моем сплошные горы
Кровавой грязи...

(«Рай», XXVII, 22—26)

Следует особо отметить трижды повторяющееся эмоциональное: «на мой престол...». Не для того воспитана божья невеста — церковь, чтобы стяжать золото, не для того погибли праведники, чтобы их преемник пристрастно разделял крещеных на своих противников и приверженцев. Ключи св. Петра стали гербом на боевом знамени папы, который водит дружины против христиан и скрепляет образом Петра на печати лживые и продажные грамоты. Петр повелевает поэту:

Скажи о том, что я сказал тебе.

(«Рай», XXVII, 66)

Данте определяет праведность в раю самовольно, часто вопреки установленным в церкви взглядам. Так, например, поэт вложил в уста Фомы Аквинского похвалу осужденному и преследуемому парижскими теолога-

ми аверроисту Сигерию из Брабанта (род. около 1226 — убит около 1283 г. в Орвиетто, где пребывала в то время папская курия). Фома Аквинский говорит, указывая на один из пламенников на небе Сатурна:

То вечный свет Сигера, что читал
В Соломенном проулке в оны лета
И неугодным правдам поучал.

(«Рай», X, 136—138)

(«Соломенный переулок» — в Париже, около площади Мобер в Латинском квартале, где находились философские и богословские школы Сорбонны). Отметим также те хвалы, которые Данте воздал на небе Солнца Соломону и Дионисию Ареопагиту:

В нем — мощный ум, столь дивный глубиной,
Что если истина — не заблужденье,
Такой мудрец не восставал второй.

За ним ты видишь светоча горенье,
Который, во плоти, провидеть мог
Природу ангелов и их служенье.

(«Рай», X, 109—117)

Песни XV, XVI и XVII дантологи называют «трилогией Каччагвиды». На небе Марса среди праведных воинов, павших за правое дело, появляется торжественная фигура прапрадеда Данте — Каччагвида. Несмотря на заверения автора «Рая», что «скудно благородство нашей крови», что важны лишь духовные дары, а не знатность, Данте признается, что даже на небе он был горд своим предком и своим происхождением. Каччагвида отвечает подробно на вопросы своего правнука о генеалогии их рода, а также о знатных семьях Флоренции, существующих и вымерших. Мы узнаем много подробностей, драгоценных для истории Флоренции, может быть, не вполне уместных в столь высоких сферах небес. Родословные перемежаются с идиллией, идиллия переходит в сатиру. Данте устами Каччагвиды говорит о тех временах, когда Флоренция была заключена в первый узкий круг стен, когда мужья еще не покидали надолго постели своих жен для торговых путешествий во Францию, когда женщины пряли пряжу и рассказывали чадам и домочадцам о славе Трои, Фьезоле и Рима. В домах флорентийских граждан не было роскоши, превратившей их позже в «чертоги Сарданапала»; Флоренция жила спокойно, скромно и смиренно. Ее женщины не рядились так, что их наряды обращали на себя внимание, не румянились и не белились. Отцы не давали за своими дочерьми непотопленного для семьи приданого. В XVII песне Каччагвида предвозвещает Данте изгнание.

Как в древности ни в чем не повинный Ипполит должен был оставить Афины из-за ложных обвинений своей мачехи Федры, так Данте покинет Флоренцию, простившись со всем, что дорого его сердцу. Каччагвида обещает Данте покровительство веронских синьоров делла Скала и хвалит щедрость и величие Кан Гранде. Выслушав это страшное предсказание, Данте обращается к своему пращур и говорит: «Я вижу, мой отец, как па меня несется время, чтоб я в прах свалился». Он должен вооружиться уже сейчас против ударов судьбы и внутренне решить, следует ли ему сказать все, что он видел в своих странствиях, или утаить часть истины, так как то, что он видел, не будет приятно услышать сильным мира сего. Если он откроет правду, то, потеряв Флоренцию, не сможет найти себе пристанище и в других местах. В то же время он понимает, что если не скажет всего, если умолчит, то слава его померкнет в грядущих веках. Каччагвида, праведный рыцарь без страха и упрека, отвечает, что Данте должен все объявить сполна: «И пусть скребется, если кто лишавый!». Слова Данте должны прозвучать, чтобы помочь людям исправиться. И Каччагвида обещает своему внуку:

Твой крик пройдет, как ветер по высотам,
Клоня сильней большие деревья;
И это будет для тебя почетом.

(«Рай», XVII, 133—135)

На небе неподвижных звезд Данте видит необычные явления, триумфы божества и праведников, которые возникают как световые волны. Духовные силы поэта возрастают в созвездии Близнецов, под знаком которых он родился на земле и впервые почувствовал сладостный воздух Тосканы. Тогда Данте отрывается духовно от земли. Он видит, что малый и жалкий земной шар лежит где-то в бесконечности, окруженный бесчисленными звездными мирами. Слышится песнопение — кристальное небо полнится гармонией сфер.

В XXIII, XXIV и XXV песнях Данте подвергается экзамену апостолов Петра, Иакова и Иоанна, вопрошающих его о сущности трех богословских добродетелей: веры, надежды, любви. Данте сравнивает себя с бакалавром на экзамене у строгих и справедливых магистров. Быть может, это сравнение возникло из воспоминаний о диспутах в Болонском или Парижском университетах. XXV песня начинается знаменитыми стихами о поэтических лаврах. Данте надеется, что его, автора священной поэмы, «отмеченной небом и землей», когда-нибудь увенчают на родине, во Флоренции, в баптистерии Сан Джованни, где он был крещен. В песне XXVI Данте говорит о своей встрече с предком всего человечества — Адамом и узнает от него, что пребывая недолго в Земном Раю, — всего несколько часов — он был изгнан оттуда за то, что нарушил волю божества, стремясь узнать

больше того, что было ему дозволено. Таким образом, грехопадение человечества было вызвано любопытством, гордыней и непослушанием. Это также грехи Люцифера, которые были причиной его падения, нарушившего изначальную гармонию космоса. За эти грехи, а не только за предательский совет Улисс попал в Ад; они были свойственны и самому Данте, он сам исповедует в грехе гордыни и не может обуздать бесконечной своей любознательности. На небе звезд апостол Петр произносит инвективу против дурных пап и предсказывает, что Климент V и Иоанн XXII низвернутся в адскую бездну вслед за Бонифацием VIII.

Окрепший взгляд Данте встречает взор Беатриче, и в несколько мгновений они возносятся в Эмпирей. Райской Розе девятого неба посвящены последние три песни «Божественной Комедии». Поэт вступил из мира времени в мир вечности, он уже был не в состоянии описать улыбку и красоту Беатриче:

С тех пор, как я впервые увидал
Ее лицо здесь на земле, всечасно
За ней я в песнях следом попевал;

Но ныне я старался бы напрасно
Достигнуть пенем до ее красот
Как тот, чье мастерство уже не властно.

(«Рай», XXX, 28—33)

Он сумел все же выразить эту все возрастающую красоту своей госпожи, описав состояние, которое он ощутил, вознесенный любовью к пределам мироздания:

Я понял, что прилив каких-то сил
Меня возносит, надо мной подьемля;

Он новым зреньем взор мой озарил,
Таким, что выдержать могло бы око,
Какой бы яркий пламень не светил.

И свет предстал мне в образе потока,
Струистый блеск, волшебною весной
Вдоль берегов расцвеченный широко.

(«Рай», XXX, 56—63)

Сначала Эмпирей предстает перед его взором как огненная река, вспыхивающая бесчисленными искрами, по берегам которой растут огненные цветы, подобные рубинам. Но привыкнув к сиянию, он видит небесных духов, двигателей космоса, носителей первоначальных идей. Цветы превращаются в праведников. Созерцая огненный круг с престолов Райской Розы, души блаженных разделены: половина лепестков Розы представлена

теми иудеями, которые верили в мессию. Свободных мест мало во второй половине, отведенной для христиан; там Данте видит пустующий трон, предназначенный для Генриха VII.

Последние слова Беатриче вместе с тем и последняя инвектива, предвещающая падение нечестивых пап в темную область, где находится Симон Маг. И вот Беатриче исчезает, подобно тому как исчез в Земном Раю при ее появлении Вергилий, но улыбка Беатриче доносится к Данте как волна света. Она сидит вместе с Рахилью и Евой у подножья престола богородицы. Данте не остается один, рядом с ним, по просьбе Беатриче, встает св. Бернард, третий и последний вожатый поэта, духовный покровитель ордена тамплиеров. В Эмпирее пространство становится окруженностью, все материальное — светом, исчезает понятие «верхних» и «нижних» сфер. В Райской Розе лунные пределы являются не только «нижними», но и крайними; в центре вселенной — три огненных круга, неиссякаемая сила космоса, изначальный Амор — «любовь, движущая солнце и остальные светила». Весь мир в представлении Данте управляется этическим началом, гармонизирующим вселенную. Бездны космоса подчинены единому закону. Случайное превращается в необходимое, свобода воли сливается с предопределением. Золотая цепь неоплатоников соединяет в представлении Данте земное и небесное.

Данте говорит, что он начал восхождение в тот миг, когда впервые предстала во Флоренции его взору та, которую «многие называли Беатриче, еще не зная, кого они так называют». В XII главе «Новой жизни» Данте является во сне Амор и произносит непонятные слова: «Я подобен центру круга, по отношению к которому равно отстоят все точки окружности, ты же нет». В XXIII песне «Рая» Данте, поэт и геометр, видит себя в центре круга, в центре мироздания, чтобы уразуметь архитектонику вселенной, которая вместе с тем и архитектоника его поэмы. В творении, созданном силою непревзойденной фантазии, отразилась также страшная историческая действительность конца XIII — начала XIV вв. Для грядущих времен Данте открыл новые бездны и новые выси человеческого духа, ищущего правды и справедливости как в небесах, так и на земле.

И. Н. Голенищев-Кутузов

ПРИМЕЧАНИЯ

АД

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

- ¹ *Земную жизнь пройдя до половины...*— Данте пишет в «Пире» (IV, XXIII, 9—10) о восходящей и нисходящей дуге человеческой жизни: «...Трудно установить, где находится высшая точка этой дуги, однако я полагаю, что для большинства людей она находится между 30-м и 40-м годом жизни, и думаю, что у людей, от природы совершенных, она совпадает с тридцать пятым». В псалме 89 (ст. 10) сказано: «Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет». В книге пророка Исаии (38, 10) Данте прочел: «Я сказал себе: в преполовлении дней моих должен я идти во врата преисподней». Мнение о том, что нормальная жизнь человека продолжается 70 лет, соответствовало также мнению медиков и философов школы Аристотеля XIII в.
- ²⁻¹² *Я очутился в сумрачном лесу...*— Аллегорически: лес заблуждений человеческой жизни. Данте не помнит, как он вошел в лес и сбился с верного пути, находясь во власти сновидения. При многосмыслии, свойственном поэме Данте, дикий лес означает и заблуждения человеческой души и политическое состояние Италии.
- ¹³⁻³⁰ *Но, к холмному приблизившись подножью...*— Наступает рассвет, солнце озаряет выси гор. Следует замечательное сравнение с путником, который спасся из пучины моря. Нога, на которую Данте опирается при восхождении, стоит тверже на скале, что значит: трудный путь восхождения к добродетели и совершенству опирается на нижнее, земное.
- ³²⁻⁶⁰ *Проворная и вьющаяся рысь...*— На крутизне при подъеме Данте встречается трех зверей, мешающих его подъему: рысь (вернее, пантеру), льва и волчицу. Появление этих зверей до их аллегорического толкования создает в восприятии читателя неопределенные и вместе с тем художественно яркие образы — ужасающего, угрожающего, препятствующего. Они непосредственно воздействуют на воображение. В книге Иеремии (5, 6), говорится о том, что трудно найти на улицах Иерусалима человека, ищущего истину, ибо сильные и богатые отступили от правды: «За то поразит их лев из леса, волк пустынный опустошит их, барс будет подстерегать у городов их. Кто выйдет из них, будет растерзан». Следуя толкованию поэзии по четырем смыслам, свойственному Данте (см. «Пир» II, I и Письмо XIII к Кан Гранде), в моральном смысле эти звери означают пороки, наиболее опасные для человечества: пантера — ложь, предательство и сладострастие, лев — гордость и насилье, волчица — алчность и себялюбие. В аллегорическом смысле пантера означает флорентийскую республику, а также другие итальянские олигархии, лев — правителей-тиранов, как, например, французского короля Филиппа IV Красивого, волчица — папскую курию. Аналогически, т. е. в высшем символическом значении, три зверя представляют собою злые силы, препятствующие восхождению человека к совершен-

- ству. Главный и самый страшный враг — волчица, символ погрязшей в корыстолюбии римской церкви.
- 62—78 *Какой-то муж явился предо мной...*— Данте видит перед собой некоего мужа, который осып от долгого молчания и говорил с трудом (рагеа fiasco). Ср. в «Новой жизни» (вторая канцона): «Вот некий муж предстал среди теней, И хриплый голос рек, как отзвук стона: „Сей скорбный век покинула Мадонна“». В поэме это Вергилий, любимый поэт Данте, от которого он воспринял «прекрасный слог». Аллегорически Вергилий — просвещенный разум, исторически — певец римской империи, морально и анагогически — водитель Данте в его странствиях по Аду и Чистилищу, приведший его к высшему познанию. «Рожден sub Julio» говорит он, т. е. в дни Юлия Цезаря, основателя римской империи (убит в 44 г. до н. э.). «Под Августовой сенью» — при римском императоре Августе (27 до н. э. — 14 н. э.). Сын Анхиса и Венеры — Эней, герой поэмы Вергилия «Энеида», отец римской державы.
- 101—105 *Она премногих соблазнит, но славный Нагрянет Пес...*— следует пророчество о спасителе Италии, который назван *Псом* (il Veltro). Он не пожелает земных богатств, но будет стремиться к добродетели и мудрости. «Предсказание», по-видимому, относится к императору Генриху VII. Из первого трактата «Пира» следует, что правитель «всемирного государства», предвозвещенного Данте, обладая всем, не будет стремиться к богатству и земельным приобретениям¹.
- 105 *Меж войлоком и войлоком...*— Войлоком обшивали урны для голосования. Речь, по-видимому, идет о выборах императора (толкование A. Regis. «Studi danteschi», t. IV. Firenze, 1924, p. 85). Это объяснение тем вероятнее, что предсказание вложено в уста Вергилия, воспевавшего всемирную империю.
- 107 *Камилла* — дочь короля вольсков, пала в битве с троянцами («Энеида», VII, 803—817; XI, 532 и сл.; 759—835).
- 108 *И Эвриал, и Турн, и Нис убит.*— Турна, вождя рутулов, убил Эней («Энеида», XII, 913). Троянские юноши Нис и Эвриал погибли в битве с рутулами.
- 109—110 *Свой бег волчица где бы ни стремилась, Ее нагнав, он заточит в Аду...*— Слова эти относятся к будущему освободителю Италии, который положит конец светской власти пап и корыстолюбию Ватикана.
- 122 *Душа достойнейшая* — Беатриче.
- 134 *Врата Петровы* — врата Чистилища. Их охраняет ангел — наместник апостола Петра. См. «Чистилище», IX, 127; XXI, 54. Вергилий сопровождает Данте только до вершины горы Чистилища, где находится Земной Рай.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

- 7—9 *О Музы, к вам я обращаюсь с воззваньем!*— Вторая песня, подобно первой, является введением в поэму. Данте неоднократно обращается в важнейших местах «Божественной Комедии» к музам, следуя традиции поэтов античности. Он говорит о своем высоком призвании, о поэтическом гении (alto ingegno).
- 13—21 *Ты говоришь, что Сильвиев родитель...*— т. е. Эней. В VI песне «Энеиды» рассказывается о сошествии в Ад Энея, пожелавшего увидеть своего отца Анхиса. Эней назван отцом Сильвия, рожденного им от брака с Лавинией, дочерью короля Лация. От Сильвия начиналась родословная властителей Рима.

¹ Здесь и далее мы даем толкование, которого в настоящее время придерживается большинство наиболее авторитетных дантологов.

- ²² *А тот, и та...*—Переводчик верно воспроизводит итальянское словосочетание *la quale e il quale*, соответствующее термину средневековой латинской риторики *quis et qualis*.
- ²⁸ *Избранный...* *Сосуд* — апостол Павел. См. «Рай», XXI, 127—128. Апостол Павел во втором послании к коринфянам (XII, 2—4) говорит о том, что он был «вознесен к третьему небу».
- ⁶² *Из сонма тех, кто меж добром и злом...*— т. е. души Лимба, находящиеся в преддвериях Ада (Лимба), лишённые навеки высшего блага — созерцания божества и вместе с тем не подверженные мученьям.
- ⁶⁸ *О мантуанца чистая душа...*—Вергилий родился в окрестностях Мантуи.
- ⁷⁰ *Я Беатриче, та, кто шлет тебя.*—Здесь Данте впервые называет в своей поэме это имя. Боккаччо и позднейшие комментаторы идентифицировали возлюбленную Данте с Беатриче Портинари, которая умерла в 25-летнем возрасте во Флоренции в 1290 г. Исторически — она первая юношеская любовь Данте, воспетая в «Новой жизни». В иносказательных смыслах она является олицетворением высшей добродетели и небесной премудрости, Афродиты небесной неоплатоников.
- ⁹⁴ *Благодатная жена* — дева Мария.
- ⁹⁷ *Лючия.*— Данте называет себя «верным» Лючии. Эта мученица из Сиракуз упомянута им как целительница. Данте страдал болезнью глаз, о чем он говорит в «Пире» (III, IX, 15). По-латыни *lux* (итал. *luce*) — свет. Лючия — аналогически означает просвещающую, благодатную; аллегорически — надежду.
- ¹⁰¹ *Рахиль* — жена Иакова, дочь Лавана. Аллегорически — жизнь созерцательная. Ср. «Чистилище», XXVII, 100—108 и «Рай», XXXII, 4—9; 136—138.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

- ^{1—3} *Я увожу...*—Три стиха первой терцины этой песни начинаются одинаково «Я увожу». Создается впечатление, что говорит *сама дверь*, предвозвещающая обреченность грешников на веки веков. Анафора была весьма свойственна античной и средневековой риторике.
- ^{4—6} *Был правдою мой зодчий вдохновлен...*—Ад создан, по христианской мифологии, триединым божеством: высшей силой, полнотой всезнания и первую любовью. Надпись на вратах Ада проникнута одной идеей: неотвратимой и неумолимой справедливости, карающей зло в мире и не оставляющей безнаказанным ни одно преступление.
- ^{7—9} *Древней меня лишь вечные созданья.*—По легенде, Ад был создан падением с небес Люцифера. До этого существовали только духовные иерархии и чистая материя, еще не получившая индивидуальных форм. См. «Рай», XXIX, 22—36, 49—51.
- ²¹ *Он ввел меня в таинственные сени.*—Трудно определить, где сокрыты врата в дантов Ад. У Вергилия вход в царство Дита находится около Кум, приморского города в Кампании. Данте, следуя традиции Вергилия, помещает их где-то неподалеку от своего родного города. В аллегорическом смысле дикий лес, расположенный в преддверьях Ада, символизирует также Флоренцию, охваченную мятежами и гражданской войной.
- ^{25—57} *Обрывки всех наречий, ропот дикий...*—За адскими вратами находятся души тех, кто еще не успел переправиться через адскую реку Ахерон. Там же заключены навеки множество душ ничтожных, не стяжавших в жизни ни славы, ни позора, а также ангелы, оставшиеся в стороне при

схватке архангела Михаила с восставшим против бога Люцифером. Нейтральных не принимает ни Ад, ни Чистилище, ни Рай. Данте клеймит их грозным стихом: «Они не сто́ят слов: взгляни — и мимо».

58 *Признав иныя...*— Сюда же Данте поместил папу Целестина V, несмотря на то, что он был канонизирован церковью в 1313 г. Пьер да Морроне стал папой, приняв имя Целестина V, в июле 1294 г., но вскоре отказался от своего сана и тем самым открыл путь к престолу св. Петра Бонифацию VIII, которого Данте считал главным виновником падения партии Белых гвельфов во Флоренции и своих личных несчастий.

77—111 *Ахерон и перевозчик Харон.*— Ахерон — первая из рек Ада. Данте следует рассказу Вергилия, но силою воображения он значительно превосходит своего учителя. См. описание адской реки и Харона в «Энеиде»:

Путь здесь, который ведет Ахеронта к Тартáрейским волнам,
Мутная здесь от грязи, огромным провалом пучина
Буйствует и повергает все груды песчаные в Коцит.
Воды сии и поток блюдет перевозчик, ужасный
Грязью чудовищной Хáрон; с его подбородка, обильно
Спутанны, свисли седины; все в пламени, взоры недвижны;
Плащ загрязненный узлом завязан, с плеч ниспадает,
Сам он шестом направляет ладью и ведет на ветрилах,
И в своем ржависто-синем челне тела перевозит...

(VI, 295—303, пер. В. Брюсова).

По Вергилию, Ахеронт — приток Коцита, а Коцит вытекает из Стигийских болот. Эту географию рек преисподней с некоторыми вариантами мы находим и у Платона (E. Norden. P. Vergilius Maro Aeneis, Buch VI. Berlin, 1916, S. 200—221). В поэме Данте Харон стал бесом. Данте превратил в «нечистую силу» и других полубогов античной мифологии. У Вергилия встречается также сравнение душ с осенними листьями и с перелетными птицами:

Множество так в лесах при осени холоде первом
Падают листьев увядших, иль к берегу с пучины широкой
Множество так налетает птиц, когда зимнее время
Гонит их через Понт...

(«Энеида». VI, 309—312, пер. В. Брюсова).

В основе своей образ птиц-душ восходит к поэзии Гомера. См. у Софокла «Эдип-царь»:

Посмотри на людей.— как один за другим
Быстрокрылыми птицами мчатся они
Огненного мора быстрее
На побережья закатного бога

(Ст. 179—182, пер. С. Шервинского).

Сцена переправы через Ахерон у Вергилия выдержана в элегическом духе; у Данте преобладает трагическое начало. Элегический лад слышится в прекрасном переводе александрийским стихом этого эпизода, сделанного в начале XIX в. Авраамом Норовым:

Как осенью листья, ветрами отторженны,
Печально падают, друг за другом вьясь,
Пока с ветвей земле не будут возвращены,—

Так и толпа сынов Адамовых влеклась
Желанием преплыть на берег бесприютный;
Так хоры птиц летят, на зов одной прельстясь,

И се плывут они водою адской, мутной,
И прежде, нежели на тот ступили брег,
По сей стране стоит уж новый род преступный.

- ¹³⁶ *И я упал, как тот, кто свачен сном.*— В нескольких местах «Божественной Комедии» Данте говорит о сне или беспамятстве, которое его охватывает, когда душа его не в силах выдержать ужасных явлений. Происходит как бы сон во сне. В конце IV песни «Ада» Данте лишается чувств от блеска красной молнии. Данте пробуждается при звуке грома на другой стороне реки Ахерон, в пределах античных праведников — Лимбе.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- ^{24—45} *Вниз, в первый круг...*— Данте отвел для малодушных и нерешительных место у самых дверей Ада, не предвиденное в средневековом богословии. В Лимбе, предназначенном им для душ некрещеных младенцев, для праведников античности и даже для мусульманских мудрецов и ученых, Данте равным образом не следует современной ему богословской традиции. В Лимбе находятся военачальники и поэты, отнюдь не отличавшиеся христианскими добродетелями, как, например, Юлий Цезарь, Овидий, Ювенал или Саладин. Данте ценит, следовательно, выше добродетели гуманистическую *virtù* — высокие качества ума и души, подвиги, смелость и благородство духа. И в этом эпизоде Данте выступает как первый поэт нового времени. Тени праведных мужей в Лимбе не подвержены мучениям, но вечно скорбят о том, что им недоступно райское блаженство.
- ^{52—59} *Я был здесь внове...*— Имена Христа, бога-отца и богородицы никогда не произносятся в Аду. В этих терцинах говорится о сошествии Властителя (Христа) в Лимбе, когда он вывел оттуда библейских праведников.
- ⁶⁰ *Рахиль, великой взятая ценой...*— Иаков, чтобы получить в жены Рахиль, должен был работать на ее отца в течение 14 лет («Бытие», 32, 28).
- ^{70—102} *Хоть этот свет и не был близок к нам...*— Данте говорит о свете, исходящем от уединенной группы людей — это поэты и ученые древности, среди них «высочайший поэт» — Гомер. Данте не знал греческого языка, «Илиада» и «Одиссея» были ему известны через сокращенную латинскую версию в гекзаметрах, содержащую около 1000 строк («Homerus Latinus»). Сведения о поэмах Гомера Данте почерпнул также из произведений Цицерона, Горация и особенно Аристотеля (P. Toynbee. Dante studies and Researches. London, 1902, p. 204—205). Горация Данте знал как поэта сатирического; «Метаморфозы» Овидия для него, как для всего Средневековья, — энциклопедия неоплатонической космогонии и мифологии; Лукана он ценил как эпического поэта, продолжателя великого автора «Энеиды». Данте, писавший на итальянском языке, чувствовал себя равным великим авторам античности. В Лимбе он «был принят в их круг». В XXII песне «Чистилища» указаны и другие имена греческих и латинских поэтов, находящихся в Лимбе — Стаций, Теренций, Плавт, Эврипид, Персий.
- ^{106—120} *Высокий замок предо мной возник.*— Замок, в котором пребывают праведные души мудрецов древности, имеет семь стен, аллегорически означающих семь наук тривиума и квадривиума: Грамматику, Диалектику, Риторику, Арифметику, Музыку, Геометрию и Астрономию.

- 121 *Я зрел Электру в сонме поколений...*— Электру, дочь Атланта, родившую от Юпитера Дардана, предка троянцев, Данте называет в «Монархии» (II, III, 11) «прародительницей римлян».
- 124—128 *Пентесилея и Камилла с ней...*— Следует перечисление менее известных героев античности, среди них Пентесилея — царица амазонок, убитая Ахиллом, Камилла, упомянутая в «Энеиде», XI, 768 (см. «Ад», I, 107), Юлия, дочь Цезаря и жена Помпея, Марция — жена Катона Утического, о которой Данте пишет подробно в «Пире» (IV, XXVIII, 13—19), следуя второй книге «Фарсалии» Лукана (см. также «Чистилище», I, 79—80), добродетельная Корнелия, мать Гракхов («Рай», XV, 129). В этом перечислении особенно интересно имя Саладина, египетского султана конца XII в. Данте хвалит его в «Пире» (IV, XI, 14) за щедрость.
- 131—147 *Я увидел: учитель тех, кто знает, Семей мудролюбивой окружен.*— Так Данте называет Аристотеля; следует перечисление философов и ученых древности. В общество философов попали поэты, «познавшие тайны вселенной»,— Орфей и Лин. Затем названы греческие ученые и медики, а вслед за ними новые истолкователи истины— мусульманские мудрецы Средневековья Авиценна и Аверроэс. Этот последний имел сильное влияние на круг идей дантова «Пира», а также на стихи флорентийского поэта «сладостного нового стиля» Гвидо Кавальканти. «Благородный замок» (il nobile Castello) в Лимбе был первым ренессансным Телемом.
- 151 *И я — во тьме, ничем не озаренной.*— Выйдя из мерцающего света Лимба, Данте очутился в той кромешной тьме, которая уводила его в царство отчаяния.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

- 1—3 *Так я сошел, покинув круг начальный, Вниз во второй;..*— Начинается нисхождение Данте и Вергилия в глубины Ада. Круги становятся все уже, по мере приближения к центру, а муки грешников все тяжелее. Во втором круге казнятся сладострастники.
- 4—24 *Минос* — второй полубог греческой мифологии, превращенный в демона. Как и в представлении древних греков, Минос — судья преисподней. Скотское обличье слито в нем с человеческим. Свой суд он не изрекает, но определяет место грешника тем, что хвост его обвивается вокруг тела столько раз, на сколько кругов следует душе спуститься вниз в бездны Ада. По античным легендам, Минос был царем и законодателем острова Крита, сыном Юпитера и Европы. Вместе с Эаком и Радамантом он был определен судить души умерших в Аду. Так же как Харон, он пытается помешать дальнейшему пути Данте и говорит ему, чтобы тот не ободрялся тем, что в Ад легко войти. Вспоминаются стихи:

...Не труден доступ к Аверну;
 Ночи раскрыты и дни ворота черного Дита;
 Но шаги обратить и на вышний выбраться воздух —
 Это есть труд,— это подвиг...

(«Энеида», VI, 126—129, пер. В Брюсова).

- 28—49 *Я там, где свет немотствует всегда...*— Души осужденных во втором круге несутся в несстихающем вихре. Данте сравнивает их с птицами, которые попали в осеннюю бурю, их стоны — с унылой песней журавлей, летящих на юг. В итальянском тексте отметим необычайное богатство звуковых сочетаний (lai, aere, guai); переводчику удалось во многих случаях

найти русские соответствия (см. стих 46—48 с повторами — *с, т, у*). Образ летящих журавлей навеян Вергилием:

.. под черною тучей
С радостным криком летят журавли Стримона, со звоном
В горном эфире плывя, от ветров убегая дождливых.

(«Энеида», X, 264—266).

- 60—51 *И я сказал: «Учитель, кто они...»*— Начинается длинное перечисление героев и героинь древности, а также средневековых романов. Некоторые комментаторы (Кроче, Момильяно) полагали, что перечисление это «анти-поэтично». Однако оно является поэтическим введением в скорбную повесть о Паоло и Франческе, не говоря уже о том, что поэт взволнован самим звучанием героических имен. Заметим, что в тексте Данте многие имена имеют французское ударение на конце: Semiramis, Cleopatràs, Paris. Данте несомненно взял их из французских романов об античности, которые были в его время широко распространены в Италии.
- 52—60 *Он отвечал: «Вот первая...»*— Это Семирамида, царица Ассирии и Вавилона. Данте знал из Орозия («История», I, 4; ср. «Монархия», II, VIII, 3), что она и ее муж Нин стремились покорить Азию и весь мир. Орозий писал о необузданном сладострастии Семирамиды. По-видимому, Данте смешал древний Вавилон с египетским Вавилоном (Старый Каир), поэтому он и говорит, что земли Семирамиды были отданы египетскому султану.
- 61—62 *Вот нежной страсти горестная жрица...*— Дидона, царица Карфагена, кончившая с собой из-за любви к Энею. В VI песне «Энеиды» тень Дидоны отворачивается в Аду от Энея, и троянский герой «плача, глазами следит далеко, скорбя об ушедшей» (ст. 476). В моральном смысле Дидона означает преодоление героем препятствий на его пути. «Какой же силой было обузданье страстей, если получив от Дидоны столько радости..., Эней сумел с ней расстаться, вступив на путь честной и плодотворной жизни, как это написано в четвертой песне «Энеиды»... Отсюда явствует, что для нашего совершенства нам в пору нашей зрелости подобает быть умеренными и стойкими» («Пир», IV, XXVI, 8—9). Аллегорическое толкование «Энеиды» восходит к комментарию Фульгенция (ок. 500 г. н. э.).
- 64 *Елена* — жена Менелая, похищенная Парисом, была причиной десятилетней троянской войны.
- 65 *Ахилл* — главный герой «Илиады» Гомера. В средневековых легендах о Троянской войне рассказывалось, что он был влюблен в Поликсену, дочь Приама. Из-за своей любви он дал увлечь себя в ловушку троянцам и был убит. Ср. Овидий («Метаморфозы», XIII, 448). Сведения об Ахилле Данте почерпнул из французских романов об античности.
- 67 *Тристан* — рыцарь Круглого стола, влюбленный в Изольду, жену своего дяди, короля Марка. В одной из версий легенды король убивает Тристана.
- 72 *Я смуген стал, и дух затмился мой.*— Можно оспаривать правильность перевода Лозинским выражения «*pietà mi giunse*». Переводчик следует антиромантической тенденции, которую защищают в настоящее время многие комментаторы (например, Н. Сапенье). Фосколо, а за ним Де Санктис понимали под *pietà* симпатию, сострадание, а не смущение духа. Де Санктис писал, что трагедия Паоло и Франчески в главной и основной линии своего развития исполнена молчания, тайны, ее муза — сострадание.
- 73—81 *Я начал так: «Я бы хотел ответа От этих двух...»*— Следует знаменитый эпизод о Паоло и Франческе. Франческа да Римини была дочерью Гвидо да

Полента старшего, синьора Равенны. Ее выдали замуж около 1275 г. по политическим расчетам за Джанчотто Малатеста, синьора Римини, хромого и уродливого. Она влюбилась в Паоло, красивого брата мужа. Синьор Римини убил обоих влюбленных (между 1283 и 1286 гг.). Как известно, Данте провел последние годы жизни в Равенне, в которой в это время правил Гвидо Новелло да Полента, племянник Франчески. Франческа — первая душа, заговорившая с Данте в Аду.

82—87 *Как голуби на сладкий зов гнезда,..—*

Только он это сказал, как две внезапно голубки
Прямь пред взором его, летя, появились с неба.

(«Энеида», VI, 190—191).

Образ Данте навеян образом Вергилия, однако это сопоставление вскрывает скорее разницу между Данте и Вергилием, чем сходство: римский поэт нежен, спокоен, Данте трагичен, его образы не успокаивают, а волнуют и возбуждают.

103 *Любовь, любить великая любимым,..—* См. также стихи 100—102. Данте возвращается в этом месте к теориям Гвидо Гвиницелли и «сладостного нового стиля». См. сонет «Новой жизни»: «Любовь и благородные сердца — одно, Сказал поэт в своей канцоне». Мнение о том, что любовь вызывает ответное чувство, изложено в известном трактате Андрео Капеллано «О любви», встречается и у многих авторов XII—XIV вв. Ту же идею вкладывает Данте в уста Вергилия: «...Огонь благой любви любовь зажжет другую, Блеснув хоть в виде робкого следа» («Чистилище», XXII, 11—12).

107 *Кайна* — первый пояс девятого круга Ада; там находятся убийцы и предатели своих родных и близких.

116—117 *«Франческа, жалобе твоей Я со слезами внемлю,..—* Приведем отрывок из лекции Ф. Де Санктиса о V песне: «Данте начинает эту песнь растроганный; он пользуется самыми нежными красками, создавая почти сценическую декорацию; при звуке имен дам и рыцарей далеких времен он преисполняется сострадания к ним; он почти потерян, он — вне себя, когда внимает первому рассказу, и когда Вергилий обращается к нему, отвечает ему не сразу, отвечает как бы во сне, как бы говоря сам с собой, и не может сказать Франческе ни слова, не плача при этом; под конец он падает, как мертвец... Нуждается ли в объяснении это постепенно растущее чувство сострадания?

Данте — мучительное эхо Ада, живой человек, который несет вниз человеческое сердце и делает глубоко человеческой поэзию невидимого царства». (F. De Sanctis. Opere, vol. V. Torino, 1955, p. 245).

121—122 *«Тот страждет высшей мукой, Кто радостные помнит времена в несчастьи,..—* Эти знаменитые строки Данте восходят к трактату Бозция «Об утешении Философией».

127—128 *В досужий час читали мы однажды О Ланчелоте сладостный рассказ,..—* История о Ланчелоте Озерном и его любви к Джиневре, жене короля Артура, рассказывалась во многих французских повестях XII—XIII вв. Романы Круглого стола были любимым чтением Данте. Так в трактате «О народном красноречии» (I, X, 2) он писал: «Прелестнейшие приключения короля Артура». См. «Рай» (XVI, 13—15).

137 *Галеого.*— Сенешаль Галеото (старофранц. Galehaut), содействовал любовной связи королевы Джиневры и Ланчелота.

- 142 *И я упал, как падает мертвец.*— Данте лишился чувств от сострадания к прекрасной Франческе, от сознания собственной греховности, уstraшен- ный силою адского вихря, кружащего души осужденных.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

- 7—12 *Я в третьем круге, там, Где дождь струится...*— Данте не говорит, каким образом он очутился в третьем круге. Эти пределы Ада находятся между рекой Ахероном и градом Дитом. Отметим «натуралистическое» описание круга чревоугодников, вязнущих в смрадной топи. Их охраняет трех- главый античный Цербер, ставший дьяволом. Грешники сравнены с вою- щими суками. Земля смердит, покрытая жидкой грязью.
- 13—35 *Цербер* — в греческой мифологии сын Тифея и Ехидны. Вергилий в «Энеи- де» (VI, 417—423) и Овидий в «Метаморфозах» (IV, 448—453) представля- ли его как трехглавого пса со змеиным хвостом. У Данте он приобретает человеческие, вернее, бесовские черты. У него черная и жирная борода, когтистые руки. Он не только охраняет вход в третий круг Ада (у антич- ных поэтов — в Ад), но и терзает души чревоугодников. Данте называет его «гнусным червем». Это выражение он применяет дальше для самого Люцифера («Ад», XXXIV, 108). То же выражение, относящееся к чудови- щам, встречается в «Морганте» Пульчи (IV, 15) и в «Неистовом Ролан- де» Ариосто (XLVI, 78). Вергилий в поэме Данте усмиряет Цербера, бро- сая землю в его пасти. В «Энеиде» куманская сивилла, ведущая Энея по Аду, кинула в пасть Цербера ком из снотворных волшебных зелий. К этому же способу умиротворения чудищ прибегал хитроумный пророк Даниил, брошенный в ров на съедение вавилонскому дракону.
- 86 *По пустоте, имевшей облик тел.*— Данте по-разному представлял себе души в Аду и Чистилище. Несколько раз он утверждал, что это только тени. Так, в «Чистилище» (II, 79—81) при встрече в Антипургатории со своим другом, певцом Казеллой, Данте бросается ему в объятья — «О призрач- ные тени! Троекратно Сплетал я руки, чтоб ее обнять, И трижды приво- дил к груди обратно». Так же Стаций при встрече с Вергилием стремится обнять ноги учителя, но Вергилий его останавливает: «Оставь! Ты — тень, и видишь тень, мой брат», — на что Стаций отвечает: «...ничтожность нашу забывая, я тени принимаю за тела» («Чистилище», XXI, 133—136). В то же время Данте для большей выразительности своих образов нередко материализует души грешников. Так, например, в VI песне или в XXXII, где Данте в Антеноре, ступая по вечному льду, ногою ушиб грешника в висок — «Ты что дерешься? — вскрикнул дух, стеноя» (ст. 79).
- 52—59 *Чакко.*— Данте встречает в третьем круге первого из флорентийцев, на- селяющих Ад — Чакко (Джакомо или Якопо). Данте отослится с состра- данием к этому флорентийскому обжоре. Боккаччо вывел Чакко в одной из новелл «Декамерона» (IX, 8). По свидетельству старых комментаторов, Чакко являлся без приглашения на чужие пиры, однако его любили, так как он отличался приятным нравом и был остроумен. Данте, знавший его лично, вложил в его уста предсказание о судьбах Флоренции и о своей участи.
- 64—75 *Предсказание Чакко.*— Чакко «пророчесствует» о событиях 1303—1304 гг., — следовательно, VI песня была написана после этого времени. Он говорит о том, что власть во Флоренции достанется «лесным», т. е. Белым гвель- фам. Их называли «лесными людьми», потому что их вожди Черки пришли во Флоренцию из деревень и отличались заносчивостью и грубостью. Вы-

ражение Данте «рука того, кто в наши дни лукавит» относится к папе Бонифацию VIII, который помог врагам поэта, флорентийским Черным гвельфам. Трудно сказать, кто были те два праведника, которым во Флоренции не внимали их сограждане. Возможно, что одним из них был сам Данте. Вернее всего предположить, что во Флоренции не нашлось даже трех праведников, которые, по библейскому преданию, были необходимы для того, чтобы спасти погрязший в грехах Содом.

79—87 *Теггьяйо, Фарината, дух могучий*,...— Данте спрашивает о судьбах пяти известных флорентийцев. Оказывается, что все они находятся в нижних кругах: Фарината среди еретиков, Теггьяйо и Рустикуччи в компании содомитов, Моска Ламберти в печальном обществе сеятелей вражды. Арриго, вероятно из семьи Фифанти, участвовавший в убийстве Буонделмонте (1215 г.), больше не упоминается.

106—111 *Наукой сказано твоей*,...— Данте спрашивает Вергилия, возрастут или уменьшатся муки грешников после Страшного суда. Вергилий отвечает, ссылаясь на сочинения Аристотеля, особенно на любимую Данте «Этику», что грешники будут испытывать, облечшись в плоть, еще большие страдания, а блаженство праведников возрастет. См. «Рай», XIV, 43—60.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

¹ «*Parè Satàn, parè Satàn aleppe!*» — Некоторые комментаторы (например, К. Грабер) полагают, что слова эти непереводимы, хотя смысл их Вергилий угадывает. Они выражают удивление и угрозу. Толкованию их еще со времен романтиков посвящена целая литература, содержащая самые причудливые мнения.

Другие дантологи (напр. Скартаццини, Сапено, Порена) настаивают на том, что слова Плутоса содержат определенный смысл. *Паре* (греч. и лат. *парае*) — восклицание, выражающее удивление. *Алеппе* восходит, по их мнению, к первой букве древнееврейского алфавита (*алеф*) — в значении «первый, главный» (греческое — *альфа*). Пьетро Алигьери переводит так: «О, Сатана, о Сатана, Глава и начало всех дьяволов, что я вижу?» М. Порена толкует антиклерикально: «Вот первый враг папы» (*парае* — родит. падеж от *пара*), т. е. Плутон, бог корыстолюбия, является, таким образом, тайным союзником алчного папы Бонифация VIII.

^{2—9} *Плутос* — античный бог богатства, превращенный в демона, охраняющего четвертый круг Ада. Данте называет его «проклятым волком». Напомним, что в I песне волчица является символом алчности и в то же время аллегорически изображает погрязшую в земных богатствах римскую церковь. Плутос напрасно стремится, так же как Харон и Минос, не пустить Данте в подвластную ему область Ада.

¹¹ *Мишенья Михаила*,...— Восставшие на бога ангелы были низвергнуты, по библейской легенде: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Апокалипсис, 12, 7—9).

¹⁵ *Из гретъего сошли в четвертый круг*.— Четвертый круг находится между Ахероном и Стигийскими болотами. Там казнятся скупцы и расточители, которые идут стеной друг на друга. Видение Данте становится мрачным гротеском.

- ²² *Харибда* — водоворот в Мессинском проливе у Сицилийского берега, известный из «Одиссеи» Гомера.
- ^{68—98} *Фортуна*.— Данте нежданно сочетает эту своенравную богиню, столь любимую в эпоху Ренессанса, с провидением, которое отвело ей «пустое счастье на земле». Замечательны заключительные стихи: «Она, смеясь меж первенцев творенья, Крутит свой шар, блаженна и светла». Тема Фортуны связывается у Данте с темой богатства и скупости. В «Пире» (IV, XII, 7—8) Данте писал вслед за Боэцием: «Если бы богиня богатства (Фортуна) отпускала людям столько благ, сколько песка вздымает море, волнуемое ветром, и сколько сияет звезд на небе, род человеческий все равно не перестанет плакать». Так у Боэция: «Увы! Кто был первым, выкопавшим из земли грозные драгоценности — засыпанные слитки золота и камня, которые желали оставаться скрытыми» («Об утешении Философией», II, 5, 27). В представлении Данте, Плутос был лютым врагом, проклятым волком, свирепым зверем. Данте стремится оторвать Фортуну от обычного о ней представления (слепая богиня богатства); он придает ей более возвышенное значение.
- ⁹⁸ *Склонились звезды*...— Поэты вошли в пределы Ада при восходе солнца. Здесь говорится, что звезды склоняются к горизонту, следовательно, прошла полночь между 25 и 26 марта. Приближаются вторые сутки путешествия Данте.
- ^{100—126} *Стигийские болота*.— Незаметно Данте и Вергилий переходят в пятый круг, где расположены Стигийские болота, в которые погружены гневные. Болота окружают башни града Дита, за стенами которого расположены нижние круги Ада.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

- ¹ *Скажу, продолжив*...— Это начало песни необычно для Данте; оно вызвало многочисленные комментарии. Боккаччо писал о том, что Данте, находясь в Луниджане при дворе маркизов Маласпина, будто бы получил из Флоренции в 1306 или 1307 гг. первые семь песен поэмы, начатой еще на родине. Этому противоречат «пророчества» Чакко в VI песне, которая могла быть написана лишь в изгнании. Если Данте и получил посланье из Флоренции в это время, то только наброски или планы поэмы, быть может, первоначально задуманной по-латыни.
- ^{4—12} *Сигналы с башни Дита*.— Железный и огненный город демонов Дит изображен в поэме Вергилия:

Глянул назад Эней и вдруг, под утесом налево,
Город обширный зрит, тройной обведенный стеною;
Буйными быстрый его сгнями поток обтекает
Тартаров Флэгетон, что влачит гремучие глыбы.
Против огромные двери, столбы адамантовой тверди,
Мощь коих мужей вовек и сами всевышние в бое
Не сокрушили б; стоит железная башня до неба...

(«Энеида», VI, 548—554).

- Сигналы с башен Дита связаны с воспоминаниями Данте о войне с аретинцами (ср. начало XXII песни «Ада»).
- ^{13—30} *Флегий*.— Данте и Вергилия перевозит через Стигийские болота к стенам Дита один из героев греческой мифологии, царь лапифов в Беотии Фле-

гий, сын бога войны Арея и смертной женщины. Разгневанный тем, что его дочь Кронидя родила от Аполлона сына Асклепия, Флегий сжег храм, посвященный Аполлону в Дельфах. В дантовом Аду этот враг бога поэзии превращен в злобного демона. Образ Флегия в «Божественной Комедии» является плодом гениальной фантазии итальянского поэта. Челн Флегия мчится по стигийским водам с быстротою, технике XIV в. неизвестной. Отметим, вместе с Грабером, звучность стихов этого эпизода, напр.: (движение челнока Флегия — повтор *s*): «*Corda non pinse mai da se saetta Che si cogresse via per l'aere snella*», переданные в русском соответствии переводчиком: «Стрела так быстро, в воздухе спеша, Как малый челн, который, в беге скором, стремился к нам, по заводи шурша,.. (с — з — ш).

31—64 *Филиппо Ардженти*.— Вынырнув из Стигийского болота, какой-то грешник цепляется за лодку Флегия. Вергилий отталкивает его и сбрасывает назад в грязную жижу. Данте обращается к погруженному в мутные воды с гневными словами. Вергилий, обняв Данте, говорит ему: «Суровый дух (*alma sdegnosa*, т. е. душа, охваченная праведным гневом и презрением), блаженна несшая тебя в утробе!». Непримириость Данте вызывает похвалу Вергилия — просвещенного разума, неумолимого к пороку. Заметим, что в этом месте — единственное в произведениях Данте упоминание матери поэта. Другие грешники тянут вниз Филиппо Ардженти из семьи Черных гвельфов Адимари, личных врагов Данте. В комментарии Оттимо читаем о Филиппо Ардженти: «Кавалер, любивший роскошную жизнь, чрезвычайно спесивый и расточительный, не отличавшийся ни добродетелью, ни храбростью». По свидетельству Боккаччо, он был очень богат и подковывал своих лошадей серебряными подковами, за что и получил свое прозвище («ардженти» — серебряный). Филиппо Ардженти попал и в новеллистику XIV в.: см. «Декамерон» Боккаччо и Саккетти. Ладдино сообщает, что один из Адимари завладел конфискованным имуществом Данте после изгнания поэта. Род Адимари Данте называет «нахальным» в XVI песне «Рая» (115—120), где представители этой семьи изображены как шайка хундордных насильников, трусливых и подлых.

82—83 *Я видел на воротах много сот, Дождем ниспавших с неба,..*— т. е. сотни дьяволов, которые вместе с Люцифером были низвергнуты с небес.

125 *Так было и пред внешними вратами...*— По евангельской легенде, Христос, сходя в Ад, чтобы вывести оттуда души праведников, разбил адские врата, которые с тех пор остались открытыми.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

1—3 *Цвет, робостью на мне запечатленный,..*— Видя бледность на лице Данте, Вергилий делает над собой усилие и преодолевает свой страх.

7—8 *Или... Такая нам защитница дана!..*— Вергилий проявляет некоторое колебание, как бы не уверенный в исходе борьбы со стражами Дита, хотя он и надеется на скорую помощь Беатриче. Это колебание увеличивает драматичность действия.

17 *Спускаются ли с первой той ступени,..*— Первая ступень означает Лимб.

23 *Эрихто* — фессалийская волшебница; о ней говорит Лукан в VI книге «Фарсалии» (508—827). По рассказу Лукана, она вызвала мертвеца из Эреба, который поведал Помпею, каков будет исход фарсальской битвы. В «Энеиде» волшебница говорит, что она уже спускалась в преисподнюю в сопровождении Гекаты (VI, 562—565). Эпитеты Эрихто — «злая, свирепая, жестокая» — встречаются у Лукана. Эти античные источники в горадо

большей степени, чем средневековые предания, повлияли на Данте, когда он создавал первоначальный план своего путешествия в загробный мир.

27 *Иудин предел* — зона Иуды (Джудекка) находится вблизи Люцифера, на самом дне Ада.

29 *От горней сферы, связь миров кружащей;*... — Девятое кристалльное небо, или Перводвигатель. См. «Пир» (II, III, 7).

38—51 *Три Фурии*. — Эти образы восходят к античной мифологии у греков — Тисифона, Мегера и Алектó назывались эринниями. По представлениям древних, фурии были богинями мщения. Они преследовали грешников даже в Аду страшными угрызениями совести:

Вооружившись бичом, немедля Тисифона грешных
Мстятая, прыгнув, разит и, яростных змей простирая
Левой рукой, призывает сестер свирепые сонмы.

(«Энеида», VI, 570—572).

В поэме Вергилия Тисифона, одетая в кровавые одежды, не зная сна, охраняет порог великого Дита. У Данте фурии появляются неожиданно — «взвиваются для бешеной защиты», обвитые гидрами, бледные и кровавые, на стенах адского города. «Змеи пустыни», заменяющие фуриям косы (в ориг. *segaste*) — вид змей с двумя рогами на голове, как объясняет Бок-каччо; они встречаются у Стация («Фиваида», I, 103—115).

52 *«Медуза где? Чтоб он окаменел!»* — Фурии призывают Медузу-Горгону, обращающую всякого, кто на нее взглянет, в камень. Медуза является стражем града Дита, и, как можно предположить, всего нижнего Ада.

63—54 *Напрасно Тезеевых мы не отмстили дел.* — Фурии сожалеют, что они пропустили Тезея, который проник в Аид, по древнегреческой легенде, вместе со своим другом Перифоєм, чтобы похитить Прозерпину, царницу подземного царства. Тезей был освобожден из преисподней Гераклом.

55—60 *Закрой глаза и отвернись;*... — Так говорит Вергилий Данте, сам поворачивает его и заслоняет его глаза руками. Этот жест имеет и переносное значение: на первом плане — это трогательная забота учителя об ученике; морально означает защиту силою разума от ужаса, безобразия, насилия и лжи. Аллегорически фурии и Медуза изображают состояние Флоренции и Италии во времена Данте. От них Вергилий ограждает своего ученика как представитель римского правопорядка и поэт мирового государства. В анагогическом смысле страшные видения в стенах Дита — преграды, которые следует преодолеть человеку, для того чтобы побороть самые тяжкие грехи и освободиться от них. В фуриях сосредоточены угрызения совести поэта, в Медузе — его колебания, сомнения и отчаяние. Эти поэтические видения олицетворяют реальные психологические состояния самого Данте.

61—63 *О вы, разумные, взгляните сами;*... — Данте требует от внимательного читателя проникновения в смысл предыдущих стихов, который должен быть раскрыт. Из сказанного ранее ясно, что просвещенный разум (Вергилий) может лишь до известной степени защитить от неожиданного нападения эринний и появления Медузы, но не одолеть их. Напомним, что Вергилий, победнев, отступает от ворот Дита и ждет помощи. Она появляется, олицетворенная в Небесном Вестнике.

64—103 Небесный Вестник. — Этот эпизод один из самых поэтических в первой части «Божественной Комедии». Отметим силу зрительного образа. Вестник движется как вихрь, не знающий преград, все сокрушая на своем пути. Он идет, как посуху, по Стигийским водам; станицы испуганных душ и орды смущенных демонов бегут перед ним. Он отстраняет от своих глаз

липкий и смрадный дым шестого круга и останавливается, пылая небесным гневом, с поднятой тростью перед воротами Дита, так как для усмирения нечистых духов уже не нужен пылающий меч. В Вестнике нет колебания, он уверен в том, что его приказ будет исполнен. Его описание напоминает изображения ангелов в итальянском искусстве раннего Ренессанса, поражающие взоры яркими и гармоническими сочетаниями красок. Посол небес — прежде всего поэтический образ. В морально-политическом значении он олицетворяет мощь империи, разрушающей феодальный хаос, сокрушающей тиранов и олигархов.

¹¹² *Как в Арле, там, где Рона разлита...*— Город Арль в Провансе, близ которого находятся остатки древнеримских гробниц. Он расположен недалеко от устья Роны. Возможно, что Данте вспоминает здесь виденное им на пути в Париж.

¹¹⁸ *Как в Поле, где Карнаро многоводный Смыкает италийские врата...*— Город Пола (слав. Пула) в Истрии (в настоящее время в Югославии), богатый памятниками античности. Карнаро (Кварнер) — пролив, отделяющий Истрию от Далмации. Данте считает его природной границей Италии на востоке.

¹¹⁵ *Гробницами исполмнен дол бесплодный...*— Миновав ворота Дита, Данте и Вергилий входят в шестой круг, где находятся еретики. Во всех кругах поэты движутся влево, но здесь, а также на краю седьмого круга, они изменяют направление и идут вправо.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

¹¹ *Иосафат* — по христианской легенде, в долине Иосафата произойдет Страшный суд.

¹⁴ *Эпикур* — греческий философ из Афин (ок. 342—270 гг. до н. э.). Особенно много последователей Эпикура было в XIII в. среди гибеллинов. Эпикурейцем и аверроистом считался не без основания первый друг Данте — Гвидо Кавальканти.

^{22—51} Появление Фаринаты.— Из огненного гроба восстает огромная фигура не смирившегося Фаринаты дельи Уберти, одного из самых известных политических деятелей Флоренции XIII в. Он родился в начале XIII в., умер в 1264 г. (за год до рождения Данте). Вождь гибеллинов, Фарината изгнал гвельфов из Флоренции, и затем сам подвергся изгнанию. После победы короля Манфреда при Монтаперти (1260 г.) он не дал своим союзникам разрушить Флоренцию, свою родину. «Он был высокого роста, лицо его было мужественно, руки и ноги сильны, внешний вид Фаринаты был важен; он обладал ловкостью военного, речи его были складны, советы быстры и пронзительны. Сей муж был смел, решителен и опытен в делах войны», — писал в своей «Хронике» Филиппо Виллани. Бенвенуто д'Имола подчеркивает, что Фарината был последователем Эпикура, не верил в загробную жизнь, и считал, что вся деятельность человека должна быть направлена на усовершенствование этой жизни. Посмертно, в 1283 г. он был осужден инквизицией вместе со своей женой как еретик. Даже адские муки не сломили гордости Фаринаты. В словах Данте («казалось Ад с презренным озирает») больше восхищения, чем осуждения. Данте препирается с еретиком Фаринатой не о вере и о спасении души, а о судьбе их семей, принадлежавших к враждующим группам. Политические страсти Флоренции вспыхивают в Аду сильнее адского пламени. Примечательно самое начало речи Фаринаты, обращенной к Данте: «Тосканец, ты, что

городом огня идешь живой, и скромненько стоишь примерно». (О Tosco...). Это обращение напоминает Э. Ауэрбаху («Mimesis». Torino, 1956, p. 185) обращения у Вергилия, Лукана, Стация.

62—72 *Кавальканте деи Кавальканти*.— X песнь имеет как бы несколько действий, вернее сцен, неожиданно сменяющих одна другую. Вдруг из соседней с Фаринатой ямы появляется, едва приподняв подбородок над краем, тщедушная по сравнению с Фаринатой тень Кавальканте деи Кавальканти, отца поэта Гвидо, первого друга Данте. Старого Кавальканте интересует лишь одно: где его сын, почему он не сопутствует поэтам. Данте отвечает двусмысленно. Его ответ можно истолковать так, что Гвидо не мог сойти живым в загробное царство, так как не чтит произведений Вергилия (этому смыслу следуют и русские переводчики — Лозинский, Мин, Голованов). Его же придерживаются многие комментаторы XIX — начала XX в. (Ф. д'Овидио, М. Порена). Правильнее мнение новейших комментаторов (Грабера, Сапеня): Гвидо презирал не Вергилия, а Беатриче, символ небесной мудрости, будучи атеистом, так же как и его отец. Поняв неверно из слов Данте, что Гвидо умер, его отец с горестным воплем исчезает, рухнув навзничь в огненную гробницу.

73—95 Фарината (продолжение).— Эта сцена не производит никакого впечатления на Фаринату, несмотря на то, что Гвидо Кавальканти был женат на его дочери. Он продолжает свою речь, предсказывает Данте вслед за Чакко изгнание и говорит, что не пройдет пятидесяти месяцев (50 раз не засветит лик луны — Гекаты, Персефоны), как Данте сам принужден будет покинуть пределы Флоренции. Данте, гвельф по родовым традициям, как бы сохраняет — из семейной гордости — старые гвельфские позиции по отношению к гибеллину Фаринате.

119 *И Федерик второй лег в яму эту...*— Император Фридрих II Гогенштауфен, король Неаполя и Сицилии, враг папского престола, прослыл неверующим. Данте восторгался им как великим и мудрым правителем (см. «О народном красноречии», I, XII, 4). «Он был эпикурейцем», — писал о нем фра Салимбене в своей «Хронике», подчеркивая, что император и его окружение отыскивали и в самом священном писании доказательства несуществования будущей жизни.

120 *И кардинал...*— относится к Оттавиано дельи Убальдини, епископу Болоньи (1240—1244), умершему в 1273 г. Происходя из влиятельной гибеллинской семьи, он прослыл еретиком, неверящим в загробную жизнь. Якопо делла Лана из Болоньи, один из древнейших комментаторов «Божественной Комедии», приписывает кардиналу следующие слова: «Я могу сказать, что если душа действительно существует, то я ее потерял ради партии гибеллинов». Фарината, Кавальканти, император Фридрих, кардинал Убальдини были неверующими «эпикурейцами», но ни один из них не является в собственном смысле этого слова «ересиархом», как Пелагий, Арий, Нестор, византийские иконоборцы (не упомянутые в X песне).

130—132 *Когда ты вступишь в благодатный свет прекрасных глаз...*— Из этих стихов следовало бы, что Данте постигнет свою судьбу, внимая Беатриче в Раю. Но там объясняет ему его грядущий путь не Беатриче, а Каччагвида.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

¹ *Мы подошли к окраине обвала...*— обвала над седьмым кругом Ада.

8—9 *Здесь папа Анастасий заточен...*— Анастасий II попал в долину еретиков, несмотря на то, что в церковном предании — он святой. Однако существо-

вала и другая традиция. В сборнике канонов Грациана (Decretum, I, XIX, 9), который, вероятно, был известен Данте еще когда он учился в Болонье, сказано, что Анастасий (конец V в.) был поражен божьим гневом за то, что попал под влияние Фотина, дьякона из Фессалоник, последователя ереси Акакия (B. Nardi. Il canto XI dell'Inferno. В кн.: «Lecture dantesche». Firenze, 1962, p. 195).

- 17—18 *Лежат, как три ступени, Три круга...*— Три меньших круга — седьмой, восьмой и девятый сужаются, вмещая наиболее тяжких грешников. В XI песне Данте и Вергилий рассматривают подробно, как на богословском диспуте, систему грехов, караемых в Аду. Эта система отличается в значительной степени от принятой в католической церкви градации прегрешений.
- 21 *Узнай их грех и образ их мучений.*— Следует классификация грехов. Град Дит заключает в себе зло, совершенное сознательно и преднамеренно (ex electione), в то время как в верхнем Аду менее тяжелыми наказаниями караются сладострастие, обжорство, гнев. Худший из всех пороков — обман. Система моральных воззрений Данте восходит прежде всего — как показал Нарди — к VII книге «Никомаховой этики» Аристотеля, различающего три основных вида нарушений этических норм: *ἀκρασία* (невоздержанность), *κακία* (лукавая злоба), *φθρησις* (звериная свирепость). Аристотель отмечал, что невоздержанность не столь тяжкий недостаток, как лукавая злоба. О действии на человека скотской свирепости, уничтожающей в нем все высшие начала, см. в «Пире» (II, VII, 4; IV, VII, 12—14). Мысли Данте о нарушении этических норм восходят также к Цицерону: «Беззаконие совершается двумя способами: или насилем, или обманом. Обман подобен лисице, насилие — льву. Оба порока чужды истинной природе человека, но обман заслуживает большей ненависти» («Об обязанностях», I, 13). Насилие наказуется в седьмом круге, в первом поясе которого карается насилем над другими: убийство, грабеж, притеснения. Во втором поясе — самоубийство, а также мотовство и бессмысленное истребление имущества. В третьем поясе — богохульство, противоземельные грехи и лихоимство, нарушающие предназначенную гармонию и порядок мироздания. В восьмом круге подвергаются наказанию те, кто обманул лиц, им доверивших, начиная от сводников и лжецов до фальсификаторов. В последнем круге, среди вечных льдов, казнятся предатели родных (в Кайне), родины (в Антеноре), друзей (в Толомее) и благодетелей (в Джудекке).
- 50 *Каорса и Содом.*— Жители французского города Каор (Cahors, Кагор) были известны в средние века как ростовщики. Caorsino в Италии означало «ростовщик». Содом — город в бассейне Мертвого моря, за противоземельные пороки его жителей уничтоженный божьим гневом («Бытие», 19).
- 64 *Дит* — этим античным именем бога Ада Плутона Данте называет Люцифера.
- 76—77 *Как ты мог так отступить от здравого суждения?* — Вергилий строго укоряет Данте, впрочем, обращаясь не столько к нему, сколько к теологам средневековья. Теологи особенно строго осуждали сладострастие, которое считали пороком более тяжким, чем обжорство. Ни в Аду, ни в Чистилище Данте не придерживается этого мнения. Данте не осуждает так строго, как Фома Аквинский и другие богословы, еретиков.
- 95—96 *В чем ростовщик чернит своим пороком Любовь Творца.*— Ростовщичество было весьма распространено во Флоренции. Злостными ростовщиками были многие из семьи Кавальканти; ростовщичеством, весьма вероятно, занимался и отец Данте. Давали деньги в рост и дед Данте и его дядья, один из которых был менялой в Болонье. Порок стяжательства и лихоимства был

ненавистен поэту, доказывавшему, что Адам должен зарабатывать хлеб в поте лица своего. Данте исходил из слов апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» («Второе послание к фессалоникийцам», II, 10). Данте считал, что занимающийся ростовщичеством обесценивает труд человека, оскорбляет природу и божественные установления.

98 *Философ* — краткое обозначение в средние века величайшего из философов древности Аристотеля.

101 *И в Физике прочтешь...* — В оригинале: *И в твоей Физике*. Боккаччо комментирует: «твоя» указывает на то, что «Физика» Аристотеля была хорошо известна Данте. В стихе 80 Вергилий говорит о другом произведении Аристотеля «твоя Этика».

113—114 *Блеснули Рыбы над чертой востока, И Воз уже совсем над Кавром лег...* — Созвездие Рыб поднялось над горизонтом; созвездие Большой Медведицы — Воз находится в направлении Кавра, северо-западного ветра (лат. *Saugus*); это значит, что до восхода солнца немногим более двух часов.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

4—10 *Как ниже Тренто видится обвал...* — Данте сравнивает скат, засыпанный обломками скал между шестым и седьмым кругами Ада, с обвалом в горах на пути от Вероны к Тренто (Триден) по левой стороне течения реки Адидже. Возможно, что Данте видел этот обвал. Он упомянут в сочинении Альберта Великого «О метеорах» (III, 6), в котором этот средневековый ученый рассуждает о причинах землетрясений и эрозии. О горном обвале около Тридента пишет в своем комментарии сын Данте Пьетро Алигьери, хорошо знавший эту местность.

12—15 *Раскинувшись, лежал позор критян...* — Минотавр, рожденный Пасифайей, женою Миноса — «мнимой коровой» (см. О в и д и й. Метаморфозы, VIII). Чудовище с головою быка и телом человека представляет животную бессмысленную силу. Минотавр — хранитель седьмого круга, где казнятся убийцы и насильники.

17—20 *Ты думаешь, я здесь с Афинским дуком...* — т. е. с Тезеем, который победил и убил Минотавра, проникнув в лабиринт при помощи клубка ниток, который ему дала Ариадна (О в и д и й. Метаморфозы, VIII).

38 *Явился тот, кто столькож в небо взял...* — В Аду произошло землетрясение, когда умер, по евангельской легенде, Христос, который вывел из Лимба души ветхозаветных праведников, находившиеся в плену у Дита (Люцифера). См. «Ад», IV, 52—64.

41—43 *Что я подумал — мир любовь объяла, Которая, как некто полагал, Его и прежде в хаос обращала...* — Данте намекает на учение Эмпедокла Агригентского, известное ему, вероятно, из сочинений Аристотеля, не соглашавшегося с сицилийским мудрецом, учившим, что мир сотворен благодаря столкновению и противоположности четырех основных элементов: огня, воды, воздуха и земли; в случае их гармонизации (любви) все распадется, и вселенная вернется в состояние хаоса. Следовательно, Данте хочет сказать, что землетрясение в Аду, поразившее Вергилия, заставило его вспомнить учение Эмпедокла и подумать, что благодаря любви мир может прийти вновь в состояние хаоса.

47—48 *Течет поток кровавый...* — Это река Флегетон, образующая первый пояс седьмого круга, в ее кипящие волны погружены тираны, убийцы, грабители и насильники.

- 55—75 *Кентавры.*— Флегетон охраняют кентавры, поражающие стрелами грешников, которые высовываются из кипящих вод. Кентавры, так же как Минотавр, олицетворяют ярость и насилие. У Минотавра бычья голова на человеческом торсе, у кентавров — конские тела и человечески головы. Кентавры дифференцированы. Их предводитель — Хирон, отпрыск царя Иксиона и Облака (Нефеле), которое царь принял за богиню Геру. К нему Данте применяет эпитет «великий». Хирон, воспитатель Ахилла, мудр, благоразумен и представлен Данте в некоем античном величии (симпатии гуманиста!). Кентавр Несс отличается, как и в греческих мифах, раздражительностью и склонностью к насилию. Известно, что он хотел похитить жену Геракла Деяниру, но был поражен стрелой героя, отравленную кровью лернейской гидры. Умирая, Несс дал Деянире одежду, пропитанную его кровью, которая, по его словам, имела силу вернуть утраченную любовь. Когда Геракл влюбился в Иолу, Деянира послала ему одежду кентавра, и Геракл сошел с ума от боли и сжег сам себя на костре («Знаменитая месья» у Данте). Кентавр Фол прославился в легендах древности своими насилиями. На свадьбе Перифоя в царстве лапифов он похитил невесту и еще несколько женщин, которые были отбиты Гераклом и его спутниками.
- 68—89 *И та, чей я свершаю приговор, Сходя ко мне, прервала «Аллилуйя»:*— Беатриче, которая сошла в Лимб, прервав райские хваления.
- 104 *Кентавр сказал: «Здесь ни один тиран, Который жаждал золота и крови:..»*— В кровавый кипяток Флегетона погружены Александр, тиран из Фессалии, живший в IV в. до н. э., Дионисий Старый, тиран Сиракуз, умерший в 367 г. до н. э. после почти сорокалетнего правления. Оба они упомянуты в «Об обязанностях» Цицерона (II, 7—13) и в «Сокровище» Брунетто Латини (II, 119, 6). В дальнейшем перечислении встречаем графа Адзолино и Обиццо д'Эсте, синьора Феррары, задушенного, по рассказам современников, своим собственным сыном Адзо VIII. Граф Адзолино — самый знаменитый тиран Италии XIII в. Эдзелино да Романо (1194—1259). Будучи наместником императора Фридриха II, он подчинил себе Падую и значительную часть Ломбардии. Предгуманист Альбертино Муссато в латинской трагедии «Эцериинис» писал, что падуанский тиран был сыном дьявола. Эдзелино, по свидетельству Дж. Виллани («Хроника», VI, 72), уничтожил значительную часть населения Падуи, изгонял нобилей города и лишал их имущества, обрекая на нищенство. Он предавал граждан нестерпимым мукам и колебал все устои правосудия. О тиранах Италии, в частности об Адзо VIII Феррарском, см. «О народном красноречии», I, XII, 5.
- 118—120 *Мы видели — один вдали стоит...*— Из тиранов и насильников Данте выделил графа Ги де Монфора, наместника короля Карла I Анжуйского в Тоскане. В присутствии Карла и короля Франции Филиппа III во время богослужения в одной из церквей Витербо Монфор убил из мести брата английского короля Эдуарда I. Убийство осталось безнаказанным. Урна с сердцем убитого английского принца была помещена в чашу, установленную на колонне у моста через Темзу.
- 133—138 Второе перечисление тиранов.— Затем Данте упомянул Аттилу, короля гуннов (433—453), Пирра, вероятно, не знаменитого властителя Эпира, противника Рима (319—272 до н. э.), а сына Ахилла, убийцу Приама («Энеида», II, 506—558), затем Секста Помпея, сына Помпея Великого, который после смерти Цезаря стал морским пиратом (Лука и Фарсалия, VI, 420 и сл.). После Секста Помпея названы еще два разбойника, современники Данте: Риньер де Пацци, феодальный сеньор из Вальдарно, грабивший на

больших дорогах, ведущих в Ареццо и Флоренцию, в 1268 г. он был отлучен от церкви за убийство на дороге епископа Сильвензе, и Риньер Корнето, устранивший своими грабежами окрестности Рима.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

- 2—6 *Лес самоубийц.*— Перейдя через реку Флегетон, Данте и Вергилий очутились во втором поясе седьмого круга. Там простирается дикий лес, бесплодный и ядовитый — это лес самоубийц, души которых превращены в деревья.
- 8 *Чечине и Корнето.*— Чечина — маленькая река, впадающая в Средиземное море южнее Ливорно. Корнето — городок около Чивитавеккиа. Они ограничивают с севера и с юга тосканскую Маремму, нездоровую, болотистую и лесистую местность.
- 10—15 *Гарпии.*— Греческая мифология представляет их как хищных, ужасающего вида птиц:

Лица у птиц как у дев, течет извержение из чрева
Гнусное, руки с когтями и образ от голода вечно
Бледный...

(«Энеида», III, 216—218).

Они напали на спутников Энея на Строфадских островах в Ионическом море и предсказали Энею несчастья, ожидающие его в Италии. Отметим передачу поэтической фонетики в стихе 15: «Они тоскливо кличут по деревьям» (*fanno lamenti in su li alberi: strani*).

- 25—26 *Учителю, мне кажется, казалось, Что мне казалось...*— Повторение «казалось» интересно прежде всего как констатация известного психологического состояния. Этот прием восходит к поздней латинской риторике V—VI вв. так же, как анафора во второй терцине («Там бурных листьев... Там вьется в узел...»).

Риторическая элегантность стиля Данте родственна прозе Пьера делла Винья. Следует отказаться от мнения Де Санктиса о том, что риторические украшения в языке самоубийцы свидетельствуют об отсутствии «искренних чувств»; вряд ли верно также мнение Ф. д'Овидио о том, что Данте шаржировал язык сицилийского канцлера. Ф. Новати и затем Лео Шпитцер показали, что Данте вполне сознательно стремился сохранить характерные черты языка Пьера делла Винья. В песне передаются фонетическими средствами образы, относящиеся к метаморфозе несчастного канцлера Фридриха II: скрип и стоны дерева, шелест ветвей, попот листьев, завывание ветра, мешающиеся с голосом самоубийцы. См. L. Spitzer. «Inferno», Canto XIII.— «Lecture Dantesche», Firenze, 1962, p. 223—248.

- 81—89 *Тогда я руку протянул невольно К терновнику и отломил сучок;*...— Лео Шпитцер замечает, что самые невероятные, фантастические вещи Данте представляет с крайним реализмом, как бы заставляя нас поверить в реальное существование человека-растения. Первоначальный образ Данте восходит к Вергилию, который рассказывает о том, что Эней, приплыв к берегам когда-то дружественной Фракии, куда был отправлен троянский царевич Полидор с сокровищами, приносит на приморском холме, поросшем миртами, жертвоприношение Юпитеру. Эней пытался нарвать зеленых ветвей, чтобы украсить алтарь, но из подрубленных корней ствола выступает черными пятнами кровь, оскверняя землю. Это кровь царевича Полидора, убитого алчными и вероломными фракийцами, захватившими сокровища Трои. Упомянутая сцена «Энеиды» могла лишь навести Данте

на мысль о создании образа человека-растения. Трагизм Данте не был свойствен поэтам древности, особенно Овидию. Для анимизма греков не было ничего более естественного, чем переход от растений к животным, от животных к человеку. Дафна, преследуемая Аполлоном, превращалась в лавр (так и у Бернини), но у Данте происходило нарушение естественных законов, которым каралось нарушение законов моральных. Самоубийца насильственно разделял душу и тело и вместо тела получал другую плоть — растение, с которым так сжился, что клянется, как Пьер делла Винья в Аду, уже не головой, а своими девятью корнями.

- 40 *И как с конца палимое бревно...*— Поражает своей точностью сравнение поэтом бревна в костре, которое горит с одной стороны, а с другой источает слезы и трещит, с надломленным деревом, источающим слова и кровь.
- 58—63 *Я тот, кто оба сберегал ключа От сердца Федерика...*— Пьер делла Винья, родом из Капуи, был бедным юристом, который стал влиятельнейшим советником (протоногарием и логофетом) императора Фридриха II. Как и его государь, Пьер делла Винья писал итальянские стихи. В 1248 г. его оклеветали враги. Брошенный в тюрьму и ослепленный, он покончил с собою. Выражение «оба сберегал ключа» означает, что делла Винья мог склонить императора к милости и немилости. Образ Данте восходит к Книге пророка Исаи: «И ключ дома Давидова возложу на рамена его; отворит он, и никто не запрет; запрет он, и никто не отворит» (22, 22).
- 64—69 *Развратница, от кесарских палат Не отводящая очей глетворных...*— Эта перифраза означает просто — зависть.
- 72 *И правый стал перед собой не прав* — т. е. невинный, покончив жизнь самоубийством, совершил неправо дело.
- 101—102 *И гарпии, кормясь его листьями, Боль создают и боли той окно.*— Эту метафору следует истолковать так: сквозь сломанные ветви струятся кровь, стоны и слова деревьев-людей.
- 115 *И вот бегут, левее нас, нагие, Истерзанные двое...*— Один из них — сиенец Лано (Эрколано) Макони, известный своей расточительностью. Он был убит в битве с аретинцами при Пьеве дель Топпо в 1287 г. Второй из них (см. стихи 133—135) — некий Джакомо да Санто Андреа (местность близ Падуи), из дворянского рода Монселличе. Придворный императора Фридриха II, Джакомо был убит врагами. Он был известен неумеренной расточительностью и даже поджег одну из своих вилл, чтобы насладиться зрелищем пожара.
- 143—150 *Мой город — тот, где ради Иоанна Забыт быллой заступник...*— Первым покровителем Флоренции, по легенде, считался бог войны Марс. В христианские времена патроном города стал Иоанн Креститель, однако «искусство Марса» непрестанно мстит флорентийцам, побуждая их к войнам и раздорам. Марс уничижил бы саму Флоренцию, как полагали флорентийцы, если бы ему не был поставлен на Старом мосту через Арно (Понте Веккио) обломок какой-то статуи, которая, по традиции, считалась изображением бога войны. В 1333 г. во время наводнения статуя упала в реку (см. R. Davidson. Geschichte von Florenz, Bd. II. Berlin, 1908, S. 1156). Существовало также предание о том, что Атилла, царь гуннов, спалил Флоренцию до гла. На самом деле, Флоренцию осаждал вождь готов Тотила в 542 г.
- 151 *Я сам себя казнил в моем жилище.*— Неясно, к кому относятся слова неизвестного самоубийцы в конце XIII песни. Некоторые старые коммен-

таторы (Якопо делла Лана, Оттимо, Бамбальоли, Флорентийский Аноним) считали, что это был обедневший флорентийский судья Лотто дельи Альи, который повесился после того, как за деньги вынес несправедливый приговор, или идентифицировали убийцу с Рокко де'Модзи, разорившимся флорентийским богачом, покончившим с собой.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

- 2—3 *Я подобрал опавшие листья...*— Эти стихи относятся к самоубийце, упомянутому в конце XIII песни (ст. 142): «Сгребите листья к терну моему».
- 5 *Где третий пояс лез внутри второго...*— Третий пояс седьмого круга ограничен лесом самоубийц. Вокруг него течет кровавая река, в которую погружены насильники. Третий пояс — пустыня, на которую ниспадает огненный дождь.
- 14 *Катон.*— Здесь говорится о Катоне Утическом (I в. до н. э.), который с арьергардом войска Помпея перешел Ливийскую пустыню, спеша на встречу нумидийскому царю. См. Лукан. Фарсалия (IX, 382 и сл.).
- 22—24 *Кто был повержен навзничь, вверх лицом...*— Это богохульники; сидят не желавшие работать ростовщики, которые пользовались плодами чужих трудов; непрерывно движутся насильники над естеством — содомиты. Под содомитами подразумевались люди, предававшиеся разным половым извращениям. Эти пороки были столь распространены во Флоренции, что в Германии содомиты в это время назывались «die Florenzer». См. R. Davidson. Firenze ai tempi di Dante. Firenze, 1929, p. 569. Само название «содомиты» происходит от города, упомянутого в Библии. См. прим. «Ад», XI, 50.
- 31—36 *Как Александр, под знойными лучами...*— В одной из легенд об Александре Македонском рассказывается, что в пустынных пределах Индии Александр, видя, как на его войско падают огненные хлопья, приказал солдатам втаптывать в землю языки огня. Эту историю Данте почерпнул у Альберта Великого («О метеорах», I, IV, 8).
- 46—72 *Кто это, рослый, змуро так лежит...*— Под огненной вьюгой лежит «презрев пожар, палящий отовсюду», подобно Фаринате, презирающему Ад, гордец, один из семи предводителей греков, осаждавших Фивы, — Капаней. Стаций в «Фиваиде» говорил о презрении к богам Капаней, считавшего силу началом права; взойдя на стены Фив, он смеялся над Вакхом и Зевсом пугающим, по его словам, своими громами лишь детей. Разъяренный Зевс поразил ругателя молнией. И в Аду Капаней продолжает «богохульствовать». Любопытно, что Данте, как и многие гуманисты, идентифицирует античного Зевса с христианским богом-отцом. Капаней (не боясь анахронизма!) называет гору, где по античному преданию находились мастерские Гефеста-Вулкана, «монджибельской кузницей» (итальянское название Этны). Капаней вспоминает также Флегру, долину Фессалии, где титаны, столь же дерзкие, как он, восстали на Зевса и осадили небо.
- 79—83 *Как Буликаме убегает стоком...*— Этот горячий источник брал начало из маленького серного озера около Витербо. Его целебными водами пользовались еще с античных времен. Данте сравнивает с ним верхнее течение Флегетона.
- 94—114 *Критский старец.*— Данте рассказывает следующее: посреди моря находится остров Крит, где в незапамятные времена царствовал Сатурн, пожиривший своих детей. Так, в лесах на горе Иде, жена Сатурна Рея (Гея)

спрятала своего ребенка Зевса; когда мальчик плакал, она, чтоб Сатурн не услышал крика, приказывала своим слугам подымать страшный шум (отзвук античной легенды о корибантах). На горе Иде спиной к Дамьяте (в Египте дельта Нила) и лицом к Риму стоит «великий старец некий». Образ старца восходит к сновидению царя Навуходоносора, истолкованному пророком Даниилом: «У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные» («Книга пророка Даниила», 2, 31—35). Даниил предсказал вавилонскому владыке гибель его царства. Данте соединяет это библейское пророчество с античным преданием о золотом веке. Ср. четыре века человеческой истории в «Метаморфозах» Овидия (начало I песни). Дальше следует миф, созданный самим Данте на основании древних легенд. Критский старец рассечен от шеи вниз. Сквозь трещину струятся слезы; стекая вниз, они образуют подземные реки Ада Ахерон, Стикс и Флегетон и на его дне — ледяное озеро Коцит. Критский старец опирается на правую ступню из глины. Этот образ не имеет «исторического» смысла; он олицетворяет смену земных царств или эпох в истории человечества. В моральном смысле он означает падение человечества, рассеченного на двое, за исключением головы (начало разума). Критский старец означает также возрасты человечества, следуя античной традиции. При аналогическом толковании он указывает на прямую связь падшего человечества с Люцифером. Огненные слезы человечества превращаются в Флегетон и другие адские реки; застывая в Коците, они держат в ледяном плену самого владыку Ада. Почему Данте поместил на Крит Старца, олицетворяющего человечество, пораженное страшной раной, откуда течет кровь и вода в адские бездны? Эней считал Крит прародиной троянцев. Туда он приплыл со своими путниками из разрушенной Трои и там обосновался, но голос богов направил его в Италию, чтобы он там стал основателем всемирной империи («Энеида», III, 104—171). На Крите, колыбели человечества, некогда был золотой век, но настал век железный. Чтобы излечилась рана Старца и иссякли его слезы, образующие адские воды, необходима новая эпоха римской всемирной империи, новый золотой век. Поэтому взор критского Старца и устремлен к руинам Рима.— он ждет его обновления.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

4—12 *Как у фламандцев выстроен плот...*— Данте и Вергилий идут по каменной плотине над огненной рекой Флегетоном, защищенные парами от огненных хлопьев, падающих на грешников. Данте сравнивает адскую плотину с сооружениями против наводнения фламандцев от Брюгге (*Бруджа*) до Виссанта (*Гвидзант*), а также с плотиной падуанцев вдоль реки Бренты, защищающей долину от наводнения при таянии снегов в каринтийских Альпах (*Кьярангана*). Данте осторожно замечает, что ему неизвестен мастер, создавший адскую плотину (бог или дьявол?).

16—30 *Навстречу нам шли тени...*— Тени представлены с реальными подробностями свойственными художественной манере Данте. Они шурят глаза, как люди в новолуние, озирают друг друга, поводят бровями, «как старый швед, вдевая нить в иголку». Одна из теней, опознав Данте, хватает его за полу. Всмотриваясь в опаленный лик, Данте изумленно восклицает: «Вы, сэр Брунетто?» Эпическое описание превращается в драматическую встречу.

- 31—45 *И он: «Мой сын, тебе не неприятно, Чтобы, покинув остальных, с тобой Латиню чуточку прошел обратно?»* — Брунетто Латини, известный флорентийский писатель, городской нотариус (отсюда его титул «сэр»), сохраняет и в Аду отличавшие его при жизни обходительность и куртуазность. (Эти человеческие свойства не потерял и человек-дерево Пьер делла Винья). Брунетто Латини был учителем, вернее, руководителем Данте и многих других молодых флорентийцев, от него Данте воспринял интерес к науке о государстве и к писателям античности. Сэр Брунетто родился около 1220 г., умер в 1294 г. О том, что он был содомитом, мы впервые узнаем от Данте. Несмотря на этот тяжкий порок, Данте сохранил глубокое уважение к своему учителю. Он идет по плотине на некотором расстоянии от Брунетто Латини, поникнув головой, и почтительно слушает его речи. Мы видим снова расхождение Данте, моралиста и богослова, с поэтом. Он осуждает своего любимого учителя на вечные муки и в то же время сострадает ему: «Горек мне сейчас ваш отчий образ, милый и сердечный» (ст. 82—83). Эта двойственность не умаляет, а усиливает художественную силу эпизода.
- 55—69 *Звезде твоей доверься...* — Следует предсказание Брунетто, третье после предсказаний Чакко и Фаринаты, о судьбе Данте. Ученик Латини должен довериться своей звезде — Близнецам, под знаком которых он родился и тем был предназначен, по астрологическим представлениям XIII в., к занятиям искусством и наукой. По преданию, римляне основали Флоренцию после того, как победили Катилину (I в. до н. э.) и переселили туда жителей Фьезоле, отличавшихся злым и буйным нравом. Эта легенда излагается в «Сокровище» Брунетто Латини (I, I, 37) и в «Хронике» Виллани. Данте возводит свой род к основателям Флоренции — римлянам и считает, что раздоры во Флоренции наступили из-за влияния злобных потомков фьезоланцев.
- 70 *В обоих станах, увидав твой труд, Тебя взалкают...* — т. е. и Черные и Белые гвельфы возненавидят Данте в одинаковой степени и будут стремиться его уничтожить.
- 72 *И ключи их травы не зацепнут.* — Ни одной партии не удастся расправиться с Данте. Латини пересыпает свою речь народными поговорками. Отметим также стих 67: «Слепыми их прозвали изначала». Смысл: флорентийцев называют слепыми, так как они поддались лживым словам Тотилы. Они впустили его в город, который готский король разрушил, «и поэтому всегда впоследствии их в пословице называли слепыми» (Виллани. Хроника, II, 1). Пословицей являются также стихи 65—66.
- 88 *Я вашу речь запечатлел...* — Данте уверяет Брунетто Латини, что он сохранит в памяти его предсказание, так же, как он сохранил другие. Последнее и самое длинное предсказание о будущем Данте услышит в Раю, не от Беатриче, а от Каччагвиды, что указывает на некоторое изменение первоначального плана поэмы.
- 92—94 *Я в сужденный миг Готов на все, что предрекли светила.* — Данте проявляет стойческое отношение к грядущему (ср. с четвертым трактатом «Пира»).
- 101—115 *На мой вопрос, кто из его собратьев Особенно высок и знаменит.* — Содомисты в третьем поясе седьмого круга проходят группами. Вместе с сэром Брунетто находятся ученые и клирики. Брунетто называет лишь известного латинского грамматика Пресциана из Кесарии (VI в.), Франческо д'Аккурсо (Аккурсий, 1225—1293), одного из самых почитаемых профессоров права в Болонье, преподававшего также в Оксфорде, затем Андреа де'Модзи, епископа Флоренции в конце XIII в. Чтобы избавиться от него флорен-

тийцев, возмущенных развратной жизнью своего пастыря, Бонифаций VIII (папа не назван, он именуется «рабом рабов божьих» — так подписывались папы, и в этом выражении нет иронии) перевел де'Модзи епископом в Виценцу, расположенную на реке Баккильоне. Бенвенуто д'Имола называет Андреа де'Модзи «большим скотом» (*Magnus bestionus*). Боккаччо сообщал о том, что Бонифаций VIII был принужден удалить епископа из Флоренции по настояниям брата епископа — Томмазо.

119 *Храни мой Клад, я в нем живым остался;*... — Брунетто Латини просит Данте заботиться о славе главного своего произведения — *Клада* — «Книге Сокровища» (*«Li Livres dou Tresor»*), написанного по-французски. Остроумно, но далеко не убедительно современный французский дантолог Анри Пезар в специальном исследовании, посвященном XV песне «Ада», стремился доказать, что содомия Брунетто Латини является в понимании Данте не плотским грехом, а грехом лингвистическим, т. к. Данте якобы ставил в упрек Латини, что он мешал итальянский язык с французским.

121 *Он обернулся и бегом помчался...* — Данте сравнивает бег сэра Брунетто, бросившегося догонять своих со товарищей, чтобы избежать наказания, с соизнанием бегунов, которое он видел в первое воскресение великого поста неизвестного нам года со стен Вероны. Победители веронских народных бегов, учрежденных в 1207 г., получали отрез лучшего зеленого сукна в шесть локтей, а прибежавший последним — петуха, которого должен был под насмешливые возгласы зрителей пронести через город.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

4—64

Когда три тени отделились вдруг... — Эти грешники также флорентийцы. Данте стремится подчеркнуть, что казнимые в этом круге пользуются большой известностью на земле. Он им сочувствует, но это сочувствие нередко перебивается иронией (нет и следа иронии в эпизодах Франчески или Фаринаты). Данте встречает своих земляков, прославившихся как военачальники и политические деятели.

Грешные тени восклицают, что они опознали по одежде, что Данте пришел «из города порока» (Боккаччо заметил, что в это время каждый город отличался от других своей манерой одеваться). Три флорентийских грешника под ударами огненного дождя бегают по кольцу, и Данте их сравнивает с голыми атлетами, которые кружатся по арене. Один из них звался на земле Гвидо Гверра и происходил из мощной феодальной семьи графов Гвиди. Он родился около 1220 г., умер в 1272 г. и был одним из гвельфских военачальников Флоренции, которого прославляли составители хроник. Второй — Теггьяйо Альдобранди дельи Адимари, известный градоправитель, принадлежавший к партии гвельфов, пользовавшийся большим авторитетом в Тоскане. Третий обратившийся к Данте звался Якопо Рустикуччи — богатый гражданин, о котором сохранились документы 1235—1266 гг., родич Кавальканти. Его жена столь ему досадила, комментирует Флорентийский Аноним, что Рустикуччи отослал ее обратно к родителям, а сам из ненависти к женщинам предался содомии. Тень его вопрошает, действительно ли куртуазия и высокие качества удалились из Флоренции. Недавно прибывший в это адское общество за те же грехи кавалер Гульельмо Борсиере, которого Боккаччо выводит в «Декамероне» (I, 8) и хвалит за его любовь и придворную ловкость (в комментарии к «Божественной Комедии»), жалуется на печальное состояние родного города. Данте на это вскричал, что Флоренция предана беспутству и алчности новых пришельцев. Поблагодарив его весьма куртуазно, тени трех флорентийских содоми-

- тов помчались дальше под огненными хлопьями «и ноги их казались мне крыльями», — замечает Данте.
- 91—105 *И скоро Послышался так близко грохот вод...* — Данте и Вергилий подходят к самому обрыву, на дне которого расположен восьмой круг. Флегетон низвергается со страшным шумом со скал. Данте сравнивает водопад Флегетона с каскадом реки Монтоне около Сан-Бенедетто в эмилианских Апеннинах. Эта река течет от Монвизо (Монте-Везо) на восток и первая, считая с севера, вливается в Адриатическое море. Данте говорит, что Монтоне называется в своих верховьях Аквакета, что не совсем верно, так как эта последняя — одна из трех рек, образующих Монтоне. Именно Аквакета образует водопад около Сан-Бенедетто.
- 106—114 *Стан у меня веревкой был обвит; Я думал ею рысь поймать когда-то, Которой мех так весело блестит.* — Никто из новейших комментаторов «Божественной Комедии» уже не считает, что Данте принадлежал к третьему ордену францисканцев, и веревкой, которой подпоясывались члены францисканского братства, приманивал из бездны чудовище Герiona. Древнейшие комментаторы видели связь между рысью I песни и Герионом, но изъяснить ее сколь-либо толково не смогли. Следует признаться, что и современные комментаторы до сих пор не смогли достаточно ясно определить значение таинственной веревки, которой был препоясан Данте. Порена справедливо указал, что веревка была брошена Вергилием (символом разума) в бездну не для того, чтобы покорить Герiona или изловить его, но чтобы его приманить и заставить чудовище перенести позтов в восьмой круг. Вергилий должен вступить с ним в особые переговоры, и не веревка Данте, а слова Вергилия покоряют Герiona. Бруно Нарди высказал предположение, что веревка Данте означает воздержание, когда оно направлено против рыси (сладострастия), и правду и правосудие, когда оно направлено против Герiona — воплощение Обмана. («Nuovo Giornale Dantesco». Firenze, 1918, II, № 2). Заслуживает внимания предположение Р. Иона («Dante». Wien, 1946, S. 141) о том, что Данте был препоясан веревкой тамплиеров. Однако его объяснение, почему перевязь тамплиеров привлекла Герiona, не может быть признано удовлетворительным. Заметим, что Герion подымается к краю пропасти не в том месте, где его манит Вергилий при помощи веревки Данте, а правее, около того рубежа, где сидят наиболее тяжкие нарушители законов бога и природы — ростовщики. Быть может, следует предположить, что тамплиерская веревка инстинктивно привлекла Герiona в сторону «финансовых дельцов» — как известно, тамплиеры были банкирами европейских государей. По-видимому, магическая операция Вергилия и Данте заключалась в том, чтобы силою Разума заманить, обмануть и подчинить своим высшим целям самый Обман — Герiona.
- 124 *Мы истину, похожую на ложь, Должны хранить...* — Данте подчеркивает, что трудно говорить о том, что многие не могут понять как следует и примут за ложь, однако он не может и не смеет молчать, даже рискуя, что ему не поверят сразу. Его поэтический образ, созданный фантазией, не имеющей себе равной в мировой поэзии, содержит, как он утверждает, несомненную моральную истину, в которую читатель должен проникнуть.
- 127—128 *Стихами Моей Комедии клянусь...* — Здесь впервые Данте называет свое произведение Комедией. В его терминологии комедия отличается от трагедии прежде всего содержанием. Трагедия имеет спокойное начало и вызывающий ужас конец. Комедия — наоборот, начинается ужасающе и кончается благополучно. (См. письмо Данте к Кан Гранде). Разница также в стилях: возвышенный и высокий в трагедиях, и обычный — в комедиях

(см. трактат «О народном красноречии», II, II; II, IV). Во времена Данте термины «трагедия» и «комедия» еще не имели ни античного, ни современного значения. Следует заметить, что в начале XXV песни «Рая» Данте называет свое произведение «поэмою священной, отмеченной и небом и землей».

- 130 *Я видел...*— Данте прибегает дальше к сравнению фантастического с явлениями реальными, следуя своей неизменной манере: Герийон подплывает к обрыву как водолаз, который освободил застрявший на дне якорь корабля.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

- 1—15 *Вот острохвостый зверь...*— Появляется Герийон, перелетающий горы, ломающий стены укрепленных городов. Он *засмердил* весь мир (*che tutto'l mondo aruzzza!*). Данте называет чудовище Герийоном. У Вергилия («Энеида», VIII, 202) и Овидия («Героиды», IX, 91—92) Герийон — гигантский трехголовый царь заокеанского острова Эрифея, убитый Гераклом. Примечательно описание Герийона в «Генеалогии богов» Боккаччо: это бесчеловечный царь Балеарских островов, чье лицо милостиво и любезно; он приветливо встречает своих гостей, очаровывает и обманывает их, а затем убивает. Из всех чудовищ Ада, полулюдей-полуживотных (минотавра, кентавров, гарпий) Герийон представлен как самое ужасающее и отвратительное; особенно ясно выражен контраст между его величественным и приветливым лицом и страшным телом дракона, чей хвост со смертельным жалом скорпиона скрывается в бездне: такова природа Обмана.
- 16—17 *Пестрей основь... ни турок, ни татарин не сплетает;...*— Во времена Данте в Италии дивились восточным, главным образом китайским тканям, привезенным Марко Поло и другими путешественниками с Востока. Обычно китайские шелка назывались в Европе татарскими, они отличались переливом цветов, богатством оттенков и шитья. См. P. T o u n b e e. *Dante Studies and researches*. London, 1902, p. 115—120.
- 18 *Арахна* — молодая лидийская ткачиха, которая превзошла в искусстве тканья Афины. Разгневанная богиня превратила ее в паука (Овидий. *Метаморфозы*, VI, 5—145).
- 34—54 *Приблизясь, я увидел недали Толпу людей...*— Данте направляется вправо от того места, где была брошена веревка и вступает в разговор с ростовщиками, пока Вергилий переговаривается с Герийоном. Ростовщики сидят у обрыва, молчат и обороняются руками от огня и раскаленного песка. Данте сравнивает их с собаками, которые летом отгоняют навязчивых насекомых.
- 55 *У каждого на грудь мошна свисала...*— С кошельками и с книгами, в которые заносились имена должников, заседали в городах Тосканы менялы и ростовщики. Профессии эти были весьма распространенными в Италии XIII—XIV вв. Богатство граждан Флоренции было в значительной степени основано на ростовщичестве. Богатство и мощь семьи Кавальканти зиждились на тех землях, которые окрестные феодалы принуждены были им уступить за долги.
- 58 *Так, на одном я увидал кисет...*— Данте изобразил свисавшие на грудь ростовщиков мошны с их гербами, по которым можно было определить, к какому роду они принадлежали. Сумка с лазурным львом на желтом поле — герб фамилии Черных гвельфов Джанфилиаццы. Все представители

этой семьи были, по свидетельству Якопо делла Лана, величайшими ростовщиками. По словам Оттимо, Данте поместил одного из этой семьи, мессера Кателло ди Россо Джанфилиадца как представителя всех остальных, которых постигнет та же участь. Мессер Джанфилиадца вместе со своими родственниками занимался ростовщицеством во Франции; он умер около 1283 г.

- ⁶¹ *А на другом...*— На мошне другого ростовщика изображен белый гусь на красном поле — герб знатной гибеллинской семьи Уббриаки, также занимавшейся злостным ростовщицеством по всей Италии и даже в Сицилии.
- ^{64—68} *Один, чей белый кошелек являл Свинью...*— Голубая свинья на белом поле — герб известной падуанской семьи дельи Скровиньи, насчитывавшей также многих ростовщиков. Падуанец говорит, что дожидается своего земляка Витальяно, вероятно, подеста Витальяно дель Денте.
- ^{72—73} *Где наш вожак С тремя козлами...*— Вожакom своим ростовщики считают флорентийца Джованни Буйямонте (умер в 1310 г.), в его гербе изображены три козла.
- ^{79—136} *Тем временем мой вождь успел взобраться Дурному зверю на спину...*— Данте садится на спину Герiona позади Вергилия, защищающего его от острого хвоста чудовища. С предельной смелостью воображения Данте описывает полет над адской бездной. Как всегда, он прибегает к сравнениям фантастического с действительностью, сравнивая Герiona то с ладьей, то с угрем, то с соколом. Он прибегает также к мифологическим сравнениям, вспоминая полет Фаэтона, сына Аполлона, который не смог сдержать коней небесной колесницы своего отца и пал на землю, пораженный молнией Зевса (Овидий. *Метаморфозы*, II), а также Икара, чьи скрепленные воском крылья при полете с острова Крита растопило солнце («*Метаморфозы*», VIII, 183 и сл.). Быстрота полета становится ему ясна только при посадке, когда он видит дно восьмого круга: «*Тут я в первый раз постиг спуск и круженье*». Во время полета из-за отсутствия ориентиров ему кажется, что зверь неспешно реет — «*кругом одна Пустая бездна воздуха чернеет И только зверя высятся спина*». Когда поэты сошли со своего адского воздушного корабля, Герion взмыл и исчез, как «*с тетины стрела*». Отметим, что Данте вторично сравнивает в «Аде» предельную скорость с полетом стрелы (см. также «Ад», VIII, 13—15 — челн Флегия).

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

- ^{4—18} *Есть место в преисподней, Злые Щели...*— Так называет Данте восьмой круг Ада, где находятся глубокие рвы или «Злые Щели» (слово, им самим изобретенное, — *Malebolge*). Восьмой круг описан в двенадцати песнях, т. е. ему посвящена более чем третья часть всех песен «Ада». Топография восьмого круга следующая: от первого возвышения, идущего кругом под обрывом, над которым находится скала, отделяющая его от седьмого круга, идут каменные мосты радиусами к центру — глубокому каменному колодуу гигантов, спускающемуся к самой нижней бездне Ада (девятый круг), где находится Люцифер. 10 рвов и 10 плотин между ними расположены концентрическими кругами. Таким образом, своды мостов пересекают все плотины (в русском переводе: валы, впадины, перекаты) и возвышаются над рвами (щелями) с выгнутыми откосами. Начинается путь Данте и Вергилия по восьмому кругу. Сначала поэты идут, повернув налево, по плотине вдоль первого рва. Встретив мост, они

- сворачивают направо и следуют по нему, дважды спускаясь в щели: в третью, чтобы посмотреть на папу Николая III, и в шестую, над которой мост сломан, чтобы продолжить свой путь по соседнему мосту слева, пока не приходит к возвышению над десятым рвом у самого обрыва в центральный колодец.
- 22—39 *Первый ров.*— Начиная свой путь вдоль первого рва, Данте видит на дне две шеренги людей, движущихся в разные стороны: более близкая в сторону поэтов, а вторая — в обратную. Данте сравнивает это необычное зрелище с тем, что он когда-то видел, а именно с римлянами, разгородившими мост, ведущий в Ватикан: по одной (правой) стороне народ шел в собор св. Петра и к замку св. Ангела, а по другой (левой) в противоположную сторону, к Монте Джордано. Первый ряд грешников — сводники. Их бичуют бесы.
- 46—59 *Венедико Каччанемико.*— Данте с трудом узнает одного из бичуемых; это Венедико Каччанемико, знатный болонец, гвельф, родившийся омоло 1228 г. и бывший градоправителем в Милане, Модене и других городах-республиках Италии. Он умер в 1302 г., но Данте полагал, что смерть его похитила до 1300 г. Каччанемико поддерживал притязания синьоров Феррары на Болонью. Очевидно, скорее по причинам политическим, чем из-за денег, он принудил свою сестру Гизолабеллу стать любовницей феррарского маркиза Обиццо II д'Эсте (см. «Ад», XII, 111). Данте, вероятно, видел мессера Венедико, когда был студентом в Болонье в 80-х годах XIII в. Данте относится к нему с безжалостной иронией. Он спрашивает, чем мессер Венедико, избиваемый дьяволами, «заслужил приправу столь крутую?» Итал. *salse* действительно означает «приправу», но также — в непередаваемой на другом языке игре слов — то место за чертой города Болоньи, где во времена Данте бросали трупы казненных преступников и самоубийц. «Быть брошенным в *Salse*» — стало поговоркой в Болонье. Об этом пишет Бенвенуто д'Имола, который в 1375 г. читал курс лекций о «Божественной Комедии» в Болонье. (Местоположение *Salse* за церковью Санта Мария ин Монте описано весьма подробно у А. Бассермана («Dantes Spuren in Italien». München — Leipzig, 1898, S. 185—187). Данте уверяет, что в первый ров набилось столько сводников-болонцев, что их число превышает все население их родного города.
- 60—61 *Что столько языков не наберут Меж Савеной и Рено молвить *sira*...*— т. е. между реками Савена (лат. Сарпина) и Рено, где расположена Болонья. Там говорят на диалекте *sira* вместо общепитальянского *sia* (совр. болонское — *sera*, 3-е лицо конъюнктива от глагола «быть»). Эти реки упомянуты и в эклогах, которыми обменивались Данте и болонский профессор Джованни дель Вирджилио: «Там, где под влажным холмом встречаются Сарпина с Реном, резвые нимфы...» (вторая эклога дель Вирджилио, ст. 1—2).
- 70—96 *Под древний мост спешила вереница Второго ряда...*— Во втором ряду грешников — соблазнитель женщин, Вергилий показывает с моста, глядя вниз, героя древности, предводителя аргонавтов Ясона, похитившего золотое руно Колхиды (Овидий. Метаморфозы, VII, 1—158). Данте снова соединяет героев древности со своими современниками. Язычники античности терпят те же кары, что и христиане XIII—XIV вв. На острове Лемносе Ясон соблазнил дочь царя Фоанта Гипсипилу, обманом спасшую своего отца от женщин, которые истребили всех мужчин Лемноса. Ясон бросил Гипсипилу с двумя сыновьями, а затем оставил также дочь царя Колхиды Медею из-за любви к Креузе (см. Стаций. Фиваида, V, 404 и сл.;

- О в и д и й. Героиды, VI и Валерий Флакк. Аргонавтика, II, 77—425). Путешествие аргонавтов упомянуто Данте с восхищением гуманиста в «Рае» (XXXIII, 95—96). Ср. также ст. 85 комментируемой песни: «Как полон он величества былого!». См. N. Saregno. Das Schiff der Argonauten. Bern, 1950, S. 398—428.
- 100—114 *Второй ров.*— Данте видит во втором рве льстецов, хрюкающих, как свиньи. Откосы рва покрывает некий тягучий клей (деготь). Со дна идет страшный смрад. Данте не жалеет самых «натуралистических» выражений, называя вещи своими именами. Лексика Данте становится простонародной, обиходной, грубо-откровенной, звуки слов жесткими, избыточными столкновениями согласных. Переводчик даже несколько смягчает резкость выражений оригинала.
- 115—126 *Алессио Ингерминелли.*— Об этом грешнике, погрязшем в вонючем болоте, нам известно очень мало. Он присоединился к Белым гвельфам в Лукке и был еще жив в 1295 г. К этому льстецу, которого Данте знал лично, он не чувствует никакого сожаления. Выражения Данте снова простонародны: «себя темяша по башке» (в ориг.— «по тыкве»), «облюбовал меня» (в ориг.— «глазеешь на меня»), дерьмо (в ориг.— merda).
- 130—135 *Косматая и гнусная паскуда Фаида.*— куртизанка из комедии «Евнух» Теренция, отличалась грубой лезтью. Данте приписал куртизанке слова сводника Гнатона, из чего следует, что он знал комедию. Теренция, может быть, из цитат Цицерона («О дружбе», 26), а вероятнее всего из сочинений Иоанна из Солсбери. См. P. Renucci. Une source de Dante, le Policraticus de Jean de Salisbury. Paris, 1950, p. 39; E. Parodi. «Bulletino della Societa Dantesca». Firenze, 1948, VIII, p. 283.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

- 1—6 *О Симон Волхв, о присных сонм злосчастный...*— В третьем рве казнятся те, кто торговал церковными должностями и обогащался имуществом, вверенным церкви. Эта песня — одна из самых злых сатир Данте против подкупности, алчности и развращенных нравов римской церкви его времени. Праотцем всех святокупцев считался Симон Волхв, который хотел купить за деньги у апостолов Петра и Иоанна их духовную силу для своих магических целей (отсюда «симония») и был проклят за это Петром («Деяния апостолов», 8, 9). Данте приводит примеры лишь ему современные, особенно обрушиваясь на своих врагов — пап Бонифация VIII и Климента V.
- 14—21 *Я увидел неисчислимый ряд Округлых скважин в камне сероватом.*— Эти скважины, предназначенные для святокупцев, Данте сравнивает с купелями, наполненными водой в соборе св. Иоанна во Флоренции. Поэт говорит, что недавно он разбил одну из этих купелей, чтобы спасти тонущего в ней. Это его заявление должно рассеять мнение думающих иначе (т. е. полагающих, что он поступил неправильно). Вероятно, эти стихи имеют также аллегорический смысл, который от нас ускользает. Комментаторы XIV в. — Бенвенуто д'Имола, а также Оттимо дают более или менее удовлетворительное объяснение: какой-то ребенок упал в купель и стал тонуть. Данте разбил купель, чтобы выпустить воду; это не было святотатством.
- 22—51 *Ямы третьего рва.*— Из них торчат вверх ногами грешники, над ступнями их змеится огонь. Вергилий сносит Данте на руках вниз по обрывистому откосу в третий ров. Там из одной ямы торчат ноги поверженного во

тзму, вкопанного как свая, папы Николая III Орсини, умершего 22 мая 1280 г. Данте склонился над ним, как духовник над убийцей (тяжких преступников в Италии этого времени закапывали головой в землю).

52—81

Папа Николай III.— Услышав голос Данте, Николай III решил, что это папа Бонифаций VIII, пришедший его сменить за три года до срока (Бонифаций умер в 1303 г.), т. е. что Бонифацию за его деяния еще при жизни уготован Ад, ибо он обманул «лучшую средь жен» — церковь. Папа Николай III из аристократической римской семьи Орсини (Orso — по-итальянски «медведь»), слишком заботился о своих родственниках-«медвежатах» и в их пользу обирал церковь. Папа Николай замечает, что и в других щелях набилось много церковных торгашей, его предшественников.

62

Затем что вслед, всех в скверне обогнав, Придет с заката пастырь без закона...— Здесь первое упоминание папы Климента V (1305—1314), родом гасконца, покровителя своих многочисленных родственников, расхитителя церковных имуществ, ставленника французского короля Филиппа Красивого. Климент V перенес папский престол в Авиньон, санкционировал уничтожение ордена тамплиеров, предал императора Генриха VII. Дж. Виллани так говорит о нем в своей «Хронике» (IX, 59): «Человек, жадный до денег, торгующий церковными должностями; при его дворе можно было купить любую церковную бенефицию». Ненависть к этому папе, которого в последних словах, обращенных к Данте, осуждает Беатриче («Рай», XXX, 142—148) была в сердце Данте сильнее, чем даже к папе Бонифацию VIII. См. также «Чистилище», XXXII, 148; XXXIII, 44; «Рай», XVII, 82, XXVII, 58.

65—87

Как, в Маккавейских книгах, Иасона Лелея царь...— Король Франции Филипп Красивый будет покровительствовать новому Иасону — папе Клименту V. Иасон — иудейский первосвященник, купил свою должность, заплатив сирийскому царю Антиоху Епифану более 360 талантов серебром. Народ возненавидел первосвященника за его пороки («Вторая книга Маккавеев», 4, 7—26).

88—114

Инвектива Данте.— Данте говорит о том, что апостолы и первые папы не покупали церковных должностей, а современные пастыри растлили христианскую церковь. Данте советует Николаю III сохранить и в Аду те грешные деньги, которые он предлагал Карлу I Анжуйскому, королю Неаполя. Папа получил в 1280 г. значительную сумму от византийского императора, чтобы бороться с неаполитанским королем. Папа Николай возненавидел Карла I за то, что король отверг его предложение заключить союз, закрепив его женитьбой на одной из его родственниц.

115—117

Обращение к императору Константину.— Перевод в прозе: «О, Константин, какое зло породило не твое обращение в христианство, но тот дар, который от тебя принял первый богатый пастырь». Западная церковь, по мнению Данте, стала греховой с тех пор, как император Константин I (274—337), перенеся свою столицу в Византию, подарил будто бы папе Сильвестру I, который, как гласит легенда, исцелил его от проказы («Ад», XXVII, 94—95), город Рим и окрестные области и даже права на светскую власть на всем Западе. В VIII в. появился подложный акт о так называемом «даре Константина». Только в XV в. гуманист Лоренцо Валла убедительно доказал, что этот акт — фальсификат. Данте, не сомневаясь в подлинности акта, считал его величайшим бедствием для человечества и отвергал его законность. Он писал в «Монархии»: «Константин не мог отчуждать права и прерогативы империи, а церковь принимать их... Никому недозволено делать, основываясь на вверенной ему должности, то, что этой должности противоречит... Но праву человеческому противно, если империя сама себя

разрушает; следовательно, империи не подобает разрушать саму себя. Коль скоро, стало быть, рассекать империю значит разрушать ее, ибо империя заключается в единстве всемирной монархии, то ясно, что тому, кто наделен императорской властью, рассекать империю не подобает» (III, 10). Данте считает, что император предназначен для империи, а не империя — для императора. Кроме того, церковь не имела права принять светскую власть и обогащаться, так как у евангелиста Матфея сказано: «Не имейте ни золота, ни серебра, ни меди в поясах ваших, ни сумы на дорогу» (10, 9—10). Поэтому, если даже император принес в дар богатства и земную власть, то церковь по самой своей сущности не имела права их принимать. Такие идеи находим в XIII—XIV вв. у иоакимитов, у францисканских фратичелли, которые поддерживали антипапскую политику гибеллинов. Известный французский юрист Пьер Дюбуа в период борьбы Филиппа Красивого с Бонифацием VIII объявил, что «дар Константина» не имеет юридической силы. Папа должен уступить французскому королю свои области и стать его иждивенцем. Задолго до этого Бернард Клервоский и Иоаким Флорский в XII в., не отрицая юридически дара Константина, считали светскую власть нежелательной для церкви. Еще раньше, при дворе императора Оттона III (983—1002) распространилось мнение, что «дар Константина» — не что иное как «ложь и басня еретиков». С юридической точки зрения отрицали светскую власть пап болонские легисты, а также ученик Болоньи и Парижа Чино да Пистойя, друг Данте. Религиозные реформаторы XII—XIV вв. — последователи Арнальдо Брешианского — катары, вальденцы считали владения папы Сильвестра — даром антихриста. См. В. Nardi. La «Donatio Constantini» e Dante. — В кн.: «Nel Mondo di Dante», Roma, 1944, p. 131—136.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

- 1—15 *О новой муке повествую ныне В двадцатой песни первой из канцон...* — Данте повествует о том, что он видел в четвертом рве, где казнятся прорицатели и занимающиеся волшебством. Они поражены немотой, головы их свернуты на спину, грешники пятятся назад и никогда не видят прямо, движение их медленно, как у участников церковного шествия (литании).
- 25 *Я плакал...* — Данте сначала преисполнился сожаления к этим грешникам, но Вергилий заметил, что здесь истинное сострадание живо, если оно отсутствует. Не следует роптать на божий суд. Вергилий особенно строг и безжалостен к магам и прорицателям — по-видимому, Данте стремился оградить автора «Энеиды» от средневековой репутации чародея. В его поэме Вергилий — мудрец, учитель, великий эпический поэт.
- 31—39 *Амфиарай.* — Вергилий показывает Данте одного из греческих вождей, который осаждал Фивы — Амфиарая, царя Аргоса, обладавшего даром провидения. Нагадав, что погибнет при осаде, Амфиарай стремился уклониться от войны и спрятался в укромное место, хотя был человеком храбрым и участвовал в охоте на калидонского кабана и в экспедиции аргонавтов. Жена Амфиарая Эрифилла выдала Полинику убежище своего мужа, и он принужден был принять участие в битве. Стадий в «Фиваиде» (VII, 690—893) рассказывает о гибели царя Аргоса, пораженного молнией Зевса. Его поглотила вместе с колесницей земля на глазах издававшихся над ним со стен осажденного города противников.
- 40—45 *Тиресий* — фиванский прорицатель, по легенде, рассказанной Овидием («Метаморфозы», III, 324 и сл.), разделил своим жезлом двух сочetaвшихся

- змея, за что был превращен в женщину. Чтобы снова обрасти бородой («мужские перья») и стать мужчиной, он должен был снова коснуться железом клубка змей.
- 46—51 *Арунс* (или *Арунт*) — этрусский прорицатель, как рассказывает Лукан в «Фарсалии» (I, 584—587), был призван в Рим из пустынных пределов Луни во время второй войны между Цезарем и Помпеем, чтобы предсказать ее исход. Он гадал по молниям, по полету птиц и по внутренностям жертвенных животных. В Луниджане (Луни) Данте жил при дворе маркизов Маласпина в 1307—1308 г. Древний этрусский город лежал в это время в руинах. В горах близ них находятся знаменитые каменоломни каррарского мрамора.
- 52—60 *Манто́*.— После смерти своего отца Тиресия, когда в Фивах — городе Вакха — воцарился тиран Креонт, Манто удалилась в Италию и пришла в «родные места» Вергилия, т. е. в область будущей Мантуи.
- 61—72 *Там, наверху, в Италии прекрасной...*— Отметим, что Данте ощущает своей родиной не только Флоренцию и Тоскану, но всю Италию. Следует описание северных границ владений веронских делла Скала, гостеприимством которых Данте пользовался. На границе Маньи (Аллеманьи — старое итальянское название Германии), у подножья Пеннинских Альп (или *Алпес Ареппинае* — название, часто применяемое в средние века для всей цепи Альп) «спит Бенако ясный» (Бенако, лат. *Benacus*) — другое название озера Гарда. Около г. Мерано находился замок Тиралли, резиденция тирольских графов. Долины Валькамбоника (в настоящее время дель Ольо) и Апеннин орошаются тысячами ручьев, впадающих в озеро Гарда. Посреди озера находится остров деи Фрати (в настоящее время — Леки). Церковь св. Маргариты, расположенная на острове, была в юрисдикции трех епископов: Тренто, Брешии и Вероны. Чтобы предотвратить нападение Брешии и Вергамо, правители Вероны выстроили мощный замок Пескьера на берегу озера Гарда. Судя по живому описанию этих мест, Данте посетил их во время своего пребывания в Вероне.
- 76—81 *Минчо*.— Затем Данте описывает течение реки Минчо, притока По, берущей начало в озере Гарда. Середина реки заболочена и опасна летом, как рассадник малярии. На реке Минчо стоит город Мантуя.
- 82—93 Основание Мантуи.— «Безжалостная дева» — Манто́, дочь Тиресия, обосновалась среди болот реки Минчо вместе со своими слугами и там умерла. К этому месту стянулись окрестные племена и основали над могилой пророчицы город Мантую.
- 94—96 *Он многолюдней прежде был и цвел...*— Мантуя была более многолюдной в старые времена, пока ее слишком доверчивый правитель граф Альберто да Казалоди не был обманут неким Пинамонте деи Бонакольси, захватившим при поддержке народа власть в городе в 1272 г. (до 1291 г.). Пинамонте истребил почти всех представителей дворянских семейств и разрушил их дома.
- 97 *И если ты услышал бы в народе Не эту бль...*— В этой песне слово предоставлено Вергилию, который проявляет нетерпимость, граничащую с ненавистью, ко всем предсказателям, астрологам, чудотворцам, как древности, так и Средневековья. Он «противоречит самому себе», т. е. стихам «Энеиды» (X, 198—201), отрицая в дантовой XX песне «Ада», что Оки, сын Манто, даровал «Мантуя, стены тебе и нимфы матери имя». Данте, вероятно, было известно также, что Исидор Севильский писал в «Этимологиях», приписывая самой Манто основание Мантуи, но автор «Божественной Комедии» считал, что Манто, которая была «неумолимой девой» (*ver-*

смеха. «Я должен признаться,— писал Луиджи Пиранделло,— что не вижу того комического начала, которое другие видят в Злых Щелях. Комическое не заключено в самом сюжете, оно отсутствует и в душе поэта... Смех не может казнить там, где представлены страшные муки за самые тяжкие грехи, там — только мучения, ужас, отвратительное, страшное, там уместны насмешка, презрение, сарказм, а не наказание смехом, не комическое». Пиранделло отрицает, что Данте хотел написать комедию-буфф, с дьяволами, заимствованными из народных мистерий средних веков, как думали профессор-позитивисты конца XIX в. Гротеск и комика — только на поверхности этой песни, которая в сущности трагична и исполнена скорби. Мелкобуржуазные критики-позитивисты видели только то, что было на поверхности творчества Данте, не проникая в его сущность. О чем говорили поэты, переходя через мосты и плотины четвертого и пятого рва? Они говорили «немало стороннего Комедии моей». Это случалось уже не первый раз: так, в IV песне (ст. 103—104): «Мы шли к лучам, предавшись разговору, который лишний здесь и в этот миг»; см. также VI песнь (ст. 113): «Я всей беседы нашей не отмечу». Данте как бы налагал на себя запрет не говорить того, что прямо не касается сюжета поэмы. Можно предположить все же, что при переходе от четвертого к пятому рву Данте вспоминает о полном месяце (упомянутом в конце предыдущей песни), чей свет ему был враждебен, когда он бежал из Флоренции, обвиненный в казнокрадстве своими врагами. (L. Pirandello. Il canto XXI dell'Inferno.— «Lecture dantesche». Firenze, 1962, p. 395—414).

7—19

И как в венецианском арсенале кипит зимой тягучая смола...— Снова фантастическое приближено к пониманию при помощи сравнения с реальным, на этот раз с венецианским арсеналом. Представленное в трех терцинах художником, обладавшим на редкость зорким взглядом, это обширное сравнение переходит в самостоятельную реалистическую сцену. Заметим, что к тому же приему в XXI песне Данте прибегает в стихах 25, 44—45, 55—56, 67—69 п др., в которых ярко отразилась современная Данте жизнь.

37—38

«Эй, Загребалы, Святая Дзита шлет вам старшину!» — Данте заставляет чертей говорить сочным образным языком простого народа. Святая Дзита была служанкой в Лукке. Она умерла в 1272 г. и в 1300 г. еще не была канонизирована. В ее родном городе ее почитали святой за праведную жизнь. «Старшина» из Лукки, — вероятно, Мартино Боттайо, умерший в страстную субботу 1300 г. влиятельнейший купец, один из заправил местной политики. Данте имел все основания ненавидеть правителей Лукки, города Черных гвельфов, из которого флорентийские изгнанники были выгнаны в 1309 г.

41

Там лишь Бонгуро не живет на взятки...— Бонгуро Датти, вождь Черных гвельфов в начале XIV в., был, по свидетельству Якопо делла Лана, самым большим казнокрадом и взяточником в Лукке. Заявление чертей явно иронично.

48

Святого Ли́ка мы не признаем! — Святым Ликом называлось в Лукке старинное распятие из черного дерева, сохранившееся до нашего времени в церкви св. Мартина. Черти сравнивают измазанное смолой лицо грешника из Лукки с черным ликом распятия, особо почитаемого в его родном городе.

49

И тут не Серкьо, плавают не просто! — Река Серкьо близ Лукки, излюбленное место купанья горожан. Отметим, что граждане Лукки в изобилии населяют пятый ров взяточников и мздоимцев, подобно тому как в первом

- рву восьмого круга основную массу грешников-сводников составляют болонцы.
- 94 *Так, видел я, боялся ратный взвод По уговору выйти из Капроны...*— Капрона — замок пизанцев, был взят соединенными войсками Флоренции и Лукки в августе 1289 г. (Дж. Виллани. Хроника, VII, 137). Данте находился при осаде Капроны в составе четырехсот конников флорентийской милиции. Сдавшийся гарнизон Капроны был по договору выпущен из замка нераворауженным.
- 108—114 *Шестой обрушен мост, и нет пути.*— По словам одного из дьяволов, обрушен лишь один мост 1266 лет тому назад, т. е. во время землетрясения в Аду, произошедшего, по евангельской легенде, в миг смерти Христа, в «страстную пятницу», когда ему было 34 года. Это одно из важнейших мест для определения условной хронологии путешествия Данте. Отсюда следует, что Данте отправился в свое путешествие утром в страстную пятницу 1300 г. (ср. «Пир», IV, XXIII, 10—11). Во время разговора Данте и Вергилия с чертами было 7 часов утра страстной субботы 26 марта 1300 г. Дьявол, беседовавший с Вергилием, его обманул: обвалились все мосты, ведущие к шестому рву. Это — самое большое препятствие на пути поэтов после ворот Дита, поэтому оправдан страх Данте, который начинает терять доверие к Вергилию (разуму).
- 118 *Эй, Косокрыл, и ты, Старик, в поход!*— Имена дьяволов Данте в значительной степени сочинил сам, составляя иногда два слова вместе. Некоторые из этих имен, более или менее искаженные, можно найти в документах современной Данте эпохи. Весьма вероятно, что некоторые были воровскими кличками, некоторые восходят к народным прозвищам, быть может, также к французским мистериям и народным легендам, как напр., Алликино (Hallequin, Эллекен — ст. 118 оригинала, в переводе пропущен — демон, появляющийся в бешеной ночной охоте французских легенд; это имя впоследствии стало звучать как *Арлекин* в комедии дель арте).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

- 1—12 *Я конных ратей видывал движенья...*— Образом возвышенным, поэтическим, отражающим воспоминания молодости, виденного, пережитого Данте пользуется для сравнения необычайной и непристойной трубы, упомянутой в последнем стихе XXI песни. Воспоминания Данте относятся к битве при Кампальдино 1289 г., в которой Данте участвовал в составе флорентийской кавалерии. Реалистические сравнения для событий фантастических, как уже было упомянуто, — один из основных художественных приемов Данте (ср. в XXII песне ст. 19—21, 25—27, 130—131).
- 14—15 *Но в церкви, говорят, Почет святым, а в кабаке — кугилам.*— Песни XXI, XXII пересыпаны народными пословицами и поговорками.
- 19—21 *Как мореходам знак дают дельфины...*— О том, что появление дельфинов предвещает бурю, писали многие средневековые писатели. Ср. Брунетто Латини «Сокровище» (IV, 5). Якопо Пассаванти из Флоренции (род. около 1302 г.) писал о дельфинах в «Зерцале истинного раскаяния» (1354): «Когда они плывут над поверхностью моря, приближаясь близко к кораблям, это означает приближение бури».
- 48—54 *Я был наваррец...*— Этот грешник залзал, как свидетельствуют древнейшие комментаторы, Чамполо (Жан Поль); он был на службе у наваррского короля Теобальда II (1253—1270). Более ничего о нем неизвестно.

- 65—66 *Не знаешь ли каких-нибудь латинян В смоле?* — Латиняне в «Божественной Комедии» означают итальянцев. Ср. «Пир» (IV, XXVIII, 8): «Не пожелал и благородный наш латинянин Гвидо да Монтефельтро». (См. о нем «Ад», XXVII, 61 и сл.; «Ад», XXVII, 33; XXIX, 88 и 91; «Чистилище», VII, 16; XI, 58; XIII, 92). Латинянами называли итальянцев и соседние славянские народы.
- 81—90 *Брат Гомита и Микеле Цанке.* — Брат Гомита, принадлежавший неизвестно к какому монашескому ордену, был наместником и министром Нино Висконти, синьора юдиката Галлуры в Сардинии. Этот остров, отвоеванный Пизой у сарацин в 1117 г., был разделен на четыре «подсудных области» — юдиката, т. е. феодальные княжества: Логодоро, Кальяри, Галлура и Арбореа. С 1275 по 1296 гг. галлурским судьей (князем) был Нино Висконти («Чистилище», VIII, 53), с которым Данте был в приятельских отношениях. Висконти вместе с Данте принимал участие в походе на Капроно и жил некоторое время как изгнанник во Флоренции. Сардинец брат Гомита, которому Нино Висконти слепо верил, брал взятки, отпускал за деньги его врагов из плена, за что и был повешен своим синьором. *Микеле Цанке*, упомянутый лишь вскользь, был в Логодоре наместником короля Энцо, сына Фридриха II. Он захватил власть в своей области, когда король Энцо был в плену у болонцев, и женился на супруге короля. Цанке был предательски убит своим зятем Бранка д'Ориа («Ад», XXXIII, 137).
- 140 *Ястреб-перемыт.* — Линялые ястребы в средние века считались лучшими для охоты. Об этом писал Кристофоро Ландино в XV в. Линялые ястребы упомянуты также в «Песне о Роланде».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

- 1—3 *Безмолвны, одиноки и без свиты, Мы шли путем, неведомым для нас, Друг другу вслед, как братья минориты.* — Две песни о казнокрадах и мздоимцах, исполненные стонов, саркастических замечаний и дьявольских шуток, заключены между двух песен о чародеях и лицемерах. В песне XXIII движения грешников замедлены и страшные муки как бы приглушены. Этим создается контраст, столь излюбленный Данте. Избавясь от дьяволов пятого рва, Данте и Вергилий, ощущая себя в безопасности, идут гуськом, «как братья минориты», т. е. францисканцы. Эта фраза вводит читателя в область лицемеров, которых больше всего в монашеских орденах. Для Данте лицемеры более ненавистны, чем насильники, соблазнитель, святокупцы и даже казнокрады. Лицемерие для него — грех отвратительный, порожденный сознательной злобой, для которого нет прощения. Вспоминаются слова поэта: «В одеждах пастыря — хищные волки». Папу Бонифация VIII он называет «князем новых фарисеев». Песнь XXIII — сатира на современное Данте духовенство, однако в ней нет той страстности, того негодования, которое Данте проявлял в инвективе против пап в четвертом рве.
- 5—6 *Я баснь Эзопа вспомнил поневоле...* — Битва чертей, которые, преследуя грешников, топчут сами в кипящей смоле, напомнила Данте басню Эзопа, автора, чрезвычайно распространенного в средневековых школах, о лягушке и доверившейся ей мыши.
- 8 *Тот и этот случай...* — Данте подчеркивает сходство героев басни с судьбой бесов Косокрыла (у Данте Эллекена) и Старика, которые очутились в кипящей смоле и погибли, подобно лягушке и мыши, схваченным коршуну.

- 16—45 Бегство поэтов.— Волосы Данте встали на голове от страха, когда он услышал, что озлобленные дьяволы бросились за ними в погоню; Вергилий, как «свищовое стекло» (зеркало) отразил его душевное состояние. Он схватил Данте и понес его вниз с обрывистого края и скрыл его за пределами пятого рва, куда бесы не могут проникнуть. Это бегство несомненно имеет также иносказательное значение. Бесы из царства казнокрадов преследуют Данте, как лживое обвинение Черных гвельфов после его бегства из Флоренции. Ему нужна помощь просвещенного разума (Вергилия), чтобы избавиться от них навсегда. Заметим, что в восьмом круге Злых Щелей Данте не очищается от грехов, свидетелем которых он стал, а с презрением и негодованием отстраняет их от себя. В бегстве Вергилия, спасающего Данте, выражена, бесспорно, одна из основных идей Данте, но вместе с тем сравнение с матерью, спасающей из пожара своего ребенка, создает яркий образ, независимый от его второго смысла.
- 58—67 *Внизу скалы поваленный народ Кружил неспешным шагом...*— Данте и Вергилий проникли в шестой ров, где медленно и безнадежно движутся лицемеры, напоминающая «поваленные гробы», изукрашенные снаружи, а внутри исполненные всякой мерзости. Каменные одежды лицемеров широки, как мантии клюнийских монахов бенедиктинского ордена в Бургундии, которые носили длинный рукава и глубокие капюшоны; их манера одеваться не нравилась Бернарду Клервоскому. Наряд грешников был тяжелее того свинцового плаща, который, по преданию (документами эпохи не подтвержденному), император Фридрих II надевал на обвиненных в оскорблении его величества и затем ставил их на раскаленные угли, пока свинец не растапливался и жертвы не погибали в страшных мучениях.
- 90 *Они блуждают, столу совлачив.*— Стола — длинная, широкая одежда древних римлян; в средние века так стала называться монашеская одежда.
- 99 *И чем вы так казнимы лучезарно?* — Переводчик передает итальянское *sfavilla* (искрится, блестит) наречием «лучезарно». Напомним, что позолоченные капюшоны лицемеров блестят. Эти слова Данте ироничны.
- 103—108 *Каталано и Лодеринго* — гауденты («радующиеся братья») из Болоньи. Орден гаудентов был основан в 1261 г. в Болонье с благословения папы Урбана IV; назывался официально «Кавалеры преславной девы Марии». Название «радующиеся братья» вначале не было насмешкой (оно встречается у Гвиттоне д'Ареццо, который был членом этого ордена), но постепенно приобрело в народе ироническое значение. Гауденты могли жеманиться, владеть имуществом и не соблюдать всех постов. О гаудентах флорентийский историк говорит: «Под покровом лживого лицемерия они были в большем согласии со своей выгодой, чем с общей пользой». (Дж. Виллани. Хроника, VII, 13). Брат Каталано происходил из гвельфской семьи Каталани; он родился в Болонье (около 1210—1285) и вместе с другим болонцем, гаудентом Лодеринго из гибеллинской семьи Андало (около 1210—1293) был градоправителем Болоньи, а затем Флоренции, куда был призван для умиротворения гвельфов и гибеллинов после Беневентской битвы (1266). Вместо того, чтобы смирять политические страсти, они по указаниям папы Климента IV покровительствовали втайне гвельфам, что привело к новым беспорядкам. Дома семьи дельи Уберти, находившиеся около старой лангобардской башни Гардинго (близ нынешней пьяцца делла Синьория), были разрушены и сожжены. Поэтому горькой иронией звучат слова Данте о том, что они хранили мир «вокруг Гардинго».

- 109 *Я начал: «Братья,...»*— Некоторые комментаторы предполагают, что Данте прервал жгущую его уста инвективу против монахов-лицемеров, другие считают, что Данте умышленно прервал свою речь, чтобы лицемеры не могли понять, радуют ли его или печалят страдания (*i mali*) лицемерных братьев.
- 110—123 Каиафа и фарисеи.— Брат Каталано объясняет Данте, что лежащий на земле и распятый тремя колами — Каиафа, первосвященник иудеев, подавший совет распять Христа; он утверждал, что смерть одного может спасти весь город. Такой же казни подвергается в Аду его зять, первосвященник Анна, и другие члены синедриона. По телу отца всех лицемеров Каиафы проходят облаченные в свинцовые одежды грешники. Фарисеи, к которым обращался с речью Каиафа, были одной из главных религиозно-политических сект — партий древней Иудеи. Главной своей задачей фарисеи считали создание строгих законов для ограждения иудаизма от других религий, для утверждения исключительности и замкнутости иудеев. Среди фарисеев было несколько течений, особенно известно главное течение, возглавляемое законоучителем Шаммаем, отличавшимся фанатической нетерпимостью. Он был представителем богачей и презирал народ, особенно крестьян — мелких землевладельцев. Народные массы отвечали острой ненавистью фарисеям, которых они «ненавидели великой ненавистью». Крайнее фарисейство превращалось в исключительно ханжеское и лицемерное течение, совмещавшее внешнее благочестие с алчностью, корыстолюбием, стремлением к мирским удовольствиям. Лицемерие фарисеев привело к появлению презрительной клички «крашенные» (цеуим). См. И. Д. Аму-с и п. Рукописи Мертвого моря. М., 1961, стр. 14—18.
- 131 *Черные ангелы* — падшие ангелы, дьяволы. Ср. «Ад», XXVII, 113 — черные херувимы.
- 127—148 *Потом он молвил брату: «Если можно, То не укажете ли нам пути...»* — Брат Каталано любезно подтверждает, что бесы обманули Вергилия, и что все мосты над шестым ровом рухнули. Он указывает дорогу и даже замечает, что слышал в Болонье о многочисленных примерах (в переводе «не один образец») злого умысла беса, «отца всякой лжи». Это «общее место», для познания которого нет необходимости посещать Болонский университет, в устах Каталано звучит фальшиво и лицемерно. И «покорно сладостные слова» гаудента и обман дьявола сердят Вергилия. Оба поэта поспешно удаляются от лицемеров и переходят в седьмой ров, где казняются воры.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- 1—15 *Покуда год не вышел из малюток И солнцу кудри греет Водолей...*— При помощи сложной системы двух сравнений Данте показывает душевное состояние свое и Вергилия после того, как они покинули шестой ров и направились к седьмому, где казняются воры. Эта сложная система сравнений многим критикам казалась слишком изысканной, даже манерной — «александрийской». Вступление к XXIV песне, неожиданно идиллическое, представляет контраст с предшествующими и последующими сценами, но таков один из художественных приемов Данте. Сначала он говорит о рождении нового года под знаком Водолея (т. е. от 21 января до 21 февраля), когда приближается равноденствие. На полях лежит иней, «подобье снега» (ср. иней ранней весной у Горация. «Оды», I, 4, 4), сила которого ослабевает («каждый раз его перо хилей»). Затем следует сценка, говоря-

пчая о крестьянине, которая была бы реалистична, если бы не пасторальная идеализация. И затем все заключает неожиданное сравнение с душевным состоянием обоих поэтов.

22—64 *Он оглядел загроможденный скат...*— Поэты поднимаются снова по скату наверх, к насыпи и мостам. Вергилий в третий раз помогает Данте восходить, что несомненно имеет переносное значение. Этот смысл подчеркнут дальше, в ст. 52—54. Данте замечает, что в свинцовом плаще лицемеров нельзя было бы подняться наверх. Аллегорический смысл соседствует с реалистической подробностью: взойдя, Данте задыхается и садится. Вергилий подымает его, говоря о том, что в покое нельзя найти славы, что жизнь человека неактивного не оставляет в мире следов, она исчезает как дым и морская пена. Он предупреждает Данте, что ему, чтобы уйти от греха и порока, предстоит еще более длинная лестница— восхождение на гору Чистилища. Тогда Данте делает еще одно усилие и подымается по еще более обрывистому гребню.

65—69 *Вдруг голос из расселины раздался...*— Эти нечеловеческие, странные, удаляющиеся звуки— голоса осужденных на мучительные метаморфозы воров в шестом рве, которые все время находятся в движении.

79 *Мы с моста вниз сошли неторопливо, Где он с восьмым смыкается кольцом...*— Седьмой ров наполнен клубами ужасающих змей, которых больше, чем в Ливийской пустыне и в Эфиопии. Данте перечисляет их. В этом перечислении следует отметить и поиски богатой рифмы и пристрастие— свойственное позднеримской литературе— к экзотическим названиям. Змеи 86—87 стиха порождены, по античной легенде, каплями крови Медузы (Овидий. *Метаморфозы*, IV, 620). Названия змей взяты из той части «Фарсалии» Лукана, в которой говорится о походе Катона через Ливийскую пустыню (IX, 708—721). Данте обнаруживает гуманистическое пристрастие к художественным приемам поэтов древности.

97—105 *Метаморфозы.*— Грешник, укушенный змеей, сгорает, превращается в пепел и затем снова возвращается в свое первоначальное обличье.

106—117 *Так ведомо великим мудрецам, Что гибнет Феникс, чтоб восстать...*— Данте снова прибегает к системе двух сравнений: одно— с древним мифом, другое— с явлениями из реальной жизни. Эта система сравнений, вероятно, происходит от средневековых «примеров» (*exempla*), однако художественно усовершенствованных. Образ Феникса навеян Овидием («Метаморфозы», XV, 32 и сл.): «Есть птица, которая жизнь свою находит в своей гибели и возрождает саму себя: ассирийцы называют ее фениксом. Эта птица не питается ни травой, ни плодами, но слезами (каплями) ладана и соком амона (благоухающая смола). После пяти веков на дрожащей макушке пальмы она строит гнездо своим клювом и когтями и там слагает ложе из нарда, дикой корицы, из красновато-желтого мирра и кинамона, ложится на этот костер и кончает жизнь свою среди ароматов. Из ее пепла, говорят, рождается молодой феникс, которому суждено жить столько же лет». Легенду о фениксе Данте знал также из «Естественной истории» Плиния и «Сокровища» Брунетто Латини. Второе сравнение— с эпилептиком; болезнь эту в средние века объясняли дьявольским наваждением, Данте приводит и более естественное объяснение: торможение ума («запружение»).

122 *Я из Тосканы в этот лог Недавно сверзился.*— Так говорит, переходя к просторечию, ему свойственному, Ванни Фуччи да Пистойя, которого Данте знал лично: оба они сражались в гвельфском войске во время войны с Пизой и участвовали в осаде Капроны («Ад», XXI, 94). Ванни Фуччи

был побочным сыном патриция Фуччи деи Ладзари. Стронник Черных гвельфов, Ванни Фуччи участвовал в грабежах и жестоких расправах со своими политическими противниками. Его зверский нрав («кровавый и кипучий») был бы достойно наказан в озере крови, тем не менее он казнится ниже, в седьмом рву Злых Щелей за то, что был не только грабителем и насильником, но также вором и обманщиком. Свою родину Пистойю Фуччи называет «лучшей из берлог», тем самым подтверждая, что этот город — оплот Черных гвельфов в Тоскане — был разбойничьим вертепом.

137—139 *Я так глубоко брошен в яму эту За то, что угварь в ризнице украл.*— Багровея не от стыда, а потому что политический враг застал его в таком унижении, Ванни Фуччи должен признаться в том, что из капеллы св. Иакова в соборе Пистойи он похитил сокровища (по-видимому, в начале 1293 г.). Вина за это преступление была приписана другому, а Фуччи удалось бежать. Преступник умер в начале 1300 г.

140—151 Предсказание о поражении Белых гвельфов.— Чтобы Данте не радовался его несчастью, Фуччи предсказывает ему поражение Белых. После изгнания Белыми гвельфами Черных гвельфов из Пистойи в мае 1301 г. при поддержке флорентийских Белых, последует перемена режима в самой Флоренции, предвещающая Данте изгнание. Аллегория Марса, собирающего огненные пары над долиною Магры, означает поражение Белых в Пистойе, осажденной войсками гвельфской лиги (Черные из Флоренции и Лукки под предводительством Мороелло Маласпина, одного из маркизов Лунджаны (1305—1306). Это поражение на долгое время прервало военные выступления Белых против Флоренции. Мороелло Маласпина в 1307—1308 гг. был покровителем Данте, который отказался от участия в гражданской войне и выработывал в это время собственную политическую идеологию. Пипецкие поля (Ager Piceus), упомянутые Саллюстием в его «Катилине» (LVII), были ошибочно идентифицированы первыми комментаторами «Божественной Комедии» (Якопо ди Данте, Бенвенуто д'Имола и др.) с территорией Пистойи.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

1—3 *Вскинув руки И выпятив два кукиша, злодей Воскликнул...*— Ванни Фуччи не только разбойник и вор, он превзошел своей строптивостью богохульствовавшего на стенах Фив царя Капанея. Дж. Виллани («Хроника», VI, 5) рассказывает, что на замке Карминьяно на территории Пистойи в 1228 г. возвышалась высокая башня, на вершине которой находились две руки, показывавшие кукиш Флоренции.

Н. Томмазо замечает, что в статуте городка Прато (в 10 км от Флоренции) он прочел: «Тот, кто покажет кукиш или зад небу или изображению бога или девы Марии, должен заплатить 10 лир каждый раз, а если не заплатит, пусть его бичуют».

4 *С тех самых пор и стал я другом змей...*— Этот знаменитый стих часто цитируется в мировой литературе. Из русских примеров приведем стихотворение В. Иванова «Mi fur le serpi amiche», посвященное В. Брюсову («Cor ardens», I. M., 1914, с. 93).

10—13 *Скори, Пистойя, истребись догла!*— По-видимому, не следует толковать стих «Ты свой же корень в скверне превзошла» с помощью предания о том, что Пистойя основана в I в. до н. э. свирепыми и жестокими солдатами, бежавшими из разбитого войска Катилины (Дж. Виллани, Хроника, I, 32).

- 19 *Так много змей в Маремме не бывало...*— В Тосканской Маремме на берегу Тирренского моря в XIII—XIV вв. было так много змей, что жителям даже приходилось покидать некоторые населенные места.
- 22—33 *А над затылком нависал дракон...*— Древний разбойник Как превратился в Злых Щелях в дракона. Данте считал его также кентавром; за то, что он украл четырех телиц и четырех быков из стада, которое Геракл отнял у Герiona, Как попал в нижний круг, где казнятся воры (*«он с братьями теперь шагает врозь»*), остальные кентавры охраняют кипящее кровавое озеро седьмого круга). У Вергилия («Энеида», VIII, 194) и у Овидия («Фасты», I, 554) Как — получеловек-полузверь, сын Вулкана, извергающий пламя подобно дракону Тифону, жил в пещере на горе Авентине (одном из римских холмов), где в незапамятные времена был густой лес. У Данте Геракл убивает Кака ударами палицы, что указывает на то, что источником итальянского поэта был Овидий (у Вергилия Геракл душил Кака).
- 35 *Три духа собрались внизу;*...— На смену вора из Пистойи Ванни Фуччи появляются пять флорентийских воров: Аньело (Аньель) Брунеллески (ст. 67), Буозо Донати (ст. 141), Пуччо деи Галигаи (ст. 148), Чанфа Донати (ст. 43—50), Франческо Кавальканти (ст. 151). Данте не делает различия между Черными и Белыми, патрициями и простыми горожанами. Аньело из гибеллинской семьи Брунеллески, приставший к Черным гвельфам, будучи мальчиком, обкрадывал своих родителей, затем взламывал кассы в лавках, проникал в чужие дома под видом нищего и крал все, что попадалось ему под руку. Буозо Донати, который по свидетельству Пьетро ди Данте, принадлежал к семье Абати, а по сведениям из комментариев Оттимо, Бенвенуто д'Имола и других — к семье Донати, умер около 1285 г. Он присваивал городское имущество, а также обворовывал своих сограждан. Пуччо, из гибеллинской семьи Галигаи, был изгнан из Флоренции в 1268 г., но примирился с гвельфами в 1280 г. Бенвенуто д'Имола говорит о том, что ему не всегда удавалось спастись от преследований, когда он вместе со своими товарищами выходил на воровские дела. О другом представителе семьи Донати — кавалере Чанфа, умершем в 80-х годах XIII в., древний комментатор (Флорентийский Аноним) писал, что кавалеру доставляло большое удовольствие красть скот, обчищать лавки и опустошать чужие сундуки. Франческо Кавальканти, принадлежавший к партии Белых, был убит жителями местечка Гавилле (см. ст. 151), расположенном в долине Арно, которых он обобрал. Именно к ним обращены полные горькой иронии слова первой терцины следующей песни: «Гордись, Фьоренца, долей величайвой!.. И самый Ад твоей наполнен славой... И пять таких в соборанье воровском нашел сограждан, что могу стыдиться...».
- 49—78 *Первая метаморфоза.*— Шестиногий змей, охватывая Аньело, сливается с ним в страшном превращении: «И жуткий образ медленной походкой, ничто и двое, продолжал свой путь».
- 79—151 *Вторая метаморфоза.*— Превращенный в змея грешник (по-видимому, Чанфа Донати) схватывает Аньело Брунеллески. Затем Франческо Кавальканти жалит Буозо и меняется с ним обликом: Франческо превращается в человека, а Буозо в змея. Эти двойные и тройные превращения представлены с такими подробностями, что Данте мог сказать, что Лукан и Овидий должны замолчать, так как его фантастические образы превзошли измышления поэтов древности. В этой гордой декларации чувствуется поэт-гуманист новой эпохи, эпохи Возрождения. При этом следует заметить, что Данте свои превращения подчинил моральным целям. Он не просто забавлялся метаморфозами природы, как некогда Овидий, но показывал змеиную, изменчивую, зловредную сущность воров, которые из людей

превращаются в ядовитых гадов. «Злосчастливый Сабелл или Насидий...» (ст. 95) — Лукан в «Фарсалии» (IX, 761—805) рассказывает о солдатах из войска Катона, укушенных змеями в Ливийской пустыне. Сабелл превратился в пепел, а Насидий так раздулся, что лопнул его панцирь. *Кадм* и *Аретуза*, упомянутые в ст. 97,— герои «Метаморфоз» Овидия. Кадм был превращен в змею (IV, 563—603), а Аретуза — в фонтан (V, 572—661).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

- ¹ *Гордись, Фьоренца...*— Первая инвектива Данте против своего родного города.
- ⁸⁻⁹ *Ты ощутишь в один из близких дней, К чему и Прато, как и все, стремишься...*— Прато — небольшой городок близ Флоренции, был всегда в зависимости от флорентийской синьории. Граждане Прато ненавидели флорентийцев и хотели бы от них освободиться, как и другие города Тосканы. Это единственное упоминание Прато в поэме. В этом городке дед, отец и родственники Данте владели имуществом и занимались денежными операциями. См. «Codice diplomatico dantesco». Ed. R. Piattoli, Firenze, 1950, pp. 5—27.
- ¹³⁻¹⁸ *По выступам, которые сначала Вели нас вниз, поднялся спутник мой...*— Данте вслед за Вергилием вскарабкивается обратно на перевал по круче и затем через мост попадает в восьмой ров, где находятся лукавые советчики.
- ¹⁹⁻²⁴ *Тогда страдал я и страдаю снова, Когда припомню то, что я видал...*— Данте сначала подготавливает читателя к тому, что ему придется увидеть. Он говорит о том, что ему пришлось взнудать свой ум, подчинить свой дух жестокой дисциплине, чтобы не свернуть с того пути, который ему указала еще при рождении его звезда. Он постепенно переводит рассказ о страшном, ужасающем и к тому же низменном и отвратительном, к высокому и возвышенному: комедия превращается в трагедию.
- ²⁵⁻³⁹ *Как селянин, на холме отдышая...*— Снова Данте вводит читателя в действие двумя сравнениями: первое вполне реального характера — крестьянин вечером видит долину, полную светляков; второе — из христианской мифологии: пророк Илья возносится на огненной колеснице и вслед ему глядит его ученик Елисей («кто был медведями отмщен», т. е. глумившиеся над пророком дети, которых растерзали медведи). Данте сводит два эпизода из «Четвертой книги Царств» (2, 23—24, 11—12). Светлячкам тосканской долины, затем пламенному вихрю, сопровождавшему колесницу ветхозаветного пророка, Данте уподобляет огни, которые он увидел в страшной глубине восьмого рва. В каждом из этих огней был заключен грешник, подавший роковой для человечества совет.
- ⁴³⁻⁴⁸ *С вершины моста я смотрел...*— Данте передает с убедительными подробностями, как он цеплялся за скалы, чтобы не упасть, и всматривался в эти огни, предчувствуя необыкновенное. Мы знаем, что Данте в изгнании стал придворным и политическим деятелем, советником. Дурные советы сильным мира сего и обмен могли бы стать для него пороком самой его профессии. Чувствуется напряженность, волнение Данте — он как бы говорит о своем, личном.
- ⁵²⁻⁶⁹ *Кто в том огне, что там вдали возник...*— Движущийся раздвоенный огонь напоминает двойное пламя того костра, на котором были сожжены братья Этеокл и Полиник, ненавидевшие друг друга и после смерти (С т а ц и й).

Фиваида, XII, 429 и сл.). В двойном пламени заключены Улисс и Диомед, вожди греков, прославившиеся своим хитроумием во время Троянской войны. Улисс повинен в том, что обманом ввел в Трою деревянного коня («Энеида», II, 13 и сл.) и тем самым способствовал гибели Трои, откуда был родом Эней, основатель римского государства. Улисс и Диомед похитили из троянского святилища статую Афины Паллады, охранявшую Илион. В памяти Данте звучат стихи Вергилия: «Образ святой захватили, и дланью, залитой кровью, К девственным не побоялись богини коснуться поязкам» («Энеида», II, 167—168).

73—75 *Спрошу их я;... Вергилий сам заговаривает с героями древности, так как, по его мнению, они могут «как греки», известные своей гордостью, не ответить на вопрос Данте. По мнению старых комментаторов (Оттимо, Анонима) Вергилий говорил по-гречески, а Данте — не говорил. Быть может, Вергилий считал, что эти возвышенные герои древности презрят Данте, человека другой, неведомой им эпохи и не захотят с ним разговаривать.*

85—90 *С протяжным рогом огонь старинный Качнул свой больший рог;... Отметим оркестровку этих строк в русском переводе р — г — о.*

91—99 *Расскался я с Цирцеей;... Раздается наконец голос Улисса, который говорит о том, что из области италийской Гаэты, на берегу Тирренского моря, где царствовала волшебница Цирцея, он отправился в дальнейшее путешествие, по-видимому, не возвращаясь домой к своей жене Пенелопе, к сыну и отцу.*

100—142 *Последнее путешествие Улисса.— Улисс отправляется со своими спутниками на Запад, к Геркулесовым столбам (Гибралтарскому проливу). Он плывет мимо Сардинии, Марокко, испанской Севильи, гавани Сеуты (Сетто) и достигает Атлантического океана. В генуэзской хронике написано, что в мае 1291 г. судовладельцы Тедезио д'Орио и братья Уголино и Вадино де'Вивальди — за 200 лет до их земляка Колумба — снарядили две галеры, чтобы предпринять из Генуи «путешествие, которое никто до сих пор предпринять не решался» (viagium, quod aliquis usque nunc facere minime attemptavit) с целью найти морской торговый путь в Индию. После того, как они покинули берега Испании, от них больше не было вестей. Через несколько лет на их розыски отправился сын Уголино де'Вивальди, Сорлеоне. Он также пропал без вести. Возможно, что Данте слышал об этих отважных попытках открыть путь в Индию и пересечь Атлантический океан в то время, когда он жил при дворе маркизов Маласпина в Луниджане, пограничной с Генуей области. Нельзя установить, знал ли Данте, как заканчивается «Одиссея» Гомера, во всяком случае о возвращении Одиссея на родину он мог прочесть у Проперция, Макробия, Сидония Аполлинария, наконец, в кратком латинском изложении «Илиады» и «Одиссеи». Быть может, Данте читал также романы о Трое Бенуа де Сент-Мора, «Троянскую войну» Гвидо делла Колонна и мистифицированные хроники Дареса и Диктиса — произведения, в XIII—XIV вв. общеизвестные. Данте мог знать все или некоторые из этих источников, но он создал свою, вполне самостоятельную версию гибели Одиссея.*

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

4—6 *Когда другой, возникший вслед ему;... Пламя, заключающее душу Улисса, уходит во тьму, приближается другое — в нем казнится граф Гвидо да Монтефельтро, известный полководец и политик конца XIII в. Верх пламени издаст приглушенный гул, в котором поначалу нельзя разобрать слов.*

7—24 *Как сицилийский бык...*— Следует распространенное сравнение, столь частое в началах песен «Ада». Сицилийского быка отлил из меди мастер Перилл для агригентского тирана Фалариды (565—549 до н. э.). Перилл посоветовал тирану заключить в быка, положо внутри, врагов тирана, а затем раскалить его. Стоны казнимых напоминали мычание быка. За это изобретение мастер требовал награды, достойной его изобретательности. Фаларид ему ответил: «Дивный создатель этой новой муки, ты сам ее испытаешь первый». И приказал бросить Перилла в медного быка (Овидий. Тристии, III, IX, 41—54). Данте находит это решение тирана справедливым. Нечленораздельное мычание, которое издавала душа, заключенная в пламя, было подобно стомам казнимого в сицилийском быке. Этой душе показалось, что Вергилий говорит по-ломбардски, т. е. по-северо-итальянски, и слова ее стали разборчивы. Пламя остановилось перед поэтами, из его короны раздалось трагическое восклицание: «Смотри, я медлю, пред тобой горя».

28—39 *Скажи: в Романье — мир или война?* — Гвидо да Монтефельтро переносится к тому, чем была полна его жизнь, к событиям его родного края. Романья — область Италии на северо-восток от Тосканы, по направлению к Адриатике; там находятся города Болонья, Фаэнца, Равенна, Имола, Форли, Римини. Графство Монтефельтро было расположено между Урбино и истоками Тибра у подножья горы Монте Коронаро. Эту область раздирали феодальные смуты и распри гибеллинов и гвельфов. Несмотря на некоторое замирение в конце XIII в. (граф Гвидо умер в 1298 г.), в сердцах тиранов Романья стремление к войнам и раздорам не умирало. Данте начинает перечисление романских правителей. Стиль его отличается перифразами (*circumlocutiones*). Тираны обозначаются их эмблемами или же им придают специфические качества птиц и животных, изображенных на их гербе. Эти терцины отличаются метафорической напряженностью. См. E. Sanguineti. Interpretazione de'Malebolge. Firenze, 1961, p. 266—267.

Особенно много тиранов было в Романье, некоторые города которой были то свободными, то испытывали «ярмо раба». К политическим переменам в Романье относились враждебно тосканские города-коммуны, особенно Флоренция. Данте отличает добрых правителей, как равенские Полента, от тиранов, подобных Малатеста деи Малатеста да Верруккьо, синьору Римини (1295—1312).

40—45 *Равенна.*— Гербом синьоров Равенны Полента был орел. В конце XII — начале XIII вв. там правил Гвидо да Полента Старый, отец Франчески да Римини («Ад», V). Власть синьоров Равенны распространялась и на город Червья, известный своими солеварнями.

43 *Оплот, который долго защищался...*— Гибеллинский город Форли, выдержавший осаду (1281—1283 гг.) папы Мартина IV. Войска папы состояли из французских и итальянских наемников. 1 мая 1282 г. Гвидо да Монтефельтро, произведя вылазку из города, разделил и разбил силы осаждавших. Грудю кровавых тел павших французов Данте сравнивает с «алым холмом». Затем Форли оказался во власти Скаретты дельи Орделаффи, при дворе которого Данте жил некоторое время в 1302—1303 гг., когда синьор этого города был избран предводителем изгнанных из Флоренции Белых гвельфов. Гербом Орделаффи был зеленый лев на золотом поле.

46 *Барбос Верруккьо и его щенок...*— говорится о Малатеста да Верруккьо и его старшем сыне Малатестино. Выгнав гибеллинов в 1295 г., Малатеста стал синьором Римини и с тех пор «сверлил зубами» этот несчастный кусок

- Романьи — отсюда прозвище «барбос». Малатеста был отцом Джанчотто, мужа Франчески, и Паоло, ее любовника («Ад», V).
- 49 *В твердых над Ламоне и Сантерно...* — Фаянца, расположенная на реке Ламоне, и Имола, на реке Сантерно, попали под власть Магинардо Пагани да Сузинана («Чистилище», XIV, 118—120), гербом которого был лазоревый лев на белом поле. Виллани в своей «Хронике» (VII, 149) превозносил его как «великого и мудрого тирана». Данте называет его демоном («Чистилище», XIV, 118). Магинардо Пагани был гибеллином в Романье и гвельфом в Тоскане, по свидетельству Виллани, т. е. проявлял большую ловкость в политике и был готов в любую минуту предать своих друзей.
- 52—54 *А там, где льется Савьо...* — На реке Савьо находится город Чезена, который в 1300 г. был под не слишком жестокой властью Галассо да Монтефельтро.
- 55—78 *Но кто же ты...* — Дух, заключенный в пламени, после колебаний (он, видимо, боялся, что его печальная участь станет известной на земле), рассказывает, что он «сменил меч на пояс кордильера» (кордильер — монах ордена св. Франциска, опоясывающийся веревкой). Говорит граф Гвидо да Монтефельтро, по свидетельству Виллани, наиболее искушенный в военном деле человек в Италии его времени. Он родился около 1220 г., был заместником короля Коррадино, сына императора Фридриха II, вождем гибеллинов Романьи. Не раз одерживал победы над войсками папы и гвельфской лиги и был отлучен от церкви. Командуя пизанцами в войне с Флоренцией, он проявил большие стратегические способности, захватил Урбино и стал синьором этого города. В конце жизни в 1296 г. Гвидо помирился с церковью и вступил в францисканский орден. Умер он в 1298 г. в одном из монастырей Ассизи. Возникает вопрос, соответствует ли дальнейший рассказ Данте исторической истине или является поэтическим вымыслом. В настоящее время известно, что в «Истории» Риккобальдо из Феррары, до нас не дошедшей, и в более поздних хрониках есть намеки на то, что Гвидо да Монтефельтро подал злой совет папе Бонифацию VIII. В хронике брата Франческо Пипино, законченной в 1314 г., когда «Комедия» не была еще опубликована, также находим эту повесть. Следует предположить вместе с Франческо Торрака («Il canto XXVII dell'Inferno». Firenze, 1901, p. 32—38), что Пипино, так же как и Данте, восходил к устному народному рассказу.
- 70—78 *Когда бы в грех не ввел меня опять Верховный пастырь...* — Папа Бонифаций VIII призвал к себе бывшего знаменитого военачальника в францисканской рясе и предложил ему дать совет, как взять замок Пенестрино (г. Палестрино), главную твердыню и оплот семьи Колонна, врагов папы. Сам Гвидо да Монтефельтро говорит, что «обычай мой был лисий, а не львиный» и что он ведал все ухищрения и потайные пути политики. В анонимной пизанской хронике, напечатанной у Муратори («Regum Italicarum scriptores», XV, 985) читаем: «Когда этот граф [Монтефельтро] покидал город Пизу со своими людьми, которые, предшествуя ему, играли на волынке, флорентийцы бежали, говоря: „Вот идет лиса“». Он подал совет, как действовать обманом, дать обещание и не сдержать свое слово. За этот совет Данте и вверг его в Ад.
- 80—81 *Мудрый человек, Убрав свой парус, смагивает снасти...* — В «Пире» (IV, XXVIII) Данте пишет, развивая образ Цицерона («О старости», XX, 70): «Подобно тому, как хороший моряк, приближаясь к гавайи, опускает свои паруса и входит в нее спокойно, едва пользуясь кормилом лощмана, так и мы должны опустить паруса наших мирских действий и возвратиться

к богу всеми нашими помыслами и всем сердцем так, чтобы войти в эту гавань в полном спокойствии и в полной умиротворенности... О вы, несчастные и подлые люди, вбегающие в эту гавань на распущенных парусах, и там, где вы должны бы отдохнуть, вы от порыва ветра терпите кораблекрушение и теряете самих себя тогда, когда вы уже прошли столь долгий путь! Правда, рыцарь Ланчелот не пожелал войти в гавань с распущенными парусами, не пожелал и благороднейший наш латинянин Гвидо из Монтефельтро. Хорошо поступили эти благородные мужи, которые опустили паруса своих мирских деяний и предались в преклонных годах монашеской жизни...» Очевидно, что Данте изменил в «Божественной Комедии» свое суждение о Гвидо да Монтефельтро под влиянием дошедших до него рассказов о падении Палестрины. Из этого следует, что XXVII песня «Ада» была написана после четвертой книги «Пира».

- 85 *Первоначальник новых фарисеев...*— Так называет Данте папу Бонифация VIII, который вел войну из тогдашнего центра католичества Латерана в Риме не против врагов христиан — сарацинов и иудеев, а против христиан и не думал о защите Аккры, последнего оплота Запада в Сирии (Аккра была взята приступом мусульманами в 1291 г. Виллани («Хроника», VIII, 23) и Бути (комментарий к «Божественной Комедии») рассказывают, что папа обещал семье Колонна, если они сдадутся на его милость, восстановить их в правах, а Якопо и Пьеро делла Колонна вернуть звание кардиналов, но, заняв их замки и разрушив Палестрину, он не исполнил своего обещания.
- 94—99 *И, словно прокаженный Константин...*— Данте сравнивает папу Бонифация VIII, страдаемого жаром честолюбия, с императором Константином, которого, по преданию, исцелил от проказы папа Сильвестр, скрывавшийся на горе Сиратти в окрестностях Рима. Тут следует отметить одну из основных политический тем Данте: противозаконность дара Константина папскому престолу.
- 101—111 *Ты согрешенью будешь непричастен...*— Гвидо да Монтефельтро поверил папе, что тот может отпустить еще несовершенно грех, владея как наместник апостола Петра ключами Рая. Папа говорит о том, что к ключам его предшественник «был бесстрастен». Намек на Целестина V, отказавшегося от папского престола в пользу Бонифация VIII. См. «Ад», III, 59.
- 112—123 *В мой смертный час Франциск за мной слетел...*— Черный херувим (дьявол), искушенный в теологии и в логике («я логик тоже!») доказывает, что душа монаха принадлежит ему, так как нельзя каяться и грешить в одно и то же время. Франческо де Санктис считал, что образ дьявола, искушенного в логике, из этой песни «Ада», был как бы духовным отцом гётевского Мефистофеля.
- 124 *Он снес меня к Миносу...*— Гвидо был низвергнут в Ад за то, что дал вероломный совет. Несмотря на свое хитроумие, он был обманут папой. Данте не обнаруживает никакого чувства, говоря о Гвидо да Монтефельтро, он не произносит никакого обвинения, не прибегает к сатирическим инвективам. Он удаляется молча. Главным виновником духовной гибели Гвидо да Монтефельтро предстает у Данте папа Бонифаций VIII, ученый теолог, одержимый безмерной жаждой светской власти.
- 130 *Свою dokonчив повесть, столб огня Покинул нас...*— В этой песне замечательны зрительные образы: огненный столб, объятый терзаниями, свивает и клонит свой колючий рог. Гвидо да Монтефельтро движется в жгучей ризе, а пламя с Улиссом уходит во тьму, горя прямым и ровным светом.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

- 1-6 *Кто мог бы, даже вольными словами, Поведать...*— Данте не раз говорит о трудности или невозможности передать словами то, что человек чувствует и видит. См. «Ад», I, 4 (Каков он был, о, как произнесу, тот дикый лес...). См. также вторую канцону «Пира» (ст. 14—18) и комментарии к ней: «...Язык мой не настолько красноречив, чтобы суметь выразить то, о чем рассуждает моя мысль. И я утверждаю, что если окажется какой-либо недостаток в стихах моих..., то в этом следует обвинять слабость моего разума и несвершенство нашей речи, которую мысль одолевает настолько, что не способна полностью за ней поспевать, в особенности тогда, когда мысль рождена любовью, ибо в этих случаях душа в своих глубинах охвачена вдохновением». В письме к Кан Гранде (§ 29) сказано о том, что мы многое видим в свете нашего разума, но слова наши не в силах всего выразить, о чем говорил Платон. В позднелатинской средневековой риторике это называется «меньшей посылкой метафор» (*assumptio metaphoricorum*). «Общие места» (*loci communes*) о несказанности находим у поэтов древности, а также у авторов XII—XIII вв. См. у Вергилия: «Кто избияенья той ночи, кто ее смерти — речами Пересказал бы?» («Энеида», II, 361) и «Будь у меня хотя б сто языков и сто будь гортаней, Голос будь из железа, злодейств постигнуть все лики, Всех наказаний исчислить названия я не могла бы!» («Энеида», VI, 625—627). Ср. также начало XXXII песни «Ада». Муза XXVIII песни «Ада» — ужас. Моральное сознание Данте глубоко возмущено зрелищем постоянно повторяющихся войн, убийств, мятежей; он стремится избавить человечество от состояния вечной войны, проповедуя единое государство на земле и мир во всем мире. Этой песне Данте свойственны суровые рифмы, звонкие, резкие, соответствующие страшному, порой жестокому, граничащему с отвратительным, содержанию.
- 7-21 *Когда бы вновь сошлись, в крови увечий, Все...*— Так начинается распрощанное сравнение, нередкое в «Божественной Комедии». Данте исходит сначала из общего, из истории многих войн, терзавших Италию, для того чтобы затем перейти к индивидуальным образам тех, кто были зачинщиками раздоров. Сначала он говорит о древнейших событиях Южной Италии, называя ее сокращенно Пулия (Апулия), по одной из ее провинций. Он снова прибегает к риторическим перифразам, которые требуют объяснения. Сначала Данте говорит о длительной войне, т. е. о Второй пунической (218—202 г. до н. э.), когда «римляне после войны с Ганнибалом потеряли столько граждан, что в Африку были отправлены целых три меры золотых колец, снятых с пальцев убитых римских всадников («Пир», IV, V, 19). Об этом свидетельствует Тит Ливий, которого Данте считал боговдохновенным свидетелем прошлого (см. Тит Ливий, XXIII, 7—12). Данте называет римлян, по их легендарному происхождению, троянцами. Заметим, что во многих рукописях «Божественной Комедии» в тексте вместо «троянцы» стоит «римляне». Затем Данте упоминает о походе Роберта Гвискара, покорившего в XI в. Южную Италию, откуда норманны изгнали арабов. Наконец, в сложной перифразе помянута война Карла I Анжуйского с сыном императора Фридриха II — Манфредом (1266 г.). Из-за предательства южноитальянских баронов войска Карла I проникли в Чеперано, во владения короля Манфреда. Карл разбил шестнадцатилетнего Коррадино, сына Фридриха II, последнего Гогенштауфена, и казнил его в Неаполе (1268 г.). Алар де Валери, французский хитроумный старый рыцарь, помог Карлу победить противника (Виллани. Хроника, VII, 26—27). Данте заключает, что отвратительные и ужасные последствия упомянутых

войн не могут сравниться с ужасными видениями девятого рва Злых Щелей.

22—27 *Не так дыряв, утратив дно, ушат...*— Следуют стихи, в которых ужасное переходит в отвратительное.

28—36 *Магомет и Али.*— В таком «натуралистическом» виде предстает перед Данте окровавленный Магомет, которого Средние века считали сеятелем смут и еретиком. Оттимо повествует, что Магомет при папе Гонории и императоре Ираклии появился среди сарацинов. Он был сначала христианином, но потом отрекся от праведной веры. Некоторые даже утверждают, прибавляет Оттимо, что Магомет был кардиналом и человеком весьма сведущим в богословии. Он проповедовал в Африке, обратив ее почти всю в христианство. Затем он изобрел новую веру. Он был болен эпилепсией и утверждал, что во время припадков беседует с ангелом. Али — зять Магомета, был убит в 661 г. ударом сабли по голове. В таком виде он появляется и в Аду.

55—62 *«Скажи Дольчино...*— Перед тем как уйти (Данте и Вергилий смотрят на него сверху, с моста), уже «занеся ногу», чтобы двинуться дальше, Магомет предрекает гибель брату Дольчино, вождю секты «апостольских братьев». Он предсказывает, что Дольчино после смерти будет в этом рве Злых Щелей. Дольчино Торниелли, родом из Новары (в Пьемонте), был учеником Герарда Сегарелли из Пармы, основателя секты, призывавшей церковь возвратиться к обычаям первых христиан, т. е. к общности имущества, труду и добрым нравам (сожжен на костре в 1296 г.). Папа Климент V предпринял крестовый поход против Дольчино, который с несколькими тысячами своих последователей, среди которых было много крестьян, в 1305 г. укрепился на горе Дзевелло и оказывал долгое сопротивление, пока снежные заносы и голод не заставили его в марте 1307 г. сдать (Виллани. Хроника, VIII, 84). Дольчино был заживо сожжен в марте того же года со своей подругой Маргаритой из Трента и другими последователями. Он не отрекся от своих убеждений и пророчил, что воскреснет на третий день (Флорентийский Аноним). Так как условная дата видения Данте — 1300 г., отсюда следует, что песня XXVIII «Ада» была написана после лета 1307 г., когда Дольчино был казнен.

73—90 *И ты припомни, Пьер да Медичина...*— Другой изувеченный грешник назвал себя Пьером да Медичина. Он происходил из семьи синьоров да Медичина из Романьи. Бути пишет, что Пьер был распространителем смут и интриг среди граждан Болоньи и тиранов Романьи. Он возбуждал друг против друга Гвидо да Полента Старого, синьора Равенны, и Малатеста да Верруккьо (см. «Ад», XXVII, 46) и выманивал от них подарки. Пьер предсказывает, что два патриция из города Фано (на берегу Адриатики) — Гвидо дель Кассеро и Анджелилло да Кариньяно будут приглашены одноглазым синьором Римини Малатестино (см. «Ад», XXVII, 46—47) в порт Каттолико якобы для ведения переговоров. Из комментария Бенвенуто д'Имола известно, что когда эти патриции плыли мимо холмов Фокария близ Пезо, где часто происходят бури, люди тирана Римини сбросили их в воду. Поэтому для них молитвы и обеты стали ненужными.

91—105 *Курион.*— Кай Курион, народный трибун, покинув Помпея, переметнулся к Цезарю и настаивал на том, чтобы его новый покровитель перешел через Рубикон и начал гражданскую войну; упомянут в «Фарсалии» Лукана, где говорится о том, как этот оратор, продажный и дерзкий, который когда-то стоял за свободу и был гласом народа, осмеливаясь поднимать плебеев на аристократов, стал сторонником Цезаря и призывал его к уста-

новлению единовластию во всем мире. Он надеялся, что Цезарь вернет его в Рим:

В день, как под игом войны угнетенные смолкли законы,
Изгнаны мы из этих домов и несем добровольно
Ссылку, победа твоя восстановит наше гражданство.

(I, 277—279).

Курион предлагал Цезарю действовать поспешно: «Прочь замедленья отринь; Созревшее губят отсрочки!» (I, 281) — ср. 99-й стих у Данте. Следует напомнить, что в письме к Генриху VII Данте побуждал императора поспешить и наказать своих врагов, для того чтобы восстановить мировую монархию, т. е. действовал подобно древнеримскому трибуну, которого он осудил на столь жестокою казнь в Аду!

106 *Моска.*— Курион предлагает Данте вспомнить Моску из флорентийской семьи Ламберти (в Аду смешались все времена и даты!). Моска (ум. в 1243 г.) посоветовал своим родственникам Амидеи убить юношу из семьи Буондельмонте, который отказался жениться на девушке из семьи Амидеи, несмотря на данное обещание, и предпочел ей другую. Моске приписывают слова, ставшие пословицей «кто кончил — дело справил». Это убийство привело к распри между флорентийскими патрициями и, по преданию, к разделению на гвельфов и гибеллинов (Виллани. Хроника, V, 38). Ламберти были изгнаны из Флоренции в 1258 г., а затем в 1268 г. и больше никогда не вернулись на родину. Данте интересовался судьбою Моски в эпизоде с Чакко («Ад», VI, 81). По песне XXVIII можно судить о том, что ожидает Чакко в преисподней в обществе Магомета и Куриона.

118—142 *Бертрам* (Бертран) *де Борн* — знаменитый провансальский трубадур и феодальный синьор из Перигора (вторая половина XII в.). Почти все его стихи написаны на политические темы. Данте хвалит его как певца войны в трактате «О народном красноречии» (II, II, 9) и пишет о его щедрости в «Пире» (IV, XI, 14). Он возбудил вражду между Генрихом II, королем Англии, и его сыном и соправителем герцогом Аквитании Генрихом III, за что и осужден поэтом нести свою отсеченную голову как фонарь в руках. Генрих II называется у Данте «молодым королем» (*il Re giovane*). В большинстве рукописей в этом стихе ошибочно стоит «король Иоанн» (*il Re Giovanni*). Ошибка исправлена в издании «*Societa dantesca italiana*» (1921), в новом издании Скартаццини и во всех последующих итальянских изданиях «Божественной Комедии». Данте сравнивает совет, который Бертран де Борн дал королю Генриху III, с советом Ахитофеля, который, по библейскому преданию, был приближенным царя Давида, когда царевич Авессалом восстал против своего отца («Вторая книга царств», 15—17).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

1—7 *Вид этих толп и этого терзанья...*— Страдания, превышающие все ужасы войны прошлых веков, вызвали у Данте не столько жалость к казнимым грешникам, сколько отвращение, граничащее почти с отчаянием, и слезы. Впервые в Аду Данте проявил любопытство; его взор, казалось, что-то искал, и, как говорит Вергилий, «другие рвы тебя не так манили». Вопрос Вергилия возбуждает любопытство читателей, но имя грешника, которого Данте хотел бы увидеть, упомянуто только в девятой терцине.

10—12 *Уже луна у наших ног плывет;...*— Луна в это время находилась под южным полушарием. Был приблизительно час после полудня; прошло около

18 часов с тех пор, как Данте начал свое путешествие; чтобы закончить его, ему оставалось не более пяти или шести часов.

- 18—36 *В этой яме, там... Один мой родич...*— это Джери дель Белло, двоюродный брат отца Данте, умерший между 1269 и 1300 г. Он упомянут в нескольких флорентийских и болонских документах второй половины XIII в., главным образом как свидетель при различных нотариальных сделках. В списке 1269 г. среди гвельфов, чьи дома во времена владычества гибеллинов во Флоренции были разрушены, упомянут и этот дядя поэта. См. R. Piatoli. *Codice diplomatico dantesco*. Firenze, 1950, p. 33, 35, 40, 45. Джери — человек необузданного нрава, склонный к насилию (за что и попал в Ад). Он был убит Бродайо Саккетти, его смерть не была отомщена. Только в 1342 г. Саккетти и Алигеро примирились при посредничестве герцога Афинского. Мир заключил брат Данте — Франческо от своего имени и от имени Пьетро и Якопо, сыновей поэта. Кровная месть рассматривалась в XIII—XIV вв. как священное право и обязанность родственников и не каралась законом (M. Barbi. *Con Dante e coi suoi interpreti*. Firenze, 1941, p. 23). Неотомщенный Джери гневно указывал в Аду перстом на своего племянника, который в это время был погружен в созерцание обезображенной тени «готфорского властелина» — Бертрана де Борна. Данте, сын своего времени, даже в своих поздних канцонах, а также в письме к императору Генриху VII оправдывал месть, например во второй канцоне о Каменной даме: «Прославлен будет мститель похвалою». Однако в этой песне «Ада», несмотря на стоны неотомщенного родственника (которого поэт и замечает и не замечает), Данте как бы отходит в сторону от насилия, внимая словам Вергилия: «И не о нем ты должен помышлять».

- 40—57 *Последняя обитель Злых Щелей...*— В десятом рве восьмого круга находятся фальсификаторы металлов (алхимики), люди, выдававшие себя за других, фальшивомонетчики, и, наконец, просто лжецы и клеветники. Данте сравнивает их вопли и проклятия, заставляющие его зажать уши, с воплями и стонами больных, одолеваемых лихорадкой, в лазаретах малярских областей Вальдикьяны (долина реки Кьяны в Тоскане), Мареммы (прибрежье Тирренского моря севернее Рима) и Сардинии. Эта реалистическая подробность возникла из наблюдений поэта над ужасными условиями в общественных больницах его времени.

- 58—63 *Мор в Эгине и Мирмидоне.*— Данте сравнивает страдания грешников последнего рва восьмого круга с муками народа Эгины, вымирающего от чумы, которую наслала мстительная Гера на население греческого острова Эгины близ Афин. Овидий в «Метаморфозах» (VII, 523—657) пространно рассказывает о царе Эаке, сыне Зевса и Эгины. В «Пире» (IV, XXVII, 17) Данте приводит в пример царя Эака, мудрого и осторожного старца, посвятившего остаток жизни служению общему благу. Потеряв свой народ, погибший от чумы, он обратился за помощью к Зевсу, который превратил муравьев, живущих на коре священного дуба, в людей. Так возникло племя мирмидонян (греч. μύρμηξ — муравей). В XXIX песне «Ада» длинный рассказ Овидия Данте с большим искусством сократил и драматизировал.

- 73—90 *Я видел двух...*— Чтобы представить муки двух чешущихся грешников, покрытых стружьями, которые сидели, прислонившись спинами друг к другу, Данте приводит реалистические, «жестокие», бытовые сравнения: с двумя сковородками, с конюхом, который скребет коня, с поваром, который скоблит рыбу чешуей. Вергилий иронически желает им не обломать вовек ногтей, скребущих тело, и спрашивает, не знают ли они каких-либо латын (итальянцев) в этом рве.

109—120

Я из Ареццо;..— Один из покрытых струщами говорит, что в Сьене его сжег живьем Альберо, которого он обещал научить летать, как Дедал Икара, и не исполнил своего обещания. Глупый и злой юноша донес на него епископу, который был его покровителем или даже отцом. Однако в Ад алхимик Гриффолоино (так звали грешника) попал не за то, что его подверг казни лицепрятный церковный суд, а за алхимию. Якопо ди Данте утверждает, что Гриффолоино был сожжен как еретик (патарен), а не за занятия алхимией. Заметим, что преследовалась только та разновидность алхимии, которая называлась «софистикой» (подделка драгоценных металлов).

121—139

Сьенцы и Капоккьо.— Данте замечает, что в беспутстве с сьенцами могут сравняться одни лишь французы. В Италии времен Данте легкомыслие сьенцев вошло в поговорку. См. «Декамерон» Боккаччо (новеллы 3 дня, 7, 10). Вторая из прокляженных теней — Капоккьо из Флоренции, которого Данте знал лично и с которым, вероятно, вместе учился, иронически замечает, что из числа легкомысленных сьенцев следует исключить Стрикку, отличавшегося бережливостью, и Никколó, насадившего в своих садах гвоздичное дерево; «исключить» следует также Каччу д'Ашиано и Аббальято. Стрикка де Салимбени, богатый сьенский гражданин, одно время подеста в Болонье (1276—1286 гг.), был главным участником общества кутил, состоявшего из двенадцати состоятельных сьенцев, проматывавших отцовские наследства. Среди них был и Лано, осужденный на адские муки как расточитель («Ад», XIII, 120). Другой мот, Никколó де Салимбени, брат Стрикки, бывший в живых еще в 1311 г., прославился тем, что поджаривал дичь на углях из почек гвоздичного дерева; похвальный этот обычай укоренился среди сьенских обжор. Бенвенуто д'Имола рассказывает, что в течение двух лет веселое сьенское общество прокутило более двухсот тысяч флоринов. Их сотоварищ, Качча д'Ашиано, прокутил свои виноградники и леса. Последний из упомянутых в песне легкомысленных сьенцев — Бартоломео де Фолькаккьери, прозванный Аббальято (т. е. ослепленный), был капитаном гвельфской лиги в Тоскане и занимал важные должности в родном городе (умер в 1300 г.). Насмехающийся над сьенцами Капоккьо обладал способностью изображать любого человека — «искусник в обезьянстве был немалый». Капоккьо был сожжен в Сьене летом 1293 г. как алхимик. Обо всех сьенцах, здесь упомянутых, см. сб. «Dante e Siena». Siena, 1921.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

1—24

В те дни,..— Стихи 1—27 содержат два распространенных сравнения, которые должны по аналогии помочь понять предстоящее Данте страшное видение. Оба сравнения заключают эпизоды из «Метаморфоз» Овидия (IV, 512—562 и XIII, 399—575). В первом эпизоде рассказывается о том, как Юнона, мстя потомству фиванского царя Кадма за любовь Юпитера к Семеле, умерщвляет свою соперницу, лишает разума царя Афаманта, мужа сестры Семелы — Инó. Афамант принимает свою жену и детей за львицу и львят, одного из них, Леарха, он убивает, а мать, вместе с другим младенцем, напрасно призывая Вакха, бросается со скалы в море. Нептун — в «Метаморфозах» Овидия — превращает их в морские божества. Во втором примере троянская царица Гекуба, пленница греков после падения Илиона, найдя труп своего сына Полидора на фракийском берегу, и после смерти своей дочери Поликсены, принесенной в жертву на гробнице

Ахилла, сходит с ума и лает, как псидца. С крайней экономией изобразительных средств Данте передает пространные рассказы словоохотливого Овидия, их драматизируя. В центре обоих примеров глаголы (царь закричал, Гекуба залаяла). В обоих имена трагических героев не названы сразу, в первой терцине, а только в последующей, возбуждая в читателе любопытство. В стихах 22—24 оба примера, как бы стоявшие отдельно, сведены и превращены в сравнения. Превращения людей в зверей (львицу, псидцу, затем борова) или же сравнения с ними готовят превращение Джанни Скикки в звероподобный образ оборотня, грызущего тех, кого он встречает на своем пути. Одним из творческих приемов Данте было сопоставление прочитанного — главным образом у античных авторов — с тем, что он видел или вообразил; так рождалась цепь аналогических сравнений, усиливающих поэтическую экспрессию. Типичным примером сравнения является начало XXIV песни, где мифологический образ сочетается с образом, почерпнутым из реальной жизни. В XXX песне чередуются два примера — перифразы из мифологии. На эти стилистические приемы, столь важные для понимания творчества Данте, после Э. Р. Курциуса обратили внимание в своих исследованиях Г. Марзот («Il linguaggio biblico nella Divina Commedia». Pisa, 1956) и особенно Е. Сангвинети («Interpretazione di Malebolge». Firenze, 1961, p. 337—342). Они подлежат дальнейшему исследованию.

25—45 *Джанни Скикки и Мирра.*— Одна из двух теней-оборотней, напугавшая Капоккьо, в жизни звалась Джанни Скикки из семьи Кавальканти (умер до 1280 г.). По свидетельству старых комментаторов, в том числе Якопо ди Данте, он в совершенстве умел подражать голосу и движениям других людей. По просьбе мессера Симона Донати (отца Корсо и Форезе) после смерти мессера Буозо Донати, богатого дяди этого кавалера, Джанни Скикки лег в кровать старика и перед нотариусом продиктовал, в совершенстве подражая голосу и манерам покойника, завещание, в котором отказал себе лучшую кобылу («хозяйку стада»), принадлежавшую мессеру Буозо, а также изрядную сумму денег, остальное же своему приятелю Симону Донати. Этот анекдот восходит к новеллистической традиции XIII—XIV вв. См. M. V a r b i. Problemi di critica dantesca, I. Firenze, 1934, p. 305. *Мирра* известна из «Метаморфоз» Овидия (X, 298—524). Дочь Кинира, кипрского царя и жреца Венеры, она влюбилась в своего отца и легла к нему на ложе под видом другой женщины. Если бы не этот обман, Мирра была бы осуждена казнить выше — во втором круге вместе с невоздержанными.

49—75 *Мастер (Маэстро) Адамо* — известный алхимик, родом из Англии. Сведения о нем имеются в документах из Болоньи 70-х годов XIII в. Он поступил на службу к графам Ромена в Казентино в те времена, когда эта феодальная семья была во вражде с Флоренцией, и занялся подделкой золотых монет флорентийского образца с изображением Иоанна Крестителя, подбавляя в сплав меди («Крестителем запечатленный сплав»). Он был пойман с поличным во Флоренции и сожжен живым, вероятно, в 1281 г. Следует заметить, что флорентийские купцы и банкиры считали подделку монет одним из самых тяжких преступлений. В десятом рве восьмого круга Адамо представлен как больной водянкой, со столь раздутым животом, что походил бы на лютную, если б не ноги. Описание больного водянкой у Данте восходит к медицинскому сочинению Бартоломея Англика «О свойствах вещей» (De proprietatibus rerum). G. Contini. Il canto XXX dell'Inferno. («Lecture dantesche», I. Firenze, 1955). Адамо наказан Данте как античный Тантал. Он жаждет хотя бы капли влаги и вспоминает казентинские ручьи,

сбегающие с зеленых гор в Арно. Гротеск и лирическое излияние соединены в этом образе, и комическом и печальном.

- 76—90 Графы да Ромена.— Адамо полон ненависти к своим бывшим хозяевам, которые толкнули его на путь фальшивомонетчика. Один из них — Гвидо или Алессандро, уже находится, по словам Адамо, в восьмом круге. Чтобы увидеть одного из них в Аду, Адамо, изнемогающий от жажды, готов отдать всю воду источника Бранда в Сьене. Третьим братцем, на которого намекает несчастный фальшивомонетчик, был, по-видимому, граф Агинольо, капитан тосканских Белых гвельфов — изгнанников в начале XIV в. или, может быть, граф Ильдебрандино, епископ Ареццо. Резко отрицательное отношение Данте в XXX песне «Ада» к этим феодалам из Казентино заставляет сомневаться в подлинности приписываемого Данте письма 1304 г., адресованного графам Оберто и Гвидо да Ромена по поводу кончины их дяди Алессандро (Агинольо?).
- 91—99 *И я: «Кто эти двое, в клубе дыма...»* — Адамо отвечает, что один из них — Синон, обманувший троянцев, которые по его совету ввели в город деревянного коня («Энеида», II, 154 и сл.), другая же тень — известная из Библии жена Потифара, начальника телохранителей фараона, которая оклеветала прекрасного Иосифа («Бытие», 39, 6—23).
- 100—148 Препирательство между Синоном и мастером Адамо.— Путешествие по Злым Щелям кончается сценой препирательства между фальшивомонетчиком Адамо и древним греком Синоном. Это смешение веков и эпох обычно в «Божественной Комедии», действие которой происходит в ином временном плане. Препирательство изобилует словами простонародными, переходит в рыночную перебранку, изображенную уверенными мазками. Вергилий (разум) упрекает Данте (т. е. Данте упрекает самого себя), который вслушивается в слова перебранки, как некогда Гвидо Кавальканти упрекал Данте в сонете, ему направленном, за вульгарность некоторых его мыслей, низменность чувств и выражений, вероятно, в связи с тенционами, обращенными к Форезе Донати. Эта гротескная сцена правилась Б. Кроче, который видел в ней гуманность Данте, любующегося простонародной сценой (В. С. Г. о с. e. *La poesia di Dante*. Bari, 1922, p. 95—96). Вульгаризмы не мешают Адамо прибегать к литературным перифразам: он называет воду «Нарциссовым зеркалом» (в греческой мифологии Нарцисс любит себя своим отражением на поверхности воды).

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

- 1—3 *Язык, который так меня ужалил...* — Язык, особенно язык любви, поражающий и целящий раны, — «общее место» в античной и средневековой риторике.
- 4—6 *Копье Ахилла.* — Пелей, отец Ахилла, а затем и сам Ахилл обладали магическим копьем, которое наносило и исцеляло раны. Это сравнение, как и предыдущий образ, — «общее место», часто встречающееся у Овидия; это выражение находится и в канцонах Петрарки.
- 10—18 Призыв рога. — В сумерках Ада Данте почти не различает, куда идет. В полумраке раздается резкий и мощный звук рога, напоминающий гром. Данте сравнивает этот звук с предсмертным призывом Роланда, трубящего в ущелье Ронсевала: «В свой Олифан трубит Роланд с трудом — Превозмогает он тоску и боль. — Стекает с губ его густая кровь. — С натуги лопнул у него висок. — Разнесся зов на много миль кругом» («Песнь о Роланде»,

- 1761—1765. Пер. Ю. Корнеева). Любопытство читателя снова возбуждено, так как неизвестно, кто трубит в ужасный гигантский рог.
- 19—45 Гиганты.— В сумраке вдали возникают несколько огромных башен. Вергилий объясняет Данте, что это не башни, а гиганты, видимые до пояса, так как их ноги скрыты в отвесном колодце; там находится самая нижняя область преисподней — ледяное озеро Коцит. Тогда рождается образ: гиганты похожи на четырнадцать башен замка Монтереджоне, построенного в начале XIII в. (башни — в 60—70-х годах) съенцами в Вальдельзе для того, чтобы защититься от Флоренции. Гиганты маячат как твердыни. Это титаны, которых громовержец Зевс когда-то низвергнул в Тартар за то, что они восстали против его верховной власти.
- 46—63 *Немерод* — гигант, царь Вавилона, вождь племени Хама («Бытие», 10, 8—10; 11, 1—9), упоминает Данте в трактате «О народном красноречии» (I, VII, 4) и в «Чистилище» (XII, 34—36); был строителем вавилонской башни, из-за которой возникло смешение языков. В Библии он назван «мощным звероловом», поэтому он и трубит в охотничий рог. Данте замечает, что природа, пресекая племя людей-гигантов, поступила на благо человечества, оставив лишь гигантских животных: слонов, китов. Таким образом Данте утверждает некую эволюцию природы, совершающуюся для прогресса человечества. Лицо гиганта величиной с огромную бронзовую сосновую шишку, снятую с мавзолея Адриана. Она стояла во времена Данте в преддверии собора св. Петра (в настоящее время в Кортиле делла Пинья в Ватикане). Рост его превышал рост трех высочайших мужчин из германского племени фризов, жившего на берегу Северного моря.
- 66—69 Язык Немврода.— Данте приводит слова гиганта, никому уже непонятные, звучащие над ледяным средоточием вселенной. Так говорили люди до вавилонского столпотворения. Можно предполагать, что Данте нашел в различных энциклопедиях и лексиконах Средневековья древнееврейские слова, правильные и искаженные. Он смешал их и вложил в «дикие уста» Немврода, которому «нежнее петь псалмы не полагалось».
- 82—96 *Эфиальт* — «более дикий гигант, чем Немрод», связан цепями за то, что вступил в бой с Зевсом и взгромоздил Оссу на Пелион. Он высится на расстоянии «выстрела самострела», налево от Немврода. О гигантах Данте прочел у Вергилия:
- Здесь порождение Земли стародавнее, племя Титанов,
Молнией сверженных вниз, на дне ивзывается самом,
Здесь и Албидов двух тела я безмерные зрела,
Тех, что своими руками рассечь великое небо
И ниспровергнуть пытались Йова из высшего царства...
- («Энеида», VI, 580—584).
- Эфиальт и его братья были сыновьями бога морей Нептуна и Иффимедии, жены великана Алоя («Алоиды»).
- 97—99 *Бриарей*.— Данте стремится увидеть другого, известного ему из Овидия гиганта — Бриарей, но Вергилий ему отсоветовал идти далее в то место, где находится этот скванный гигант, сын Урана и Геи. В «Энеиде» Бриарей — чудовище, имеющее 50 голов и 100 рук (X, 565). Данте превратил этого античного дракона в подобие человека, и он стал похож на других гигантов.
- 112—145 *Ангей* — сын Нептуна и Геи, жил некогда, по древнегреческому преданию, в пещере Ливийской пустыни близ Замы, где впоследствии Сципион победил Ганнибала (202 г. до н. э.). О битве Геракла с великаном см. «Фарсалию» Лукана (IV, 599—603): «Если он, наземь упав, материнского лона

касался,—Новою мощью тотчас наливались усталые мышцы;—В этих пещерах он жил; под высокой скалою скрывался;—Львов, говорят, он ловил и питался убитыми львами...» Вергилий обращается к Антею с речью, кургузной и «дипломатической», желая приобрести расположение (*captatio benevolentiae!*) великана. Вергилий говорит, что если бы Антей участвовал вместе с другими гигантами в битве с богами, то олимпийцы были бы поражены. Данте недаром был приближенным и послом итальянских князей — во время своих скитаний по Италии он приобрел достаточный опыт обращения с феодальными синьорами и правителями городов, к которым следовало обращаться с речью, пересыпанной комплиментами и любезностями. Тот же язык был, по-видимому, уместен и в разговоре с гигантами последнего круга Ада. Вергилий говорит Антею, что другие его собратья — Тифей (или Тифон) и Титий находятся далеко и не могут перенести их на дно адского колодца. Тифей, по греческому преданию,— одно из гигантских чудовищ, пытавшихся одолеть богов; он был погребен горою Этной и извергает из ее кратера пламя («Метаморфозы», V, 346—358; «Рай», VIII, 70). Тития, который безуспешно покушался взять силой Латону, поразили стрелы Аполлона и Дианы. Тело Тития распространяется на девять югеров (югер = 25,19 кв. м.) («Энеида», VI, 595—596). В поэме Данте мифологические чудовища превращены в великанов.

136—138 *Как Гаризенда...*— Данте снова сравнивает Антея с башней, на этот раз с Гаризендой в Болонье, хорошо известной Данте (см. сонет «Вовек не искупить своей вины моим глазам»). Когда облака бегут в сторону, в которую наклонена башня, благодаря оптическому обману кажется, что Гаризенда падает на глядящего на нее снизу. Так склонившийся над поэтами Антей, казалось, падал, чтобы подавить своей тяжестью Данте и Вергилия.

139—145 *Так надо мной... Навис Антей...*— Гигант на своей ладони опускает поэтов на дно мирового колодца, на поверхность замерзшего озера Коцит, где казнятся предатели.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

1—12 *Когда б мой стих был хриплый и скрипучий...*— Можно не согласиться с эпитетом «скрипучий» в переводе, вернее было бы «суровый, жестокий, режущий» (итал. *rite aspre*). Такое определение стиха, который должен выразить образы жестокие, трагические и прямолинейные (Данте всегда соблюдает единство формы и содержания), встречается часто в его поэзии. Например: «Пусть так моя сурова будет речь, Как той поступки, что в броню одета» (вторая канцона о Каменной даме); «И некий муж предстал среди теней. И голос хриплый рек...» (вторая канцона «Новой жизни»). Ср. также начало третьей канцоны «Пира», в которой Данте говорит о том, что он оставляет нежный лад, которого придерживался, когда говорил об Аморе, и обращается к другому строю, названному *aspro* — «в отношении произносимого звука, которому для такого предмета не пристало быть мягким» («Пир», IV, II, 13). Ср. также: «Хриплоголосый Плутос» («Ад», VII, 2). Н. Саенё пишет («Inferno». Firenze, 1955), что введение к XXII песне построено по всем правилам искусства поздней античности; Данте пользуется всеми средствами изощренной риторики. Введение необходимо для того, чтобы суммировать содержание предыдущих песен и приступить к последующим трагическим страницам. Две литоты в третьей терцине (не из легких, не отделаешься...) подчеркивают трудность задания.

- Данте снова призывает на помощь муз, как Амфион, который строил Фивы. Под звуки лиры царя Амфиона камни спускались с горы и ложились один на другой, образуя стены города (Стаций. Фиваида, X, 873). Данте желает «выразить сполна сущность слова», стремясь, чтобы форма соответствовала содержанию.
- 13 *Жалчайший род, чей жребий несчастливый...*— ср. «злорожденные» (*mal pati*) «Новой жизни» (II, 13), также «Ад», V, 7; XVIII, 76; XXX, 48.
- 16—18 *Мы оказались в преисподней мгле, У ног гиганта...*— Данте не описывает, как Антей опустил его и Вергилия на своей ладони на поверхность Коцита (полет Герiona изображен был подробнее, с большой поэтической силой). Ледяное озеро — центр вселенной. Оно в своей ограниченности противоплагается огненной бесконечности Эмпирея. Коцит содержит четыре зоны, идущие концентрическими кругами. В центре — Люцифер. Данте ступил сначала на лед первого пояса, названного Кайной по имени библейского братоубийцы Каина.
- 25—39 Ледяное озеро.— В озеро вмерзли грешники до половины тела. Данте сравнивает ледяной покров с замерзшим Дунаем, с Доном (Танансом). Если бы сбросить в озеро скалистые горы Тамберника или Пьетрапану, лед не хрустнул бы. Тамберника (в настоящее время — Тамбура) в Апуанских Альпах в Италии; Пьетрапана — или Пьетра Апуана (в настоящее время — Панья делла Кроче) в той же горной цепи. Данте безжалостно сравнивает грешников, торчащих изо льда, с лягушками, которые выставляют рыльце из пруда, прибегая к риторической перифразе: «когда жнее...» для обозначения летней поры. Вслед за перифразой находим реалистическое сравнение: грешники стучат во льду зубами, как аист своим клювом.
- 40—57 Братья Альберти.— Данте чуть не наступает ногой на головы братьев Альберти, тесно прижатых друг к другу, сплетенных в дикой ненависти. Это гибеллин Наполеоне и гвельф Алессандро дельи Альберти из феодальной семьи графов Мангона, владевшей замками в долинах рек Бизенцио и Съева, притоках Арно, близ Флоренции. Споря за доставшиеся им по наследству замки, они на поединке убили друг друга, как позднее их дети: Орсо, сын Наполеоне, погиб от руки Альберто, сына Алессандро.
- 59—60 *Гаже Не вязнет в студне ни один мертвец!*— эти слова исполнены безжалостного сарказма. Еще Бенвенуто д'Имола и Бути отмечали, что Данте сравнивает грешников Каины с дичью в желатине. Это сравнение перешло к Пульчи в его «Морганте» (XXII, 104).
- 67—69 *Камичон де'Пацци.*— В стихах 52—66 слышится голос грешника, который перечисляет своих соседей, вмерзших в лед. Имя его, как обычно в поэме, сразу не названо. Это — Камичон де'Пацци, принадлежавший к известному роду феодалов-разбойников из верхней долины Арно, соседей Флоренции, который убил своего родственника Убертино, чтобы воспользоваться его наследством. Упомянув братьев Альберти, он считает их хуже «того, чью грудь и тень пронзил Артур». Эта перифраза означает Мордред, племянника или сына бретонского короля Артура, предательски напавшего на своего дядю (или отца), как повествует старофранцузский роман о Ланчелоте. Затем Камичон де'Пацци упоминает Фокачча — прозвище Ванни де'Канчельери из известной семьи Белых гвельфов Пистойи. Это был сильный, храбрый, дерзкий человек, склонный к убийству и насилиям. Он убил своего двоюродного брата, Детто де'Канчельери. Наконец, Камичон упоминает торчащего перед ним Сассола Маскерони из Флоренции, у которого был старый богатый дядя. Маскерони зверски убил малолетнего сына своего дяди, чтобы стать наследником его имущества. Когда преступление было раскрыто, то, по свидетельству Флорентийского Анонима, Маскерони был

подвергнут пытке. Его проволокли в бочке по улицам Флоренции, а затем казнили. Камичон ожидает, что в Каину прибудет его родственник Карлино де'Пацци, который в 1302 г. передал в руки Черных гвельфов замок Пьянтравинье, где находилось много флорентийских изгнанников, Белых гвельфов, которые были казнены (Хроника Дино Компаньи, II, 28). За свое предательство он получил значительную сумму денег и право возвратиться во Флоренцию. См. R. Davidsohn. Forschungen, IV. Berlin, 1925, S. 388. Данте, перечисляя предателей, в конце упомянул самого, по его мнению, гнусного предателя — Карлино де'Пацци.

74 *Где сходится всех тяжестей поток...* — В физике Данте центр земли является средоточием притяжения всего света, там сильнее всего ощущается гнет материи. Ср. «Ад», XXXIV, 110 и «Рай», XXIX, 57. Данте вступает во вторую зону Каины, названную Антенор по имени одного из троянских вождей, который у Гомера является скорее положительным героем. В легендах о Трое поздней античности и Средневековья Антенор стал предателем. Ср. комментарий Сервия (IV в.) к «Энеиде» (I, 242). Данте следует здесь этой позднелатинской традиции.

78—111 *Я одною ногой ушиб висок...* — Неизвестный дух кричит, что Данте, верно, мстит ему за Монтаперти (битва 1260 г., в которой сыенцы и флорентийские изгнанники-гибеллины разбили наголову флорентийских гвельфов). Это наводит Данте на мысль, кто окованный льдами грешник. Он предлагает ему назвать свое имя, но грешник иронически отвечает, что Данте плохой хитрец — «Нашел, чем льстить среди ледяных болот!» Предатели не желают, чтобы стало известно, где они находятся, и не хотят, чтобы имя их повторялось среди живых. Тогда Данте в бешенстве рвет волосы на голове грешника; тот воеет от боли, но не открывает своего имени. Тут проявляется страстный темперамент Данте, который в «Пире» (IV, XIV, 11) говорит, что некоторым противникам на их гнусные доводы следует отвечать не словами, а ударом кинжала. Какая-то тень, вмерзшая близ того, кто вызвал гнев Данте, назвала его по имени. Это — Бокка дельи Абати, который отсек руку знаменосцу флорентийской кавалерии Якопо де'Пацци в битве при Монтаперти и тем самым способствовал поражению флорентийцев. Он является изменником своей родины и своей партии. Гнев Данте объясняется ненавистью к изменнику, которую Данте воспринял еще в раннем детстве. Отметим фамильярный и грубоватый стиль речи грешника, обращенной к Бокка.

112—123 Бокка с насмешкой говорит Данте, что он может врать, как ему нравится, но предлагает поэту не забыть еще нескольких его сотоварищей, а именно Буозо да Дуэра, синьора Кремоны, который в 1265 г. предал короля Манфреда в Ломбардии, открыв за деньги путь войску Карла Анжуйского, претендента на неаполитанский престол (Виллажи. Хроника, VII, 4); затем Тезауро де'Беккерия из Павии, легата папы Александра IV в Тоскане, который был казнен флорентийцами в 1258 г. за то, что хотел передать город во власть гибеллинов. О его предательстве сохранилось письмо Брунетто Латини от имени флорентийской синьории, направленное общине города Павии. См. F. Maggini. La Rettorica di B. Latini. Firenze, 1912, p. 77.

121—122 *Джанни Сольданьер, Ганеллон и Тебальделло.* — Бокка приводит имена еще трех известных во времена Данте предателей: Джанни де'Сольданьери, гибеллина, возглавившего народное движение во Флоренции; Ганеллона, предавшего сарацинам Роланда и других пэров Карла Великого; Тебальделло де'Дзамбрази из Фаэнцы, который помог болонским гвельфам в 1280 г.

войти в его родной город и устроить там резню (Виллани. Хроника, VII, 86). Следует заметить, что измена партии Джанни де'Сольданыери была оправдана в «Хронике» Виллани (XII, 44), который похвально отозвался о нем, как о достойном гражданине, которому народ отплатил неблагодарностью так же, как Джанни делла Белла, Вьери деи Черки и самому Данте. Ср., впрочем, Виллани (VII, 14) — в этом месте флорентийский историк говорит об измене Сольданыери гибеллинам.

124—132 *Мы отошли, и тут глазам моим Предстали двое...*— грешники снова не названы в начале эпизода. Тот, кто яростно глодал затылок находящегося ниже его предателя, сравнивается с Тидеем, одним из семи царей, осаждавших Фивы, который был смертельно ранен Меналиппом (Меланиппом). Перед смертью ему удалось убить своего противника и он впился в его мертвую голову своими зубами. (Стаций. Фиваида, VIII, 717—767).

133—135 *Ты, одержимый злобою звериной... Скажи...*— так Данте обращается к графу Уголино делла Герардеска, родившемуся в начале XIII в. в богатой феодальной семье, имевшей обширные владения в тосканской Маремме и на острове Сардиния. В 1275 г. вместе со своим зятем Джованни Висконти он, происходивший из гибеллинской семьи, перешел на сторону гвельфов (как можно предположить, именно в этом и состоит его предательство, из-за которого он очутился в Антеноре). В 1284—1285 гг. он стал синьором Пизы, официально со званием подеста (градоправителем) вместе со своим внуком Нино Висконти («Чистилище», VIII, 53). Для того чтобы оградить Пизу от нападений коалиции Генуи, Флоренции и Лукки, он уступил союзникам некоторые пизанские замки, за что впоследствии его обвинили в измене, хотя уступка эта была политически необходима, что понимал и Данте. См. ст. 85—86 XXXIII песни «Ада». В июне 1288 г. партия гибеллинов, воспользовавшись несогласием между Уголино и Нино Висконти, подняла восстание под предводительством архиепископа Руджери дельи Убальдини (который считался другом правителя Пизы) и знатных семей Гваланди, Сисмонди и Ланфранки. Они свергли Уголино и заточили его в башню вместе с двумя сыновьями и двумя внуками. Вход в башню по приказу епископа был замурован, и Уголино вместе со своим потомством умер от голода в феврале 1289 г.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

1—3 *Подняв уста от мерзостного брашна...*— Образ Уголино-мстителя, гложущего затылок архиепископа Руджери, его погубившего, оставил глубочайшее впечатление на умы, особенно в эпоху романтизма. Приведем отрывок из знаменитой лекции Ф. де Санктиса о XXXIII песне: «Уголино в высшей степени поэтичен, ибо он предстает во всем богатстве своей внутренней жизни. Поэт изваял в немногих чертах эту огромную статую ненависти, ненависти, превышающей «печать озверения», которая так глубоко поразила Данте. Но в глубине ненависти зарождается любовь; мрачность и напряженность духовных сил растворяется в нежных чувствах. Этот человек многое ненавидит, так как многое любил. Ненависть его бесконечна, ибо бесконечна его любовь, скорбь его безнадежна, ибо нет мести, равной оскорблению, которое он претерпел. Эти чувства мешаются; они распространены по всему повествованию. Неизвестно, внушает ли Уголино в большей степени ужас или сострадание. Его слезы перемежаются с проклятиями. Иногда в той же фразе проявляются ненависть и любовь, бешенство и нежность. Последний звук его слов, призывающих сыновей, мешается со скрипом проклятых костей под его зубами. События прошлого в рассказе Уголи-

- но передаются сжато, очерчены быстро; они раскрывают всю жизнь заключенного. Для него месяцы и годы, которые в представлении людей, чьи мысли отвлечены повседневными делами, летят, как часы, становятся веками, исчисленными „минута за минутой“» (F. de Sanctis. *Lezioni e saggi su Dante*. Torino, Einaudi, 1955, p. 683).
- 4—9 *Потом сказал: «Отчаянных невзгод Ты в скорбном сердце обновляешь бремя»*.— В первой своей лекции об Уголино Де Санктис писал: «Уже было отмечено сходство между первыми словами Уголино и первыми словами Франчески. Действительно, в этих двух эпизодах обнаруживается нечто схожее, но вместе с тем и нечто различное: тот же замысел, но иное чувство. Оба вспоминают, скорбя, прошлое, уступая просьбе Данте, плачут и говорят в то же время. Но для Франчески прошлое предстает счастливым и полным отрады, по сравнению с нынешними бедствиями, и Ад сочетается с Паоло, с садами, с поделуем; душа ее столь нежна, столь исполнена благородства, что слезы ее украшают ее скорбь. Отсюда рождается гармоническая мягкость и сладость стихов: это музыка Беллини. Для Уголино прошлое и настоящее предстает в одном свете, мука все та же, пробуждающая в нем зверские чувства, оживляющая его бешенство; в его слезах пылает мрачный огонь ненависти» («*Lezioni e saggi su Dante*», p. 308).
- Терцина восходит, несомненно, также к «Энеиде» (II, 3—11): «Невыразимую скорбь обновить велишь ты, царица,... что сам я ужасное видел, в чем сам участвовал много. Кто, о таком повествуя,... от слез устоит?»
- 22—24 Голодная башня.— Уголино, его сыновья Гаддо и Угуччоне и два внука от старшего его сына-гвельфа и побочной дочери короля Энцо Елены — Нино и Ансельмуччо («мой четыре сына») были заключены, а затем замурованы в башню, принадлежавшей гибеллинской семье Гваланди, сторонников епископа Руджери. Башня находится на нынешней площади деи Кавальери в Пизе. Уголино называет ее «клеткой», вероятно потому, что там же содержались в период линьки сокола и другие охотничьи птицы. «И с этого времени эта тюрьма называется тюрьмой и башней голода», — говорит Пизанская хроника, изданная Муратори.
- 25—42 Сон Уголино.— Уголино рассказывает Данте, что перед тем как по приказу архиепископа вход в башню был замурован, ему приснился сон, будто к горе Санджувьяно, отделяющей Пизу от Лукки, архиепископ Руджери вместе с главарями пизанских гибеллинов травит волка и волчат. Когда он очнулся от тяжелого сна, то услышал, как его дети просят хлеба. Воспоминание об этом рождает трагическую фразу в устах несчастного: «Ты плакал ли когда-нибудь о чем?»
- 43—75 *Они проснулись*...— Описание последних дней Уголино и его детей принадлежит к замечательнейшим страницам мировой поэзии. Данте немногословен, в нескольких словах, несколькими штрихами он изображает главное, существенное, как Гомер и Шекспир. Даже последняя строка о том, что голод был сильнее, чем душевные муки, и что он убил его, не снижает, а усиливает трагический пафос рассказа.
- 76—78 *Тут он умолк*...— Окончив свой рассказ, Уголино с новым остервенением вцепился в голову архиепископа. Эпизод как бы обрاملен: он кончается той же сценой, которая была вначале.
- 79—90 Инвектива Данте против Пизы.— Данте проклинает гибеллинскую Пизу, позорящую край, где раздается *si*, т. е. Италию (см. «О народном красноречии», I, VIII, 6). Он оскорблен в лучших человеческих чувствах и призывает кару на город, допустивший такое злодейство. Поэт говорит, что

- острова Капра и Горгона, лежащие против устья Арно, где расположена Пиза, должны заградить реку, чтобы она, разлившись, затопила город. Если даже Уголино был виноват перед Пизой (Данте не признает, что Уголино был виновен, отдав пограничные замки), то дети его были загублены безвинно: «За что детей вести на крест неправый!» Тон инвективы напоминает проклятия библейских пророков и вместе с тем поэт-гуманист называет Пизу «исчадием Фив» (88), древнегреческого города, стяжавшего себе печальную славу преступлениями потомков основателя города Кадма. Бути в своем комментарии сообщает, что, по легенде, Пизу основал Пилоп, сын Тантала, царя Фив. Это предание было, несомненно, известно Данте.
- 91—102 *Мы шли вперед равниною покатой...*— Данте и Вергилий вступают во вторую зону Коцита (неясно означенную). Она названа Толомея по имени Птолемея, правителя Иерихона в Иудее, который, пригласив к себе своего тестя, первосвященника Симона Маккавея и двух его сыновей, предательски убил их на пиру в крепости Док («Первая книга Маккавеев», 16, 11—16). Толомея предназначена для тех тяжелых грешников, которые предали и погубили своих друзей и гостей. Если в первой зоне грешники вмерзли по пояс в лед, то во второй они лежат на спине, зажатые льдами, и слезы их застывают ледяной корой.
- 103—108 *Я ощутил как будто ветер некий.*— Данте удивляется тому, что в неподвижном ледяном воздухе Коцита повеял ветер, так как на дне Ада нет водяных паров, нагретых солнцем, которые в его время считали причиной движения воздуха. Ср. «Чистилище», XXVIII, 97. Вергилий не отвечает на вопрос Данте. Ветер порожден взмахами крыльев Люцифера. «Ад», XXIV, 34—46.
- 109—126 Брат Альбериго.— Данте обещает снять ледяную кору с глаз грешника, услышавшего его шаги, и даже клянется, что пусть он окажется под ледяным покровом, если не сдержит своего обещания. Однако в ст. 148—150 читатель узнает, что после того как Альбериго сообщает поэту все, что его интересовало, Данте не исполняет свое обещание, считая, что грешник наказуется по заслугам. Снова звучит жестокий дантов стих: «И я рукой не двинул, И было доблестью быть подлым с ним». Альбериго де Манфреди принадлежал к ордену, известному под названием «гаудентов» — «радующихся братьев». (См. прим. к ст. 103—105 XXIII песни). Он был одним из вождей гвельфов в г. Фаэнца (провинция Романья). Притворяясь, что помирился со своими родственниками Манфредо и Альбергерто, он пригласил их на пир в свою виллу. Когда Альбериго приказал слугам: «Принесите фрукты», они набросились на гостей и закололи их. Это случилось 2 мая 1285 г. В комментарии Бути сказано, что событие это вошло в пословицу; говорили: «его угостили фруктами брата Альбериго». Альбериго говорит, что он «променял на финик смокву». Известно, что финик был более дорогим в Италии плодом, чем смоква. Эта ироническая фраза означает, что в Аду ему воздано сторицей. В 1300 г. (условный год потустороннего путешествия Данте) Альбериго был еще жив. Данте высказывает удивление: «Ты разве умер?» Альбериго объясняет ему, что за преступления, подобные его злодейству, души попадают в Толомею еще при жизни, а в тело грешника вселяется бес. Нетерпеливый Данте во имя восстановления справедливости расправляется не только с мертвыми, но и с живыми.
- 133—147 *Бранка д'Орья и Микеле Цанке.*— Брат Альбериго сообщает Данте, что рядом с ним можно найти и другие грешные души, чьи тела еще здравствуют на земле. За ним «от стужи жметя» Бранка д'Орья. С этим соотаврищем он свыкся, вместе они провели во льдах Коцита уже много лет. Данте снова делает вид, что он удивлен, и говорит: «Бранка д'Орья жив,

здоров, он ест, и пьет, и спит, и носит платья». Бранка д'Орья происходит из знатной генуэзской семьи; он убил на пиру своего тестя, Микеле Цанке, правителя области Логодура в Сардинии («Ад», XXII, 88). В тела Бранки д'Орья и его родственника, соучастника преступления, вселились дьяволы.

151—153 Инвектива против генуэзцев.— Следует заметить, что генуэзцы стяжали себе в Италии XIV в. дурную славу. Об их хищности и корыстолюбии говорит Боккаччо в «Декамероне» (II, IV, 14).

154—157 *С гнуснейшим из романцев заодно Я встретил одного из вас...*— т. е. генуэзца Бранка д'Орья вместе с братом Альбериго из Фазанцы в Романье. Каждый из них: «Душой в Коците погружен давно, а телом здесь обмывает взоры».

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1—9 *Vexilla regis prodeunt [inferni]...*— «Приближаются знамена царя [Ада]» — начало известного латинского гимна Венанция Фортуната, епископа Пуатье (VI в. н. э.). Гимн этот исполнялся в страстную пятницу в католических церквах. Знамена обозначали крест. Данте добавил — *inferni* [Ада] от себя, т. е. здесь «знамена» — шесть крыльев Люцифера, в царстве которого искажаются и нарушаются все божественные установления. Данте снова прибегает к своим излюбленным поэтическим приемам: не называет сразу и прямо действующих лиц. Вместо «Люцифера» сказано: *он* чернеет, *он* виден. Крылья Люцифера также не названные прямо, уподоблены крыльям мельницы в тумане.

10—15 *Мы были там...*— Поэты вступают в четвертую зону Коцита — Джудекку, названную по имени Иуды, предавшего Христа. Грешники в этой области глубоко вмерзли в лед, одни лежат, другие стоят вверх и вниз головой, а некоторые согнувшись в дугу, так что ступни прикасались к лицу. Те, кто предал своих благодетелей или людей, сделавших им добро, равных им по званию и достоинству, — лежат; стоят вниз головой те, кто предали высших по положению, вверх головой — те синьоры, которые предали своих подданных; изогнуты — предавшие как высших, так и низших. Так толкуют древнейшие комментаторы «Божественной Комедии».

16—36 Данте и Вергилий, наконец, видят вблизи гигантскую фигуру вмерзшего в лед до пояса Люцифера, перед которым малыми кажутся гиганты, охраняющие нижний колодез Ада. Вергилий называет его Дитом, одним из античных имен повелителя преисподней. Данте говорит со скорбью и ужасом о том, как дивен и прекрасен был когда-то столь безобразный ныне Люцифер, и называет его первопричиной зла. Люцифер в Аду скован льдами, подчинен высшей воле, навеки побежден. Он занимает центральное место в мироздании — т. е. абсолютное зло находится в самом средоточии вселенной, и в центре мира — вечный холод и ужасающее уродство. «Позвиза умирает в Люцифере, чистой материи, подобно тому, как она умирает в боге, чистой духовности. Ад кончается абсолютной плотью, Рай растворяется в абсолютной духовности», — писал Де Санктис. Масса тела Люцифера, лишеного, казалось, разума, бессловесное, отвратительное животное, воплощает мировое зло и мировое уродство. Вся поэма Данте построена на антитезисе: огонь Эмпирея и холод Коцита, любовь и ненависть, движение и неподвижность, гармония и нарушение всех пропорций. Некогда Люцифер был серафимом, высшим духом из девяти ангельских чинов. Бернард Клервосский писал в третьей проповеди: «Ты был сотворен среди ангелов, но не удержался в их сонме, вот грядет наш владыка, творца новых ангелов». Эту мысль находим у Данте во второй кан-

доне «Новой жизни» и в «Пире»: «Я утверждаю, что некоторые из этих ангельских чинов были низвергнуты как только были созданы, вероятно, в одной десятой части. Для восполнения их и был потом создан род человеческий» («Пир», II, V, 12): Ср. также «Рай», XXIV, 49. Бернард так обращается к Люциферу: «И чтобы ты сильнее томился и чтобы ты мучился завистью, он творит не каких-либо ангелов низших чинов, но серафимов... Он хочет, следовательно, сотворить серафимов, чтобы они сияли там, где ты пал. «Серафимы,— сказал он,— стоят над всеми». Разве ты денница, поднимающаяся утром на небе (звезда Люцифера — Денница), мог стоять там, если бы не был серафимом? Серафим значит «пылающий, зажигающий». — А ты, о несчастный, имел свет, но не обладал любовным пламенем. Лучше было бы для тебя, если бы ты был прежде огненосцем, чем носителем света, но благодаря неумеренному желанию сиять, будучи хладным, ты избрал хладные пределы. А ты говорил: «Взойду на небо, выше звезд божих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера». («Книга пророка Исайи», 14, 13). См. И. Голенищев-Кутузов. Ангелизация блага и племените Госпође («Страни преглед». Београд, 1935, бр. 1—4, стр. 46—52).

Люцифер и его ангелы бунтовали напрасно, они вошли в систему мира, предназначавшую божеством, и должны стать озлобленными, но послушными исполнителями свыше назначенных казней для соблазненных ими людей. Они могут бунтовать только эпизодически (как перед воротами града Дита или в Злых Щелях), но должны в конце концов покориться. Гордыня, как главный грех, нарушила мировую гармонию и была первопричиной зла. Борба Люцифера с добрым началом все же продолжается на земле, и он стремится увеличить число подданных своего царства, поэту устрашаючи во мгле полунебытия его знамена. В многомыслии поэмы Данте Коцит означает также дно души, а не только средоточие мира. Замерзшие души как бы смешиваются со льдом, теряют индивидуальность, которая все же порой прорывается сквозь ледяную кору, как в знаменитом эпизоде с Уголино.

37—45 Три лица Люцифера.— Вероятно, красное лицо Люцифера аллегорически изображает гнев, черное — зависть, бело-желтое — бессилие. Три лица также пародируют небесную троицу, в которой сосредоточены вселенская любовь, могущество и доброта.

62—67 Три величайших грешника.— В трех пастях Люцифера казнятся те, чей грех, по мысли Данте, ужаснее всех остальных: предатели величества божеского (Иуда) и величества человеческого (Брут и Кассий), т. е. тех двух властей, которые, согласно его доктрине, должны совместно (в лице первосвященника и в лице императора) вести человечество к блаженству вечному и блаженству земному («Монархия», III, 16). Марк Юний Брут (около 84—83 гг. до н. э.) участвовал в борьбе между Помпеем и Цезарем. Вместе с Кассием он убил Цезаря; покончил с собой, потерпев поражение от Антония и Октавиана в битве при Филиппах. Кай Кассий Лонгин не был «телом коренаст», очевидно, Данте смешал его с Луцием Кассием, упомянутым Цицероном в «Катилинариях» (III, 7). Ср. у Плутарха «Брут», 29; «Цезарь», 62. Кажется, что вся структура «Ада» подчинена политической и исторической концепции поэта.

68 *Но наступает ночь*;...— Прошло 24 часа с тех пор, как поэты начали свое путешествие по Аду. Наступил вечер 26 марта. Вергилий замечает, что приближается конец нисхождения в Ад, ибо Данте видел «все, что было в нашей власти».

70—93

Путешествие Данте и Вергилия по телу Люцифера.— Цепляясь за шерсть владыки Ада, Вергилий лег, перевернулся головой туда, «где прежде были ноги» и стал не спускаться, а подыматься ввысь, так что Данте в испуге подумал, что они возвращаются в Ад, затем шагнул с трудом на скалу и помог перейти своему спутнику. Следует заметить, что Данте изображает это нисхождение — восхождение вполне реалистически. Вергилий тяжело дышит, ложится с усилием и с усилием поднимается по склону. Объяснение этого путешествия по телу того, кто воплощает абсолютное зло в центре вселенной, представляло и представляет значительные трудности для комментаторов.

Советский математик и физик П. А. Флоренский в 1921 г., к 600-летию со дня смерти Данте, в своем труде «Мнимости в геометрии» (М., 1922, стр. 44—53) предлагал использовать новейшие математические теории (специальный и общий принципы относительности) для объяснения структуры вселенной в «Божественной Комедии». Он писал: «Оба поэта спускаются по кручам воронкообразного ада. Воронка завершается последним, наиболее узким кругом Владыки преисподней. При этом обоими поэтами сохраняется все время нисхождения вертикальность головою к месту схода, т. е. к Италии, и ногами к центру Земли. Но, когда поэты достигают приблизительно пояса Люцифера, оба они внезапно переворачиваются, обращая ногами к поверхности Земли, откуда они вошли в подземное царство, а головою в обратную сторону («Ад», XXIV, 74—94). Миновав эту грань, т. е. окончив путь и миновав центр мира, поэты оказываются под гемисферой, противоположной той, где гора Сион; они подымаются по жерлообразному ходу (см. стихи 133—139). После этой грани поэт восходит на гору Чистилища и возносится чрез небесные сферы. Теперь вопрос: по какому направлению? Подземный ход, которым они поднялись, образовался падением Люцифера, низвергнутого с неба головою. Следовательно, место, с которого он низвергнут, находится не вообще где-то на небе, в пространстве, окружающем Землю, а именно со стороны той гемисферы, куда попали поэты. Гора Чистилища и Сион, диаметрально противоположные между собою, возникли как последствия этого падения, и значит путь к небу направлен по линии падения Люцифера, но имеет обратный смысл.. Двигаясь все время вперед по прямой и перевернувшись раз на пути, поэт приходит на прежнее место в том же положении, в каком он уходил с него. Следовательно, если бы он по дороге не перевернулся, то прибыл по прямой на место своего отправления уже вверх ногами. Значит поверхность, по которой движется Дант, такова, что прямая на ней, с одним перевертом направления, дает возврат к прежней точке в прямом положении, а прямолинейное движение без переверта — возвращает тело к прежней точке перевернутым. Очевидно, это — поверхность: 1°, как содержащая замкнутые прямые, есть *римановская плоскость* и 2°, как переворачивающая при движении по ней перпендикуляр, есть поверхность *односторонняя*. Эти два обстоятельства достаточны для геометрического охарактеризования *Дантова пространства, как построенного по типу эллиптической геометрии*. Флоренский полагает, что вселенная в представлении Данте основывается на «неэвклидовой» геометрии (неэвклидовость мира). О том, что некоторые важные и неясные проблемы астрономии и физики эпохи Данте вызывают споры и в настоящее время, см. J. Me u e r g e r s. Physik und Astronomie der Dante.— Zeit als Probleme der Gegenwart («Deutsche Dante-Jahrbuch», Bd. 14. Weimar, 1963, S. 71—110).

96

А солнце входит во второй свой час.— По нашему исчислению времени наступило около половины восьмого утра.

- ⁹⁸ *Естественный подвал.*— Далее Данте и Вергилий совершают восхождение по узкому коридору, напоминающему в полумраке подвал, или пещеру, пока не выходят на поверхность земли в южной гемисфере у подножия горы Чистилища.
- ¹⁰⁸ *В руно червя, которым мир пронзен?.*— Вергилий называет сатану червем, пользуясь библейской терминологией. Ср. также «Ад», VI, 22, где гнусным червем назван Цербер.
- ^{109–126} *Две гемисферы.*— По мнению Аристотеля («О небе»), южное полушарие земли является верхней и более благородной частью, чем северное; так как небо оживлено и движется подобно животному, естественно, что оно имеет верх и низ, правую и нижнюю стороны. Восток, откуда движется солнце, — правая сторона, а запад — левая. Эту концепцию, противоречащую нашим современным повседневным взглядам (на глобусах и картах северный полюс располагается «наверху»), находим у средневековых арабских комментаторов Аристотеля, в том числе у Аверроэса. Данте и западным мыслителям Средневековья необходимо было сочетать греко-арабские воззрения на космографию с библейской традицией, т. е. с отрывочными сведениями о падении Люцифера у пророка Исая (14, 11–16) и в Евангелиях от Луки (10, 18), Матфея (15, 41) и в Апокалипсисе (12, 7–9). В Апокалипсисе сказано, что на небе произошла война. Архангел Михаил и его ангелы воевали против дракона, называемого дьяволом и сатаной, который был вместе со своими приспешниками низвергнут на землю. В представлении Данте, сочетавшем библейские легенды с домыслами греческих мудрецов и их арабских толкователей, земля находилась во времена оно в южном полушарии, окруженная водой; когда произошло падение Люцифера, земля «в испуге» перешла вниз, в северную часть, а из недр земли, исторгнутых падением Люцифера, образовалась гора Чистилища. Эту грандиозную катастрофу Данте объясняет моральной причиной: бунтом возгордившегося Люцифера и его низвержением. Однако этот катаклизм происходит в мире, построенном по схемам Аристотеля. Особым вопросом для Данте являлся вопрос о сотворении Люцифера и злых ангелов. Вопрос этот вызывал длиннейшие и оживленнейшие споры богословов поздней античности и Средневековья. Если греческие богословы, а вслед за ними и Иероним полагали, что ангелы были сотворены задолго до сотворения материального мира, то на Западе преобладала теория о том, что ангелы были сотворены позже и вскоре после своего создания известная часть их отпала вместе с Люцифером. Бог сотворил в то же время чистую форму без материи, т. е. ангелов, чистую потенцию без формы, т. е. первую материю, а посредине нетленное смещение материи и формы — небесные сферы («Рай», XXIX, 13–36). Проблема мирового зла была поставлена с большой остротой, но не разрешена сколь-либо удовлетворительно схоластической философией, которая все же создала поэтическую легенду о том, что места на небесах, освободившиеся после отпадения части ангелов, восполняются праведными людьми. Эта мысль была одной из центральных мыслей Данте. См. В. Nardi. La caduta di Lucifero. Torino, 1959.
- ¹³⁰ *Ручья, который вытекает тут...*— Восходя в южную гемисферу, Данте слышит гул потока, стекающего вниз, в Ад; это река забвения Лета, еще не названная. Она течет с вершины горы Чистилища, где находится Земной Рай — Эдем.
- ¹³⁹ *И здесь мы вышли вновь узреть светила.*— Словом «светило», «звезда» (stella) кончаются все кантики (части) поэмы Данте.

ЧИСТИЛИЩЕ*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

- ⁴ *Второе царство* — т. е. Чистилище. Данте изображает его в виде огромной горы, возвышающейся в южном полушарии посреди Океана. Она имеет вид усеченного конуса. Береговая полоса и нижняя часть горы образуют Предчистилище, а верхняя опоясана семью уступами (семью кругами собственно Чистилища). На плоской вершине горы Данте помещает пустынный лес Земного Рая.
- ^{9—12} *Пусть Каллиопа...*— Девять дочерей фессалийского царя Пьера, Пнериды, дерзнули состязаться с музами в искусстве песнопения, но были посрамлены и превращены в сорók. На стороне муз выступала Каллиопа, муза эпической поэзии, старшая из девяти («Метаморфозы», V, 294—678).
- ^{19—21} *Маяк любви, прекрасная планета*,— т. е. *Венера*, затмевающая своей яркостью созвездие *Рыб*, в котором она находилась.
- ²² *К остью...*— т. е. небесному полюсу, в данном случае южному.
- ^{23—27} *Четыре звезды* («Чистилище», VIII, 91—92; XXXI, 106) — символизируют четыре «основные (естественные) добродетели древнего мира (мудрость, справедливость, мужество и умеренность).
- ³⁰ *Колесница* — Большая Медведица, скрытая за горизонтом.
- ³¹ *Некий старец* — Катон Младший, Утический (95—46 до н. э.), государственный деятель последних времен Римской республики, который, не пожелав пережить ее крушение, покончил с собой (в городе Утике — см. ст. 74). Данте делает его стражем Чистилища, на вершине которого, по мысли поэта, дух обретает свободу («Чистилище», XXVII, 140—142). О нем см. в «Пире».
- ⁴¹ *Слепой водопад* — подземный ручей, вдоль которого поэты поднимались из Ада.
- ⁴² *Оперенье* — величавая борода Катона.
- ⁵⁸ *Последний вечер* — т. е. смерть.
- ⁷⁵ *В грозный день* — т. е. в день Страшного суда.
- ⁷⁸ *И круг мой — тот, где Марция твоя...*— Лимб, где обитает Марция, жена Катона («Ад», IV, 128).
- ⁸² *Твои семь царств* — т. е. семь кругов Чистилища.
- ⁸⁸ *Зловещий вал* — волны Ахерона, окаймляющего Ад.
- ⁸⁹ *Изведенный силою чудесной...*— из Лимба («Ад», IV, 46—63).
- ⁹⁴ *Тростьем опояшь его...*— тростником, символом смирения.
- ⁹⁸ *Первому из слуг* — ангелу-привратнику («Чистилище», IX, 76—84).

* Для данного издания комментарии М. Л. Лозинского заново просмотрены; внесены небольшие дополнения.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

- 1-3 Так как, по Данте, гора Чистилища и Иерусалим расположены на противоположных концах земного диаметра, то у них общий горизонт. В северном полушарии вершина меридиана («полдневного круга»), пересекающего этот горизонт, приходится над *Иерусалимом*. В описываемый час солнце, видимое в Иерусалиме, клонилось к закату, чтобы вскоре появиться над горизонтом Чистилища.
- 4-6 *А ночь...*— Согласно средневековой географии, Иерусалим лежит в самой середине суши, расположенной в северном полушарии между полярным кругом и экватором и простирающейся всего лишь на 180° долготы. Остальные три четверти земного шара покрыты водами Океана. В равном отдалении от Иерусалима находятся: на крайнем востоке — устье Ганга, текущего с запада на восток («Чистилище», XXVII, 4; «Рай», XI, 51), на крайнем западе — Геркулесовы столбы («Ад», XXVI, 107—108), Испания («Ад», XX, 125; «Чистилище», XXVII, 3; «Рай», XXVII, 82) и Марокко («Чистилище», IV, 139). Когда в Иерусалиме заходит солнце, то со стороны Ганга надвигается ночь. В описываемое время года, т. е. в пору весеннего равноденствия, она держит в руках *весы*, т. е. находится в созвездии Весов, противостоя солнцу, находящемуся в созвездии Овна. Осенью, когда она «одолжит» день и станет продолжительнее, чем он, она выйдет из созвездия Весов, т. е. «выронит» их.
- 26 *В той первой белизне...*— То, что белело по сторонам приближающегося света, были крылья ангела; то, что белело внизу,— его одежда. Средоточием света было его лицо.
- 46 «*In exitu Israel*» (лат.) — «Когда вышел Израиль [из Египта]» (псалом СХШ).
- 56-57 *Сбив с небесной середины Козерога...*— При восходе солнца созвездие Козерога было на меридиане, а теперь начало склоняться к западу.
- 86 *И тут ее узнал я...*— Данте по голосу узнал своего друга, композитора и певца Казеллу.
- 94-105 Казелла рассказывает поэту, что души тех, «кто не притянут Азероном» (ср. «Ад», III, 70—129), т. е. не осужден на муки Ада, слетаются после смерти к устью Тибра (ср. «Чистилище», XXV, 85—87), откуда ангел отвозит их в челне на остров Чистилища. Хотя он долго не брал с собой Казеллу, тот не усматривает в этом обиды, будучи убежден, что желание ангела-перевозчика «с высшей правдой сходно». Но сейчас весна 1300 г., в Риме, начиная с Рождества, справляется церковный «юбилей», щедро отпускаются грехи живым, и облегчается участь мертвых. Поэтому вот уже три месяца, как ангел «берет свободно» в свою ладью всех, кто ни попросит.
- 112 «*Любовь, в душе беседа со мной*» — «Так начинается одна из канцон Данте, открывающая собою третий трактат «Пира».
- 119 *Величественный старец* — Катон.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

- 25—27 По повелению Августа тело Вергилия, умершего (19 до н. э.) в *Брундузии* (Бриндизи), было перенесено в Неаполь и там погребено. Когда в Чистилище раннее утро, в Неаполе — вечер.
- 37 *Quia* — латинское слово, означающее «потому что», а в средние века применявшееся также в смысле *quod* («что»). Схоластическая наука, следуя Аристотелю, различала двоякого рода знание: *scire quia* — знание существующего и *scire propter quid* — знание причин существующего. Вергилий советует людям довольствоваться первого рода знанием, не вникая в причины того, что есть.
- 40 Ты — т. е. «род людской» (ст. 37).
- 50 Замок *Лэриче* и местечко *Турбия* — крайние точки, восточная и западная, гористого побережья Лигурийского моря.
- 112—113 *Манфред* — король Неаполя и Сицилии (с 1254 по 1266), сын Фридриха II («Ад», X, 119), внук *Костанцы* («Рай», III, 109—120), непримиримый противник папства, отлученный от церкви. Для борьбы с ним папский престол призвал Карла Анжуйского (см. прим. «Чистилище», VII, 112—114). В битве при Беневенто (1266) Манфред погиб, и его королевство досталось Карлу.
- 115—116 *Моей прекрасной дочери...* — Костанце, вдове Педро III *Арагонского* (см. прим. «Чистилище», VII, 112—114), овладевшего *Сицилией* в 1282 г.
- 117 *Не верить лжи лукавой...* — Тому, что Манфред, как отлученный от церкви, находится в Аду.
- 125—131 Манфред был погребен у моста Беневенто, и каждый воин вражеского войска бросил камень на его могилу, так что вырос целый холм. Исполняя волю папы *Климента IV*, архиепископ города *Козенцы*, поклявшийся изгнать Манфреда из его владений, вырыл его останки и перенес их на другой берег реки *Верде*.
- 132 *Куда он снес их, погасит огни...* — Когда хоронили отлученного, то у его гроба гасили свечи и затем несли их опрокинутыми.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- 25—26 *Сан-Лео, Ноли, Бисмантова* — труднодоступные горные местности в Италии.
- 57 *Солнце слева посылает стрелы.* — Путники находятся в южном полушарии, лицом к востоку. Поэтому солнце, поднявшееся уже на 50°, они видят с левой стороны от себя.
- 60 *Аквилон* — северный ветер. Здесь — в смысле: север.
- 61—66 Смысл: «Если бы солнце (*зеркало*) было сейчас в созвездии Близнецов (*Диоскуров*), ты видел бы, что «*рдеющая*» часть Зодиака (та, где находится солнце) вращается еще ближе к северному полюсу (к созвездиям *Медведиц*), если только солнце не изменит своего вековечного пути». Другими словами: «В июне ты видел бы солнце еще ниже над горизонтом в северном направлении».
- 68 *Сион* — т. е. Иерусалим (см. прим. «Чистилище», II, 1—3).
- 71—72 *Дорога, где несчастливый правил Фаэтон...* — Зодиак. (См. прим. «Ад», XVII, 79—136).
- 79 *Вращатель вселенной* — девятое небо, или Перводвигатель.

- 104 *Расположились люди;..*— Это нерадивые, до смертного часа медлившие покаивием.
- 123 *Белаква* — флорентиец, выделявавший грифы к лютям и гитарам. Данте с ним дружил и любил послушать его музыку.
- 129 *Господня птица* — ангел-привратник («Чистилище», IX, 78).
- 139 *У берега...* — т. е. у западного предела суши (см. прим. «Чистилище», II, 4—6).

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

- 24 *«Miserere»* (лат.) — начало псалма L.
- 38 *Горящий пар* — молния или падающая звезда.
- 64—84 *Один сказал.*— Это Якопо дель Кассеро, уроженец города *Фано* в Анконской марке, лежащей между *землею Карла II*, т. е. Неаполитанским королевством, и *Романьей*. Вражда с Адзо VIII *д'Эсте*, маркизом Феррарским, и приглашенный в 1298 г. на должность подеста в Милан, он из осторожности поехал через падуанские владения, но здесь, в *Орьяко*, был убит наемниками Адзо.
- 75 *Ангелоры* — падуанцы, потому что Падуя считалась основанной троянцем Антенором.
- 79 *Мира* — городок между Орьяко и Падуей.
- 88—93 *Я был Буонконте;..*— Буонконте, сын графа Гвидо да Монтефельтро («Ад», XXVII), предводительствовал аретинскими гибеллинами в войне против флорентийских гвельфов и пал в битве на *Кампальдино* (см. прим. «Ад», XXII, 1—12).
- 89 *Джованна* — вдова Буонконте.
- 95 *Аркьяно* — река в области *Казентино*, приток Арно.
- 106—108 *Вечное* — душа Буонконте, которую ангел уносит в Рай, «пользуясь *слезинкой*» его раскаяния. Дьявол решает завладеть хотя бы «*прочим*», т. е. его телом.
- 116 *Долина Арно*, в том месте, где погиб Буонконте, лежит между горным хребтом *Прачоманьо* и *большой грядой Апеннин*.
- 129 *Своей добычей* — т. е. камнями и песком.
- 133—136 *Пия деи Толомеи*, родом из *Сьены*, вышла замуж за Нелло деи Панноккьески, который из ревности убил ее тайно в одном из своих замков в *Сьенской Маремме*.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

- 13—14 *Аретинец* — Бенинкаса, судья, которого убил и обезглавил сьенский рыцарь — разбойник *Гин ди Такко*.
- 15 *В погоне утонувший;..*— Гуччо Тарлати, аретинец, который утонул, не то преследуя врагов, не то спасаясь бегством.
- 15—16 *Федерико Новелло* — из рода графов Гвиди.
- 17—18 *Пизанец* — Гано, сын *Марцукко* Скорниджани, убитый в 1287 г. Отец его, проявив необычную *силу духа*, простил убийцу.
- 19 *Орсо* дельи Альберти, граф Мангона, убитый своим двоюродным братом. Он был сыном Наполеона, одного из тех двух братьев, которые убили друг друга («Ад», XXXII, 40—60).

- 19—24 *Пьер де ла Бросс*;...— придворный Филиппа III Французского, казненный по проискам Марии Брабантской, жены короля. Данте советует «*брабантке*» подумать о покаянии, чтобы не оказаться в Аду.
- 29 *В стихе, тобою спетом*,...— «Властную волю богов преклонить не надейся мольбами» («Энеида», VI, 376).
- 38 *Огнь любви* — т. е. горячая молитва живых.
- 40 *Там, где стих мой у меня возник*,...— т. е. в языческом мире.
- 62 *Ломбардский дух* — Сорделло, поэт XIII в., писавший на провансальском языке, погибший, по преданию, насильственной смертью, уроженец Мантуи, как и Вергилий.
- 88—90 *Юстиниан* — см. прим. «Рай», VI, 10. Он «*подправил повод*» коню, обуздал государство законами, но теперь «*седло пустоет*», на престоле нет самодержца.
- 91—96 *О вы, кому молиться долженствует*,...— римский папа и духовенство, присвоившие себе светскую власть.
- 97 *Альберт немецкий* — Альбрехт, сын Рудольфа Габсбургского, император и «*король римлян*» с 1298 по 1308 г.
- 104 *Имперский сад* — Италия.
- 111 *Сантафьор* — графство Сантафьора в Сьенской Маремме. Бонифаций VIII отвоёвал у него значительную часть владений.
- 118 *Дий* (Юпитер) — вместо «Христос». (Ср. «Ад», XXXI, 45, 92).
- 125 *В образе клеветы*,...— т. е. изображая из себя приверженца политической партии.
- 126 *Марцелл* — политический враг Юлия Цезаря. Здесь в смысле: влиятельный противник императорской власти.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

- 6 *Октавиан* — император Август (см. прим. «Чистилище», III, 25—27).
- 28 *Есть край внизу*,...— Лимб («Ад», IV, 25—151).
- 34—36 *Три святые добродетели* — так называемые «богословские» — вера, надежда и любовь. *Остальные* — это четыре «основные» или «естественные» (см. прим. «Чистилище», I, 23—27).
- 82 «*Salve, Regina*» — «Славься, царица», церковный гимн.
- 83 *Толпа теней*, сидящих в уединенной долине, — души земных властителей, которые были поглощены мирскими делами.
- 91—95 *Рудольф* Габсбургский, император с 1273 по 1291 г. Он «*пренебрег своим призванием*», т. е. не пошел в Италию, чтобы подчинить ее своей власти.
- 96 *А ныне этот час опять далек* — потому что итальянский поход императора Генриха VII в 1310—1313 гг. кончится неудачей («Рай», XXX, 137—138).
- 97—102 *Рудольфа* утешает его заклятый враг, чешский король Пшемисл *Оттокар II*, павший в битве с ним в 1278 г.
- 103—111 *Курносый*, французский король Филипп III Смелый, потерпел поражение в войне против Педро III Арагонского и умер в 1285 г. во время отступления, «*омрачив честь лилий*» своего герба. Его собеседник, только по виду *благодушный добряк*, — Генрих Толстый, король Наваррский (ум. 1274), выдавший свою дочь за сына Филиппа Смелого, Филиппа IV Красивого (1285—1314). *Отец и тесть* скорбят о «*мерзости*» Филиппа IV, «*французского злодея*», которого Данте клеймит не раз.

- 112—114 Еще два врага «поют в лад»: *кряжистый*, Педро III Арагонский, и *носач*, Карл I Анжуйский.
Карл, граф Анжуйский (1220—1285), брат Людовика IX Французского, был призван папами для борьбы против Манфреда и в 1266 г. овладел Неаполем и Сицилией (см. прим. «Чистилище», III, 112—113). В 1282 г. в Палермо вспыхнуло восстание против французов («Сицилийская вечерня»), и королем Сицилии был избран Педро III Арагонский (ум. 1285). За Карлом осталось Неаполитанское королевство.
- 116 *Юноша* — старший сын Педро, Альфонсо III (ум. 1291).
- 119—120 Яков II Арагонский (ум. 1327) и *Федерико II* Сицилийский (ум. 1337) — второй и третий сыновья Педро. «Все то, что лучше», т. е. отповскую доблесть, они не унаследовали (ср. «Рай», XIX, 130—138; XX, 63).
- 124—126 *Носач*, Карл I Анжуйский, тоже несчастен в своем потомстве: *Прованс* («Чистилище», XX, 61) и *Пулья* (Неаполитанское королевство) *стонут* под властью Карла II (см. прим. «Чистилище», XX, 79—80).
- 127—129 Карл I настолько же превосходит своего сына, Карла II, насколько *Костанца*, вдова Педро III (см. прим. «Чистилище», III, 115—116), имеет больше оснований гордиться своим мужем, чем первая и вторая жены Карла I, *Беатриче* и *Маргерита*.
- 130—132 *Генрих III* Английский (ум. 1272).
- 133—136 *Гульельмо Спадалунга*, маркиз *Монтефerratский* и *Канавезский*. Восставшие против него жители города Алессандрии взяли его в плен и посадили в железную клетку, где он и умер (1292). Неудачная война его сына против Алессандрии еще долго разоряла страну.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

- 13 «*Te lucis ante*» — начальные слова вечернего церковного гимна: «Тебя, у предела света... [просим...]».
- 18 *До верховных дуг* — т. е. небесных сфер.
- 53 *Нино* Висконти — «судья» (правитель) округа Галлуры в Сардинии (см. прим. «Ад», XXII, 81—90), внук и соперник графа Уголино (см. прим. «Ад», XXXIII, 22—24). Умер в 1296 г.
- 65 *Куррадо* — см. прим. 115—119.
- 71 *Джованна* — малолетняя дочь Нино Висконти.
- 73—75 *Мать ее*, Беатриче, недолго носила вдовий «белый плат», выйдя вторично замуж за Галеаццо, из миланских Висконти, претерпевшего тяжелую судьбу.
- 79—81 Для Беатриче было бы почетнее, если бы на ее гробнице был высечен герб ее первого мужа, «*кочет*» (петух, герб пизанских Висконти, судей Галлуры), а не «*егидна*» (герб миланских Висконти: змея, пожирающая младенца).
- 85—93 Три ярких *звезды*, сияющие в этот час вокруг южного полюса, символизируют веру, надежду и любовь (см. прим. «Чистилище», VII, 34—36).
- 97—99 *Змея* — аллегория дьявола-обольстителя.
- 109—110 *Тот, кто подошел к нам после зова судьбы...* — т. е. после зова Нино Висконти (см. ст. 65) — Коррадо Маласпина (см. ст. 118).
- 115—119 *Куррадо* (Коррадо) *Маласпина* Младший — маркиз Луниджаны, умерший около 1294 г. У маркизов Маласпина изгнанник Данте нашел радужный приют в 1306 г. *Вальдимагра* — долина реки Магры в Луниджане.

- 131 *Дурным главой* — т. е. римским папой.
- 133—139 Смысл: «Солнце не успеет вступить *семь раз* в знак *Овна*, где оно стоит сейчас, т. е. не пройдет и семи лет, как ты сам убедись в нашем радушии, раз уж должен *свершиться приговор* судьбы, обрекающий тебя на скитальчество».

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

- 1—6 *Наложница старинного Тифона*.— Миф о троянском царевиче Тифоне гласит, что прекрасная Эос (Аврора), утренняя заря, стала его женой, испросила для него у Зевса бессмертие, но забыла спросить ему вечную юность, и он превратился в ветхого старца. В связи с пониманием слов «*наложница Тифона*» находятся два основных толкования ст. 1—6:
1) Данте наделяет Тифона, наряду с супругой, еще и *наложницей*, лунной зарей. В ст. 1—6 описывается час, наступивший на горе Чистилища: лунная заря *взошла белеть на утренний помост*, т. е. появилась на востоке, и *на ней сияло*, как *корона созвездие Скорпиона* («*холодный зверь*»).
2) *Тифонова наложница* (в непредвзвешенном смысле) — Аврора. Пользуясь тем же приемом, что и в «Чистилище», II, 1—9; III, 25—27; IV, 137—140; XV, 6; XXVII, 1—6; «Рай», I, 43—45,— Данте в ст. 1—6 указывает час, наступивший в Италии: там, на востоке, забрезжила солнечная заря, и *на ней сияло созвездие Рыб* («*холодный зверь*»), а в ст. 7—9 он определяет соответственный час для горы Чистилища.
- 7—9 *И ночь означила двумя шагами...*— Прошло два часа от начала ночи в том месте, где мы были, т. е. на горе Чистилища, и даже *третий час* близился к концу.
- 10 *С Адамом в существе своем...*— т. е. обладая телом, подверженным усталости. Вергилий и другие тени не нуждаются в сне.
- 12 *Впятером* — т. е. Данте, Вергилий, Сорделло, Нино Висконти и Корrado Маласпина.
- 14—15 *Касатка* — злополучная царевна Филомела, превращенная в ласточку (касатку). (См. прим. «Чистилище», XVII, 19—20).
- 22—24 *Там, где Ганимед...*— т. е. на горе Иде Фригийской, где Зевс, обратясь в орла, похитил прекрасного Ганимеда, чтобы сделать его своим виночерпием.
- 30 *До самого огня* — до сферы огня, которая считалась лежащей между сферой воздуха и небом Луны.
- 34—39 *Не меньше вздрогнул некогда Ахилл...*— Когда юноша Ахилл воспитывался у кентавра Хирона («Ад», XII, 71), богиня Фетида, его мать, зная, что ему грозит гибель на войне, перенесла его спать на остров *Скир*. Но здесь его при помощи хитрости обнаружили Улисс и Диомед (см. прим. «Ад», XXVI, 52—60).
- 65—63 *Лючия* — см. «Ад», II, 97—108.
- 112 *Семь Р* (начальная буква лат. слова *peccatum*, грех) — означают семь смертных грехов, от которых надлежит очиститься по мере восхождения на гору Чистилища.
- 137 *Тарпей* — Тарпейский утес римского Капитолия, где хранилась государственная казна. Когда Цезарь потребовал выдачи ему этой казны, народный трибун Люций Цецилий *Метелл* отказал ему, и тот силой открыл двери.
- 141 «*Te Deum*» — латинский церковный гимн «Тебе бога [хвалим]».

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

- 8 *Та и эта двигалась стена* — т. е. образовывала волнообразные выступы, так что тропа была извилиста.
- 16 *Игольное ушко* — узкий проход.
- 31 *Поликлет* — знаменитый греческий ваятель V в. до н. э.
- 34—35 Первый барельеф изображает евангельскую легенду о смирении девы Марии перед ангелом.
- 55—69 Второй барельеф изображает смирение библейского царя Давида, мужа *Мелхоль*.
- 73—93 Третий барельеф воспроизводит легенду о том, как император Траян (с 98 по 117 н. э.) смиренно выслушал упрек вдовы и оказал ей правосудие.
- 75 *Григорий обесмертил величаво*.— Существовала легенда, что по молитве папы Григория (ум. 604), кроткий Траян, император-язычник, был освобожден из Ада, жил вторично уже как христианин и достиг райского блаженства («Рай», XX, 44—48; 100—117).

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

- 11 *«Осанна»* (еврейск: спаси, сохрани) — приветственное восклицание.
- 58—69 *Я был лагинянин;*..— Это *Омберто Альдобрандески*, граф Сантафьора («Чистилище», VI, 111), погибший в 1259 г. при осаде съенцами его замка *Кампаньятико*.
- 62—63 *Мать у всех одна* — земля.
- 66 *Вся чадь* — вся дружина.
- 79—80 *Одеризи из Губбьо* — прославленный в свое время миниатюрист (ум. 1299).
- 81 *«Иллюминур»*, как говорят в Париже — т. е. миниатюр.
- 83 *Франко из Болоньи* — миниатюрист, современник Данте.
- 94 *Чимабуэ* — флорентийский живописец (ум. ок. 1302).
- 95 *Джотто* — знаменитый итальянский живописец (ум. 1337), друг Данте.
- 97—99 Первый *Гвидо* — поэт Гвидо Гвиницелли (ум. 1276). («Чистилище», XXVI, 91); *«новый Гвидо»* — Гвидо Кавальканти (ум. 1300), друг Данте (см. «Ад», X, 58—72; 109—111).
- 108 *Звездный кружится чертог*.— По Данте («Пир», II, XIV, 11), движение звездного неба с запада на восток равно одному градусу в сто лет.
- 109—114 *По всей Тоскане прогремел*...— Провенцан Сальвани (см. ст. 121), вождь тосканских гибеллинов, стоявший во главе Съенской республики, *«когда надорвалась злость»* флорентийских гвельфов, разбитых при Монтаперти в 1260 г. («Ад», X, 85—86; XXXII, 81). В 1269 г. при Колле ди Вальдельса («Чистилище», XIII, 115), где флорентийцы в свой черед разгромили съенцев, он был взят в плен и обезглавлен, а съенские гвельфы, вернувшись к власти, снесли его дома.
- 133—142 Когда один из друзей Провенцана Сальвани был взят в плен Карлом I Анжуйским и тот потребовал за него огромный выкуп, угрожая казнью пленника, гордый Сальвани сел на *Кампо*, главной площади Съены, и смиренно просил горожан помочь ему собрать требуемые деньги. Пленник был выкуплен. За этот свой поступок Провенцан *«и не остался там»*, т. е. у подножия горы Чистилища.
- 139—141 Данте поймет, что значит: «Он каждой жилой был дрожать готов» (ст. 138), когда его *«соседи»*, флорентийцы, вынудят его прибегать в изгнании к чужой помощи (ср. «Рай», XVII, 58—60).

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

- 13—24 *Посмотри под ноги!* — на резные изображения, являющие примеры наказанной гордости.
- 25—27 Люцифер.
- 28—30 *Бриарей* (см. прим. «Ад», XXXI, 97—99).
- 31—33 *Тимбрей* (одно из прозвищ Аполлона), *Марс* и *Паллада*, окружив Зевса, смотрят на сраженных ими *гигантов* («Ад», XXXI).
- 34—36 *Немерод* — см. прим. «Ад», XXXI, 46.
- 37—39 *Ниобея*, жена Амфиона («Ад», XXXII, 11), гордая своими семью сыновьями и семью дочерьми, глумилась над Латоной, матерью всего лишь двух близнецов — Аполлона и Дианы. Тогда дети богини убили стрелами всех детей Ниобеи, которая от горя окаменела («Метаморфозы», VI, 146—312).
- 40—42 *Саул*, царь израильский, побежденный филистимлянами на горе *Гелвуе*, пал на свой меч (Библия).
- 43—45 *Арахна*, искусная ткачиха («Ад», XVII, 18), дерзнувшая состязаться с Палладой, была ею превращена в паука («Метаморфозы», VI, 5—145). Здесь она изображена в самый миг превращения.
- 46—48 *Ровоам*, жестокий израильский царь, спасающийся бегством от народного восстания (Библия).
- 49—51 *Сын Эдипа*, Полиник, ища себе союзников, чтобы отвоевать Фивы у своего брата Этеокла, подарил тщеславной Эрифиле, жене аргосского царя Амфиарая («Ад», XX, 31—39), ожерелье Гармонии, приносившее несчастье всем его обладательницам, и она указала ему, где таится ее муж, который скрылся, зная, что лишится жизни, если отправится в этот поход. Когда Амфиарай погиб под Фивами, его сын *Алкмеон*, выполняя мщение, завещанное отцом, убил свою мать (ср. «Рай», IV, 103—105), так что она прокляла «убор, ей на погибель данный».
- 52—54 Надменный *Сеннахирим*, царь ассирийский, был убит во храме своими сыновьями (Библия).
- 55—57 *Тамириса*, скифская царица, отмщая Киру за гибель своего сына, разгромила персидское войско, велела отрубить голову павшего в битве царя и положить ее в мех, наполненный человеческой кровью. При этом она воскликнула: «Упейся кровью, которой ты тридцать лет ненасытимо жаждал!» (О р о з и й. История, II, 7).
- 58—60 Когда ассирийский полководец *Олоферн* осаждал Ветилую, иудейка *Юдифь* пришла к нему в шатер и обезглавила его. *Ассирийцы* обратились в бегство (Библия).
- 80—81 *Прислужницы дня* — Оры (в античной мифологии — богини времен года, а также часов дня), сменяющие друг друга на солнечной колеснице («Чистилище», XXI, 118—120). Уже минул *шестой* час после восхода солнца, т. е. минул полдень.
- 97—98 Взмахом крыльев ангел стер одно из «р», вырезанных на челе Данте («Чистилище», IX, 112—114).
- 100—108 Ступенчатый подъем во второй круг Данте сравнивает с тропой, по которой, выйдя из Флоренции и перейдя через мост *Рубаконте* (ныне alle Grazie), поднимаются к *церкви* Сан-Миниато.
- 101 *Юдоль порядка* — так иронически названа Флоренция.
- 105 *Когда блюлась тетрадь и читалась кадка...* — т. е. когда общественные деятели Флоренции были честнее. Данте намекает на два громких мошен-

ничества, случившиеся в его время: мессер Никкола Аччайоли и судья Бальдо д'Агульоне («Рай», XVI, 55—56) удалили из нотариальной книги компрометирующую запись, а Дуранте Бьярмонтези, ведавший продажу соли, уменьшил объем казенной кадки, чтобы обмеривать покупателей («Рай», XVI, 104).

110 «*Beati pauperes spiritu*» (лат.).— «Блаженны нищие духом» (Ев. от Матф., V, 3).

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

- 16—21 Вергилий решает идти посолонь, огибая гору справа.
 29 «*Vinum non habent!*» (лат.).— «Вина у них нет!» (Ев. от Иоан., II, 1—10).
 32 «*Я Орест!*» — восклицание Ореста, подоспевшего в тот миг, когда его друг Пилад, назвавшись его именем, хотел принять казнь вместо него.
 39—40 «*Плетью*» служат примеры любви; «уздой» должны служить примеры наказанной зависти («Чистилище», XIV, 130—144).
 106—129 *Из Съены я...*— Сапия, знатная съенская дама, тетка Провенцана Сальвани («Чистилище», XI, 109—114).
 109—110 *Не мудрая, хотя меня и звали Сапия...*— Игра словами: собственное имя Sapia сопоставлено с итальянским прилагательным savia (в староитал. также: sapia), т. е. «мудрая».
 115 *Колле ди Вальдельса* — см. прим. «Чистилище», XI, 109—114.
 128 *Пьер Петтинайо* — по ремеслу гребенщик, прослывший в Съене святым.
 151—154 *В том городе*, т. е. в Съене, все мечтают о приобретении гавани *Таламонэ*, чтобы получить выход к морю (что и осуществилось в 1303 г.). Но это предприятие окажется таким же убыточным, как и бесплодные поиски подземной реки *Дианы*, которую съенцы старались обнаружить, чтобы обеспечить город водою. Выражение «*адмиралы*» толковалось различно: 1) те, что надеялись стать адмиралами съенского флота; 2) начальник портовых работ, погибший в Таламонэ от малярии; 3) подрядчики, разорившиеся на этих работах.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

- 17 *Фальгерона* — горный хребет в Апенниннах.
 32 *Пелор* — т. е. мыс Фаро, северо-восточная оконечность Сицилии.
 42 *Цирцея* — см. прим. «Ад», XXVI, 91—99.
 43—45 *Свиная порода* — обитатели Казентино, в особенности же графы Гвиди, владельцы Ромены и Порчано (см. прим. «Ад», XXX, 76—90). Игра слов: Rosciano — rosci (свиньи).
 46—48 *Дворняжки* — аретинцы. Сначала Арно течет к югу, но неподалеку от Ареццо круто поворачивает к западу, словно презрительно «*ворочит нос*».
 49—51 *Волки* — флорентийцы.
 52—54 *Лисицы* — пизанцы.
 58—66 Говорящий, романец Гвидо дель Дука (ст. 81), из равеннского рода Оне-сти, гибеллин (умер в середине XIII в.) предсказывает своему собеседнику и земляку Риньери да Кальболи (ст. 88—89) злодеяния его племянника Фульчери да Кальболи, который, по приглашению партии Черных, займет

- в 1303 г. должность подеста во Флоренции и подвергнет жестоким пыткам и казням оставшихся в городе Белых и гибеллинов.
- 64 *Скорбный лес* — Флоренция.
- 81 *Гвидо дель Дука* — см. прим. 58—66.
- 88—89 *А вот Риньер...* — романец Риньер да Кальболи, из Форли, представитель знатного гвельфского рода (умер 1296).
- 91 *Кровь* — т. е. потомство.
- 92 *Меж По и Рено, морем и горой...* — т. е. в Романье.
- 97—111 Гвидо перечисляет романцев прежнего времени, которых он считает образцами доблести.
- 112—114 *Бреттиноро* (Бертиноро) — городок между Форли и Чезеной. Его покинул славный род Манарди, владевший им.
- 115 *Баньякаваль* — замок графов Мальвичини, мужское потомство которых пресеклось.
- 116—117 В замках *Коньо* и *Кастрокаро* жили свои владетельные графы.
- 118 *Демон* — Магинардо *Пагани* (см. прим. «Ад», XXVII, 49).
- 121—123 *Уголин де'Фанголин* — род которого пресекся.
- 133 *«Меня убьет, кто встретит!»* — слова Каина богу, проклявшему его за то, что из зависти он убил Авеля (Библия).
- 139 *«Я тень Аглавры...»* — Аглавра завидовала своей сестре Герсе, которую любил Гермес, и тот превратил ее в камень («Метаморфозы», II, 708—832).
- 147 Смысл: «Нет пользы ни в *поводьях* (в сдерживающих примерах наказанного греха), ни в *вабиле* (в заманчивых примерах награжденной добродетели)».

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

- 1—5 Солнцу оставалось пройти до горизонта такую же долю окружности, на какую к трем часам дня (считая от восхода) успеваешь повернуться «сфера, как дитя, живая», т. е. небо Солнца, вечно подвижное. Другими словами, до заката оставалось три часа.
- 6 *Там* — в Чистилище; *здесь у нас* — в Италии.
- 37—38 *«Beati misericordes!»* — «Блаженны милостивые!» (Ев. от Матф., V, 7).
- 45 *О «доступе другим»* — см. «Чистилище», XIV, 87.
- 67 *Световое тело* — т. е. тело, способное воспринимать световые лучи.
- 87—92 *«Сборище во храме»...* — евангельская легенда о двенадцатилетнем Христе, беседующем с учителями.
- 94—105 Юноша, влюбленный в дочь *Писистрата*, афинского тирана, поцеловал ее при людях. Писистрат не послушался своей жены, требовавшей, чтобы дерзкий был наказан, и дело кончилось свадьбой.
- 98 *Среди богов посеяло разлад.* — Посейдон и Афина спорили о том, чьим именем должен быть назван город. Восторжествовала Афина.
- 106—114 Юноша Стефан, побиваемый камнями.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

- 19 *«Agnus Dei»* — «Агнец божий», слова католической молитвы.
- 46 *Я был ломбардец, Марко звался я;*..— Ломбардец Марко жил в XIII в. и был «придворным», т. е. человеком, служившим при дворе то одного, то другого феодала.
- 52—57 *Но у меня сомнение родилось:* в чем причина всеобщей испорченности — во влиянии небесных светил или в злой воле людей? Сомнение это, возникшее после слов Гвидо дель Дука («Чистилище», XIV, 38—39), усугубилось (стало еще настоятельнее требовать разрешения) после слов Марко (ст. 47—48), подтвердивших то самое (всеобщее падение нравов), с чем это сомнение соединилось, т. е. чем оно было вызвано, и «здесь» (в беседе с Марко) и «там» (в беседе с Гвидо).
- 68 *Одно лишь небо* — т. е. лишь воздействие звезд.
- 96 *Башня Града* — справедливость.
- 98—99 *Ваш пастырь жвачку хоть жует, Но не раздвоены его копыта;*..— По Моисееву закону, чистыми животными считались те, у которых раздвоены копыта и которые притом жуют жвачку. Христианские богословы пользовались этим образом символически; жевание жвачки — размышление над священным писанием и правильное его понимание; раздвоенность копыт — различение некоторых глубоких понятий, в том числе добра и зла. Данте хочет сказать: «Римский папа и чист и нечист; он авторитетен в вопросах религии, но не различает духовного от светского, посягает на императорские права, прельщается земными благами».
- 107 *Два солнца* — папа и император.
- 109 *Одно другое погасило* — папская власть упразднила императорскую.
- 110 *Меч слился с посохом* — светская власть слилась с духовной, папа присвоил себе права монарха.
- 115 *В стране, где По и Адиче (Адидже) струятся*...— в Ломбардии, отечестве говорящего.
- 117 *В дни Федерика* — т. е. Фридриха II (см. прим. «Ад», X, 119).
- 124 *Герардо да Камино, генеральный капитан Тревизо.*
- 124—125 *Гвидо да Кастель*, у себя в Реджо радушно принимавший путешественников.
- 126 *Куррадо да Палаццо* из Брешии.
- 131 *Левиты* — жреческое сословие у древних евреев.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

- 19—20 *Жестокость той*...— Прокна, чтобы отомстить своему мужу, фракийскому царю Тереку, который изнасиловал ее сестру Филомелу и вырезал у нее язык, убила своего сына Итиса и его мясом накормила отца («Метаморфозы», VI, 424—874). Прокна (по тому варианту мифа, которому следует Данте) была превращена в соловья, а Филомела — в ласточку. (Ср. «Чистилище», IX, 13—15).
- 26—30 *Распятый, гордый обликом, злодей*...— Аман, приближенный персидского царя Артаксеркса, злобствуя на Мардохея, замыслил его повесить и истребить всех иудеев. Но царица Эсфирь, иудейка, предотвратила его замысел, и царь велел повесить Амана на дереве, которое тот готовил для Мардохея (Библия).

- 34—39 *В слезах предстала дева...*— *Лавина*, или *Лавиния* («Ад», IV, 125; «Рай», VI, 3), дочь царя Лация, Латина, и Аматы. Отец просватал ее за троянского вождя Энея, а мать хотела выдать за Турна, царя рутулов. Смотри на битву троянцев с рутулами и думая, что Турн убит, Амата «в мрачной ярости» повесилась («Энеида», VII, 249—474; XII, 593—613).
- 68—69 *«Beati pacifici» (лат.)*. — «Блаженны миротворцы» (Ев. от Матф., V, 9).
- 88—139 Вергилий излагает учение о любви как об источнике всякого добра и зла и поясняет градацию кругов Чистилища:
Круги первый, второй, третий — любовь к «чужому злу», т. е. зложелательство (гордость, зависть, гнев).
Круг четвертый — недостаточная любовь к истинному благу (уныние).
Круги пятый, шестой, седьмой — чрезмерная любовь к ложным благам (корыстолюбие, чревуогодие, сладострастие).
- ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ
- 30 *К среде, где он прочнее сохранен* — т. е. к сфере огня (см. прим. «Чистилище», IX, 30).
- 73—74 *Вот то, что Беатриче называет свободной волей;..*— см. «Рай», V, 19—24.
- 79 *Навстречу небу;..*— Суточное перемещение Луны по небесной сфере происходит с запада на восток.
- 79—81 *Там, где солнце мчится;..*— Луна восходила в знаке Скорпиона и шла тем же путем, который проходит Солнце, когда оно, вступив в это созвездие, кажется для обитателей Рима заходящим между Сардинией и Корсикой.
- 82 *Пьетола* — родина Вергилия.
- 84 *Сложила бремя тяготы моей* — может означать: «Освободилась от бремени моих вопросов, дав на них ответ», или же: «Освободила меня от бремени моих сомнений».
- 91—93 *Асон и Исмений* — реки в Беотии, на берегах которых жители Фив буйными радениями чествовали Вакха.
- 100 *Мария в горы устремила шаг;..*— По евангельской легенде, дева Мария поспешила в горы, чтобы приветствовать свою родственницу Елисавету, зачавшую сына.
- 101—102 *Цезарь*, вытеснив Помпея из Италии, быстро двинулся в Галлию, оставил Требония и Децима Брута осаждать *Марсилью* (Массилию, Марсель) с суши и с моря, вступил в *Испанию* и около *Илерды* (Лериды) принудил помпеянцев к сдаче (49 до н. э.).
- 118 *Сан-Дзено* — монастырь в Вероне. Имя говорящего здесь аббата остается невыясненным.
- 119—120 Фридрих *Барбаросса* в 1162 г. разрушил *Милан*; вот почему в этом городе о нем «скорбно говорят».
- 121—126 *Одну стопу уже во гроб поставил* Альберто делла Скала, властитель Вероны (ум. 1301), который незаконно назначил аббатом в Сан-Дзено своего побочного сына, хромоногого Джузеппе, человека безнравственного (ум. 1313).
- 131—132 *Зубами вцепясь в унынье* — т. е. порицая этот грех.
- 133—135 По библейской легенде, евреи, вышедшие из Египта *по дну* Черного моря, побоялись вступить в обетованную землю. За это все совершеннолетние осуждены были умереть в пустыне, и только дети их, сорок лет спустя, наконец увидели *Иордан*.
- 136—138 Малодушные спутники *Энея*, оставшиеся в Сицилии («Энеида», V, 700—778).

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

- 1—3 Смысл: «В предрассветный час, когда нагретый за день воздух уже не может бороться с холодными лучами *луны*, потому что *«зной дня»* успел ослабеть под влиянием холода, исходящего от *земли* или от *Сатурна...*»
- 4—6 *Геоманты* гадали по фигурам на основе случайно набросанных точек. Фигура *«Fortuna major»* походила на крайние звезды Водолея вместе с ближайшими звездами Рыб. Данте хочет сказать, что на востоке уже взошли Водолей и частично Рыбы, т. е. до восхода солнца оставалось около трех часов.
- 7—9 *Женщина*, приснившаяся Данте, олицетворяет те три греха, которые искупаются в трех верхних кругах: корыстолюбие, чревоугодие и сладострастие (ср. ст. 58—59).
- 12—15 *Так и мой взгляд...*— Смысл: «Только наши глаза придают очарование низменным благам, которые сами по себе мерзки».
- 50 *«Qui lugent»* (лат.)— «Плачущие» (Ев. от Матф., V, 4).
- 58—60 *Ты видел ведьму...* см. прим. 7—9.
- 62 *Вабилло* (от глагола *вабить* — манить) — два скрепленных вместе птичьих крыла, которые сокольник кружит на веревке у себя над головой, прижимая сокола назад.
- 73 *«Adhaesit pavimento anima mea!»* (лат.) — «Прилипла к праху душа моя» (псалом CXVIII, 25).
- 94 *Кем был ты...*— Это кардинал Оттобуоно Фьески, граф Лаванья, вступивший в 1276 г. на папский престол под именем Адриана V. Он умер через 38 дней после избрания.
- 98—99 *«Scias quod fui successor Petri»* (лат.) — «Знай, что я был преемником Петра», т. е. римским папой.
- 100—102 *Меж Кьявери и Съестри*, двумя городками на берегу Генуэзского залива, впадает в море *«большой поток»* Лаванья и расположен город того же имени. Отсюда и титул говорящего.
- 137 *«Neque nubent»* (лат.)— «ни женятся» (Ев. от Матф., XXII, 30). Адриан хочет сказать, что он больше не «супруг церкви», не римский папа.
- 141 *В которых то, что говорил ты, зреет* — см. ст. 91—92.
- 142 *Аладжа деи Фьески* была замужем за Мороелло Маласпина (см. прим. «Ад», XXIV, 140—151).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

- 3 *Я погруженной не насытил губки* — т. е. прекратил беседу, не успев спросить о многом.
- 8 *Зло, заполнившее свет* — корыстолюбие.
- 10—12 *Волчица древних лет* — см. прим. «Ад», I, 32—60.
- 25 *Фабриций* — римский полководец (III в. до н. э.), прославившийся своим бескорыстием.
- 31 *Щедрость Николая* — церковная легенда.
- 43 *Я корнем был зловердного растенья...*— т. е. родоначальником французской королевской династии.

- 46—48 *Гвант* (Гент), *Лил(л)ь*, *Бруджа* (Брюгге) и *Дуак* (Диз, лат. Duacum) — главные города Фландрии. Говорящий хотел бы, чтобы Фландрия отомстила его потомку, Филиппу IV (см. прим. «Чистилище», VII, 103—111), за понесенные обиды, что и случилось в 1302 г., когда фламандское народное ополчение разгромило французов.
- 49 *Я был Гугом, Капетом нареченный...*— Данте сливает воедино два исторических лица: Гуго Великого, графа Парижского, «герцога Франции», умершего в 956 г., и его сына — Гуго Капета, который после смерти в 987 г. последнего короля каролингской династии, Людовика V, был избран на престол и умер в 996 г.
- 52 *Родитель мой в Париже был мясник;..*— Так гласила легенда о Гуго Капете.
- 54—55 *Последний же из племени владык Облежся в серое...*— По-видимому, Данте смешал последнего Каролинга с последним Меровингом, Хильдериком III, который в 751 г. был низложен и пострижен в монахи.
- 61 *Прованское пышное вено* (приданое).— В 1246 г. Карл Анжуйский (см. прим. «Чистилище», VII, 112—114) путем брака получил в обладание богатый Прованс.
- 66 *Понги* — графство Понтье (Ponthieu).
- 67 *Карл сел в Италии* — см. прим. «Чистилище», VII, 112—114.
- 68 *Зарезал Куррадина*.— В 1268 г. шестнадцатилетний Конрадин, последний Гогенштауфен, заявив свои права на неаполитанский престол, был побежден Карлом при Тальякоццо («Ад», XXVIII, 18) и обезглавлен в Неаполе на глазах у короля.
- 68—69 *Фому вернул на небеса...*— Фому Аквинского (см. прим. «Рай», X, 82). Было распространено убеждение, что его велел отравить Карл Анжуйский.
- 70—78 *Новый Карл* — Карл Валуа, прозванный Безземельным (ср. ст. 76), брат Филиппа IV. Бонифаций VIII (см. прим. «Ад», XIX, 52—81), замышляя подчинить себе Флоренцию, где партия Белых была ему враждебна, и отвоевать Сицилию у Федерико Арагонского («Чистилище», VII, 119), пригласил Карла в Италию, чтобы тот помог ему в этих предприятиях. В награду он сулил ему императорскую корону. 1 ноября 1301 г. Карл, облеченный званием «умиротворителя Тосканы», вступил во Флоренцию и здесь вероломно стал на сторону Черных, что повело к разгрому и изгнанию Белых, в том числе и самого Данте (см. прим. «Рай», XVII, 48). Затем он предпринял неудачный поход на Сицилию, после чего вернулся во Францию (1302). Умер в 1325 г.
- 79—80 *Пленник, в море взятый, дочь продает...*— Карл II Анжуйский, король Неаполитанский (с 1285 по 1309), сын Карла I (см. прим. «Чистилище», VII, 112—114), еще при жизни отца был взят в плен в морском бою с арагонским флотом (1284). В 1305 г. он выдал свою дочь за много старшего Адзо VIII д'Эсте, маркиза Феррарского, получив за нее щедрый денежный дар.
- 83 *Кровь мою* — т. е. мое потомство.
- 86—90 *Христос в своем наместнике пленен...*— Когда конфликт между папой Бонифацем VIII и Филиппом IV, отражавший борьбу церковной и светской власти, достиг наибольшего напряжения, посланец короля Гильюм Ногаре и враждебный папе Шарра Колонна вступили (7 сентября 1303 г.) с королевским знаменем («лилии») в *Аланью* (ныне Анањи), где находился Бонифаций, и подвергли его жестокому оскорблению. От пережитого потрясения он вскоре умер.

- ⁹² *Новейшего Пилата* — Филиппа IV.
- ⁹³ *Он в храм вторгает хищные ветрила.* — Филипп IV разгромил орден рыцарей-храмовников (тамплиеров), чтобы завладеть его богатствами. Суд над ними сопровождался пытками и казнями на костре и плахе (1307—1314).
- ^{104—105} *Пигмалион* — тирский царь, брат Дидоны («Ад», V, 61—62), предательски убивший ее мужа Сихей, чтобы овладеть его сокровищами («Энеида», I, 340—368).
- ^{106—108} *Мидас* — фригийский царь, испросивший себе у Вакха дар превращать в золото все, к чему он ни прикоснется. Так как в золото обращались также и пища и питье царя, Вакх сжалился над ним и велел ему омыться в струях Пактола. Река после этого стала золотоносной, а Мидас впал в скудоумие, и когда во время музыкального состязания Пана с Аполлоном он отдал предпочтение Пану, Аполлон наделил его ослиными ушами («Метаморфозы», XI, 85—193).
- ^{109—111} *Азан* — по библейской легенде, воин Иисуса Навина; похитивший часть военной добычи и за это побитый камнями и сожженный вместе с сыновьями и дочерьми.
- ¹¹² *Санфира с мужем* — по церковной легенде, одни из первых христиан, были поражены смертью за свое корыстолюбие.
- ¹¹³ Когда *Гелиодор*, посланец сирийского царя Селевка, вошел в сокровищницу Иерусалимского храма, чтобы взять в царскую казну хранившиеся там богатства, таинственный всадник потоптал его конем, а двое чудесных юношей избili его бичами (Библия).
- ¹¹⁵ *Убийца Полидора* — см. прим. «Ад», XXX, 1—24.
- ^{116—117} *Красс* — римский полководец, скопивший огромные богатства и павший в войне против парфян (53 до н. э.). Когда его голову принесли парфянскому царю Ороду, тот велел налить ей в рот расплавленного золота и сказал: «Ты жаждал золота, так шей же».
- ^{130—132} Остров *Делос* носился по волнам, пока не дал приюта *Латоне*, родившей на нем Аполлона и Диану (*очи неба* — Солнце и Луну).
- ¹³⁶ «*Gloria in excelsis*» (лат.) — «Слава в вышних» (Ев. от Луки, II, 14).
- ¹⁴⁵ *Неведение.* — Данте не понимает, что означают это землетрясение и эта песнь, огласившая все уступы горы.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

- ¹ *Природная жажда* — жажда знания.
- ^{2—3} *Вода* — «живая вода» истины, которой в евангельской легенде просит *самаритянка*.
- ¹⁰ *Так здесь явился дух...* — тень Публия Папиния Стация, римского поэта I в. н. э. (родился около 45 г., умер около 96 г.), автора «Фиваиды» (поэмы о походе Семерых против Фив) и незаконченной «Ахиллеиды». Его сборник «Сильвы» был во времена Данте неизвестен.
- ²⁵ *Та, что вечно тянет пряжу...* — парка Лахезис («Чистилище», XXV, 79), прядущая нить человеческой жизни. Клоб (ст. 27) наматывает кудель на веретено, Лахезис сучит нить, Атропос («Ад», XXXIII, 126) ее перерезает.
- ^{44—45} *Причина* происшедшего землетрясения — *небесного в небесное возврат*, т. е. возвращение души на небо (см. ст. 58—72).

- 48 *У загражденных врат* — т. е. у врат Чистилища.
- 50—51 *Дочь Фавманга* — Ирида, вестница богов, преимущественно Юноны, олицетворение радуги.
- 52 *Сухие пары*, по Аристотелю, порождают ветер.
- 57 *Подземными ветрами*, по Аристотелю же, вызываются землетрясения.
- 62 *Переменить обитель* — т. е. вознестись из Чистилища в Рай.
- 83—84 *Добрый Тит отомстил...* — Тит, сын императора Веспасиана, впоследствии ему наследовавший, разрушил Иерусалим в 70 г. н. э. (См. прим. «Рай», VI, 88—93).
- 86 *Прочнейшим и славнейшим из имен...* — т. е. именем поэта.
- 89 *Голосагом* — т. е. уроженцем Толосы (ныне Тулуза) в Галлии. На самом деле Стаций родился в Неаполе, но в средние века его смешивали с толосанским ритором Люцием Стацием Урсулом.
- 93 *Но под второю ношей я свалился.* — Стаций умер, не дописав своей второй поэмы, «Ахиллеиды».
- 101 *В изгнании* — т. е. в Чистилище.
- 102 *Хоть солнце* — т. е. хоть год.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

- 6 *«Sitiunt»* (лат.) — «Жаждут» (Ев. от Матф., V, 6).
- 14 *Ювенал* — римский поэт-сатирик (родился около 47 г., умер около 130 г. н. э.), современник Стация и его почитатель.
- 23 *Скупость.* — Вергилий слышал от Адриана V («Чистилище», XIX, 115—126), что в пятом круге, где был и Стаций («Чистилище», XXI, 67—68), души очищаются от греха корыстолюбия.
- 40—41 *Заветный голод к золоту...* — В оригинале эти два стиха представляют перевод цитаты из Вергилия («Энеида», III, 56—57), означающей: «К чему не побуждаешь ты смертные груди (сердца), проклятый голод к золоту!» Но Данте, по-видимому, превратно понял это место, а именно так: «Почему не направляешь ты, священный (т. е. добродетельный, умеренный) голод к золоту, вожделение смертных!» В русском переводе сделана попытка передать двуступище Данте таким образом, чтобы оно допускало оба смысла. («Заветный» может означать и «запретный» и «священный»; а «К чему не направляешь ты» может значить: 1) «До чего ты не доводишь»; или же 2) «Почему ты не наставляешь на истинный путь»).
- 42 *«Я с дракой грузы двигал бы во тьму* — наказание скупцов и расточителей в Аду («Ад», VII, 25—35).
- 46 *Как много стриженных воскреснет* — см. «Ад», VII, 56—57.
- 51 *Свою с ним зелень вместе иссушает.* — Оба противоположных греха искупаются в одном и том же круге (ср. «Ад», VII, 25—66).
- 55—56 *Грозные сраженья двойной печали Иокасты пел...* — т. е. воспевал в своей «Фиваиде» братоубийственную вражду Этеокла и Полиника («Ад», XXVI, 54), сыновей Иокасты и Эдипа.
- 57 *Воспевший мирные селенья* — Вергилий, автор «Буколик».
- 58 *Клиб* — муза истории, к чьей помощи Стаций взывает в своей «Фиваиде».

- ⁶³ *За рыбарем* — т. е. за апостолом Петром.
- ⁶⁵ *К Парнассе* — горе Аполлона и муз, где течет Кастальский ключ, дарующий вдохновение.
- ^{70—72} *«Век обновленья ждет»...* — Стаций приводит знаменитые стихи из IV эклоги «Буколик» Вергилия, написанной, вероятно, по случаю рождения сына у Азиния Поллиона. В этой эклоге средние века видели пророчество о пришествии Христа. Существовали легенды о том, что она обратила в христианство многих язычников. К числу таких обращенных Данте относит и Стация.
- ⁸³ *Домициан* — римский император (с 81 по 96 гг. н. э.).
- ^{88—89} *И, не доведши греческих дружин...* — т. е.: ...прежде чем я закончил «Фиваиду».
- ^{97—98} *Геренций и Цецилий* — римские комедиографы II в. до н. э. *Плавт* — III—II в. *Варий* — поэт I в. до н. э.
- ¹⁰⁰ *Персий* — римский сатирик I в. н. э.
- ¹⁰¹ *Грек* — т. е. Гомер.
- ¹⁰³ *То — первый круг тюрьмы неозаренной...* — адский Лимб («Ад», IV).
- ^{104—105} *О горе Парнасе*, где обитают музы, кормилицы поэтов.
- ^{106—107} *Антифонт, Еврипид, Агафон* — древнегреческие трагики; *Симонид* — лирик.
- ^{109—114} *Там из тобой воспетых...* — Вергилий называет героинь Стациевых поэм: *Антигона* — дочь Эдипа и Иокасты, сестра Этеокла и Полиника (см. прим. ст. 55—56).
Аргейя — жена Полиника.
Деифила (или Деипила) — жена Тидея («Ад», XXXII, 130) и мать Диомеда («Ад», XXVI, 56).
Имена — сестра Антигоны.
Дочь Тиресия («Ад», XX, 40) — Манто. Так как Стаций не упоминает других дочерей Тиресия, то здесь Данте в противоречии с самим собою, потому что в «Аде» («Ад», XX, 55) он помещает Манто не в Лимб, а в ров прорицателей.
Фетида — нерейда, мать Ахилла.
Дейдамия — дочь скирского царя Ликомеда, возлюбленная Ахилла. В доме ее отца укрывался Ахилл, одетый в женское платье, но Улисс и Диомед при помощи хитрости обнаружили его и увлекли на войну против Трои.
Лангию открывшая царям («Фиваида», IV, 716 — V, 753) — Гипсипила (см. прим. «Ад», XVIII, 79—96). Проданная немейскому царю Ликургу, она нянчила его сына Офельта. Однажды, взявшись проводить к источнику *Лангии* семерых царей, ополчившихся против Фив, она покинула Офельта в лесу, и он погиб. Ликург хотел убить Гипсипилу, но в этот миг ее сыновья, прибывшие с Лемноса, узнали ее и бросились ей в объятия («Чистилище», XXVI, 94—95).
- ^{118—120} *Четверо служанок дня*, т. е. первые четыре часа (ср. «Чистилище», XII, 80—81), исполнили свой срок и уже пятая (одиннадцатый час пополуночи) *стоит над дышлом* солнечной колесницы, «*жгучий рог*» которого вздымается все выше.
- ¹⁴¹ *«Вам запретно это благо!»* — Эти слова обращены к душам чревоугодников.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

- 11 «*Labia teae, Domine*» (лат.) — «Уста мои, господи» (псалом L, 11).
- 25—27 Эрисихтон срубил дуб Цереры, за что богиня наслала на него такой неутолимый голод, что, продав ради пищи всё, даже родную дочь, он начал есть собственное тело («Метаморфозы», VIII, 739—878).
- 28—30 Вот ге... — Данте сравнивает исхудалых грешников с голодными иудеями в дни осады Иерусалима римлянами (70 г. н. э.), когда еврейка *Мариам* съела своего грудного младенца (Иосиф Флавий. Иудейская война, VI, 3).
- 32—33 Кто ищет «*отом*»... — Считалось, что в чертах человеческого лица можно прочесть «*Номо Dei*» («человек божий»), причем глаза изображают два «О», а брови и нос — букву «М».
- 48 Форезе Донати — флорентиец, брат Корсо («Чистилище», XXIV, 82—90) и Пиккарды Донати («Чистилище», XXIV, 10; 13—15; «Рай», III, 34—108), приятель Данте и родственник его жены Джеммы Донати. Умер в 1296 г.
- 73 Ведь та же воля — т. е. воля к страданию.
- 74 «Или!» — по-еврейски: «Боже мой!»
- 79—81 И если раньше исчерпалась сила... — т. е.: «если ты покаялся только перед смертью, когда уже не мог чревоугодничать».
- 84 Там, где выплачивают срок за срок — т. е. в Предчистилище, среди невероятных (см. «Чистилище», IV, 128—132).
- 87 Моею Неллой — вдовой Форезе.
- 94 Сардинская Барбаджа — горная область в Сардинии, заселенная выходцами из Африки. По словам старых комментаторов, тамошние женщины ходили с обнаженной грудью и даже вовсе нагие — из-за жары и распушенности нравов.
- 96 Пред той Барбаджей... — т. е. перед Флоренцией.
- 121 Сестра того — сестра Солнца, т. е. Луна (ср. «Ад», XX, 127).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- 10 Пиккарда — сестра Форезе (см. прим. «Чистилище», XXIII, 48).
- 15 На высотах Олимпа — т. е. в Раю («Рай», III, 34—108).
- 19 Бонаджунта Орбиччани, луккский поэт, представитель сицилианской школы (см. прим. 52—54), умерший около 1300 г.
- 21 Расшигтый темным цветом — т. е. покрытый шелудьями.
- 22—24 Святую церковь звал женой своей «супруг церкви», папа Мартин IV (с 1281 по 1285), родом француз.
- 28 Пильский Убальдин — Убальдино дельи Убальдини, владелец замка Пила (Pila).
- 29—30 Бонифаций Фьески, архиепископ равеннский с 1274 по 1295 г., долгое время «*премногих пасший*», причем он не столько насыщал свою духовную паству нравственной пищей, сколько своих приближенных — лакомыми блюдами.
- 31 Мессер Маркезе дельи Аргольози, из Форли.
- 35 Избрал поэта Лукки — т. е. Бонаджунту (см. ст. 19).

- 37—38 Изгнанник Данте одно время жил в Лукке (в 1308 или 1315 г.). *Джентукку* отождествляют с Джентуккой Морла, вышедшей замуж за Бонаккорсо Фондора.
- 43 *Еще без покрывала* — т. е. не замужем.
- 51 *«Вы, жены...»* — так начинается первая канцона «Новой Жизни» Данте.
- 52—54 *Когда любовью я дышу...* — В этой терцине Данте формулирует психологическую основу как своей поэтики, так и вообще «нового пленительного лада», или «сладостного нового стиля», «*dolce stil nuovo*» (ст. 57), пришедшего на смену господствовавшим до него течениям: сицилианской школе, подражавшей провансальским образцам и так называемой «ученой» школе.
- 56 *Гвиттон* — Гвиттоне д'Арецуо («Чистилище», XXVI, 124—126), глава «ученой» школы, умер в 1294 г.
Нотарий — Якопо да Лентино, поэт сицилианской школы, нотариус двора Фридриха II (см. «Ад», X, 119), умер около 1250 г.
- 59 *Ваши перья* — представителей «*dolce stil nuovo*»: Данте, Гвидо Кавальканти («Ад», X, 60—63; 111; «Чистилище», XI, 97), Лапо Джанни, Дино Фрескобальди и др.
- 65 *Птиц, зимующих вдоль Нила* — т. е. журавлей.
- 79 *Край, мне данный в обитанье* — Флоренция.
- 82—90 *Зачинщика всех бед* — Корсо Донати, брата Форезе. Он был главою Черных и руководил погромом Белых в 1301 г. (см. прим. «Рай», XVII, 48). В 1308 г., обвиненный в измене, он бежал, но был схвачен. На пути к Флоренции он нарочно упал с коня, и его убили. Данте придает всей картине аллегорический смысл: Корсо привязан к хвосту коня, и тот влачит его к бездне Ада.
- 115 *Отпрыск древа познания добра и зла* («Чистилище», XXXII, 37—39).
- 121—123 Сыны *Нефелы*, «*двуглые*» кентавры, упившись на свадьбе Пирифоя, хотели похитить женщин, но *Тезей* и его товарищи одолели их («Метаморфозы», XII, 210—535).
- 124—126 *Геден*, выступив против мадианитян, отослал, как негодных, тех воинов, которые, придя к воде, пили «*вольготно*», став на колени (Библия).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

- 2—3 Смысл: «В южном полушарии было два часа пополудни, а в северном — два часа пополуночи».
- 22 *Мелеагр* — сын калидонского царя Ойнея и Алфеи. При его рождении Парки положили в огонь полено, предсказав, что Мелеагр будет жить не дольше, чем оно. Алфея загасила его и спрягала. Когда Мелеагр убил братьев своей матери, та, мстя за них, бросила головню в огонь, и Мелеагр умер («Метаморфозы», VIII, 260—545). Этим примером Вергилий хочет пояснить, что души могут чахнуть без видимой, казалось бы, причины.
- 25—26 *Как всякому движенью Движеньем вторят ваши зеркала...* — так и оболочка душ отражает их внутреннее состояние.
- 45 *В природной чаше* — в матке.
- 48 *В высшем месте* — в сердце.
- 63—66 *Мудрейшего, чем ты* — Аверроэса, арабского философа XII в. («Ад», IV, 144). «*Возможный разум*» — схоластический термин, обозначивший познавательную способность.

- ⁷⁹ *Лахезис* — см. прим. «Чистилище», XXI, 25.
- ⁸⁶ *К одному из берегов* — к устью Тибра или к берегу Ахерона (см. прим. «Чистилище», II, 94—105).
- ¹²⁸ *«Vigint pop cognosco!»* (лат.) — «Мужа не знаю» (Ев. от Луки, I, 34).
- ¹³¹ *Позор Гелики*.— Диана изгнала из своего леса нимфу Гелику (Каллисто), обещенную Юпитером. Ревнивая Юнона превратила Гелику в медведицу, но Юпитер вознес ее на небо вместе с ее сыном Аркадом, в виде созвездий Большой Медведицы и Волопаса («Метаморфозы», II, 401—530). (Ср. «Рай», XXXI, 32—33).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

- ¹⁶ *Почтительность* — к Вергилию и к Стацию, идущим впереди.
- ¹⁸ *Жаждет услышать ответ и горит* в очищающем пламени.
- ²⁴ *Из душ одна* — Гвидо Гвиницелли (см. ст. 74 и 91).
- ⁴⁰ *Гоморра и Содом* — по библейской легенде, города, спаленные богом за противоестественный разврат их обитателей.
- ⁴¹ *Пасифая* — см. прим. «Ад», XII, 12—15.
- ⁴⁴ *Одна — к пескам Африки, другая — на Рифей*, к северным горам.
- ^{77—78} *Цезарь* грешил содомией с царем Вифинии Никомедом, чем и заслужил прозвище «царицы» и насмешки во время галльского триумфа.
- ^{82—87} *Наш грех, напротив, был гермафродит;*..— т. е.: «это была любовь двух полов, но по-скотски безудержна. Поэтому, „себе в позор“, мы и поминаем Пасифаю».
- ⁹¹ Гвидо Гвиницелли (см. «Чистилище», XI, 97) из Болоньи, поэт «ученой школы», ближайший предшественник «*dolce stil nuovo*» (см. прим. «Чистилище», XXIV, 52—54).
- ^{94—102} *Как сыновья* кинулись к своей матери Гипсипиле (см. прим. «Чистилище», XXII, 109—114), так и Данте кинулся бы обнять Гвидо Гвиницелли, если бы не страшился огня.
- ¹⁰⁶ *От признанья твоего* — см. ст. 55—60.
- ¹⁰⁹ *Клятва эта* — см. ст. 103—105.
- ¹¹³ *Пока продлится то, что ныне ново* — т. е. поэзия на итальянском языке, возникшая в первой половине XIII в.
- ¹¹⁵ *Вот тот* — провансальский поэт Арнаут (Арналид) Даньель (ст. 142), умерший около 1200 г.
- ¹²⁰ *Лимузинец* — провансальский поэт Джирнут де Борнель (конца XII — начала XIII в.), уроженец Лимузинской области.
- ¹²⁴ *Гвиттон* — т. е. Гвиттоне д'Ареццо (см. «Чистилище», XXIV, 56).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

- 1—5 На горе Чистилища близилась ночь, и солнце клонилось к закату, готовясь «ударить первыми лучами в те страны», где расположен Иерусалим. В этот час в Испании, где льется Эбро, небесный меридиан занят созвездием Весов, и там полночь, а над волнами Ганга — полдень (см. прим. «Чистилище», II, 1—3; 4—6).
- 7 «*Beati mundo corde!*» (лат.) — «Блаженны чистые сердцем» (Ев. от Матф., V, 8).
- 15 Кто будет в недружелюбную среду погружен земное — т. е. мертвец или, по другому толкованию, преступник, который должен быть закопан в землю вблизи головы (ср. «Ад», XIX, 46—51).
- 23 На ГерIONE — см. «Ад», XVII, 79—136.
- 37—39 Юноша Пирам, думая, что его возлюбленную Фисбу растерзала львица, заколол себя мечом. На зов подоспевшей Фисбы он в последний раз раскрыл глаза. Тутовое дерево, обрызганное кровью Пирама, налилось черным соком, и ягоды его почернели («Метаморфозы», IV, 55—166).
- 59 «*Venite, benedicti Patris mei!*» (лат.) — «Придите, благословенные отца моего» (Ев. от Матф., XXV, 34).
- 95 Цигерея — Венера.
- 97—108 Лия, символ жизни деятельной, — прообраз Мательды, которую Данте встретит в Земном Раю. Рахиль, символ жизни созерцательной, — прообраз Беатриче.
- 142 Митрой и венцом. — Данте облачается полной властью над самим собой. (Императорская корона состояла из митры, окруженной венцом).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

- 2 Господень лес — т. е. Земной Рай.
- 20 Над взморьем Кьясси наполняя бор,.. — сосновый лес (Pineta) на берегу Адриатического моря, к югу от Равенны. Эта местность носит название Chiassi или Classe (от лат. classis — флот), потому что со времен императорского Рима здесь был расположен морской порт (Portus Classis) Равенны. Впоследствии море отступило к востоку.
- 21 Эол — царь ветров, держащий их скованными в пещере и выпускающий их по произволу. Сирокко — юго-восточный ветер.
- 25 Поток — Лета (см. ст. 121—133).
- 40 Явилась женщина,.. — Из уст Беатриче («Чистилище», XXXIII) мы узнаем ее имя: Мательда.
- 49—51 Прозерпину, дочь Юпитера и Цереры (см. прим. «Ад», 38—48), бог подземной Плутон похитил в тот миг, когда она собирала цветы на лугу («Метаморфозы», V, 385—401).
- 65—66 Венеры, уязвленной нежданно сыновнею рукой. — Венера воспылала любовью к Адонису, когда ее сын Купидон нечаянно задел ей грудь стрелой («Метаморфозы», X, 525—526).
- 71—72 Геллеспонг,.. — Ксеркс, наведя мосты, с несметным войском перешел Геллеспонг и вторгся в Грецию (в 480 г. до н. э.). Потерпев поражение, он переплыл его обратно в рыбацкой лодке, спасаясь бегством.

- 73—74 *Леандр*, герой греческой легенды, обитавший в *Абидосе*, на азиатском берегу Геллеспонта, по ночам переплывал пролив для свиданий с Геро́, жившей в *Сесте*, на европейском берегу.
- 76 *Мой смех среди этих мест...*— т. е. посреди Земного Ра́я, навсегда утраченного для человечества.
- 81 *«Delectasti»* (лат.) — «Ты возвеселил» (псалом ХСІ). Мательда поясняет, что она радуется красоте Земного Ра́я.
- 85—87 Данте, помня сказанное Стацием («Чистилище», XXI, 46—54), удивлен, встретив воду и ветер в Земном Раю.
- 97—108 Согласно с Аристотелевой физикой, «влажными парами» порождаются атмосферические осадки, а «сухими парами» — ветер. Мательда поясняет, что только ниже уровня ворот Чистилища наблюдаются такого рода *смуты*, порождаемые паром, который «вслед за жаром», т. е. под воздействием солнечного тепла, поднимается от воды и от земли. На высоте Земного Ра́я уже нет беспорядочных ветров. Здесь ощущается только равномерный *круговорот* земной атмосферы с востока на запад (ср. ст. 7—12), вызываемый вращением *первой тверди*, т. е. девятого неба, или Перводвигателя, который приводит в движение замкнутые в нем восемь небес.
- 121—133 *Поток*, текущий в Земном Раю, разделяется на два. Влево (см. ст. 27) струится *Лета*, истребляющая память о совершенных грехах; вправо — *Эвноя* («добрая память»), воскрешающая в человеке воспоминание о всех его добрых делах.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

- 3 *«Beati, quorum tecta sunt peccata!»* (лат.) — «Блаженны, чьи грехи покрыты» (псалом XXXI).
- 27 *Не захотела потерпеть покровы* — покровы неведения.
- 37 *Сонм дев священных* — музы.
- 40 *Геликон* — гора муз, где текут ключи Гипокрена и Аганиппа, вдохновляющие поэтов.
- 41 *Урания с хором* — т. е. с остальными музами. Урания (небесная) — муза небесной науки (астрономии). Данте призывает ее потому, что его предмет особенно возвышен.
- 78 *Лук солнца или перевязь луны* — цвета радуги (лук Аполлона) или лунного кольца (перевязь Дианы).
- 82—83 *Двенадцать чет маститых старцев* — двадцать четыре книги Ветхого завета.
- 92 *Четыре зверя* — четыре Евангелия.
- 96 *Аргус* — см. прим. «Чистилище», XXXII, 65.
- 100—105 *Прочти Езекииля...*— В «Книге Иезекииля» (Библия) и в «Апокалипсисе» *Иоанна* описываются фантастические звери, усеянные глазами. В первом случае они четырехкрылые, а во втором — шестикрылые, как у Данте, что и оговорено в ст. 104—105.
- 107 *Победная повозка* — колесница, символизирующая христианскую церковь.
- 108 *Гриффон* (лев с орлиными крыльями и орлиной головой) — символ Христа.
- 116 *Сципион Африканский*, победитель Ганнибала.
- 117—120 *Сам выезд Солнца...*— см. прим. «Ад», XVII, 79—136.
- 121—129 *Три женщины у правого колеса* — три «богословские» добродетели: алая — Любовь, зеленая — Надежда, белая — Вера.

- 130—132 Четыре женщины у левого колеса — четыре «основные» («естественные») добродетели (см. прим. «Чистилище», I, 23—27). Из них у Мудрости — три глаза, которыми она озирает прошлое, настоящее и будущее.
- 133—141 *Два старца*. — Один олицетворяет «Деяния апостолов», приписываемые апостолу Луке, который, по легенде, был врачом и потому одет, как *пигомец Гиппократа* («Ад», IV, 143). Другой — «Послания апостола Павла», атрибутом которого считался меч.
- 142 *Смиранных четверо* — «Послания» апостолов Якова, Петра, Иоанна и Иуды.
- 143—144 *Одиноким старец* — «Апокалипсис».
- 154 *Позади знамен* — т. е. позади семи светильников.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

- 1—7 Смысл: «*Когда небес верховных семизвездье* (сошедшие с десятого неба семь светильников, затмеваемые только духовной мглой, последствием греха), *указуя всем* участникам шествия, что им надлежит делать, подобно тому, как *нижнее семизвездие восьмого неба* (Малая Медведица с ее Полярной звездой) *указует* движение корабельщику, остановилось...»
- 11 «*Veni, sponsa, de Libano, veni!*» (лат.) — «Гряди, невеста, с Ливана, гряди!» («Песня песней», IV, 8).
- 17—18 *Сто... вестников и слуг* — множество ангелов.
- 19 «*Benedictus qui venis!*» — «Благословен грядущий!» (Ев. от Матф. XXI, 9).
- 21 «*Manibus o date lilia plenis!*» — слегка видоизмененные слова Вергилия («Энеида», VI, 883): «Дайте лилий полными горстями».
- 32 *Предстала женщина* — Беатриче.
- 53 *Омытого росой* у подножия Чистилища («Чистилище», I, 121—129).
- 68 *Минервиной листвою* — т. е. ветвями оливы (ст. 31).
- 83—84 «*In te, Domine, speravi.*» — Ангелы поют начало псалма: «На тебя, господи, уповаю».
- 89 *Едва дохнет земля, где гибнут тени...* — т. е. едва повеет ветер из Африки, где в полдень исчезает тень.
- 92—93 *До песни гех...* — т. е. пока не запели ангелы.
- 115 *В новой жизни* — т. е. в своей молодости, о которой он писал в книге, озаглавленной «Новая Жизнь».
- 124—125 *Между первым и вторым из возрастов...* — т. е. двадцати пяти лет отроду.
- 126 *Меня покинув, он ушел к другим* — т. е. был неверен Беатриче и как женщине и как высшей мудрости.
- 134 *И наяву* — т. е. в видениях, о которых Данте рассказывает в «Новой Жизни» (XXXIX (XL); XLII (XLIII)).

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

- 8 *Лезвие* — т. е. косвенная речь о Данте («Чистилище», XXX, 103—145).
- 11 *Память о годах печали* — т. е. о заблуждениях Данте.
- 12 *Волной* — т. е. водами Леты.
- 41—42 *Точило возвращается навстречу лезвию*, притупляя меч правосудия.
- 45 *Песнь сирен* — т. е. обманчивая привлекательность земных благ (ср. «Чистилище», XIX, 19).

- 72 *В Ярбиной стране* — т. е. в Африке, где царствовал Ярба («Энеида», IV, 196).
- 77 *Первенцы творенья* — т. е. ангелы.
- 81 *На Зверя, слившего два воплощенья* — т. е. на Грифона (см. прим. «Чистилище», XXIX, 108).
- 83 *Она себя бывшую побеждала* — т. е. превосходила красотой.
- 92 *Сплетавшую венки* — т. е. Мательду («Чистилище», XXVIII, 68).
- 98 *«Asperges te» (лат.)* — слова Л псалма: «Окропи меня».
- 102 *Глотнуть пришлось.* — Данте испил летейской воды, дарующей забвение грехов.
- 104 *Меж четверых красавиц* — см. «Чистилище», XXIX, 130—132 и прим.
- 106 *Мы — звезды в тьме высот;..* — см. прим. «Чистилище», I, 23—27.
- 111 *Среди тех трех, чей взор острее направлен* — т. е. среди трех «богословских» добродетелей.
- 123 *То вдруг в одном, то вдруг в другом обличье.* — В глазах Беатриче Грифон отражается то как лев (человек), то как орел (божество).
- 137—138 *Вторая красота Беатриче* — ее уста. Первая — ее глаза, которые Данте уже увидел (ст. 115—123).

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

- 3 *Десятилетней жажды* — увидеть Беатриче, умершую за десять лет до 1300 г.
- 8 *Из уст богинь* — т. е. трех «богословских» добродетелей.
- 17—18 *Святое войско шло стезей возвратной;..* — т. е. мистическая процессия повернула обратно на восток.
- 37—39 *Древо.* — Это библейское «древо познания добра и зла», от запретных плодов которого вкусили Ева («Чистилище», XXIV, 115—117) и Адам. Данте превращает его в символ империи.
- 44 *Не ранишь клювом* — не посягаешь на прерогативы светской власти.
- 49—51 Грифон оборачивается к *колеснице* (церкви), привлекает ее к *сирому*, т. е. оголенному, дереву (империи) и одной из ветвей связывает с ним ее *дышло* (крест).
- 52—54 *Когда поток большого света* (т. е. солнечного) смешан с лучами Овна, который соединяется с солнцем *вслед за ельцом небесным* (созвездием Рыб), — другими словами весной.
- 65 *Сказ о Сиринге.* — Меркурий услышал рассказом о нимфе Сиринге и затем обезглавил стоглазого Аргуса, который, по приказу Юноны, неусыпно стерег Ио, возлюбленную Юпитера («Метаморфозы», I, 568—747).
- 72 *И возглас* — возглас Мательды (см. ст. 82—84).
- 73—81 *Смысл:* «Как — в евангельской легенде — пораженные преображением Христа (*яблони священной*), апостолы *Петр, Иоанн и Яков* пали ниц, и очнувшись от его голоса, *разрушавшего даже сон умерших, увидели, что на их учителе* прежняя одежда и что исчезли беседовавшие с ним *Моисей и Илья...»*
- 98 *Семь нимф* — семь добродетелей.

- ⁹⁹ *Австр* — южный ветер; *Аквилон* — северный.
- 109—117 Орел (*птица Дия*), устремляющийся на колесницу с вершины дерева, которому он при этом наносит вред, олицетворяет римских императоров, преследовавших христианскую церковь, в ущерб — по мысли Данте — самой империи.
- 118—123 *Лиса* — символизирует ересь.
- 124—129 Снова к колеснице спускается *орел* и осыпает ее своими *перьями*. Это — богатства, которыми христианские императоры одаряли церковь, и главным образом — «дар Константина» (см. прим. «Ад», XIX, 115—117).
- 130—141 *Дракон* (дьявол) оторвал у колесницы часть ее *днища* — дух смирения и бедности. Тогда она мгновенно *оделась перьями*, обросла богатством.
- 142—147 Пернатая колесница превращается в апокалиптического зверя (см. прим. «Ад», XIX, 88—114).
- 148—160 На звере сидит *наглая Блудница* (папство), которая, *глазами рыца*, выискивает себе друзей. Рядом с ней стоит ревнивый *Гигант* (король французский Филипп IV, иногда ладивший с Бонифацием VIII, но кончивший тем, что нанес ему жестокое оскорбление в Ананьи; см. прим. «Чистилище», XX, 86—90). Чуть она бросила взгляд на сторонника империи, он бьет ее плетью, отвязывает чудовище от дерева и тащит его, вместе с восседающей на нем Блудницей, в чащу леса (перенесение папского престола из Рима в Авиньон, при Клименте V, в 1309 г. — см. прим. «Ад», XIX, 82—84).

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

- ¹ *«Deus, venerunt gentes»* — «Боже, пришли язычники» (псалом LXXVIII).
- 10—12 *«Modicum, et non videbitis me; et iterum modicum, et vos videbitis me»* (лат.) — «Вскоре вы не увидите меня, и опять вскоре увидите меня». Этими словами (Ев. от Матф., XVI, 16) Беатриче высказывает уверенность в том, что похищенная гигантом колесница будет возвращена и примет свой прежний вид.
- ¹³ *В предшествеи седмицы* — т. е. семи добродетелей, несущих светильники.
- ¹⁴ *Мне, женщине и мудрецу* — Данте, Мательде и Стацию.
- ³⁴ *Порушенный змеей сосуд* — т. е. колесница церкви, у которой дракон оторвал часть днища («Чистилище», XXXII, 130—135).
- ³⁵ *Был и не стал* — чудовищно искаженная церковь перестала быть собою (ср. «Рай», XXVII, 22—27).
- ³⁶ *Вино и хлеб злодея не спасут.* — В Италии существовал обычай, по которому родственники убитого теряли право кровной мести, если убийца или его родич девять дней кряду приходил на могилу жертвы и съедал там хлеб, смоченный в вине. Беатриче хочет сказать: «Ничто не оградит злодея от божьего суда».
- ⁴³ *Пятьсот Пятнадцать* — загадочное обозначение грядущего избавителя церкви и восстановителя империи, который истребит *воровку* (блудницу песни XXXII, занявшую чужое место) и *гиганта* (французского короля). Цифра DXV образует, при перестановке знаков, слово DVX (вождь), и старейшие комментаторы так ее и толкуют.
- ^{47—51} *Сфинга* — в античном мифе — крылатое чудовище с женским лицом, обитавшее возле Фив и убивавшее всех, кто не мог разгадать его загадку. Когда Эдип (Лаяд) ее разгадал, Сфинга бросилась со скалы и разбилась

на смерть. Отмщая за ее гибель, прорицательница *Фемид* наслала на финяв хищного зверя, который губил *нивы* и *стада* («Метаморфозы», VII, 759—765). В старинных списках «Метаморфоз» вместо *Laiades* читалось *Naiades*, и разрешение загадки Данте приписывал *Наядам*. Смысл ст. 49—51: «События покажут, кто такой «Пятьсот Пятнадцать», но разрешение этой трудной загадки приведет не к бедствиям, а к миру».

57 *Два раза* — Адамом, вкусившим от его плодов, и Гигантом, отвязавшим от него колесницу.

62 *Первая душа* — т. е. Адам.

68 *Как в струи Эльсы...*— Предметы, опущенные в известковую воду Эльсы (приток Арно), покрываются твердой оболочкой.

69 *Не будь их прелесть* — как *Пирам для туга...*— т. е. если бы прелесть светлых помыслов не омрачала сознание Данте, подобно тому как *Пирам* своей кровью окрасил белые ягоды тутового дерева в темный цвет (см. прим. «Чистилище», XXVII, 37—39).

78 *Как жезл...*— Беатриче хочет, чтобы Данте, вернувшись к людям, передал им ее слова, даже не вникая в их смысл, а просто сохранив их в памяти; так паломник возвращается из Палестины с пальмовой ветвью, привязанной к посоху.

90 *До неба, мчащегося всех быстрее* — т. е. до Перводвигателя.

98—99 Смысл: «Само твое забвенье доказывает, что ты был виновен, когда следовал ложной школе и свою волю устремлял не ко мне, а мимо. Если бы это был не грех, Лета не смыла бы этого воспоминания».

112—114 *Там растекались...*— Растекающиеся из одного истока *Лета* и *Эвфрата* напоминают поэту *Тигр* и *Евфрат*, которые средневековая география считала текущими из общего источника.

118 *На что сказали так...*— т. е. сказала Беатриче.

119 *Мательда*.— Здесь впервые названа по имени прекрасная женщина, встретившая поэта в Земном Раю.

121 *И про это...*— см. «Чистилище», XXVIII, 121—133.

129 *Угаснувшую силу...*— т. е. силу памяти о совершенных им добрых делах (см. прим. «Чистилище», XXVIII, 121—133).

139 *Счет положен изначала...*— В построении «Божественной Комедии» Данте соблюдает строгую симметрию. В каждой из трех ее частей (кантик) — по 33 песни. «Ад» содержит, кроме того, еще одну песнь, служащую вступлением ко всей поэме. Объем каждой из ста песен приблизительно одинаков.

142 *Я шел назад...*— к Беатриче.

145 *Светила* — см. прим. «Ад», XXXIV, 139.

РАЙ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

- ⁴ *Я в тверди был...*— т. е. в Эмпирее. Над девятью небесами Птолемеевой системы Данте, согласно с церковным учением, помещает десятое, недвижимый Эмпирей (греч.: пламенный), обитель божества.
- ¹⁵ *Любимый лавр...*— В лавр была превращена нимфа Дафна, убегавшая от влюбленного Аполлона («Метаморфозы», I, 452—567).
- ^{46—18} *Мне из зубцов Парнасса нужен был пока один...*— До сих пор поэт нуждался в покровительстве только той из двух вершин Парнаса, на которой обитают музы. Теперь ему требуется содействие второй вершины, Кирры (ст. 36), обители Аполлона.
- ²⁰ *Марсий — сатур,* состязавшийся в музыкальном искусстве с Аполлоном, который победил его и содрал с него кожу («Метаморфозы», VI, 382—400)
- ³¹ *Богу Дельф* — Аполлону.
- ³² *К пеньским листьям*— т. е. к лавровым. Дафна, превращенная в лавр (см. прим. 15), была дочерью бога реки Пеней.
- ^{57—42} В зависимости от времени года солнце (*лампада мира*) восходит в разных точках горизонта (*разными вратами*). В весеннее равноденствие, восходя в той точке, где пересечение *четырёх кругов* (горизонта, экватора, зодиака и равноденственного колура) образует *три креста*, оно движется в небе *по лучшему пути*, потому что это — наилучшее время года, *и с лучшей звездой*, т. е. в созвездии Овна (ср. «Ад», I, 37—40), что позволяет ему благоприятно влиять на земную жизнь (*мирской воск*).
- ^{43—47} *Почти из этих врат* (см. прим. 37—42),— потому что весеннее равноденствие уже миновало,— *утро всплыло там*, т. е. в южном полушарии, в то время как *здесь*, в северном полушарии, *пал вечер*. Этими словами Данте указывает, в какое благоприятное время года и в какой благоприятной точке горизонта взошло солнце того дня, когда он вступил в Земной Рай. Далее он говорит о том, что случилось в полдень этого же дня (ср. «Чистилище», XXXIII, 103—105), после того как, испив от струй Эвной, он возвратился к Беатриче («Чистилище», XXXIII, 142—145): *И в полушарье том*, т. е. в южном, *все стало белым*, т. е. все озарилось светом полдня (в силу чего *здесь*, в северном полушарии, *всё черным было*), *когда Беатриче, обратясь лицом налево* (потому что перед этим она стояла лицом к востоку, и полуденное солнце было слева от нее) (ср. «Чистилище», IV, 55—84), *вонзилась в солнце взором*; Данте последовал ее примеру (ст. 52—54), но, не выдержав блеска, *устремил глаза к ее глазам* (ст. 66) и начал, незаметно для себя, возноситься вместе с нею в небесные сферы (ст. 91).
- ^{49—51} Смысл: «Как световой *луч* дает *начало* отраженному лучу, напоминающему *скигальца*, прошедшего полпути и стремящегося вернуться домой...»
- ⁶⁶ *Главк* — рыбак, отдававший чудесной травы и превратившийся в морского бога («Метаморфозы», XIII, 898—963).
- ^{70—72} *Пречеловеченье* (trasumanar) — превращение в нечто большее, чем человек.

- 73—74 *Только тем, что в теле этом Всего новей,..*— т. е. только душой («Чистилище», XXV, 67—75).
- 76—77 *Круги, которых вечный ход Стремишь, желанный, ты,..*— т. е. небесные сферы, вращаемые девятым, кристалльным небом, или Перводвигателем, который, в свою очередь, вращается с непостижимой быстротой, потому что,— как Данте поясняет в «Пире» (II, 3[4]),— каждая его частица жаждет соединиться с каждой из частиц объемлющего его неподвижного Эмпирея.
- 77—78 *Мой дух призвали Гармонией...*— т. е. привлекли мое внимание гармоническими созвучиями, производимыми, как учил Платон, вращением небес («Чистилище», XXX, 93).
- 79—81 *Солнцем загорелись дали...*— То, что Данте принял за солнечное сияние, было, очевидно, сферой огня («Чистилище», IX, 30).
- 82—93 *Смысл: «Молния, покинув свой предел, т. е. сферу огня (см. прим. 133—134), мчится вниз с меньшей быстротой, чем мчишься ты обратно к нему, т. е. к твоему пределу, к небу».*
- 116 *В смертном сердце животных.*
- 118 *Лук этот* — т. е. этот позыв (ст. 114), этот инстинкт.
- 122—123 *Твердь* — т. е. Эмпирей. *Ту, что всех поспешней...*— т. е. Перводвигатель (см. прим. 76—77).
- 133—134 *И как огонь, из тучи упадая,..*— В средние века полагали, что молния, т. е. огненный пар, зажатый в водяных парах тучи (ср. «Ад», XXIV, 145—146), расширяясь, прорывает их в наиболее слабой их стороне, а именно в той, которая обращена к земле, и потому устремляется вниз, хотя огню свойственно стремиться ввысь, к сфере огня (ср. ст. 115).

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

- 16—18 *Смысл: «Читателей Рая ждет еще большее удивление, чем приплывших в Коллиду аргонатов, когда они увидели, как их вождь Ясон вспахивает на огнедышащих быках заветное поле, сеет в нем драконьи зубы и одолевает вышедших из-под земли воинов» («Метаморфозы», VII, 100—143).*
- 30 *Слиться с первою звездой.*— Данте и Беатриче достигли Луны, ближайшего к земле светила, и погружаются в ее недра, как это с ними будет и на остальных планетах.
- 50 *На этом теле* — т. е. на Луне.
- 51 *О Каине...*— Народная фантазия видела в лунных пятнах фигуру Каина с вязанкой хвороста («Ад», XX, 126).
- 59—60 *Я вижу этой разности причину...*— «Эту разность», т. е. чередование светлых и темных пространств на поверхности Луны, Данте в своем «Пире» (II, 13 [14]), следуя Аверроэсу, объяснял разной степенью плотности отдельных частей лунного шара. Более плотные части якобы лучше отражают солнечный свет, чем более *скажные*. В дальнейших стихах устами Беатриче он опровергает это мнение как ошибочное (ср. «Рай», XXII, 139—141).
- 64 *Восьмая твердь* — небо звезд.
- 65—66 *Многолики... Количеством и качеством...*— т. е. различны по количеству и качеству излучаемого света.

- 68 *Свойство* — влиять на землю.
- 71 *Существенное начало* (principium formale) — термин схоластической философии, означающий то образующее начало, которое придает телам их отличительные особенности и свойства.
- 78 *Листы* — т. е. плотные и скважные слои вещества, подобные страницам в книге.
- 79 *О первом* — т. е. о скважности, проходящей местами насквозь через лунный шар.
- 83 *Второе* — т. е. то предположение, что в лунном шаре перемежаются плотные и скважные слои.
- ¶12—114 *Под небом, где божественный покой*, т. е. внутри неподвижного Эмпирея, кружится тело некое, т. е. девятое небо, или Перводвигатель (см. прим. «Рай», I, 76—77).
- 115 *Твердь вслед за ним...* — восьмое небо, небо звезд.
- 116 *Естеством* — т. е. звездам и нижележащим небесам.
- 120 *Приспосаблиают к целям и корням.* — Смысл: «Каждое небо (круг) приспосабливает свойства, полученные им от вышележащих небес, к своим целям и воздействию на причины (корни) явлений».
- 129 *От движителей неких блаженных.* — Согласно объяснению Беатриче, небеса вращаются не сами, а приводятся в движение ангелами, которые делят их силой влияния. Этих «движителей» Данте обозначает словами: «глубокая мудрость» (mente profunda), стр. 131; «разум» (intelligenza), ст. 136; «умы» (intelletti), «Рай», VIII, 110. (Ср. «Ад», VII, 73—76; «Рай», VIII, 34—37; 106—111; XXVIII, 78; XXIX, 43—45).
- 136 *Этот разум* — т. е. «движитель» звездного неба.
- 139 *Каждая из разных сил* — которые «разум» восьмого неба сообщает звездам.
- 140 *С драгоценным телом* — т. е. с небесным светилом.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

- 18 *Иначе, чем влюбившийся в ручей.* — Нарцисс пленился своим отражением в воде, приняв его за живого юношу («Метаморфозы», III, 346—510), а Данте, наоборот, подлинные лица принял за отражения.
- 49 *Пиккарда Донати* («Чистилище», XXIV, 10—15) — сестра Форезе («Чистилище», XXIII, 48) и Корсо Донати («Чистилище», XXIV, 82—90). Корсо насильно извлек ее из монастыря и выдал замуж.
- 69 *Как бы любовью первой пламенела...* — Может быть истолковано двояко: 1) словно пылала огнем первой любви; 2) была как бы охвачена наивысшим пламенем любви.
- 77 *Necessè* — необходимо (латинский термин схоластической философии).
- 79 *Esse* — бытие (латинский термин, как и предыдущий).
- 97 *Жену высокой жизни и деяний* — Клару Ассизскую, основательницу монашеского ордена, к которому принадлежала Пиккарда.
- ¶18—120 *То свет Костанцы...* — Констанция (1154—1198), последняя представительница норманнской династии в Южной Италии. Ее муж, император Генрих VI (с 1191 по 1197), положил начало владычеству в Сицилии и Неаполе свевского, т. е. швабского, дома Гогенштауфенов. От их брака родился

Фридрих II («Ад», X, 119). Пиккарда называет Генриха VI *вторым вихрем* шведского дома (первым был его отец, Фридрих I Барбаросса), а *третьим* — Фридриха II, выражая этим бурную природу их власти и ее мимолетность. Существовала легенда, что Констанция приняла монашество, но была насильно выдана замуж.

121—122 «*Ave, Maria*» — начальные слова латинской молитвы: «Радуйся, Мария».

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- 15—15 *Вроде Даниила...*— По библейской легенде, вавилонские мудрецы не могли истолковать царю Навуходоносору позабытый им сон, и он велел их казнить, но гнев его прошел, когда пророк Даниил напомнил ему этот сон и объяснил его значение. Так и Беатриче угадала сомнения поэта и разрешила их.
- 24 *Как учил Платон.*— По учению Платона, души, до своего воплощения, обитают на звездах, куда и возвращаются после смерти человека.
- 25 *Velle* — схоластический термин, означающий: воля.
- 27 *Чей яд тяжелее.*— Беатриче считает более опасным второе сомнение поэта (ст. 22—24).
- 28 *Всех глубже вбожествленный* (*colui che più s'india*) — т. е. всех более погруженный в созерцание божества.
- 30 *Иль Иоанн,*— он может быть любим...— т. е. «как Иоанн Креститель, так и евангелист Иоанн».
- 31—32 *Твердью все равновысоки Тем духам...*— т. е.: «все они пребывают в том же небе, что и души, являвшиеся тебе на Луне».
- 34 *Первый круг* — Эмпирей.
- 48 *Кем исцелен Товит* — т. е. архангел Рафаил, который, по библейской легенде, снял бельма у Товита.
- 49 *Тимей* — заглавие Платонова диалога, где идет речь о возвращении душ к звездам.
- 68—60 *Так, возвращая...*— Смысл: «Если Платон имеет в виду влияние звезд на человеческие души и видит в нем причину достойных и позорных поступков, то он отчасти прав».
- 63 *Юпитер, Марс, Меркурий стали зваться* — т. е. люди стали давать планетам имена богов, якобы на них обитающих.
- 64 *В другом твоём сомнении* — см. ст. 19—21.
- 83 *Лаврентий* — римский диакон III в., сожженный на железной решетке.
- 84 *Муций Сцевола* — римский юноша, сжегший свою руку, когда ему не удалось убить этрусского царя Порсенну.
- 103 *Алкмеон* — см. прим. «Чистилище», XII, 49—51.
- 107 *Насилье слито с волей...*— т. е. насилью способствовала уступчивая воля потерпевшего.
- 114 *О другой* — т. е. о той воле, про которую говорится в ст. 100—111.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

- 4—5 *Растет Могущность зренья* — т. е. зрение Беатриче все более совершенствуется.
- 29 *И этот клад* — т. е. свободная воля.
- 35 *Разрешенья* — т. е. освобождения от обета.
- 57 *Пока недвижны желтый ключ и белый* — т. е. пока замены обета не разрешит церковь. Белый и желтый, т. е. серебряный и золотой ключи — символ церковной власти («Чистилище», IX, 117—129).
- 60 *Как четыре в шесть.* — Новый обет должен быть строже предыдущего.
- 66 *Иеффай.* — По библейской легенде, Иеффай, судия израильский, обещал богу, если тот пошлет ему победу над аммонитянами, принести в жертву первое, что выйдет из ворот его дома навстречу ему. Навстречу Иеффаю вышла его единственная дочь, которую он и предал смерти.
- 69—72 *Вождь греков* — Агамемнон, принесший в жертву свою дочь *Ифигению*, чтобы получить от богов попутный ветер для похода против Трои.
- 79 *А если вами злая алчность правит* — как жажда победы управляла Иеффаем и Агамемноном.
- 86 *Где мир всего живей* — т. е. в сторону солнца.
- 93 *Второе царство* — небо Меркурия.
- 95 *Тот светоч* — т. е. планета Меркурий.
- 98 *Чье естество* — т. е. человеческая природа.
- 117 *Пока не кончен гroud войны* — т. е.: «пока ты еще жив».
- 129 *Чуждыми лучами* — т. е. лучами Солнца, застилающими свет Меркурия.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

- 1—9 Смысл: «*Константин Великий* перенес (в 330 г. н. э.) столицу из Рима в Византию, причем *орел*, символ римской империи, совершил полет с запада на восток, *против* видимого движения звезд, тогда как *встарь* он летел *вслед* звездам, с востока на запад, когда после падения Трои сопровождал родоначальника римлян Энея, который, прибыв в Италию, *взял* в жены *Лавину* («Ад», IV, 125; «Чистилище», XVII, 34—39), дочь латинского царя Латина. После этого римской орел (*господня птица*) *двести* с *лишним лет* *пребывал* на *рубеже Европы*, на берегу Босфора, *близ гор Трояды*, с которых он впервые взлетел с Энеем, и здесь, в Византии, переходя от одного императора к другому, достался, наконец, Юстиниану.
- 10 *Юстиниан I* — римский император (с 527 г. по 565 г.), при котором была произведена знаменитая кодификация римского права («Чистилище», VI, 88—90) и отвоевана у остготов Италия.
- 11 *Первою Любовью* — т. е. святым духом («Ад», III, 6).
- 16 *Агапит I* — римский папа (ум. 536).
- 24 *Высокий гroud* — т. е. труд законодателя.
- 25 *Велисарий* — военачальник Юстиниана.
- 31 *Всю правоту* — сказано иронически.
- 32 *Священный стяг* — римский орел.
- 33 *Его присвоив* — как гибеллины, приспособляющие идею империи к своим партийным целям. *С ним враждуя* — как гвельфы.

- ³⁶ *Паллант* — один из героев «Энеиды», союзник Энея.
- ³⁷ *Альба*, или Альба Лонга, — город в Лации, основанный, по преданию, Асканием, сыном Энея.
- ³⁹ *Три против трех...* — Когда три Горация, римляне, победили трех Куриациев, альбанцев, владычество над Лацием перешло от Альбы к Риму.
- ^{41—42} *От скорби жен сабинских...* — т. е. от похищения сабинянок при Ромуле до самоубийства обесчещенной *Лукреции* («Ад», IV, 127) при Тарквинии Гордом.
- ⁴⁴ *Бренн* — предводитель галлов (IV в. до н. э.); *Пирр* — эпирский царь (IV—III в. до н. э.).
- ⁴⁶ *Косматый Квинций* — Цинциннат, римский консул и диктатор V в. до н. э., прославившийся строгостью нрава («Рай», XV, 129).
Торкват — римский полководец IV в. до н. э.
- ⁴⁷ *Деции* — три римских полководца: Публий Деций Мус и его сын и внук, носившие те же имена.
Фабии — род, прославленный в римской истории.
- ^{49—51} *Арабы* — так названы карфагеняне, которые в 218 г. до н. э. вторглись в Италию, перевалив через Альпы.
- ^{52—53} *Помпей Великий* (106—48 до н. э.) и *Сципион Африканский* (235—183 до н. э.).
- ⁵⁴ *Вершина, под которой ты рожден* — город Фьезоле, расположенный над Флоренцией (см. прим. «Ад», XV, 55—69).
- ^{65—66} *Пока то время близило незримо...* — т. е. незадолго до эпохи Августа, когда свой облик твердь земле дала, установив на ней мир и единовластие.
- ⁵⁸ *От Вара к Рейну* — т. е. в Трансальпийской Галлии.
- ⁵⁹ *Изра* — приток Роны. *Эра* — Луара. *Сенна* — Сена.
- ⁶² *Рубикон* — река, впадающая в Адриатическое море к югу от Равенны. Переходом через нее в 49 г. до н. э. Цезарь положил начало гражданской войне, приведшей его к полновластию.
- ^{64—66} *Испания* («Чистилище», XVIII, 101—102), *Дуррацо* (Диррахий), *Фарсал* — места борьбы Цезаря с помпеянами. Разбитый при Фарсале (48 до н. э.), Помпей бежал в Египет и здесь был убит, на что и намекают слова: «*Исторгнув стон у жарких Нильских вод*».
- ^{67—68} По Лукану («Фарсалия», IX, 950—999), Цезарь после Фарсальской победы посетил Троаду. *Антандр* — приморский город, откуда отплыл Эней («Энеида», III, 6). *Симознт* — река близ Трои. Эти места — родина римского орла (см. прим. 1—9).
- ⁶⁹ *На горе Птолемею*. — Цезарь низложил молодого египетского царя Птолемея XII и возвел на престол его сестру Клеопатру.
- ⁷⁰ *Юба* — нумидийский царь, сторонник помпеянцев, побежденный Цезарем и покончивший с собой.
- ^{71—72} *На запад ваш* — т. е. в Испанию, где Цезарь разбил при Мунде последние силы помпеянцев (45 до н. э.).
- ⁷³ *В следующей длани* — т. е. при Октавиане Августе, первом римском императоре (с 31 до н. э. по 14 н. э.).
- ⁷⁴ *Бруг и Кассий*, убийцы Цезаря («Ад», XXXIV, 64—67), были разбиты Октавианом при Филиппах (42 до н. э.) и покончили с собой.

- 75 *Перузию* (Перуджа) Октавиан разорил в 41 г. до н. э. Около *Мутины* (Модена) он в 43 г. до н. э. победил Марка Антония.
- 77—78 *Клеопатра*, обратясь в бегство во время морского боя при Актии (31 до н. э.) и затем тщетно пытавшись обольстить Октавиана, покончила с собой, дав себя ужалить змее.
- 79 *Он долетел туда, где море красно;*..— на берег Красного моря.
- 81 *Янус храм* — храм Януса в Риме, двери которого отпирались только во время войны.
- 87 *При грезьем* (считая от Юлия Цезаря) *кесаре* — т. е. при Тиберии (с 14 по 37 н. э.).
- 88—93 Смысл: «В царствование Тиберия бог (*Живая Правда*) возложил на римского орла, в лице римской власти в Иудее, *славный долг — исполнить мщенье гнева своего*, искупить распятием Христа грех Адама. А затем, что может показаться удивительным, тот же римский орел, в руках у *Тита* («Чистилище», XXI, 82—84), опять-таки по божьей воле, *отомстил* иудеям за это *отомщение греха бывшего*, разрушив Иерусалим (в 70 г. н. э.).
- 94—96 *Великий Карл*, франкский король (с 768 по 814), впоследствии (с 800) император, выступил на защиту папы Адриана I в его борьбе с *лангобардским* королем Дезидерием, которого победил и низложил (в 774 г.).
- 101 *Для желтых лилий.*— Гвельфы борются с имперским орлом в интересах анжуйского дома (в гербе: три золотых лилии).
Тот — себе присвоил.— Так поступают гибеллины (ср. ст. 33).
- 107 *С их новым Карлом* — т. е. с Карлом II Анжуйским.
- 127 *Внутри жемчужины* — т. е. внутри Меркурия.
- 128—142 *Ромео* — Ромэ де Вильнёв (ум. 1250), министр Раймунда-Беренгария IV, последнего графа Прованского. Сложилась легенда, будто бы Ромео пришел ко двору графа Прованского бедным паломником, привел в порядок его имущественные дела, выдал его дочерей за четырех королей, но завистливые придворные оговорили его. Граф потребовал от Ромео отчета в управлении, тот предъявил графу его приумноженные богатства и покинул графский двор таким же нищим странником, каким пришел. Граф казнил клеветников.
- 138 *Тот на десять представил пять и семь.*— Давая отчет в управлении делами, Ромео предъявил настолько больше богатств, чем требовалось, насколько двенадцать (пять и семь) больше десяти.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

- 1—3 Гимн на латинском языке, с введением еврейских слов: «Славься, святой бог воинств, сверхожаряющий ясностью твоею счастливые огни этих царств!»
- 4 *Сущность* — т. е. душа (Юстиниана).
- 13 *В БЕ и ИЧЕ.*..— Поэта повергают в благоговейный трепет уже одни лишь звуки БЕ и ИЧЕ, образующие первый и последние слоги имени Беатриче.
- 20—21 *Что праведная месть Быть может отомщенной правосудно.*..— см. «Рай», VI, 88—93 и прим.
- 25 *Тот, кто не родился.*..— т. е. Адам.
- 50 *Праведным судом.*..— т. е. разрушением Иерусалима («Рай», VI, 92—93).
- 67 *Всё то, что прямо от нее струится.*..— т. е. все то, что бог создает непосредственно.

- 72 *Новых сил...*— т. е. сотворенных сил.
- 76 *И человек всем этим наделен;..*— Смысл: «Человек наделен бессмертием (ст. 68), свободой (ст. 71) и подобием богу (ст. 73—75)».
- 86 *В своем зерне,..*— т. е. в лице Адама.
- 105 *Будь то одним, будь то двумя путями* — т. е. либо путем милосердия, либо путем правосудия, или же обоими этими путями.
- 114 *Ни на одном* — из указанных выше (ст. 105) путей.
- 122 *Добавлю поясненье* — к сказанному выше (ст. 67—69) о вечности всего, созданного непосредственно божеством.
- 132 *В их совершенстве созданы сполна* — т. е.: «созданы непосредственно божеством и поэтому обладают совершенством».
- 136 *Сотворены* — т. е.: «созданы непосредственно божеством».

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

- 1 *В погибшем мире* — т. е. в языческом.
- 3 *Киприда* — Венера, рожденная на Кипре.
В третьем эпицикле.— Согласно учению Птолемея, планеты обращаются вокруг Земли не просто по круговой орбите, а вращаясь по некоему малому кругу, *эпициклу*, центр которого совершает круговое движение вокруг Земли, чем и объясняется их петлеобразный путь. Венера, как третья по удаленности от Земли планета, вращается в третьем эпицикле.
- 9 *Что на руки его брала Дидона.*— Чтобы внушить Дидоне («Ад», V, 61—62) любовь к Энею, Купидон принял вид его маленького сына Аскания и сел к ней на колени («Энеида», I, 657—722).
- 19—21 *Так в этом свете...*— В глубине светящейся планеты Данте видит *круженье других светил*. Это — души любвеобильных. Они движутся с *разной скоростью*, и поэт высказывает предположение, что она зависит от степени *вечного их зренья*, т. е. доступного им созерцания бога.
- 27 *Где реют серафимы* — т. е. в Эмпирее.
- 35 *Начала* — ангельский чин, управляющий третьей сферой (небом Венеры).
- 37 *«Вы, чьей заботой третья твердь кружится;..*— начальный стих первой канцоны Дантова «Пира».
- 49—50 *Я мало жил...*— Это Карл Мартелл (1271—1295), старший сын Карла II Анжуйского. В 1294 г. он посетил Флоренцию, и Данте завязал с ним знакомство.
- 58—60 *Тот левый берег...*— т. е. Прованс, принадлежавший анжуйскому дому.
- 61—63 *Рог авзонский* — юг Авзонии (Италии), т. е. Неаполитанское королевство. Реки *Верде* и *Тронго* образуют его северную границу.
- 65 *Венец земли, где льется ток Дуная,..*— Карл Мартелл был коронован как венгерский король, но не царствовал.
- 67—70 *Тринакрия* (греч.: трехвершинная) — Сицилия. От мыса *Пахина* (Пассаро) до мыса *Пелора* (Фаро), вдоль берега, открытого *Эвру* (восточному ветру), она — *мгляная*, не потому что из Этны дышет *Тифей* («Ад», XXXI, 124), а потому, что недра Этны изобилуют серой.
- 71—75 *Сицилия ждала бы для себя государей* в лице потомков Карла Мартелла (отцом которого был *Карл II*, а тестем — император *Рудольф I*), если бы *произвол* Карла I и его французов не вызвал в *Палермо* восстания (1282),

- лишившего анжуйский дом власти над островом (см. прим. «Чистилище», VII, 112—114).
- 76—78 *И если бы мой брат предвидеть мог...*— Если бы младший брат Карла Мартелла, Роберт (царствовавший в Неаполе после смерти Карла II, с 1309 по 1343 г.), был предусмотрительнее, он не окружал бы себя нищими и жадными каталонцами, которые, с его приходом к власти, начнут притеснять население.
- 93 *Что сладкое зерно столь горьким всхоже* — т. е. что от щедрого отца (Карла II) мог родиться жадный сын (Роберт).
- 103 *Этот лук* — т. е. влияние светил («сила», упомянутая в ст. 99).
- 110 *Умы, вращающие сонм светил* — см. прим. «Рай», II, 129.
- 120 *Ваш мудрец* — Аристотель, доказывавший необходимость разделения труда для общественного благоустройства.
- 123 *Корни ваших содеяний* — т. е.: «ваши склонности и способности».
- 124—126 *Ксеркс* (персидский царь V в. до н. э.) — тип воителя.
Солон (афинский законодатель VII в. до н. э.) — тип государственного деятеля.
Мельхиседек (библейский священнослужитель) — тип церковника.
Родитель того... — мифический Дедал (см. прим. «Ад», XVII, 79—136), тип ученого-изобретателя и художника.
- 127—129 *Смысл*: «Вращение светил, влияющее на человеческую природу, исполняет свое предназначение, не считается с происхождением человека».
- 130—131 *Еще в зерне* — т. е. еще во чреве матери — библейский *Исав* был не похож на своего брата-близнеца *Якова*.
- 131—132 *Квирин* — т. е. Ромул, первый римский царь. Он был сын неизвестного отца, но молва считала его сыном *Марса*.
- 133—135 *Смысл*: «Потомки были бы во всем похожи на предков, если бы не вмешательство небесного промысла».
- 138 *Хочу, чтоб вывод был тебе плащом* — «завершая приобретенное тобою знание, как плащ завершает одежду».
- 146 *Кто родился меч нести.*— Намек на второго сына Карла II, Людовика, для которого отец избрал церковную карьеру.
- 147 *Казнодею* — т. е. проповеднику. Намек на третьего сына Карла II, Роберта (см. прим. 76—78), любившего писать проповеди.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

- 1 *Клеменца* — дочь Карла Мартелла.
- 2 *Его младенца* — Карла-Роберта, чьи права на неаполитанский престол узурпировал его дядя Роберт.
- 13 *Еще одно светило* — Куница да Романо (умерла около 1279), сестра Эдзелино III (см. прим. 29—30), прославившаяся своим распутством, а на старости лет обратившаяся к делам милосердия.
- 26—27 *Есть область...*— Это Тревизанская марка, расположенная между владениями Венеции, с ее главным островом *Риальто*, и горами, с которых стекают реки *Бренга* и *Пьява* (Пьяве).
- 28 *Невысокий холм* — холм и замок Романо.

- 29—30 *Факел* — Эдзелино III да Романо, падуанский тиран («Ад», XII, 110). Рассказывали, что его матери приснилось, будто она родила горящий факел, сжегший всю Тревизанскую марку.
- 37 *Об этом драгоценном самоцвете* — т. е. о Фолько Марсельском (см. ст. 67—142).
- 40 *Упятерится этот сотый год* — т. е.: «пять раз (в смысле: много раз) наступит, как теперь (в 1300 г.), последний год столетия».
- 42 *Вторая жизнь* — т. е. бессмертие славы.
- 44 *Меж Адиче и Тальяменто* — т. е. в Тревизанской марке.
- 46—48 Вероятный смысл: «За то, что *падуанцы* оказывали сопротивление Генриху VII, они вскоре наполнят своею кровью *болото* возле осажденной ими Виченцы, когда против них выступит Кан Гранде делла Скала (в 1314 г.)».
- 49—51 *Где в Силе впал Каньян*, т. е. в Тревизо, беспечно властвует Риццардо да Камино, которого убьют в 1312 г.
- 52—60 *Грех мерзостного догтыря*.— Алессандро Новелло, епископ города *Фельтро*, выдал гвельфам доверившихся ему феррарских эмигрантов, которые и были казнены (1314).
- 54 *Мальта* — папская тюрьма на Больсенском озере.
- 61—63 *Престолы* — ангельский чин («Рай», XXVIII, 104).
- 67 *Другая радость* — т. е. другая ликующая душа. Это — Фолько (Фолькет) Марсельский, провансальский трубадур, который, став епископом тулузским, выступил яростным гонителем альбигойцев (жестоко подавленное еретическое движение народных масс Южной Франции). Умер в 1231 г.
- 70—71 *Вверху* — в Раю. *Здесь* — на земле. *Внизу* — в Аду.
- 77—78 *Среди святых огней...* — т. е. среди серафимов.
- 82—87 *Крупнейший дол...* — Смысл: «Средиземное море так далеко уходит к востоку, что небесный круг, являвшийся в его западной части горизонтом, становится в восточной его части меридианом». Средневековая география полагала, что оно простирается на 90 градусов долготы.
- 88—90 Фолько жил в Марселе, лежащем посредине между устьями *Эбро* и *Магры*.
- 91—92 Марсель и город *Буджея* (арабск. Беджая) на африканском берегу лежат почти на одном меридиане.
- 93 *Согревшем кровью свой залив когда-то*.— Намек на морскую победу Децима Юния Брута (см. прим. «Чистилище», XVIII, 101—102).
- 97—98 *Дочь Бела* — Дидона («Ад», V, 61—62; «Рай», VIII, 9), своей любовью к Энею оскорбившая память своего мужа *Сихей* и *Креусы*, жены Энея.
- 100—101 *Родопейка* — легендарная фракийская царевна Филлида, жившая возле Родопских гор, которая повесилась, когда ее жених, афинский царевич *Демофонт*, отлучился на родину и долго не возвращался.
- 102 *Алкид* — Геракл (см. прим. «Ад», XII, 55—75).
- 115 *Рава* — по библейской легенде, иерихонская блудница, которая укрыла разведчиков Иисуса Навина и этим помогла ему взять Иерихон.
- 118—119 *Где заострена тень мира вашего*.— В средние века считали, что острие земной тени упирается в небо Венеры.
- 123 *Победы, добытой поднятjem дланей* — т. е. молитвой.
- 124 *Иисусу* — т. е. Иисусу Навину (см. прим. 115).
- 128 *Того, кто первый богом пренебрег* — т. е. дьявола.

- 130 *Проклятый цветок* — т. е. флорин (см. прим. «Ад», XXX, 49—75).
- 134 *И отдан Декреталиям весь пыл.*— Усердно изучаются только папские декреталии, т. е. постановления, регулирующие каноническое право, из которых духовенство старается извлечь возможно больше выгод.
- 135 *Чем их поля покрыты.*— Два толкования: 1) следами часто перелистывавших пальцев; 2) обильными примечаниями.
- 137—138 *Их ум не озобочен Назаретом* — т. е. тем, что Палестина во власти мусульман. В Назарет, по евангельской легенде, архангел *Гавриил* прилетел возвестить деве Марии, что она родит Христа.
- 142 *Избудут вскоре любодейных грех* — т. е. будут вскоре избавлены от власти дурных пап, забывающих, что они «супруги церкви», и отдающих свое сердце корыстолюбию.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

- 7—9 Смысл: «Подыми взгляд к небесным сферам и останови его в точке пересечения экватора и зодиака, где то и это встретилось движенье, т. е. суточное движение светил с востока на запад и годичное движение планет с запада на восток».
- 11 *Художника* — т. е. бога.
- 13 *Круг наклонный* — т. е. зодиак.
- 16—18 Смысл: «Если бы плоскость зодиака совпадала с плоскостью экватора, то погибло бы небесных сил немало, потому что влияние планет (включая Солнце) охватывало бы на земле только узкий пояс, и погибло бы чуть не всё, чем дольний мир богат, в экваториальной зоне — от зноя, в умеренных — от однообразия времен года, в приполярных — от холода».
- 28 *Первослуга природы* — т. е. Солнце.
- 31—33 *С узлом вышеупомянутым совместный* (см. ст. 8)...— Находясь в данное время года, т. е. вскоре после весеннего равноденствия, в области пересечения экватора и зодиакального пояса. Солнце приближалось к тропику Рака, движась (как объяснял Птолемей) винтообразно (*по извоям*), и с каждым днем все раньше наступал его восход.
- 34 *И я был с ним...*— т. е.: «я уже вступил в Солнце».
- 63 *Целостная мысль моя распалась.*— Мысль Данте обратилась также на окружающее.
- 67 *Дочь Лагоны* — т. е. Диана, Луна («Чистилище», XX, 130—132).
- 79 *Баллата* — песнь, сопровождающая пляску.
- 82 *В одном из них слышалась...*— Говорящий — Фома Аквинский или *Фома Аквинац* (ст. 99), схоластический философ и богослов (1227—1274), учение которого послужило основой наиболее реакционных течений в католицизме.
- 94—95 *Я был одним из агнцев...*— т. е. монахом-доминиканцем.
- 96 *Тук найдут* — т. е. обретут внутреннее совершенство. (Ср. «Рай», XI, 25; 139).
- 97—98 *Альберт из Колоњи* (Кёльна) — Альберт Великий, богослов и философ (1193—1280).
- 104—105 *Грациан* — Франческо Грациано, правовед XII в., автор так называемого «*Decretum Gratiani*», где приведены в согласование положения светского

- и церковного права, на что и указывают слова: *кем стоят и тот, и этот суд*».
- 107—108 *Петр* — Петр Ломбардский, богослов XII в. В предисловии к своим «Сентенциям» он сравнивает себя с бедной евангельской *вдовицей*, пожертвовавшей храму свою лепту.
- 109—114 *Тот, пятый блеск* — царь Соломон. *Мир о нем услышать полон жажды*, не зная, спасен ли он или осужден за то, что в старости поклонялся идолам, в угоду своим женам.
- 115—117 *Светоч* — Дионисий Ареопагит (I в.), которому приписывалось сочинение «О небесной иерархии» («Рай», XXVIII, 130).
- 118—120 *Счастливый огонек* — Павел Орозий (V в.), автор всемирной истории, где он выступает апологетом христианства.
- 124—129 *Безгрешный дух* — Боэций (V—VI в.), римский писатель и государственный деятель. Заподозрив его в замыслах против готского владычества, Теодорих заточил его в тюрьму, где он и умер от пыток. В тюрьме Боэций написал свой труд «Об утешении философией». В средние века его считали христианином.
- 128 *Чельдоро* — название церкви в Павии.
- 131—132 *Исидор Испанский* — богослов и энциклопедист (ум. 636).
Беда Достопочтенный — английский богослов, историк и грамматик (674—735).
Рикард — богослов-мистик XII в.
- 133—138 *Сигер Брабантский* — философ XIII в., профессор Парижского университета, здания которого были расположены в «Соломенном проулке» (rue du Fouaage). Обвиненный в ереси, он обратился к папскому суду, для чего прибыл в Орвьето. Здесь он был убит своим секретарем.
- 140 *Невеста божья* — т. е. церковь.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

- 2—3 *Как скудоумен всякий силлогизм..!* — т. е. «Как ничтожны все те доводы, которые направляют человеческую волю к достижению низменных целей!»
- 4 *«Афоризмы»* — одно из медицинских сочинений Гиппократов.
- 25 *Мои слова, что «тук найдут»..* — см. «Рай», X, 96 и прим.
- 26 *Где я сказал: «Не восставал второй»..* — см. «Рай», X, 114.
- 36 *Двух вождей* — т. е. Франциска Ассизского (научающего церковь «верности») и Доминика (внушающего ей «уверенность» в себе). (См. ст. 34).
- 40 *Лишь одного прославлю я дела* — а именно Франциска Ассизского (1182—1226).
- 43—48 Между речками *Тупино* и *Кьяпо*, текущей с *высот, облюбованных* монахом *Убальдом*, который в XII в. построил там свой скит, находится Ассизи, родной город Франциска. Он расположен на склоне *горы* *Субазии*, которая шлет то *зной*, то *холод* на город *Перуджу*, обращенный к ней своими *восточными* воротами («*Воротами Солнца*»). По ту сторону горы лежат города *Ночера* и *Гвальдо*. То, что «они *терпят тяжкий гнет*», толковалось различно: 1) от холодных ветров; 2) от поборов неаполитанских королей; 3) от *насилий*, чинимых Перуджей.
- 50 *Солнце в мир вошло..* — т. е. родился Франциск.
- 51 *В Ганге возникая* — см. прим. «Чистилище», II, 4—6.

- 53 *Ашези* — старинное название города Ассизи.
- 59 *За женщину...* — т. е. за Ницету (ст. 75).
- 61—62 По словам легенды, отец Франциска, Пьетро Бернардоне (ст. 89), недовольный его щедростью, обратился к церковному суду. Перед епископом *et cogat patre* (лат.: и перед отцом) Франциск отрекся от прав наследства и, сняв с себя одежду, вернул ее отцу. Это было его «обручением» с Ницетой.
- 64 *Супруга первого* — т. е. Христа.
- 67—69 *Амикл* — бедный рыбак в поэме Лукана «Фарсалия» (V, 515—531), испугавшийся Цезаря, когда тот вошел к нему ночью в хижину.
- 79 *Бернард* — Бернардо ди Квинтавалле, богатый житель Ассизи, первый последователь Франциска.
- 83 *Эгидий и Сильвестр* — другие два ученика Франциска.
- 93 *Первою печатью.* — Папа Иннокентий III временно утвердил устав ордена миноритов (1210).
- 97—99 Папа *Гонорий III* окончательно утвердил устав ордена (1223).
- 101 *Перед лицом надменного султана...* — В 1219 г. Франциск ездил на Восток, где безуспешно пытался обратить в христианство египетского султана.
- 106 *На Тибр и Арно рознящей скале...* — т. е. на горе Альверния, в Казентино.
- 117 *Иного гроба не избрав для тела* — чем объятия Ницеты. По преданию, Франциск, умирая, лег нагим на землю.
- 118 *Каков был тот* — т. е. Доминик (ср. ст. 31—42).
- 121 *Он нашей братии положил основу* — т. е. он основал доминиканский орден. (Говорящий — доминиканец Фома Аквинский).
- 136 *Ты часть искомого теперь обрел* — см. ст. 22—26.
- 139 *«Где тук найдут...»* — см. «Рай», X, 96 и прим.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

- 3 *Священный жернов* — т. е. хоровод двенадцати мудрецов.
- 11 *Над луком соцветный и сокружный* — т. е. над одной радугой другая, так же окрашенная и концентричная с нею.
- 12 *Посланица Юноны* — Ирида (см. прим. «Чистилище», XXI, 50—51).
- 13—15 Данте, следуя воззрениям своего времени, считал, что в явлении двойной радуги *наружная* радуга есть отражение *внутренней*, как бы ее *отзвук*, подобно речи Эхо, которая, исчахнув от любви к Нарциссу, утратила *тело*, так что от нее остался только голос («Метаморфозы», III, 246—510).
- 29 *Раздался голос* — францисканца Бонавентуры (ст. 127).
- 30 *Как иглу компаса понуждает оборотиться* Полярная звезда.
- 32 *О другом вожде* — т. е. о Доминике (1170—1221), основателе ордена проповедников (доминиканцев).
- 46 *В той стороне...* — т. е. в Испании.
- 52 *Каларога* (Каларуэга) — город в Старой Кастилии.
- 63—54 *Хранительным щитом* — т. е. гербом Кастилии, где в четверчастном щите изображены два замка и два льва, причем в одной половине *лев* расположен ниже замка (*принижен*), а в другой — выше замка (*подъят*).
- 70 *Господним.* — Dominicus по-латыни означает: господень.

- 79 *Счастливым* — значение латинского имени Феликс.
- 80—81 *Иоанна* — по-еврейски означает: угодная богу.
- 83 *Остиец* — т. е. кардинал Энрико ди Суза, епископ остийский, канонист, комментатор Декреталий (ум. 1271).
Фаддей — Таддео д'Альдеротто, флорентиец, знаменитый врач (ум. 1295); или же Таддео Пеполи, болонский юрист времен Данте.
- 88 *У престола* — т. е. у папского престола.
- 90 *Выродок* — папа Бонифаций VIII (см. прим. «Ад», XIX, 52—81).
- 93 «*Decimas, quae sunt pauperum Dei* — по-латыни: десятины, которые принадлежат нищим божиим. (Десятинна — обязательный для всех налог в пользу церкви, в размере десятой доли дохода. Часть его должна была идти на оказание помощи бедным.)
- 95—96 *За то зерно...* — Двадцатью четырьмя цветками (*кринами*), произросшими из зерна веры, названы двадцать четыре мудреца, окружившие Данте двойным венком.
- 101 *Дебрь лжеученья* — альбигойская ересь (см. прим. «Рай», IX, 67), против которой яростно боролся Доминик.
- 106 *Одно из двух колес* — Доминик.
- 113 *Вся мощь второго (колеса)* — т. е. Франциска Ассизского.
- 119—120 *Сорняк взрыдает...* Смысл: «Дурные францисканцы (*сорняк*) взрыдают, увидев, что для них закрыта житница небесного царства».
- 124—126 Из *Акваспарты* был родом Маттео д'Акваспарта, генерал францисканского ордена, внесший послабления в его устав (ум. 1302). Из *Касале* был Убертино да Касале, глава «ревнителей», требовавший строжайшего устава (ум. 1338).
- 127—128 *Бонавентура из Баньореджо* — богослов, генерал ордена францисканцев (ум. 1274).
- 129 *Всё, что слева* — т. е. мирские заботы.
- 130 *Августин и Иллюминат* — одни из первых последователей Франциска Ассизского.
- 133 *Гугол* — каноник монастыря святого Виктора в Париже, богослов XII в.
- 134—135 *Петр Едок* — французский богослов XII в.
Петр Испанский — врач и богослов, впоследствии папа Иоанн XXI (1276—1277), автор трактата по логике «*Summulae logicales*», разделенного на *двадцать книг*.
- 136—137 *Тот, кого зовут Золотоустым* — константинопольский патриарх Иоанн Златоуст.
- 137 *Ансельм* — архиепископ кентерберийский, богослов XI в.
- 137—138 *Элий Донат* — римский писатель IV в., автор латинской грамматики.
- 139 *Рабан Мавр* — богослов IX в., архиепископ майнцский.
- 140—141 *Иоахим* — аббат монастыря во Флоре, в *Калабрии*, автор мистических сочинений (ум. 1202). Хотя многие его положения были осуждены церковью, Данте помещает его в Рай, в круг мудрецов.
- 142—144 *То брат Фома...* — Смысл: «Доминиканец Фома Аквинский своим похвальным словом Франциску побудил меня, францисканца Бонавентуру, завидовать (благородной завистью, а потому — воздать хвалу) такому паладину, как Доминик». (*Паладинами* назывались двенадцать рыцарей Карла Великого).

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

- ⁴ *Пятнадцать звезд* — т. е. любые пятнадцать ярчайших звезд.
- ⁷⁻⁹ *Воз* — т. е. семизвездие Большой Медведицы, которое никогда не короче, потому что всегда видимо полностью.
- ¹⁰⁻¹² *Устье рога* — т. е. две крайние звезды Малой Медведицы, напоминающей рог; острее его идет от иглы устоя (от оконечности небесной оси), вокруг которой вращается первый круг (Перводвигатель).
- ¹³⁻¹⁸ *И что они..* — т. е. что эти двадцать четыре яркие звезды образуют в небе два знака, похожие на венец Ариадны, дочери Миноя (Миноса), преобразованный в созвездие («Метаморфозы», VIII, 174—182), и что эти два концентрических венца вращаются в противоположных направлениях.
- ²³ *Кьяна* — река в Тоскане, течение которой было во времена Данте очень медленным.
- ²⁵ *Пеан* — гимн Аполлону.
- ³² *Тот свет* — т. е. Фома Аквинский.
- ³⁴⁻³⁶ *Раз один из двух снопов...* — Смысл: «Раз одно из твоих недоумений («Рай», XI, 25) устранено, и в твоём уме осталась истина, я готов разъяснить и второе («Рай», XI, 26). Я сказал о Соломоне («Рай», X, 114): «Такой мудрец не восставал второй», и ты недоумеваешь: неужели он мудрее, чем Адам и Христос, сотворенные не природой, а непосредственно божеством?»
- ³⁷ *Ты думаешь, что в грудь...* — т. е. в грудь Адама.
- ³⁸⁻³⁹ *Нежная щека* — т. е. щека Евы, небо которой, прельстившееся запретным плодом, обрекло людей на страдания.
- ⁴⁰ *И в ту (грудь)* — т. е. в грудь Христа.
- ⁴⁸ *Душа* — т. е. душа Соломона, скрытая в пятом блеске среди двенадцати мудрецов первого хора (в «Рай», X, 109).
- ⁵⁹ *Девять сущностей* — т. е. девять ангельских кругов.
- ⁸⁹ *Его премудрость* — т. е. премудрость Соломона.
- ⁹³ *Услышав: «Проси!»* — По библейской легенде, бог сказал Соломону: «Проси, что дать тебе», и тот испросил себе разумное сердце, чтобы судить народ.
- ⁹⁷⁻⁹⁸ *В числе их непреложном, Всех движителей* — т. е. сколько имеется «движителей» небес («Рай», II, 129 и прим.).
- ⁹⁸⁻⁹⁹ *Можно ль заключить К necesse при necesse и возможном;..* — т. е. можно ли получить необходимое (necesse) заключение в силлогизме, где одна посылка — необходимое, а другая — возможное.
- ¹⁰⁰ *Можно ль primum totum допустить;..* — т. е. вызвано ли мировое движение первоначальным толчком (primus motus).
- ¹⁰⁶ *«Восставал»* — см. прим. 34—36.
- ¹¹¹ *О праотце и о любимом нами* — т. е. об Адаме и о Христе.
- ¹²⁵ *Брис (или Брисон), Парменид, Мелисс* — древнегреческие философы.
- ¹²⁷ *Савелий (III в.) и Арий (IV в.)* — ересиархи.
- ¹³⁹ *Донна Берга или сэр Мартино* — т. е. первый встречный.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

- ⁹ *Уподобленье это подходило* — потому что речь Фомы была направлена от каймы (из хоровода) к середине, а речь Беатриче — наоборот.
- ^{16—17} *Когда вы станете опять очами зрими...* — т. е. когда, согласно церковной догме, мертвые воскреснут и души воссоединятся с телами.
- ^{34—35} *В самом дивном из светил Меньшого круга* — т. е. в пламени, окружающем Соломона («Рай», X, 109—110).
- ⁶² *«Аминь»* — по-еврейски означает: «да будет так».
- ⁸⁶ *Глубь звезды.* — Это планета Марс.
- ⁹⁶ *Гелиос* — солнце. Так Данте иногда называет бога.
- ¹⁰² *Который в рубежах квадрантов скрыт.* — Грани соприкасающихся квадрантов (четвертей) круга образуют знак креста.
- ¹³¹ *Очи заревые* — т. е. глаза Беатриче.
- ^{133—134} *Живые Печати всех красот.* — Предлагались разные толкования: 1) небеса; 2) блаженные души; 3) глаза Беатриче.
- ¹³⁵ *А там* — т. е. на Марсе. *К ним* — т. е. к глазам Беатриче. На Марсе Данте, поглощенный видением креста, еще ни разу не взглянул на нее.
- ¹³⁸ *Святой восторг* от созерцания глаз Беатриче *не изъят* поэтом из его рассуждения, а подразумевается в нем.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

- ²¹ *Одна из звезд.* — Это Каччагвида, прапрадед Данте, живший в XII в.
- ^{25—27} *Так дух Анхиза* приветствовал Энея, посетившего Элисий, царство мертвых («Энеида», VI, 679—693).
- ^{28—30} *O sanguis meus... (лат.)* — «О кровь моя, о свыше (или же: свыше меры) излитая милость божия, кому, как тебе, была когда-либо дважды открыта дверь неба?»
- ⁴⁹ *Голод* — т. е.: «желание увидет тебя».
- ^{56—57} *Как пять иль шесть...* — т. е. как из знания *единицы* проистекает (*лучится*) знание любого числа.
- ⁸⁴ *Сердцем лишь своим* — а не словами.
- ^{91—92} *Тот, кто имя роду Дал твоему* — сын Каччагвиды Альдигеро, или Алиггеро, по имени которого его потомки стали называться Алиггери.
- ⁹³ *Идет горой по первому обводу* — т. е. идет вокруг горы Чистилища по первому уступу, где искупают свой грех гордецы.
- ⁹⁴ *Твой дед* — Беллинчоне, сын Алиггеро (см. прим. 91), отец Алиггеро II, отца Данте.
- ^{95—96} *И надо, чтоб делами...* — т. е.: «надо, чтобы ты добрыми делами сократил срок его пребывания в Чистилище».
- ⁹⁷ *Меж древних стен* — внутри старой городской стены, построенной, по преданию, во времена Карла Великого. В XII в. город был окружен второй стеной, во времена Данте — третьей.
- ⁹⁸ *Ей подающих время герц и нон.* — Колокол церкви «Бадия», в старом городе, точнее других отбивал время. *Герца* — девять часов утра; *нона* — полдень.
- ¹⁰⁵ *Не расходились...* — т. е. приданое не бывало чрезмерно большим, а возраст новобрачной — чрезмерно ранним.

- 107—108 *Сарданапал* — ассирийский царь, вошедший в предания как олицетворение роскоши и разврата.
- 109—111 *Еще не взнесся...* — С горы *Монтемало* (Монтемарио) открывается вид на Рим, с *Птичьего Холма* (Уччеллатой) вид на Флоренцию. Смысл этих стихов: «Флоренция еще не превосходила Рим роскошью зданий; но настанет время, когда ее падение будет еще большим, чем падение Рима».
- 112 *Беллинчоне Берти деи Равиньяни* — знатный и влиятельный флорентиец XII в., отец Гвальдрады («Ад», XVI, 37).
- 115 *Нерли* и *Веккьо* (Веккьетти) — знатные флорентийские роды. Здесь имеются в виду их старейшины.
- 118—119 *Верная... гробница* — в родном городе, а не в изгнании.
- 120 *Для Франции* — куда мужа теперь уезжают по делам.
- 127 *Чангелла* — флорентийка времен Данте, знатная вдова, отличавшаяся своим вызывающим поведением и легкостью нрава.
- 128 Лапо *Сальгерелло* — флорентиец, современник Данте, юрист и поэт, ведущий роскошный образ жизни.
- 129 *Квинций Цициннат* — см. прим. «Рай», VI, 46. *Корнелия* — мать Гракхов, образец добродетельной женщины («Ад», IV, 128).
- 137 *Из долины Падо* — т. е. из долины По.
- 138 *Отсюда прозвище ее внучат.* — По словам Боккаччо, Каччагвида женился на девушке из рода феррарских Альдигьери, и одному из своих сыновей они дали имя Альдигьери; отсюда и пошло фамильное имя его потомков, изменившееся с течением времени в Алигьери (см. прим. 91).
- 139 *Куррадо* — император Конрад III, предпринявший в 1147 г. вместе с Людовиком VII Французским второй крестовый поход, к которому присоединились и некоторые флорентийцы.
- 144 *Пастыри* — т. е. римские папы.
- 145 *Отрешенный* — от телесных пут.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

- 10 *На «вы», как в Риме стали величать...* — Считалось, что обращение на «вы» впервые возникло в Риме применительно к Цезарю.
- 14—15 *Как кашель у другой...* — В романе о Ланчелоте («Ад», V, 128) придворная дама многозначительно кашлянула, присутствуя при нежной беседе королевы *Джиневры* с Ланчелотом.
- 26 *Овчарня Иоаннова* — т. е. Флоренция.
- 34—39 *С тех пор, как «Аве» ангел возвестил...* — Флорентийское летоисчисление велось от «воплощения Христова» (25 марта). От этой начальной даты по день рождения Каччагвиды Марс вступал в созвездие Льва 580 раз. Во времена Данте годовое обращение Марса считалось равным 686, 94 дня. Следовательно, Каччагвида родился в 1091 г.
- 41—42 *В том месте...* — где на ежегодном состязании *всадники* вступают в последний из шести *округов* (Porta San Piero). Домами в этой старейшей части города владели исконные флорентийские роды.
- 46 *От Марса к Иоанну* — от статуи Марса («Ад», XIII, 143—150) до баптистерия, т. е. от южного конца города до северного.

- 49—50 *Феггине* (Фильине), *Кампи* и *Чергальдо* — небольшие города неподалеку от Флоренции.
- 54 *Галлуццо* и *Тресьяно* — местечки под самой Флоренцией.
- 56 *Мужик из Агульоне* (близ Флоренции) — Бальдо д'Агульоне, юрист, составитель амнистии 1311 г., в которую Данте не был включен. (См. также прим. «Чистилище», XII, 105).
- 57 *Синьезец* — Фапио деи Морубальдини из Синьи (местечко в окрестностях Флоренции), судья-взяточник.
- 58—66 Смысл: «Если бы духовенство не оспаривало императорских прав и этим не способствовало распрям, раздражающим Италию, то многие оставались бы жить на прежних местах, и Флоренция не страдала бы от пришельцев».
- 62 *Иной бы в Симифонги поспешил...* — По-видимому, Липпо Беллуги, деятель партии Черных.
- 64 *Монтемулло* — замок, принадлежавший графам Гвиди.
- 65 *Черки*, выходцы из *Аконе* — см. прим. «Ад», VI, 60—75.
- 66 *Буондельмонти*, после разрушения в XII в. флорентийцами их замка Монтебуони на реке *Греве*, поселились во Флоренции. (См. ст. 136—145).
- 73 *Луни* («Ад», XX, 47) и *Урбисалья* — некогда цветущие города, во времена Данте лежавшие в развалинах.
- 75 *Кьюзи* и *Синигалья* пришли ко времени Данте в полный упадок.
- 88—93 Перечисляемые в этих и в дальнейших стихах флорентийские роды ко времени Данте либо пресеклись, либо оскудели.
- 94—96 *Вблизи ворот Сан-Пьеро* теперь обитают разбогатевшие Черки (ст. 65), которые в 1280 г. скупили дома и дворцы, некогда принадлежавшие роду Равиньяни (см. прим. 97—99), а затем графам Гвиди, и которые своим предательством приведут к гибели государственный корабль. Когда были провозглашены «Установления правосудия», они примкнули к народной партии, но в 1301 г. малодушно предали город Карлу Валуа (см. прим. «Рай», XVII, 48).
- 97—99 *Равиньяни*. — Беллинчоне Берти деи Равиньяни («Рай», XV, 112) выдал свою дочь Гвальдраду («Ад», XVI, 37) за графа Гвидо Старого, и внуком ее был граф Гвидо Гверра («Ад», XVI, 34—39). Имя Беллинчоне укоренилось в потомстве трех сестер Гвальдрады.
- 102 Золотая рукоять меча была признаком рыцарского звания.
- 103 *Белый столб*. — В гербе рода Пильи была в червленом поле отвесная полоса («столб») бельего (беличьего) меха.
- 104 *Те, кто кадкой устыжен* — Кьярамонтези, опозоренные своим сородичем, Дуранте Кьярамонтези (см. прим. «Чистилище», XII, 105).
- 106 *Стол, давший ветвь Кальфуччи* — род Донати.
- 109—110 *Сраженных своей гордыней* — Уберти.
- 111 Золотые шары были в гербе Ламберти.
- 112—114 *Такими были праотцы* и теперешних Висдомини и Тозинги, которые, когда пустует епископская кафедра, становятся ее блюстителями и живут вольготно.
- 115 *Нахальный род* — Адимари. Один из них, Боккаччо Адимари, завладел после изгнания Данте его имуществом и всеми силами противился применению к нему амнистии.
- 119 *Убертин Донато*, женатый на одной из дочерей Беллинчоне Берти деи Равиньяни (см. прим. 97—99).

- 121—122 *Капонсакко*.— Капонсакки, знатные фьезоланцы, поселились во Флоренции возле *Меркато Веккьо* (Старого Рынка).
- 125—126 Одни из *ворот* старого города (*малый круг*), *Porta Peruzza*, были названы по имени *Делла Пера*, теперь забытых.
- 127—132 *Кто носит герб великого барона...*— Гугон Великий, маркиз Тосканский (ум. 1001), поминаемый в день *Фомы*, посвятил в рыцари некоторых флорентийцев, которые и приняли его герб с теми или другими отличиями. Герб Делла Белла отличен был золотой *каймой*. Один из Делла Белла, Джано, возглавил народное движение против магнатов и был вдохновителем «Установлений правосудия» 1293 г.
- 133—135 *Импортуну и Гвальтеротти* жили в округе *Борго Санти-Апостоли*, где было бы спокойнее без новых поселенцев (Буондельмонти).
- 136—141 *Дом, ставший корнем ваших горьких бед...*— семья Амидеи. В 1215 г. Буондельмонте де'Буондельмонти, нарушив слово, данное девушке из рода Амидеи, женился на другой. Амидеи, их родичи и друзья решили отомстить. Наиболее решительный совет подал Моска деи Ламберти («Ад», XXVIII, 103—114), и Буондельмонте был убит близ Старого Моста, у статуи Марса (ст. 145). К этому убийству легенда приурочила раскол города на гвельфов и гибеллинов. Первых возглавили Буондельмонти, вторых — Уберти.
- 143 *Эма* — приток реки Греве (см. прим. 66).
- 145 *Ущербленный камень, мост блюдущий* — т. е. обломок статуи Марса у въезда на Старый Мост (см. прим. 136—141; «Ад», XIII, 142—150).
- 152—153 *Ни разу не была Лилея опрокинута стремглаво* — т. е. враг ни разу не опрокидывал главой к земле знамя Флоренции с геральдической лилией.
- 154 *И от вражды не делалась ала*.— Старинным гербом Флоренции была белая лилия в алом поле. Гвельфы заменили ее алой лилией в белом поле. Гибеллины пользовались прежним гербом.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

- ¹ *Климена* — мать Фазтона, которую тот просил подтвердить ему, что он действительно сын Аполлона, когда молодой Эпаф, сын Юпитера, вздумал это отрицать («Метаморфозы», I, 748; II, 328).
- ³ *Тот, кто в отцах родил к сынам суровость...*— Фазтон, после гибели которого отцы стали строже относиться к просьбам сыновей (см. прим. «Ад», XVII, 79—136).
- ⁴ *Таков был я* — желая узнать от Каччагвиды правду о себе.
- ¹⁵ *Что в треугольник двум тупым не влиться...*— т. е. что в треугольнике не может быть двух тупых углов.
- ⁴² *Оттуда* — т. е. от «предвечного взгляда» (ст. 39).
- ^{46—47} *Ипполит* — в греческих сказаниях — сын Тезея, оклеветанный своей *мачехой* Федрой и вынужденный покинуть Афины.
- ⁴⁸ *Так и тебе Флоренция велит*.— Стремясь подчинить себе Тоскану, папа Бонифаций VIII, действуя заодно с флорентийской партией Черных (см. прим. «Ад», VI, 60—75), отправил во Флоренцию Карла Валуа (см. прим. «Чистилище», XX, 70—78), якобы для примирения Черных и Белых. Тот вступил в город 1 ноября 1301 г., и Белые подверглись разгрому. Многие из них были присуждены к изгнанию, в том числе Данте (27 января 1302 г.). Вскоре (10 марта) последовал новый приговор, заочно присуждавший его к сожжению.

- 49—51 Там, где Христос вседневным стал товаром — т. е. в Риме, где флорентийские Черные интриговали против Белых.
- 61—65 Но худшим знегом... Речь идет о размолвке Данте с Белыми, сотоварищами его по изгнанию.
- 66 Зардеют — т. е. будут окровавлены. По-видимому, намек на неудачную попытку Белых и гибеллинов в июле 1304 г. силою вернуться в отечество, в которой Данте, к тому времени уже порвавший с ними, не участвовал.
- 69 Что ты остался сам себе клеветом — т. е. единственным своим товарищем, не примыкая ни к одной из партий.
- 71 Ломбардец знаменитый — Бартоломео делла Скала, синьор Вероны с 1301 г., умерший 7 марта 1304 г.
- 76 С ним будет тот... — Кан Гранде делла Скала, младший брат Бартоломео, родившийся 9 марта 1291 г. и правивший Вероной с 1312 г. до своей смерти в 1329 г.
- 77 От этого светила — т. е. от воинственной планеты Марса.
- 82—83 Гасконец — папа Климент V (см. прим. «Ад», XIX, 82—84), приветствовавший вступление высшего Арриго (Генриха VII) в Италию, а затем начавший с ним борьбу («Рай», XXX, 133—148 и прим.).

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

- 28 На пятом из порогов... — т. е. на пятой ступени Рая.
- 38 Иисус, сын Хавина — по библейской легенде, вождь еврейского народа, преемник Моисея.
- 40 Иуда Маккавей — освободитель еврейского народа от сирийского ига (II в. до н. э.).
- 43 Великий Карл с Орландом — см. «Ад», XXXI, 16—18 и прим.
- 46 Гульельм (Гильом), граф Оранский, и Реноард (Ренуар) — герои средневекового французского эпоса.
- 48 Руберт Гвискар — Роберт Гискар. (См. прим. «Ад», XXVIII, 14).
Герцог Готфрид — Годфруа Бульонский, вождь первого крестового похода.
- 70 Планета Диева — Юпитер (Дий).
- 82 Пегася — общее название муз.
- 91—93 «Diligite iustitiam qui indicatis terram» (лат.) — «Любите справедливость, судящие землю» («Книга Мудрости», I, 1).
- 113 В лилее М. — Готическое М напоминает геральдическую лилию.
- 114 Слегка содвигшись, завершил узор. — После того как огни, слетевшие на вершину М, превратились в голову и шею геральдического орла, остальные огни, составлявшие средний ствол и крылья этой буквы, слегка сместившись, завершили узор, т. е. придали всей фигуре облик имперского орла.
- 115 О чистый светоч — т. е. планета Юпитер.
- 119—120 Клубы дыма... — это папская курия, которая не дает земле озариться лучом справедливости.
- 128—129 Теперь — огнять стараясь... — т. е.: «теперь папа ведет войну посредством интердиктов и отлучений».

- 130 *Строчащий, чтобы зачеркнуть...*— т. е. папа Иоанн XXII (1316—1334), прославившийся своим корыстолюбием и беспрестанными отлучениями, которые затем отменял с выгодой для себя.
- 133—136 *Ты, впрочем, скажешь:* «Я так люблю Иоанна Крестителя, который *одиноко* жил в пустыне и умер от *пьясок* Саломеи, потребовавшей в награду его голову, т. е. я так люблю золотые флорины с его изображением (см. прим. «Ад», XXX, 49—75), что я забыл и *Ловца* (Петра), и *Павла*, которыми ты мне грозишь».

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

- 28 *Другой стране* — см. «Рай», IX, 61—62.
- 46—48 *Тот первый горделивец* — т. е. Люцифер.
- 101—102 *Все как знак чудесный...*— т. е. по-прежнему сохраняя очертания орла.
- 111 *Навек в богатом или в нищем скопе* — т. е. награжденные вечным блаженством или осужденные на вечную муку.
- 115—117 *Альберт* — император Альбрехт («Чистилище», VI, 97), разоривший Чехию (*пражскую землю*) в 1304 г.
- 120 *Тот, кто умрет от шкуры кабана* — французский король Филипп IV (с 1285 по 1314), расстроивший народное хозяйство выпуском низкопробной монеты и погибший на охоте. (Ср. «Чистилище», VII, 109; XX, 92; XXXII, 151; XXXIII, 44).
- 122 *Шотландец* — Роберт Брюс (с 1306 по 1329).
Англичанин — Эдуард I (с 1272 по 1307) или Эдуард II (с 1307 по 1327).
- 125 *Испанец* — Фердинанд IV Кастильский (с 1295 по 1312).
Богемец — Венцеслав IV Чешский (с 1278 по 1305). (Ср. «Чистилище», VII, 102).
- 127—129 *Хромец ерусалимский* — Карл II Анжуйский, прозванный Хромым, носивший титул короля Иерусалимского. Его добродетели будут обозначены знаком I (единица), а пороки — знаком M (тысяча). (См. прим. «Чистилище», XX, 79—70).
- 131 *Тот, кто над жгучим островом вельможен...*— сицилийский король Федерико II (с 1296 по 1337). (Ср. «Чистилище», VII, 119; «Рай», XX, 63).
- 132 *Анхиз* — престарелый отец Энея, умерший, по рассказу Вергилия, в Сицилии, на пути из Трои в Италию («Энеида», III, 707—714).
- 137 *Брат Федерико Второго* — арагонский король Яков II (с 1291 по 1327). (Ср. «Чистилище», VII, 119).
Дядя — балеарский король Яков (с 1262 по 1311).
- 140 *Норвежец* — Гакон V Долгоногий (с 1299 по 1319).
Португалец — Диниш I Землепашец (с 1279 по 1325).
Серб — Стефан Урош II Милутин (с 1276 по 1321), чеканивший низкопробную монету, похожую на венецианскую.
- 142—143 *Блаженна Венгрия...*— если возместит ущерб, нанесенный ей предшествующими королями.
- 143—144 *Счастлива Наварра...*— если оградится своими горами от Франции, которая грозит ее поглотить.
- 145—148 Предостережением Наварре служит судьба *Никосии* и *Фамагусты*, главных городов Кипра, где царствует король-француз Генрих II Лузиниан, со львом в гербе (*зверь*), с *другими неразлучный ни на миг* в своем злодействе.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

- ⁶ *Несчетных светов, где один зажжен.*— Считалось, что звезды заимствуют свет от солнца. (Ср. «Рай», XXIII, 28—30).
- ³¹ *Та часть моя, что видит...*— т. е. глаз. У орла виден только один глаз, потому что его голова обращена в сторону.
- ^{38—39} *Святого духа некогда воспел* — библейский царь Давид.
- ^{45—48} *По мертвом сыне скорбь утешил вдовью* — император Траян (см. прим. «Чистилище», X, 73—93; 75).
- ⁵¹ *Отсрочил смерть* — царь Езекия, в библейской легенде.
- ^{55—57} *А тот, за ним...*— император Константин, который перенес в Византию свою столицу, законы и императорского орла («с законами и мною... стал греком»), причем уступил (как полагали в средние века) Италию и Запад папе Сильвестру I, руководясь добрыми намерениями, приведшими ко злу (см. прим. «Ад», XIX, 115—117).
- ⁶² *Гульельмом был* — Гульельмо II Добрый, король Сицилии и Апулии (с 1166 по 1189).
- ⁶³ *Скорбя, что Карл и Федерико живы.*— Владения Гульельмо II скорбят о том, что достались дурным королям: Апулия (Южная Италия) — Карлу II Анжуйскому (см. прим. «Чистилище», XX, 79—80), а Сицилия — Федерико II (см. прим. «Рай», XIX, 131).
- ⁶⁹ *Рифей троянец* — упоминаемый Вергилием герой, павший при взятии Трои, «справедливейший и правдолюбивейший среди тевкров» («Энеида», II, 426—427). (См. ст. 118—129 и прим.).
- ⁹⁴ *Regnit coelorum (лат.)* — Царство небесное (Ев. от Матф., XI, 12).
- ¹⁰⁴ *Пронзенье ног* — т. е. распятие Христа.
- ^{106—117} *Одна из Ада...*— душа Траяна (см. ст. 43—48 и прим.).
- ^{118—126} *Другой* — т. е. Рифей (см. ст. 69 и прим.). Повесть о том, что он верил в грядущего Христа, придумана самим Данте.
- ^{127—129} *Он крестник был трех жен...*— Смысл: «Рифей жил за тысячу с лишним лет до христианства, но крещение для него заменили вера, надежда и любовь, идущие у правого колеса мистической колесницы Земного Раи» («Чистилище», XXIX, 121—129).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

- ⁵ *Семела* — см. прим. «Ад», XXX, 1—24.
- ¹⁴ *Под жгучим Львом...*— В марте—апреле 1300 г. Сатурн находился в созвездии Льва.
- ²⁵ *В глубинах мирокружного кристалла...*— т. е. внутри Сатурна, движущегося вокруг Земли.
- ²⁶ *Властитель* — Сатурн (Кронос), сын Урана и Геи, отец Зевса (Юпитера), бог-миродержец, при котором на земле был золотой век («Ад», XIV, 96).
- ^{61—63} Смысл: *«Твой слух смертен* и не вынес бы нашего пения, как твое зренье не вынесло бы улыбки Беатриче.
- ¹⁰⁵ *Кто он.*— Это Пьер Дамьяно, богослов XI в.
- ^{109—111} *Катрия* — возвышенность в центральной части Апеннин. На ее склоне расположен монастырь Фонте Авеллана.

- 122—123 *Грешный Петр.*— Так называл себя Пьер Дамьяно, живший, по преданию, одно время у *Адрийских вод*, в монастыре Санта-Мария, близ Равенны.
- 125 *Шляпу* — кардинальскую. (В действительности лишь в середине XIII в. отгличем кардинальского сана стала красная шляпа.)
- 127 *Кифа* (еврейск.: камень) — апостол Петр.
Сосуд Избранья — апостол Павел («Ад», II, 28).
- 141 *Здесь* — т. е. на земле.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

- 31 *В ней я услышал.*— Говорящий — Бенедикт (480—543), основатель ордена бенедиктинцев.
- 37 *Вершину над Касино* — т. е. гору Монте-Касино, в Южной Италии; на ее склоне расположен город Касино (римский Касинум).
- 49 *Макарий Александрийский* — отшельник IV в.
Ромоальд дельи Онести (ум. 1027) — основатель ордена камальдолитов.
- 61 *В высшей сфере* — т. е. в Эмпирее.
- 70—72 *Пред патриархом Яковом...* Ссылка на библейскую легенду о лестнице, приснившейся Якову.
- 84 *А не родни* — т. е. не родственников духовных лиц.
- 111 *Знак, первый вслед Тельцу...*— созвездие Близнецов, где оказался Данте, вознесясь в восьмое небо (небо звезд).
- 112—114 *О пламенные звезды...*— Родившиеся под знаком Близнецов считались, по учению астрологов (см. прим. «Ад», XV, 55—69), предрасположенными к занятиям искусством и наукой.
- 115—117 *Отец всего, в чем смертна жизнь...*— т. е. солнце. Средневековая астрономия считала, что Солнце находится в созвездии Близнецов с 21 мая по 20 июня. В примечании к первому стиху «Ада» Боккаччо приводит слова одного равеннского старожилы, друга Данте, которому тот незадолго до смерти (наступившей в Равенне 13 сентября 1321 г.) сказал, что в мае месяце ему исполнилось 56 лет. Из сопоставления этого свидетельства со стихами 112—117 можно заключить, что Данте родился в последнюю декаду мая 1265 г.
- 134 *Этот шар* — т. е. нашу землю.
- 139 *Дочь Латоны* — Луна («Рай», X, 67).
- 140 *Без тех гениев...*— т. е. без лунных пятен («Рай», II, 49—148). Теперь Данте видит обратную сторону Луны.
- 143 *Гиперион* — сын Урана и Геи, отец Гелиоса (солнца).
- 144 *Майя* — мать Меркурия. *Диона* — мать Венеры («Рай», VIII, 7). Данте, обращаясь к ним, говорит, что *постиг кружение их детей близ Солнца*, вокруг Земли.
- 145—146 *Смягченное горенье.*— Умеренный *Юпитер* расположен между знойным сыном (Марсом) и холодным отцом (Сатурном).
- 152—153 *Клочок* — т. е. земная суша. Данте видит ее всю, потому что находится над меридианом Иерусалима, расположенного, по его географии, посредине обитаемой суши (см. прим. «Чистилище», II, 4—6).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

- 12 *Шаг солнца медлит* — ср. «Чистилище», XXXIII, 103—105.
- 25—27 *Тривия* — Диана, Луна (охранительница распутий — лат. *trivium*). *Вечные нимфы* — ее спутницы, звезды.
- 29 *Одно царило Солнце* — символизирующее Христа.
- 30 *Как наше — в горних свечках ночей* — т. е. как наше солнце озаряет светом небесные звезды (ср. «Рай», XX, 1—6).
- 57 *Полимния* (Полигимния) — муза лирической поэзии, и ее сестры — остальные музы.
- 67—69 *Морской простор...* — ср. «Рай», II, 1—15.
- 73 *Роза* — т. е. дева Мария.
- 74 *Веянье лилей...* — Лилиями здесь названы апостолы.
- 94 *Свечок огневой* — архангел Гавриил.
- 112 *Всех свитков мира царственный покров...* — т. е. девятое небо, объемлющее все остальные небеса (см. прим. «Рай», I, 76—77).
- 134 *У Вавилонских вод* — т. е. на земле.
- 139 *Кто наделен ключами...* — подразумевается апостол Петр.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- 20 *Блаженный пламень* — апостол Петр.
- 26 *Для этих складок* — т. е. для этих оттенков.
- 46 *Баккалавр* — звание лица, окончившего университет, дававшее право на соискание докторской степени.
- 48 *Где он изложит, но не заключит...* — На университетских диспутах диссертант подтверждал доказательствами защищаемые положения, а заключение произносил председатель.
- 62 *Твой брат* — апостол Павел.
- 89 *Этот бисер* — т. е. веру.
- 93 *По ветхой и по новой коже...* — т. е. по пергаментным листам Ветхого и Нового завета.
- 101 *Дела* — чудеса, о которых рассказывает Библия.
- 126 *Юнейших ног опережая след...* — По евангельской легенде, Петр сошел в гробницу Христа, опередив Иоанна.
- 132 *Волю* — к вращению (см. прим. «Рай», I, 76—77).
- 137 *Вы* — т. е. апостолы.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

- 4—5 *Доступ мой К родной овчарне...* — т. е.: «возвращение в изгнавшую меня Флоренцию».
- 6 *Немил волкам* — т. е. политическим противникам Данте.
- 7 *В ином руне, в ином величье звонком...* — т. е. уже седым и прославленным как автор «Божественной Комедии».

- 9 Там, где крещение принимал ребенком;— т. е. в «прекрасном Сан-Джованни» («Ад», XIX, 17).
- 14—15 Старшина...— т. е. апостол Петр («Рай», XXIV, 19—21).
- 17—18 Вот витязь...— апостол Яков, к гробнице которого в Сантьяго де Компостела, в испанской провинции Галисьи, стекались многочисленные паломники.
- 31 Надеждой эту огласи обитель — т. е.: «заговори с Данте о надежде, подобно тому как Петр говорил с ним о вере».
- 32—33 Ведь ею ты бывал...— По евангельской легенде, в трех случаях Христу сопутствовали только три апостола — Петр, Яков и Иоанн, в которых толкователи видели олицетворенными веру, надежду и любовь.
- 38 К горам — т. е. к Петру и Якову.
- 72 Тот, кто всех выше высшего воспел — т. е. царь Давид.
- 83—84 До края Борьбы за пальму — т. е. до мученической смерти.
- 91 Две ризы — т. е. блаженство души и тела.
- 95 Твой брат — апостол Иоанн, говорящий в «Апокалипсисе» о блаженстве избранных, облеченных в белые одежды.
- 98 «Sperant in te» (лат.) — «Да уповают на тебя» (псалом IX, 11).
- 100 В одном огне.— Это апостол Иоанн.
- 101—102 Будь у Рака сходный перл...— С 21 декабря по 21 января при заходе солнца восходит созвездие Рака. А заходит оно при восходе солнца. Если бы в этом созвездии была звезда столь же яркая, как этот воссиявший огонь, то в течение месяца круглые сутки было бы светло, как днем.
- 112 Пеликан — подразумевается Христос.
- 123 Чтоб видеть то, чего искать напрасно?..— Существовала легенда, будто апостол Иоанн был живым взят на небо. Поэтому Данте всматривается в его сияние, пытаясь разглядеть тело, которое должно было бы частично затмевать силу света (ст. 118—119).
- 127—128 В двух ризах здесь...— Смысл: «В Раю обладают душою и телом только Христос и Мария, два сиянья, незадолго перед тем «взнесишесь в Эмпирей» («Рай», XXIII, 85—87; 112—120).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

- 2 Костер лучей — облик апостола Иоанна.
- 7—8 Куда стремится Твоя душа — т. е.: «к чему направлена твоя любовь». Иоанн вопрошает поэта о любви, подобно тому как Петр и Яков — о вере и надежде.
- 12 Таится мощь Ананиных рук.— Смысл: «Беатриче своим взглядом возвратит поэту зрение, подобно тому как, по церковной легенде, Анания возложением рук исцелил апостола Петра от слепоты».
- 16—18 Святое Благо неземных палат...— Смысл: «Вся моя любовь направлена к богу».
- 38—39 Мне показавший первую Любовь...— Древнейшие комментаторы относят это определение к Аристотелю.
- 58 Орла Христова.— Орел — символ евангелиста Иоанна.
- 61 И сказанная истина живая — см. ст. 16—18; 31—36.

- 72 *Пронзающий за платом плат...*— т. е. одну оболочку глазного яблока за другой.
- 83 *Душа, всех прежде созданная...*— т. е. Адам.
- 93 *Дочь и сноху*, ибо если Адам — отец всех людей, то всякая замужня женщина — одновременно и его дочь и жена его сына.
- 103 *В нем* — т. е.: «в твоём вопросе».
- 110—111 *Вступил в высокий сад...*— т. е. в Земной Рай.
- 118—120 Смысл: «Я пробыл в Лимбе 4302 года».
- 121—123 Смысл: «Я жил на свете 930 лет».
- 125—126 *Задолго до немыслимого дела* — т. е. до попытки построить Вавилонскую башню (см. прим. «Ад», XXXI, 46—63).
- 139—142 *На той горе...*— Смысл: «В Земном Раю я пробыл всего лишь семь часов — от утра до того (седьмого солнечного) часа, который *вступает... за шестым*».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

- 10 *Четыре светоча* — т. е. Петр, Яков, Иоанн и Адам.
- 12 *Представший первым* — т. е. Петр.
- 13—15 *И стал таким* — т. е. стал багровым.
- 22 *Тот, кто, как вор, воссел на мой престол...*— недостойный папа Бонифаций VIII (1294—1303). (См. прим. «Ад», XIX, 52—84).
- 26 *Сверженный с высот* — т. е. Люцифер.
- 41—44 Петр приводит имена римских епископов первых веков христианства.
- 48 *Делил на правый и на левый стан* — т. е. на угодных папскому престолу гвельфов и неугодных гибеллинов.
- 58 *Гасконцы и каорсинцы* — двое из ближайших преемников Бонифация VIII: Климент V гасконец (см. прим. «Ад», XIX, 82—84), и Иоанн XXII, из Каорсы (Кагор). («Рай», XVIII, 130—136 и прим.)
- 62 *В великой Сципионовой борьбе...*— против Ганнибала.
- 68—69 *Едва лишь Козерог...*— т. е. в декабре.
- 79—81 *П я увидел...*— Смысл: «Данте увидел, что с тех пор, как он впервые взглянул на Землю с созвездия Близнецов (см. прим. «Рай», XXII, 152—153), он успел обогнуть четверть земной окружности, проносясь над «первой полосой», т. е. над первым, ближайшим к экватору климатическим поясом (которых, согласно древней географии, было семь), оп от середины обитаемой суши, т. е. от меридиана Иерусалима, *сдвинулся до края*, т. е. до меридиана Гадеса». Сопоставление хронографических данных «Рая» («Рай», I, 43—47; XXII, 151—153; XXVII, 79—87) позволяет предположить, что, по мысли Данте, его круговой полет от горы Чистилища до Эмпирея занял 24 часа.
- 83 *Улиссов путь* — см. «Ад», XXVI, 90—142.
- 83—84 *Берег, на котором...*— т. е. Финикийское побережье, где Юпитер, в образе быка, похитил царевну *Европу* и, посадив ее себе на спину, отплыл с нею на Крит («Метаморфозы», II, 833—875).
- 85 *Тот клочок* — т. е. земную сушу (ср. «Рай», XXII, 152).
- 85—87 *Упреждало нас ..*— больше чем на 30°, так что значительная доля восточной части суши была темна.

- 98 *Из Ледина гнезда* — т. е. из созвездия Близнецов (Кастора и Поллукса), родившихся из яйца Леды, обольщенной лебедем-Юпитером.
- 107 *Вокруг ядра, которое почилло* — т. е. вокруг неподвижного земного шара.
- 109–111 *И небо это...*— Смысл: «Девятое небо (Перводвигатель) окружено Эмпиреем, обиталищем божества, божьей мысли, в которой почерпают свою энергию (пыл) вращающая Перводвигатель любовь (см. прим. «Рай», I, 76–77) и скрытая в нем сила влияний, источаемых им на нижележащие небеса (см. «Рай», II, 112–123)».
- 117 *Как десять — в половине или в пятой* — т. е. как число «10» измеряется числом «5» или числом «2».
- 118–120 *Как время...*— Смысл: «Незримые корни времени погружены в Перводвигатель, а его зримая листва, или вершина расположена в остальных небесах и воплощена в движении светил».
- 136–138 *И так вот кожу белую чернят...*— Смысл: «Так люди превращаются в животных (кожу белую чернят), вняв обольщеньям волшебницы Цирцеи («Ад», XXVI, 91; «Чистилище», XIV, 42), прекрасной дочери Гелиоса-Солнца (дарующего утро и закат), т. е. прельстясь земными благами». В оригинале эта терцина прочитывалась и понималась различно. Предлагаемый перевод также допускает другое прочтение и другое понимание, если слова «вняв обольщеньям» выделить в запятых как вводные. «Так люди, вняв обольщеньям, чернят белую кожу прекрасной дочери солнца, т. е. портят человеческую породу, дочь солнца — «отца всего, в чем смертна жизнь»» («Рай», XXII, 116).
- 140 *Ведь над землею власть упряднена.*— Ни светская, ни духовная власть не выполняют своего назначения.
- 142–143 *Но раньше, чем январь возьмет весна...*— Год Юлианского календаря был длиннее солнечного года примерно на одну сотую долю дня и отставал от него за каждые 128 лет на один день, так что январь постепенно передвигался к весне. Беатриче хочет сказать, что перемена наступит скоро.
- 145 *Вихрь* — т. е. грядущий избавитель человечества.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

- 16 *Точка* — своеобразный символ божества.
- 22–25 Ослепительную Точку обнял круг огня, подобно тому как луна или солнце (названные здесь «небесным светом», т. е. светилом) бывают окружены кольцом лучей, которое они «изображают» (т. е. рисуют, создают) в густом тумане, как несущем это кольцо.
- 25 *Круг огня.*— По мысли Данте, этот круг, как и остальные восемь, концентрически его объемлющие, состоит из ангелов, разделяемых на три «трехчастных сонма» (ст. 105).
- 27 *Быстрейший бег...*— т. е. скорость Перводвигателя.
- 33 *Гонец Юноны* — Ирида, радуга («Рай», XII, 12).
- 54 *Любовь и свет* — ср. «Рай», XXVII, 112.
- 56 *Подобье и прообраз.*— Данте недоумевает, почему в мире ощущаемой природы (ст. 49), которая есть подобье своего прообраза, мира сверхчувственного, небесные сферы тем «божественнее» (ст. 51) и тем быстрее, чем они отдаленнее от центра, а здесь, наоборот, круг, ближайший к Точке, — самый яркий и самый быстрый.
- 64 *Плотские своды* — т. е. небесные сферы.

- 70—72 Смысл: *«Наш свод, т. е. Перводвигатель, наиболее совершенная из небесных сфер, соответствует наименьшему из ангельских колец, превысшему в знанье и в любви».*
- 73—78 Смысл: *«Если принимать во внимание только силу, присущую небесным сферам и ангельским кругам, а не их величину (видимость), то легко установить, что существует прямое соотношение между совершенством каждой небесной сферы и совершенством управляющего ею Разума, воплощенного в ее «двигателях» (см. прим. «Рай», II, 129), и что большому объему небесной сферы соответствует многое содержание благотворной силы, а небольшому — малое».*
- 80—81 *Ворей* — северный ветер. *Щекой, которая не так сурова*, т. е. дует правым углом рта, он навевает мягкий северо-западный ветер, проясняющий небо.
- 92—93 *И множились несметней...*— т. е. их было больше, чем: $2^{64} - 1$ (= 18 446 744 073 709 551 615),— количество хлебных зерен, которое, по легенде, изобретатель шахмат попросил себе в награду.
- 117 *Ночной Овен* — т. е. осень, когда по ночам видно созвездие Овна.
- 121 *Три богини* — т. е. три ангельских круга.
- 127 *К высоте* — т. е. к срединной Точке.
- 130 *Дионисий Ареопагит* — см. прим. «Рай», X, 115—117.
- 133 *Григорий* — т. е. папа Григорий (590—604), несколько иначе строивший иерархию ангелов.
- 138 *Здесь их узревший* — т. е. наставник Дионисия, апостол Павел (см. прим. «Ад», II, 28).

ПЕСНЬ ДВА ДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

- 1—8 *Беатриче* замолкает на один миг, ровно на столько времени, сколько противостоят друг другу, на противоположных точках горизонта, в равном отдалении от зенита, рожденные Лагоной близнецы, т. е. Солнце (Аполлон), находящееся в созвездии Овна, и Луна (Диана), находящаяся в созвездии Весов, после чего каждый из них перейдет в новый небосвод, потому что Солнце скроется за горизонтом, а Луна взойдет.
- 9 *Где Точка взор мой побеждала* — см. «Рай», XXVIII, 16—18.
- 11 *Твой вопрос читая.*— Данте хочет знать, «где, когда и как» (ст. 46—47) сотворены ангелы.
- 22—24 Смысл: *«Как с лука о трех тетивах слетают три стрелы, так созданное триединым божеством имеет тройкий вид: это — либо суть («fogma» схоластической философии, то образующее начало, благодаря которому вещи становятся собою), либо вещество, либо соединение их (суть совместно с веществом)».*
- 31—36 Смысл: *«Одновременно со вселенной был создан и строй (градация) всего сущего: на вершине мира — те, в ком чистое деянье (puro atto), или «суть», «fogma» (ст. 22), т. е. активные, бесплотные существа, ангелы; на дне — чистая возможность (pura potenza), или «вещество» (ст. 22), пассивная материя, в середине — нерасторжимые соединения деянья и возможности (суть и вещества, «формы» и материи), т. е. небесные сферы».*
- 37 *Иероним* — христианский святой, богослов (IV—V в.).
- 44—45 Смысл: *«Двигатели, т. е. ангелы, управляющие движением небесных сфер («Рай», II, 129 и прим.), в чем и выражается их подлинное совершен-*

- ство, были бы долгое время лишены этого совершенства, если бы созданы были задолго до небес».
- 46—47 СМЫСЛ: «Теперь ты знаешь, где, когда и как сотворены ангелы: где — «над миром» (ст. 32), т. е. в Эмпирее; когда — одновременно со вселенной (ст. 37—45); как — в виде «чистого деанья» (ст. 33)».
- 50—51 СМЫСЛ: «Часть бесплотных духов, восставшая против бога и свергнутая с небес, привела в смятенье то, в чем для стихий опора, т. е. Землю, в недра которой она была низринута».
- 56—57 Тот, кто пред тобой предстал... — т. е. Люцифер.
- 81 Отъятые виденья — т. е. забывшиеся представления.
- 93 Воздают любовью — на небесах.
- 103—104 Лапо и Биндо (уменьшительные от Якопо и Ильдебрандо) — распространеннейшие имена во Флоренции времен Данте.
- 117 Куюколь пыжится — т. е. капюшон проповедника вздувается от самодовольства.
- 118—120 Птенец — дьявол.
- 124—126 Так кормит плут Антоньеву свинью.— У ног святого Антония изображалась свинья, символ побежденного им дьявола, и монахи антонийанского ордена на собираемые подаяния откармливали монастырских свиней, которых суеверные люди очень почитали. Смысл слов Беатриче: «Церковники, платя деньгу поддельную свою, т. е. торгуя индульгенциями, откармливают не только своих свиней, но и многих людей, которые грязней намного, чем свиньи: самих себя, своих любовниц и приятелей».
- 133—135 И в самом откровенье Даниила...— Смысл: «Слова пророка Даниила о «тьмаз тем» ангелов не означают какого-либо точного числа».

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

- 1—6 Смысл: «Если час шестой, т. е. полдень, пылает от нас примерно за шесть тысяч миль, что составляет немногим более четверти земной окружности (которую наука времен Данте считала равной 20 400 милям), то для нас восход солнца наступит приблизительно через час. В это время земля склоняет свою тень почти что к плоскости (т. е. ось конической земной тени, склоняясь, приближается к плоскости горизонта), а небес, для нас глубинных, сень (восьмое, звездное небо Птолемеевой системы, единственное видимое) становится такой бледной, что свет наименее ярких звезд уже не достигает этой ступени (т. е. Земли)».
- 8 Служанка солнца — т. е. утренняя заря.
- 9 От славы к славе — т. е. от звезды к звезде.
- 10—12 Празднество...— см. «Рай», XXVIII; XXIX, 9.
- 24 Трагед иль комик — т. е. автор трагедий или комедий, в средневековом значении этих терминов. (См. прим. «Ад», XVI, 127—128).
- 37 Из наибольшей области телесной — т. е. из девятой небесной сферы (Перводвигателя), самого крупного из вещественных тел.
- 39 В чистейший свет небесный — т. е. в Эмпирей, десятое, уже невещественное небо.
- 44 И ту, и эту рагь... — т. е. ангелов и блаженные души.

- 54 *И так свечу готовит для огня* — т. е. как бы обжигая свечу предварительно, чтобы она ярче зажглась.
- 73—74 *Но надо этих струй испить сначала...* — т. е.: «Ты должен пристально всмотреться в эту сияющую реку, чтобы подготовиться к зрелищу, которое утолит твою великую жажду, постигнуть то, что пред тобой предстало» (ст. 71).
- 78 *Лишь смутные предвестья правды их.* — То, что сейчас представляется Данте как река, искры и цветы, вскоре окажется иным: река — кругообразным озером света, сердцевиной райской розы, ареной небесного амфитеатра; берега — его ступенями; цветы — блаженными душами, восседающими на них; искры — летающими ангелами («Рай», XXXI, 4—18).
- 88—89 *Как только влаги этой испила каемка век* — т. е.: «как только я взгляделся в сияющую реку».
- 96 *Оба воинства небес* — см. прим. 44.
- 100—108 *Есть горный свет...* — Смысл: «Эмпирей озарен невещественным светом, который позволяет творениям созерцать божество. Этот свет порождается лучом, который падает с высоты на вершину гверди первобожной (т. е. девятого неба, Перводвигателя; см. прим. «Рай», I, 76—77) и сообщает ей жизнь (движение) и мощь (силу влиять на нижележащие небеса). Озаряя вершину Перводвигателя, он образует круг, гораздо больший, чем окружность солнца».
- 112—117 Смысл: «Вокруг светящегося круга, превышающего окружность солнца, расположены, образуя свыше тысячи рядов, ступени амфитеатра, подобного раскрытой розе, и на них восседает в белых одеждах (ст. 129) *все, к высотам обретшее возврат*, т. е. все те души, которые достигли райского блаженства».
- 121 *Там близь и даль давать и брать не властны.* — Смысл: «В Эмпирее близь не увеличивает отчетливости видимых предметов, а даль не уменьшает ее».
- 124 *В желть вечной розы* — т. е. в ее желтую сердцевину.
- 132 *И сколь немногих он огньне ждет.* — Эти слова, которыми Данте хочет указать на испорченность человечества, вместе с тем отражают средневековую веру в близость конца мира.
- 137 *Арриго* — император Генрих VII Люксембургский (род. 1262). Избранный в 1308 г., после смерти Альбрехта Габсбургского («Чистилище», VI, 97), на императорский престол, он предпринял в 1310 г. поход в Италию, с которым Данте связывал свои политические надежды, видя в Генрихе объединителя Италии и восстановителя всемирной монархии. В 1312 г. Генрих короновался в Риме императорской короной. Последовавшая затем осада Флоренции кончилась неудачей. В 1313 г., готовясь к походу против Роберта Неаполитанского («Рай», VIII, 76—84), Генрих умер.
- 142—148 *В те дни увидят в божем суде...* — В дни Генриха VII римским папой будет коварный Климент V (см. прим. «Ад», XIX, 82—84), который по отношению к императору поведет себя двулично, так что его явный путь будет непохож на сокровенный («Рай», XVII, 82—83 и прим.). Но он переживет Генриха всего на восемь месяцев и канет вниз головой туда, где казнится Симон Волхв, в одну из круглых скважин третьего рва Злых Щелей («Ад», XIX), отгеснив вглубь Аланца, — т. е. Бонифация VIII (см. прим. «Ад», XIX, 52—81), уроженца Аланьи (Ананьи).

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

- 4 *А та, что, рея...* — т. е. другая небесная рать, ангелы.
- 26 *Древнюю и новую толпой* — т. е. праведниками Ветхого и Нового завета.
- 32—38 *Гелика* — созвездие Большой Медведицы, с *милым сыном*, то есть с созвездием Волопаса. (См. прим. «Чистилище», XXV, 131).
- 36 *Латеран* — один из округов Рима — в смысле: Рим. Латеранский дворец был резиденцией императоров, а затем — пап.
- 59 *Старец* — Бернард Клервосский (1091—1153), богослов-мистик, принимавший живое участие в политической жизни своего времени. Данте видел в нем тип «созерцателя» (см. ст. 110—111), и в Эмпирее он является таким же наставником поэта, какою в Земном Раю была деятельная Мательда.
- 67 *Взглянув на третий ряд под верхним кругом.* — Исполнив свою миссию путеводительницы, Беатриче вернулась на свое место в небесном амфитеатре («Ад», II, 101; «Рай», XXXII, 7—9).
- 96 *Как мне и просьба, и любовь велят.* — Просьба исходит от Беатриче. *Любовь* — может быть понято как любовь Беатриче или же как любовь самого Бернарда.
- 104 *Нерукотворный лик* — образ на куске ткани, в Риме, считавшийся подлинным отпечатком лица Христа.
- 117 *Царицу* — т. е. деву Марию.
- 122 *Часть каймы* — т. е. часть верхнего ряда амфитеатра.
- 125 *Дышло, Фазтону роковое* — т. е. дышло солнечной колесницы (см. прим. «Ад», XVII, 79—136).
- 128 *Орифламма* — алая боевая хоругвь французских королей. Здесь *мирной орифламмой* названа лучезарная часть верхнего ряда.
- 140 *Его палящий пыл* — т. е. предмет его обожания.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

- 4-6 *Ту рану...* — Смысл: «У ног Марии, во втором сверху ряду, сидит Ева (*прекрасная жена*), которая *нанесла* человечеству *рану* первородного греха (нарушив запрет) и *растравила* ее *ядом* (соблазнив Адама). Рана эта *сражена Марией*, родившей искупителя».
- 7-9 *Рахиль.* — Ниже Евы, т. е. в третьем сверху ряду, сидит Рахиль («Ад», II, 101; «Чистилище», XXVII, 104), а по правую руку от нее, в новозаветном полукружии (см. ст. 25—27 и прим.), — Беатриче.
- 10-12 *Вот Сарра...* — Ниже Рахили сидят ветхозаветные жены.
- 11 *Та, чей правнук* был царь Давид — т. е. библейская Руфь.
- 12 *«Miserere»* — покаянный псалом: «Помилуй [меня]».
- 19-20 *Согласно с тем...* — т. е. «сообразно с делением праведников на ветхозаветных, веривших в грядущего Христа, и новозаветных, веривших в пришедшего Христа».
- 22-23 *Там, где цветок созрел и распластал все листья* — т. е. в левом от Марии полукружии, где заняты все места.
- 26-28 *Там, где пустые врублены просторы...* — т. е. в правом от Марии полукружии, еще не сплошь заполненном («Рай», XXX, 132)
- 31 *Напротив Марии, по ту сторону арены, сидит Иоанн Креститель.*

- 33 *В недрах Ада* — т. е. в Лимбе (ср. «Ад», IV, 52—63).
- 34—36 Сидящие ниже Иоанна образуют с этой стороны амфитеатра такой же *раздел*, как еврейские жены — напротив.
- 40—41 *Ниже, чем проходит ряд, весь склон по высоте делящий ровно* — т. е. ниже среднего ряда амфитеатра.
- 68—69 *Два близнеца...*— библейские Исав и Яков. По библейской легенде, они еще в утробе матери бились за первородство, и бог, еще до их рождения, Якова возлюбил, а Исава возненавидел.
- 94 *Дух любви, низведший этот хор* — т. е. архангел Гавриил.
- 95 «*Ave, Maria, gratia plena!*» — «Радуйся, Мария, благодатная!»
- 107—108 *Того, чей лик...*— т. е. Бернарда.
- 119 *К Августе* — т. е. к деве Марии. Бернард, говоря об *империи небесной* и ее *патрициях* (ст. 117), дает Марии этот титул римской императрицы.
- 121—123 *Левей Марии*, первым в ветхозаветном полукружии, сидит Адам.
- 124—126 *Правее Марии*, первым в новозаветном полукружии, сидит апостол Петр.
- 127—130 *Тот, кто при жизни созерцал...*— т. е. апостол Иоанн, автор «Апокалипсиса».
- 130—132 *Рядом с первым*, т. е. с Адамом, сидит Моисей.
- 133 *Анна* — мать девы Марии.
- 136—138 *Против старшины домовладык*, т. е. против Адама, сидит Лючия (см. «Ад», II, 97—108; «Чистилище», IX, 49—63).
- 142 *К Пралюбви* — т. е. к богу.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

- 65—66 *Сибиллины слова.*— По рассказу Вергилия, кумейская сибилла писала свои пророчества на древесных *листьях* и раскладывала эти листья на полу в своей пещере. Когда вход отворялся, *ветер рассеивал* их, и нельзя было восстановить смысл *Сибиллиных слов* («Энеида», III, 441—452).
- 94—96 *Смысл:* «В ближайший же *миг*, последовавший за этим видением, оно в моей памяти забылось глубже, чем успел забыться в памяти людей *за двадцать пять веков* поход аргонавтов, когда *Нептун* с изумлением *увидал тень Арго*, первого корабля».
- 115—120 *Смысл:* «Я увидел тайну триединого божества в образе *трех* равновеликих *кругов, разных цветов*. *Один* из них (бог-сын) казался *отражением другого* (бога-отца), словно радуга (*Ирида*), рожденная радугой, а *третий* (бог-дух) казался *пламенем, рожденным* обоими этими кругами» (по католической догматике, святой дух исходит от отца и сына).
- 127—132 *Смысл:* «Во втором из кругов, казавшемся отражением первого (и символизирующем бога-сына), я различил очертания человеческого лица (*наши очертанья*)».
- 134 *Чтобы измерить круг* — т. е. чтобы решить задачу квадратуры круга.
- 145 *Светила* — см. прим. «Ад», XXXIV, 139.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
А Д	
ПЕСНЬ ПЕРВАЯ	9
<i>Лес.— Холм спасения.— Три зверя.— Вергилий</i>	
ПЕСНЬ ВТОРАЯ	14
<i>Сомнения Данте.— Совет Вергилия</i>	
ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ	18
<i>Врата Ада.— Ничтожные.— Ахерон.— Челн Харона</i>	
ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ	22
<i>Круг первый (Лимб).— Некрещеные младенцы и добродетельные нехристиане</i>	
ПЕСНЬ ПЯТАЯ	27
<i>Круг второй.— Минос.— Сладострастники.— Франческа да Римини</i>	
ПЕСНЬ ШЕСТАЯ	31
<i>Круг третий.— Цербер.— Тревогугодники.— Чакко</i>	
ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ	35
<i>Круг четвертый.— Плутос.— Скупцы и расточители.— Фортуна.— Круг пятый.— Стигийское болото.— Гневные</i>	
ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ	39
<i>Круг пятый (окончание).— Флегий.— Филиппо Ардженти.— Город Дит</i>	
ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ	43
<i>У ворот Дита.— Фурии.— Посол небес.— Круг шестой.— Еретики</i>	
ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ	47
<i>Круг шестой (продолжение).— Фарината дельи Уберти.— Кавальканте Кавальканти</i>	
ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ	51
<i>Круг шестой (окончание).— Гробница папы Анастасия.— Распределение грешников в Аду</i>	
ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ	55
<i>Круг седьмой.— Миногавр.— Первый пояс.— Флегетон.— Кентавры.— Насильники над ближним и над его достойным (тираны, убийцы, разбойники)</i>	

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ	59
<i>Круг седьмой.— Второй пояс.— Насильники над собою и над своим достоянием (самоубийцы и моты).— Пьер делла Винья.— Лано.— Джакомо да Сант-Андреа.— Флоренгиец-самоубийца</i>	
ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	64
<i>Круг седьмой.— Третий пояс.— Насильники над божеством (богохульники).— Капаней.— Критский Старец.— Адские реки</i>	
ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ	68
<i>Круг седьмой.— Третий пояс (продолжение).— Насильники над естеством (содомиты).— Брунетто Латини</i>	
ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ	72
<i>Круг седьмой.— Третий пояс (продолжение). Гвидо Гверра, Теггьяйо Альдобранди, Якопо Рустикуччи.— Водопад.— Появление Гериона</i>	
ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ	76
<i>Герион.— Круг седьмой.— Третий пояс (окончание).— Насильники над естеством и искусством (лихоимцы).— Спуск в восьмой круг</i>	
ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ	80
<i>Круг восьмой (Злые Щели).— Обманувшие недоверившихся.— Первый ров.— Сводники и оболъстители.— Венедико Каччанемико.— Ясон.— Второй ров.— Лъстецы.— Алессиво Ингерминелли.— Фаида</i>	
ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	84
<i>Третий ров.— Святокупцы.— Папа Николай III</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ	88
<i>Четвертый ров.— Прорицатели</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	92
<i>Пятый ров.— Мздоимцы.— Луккский старшина.— Бесы с баграми</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	96
<i>Пятый ров (продолжение).— Наваррец Чамполо.— Драка бесов</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	101
<i>Пятый ров (окончание).— Шестой ров.— Лицемеры.— Ката-лано и Лодеринго.— Каиафа</i>	

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	106
<i>Седьмой ров.— Воры.— Ванни Фуччи</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	111
<i>Седьмой ров (окончание).— Как.— Пять флорентийцев</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	116
<i>Восьмой ров.— Лукавые советчики.— Улисс и Диомед</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	120
<i>Восьмой ров (окончание).— Гвидо да Монтефельтро</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	124
<i>Десятый ров.— Зачинщики раздора.— Магомет.— Пьер да Медицина.— Курион.— Моска деи Ламберги.— Бертран де Борн</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	128
<i>Десятый ров (окончание).— Джери дель Белло.— Десятый ров.— Поддельщики металлов.— Гриффолоино.— Капоккьо</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ	132
<i>Десятый ров (окончание).— Поддельщики людей.— Джанни Скикки.— Мирра.— Поддельщики денег.— Мастер Адамо.— Поддельщики слов.— Синон</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ	137
<i>Колодец гигантов.— Неверод.— Эфиальт.— Ангей</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ	142
<i>Круг девятый.— Коцит.— Обманувшие доверившихся.— Первый пояс (Кайна).— Предатели родных.— Графы Мангона.— Камичон де'Пацци.— Второй пояс (Антенора).— Предатели родины и единомышленников.— Бокка дельи Абати.— Бузо да Дуэра.— Граф Уголино и архиепископ Руджеро</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	146
<i>Круг девятый.— Второй пояс (окончание).— Рассказ Уголино.— Третий пояс (Толомея).— Предатели друзей и сопратезников.— Йнок Альберизо.— Бранка д'Орья</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	151
<i>Круг девятый.— Четвертый пояс (Джудекка).— Предатели благодетелей.— Люцифер.— Три пасти Люцифера.— Предатели величества божеского и человеческого.— Иуда, Брут и Кассий.— Центр вселенной.— Восхождение к южному полушарию</i>	

ЧИСТИЛИЩЕ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ	157
<i>Вступление.— Звездное небо.— Катон</i>	
ПЕСНЬ ВТОРАЯ	162
<i>Новоприбывшие души умерших.— Каселла</i>	
ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ	166
<i>Умершие под церковным отлучением.— Манфред</i>	
ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ	171
<i>Первый уступ Предчистилища.— Нерадивые.— Белаква</i>	
ПЕСНЬ ПЯТАЯ	175
<i>Второй уступ Предчистилища.— Нерадивые, умершие насильственной смертью.— Якопо дель Кассеро.— Буонконте да Монтефельтро.— Пия деи Толомеи</i>	
ПЕСНЬ ШЕСТАЯ	179
<i>Второй уступ Предчистилища (окончание).— Сорделло.— Воззвание к Италии</i>	
ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ	184
<i>Долина земных властителей</i>	
ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ	188
<i>Долина земных властителей (продолжение).— Нино Висконти.— Змея.— Коррадо Маласпина</i>	
ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ	192
<i>Долина земных властителей (окончание).— Сон Данте.— Врата Чистилища</i>	
ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ	197
<i>Чистилище.— Круг первый.— Гордецы</i>	
ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ	201
<i>Круг первый (продолжение).— Омберто Альдобрандески.— Одеризи.— Провенцан Сальвани</i>	
ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ	205
<i>Круг первый (окончание).— Восхождение в круг второй</i>	
ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ	209
<i>Круг второй.— Завистники.— Сапия</i>	

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	214
<i>Круг второй (продолжение).— Гвидо дель Дука и Риньери да Кальболи</i>	
ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ	219
<i>Круг второй (окончание).— Круг третий.— Гневные</i>	
ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ	224
<i>Круг третий (продолжение).— Ломбардец Марко</i>	
ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ	229
<i>Круг третий (окончание).— Круг четвертый.— Унылые</i>	
ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ	233
<i>Круг четвертый (продолжение).— Аббат Сан-Дзено</i>	
ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	238
<i>Круг четвертый (окончание).— Сон Данте.— Круг пятый.— Скупцы и расточители.— Папа Адриан V</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ	243
<i>Круг пятый (продолжение).— Гуго Капет.— Землетрясение и хвалебная песнь</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	248
<i>Круг пятый (окончание).— Стаций</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	252
<i>Восхождение в круг шестой.— Круг шестой.— Чревоугодники</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	257
<i>Круг шестой (продолжение).— Форезе Донаги</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	261
<i>Круг шестой (окончание).— Бонаджунта</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	266
<i>Восхождение в круг седьмой.— Круг седьмой.— Сладострастники</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	270
<i>Круг седьмой (продолжение).— Гвидо Гвиницелли.— Арнальд Даньель</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	275
<i>Круг седьмой (окончание).— Сон Данте.— Восхождение к Земному Раю</i>	

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	280
<i>Земной Рай.— Мательда</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	285
<i>Земной Рай.— Мистическая процессия</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ	290
<i>Земной Рай.— Появление Беатриче</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ	295
<i>Земной Рай.— Лега</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ	300
<i>Земной Рай.— Древо познания</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	305
<i>Земной Рай.— Эвноя</i>	

РАЙ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ	313
<i>Вступление.— Вознесение сквозь сферу огня.— Всемирный закон любви</i>	
ПЕСНЬ ВТОРАЯ	318
<i>Первое небо — Луна.— Природа лунных пятен.— Движители небес</i>	
ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ	323
<i>Первое небо — Луна (продолжение).— Нарушители обета.— Пиккарда Донати.— Императрица Констанция</i>	
ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ	327
<i>Первое небо — Луна (продолжение). — Местопребывание блаженных душ.— Насилие и свободная воля</i>	
ПЕСНЬ ПЯТАЯ	332
<i>Первое небо — Луна (окончание).— Святость обетов.— Второе небо — Меркурий.— Честолюбивые деятели</i>	
ПЕСНЬ ШЕСТАЯ	336
<i>Второе небо — Меркурий (продолжение).— Юстиниан.— Ромео</i>	
ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ	340
<i>Второе небо — Меркурий (окончание).— Искупление перво-родного греха.— Бессмертие души и воскресение мертвых</i>	

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ	345
<i>Третье небо — Венера.— Любвеобильные.— Карл Мартелл</i>	
ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ	350
<i>Третье небо — Венера (окончание).— Куница да Романо.— Фолько.— Рава</i>	
ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ	354
<i>Четвертое небо — Солнце.— Мудрецы.— Первый хоровод.— Фома Аквинский</i>	
ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ	359
<i>Четвертое небо — Солнце (продолжение).— Первый хоровод.— Фома Аквинский о Франциске Ассизском.— Осуждение доминиканцев</i>	
ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ	363
<i>Четвертое небо — Солнце (продолжение).— Второй хоровод.— Бонавентура о Доминике.— Осуждение францисканцев</i>	
ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ	368
<i>Четвертое небо — Солнце (продолжение).— Фома Аквинский о мудрости Соломона, Адама и Христа</i>	
ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	373
<i>Четвертое небо — Солнце (окончание).— Соломон о лучезарности блаженных.— Третий хоровод.— Пятое небо — Марс.— Воители за веру</i>	
ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ	377
<i>Пятое небо — Марс (продолжение).— Каччагвида о старой и новой Флоренции и о предках Данте</i>	
ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ	382
<i>Пятое небо — Марс (продолжение).— Каччагвида о старых и новых флорентийских родах</i>	
ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ	387
<i>Пятое небо — Марс (продолжение).— Каччагвида о судьбе Данте</i>	
ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ	391
<i>Пятое небо — Марс (окончание).— Шестое небо — Юпитер.— Справедливые.— Имперский орел</i>	
ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	395
<i>Шестое небо — Юпитер (продолжение).— Имперский орел.— Непостижимость небесного правосудия</i>	

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ	400
<i>Шестое небо — Юпитер (окончание).— Орлиный глаз</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	405
<i>Седьмое небо — Сатурн.— Созерцатели.— Пьер Дамьяно.— Тайна предопределения.— Изнеженность прелатов</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	409
<i>Седьмое небо — Сатурн (окончание).— Бенедикт.— Вознесение и восьмое небо — созвездие Близнецов</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	414
<i>Восьмое, звездное небо.— Торжествующие</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	418
<i>Восьмое, звездное небо (продолжение).— Апостол Петр.— Испытание в вере</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	423
<i>Восьмое, звездное небо (продолжение).— Апостол Яков.— Испытание в надежде.— Апостол Иоанн</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	428
<i>Восьмое, звездное небо (продолжение).— Апостол Иоанн.— Испытание в любви.— Адам</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	432
<i>Восьмое, звездное небо (окончание).— Апостол Петр о римских папах.— Вознесение в девятое небо</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	437
<i>Девятое, кристальное небо, или Перводвигатель.— Ослепительная Точка и девять ангельских кругов</i>	
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	441
<i>Девятое, кристальное небо, или Перводвигатель (окончание).— Природа ангелов</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ	446
<i>Эмпирей.— Лучезарная река.— Райская роза</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ	451
<i>Эмпирей.— Райская роза (продолжение).— Бернард.— Беатриче на престоле.— Дева Мария</i>	
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ	455
<i>Эмпирей.— Райская роза (продолжение).— Распределение мест</i>	

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	460
<i>Эмпирей.— Райская роза (окончание).— Предательство Мари- рии.— Лицезрение божества.— Высшее озарение.</i>	

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>И. Н. Голенищев-Кутузов. «Божественная Комедия»</i>	467
Примечания.	
Ад (Составил <i>И. Н. Голенищев-Кутузов</i>)	496
Чистилище (Составил <i>М. Л. Лозинский</i>)	560
Рай (Составил <i>М. Л. Лозинский</i>)	587

Данте Алигьери
БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

*Утверждено к печати редколлегией
серии «Литературные памятники»*

Редактор издательства *О. К. Логинова*

Художник *С. А. Данилов*

Художественный редактор *Т. А. Прусакова*

Технический редактор *Л. И. Матюхина*

Корректор *Т. В. Гурьева*

Сдано в набор 24/VIII 1966 г. Подписано к печати 24/IV 1967 г.

Формат 70×90^{1/16}. Усл. печ. л. 45,9 + 24 вкл. = 47,81

Уч.-изд. л. 36,7. Тираж 50000 экз Тип. зак 278

Бумага печатная № 1

Цена 2 р. 55 к.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

Набор изготовлен во 2-й типографии издательства «Наука»

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Отпечатано в 1-й типографии издательства «Наука»

Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

